

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ,
изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1882.

II. Часть ученая.

Реретялковичъ, Г. П.

ПОВОЛЖЬЕ

ВЪ XVII и НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ КРАЯ).

ИССЛѢДОВАНІЕ

Г. Реретятковича.

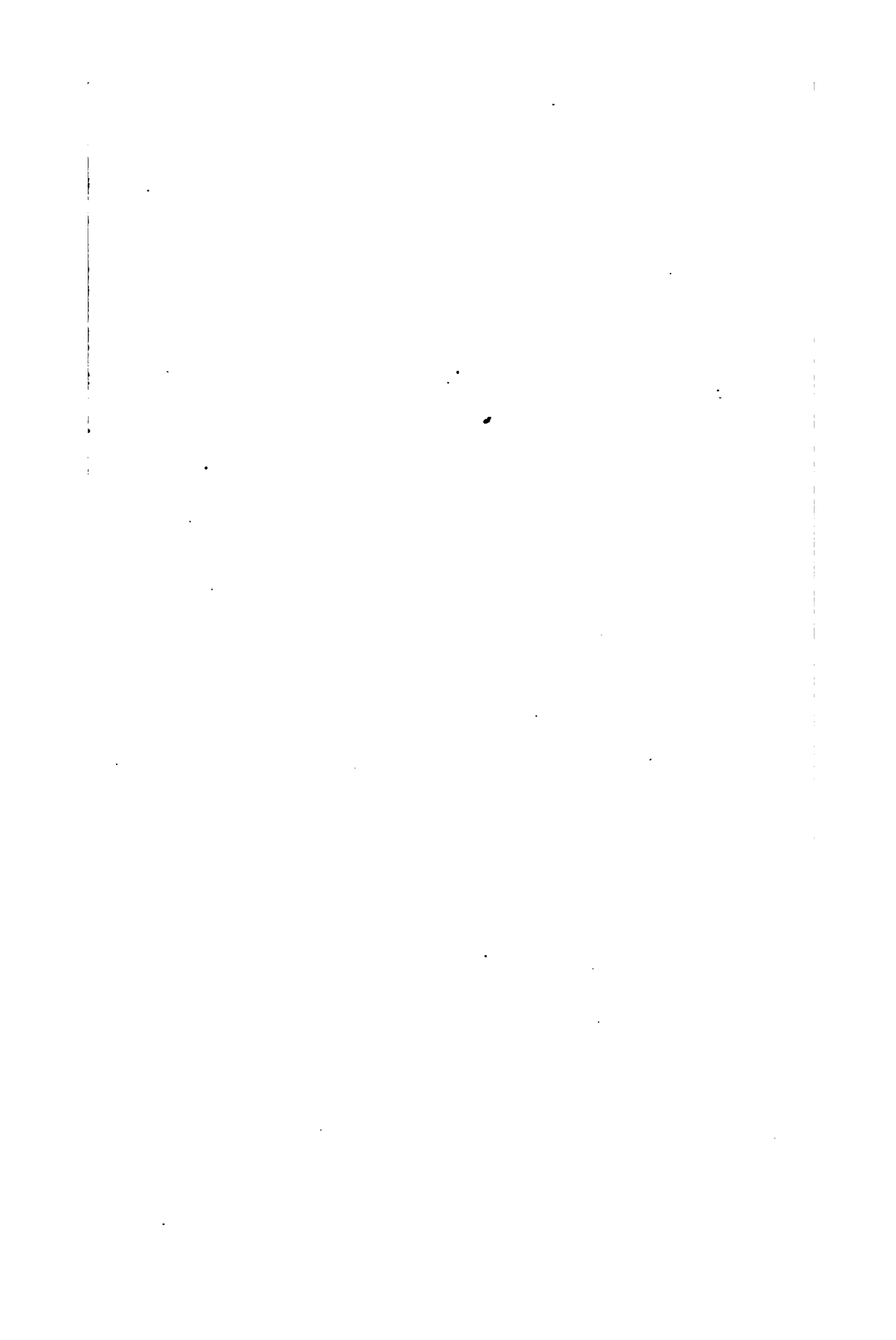
ПАМЯТИ
СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА
СОЛОВЬЕВА.

ОДЕССА

Тип. П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.

1882.

13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поставивъ себѣ цѣлью въ своемъ первомъ трудѣ¹⁾ прослѣдить исторію распространенія по Волгѣ русскаго господства и русской колонизаціи, я, вслѣдствіе сложности и трудности вопроса, вынужденъ былъ ограничиться въ немъ осуществленіемъ лишь первой задачи, коснувшись, при скудности историческихъ данныхъ, лишь слегка колонизаціи края. Настоящее изслѣдованіе, составляя продолженіе предыдущаго, имѣетъ своимъ предметомъ главнымъ образомъ колонизацію края въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ (до 1708 г. — времени перваго раздѣленія на губерніи), какъ важнѣйшаго явленія въ исторіи низоваго Поволжья за этотъ періодъ времени. Быть можетъ, факты, говорящіе о смѣлости русскаго чело-вѣка при заселеніи пустынной страны, подвергавшейся безпрестаннымъ нападеніямъ кочевниковъ, о способности его найтись при новыхъ и незнакомыхъ ему условіяхъ жизни, наконецъ о неуклонномъ преслѣдованіи имъ своихъ хозяйственныхъ интересовъ

¹⁾ «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ». Очерки изъ исторіи и колонизаціи края 1877 г.

въ сосѣдствѣ со степью и ея хищными обитателями,— побудятъ нѣкоторыхъ видоизмѣнить свой взглядъ на культурныя способности славянъ вообще и русскаго народа въ частности.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ выразить свою благодарность гг. рецензентамъ, удостоившимъ мой прошлый трудъ своимъ вниманіемъ¹⁾. На этотъ разъ, во избѣжаніе недоразумѣній, полагаю нужнымъ сдѣлать небольшую оговорку. Какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ изслѣдованіи я старался по возможности дѣлать свои выводы изъ цѣлой группы фактовъ, которые лишь встрѣчались мнѣ въ источникахъ и остерегался дѣлать обобщенія на основаніи единичныхъ явленій.

Такъ какъ главнымъ матеріаломъ для предлагаемаго нынѣ изслѣдованія послужили рукописные документы, хранящіеся въ архивѣ министерства юстиціи, то не могу не выразить своей признательности начальнику архива, Н. В. Калачову, за разрѣшеніе мнѣ работать въ архивѣ даже и не въ обычное для занятій время. Точно также считаю для себя пріятнымъ долгомъ благодарить начальника II-го и III-го отдѣленій вышеупомянутаго архива — В. И. Холмогорова, который обязательно помогъ мнѣ разобратъ въ матеріалахъ, хранящихся въ этихъ отдѣленіяхъ.

Въ приложеніи къ изслѣдованію сообщаются дословныя выдержки изъ описей второй половины XVII

¹⁾ Мнѣ извѣстны отзывы: Отечеств. Запис. июль мѣсяцъ 1877 годъ; Кіевск. Унив. извѣст. 1877 г.; Историч. библиот. январь мѣсяцъ 1878 годъ; *Revue Historique* (первая кн. 1878 г.).

III

вка, содержащая въ себѣ довольно цѣнныя свѣдѣнія о средней зажиточности крестьянъ того времени въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ имѣніяхъ Поволжья.

Кромѣ того, для облегченія читателя, къ сочиненію приложена карта Поволжья съ нанесенными на нее болѣе важными поселеніями, упоминаемыми въ текстѣ.

Поволжье въ XVII и началѣ XVIII-го в. в.

(Очерки изъ исторіи колонизаціи Низовья).

Доцента Е. Н. Перетяковича.

ГЛАВА I-я.

Природныя условія Свияжскаго уѣзда во второй половинѣ XVI вѣка и иселеніе его. Колонизаціонная дѣятельность Троицкаго и Богородицкаго монастырей въ Свияжскомъ уѣздѣ. Тетюшскій уѣздъ въ концѣ XVI столѣтія. Состояніе нѣкоторыхъ поволжскихъ уѣздовъ во время междоцарствія и колонизація въ это время. Правительственная дѣятельность въ Поволжьи послѣ междоцарствія и колонизація правой стороны низоваго Поволжья послѣ этого времени. Вотчины и помѣстья въ Свияжскомъ уѣздѣ около XVII вѣка. Колонизація Тетюшскаго уѣзда послѣ междоцарствія и его положеніе. Постройка Сибирской черты и заселеніе ея.

Въ Казанскомъ царствѣ, послѣ его завоеванія и утвержденія въ немъ русской власти, началась хозяйственная дѣятельность Московскаго правительства. Сказалась эта дѣятельность въ формѣ, которая въ то время была обычна на Руси: произведена была опись городамъ, слободамъ, пахотнымъ землямъ и угодьямъ; присоединены были также сюда пустоши—земли, бывшія нѣкогда населенными, которыя, по тогдашнему выраженію, «припущены были» къ извѣстному селу или деревнѣ. Но правительственная дѣятельность въ краѣ не могла ограничиться одною этою стороною, такъ какъ русскому правительству необходимо было озаботиться, чтобы страна, пріобрѣтенная русскою кровію, стала прочнымъ достояніемъ Россіи, а это могло произойти лишь съ водвореніемъ здѣсь русской

культуры. Подобное дѣло не возможно было осуществить правительству только своими силами, — для этого ему нужно было содѣйствіе всего русскаго общества, что мы и встрѣчаемъ здѣсь на самомъ дѣлѣ.

Одинъ изъ образованныхъ и наблюдательныхъ иностранцевъ нынѣшняго столѣтія, хорошо ознакомившійся во время своего путешествія съ нашимъ отечествомъ и народомъ, говорить о русскомъ крестьянинѣ между прочимъ слѣдующее: «онъ (крестьянинъ) съ котомкою легко рѣшается на переселеніе и свободно направляется для колонизаціи въ отдаленнѣйшія страны...., если только при этомъ находится съ нимъ его семья и сосѣди.¹⁾ И, дѣйствительно, хотя во второй половинѣ XVI столѣтія, при выселеніи русскихъ людей во вновь присоединенный край, могли имѣть, и несомнѣнно имѣли, свою долю участія въ отдѣльныхъ случаяхъ недостатки тогдашней общественной жизни и тяжесть экономическихъ условій, о чемъ говорятъ отечественныя и иностранныя извѣстія того времени (лѣтописи и Флетчеръ): все же роль главнаго дѣятеля въ этихъ переселеніяхъ слѣдуетъ признать за тѣмъ факторомъ, который лежитъ глубоко внутри человѣка, имѣетъ характеръ органическій и можетъ проявляться при всякихъ условіяхъ. Какъ бы то ни было, но, вслѣдствіе взаимодѣйствія всѣхъ этихъ дѣятелей, въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ появляется значительное количество русскихъ людей, которые приходятъ сюда большею частію въ видѣ небольшихъ общинъ и съ соизволенія правительственныхъ лицъ занимаютъ здѣсь на льготѣ свободныя земли. Нѣкоторыя указанія на то, что именно такимъ образомъ совершилось первоначальное заселеніе края русскими крестьянами, мы находимъ въ официальныхъ актахъ того времени: уже въ первыхъ писцовыхъ книгахъ, въ которыхъ описываются земли бывшаго Казанскаго царства, встрѣчается большое количество починковъ и деревень, о коихъ

¹⁾ Haxthausen «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» III, 138 p.

говорится, что данное поселеніе «было за крестьяны на оброкъ»¹⁾. Кроме того, въ концѣ XVI столѣтія (1599 г.), при описаніи новаго дворцоваго села Федоровскаго, около Тетюшъ, выѣстъ съ пятью крестьянскими дворами, которые вышли изъ льготы, описаны 12 другихъ дворовъ, изъ коихъ шестеро обозначены сѣвшими въ этомъ селѣ на тягло 6-го декабря 1598 года, а другіе шесть 6-го апрѣля 1599 года²⁾. Наконецъ, это могутъ подтвердить факты подобнаго же рода, совершающіеся на нашихъ глазахъ. Мѣстные жители сообщаютъ изъ Воронежской губерніи, что переселенія крестьянъ отсюда происходятъ цѣлыми общинами. По даннымъ мѣстной казенной палаты, въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ переселилось главнымъ образомъ изъ южной части Воронежской губерніи, преимущественно въ Оренбургскую губернію, около 6500 ревизскихъ душъ³⁾. Вслѣдствіе этого можно предположить, что переселенцы еще до своего поселенія на новомъ мѣстѣ составляли небольшую общину людей, соединенныхъ между собой нѣкоторыми интересами. Льготы, даваемыя поселенцамъ на первые годы здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, состояли обыкновенно въ освобожденіи насельниковъ отъ всякихъ платежей и другихъ тягостей на нѣсколько лѣтъ⁴⁾, чтобы они могли обзавестись домою, устроиться хозяйствомъ и устранить тѣ природныя препятствія для земледѣлія, которыя здѣсь встрѣчались въ лѣсахъ и болотахъ. Хотя по извѣстіямъ XVI столѣтія и по начальнымъ описямъ можно сказать, что нѣкоторые инородцы (Чуваши и Мордва), входившіе въ составъ Казанскаго царства, занимались земледѣліемъ; но занятіе это мало вліяло на свойства здѣшней страны: множество непроходимыхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ и отчасти вслѣдствіе этого изобиліе воды,

¹⁾ Арх. Мин. Юст. писцов. кн. Свияжскаго у. за № 448, лл. 141, 145 147, 195 и др.

²⁾ Арх. Мин. Юст. писцов. кн. за № 153. лл. 1465—1467.

³⁾ «Голосъ» 1880 г. № 343.

⁴⁾ Въ XVI ст. въ Свияжскомъ и Казанскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчается 10-ти и 15-ти лѣтній срокъ.

которая въ видѣ ключей, ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ протекала во всевозможныхъ направленіяхъ, значительныя болотныя пространства, нерѣдко встрѣчавшіяся не только на луговой сторонѣ Волги, въ Казанскомъ уѣздѣ, но и въ нагорной сторонѣ, въ Свияжскомъ уѣздѣ, доказываютъ это самымъ нагляднымъ образомъ. Вслѣдствіе подобныхъ свойствъ страны промыслы бортный и звѣроловный были болѣе удобны здѣсь и пользовались болѣею симпатіею инородцевъ, чѣмъ хлѣбопашество. И русское населеніе, пришедшее въ этотъ край изъ разныхъ мѣстностей Россіи, встрѣчало достаточно препятствій земледѣльческому занятію, устранить которыя можно было лишь въ продолженіе извѣстнаго времени.

По истеченіи же срока льготы община облагалась со стороны правительства, или пахотою, или же оброкомъ, величина которыхъ обуславливалась пространствомъ крестьянской пашни, положенной въ опредѣленную единицу поземельной мѣры, именуемой вытью; величина выти въ Казанскомъ и Свияжскомъ уѣздахъ въ продолженіи XVI столѣтія равнялась 10 четямъ въ каждомъ изъ трехъ полей, или же 15 десятинамъ. Что касается тягостей, которыя лежали на крестьянахъ по истеченіи льготнаго срока, то онѣ не только были не однѣ и тѣ же на земляхъ дворцовыхъ и частныхъ, но на тѣхъ и на другихъ онѣ въ свою очередь варьировались; быть можетъ, эта разность иногда обуславливалась различіемъ въ свойствахъ самой земли, которую крестьяне обрабатывали и съ которой они въ свою очередь получали большія или меньшія выгоды¹⁾.

¹⁾ Такъ на дворцовыхъ земляхъ Свияжскаго уѣзда крестьяне «пахали на государя живущихъ вытей десятины, по десятины ржи и по десятины яри». «Починокъ Гремячей... а прежде былъ онъ на оброкъ за крестьяны... 3 двора крестьянскихъ, пашни добрыя земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣна межъ рѣки Свияги и городища, что прежде того косили на государя 25 копень, а оброку прежде давали полтора рубля въ Свияж. городѣ». Слѣдовательно здѣсь съ выти платили полтора рубля. «Починокъ Жуковъ, у р. у Волги, на берегу, а прежде тотъ починнокъ былъ за крестьяны на оброкъ, а въ починкѣ 2 двора, пашни добрыя земли 6 чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ; сѣна въ лугу межъ Свияги и городища 25 копень

Изъ свободныхъ земель въ Свияжскомъ уѣздѣ прежде всего могли привлечь къ себѣ переселенцевъ такъ называемыя пустоши, ибо здѣсь уже прежде находились поселенія и слѣдовательно предшествовавшимъ трудомъ на нихъ могли быть устранены нѣкоторыя препятствія для обработки земли. Дѣйствительно, съ болѣе значительными русскими поселеніями въ Свияжскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемся на пустошахъ, и подобныя поселенія, хотя они состоятъ изъ русскихъ людей, носятъ болѣею частью названія не русскія—Маркваша, Бурнашово, Тенки и др. Особенность такого рода поселеній состоитъ еще въ томъ, что здѣсь при поселкѣ, кромѣ пахотной земли, иногда очень незначительной, обыкновенно встрѣчаемся съ довольно большими пространствами перелоговъ и зарослей, что естественно въ заброшенной пахотѣ, не подвергавшейся въ продолженіе извѣстнаго времени обработкѣ¹⁾. Но если здѣшнія пустоши нѣкоторыми своими особенностями могли привлекать къ себѣ русскихъ насельниковъ, то, съ другой стороны, въ нихъ должно было встрѣчаться и такое свойство, которое могло заставить поселенца остановить свое вниманіе на землѣ, хотя и покрытой вѣковымъ лѣсомъ, но обѣщающей болѣе выгоды, чѣмъ сосѣдняя пустошь, нерѣдко истощенная въ своихъ производительныхъ силахъ прежними своими хозяевами—инородцами и вслѣдствіе этого покинутая ими. На существованіе

что прѣжъ сего носили на государя, а оброку съ того почина въ государеву казну на годъ по рублю, да пошлыны 10 денегъ». «Деревня Ларина, Былая Волошка . . . а прѣжде та деревня была оброчная, 15 дворовъ крестьянскихъ, пашни добрыя земли 96 чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣна у рѣки у Волги 500 копенъ. А оброку съ тое деревни крестьяне въ государеву казну давали съ году на годъ по три рубля, да пошлынныя съ рубли по 10 денегъ». Въ томъ же уѣздѣ на земляхъ Троицкаго и Богородскаго Свияжскихъ монастырей крестьяне по той же книгѣ послѣ льготныхъ лѣтъ должны «пахати монастырскіе десятины съ выти по десятины». Оброкъ же крестьяне должны были платить Богородицкому Свияжскому монастырю съ 14 вытей слѣдующій: съ трехъ вытей по рублю, а съ 11 вытей по 25 алтынъ съ выти». Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. Свияжскаго уѣзда № 848 л. л. 129, 141—142, 147, 205, 214, 243, 245.

¹⁾ Тамъ же л. л. 138, 156, 184, 238, 245, 247.

такихъ пустошей въ Свіязскомъ уѣздѣ указываетъ то обстоятельство, что инныя изъ нихъ оставались въ некоторое время не обработанными, не смотря на то, что приписаны были къ довольно значительнымъ селамъ и монастырямъ, находясь по сосѣдству съ ними¹⁾. Что же касается того, гдѣ и при какихъ условіяхъ селились русскіе переселенцы, то на основаніи писцовой книги 1567 года можно указать на слѣдующее. Какъ уже замѣчено было, почва Свіязскаго уѣзда болѣею частию была покрыта вѣковыми лѣсами, среди которыхъ текли въ изобиліи рѣки разной величины; поэтому поляны, встрѣчавшіяся у значительныхъ рѣкъ, особенно на возвышеніи — на горѣ, «на гривѣ, на вѣгѣ», — преимущественно останавливали на себѣ вниманіе русскаго земледѣльца. Но такихъ мѣстъ здѣсь не могло быть много, вслѣдствіе этого и поселенія «на дикомъ полѣ» встрѣчаются сравнительно не часто. Напротивъ того починки, деревни и займища въ лѣсу составляютъ обычное явленіе въ это время въ Свіязскомъ уѣздѣ. Понятно само собою, что мѣста и земли, находившіяся въ недалекомъ разстояніи отъ такихъ административныхъ и торговыхъ пунктовъ, какъ Свіязскъ, въ нагорной сторонѣ и Казань, на луговой, должны были быть выгодны не для однихъ лишь служилыхъ людей, но и для другихъ поселенцевъ. Поэтому естественно, что значительныя природныя препятствія для заселенія и пахоты прежде всего устраняются въ такихъ мѣстахъ.

Какъ на особенно часто повторяющійся фактъ въ начальныхъ поселеніяхъ русскихъ людей въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ, слѣдуетъ указать на то, что здѣсь первые земледѣльцы, отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе той трудности, съ которою здѣсь сопряжено было умноженіе пахоты, стремятся съ самаго начала захватить побольше обширныхъ и въ то время еще совершенно свободныхъ лѣсныхъ угодій, которыя при этомъ измѣряются не десятинами, а верстами. Иногда, особенно въ недавно начавшемся поселеніи, подобнаго измѣ-

¹⁾ Тамъ же л. л. 143, 186, 243.

ренія и отдѣленія не произведено, а говорится, что «лѣсъ не въ роздѣлѣ съ Татарами и съ Чувашею», и нерѣдко подобный лѣсъ означенъ находящимся «около поля»¹⁾. Въ монастырскихъ поселеніяхъ этого времени также встрѣчаемся съ одною особенностью, которая сохраняется и въ послѣдующихъ монастырскихъ описяхъ Свіяжскаго уѣзда. Здѣсь нерѣдко при описаніи поселка — починка или деревни — послѣ пахоты и сѣнокоса указывается на количество десятинъ «пашеннаго лѣса» и отдѣльно отъ него «непашеннаго лѣса»; при этомъ иногда незначительность пахоты и величина пространства «пашеннаго лѣса» указываютъ намъ на недавно основавшееся поселеніе, отъ котораго ожидаютъ въ будущемъ быстрого роста, вслѣдствіе чего по желанію, вѣроятно, самой общины ей заранѣе отводятъ значительное пространство лѣса на пахоту²⁾. Подъ пахоту занималась земля хорошая, плодородная, что было естественно въ странѣ, мало тронутой земледѣліемъ, гдѣ было много свободныхъ земель. Земля обозначается въ писцовыхъ и въ переписныхъ книгахъ не только въ данное время, но и позднѣе, слѣдующимъ образомъ: «пашни пахання добрыя земли» столько-то. Лишь одинъ разъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, при описаніи земель Троицкаго Свіяжскаго монастыря, въ сельцѣ Городищѣ и его починкѣ Притыкинѣ означено просто: «пашенной земли», безъ обычнаго эпитета «добрый»; при сельцѣ Го-

¹⁾ Тамъ же л. л. 132, 147, 155, 195, 237, 247 и др.

²⁾ «Троицкаго монастыря, что въ городѣ Свіяжскѣ, починокъ Ключевъ на рѣкѣ на Олгелірѣ, а въ немъ крестьянъ три двора; пашни добрыя земли три чети, да переложной пашни 17 чети въ каждомъ полѣ, лѣсу около поля пашеннаго сорокъ десятинъ, да непашеннаго 50 десятинъ; живутъ на льготѣ. Богородицкаго Свіяжскаго монастыря: дер. Малое Утакowo на рѣкѣ Свіягѣ, а въ деревнѣ крестьянъ два двора да 3 двора пусты, пашни добрыя земли одна четъ въ каждомъ полѣ, лѣсу около поля пашеннаго 20 десятинъ и непашеннаго 30 десятинъ; деревня Юртовка на рѣкѣ на Сухой 3 двора крестьянъ, пашни добрыя земли 6 чети, лѣсу пашеннаго 30 десятинъ, да непашеннаго 45 десятинъ. Деревня Новое, а поставлена ново на Черномъ лѣсу, а въ дер. крестьянъ 9 двор., сидятъ на льготѣ, пашни добрыя земли пять чети въ каждомъ полѣ, лѣсу пашеннаго 60 десятинъ, и др. деревни и починокъ. Тамъ же л. л. 237, 238, 240, 241, 244, 246.

родищѣ означены такимъ образомъ 25 четей въ каждомъ изъ трехъ полей, а въ починкѣ Притыкинѣ 2 чети. Съ перваго раза это можетъ показаться простымъ пропускомъ, особенно если имѣть въ виду теорію Рикардо, по которой пришлое населеніе, при своемъ заселеніи пустыхъ странъ, прежде всего занимаетъ хорошія земли. Но при сопоставленіи описанія шестидесятихъ годовъ съ послѣдующими описаніями этихъ мѣстъ окажется, что здѣшняя земля, сравнительно съ другими, по своимъ свойствамъ и не могла быть названа «доброю землею», ибо, по изображенію позднѣйшей описи, «къ сельцу подошли болота большія отъ Свіязскія дороги въ длину на версту, а поперекъ на полъ-версты»; о самой же пахотной землѣ говорится: «ко всему сельцу паханные худыя земли и съ крестьянскою пашнею 25 четей». У починка Притыкина, который въ концѣ XVI столѣтія сталъ деревнею Куземкиной¹⁾ значитъ: «въ пашнѣ болотце», а въ XVII столѣтіи уже прямо говорится: «деревня Кузьминина, что былъ починокъ Притыкинъ на болотѣ».

Вслѣдствіе огромныхъ лѣсовъ, а иногда и болотъ, покрывавшихъ собою большую часть Свіязскаго уѣзда, а также отъ того, что русскіе насельники являлись съ очень незначительнымъ имуществомъ для заведенія своего хозяйства, правительство же и монастыри, кромѣ свободы отъ тягостей на первые годы, были не особенно щедры на помощь имъ, они на первыхъ порахъ не были въ состояніи обработать значительное количество пахоты. Впрочемъ иногда незначительность пахоты

¹⁾ Названіе починокъ Притыкинъ получилъ, вѣроятно, отъ одного изъ трехъ крестьянъ, жившихъ въ немъ съ самаго начала отдѣльными дворами: во второмъ дворѣ въ немъ значится Куземка Степановъ. Въ концѣ XVI ст. въ деревнѣ Куземкинѣ 4 двора крестьянскихъ, «пашни паханные худыя земли 3 десятины, а четвертные пашни 6 четвертей, лѣсу пашеннаго 48 десятинъ, да у деревни Куземкины въ пашнѣ болотцѣ, въ длину и поперекъ того болотца съ полдесятины; а изъ болотца течетъ ручей возлѣ деревни подъ оврагъ въ большое болото». Тамъ же л. л. 243, 244. Арх. Мин. Юст. 1-го Отд. Каз. уѣзд. грам. № 6431 л. 12; писцов. кн. № 1127 л. 981.

здѣсь могла обуславливаться еще малолюдствомъ общины, которую нѣрѣдко открывалось поселеніе починка или деревни. Во всякомъ случаѣ малость пахотной земли въ новыхъ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда есть явленіе часто встрѣчающееся. Эта особенность выступаетъ тѣмъ рѣзче, что другія угодья—сѣнокосъ и лѣсъ—съ перваго раза отводятся въ очень значительныхъ размѣрахъ, иногда даже въ огромныхъ¹⁾. Явленіе это обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что такіа угодья, какъ сѣнокосъ, требовали сравнительно съ земледѣліемъ употребленія со стороны поселенца лишь незначительнаго труда при изобиліи здѣсь многоводныхъ рѣкъ съ богатыми лугами, между тѣмъ какъ пахота, если только это не была пустошь, требовала предварительнаго очищенія почвы отъ лѣса, или же иссушенія болота, для чего необходимы были извѣстныя средства, значительный трудъ и нѣкоторое время. Что же касается пользованія въ начальное время русскими поселенцами стремительною теченіемъ воды въ рѣкахъ, у которыхъ они селились, для устройства мельницъ, то извѣстія объ этомъ встрѣчаются въ шестидесятымъ годахъ XVI ст. чрезвычайно рѣдко. Такъ, напримѣръ, у двухъ монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, изъ коихъ у каждаго во владѣніи было по селцу и по нѣскольку деревень и починковъ, находилось по одной только мельницѣ, но по размѣрамъ своимъ онѣ были довольно значительны²⁾, и одна изъ нихъ сдана была на оброкъ за

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ помѣстной деревнѣ: «что прежде была на оброкѣ за крестьяны», Красная Горка Звѣздинъ на р. Свіягѣ, при 6 дворахъ крестьянскихъ и 12 четяхъ пашни доброй земли въ каждомъ изъ трехъ полей. сѣна было 1000 копенъ, лѣсу пашеннаго и испашеннаго въ длину и по перекъ на 1 версту. «Въ селцѣ на Исаковѣ горѣ» (Богород. Свіяж. мон.) при 36 четяхъ пашни доброй земли въ каждомъ полѣ, сѣна по р. Свіягѣ 350 копенъ лѣсу паш. и непаш. «около поля» по смятѣ въ длину на версту, а поперекъ на полъ-версты; того жъ монастыря деревня Новое при 9 дворахъ крестьянскихъ и 5 четяхъ пашни добр. земли въ каждомъ полѣ 310 копенъ; деревня Агищева (Троиц. Свіяж. мон.) при 5 дв. крест. и 10 четяхъ пашни по рѣчкѣ и по горамъ 300 копенъ. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 848 л. л. 155, 237, 241, 243, 246.

²⁾ Называются онѣ «мельница большое колесо».

три рубля въ годъ. Быть можетъ, значительная стоимость подобныхъ построекъ въ связи съ нѣкоторымъ рискомъ (ибо край въ шестидесятихъ годахъ этого столѣтія не могъ еще считаться окончательно замиреннымъ и успокоеннымъ отъ непріязненныхъ движеній инородцевъ) были причиною этого факта.

Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ мы говорили уже, что Московское правительство, послѣ завоеванія Казанскаго царства, успѣшило роздачею земель служилымъ людямъ и православному духовенству закрѣпить край за Россією, связавши такимъ образомъ ихъ интересы съ господствомъ въ немъ русскаго правительства. При этомъ значительная часть земель, заселенныхъ уже явившимися изъ Россіи крестьянскими общинами, обложенными со стороны правительства оброкомъ, отдана была служилому сословію, обязанному службою въ городѣ Свияжскѣ и имѣвшему, по тогдашнимъ понятіямъ, право за свою службу на извѣстный доходъ. Теперь-же, въ виду нѣкоторыхъ явленій, съ которыми впоследствии мы встрѣтимся въ земельномъ хозяйствѣ здѣшняго края, укажемъ на то, какимъ образомъ въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія распредѣлено было владѣніе земель въ Свияжскомъ уѣздѣ, и въ частности, какъ распоряжались здѣсь монастыри, получившіе въ вотчину довольно значительныя пространства земли.

Кромѣ немногихъ крупныхъ и людныхъ поселеній, какъ Маркваша, Бусурманская слобода и другія, которыя раздѣлены были на части и отданы нѣсколькимъ служилымъ людямъ, остальные земли, населенныя русскими крестьянами, всецѣло розданы были въ помѣстье служилымъ людямъ, между которыми нерѣдко встрѣчаются русскія княжескія фамиліи²⁾, что

¹⁾ «Поволжье въ XV и XVI вѣк.», стр. 243—250.

²⁾ Такъ, въ средѣ служилыхъ людей, пожалованныхъ помѣстьями въ Свияжскомъ уѣздѣ, встрѣчаемъ князей: Андрея Ивановича Ростовскаго, Михаила Федоровича сына Бахтеярова-Ростовскаго, Дмитрія Ростовскаго, Никиту Ростовскаго, Бориса Семеновича Пожарскаго, братьевъ Никиту и Фе-

при небольшомъ количествѣ людей изъ помѣщенныхъ въ Сві-
яжскомъ уѣздѣ—всего 34 человека, невольно останавливаетъ
на себѣ вниманіе. Большая часть помѣстій Свіяжскаго уѣзда,
особенно починки, обладали незначительнымъ населеніемъ и
пахотомъ, слѣдовательно, они еще не успѣли пустить глубокихъ
корней въ приобрѣтенномъ краѣ. Это тѣмъ болѣе можно ска-
зать о нихъ, что населеніе здѣсь болѣею частію было все
пришлое, не связанное съ мѣстомъ, на которомъ оно жило, ни
воспоминаніями дѣтства, ни могилами своихъ отцовъ, вслѣд-
ствіе чего потребно было много умѣнья и осторожности, чтобъ
поселки эти укрѣпились и развились, т.-е. чтобъ ихъ населе-
ніе, пахота и другія угодья увеличивались.

Изъ православныхъ монастырей получили землю въ Сві-
яжскомъ уѣздѣ два монастыря: Троицкій Сергіевъ монастырь
и Богородицкій. Послѣдній—значительный монастырь въ Сві-
яжскѣ, основанный здѣсь вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго
царства; первымъ игуменомъ его былъ одинъ изъ членовъ
просвѣтительной миссіи, снаряженной царемъ Иваномъ Василь-
евичемъ Грознымъ для утвержденія въ краѣ христіанства, —
это былъ архимандритъ Германъ, впослѣдствіи архіепископъ
Казанскій. Троицкій монастырь получилъ земли въ разныхъ
мѣстахъ²⁾. Богородицкій монастырь также получилъ свои
земли не въ одномъ мѣстѣ; но его владѣнія, кажется, не такъ
были разбросаны, какъ земли Троицкаго монастыря: они ле-
жали недалеко отъ рѣки Свіаги, и лишь небольшая часть ихъ
находилась нѣсколько въ сторонѣ, подлѣ рѣки Волги.

Оба монастыря, кромѣ своего естественнаго средоточія
въ Свіяжскѣ, имѣли для завѣдыванія своими вотчинами еще

дѣла Дмитріевичей Яновыхъ, Ивана Васильевича Темкина, Романа Андреевича
Примикова, князя Сонцова; кромѣ того, были помѣстья за братьями Ше-
ными, изъ коихъ одного звали Михайломъ. Тамъ же л. л. 131, 135, 141, 145,
147, 159, 171, 184, 195.

²⁾ На р. р. Волга, Свіага, Бирля, Куримшия и Олгекиря.

по одному селу¹⁾); въ каждомъ изъ нихъ находилось по монастырскому двору и была монастырская пашня; ни въ одномъ селѣ не упоминается о крестьянскихъ дворахъ. Пахотной земли, какъ монастырской въ селцахъ, такъ и крестьянской въ деревняхъ было немного. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что «иные крестьяне въ деревняхъ живутъ на льготѣ и выти не учинены и доходъ съ крестьянъ не писанъ, что еще земли не распахали», а льгота должна была миновать у крестьянъ въ разное время. Что касается дѣятельности обоихъ монастырей, то Богородицкій монастырь могъ начать свою колонизацію нѣсколько раньше²⁾. Главный центръ его дѣятельности находился на мѣстѣ, подѣ бокомъ, поэтому и самая дѣятельность архимандрита Германа могла быть энергичнѣе и плодотворнѣе, не говори уже о возможности его авторитетнаго вліянія на мѣстѣ, какъ человека извѣстнаго лично царю, избравшему его для дѣятельности здѣсь вмѣстѣ съ епископомъ Гуріемъ и архимандритомъ Варсонофіемъ³⁾. Вслѣдствіе этого, хотя оба монастыря въ Свѣяжскомъ уѣздѣ и имѣли въ это время по одному главному хозяйственному центру, но у Богородицкаго монастыря рядомъ съ селцомъ стоятъ 2 слободки и 8 деревень съ 53 крестьянскими дворами и 27 дворами безпашенными (въ слободахъ); земли обработанной у него въ видѣ «пашни добрыя земли» 263 чети и 2460 копенъ сѣна. У Троицкаго же монастыря при селѣ находится лишь 2 деревни и 3 починка съ займищемъ, въ которомъ жило 30-ть дворовъ крестьянскихъ; пахотной земли въ видѣ «пашни добрыя земли» 109 четей, при

¹⁾ Селцомъ здѣсь именовалось такое поселеніе, въ которомъ не достало одного или же нѣсколькихъ элементовъ, необходимыхъ для того, чтобы быть селомъ. Такъ, въ настоящемъ случаѣ въ селѣ Богородицкаго монастыря—Исаковѣ была церковь, но не было двора священника и церковной земли; въ селѣ Троицкаго монастыря — Городищѣ былъ только монастырскій дворъ.

²⁾ Онъ основанъ былъ въ 1555 году, а Троицкій Свѣяжскій въ 1557 г.

³⁾ Чтен. общ. Ист. и Древ. 1880 г. кн. 1-ая «Изложеніе хода Миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію Казанскихъ и вородцевъ», А. М о ж а р о в с к а г о .

которыхъ 1900 копенъ сѣна; даже въ итогѣ пашеннаго лѣса, принадлежавшаго обоимъ монастырямъ, замѣтна таже разность: у Богородицкаго монастыря 315 десятинъ пашеннаго лѣса, у Троицкаго лишь 200 десятинъ.¹⁾

Но, взглянувши внимательнѣе на часть земель, которыми завладѣлъ строитель Троицкаго Свѣяскаго монастыря на Волгѣ, должны будемъ признать за нимъ значительную долю прозорливости и умѣнья въ выборѣ мѣста для монастырскихъ поселковъ. При впаденіи рѣки Казанки въ Волгу, вблизи отъ Казани, на бойкомъ мѣстѣ на Волгѣ, лежали два острова, недалеко другъ отъ друга. На одномъ изъ этихъ острововъ, на верхнемъ, еще при царяхъ Казанскихъ, въ извѣстное время происходила ежегодно ярмарка, вслѣдствіе чего этотъ островъ получилъ наименованіе Гостиннаго. Въ этомъ мѣстѣ правый нагорный берегъ Волги, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ длины и ширины, въ то время покрытъ былъ дремучимъ, почти сплошнымъ, лѣсомъ. На этомъ берегу, не смущаясь большимъ лѣсомъ, останавливаетъ свое вниманіе строитель и выпрашиваетъ монастырю пространство на двѣ версты въ длину и на полъ версты поперекъ. «А заняли, говорится въ писцовой книгѣ, то займище Троицкаго Сергіева монастыря, что въ Свѣяжскѣ городѣ, строитель съ братьею на Черномъ на дикомъ лѣсу, и строителю съ братьею на томъ займищѣ лѣсъ сѣчи и пашни распахивати и покосы росчисчати, а торгу имъ на томъ займищѣ у Волги ни котораго товару и вѣтнаго ничего не держати для Казанскихъ и Свѣяжскихъ торговыхъ людей и посадскихъ торговыхъ людей, ни которыхъ людей, ни Казани, ни Свѣяскаго города на то займище не называти». Вслѣдствіе этого дозволенія «на горнѣй сторонѣ, у рѣки у Волги на берегу противъ Казанскаго устья въ Черномъ диномъ лѣсу» является «займище новое, а на займищѣ *дворъ монастырской*, да пять шелашей, а живутъ въ нихъ монастырскіе дѣтеныши (работники), а пашни новыя роспаши въ три поля

¹⁾ Арх. Мин. Юст. писцов. кн. Свѣяжск. у. № 848 л. л. 243, 248.

шесть чети, да съчи три десятины, покосовъ по Морквашъ на 800 копенъ»¹⁾). Такимъ образомъ въ самомъ началѣ незначительнаго поселенія мы уже встрѣчаемъ особенность, которая указываетъ намъ какъ бы зародышъ въ немъ будущаго хозяйственнаго центра: рядомъ съ селцомъ Городищемъ, по видимому, главнымъ центромъ монастырской дѣятельности, мы видимъ здѣсь тоже «дворъ монастырскій», въ которомъ, вѣроятно, жилъ и распоряжался представитель Троицкаго Свяжскаго монастыря; замѣчаемъ также и начало монастырскаго хозяйства—пахоту на почвѣ, расчищенной отъ лѣса. Московское правительство, видя удобства этой мѣстности, стремится оговоркою заранѣе оградить свои интересы: оно обязываетъ монастырь не заводить здѣсь торговаго, чтобы не подрывать этихъ торговли сосѣднихъ правительственныхъ городовъ; не держать ничего съѣстнаго и не презывать людей, которые живутъ въ сосѣднихъ городахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на этомъ мѣстѣ закипѣла такая энергичная и широкая дѣятельность, что монастырь уже въ семидесятихъ годахъ XVI столѣтія сталъ ходатайствовать у правительства о предоставленіи ему здѣсь болѣе обширнаго поля для дѣятельности, вслѣдствіе чего въ 1575 году архимандриту Троицкаго Сергіева монастыря съ братьею былъ пожалованъ «дикой и черной лѣсъ на Услонѣ на четыре версты поперекъ, а вдоль отъ Малаго Маркваша по Долгое Владычное озеро, что у Жерновскихъ горъ впало въ Волгу устьемъ, на пашни расчищати лѣсъ, противъ того Чернаго лѣса по подгорью луга на сѣно и на животной дворъ»²⁾). И вотъ на мѣстѣ, на которомъ находилось лишь займище съ монастырскимъ дворомъ и шалашами для немногихъ работниковъ, появляется селцо Услонъ съ храмомъ во

¹⁾ Тамъ же л. л. 247 и 248. Опись сдѣлана 1567 года.

²⁾ Памятная книга Казан. губ. 1866—67 г. «Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Каз. губ.» 42 с. Въ рукоп. Арх. Мин. Юст. 1 отд. Казанск. у. за № 6431, 1594 года пространство это обозначено такъ: «лѣсу пашеннаго на 5 верстѣ въ длину, а поперекъ отъ р. Волги въ гору на 4 версты», л. 26.

ии Николая Чудотворца» строенія монастырскаго и при немъ священническій дворъ. Кромѣ прежняго монастырскаго двора, въ сельцѣ теперь находится «дворъ прикащиковъ»¹⁾, достаточное количество крестьянъ и бобылей, составляющихъ общину, которая, будучи поддерживаема монастыремъ, развиваетъ въ началѣ девятнадцатыхъ годовъ XVI столѣтія на пожалованной монастырю землѣ значительную дѣятельность: въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ крестьянская община сельца Услона отдѣляетъ отъ себя поселенцевъ и высылаетъ въ разныя стороны починокъ. Въ описи 1594 года относительно новыхъ монастырскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ говорится прямо: «Того же села (т.-е. Услона) починокъ новыи, а поставлены Услонской же землѣ послѣ писцовъ»²⁾. Первый выселокъ 1591 года направился изъ сельца на югъ, и крестьяне поселились здѣсь въ концѣ монастырскихъ владѣній, основавши починокъ Варсонофьевъ надъ Долгими Владычными озеромъ, что впало въ Волгу. Вторая колонія переселенцевъ вышла въ слѣдующемъ году (1592 г.) и направилась изъ сельца на западъ, гдѣ вблизи основала починокъ, «что сталъ на Печищахъ» (Печищи). Наконецъ, послѣдніе переселенцы покинули Услонъ въ 1593 году и направились какъ и прежде, къ югу; здѣсь они расположились подлѣ Варсонофьева поселка и основали «починокъ Куровской, что сталъ на Услоновскомъ же лѣсу». Въ 1594 году, во время описи, всѣ эти починокъ не успѣли еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно отдѣлиться отъ сельца Услона: въ нихъ, по словамъ

¹⁾ Обязанность прикащиковъ главнымъ образомъ состояла: въ надзорѣ за исправностью платежа оброчныхъ и отбыванія повинностей крестьянами, въ доставленіи монастырю денегъ, собранныхъ чрезъ старостъ и цѣловальниковъ, въ доставленіи монастырю свѣдѣній о состояніи вотчины о храненіи крестьянъ отъ обидъ стороннихъ лицъ, судъ надъ крестьянами въ ихъ ссорахъ и спорахъ. «О земел. влад. Россійск. митроп.» М. Горчакова 389—390 стр.

²⁾ «Послѣ писцовъ», означаетъ, что они поставлены послѣ описи 1567 г. Борисова и Книгина.

строителя, крестьяне «сѣно косятъ на Услонскихъ лугехъ, а лѣсъ въ починкахъ Услонской». По описи можно замѣтить, что состояніе cadaго починка обуславливается временемъ его возникновенія: такъ, Варсонофьевъ починокъ по своему населенію и по величинѣ пахоты былъ самый большой¹⁾; затѣмъ слѣдуетъ починокъ Печищи²⁾, и наконецъ Куровскій починокъ носить характеръ только что начавшагося поселенія: въ немъ лишь 2 двора крестьянскихъ, а «пашни паханные добрыя земли осьмина» въ каждомъ полѣ, при чемъ прибавлено: «а лѣсъ въ пашню къ починку сельца Услона по старымъ по межевнымъ книгамъ». Во всѣхъ починкахъ сельца Услона крестьяне получили одинъ срокъ льготы—на 15 лѣтъ со времени поселенія крестьянъ въ починки. Можно ожидать, что силы Услонской крестьянской общины отъ такой дѣятельности уменьшились и она сама ослабѣла; но по описи этого сказать нельзя: въ сельцѣ Услонѣ числится 29 дворовъ крестьянскихъ и 20 дворовъ бобыльскихъ; за крестьянами «пашни паханные добрыя земли 76 чети съ осьминою» въ каждомъ полѣ, а сѣна «межъ Гостинного острова и межъ горъ 3000 копенъ.» Крестьяне и бобыли состояли на оброкѣ; самый оброкъ, которымъ они обложены были со стороны монастыря, указываетъ отчасти на ихъ сравнительную зажиточность: крестьяне Услонскіе платили монастырю по 40 алтынъ съ выти³⁾, въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ они платили монастырю лишь по рублю съ выти, слѣдовательно болѣе, чѣмъ на 6 алтынъ; бобыли здѣсь обложены были также не малымъ оброкомъ—по 10 алтынъ со двора⁴⁾. Такимъ образомъ, судя по людности Услонской общины и по нѣкоторой ея зажиточности, надобно

¹⁾ Въ немъ находилось 17 дв. крестьянъ и 16 чети пашни добрыя земли въ каждомъ полѣ.

²⁾ Въ немъ было 6 дворовъ крестьянъ, 2 двора боб., пашни добрыя земли 6 чети въ каждомъ полѣ.

³⁾ Величина выти въ 1594 году была прежняя, т. е. по 10 четей въ каждомъ полѣ или 15 десятинъ.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грамот. № 6431 л. л. 24—27.

предположить, что здѣшнее населеніе пользовалось уже выгодами бойкой мѣстности, на которой поселилось. Даже и монастырь, стяжательный инстинктъ котораго въ этой мѣстности правительство старалось, какъ мы видѣли, сдерживать,—не могъ отказаться отъ того, чтобы не завести «на берегу на Волгѣ баню для проѣзжихъ людей, и какъ ходить на низъ и вверхъ проѣзжіе люди и они (монахи) ее въ тѣ поры топятъ. А банной берутъ съ человѣка по полуденьгѣ. И строитель Макарей и крестьяне сказали, что банныхъ денегъ собираютъ по 2 руб. на годъ»¹⁾. Вслѣдствіе этого можно сказать, что Услонская крестьянская община отдѣляла отъ себя починки, по всей вѣроятности, лишь вслѣдствіе сознанія возможности дѣлать это не только безъ ущерба для себя, но ради ожидаемыхъ отъ этого выгодъ для нея самой и для выселяемыхъ членовъ общины.

Кромѣ колонизаціоннаго центра, орудовавшаго на Услонскихъ горахъ, въ концѣ XVI столѣтія, крестьянскія общины и въ другихъ монастырскихъ поселеніяхъ съ успѣхомъ занимались пахотою и населеніе въ нихъ болѣею частію увеличивалось. Понятно, что съ увеличеніемъ пашни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должна была уменьшиться переложная земля и лѣсъ. Это можно замѣтить въ деревняхъ Троицкаго Свѣяскаго монастыря, если только сравнить состояніе ихъ въ шестидесятыхъ годахъ съ состояніемъ въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія. Самое наименованіе поселенія «починокъ» сдѣлывается названіемъ «деревня», а значительнѣйшая изъ старыхъ монастырскихъ деревень Килдеево, о которой говорится, что она «поставлена на Мордовской землѣ», стала сельцомъ съ церковью монастырскаго строенія, съ дворомъ священника и дворомъ монастырскимъ, въ которомъ живетъ дворникъ²⁾.

¹⁾ Тамъ же л. 33.

²⁾ Деревня Оедяева, что былъ починокъ Ключевъ (описаніе починка на 7-ой стр. выш. 2-ая) лежитъ недалеко отъ Килдеева, въ дер. 5 дв. кр. пашни паханныя добрыя земли 6 чети, перелогу 14 чети въ каждомъ полѣ, сѣна

Если мы теперь съ правой стороны р. р. Волги и Свіаги обратимся къ лѣвой сторонѣ послѣдней, гдѣ находится старое село Городище и другія поселенія Троицкаго Свіажскаго монастыря, то и здѣсь мы встрѣтимся съ колонизаціонною дѣятельностію русскаго поселенца. Пеприщемъ этой колонизаціи послужили свободныя и отчасти дѣвственныя земли по рѣкамъ Большой и Малой Бирлѣ, притокахъ р. Свіаги съ лѣвой стороны. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ на р. Бирлѣ находилась лишь одна деревня Агишево, которая съ одной стороны, количествомъ своего населенія и пахоты указываетъ на недавность своего появленія здѣсь, съ другой — своимъ названіемъ и довольно значительнымъ перелогомъ намекаетъ на то, что на этомъ мѣстѣ до появленія русскихъ существовало, вѣроятно, инородческое поселеніе, оставившее по себѣ слѣдъ въ названіи мѣстности. Кромѣ того, въ деревнѣ Агишевой есть особенность, какъ бы указывающая на то, что ея первые поселенцы были не русскіе люди: въ писцовой книгѣ прямо сказано: «а живутъ въ ней полоняники,» послѣ чего поименованы 5 дворовъ съ ихъ хозяевами, которые однакожъ названы не такимъ образомъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ русскихъ поселеніяхъ: именемъ и отчествомъ, или же прозвищемъ, а называются

подъ деревнею 30 коп.; лѣсу пашеннаго 40 десятинъ, да непашен. 5 десятинъ. Сопоставивъ съ прежнимъ описаніемъ, находимъ увеличеніе крестьянскихъ дворовъ и пахоты, уменьшеніе перелогу на столько, на сколько увеличилась пашня, и уменьшеніе непашен. лѣса; остальное осталось по прежнему. Деревня Килдеево (опись 1567 года) на р. Курымшкѣ, въ ней 19 дв. крест. (Иванко Грѣхъ, Иванко Хвостъ и другія, все русскія прозвища), пашни добрыя земли 67 чети, да перелогу 32 чети въ каждомъ полѣ; зарослей и дубровъ пашенныхъ къ тремъ полямъ 15 десят.; сѣна по р. Курымшкѣ 200 копенъ, лѣсу паш. и непаш. въ длину на 1 версту, а поперекъ на полъ-версты. Село Килдеево (94 году) кр. дв. 18, пашни добр. земли 83 чети, зарослей и дубровъ пашенныхъ къ 3 полямъ 15 десят., сѣна на рѣкѣ Курымшкѣ ставится 200 копенъ, лѣсу паш. и непаш. на 1 верс. длинъ и на полъ поперекъ. Слѣдовательно пахота увеличилась, перелога нѣтъ, однимъ крестьянскимъ дворомъ стало меньше, все остальное въ позднѣйшей описи осталось по старому, т. е. лѣсъ, сѣно и заросли. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 848 л. 245. 1 отд. Каз. у. грам. № 6431 л. 18—19.

однимъ лишь уменьшительнымъ именемъ, при чемъ въ средѣ ихъ встрѣчаются такія имена, какъ Якушъ и Уляко; и самая деревня въ девяностыхъ годахъ этого столѣтія именуется «деревня Агишова, а Уляково тожъ.» Въ концѣ XVI столѣтія на р. Бирлѣ, среди монастырскихъ поселеній встрѣчаемъ три деревни, вмѣсто прежней одной, и одинъ починокъ; двѣ деревни населены довольно порядочно, одна же, менѣе значительная изъ нихъ, своимъ названіемъ указываетъ намъ на то, общинѣ какого поселка она обязана своимъ происхожденіемъ: «деревня Улякова, что былъ починокъ Уляковъ»; среди угодій деревни — починка по прежнему встрѣчаемъ «лѣсу пашеннаго около поль по смѣтѣ 7 десятинъ съ половиною.» Относительно двухъ монастырскихъ поселеній на р. Бирлѣ сказано, что они «поставлены послѣ писцовъ» (т. е. послѣ описи 1567 года) «по государевой жалованной грамотѣ въ 83 году» (1575), слѣдовательно для нихъ была получена земля монастыремъ отъ правительства вновь¹⁾.

Обращаясь наконецъ къ селцу Городищу, которому въ началѣ колонизаціонной дѣятельности Троицкаго Свѣяжскаго монастыря могла принадлежать значительная доля вліянія, увидимъ, что въ данное время развитіе этого центра было очень слабое сравнительно съ другими поселеніями этого монастыря. Такъ, намъ извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія, вслѣдствіе дѣятельности селца Городища, на монастырской землѣ въ его сосѣдствѣ появляются два починка — Притыкинъ и Новый. Притыкинъ, какъ мы уже видѣли, къ концу столѣтія увеличился и сталъ деревнею Куземиною, а починокъ Новый, стоявшій у того же Криваго озера, у котораго находилось и селцо Городище, увеличился пахотою съ осьмухи въ каждомъ изъ трехъ полей до десятины въ трехъ поляхъ; но пахотная земля Новаго починка, отиѣченная прежде «доброю землею», къ концу XVI ст. «выпахалась»

¹⁾ Арх. Мин. Юст. 1 отд. Казан. уезд. грам. № 6431 л. 20—24.

и теперь стала «худой землею»; самый починок, имѣвшій прежде одинъ пустой крестьянскій дворъ, теперь не обладает имъ, — о немъ сказано просто: «а тотъ починокъ пашутъ наѣздомъ изъ сельца Городища». Кромѣ незначительнаго увеличенія пашни, въ сельцѣ Городищѣ значатся распаханными двѣ десятины перелога или пустоши Бѣлобородѣвской, которая была «припущена» къ нему. Такимъ образомъ монастырская пашня въ сельцѣ Городищѣ за 25 лѣтъ увеличилась почти лишь на одну распаханную пустошь въ двѣ десятины! Но и эта незначительная выгода является очень сомнительною, если мы примемъ во вниманіе достоинство пахотной земли, которая и прежде не богата была плодородіемъ, — она, какъ мы уже говорили, не была отмѣчена обычнымъ эпитетомъ «добрая земля», — за это же время она истощилась въ своей производительности, такъ что вся обозначена «худой землею»¹⁾. Но если успѣхи пахоты, вслѣдствіе неблагоприятныхъ природныхъ свойствъ почвы, — на которой основано было сельцо Городище, главнымъ образомъ — болотистости, были сомнительны, то изобиліемъ той же влаги въ этомъ мѣстѣ обуславливалась успѣшность другихъ хозяйственныхъ занятій этого сельца. Уже въ шестидесятыхъ годахъ построена была «противъ сельца Городища за рѣкою за Свіагою на свѣтломъ ручьѣ мельница Большое колесо; да къ той мельницѣ прибавлено луговъ, старыхъ покосовъ по обѣ стороны ручья и новыхъ росчистей 250 копенъ, да островъ за свѣтлымъ ручьемъ въ одну версту длины и

¹⁾ Опись 1567 года: «сельцо Городище на Кривомъ озеру на Долгомъ, близь р. Свіаги, а въ сельцѣ дворъ Монастырскій, пашни 25 чети, да перелогу четыре чети въ полѣ, а въ дву потону; сѣна по р. 320 коп., лѣсу пашенного около поля 100 десятинъ.» Въ 1594 г.: «сельцо Городище и т. д. а въ немъ дворъ монастырскій, дв. старецъ Троицкаго Сергіева монастыря; да съ ними же живутъ дѣтеныши (работники); дв. крестьянинъ Васья Привалиха, паханные худые земли ко всему сельцу и съ крестьянскою пашнею 25 чети, да новые роспашни, что было въ перелогѣ, пустошь Бѣлобородѣвская, пашни на тое пустоши 4 чети и припущена пустошь къ сельцу Городищу; сѣна по р. Свіагѣ 320 копенъ, лѣсу пашен. около поля 150 десятинъ.» Писц. кн. Свіаж. у. № 848 л. 243. 1-ое отд. грам. № 6431 л. 12.

полъ-версты поперекъ»; къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ это время это была единственная мельница во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго Свѣтскаго монастыря. Быть можетъ, особенность этой немаловажной выгоды въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, вслѣдствіе которыхъ и прежде (еще до прибытія русскихъ) здѣсь было довольно значительное поселеніе—Городище, —побудила монастырскаго строителя выбрать это мѣсто для основанія перваго центрального пункта тогдашнимъ монастырскими вотчинами. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія уже видимъ, что «къ той монастырской мельницѣ по обѣ стороны свѣтлаго ручья луговъ, сѣнныхъ старыхъ и новыхъ покосовъ рощистей 20 десятинъ съ полудесятиною, а сѣна ставится 412 копенъ... да къ той же мельницѣ приписанъ островъ въ длину на 1 версту, а поперекъ на полъ-версты, а на томъ острову сѣнныхъ покосовъ 9 десятинъ, а сѣна ставится 180 копенъ, да некоси¹⁾ и зарослей сѣнныхъ покосовъ 7 десятинъ, а сѣна на тѣхъ зарослехъ ставилось 140 копенъ²⁾). Слѣдовательно усиленная эксплуатація луговъ и сѣнныхъ покосовъ на острову, на которомъ прежде сѣно оставалось безъ употребленія, является послѣдствіемъ осѣдлости русскаго человѣка на этой малоблагопріятной для земледѣлія мѣстности. Сопоставивши теперь въ результатъ итогъ монастырской дѣятельности за 27 лѣтъ съ послѣдствіемъ его прежней дѣятельности, мы замѣтимъ, что формально «прибыло 2 сельца, да 3 деревни, да починокъ, да пустошь, что припущена въ пашню... прибыло паханные добрые и худые земли 209 чети, да перелогу добрые земли 39 чети, сѣна 2942 копны, лѣсу пашеннаго прибыло 63 десятины, да 100 дворовъ крестьянскихъ и 27 бобыльскихъ»³⁾).

Но самая необходимость селиться на малоплодородныхъ земляхъ и обрабатывать ихъ, хотя бы со льготою и при мона-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ поясняется иногда прибавкою «некоси осока».

²⁾ Писц. кн. Свѣтж. у. № 848 л. 246; 1 отд. Каз. у. грам. № 6431 л. 15.

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-е отд. Казан. у. грам. № 6431 л. л. 31—32.

стырской поддержкѣ, должна была побуждать населеніе, какъ пришлое русское, такъ отчасти и туземное инородческое, двигаться далѣе и тамъ себѣ искать лучшихъ земель съ богатыми угодьями. Движеніе это могло совершаться тѣмъ смѣлѣе, что въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія мѣстность подлѣ Тетюшъ обезпечена уже укрѣпленною засѣкой, проведенной въ вѣковомъ лѣсу, который тянулся на 10 верстѣ въ длину и на 8 поперекъ и упирался непосредственно въ р. Свіагу¹⁾. Такимъ образомъ, кромѣ сторожей, развѣзжавшихъ въ стени и наблюдавшихъ появленіе непріятеля, земли около Тетюшъ были защищены отъ кочевниковъ и самой природой, къ которой присоединена была искусственная защита посредствомъ засѣки. И земли въ этихъ мѣстахъ во второй половинѣ XVI столѣтія отчасти уже эксплуатировались Тетюшскими служилыми людьми и мѣстными монастырями, которые большею частью и помѣщены были около города²⁾. Одно изъ помѣстій, недалеко отъ Тетюшъ и засѣки на р. Улемѣ³⁾, принадлежавшее помѣщику Болтину, находилось въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія въ печальномъ состояніи, не взирая на довольно благопріятныя природныя условія. По распоряженію царя Бориса, это помѣстье стало дворцовымъ, и въ немъ для поселенія принято было изъ льготы нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Въ концѣ столѣтія эти крестьяне составляли общину, которая, вышедши изъ льготы, пахала на себя выти, а на государя десятины⁴⁾. Община состояла первоначально изъ пяти дворовъ крестьянскихъ, которые въ 1599 году вышли изъ льготы и сидѣли на тяглѣ⁵⁾. На рѣкѣ Улемѣ находилась мельница *Большое*

¹⁾ Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 153 л. л. 1464—1467.

²⁾ Тамъ же 1-ое отд. Казан. у. грам. № 6426 (1589 г.) кн. писцов. № 153, л. 1377 Акт. Истор. и Юрид., собр. Степ. Мельниковымъ, грам. 1 и 2.

³⁾ Р. Улема—притокъ р. Свіаги съ правой стороны.

⁴⁾ На выть по 2 чети ржи.

⁵⁾ Трое сидѣли на подѣ-чети выти, а двое на чети выти; на первыхъ и на вторыхъ набавлено было еще по столько же, такъ что первые должны были платить по чети, а вторые по полу-выти.

колесо, старая государева, но пустая, ибо плотина была спущена, а мельникъ означенъ живущимъ въ Тетюпахъ въ жильцахъ. Въ 1599 году построена была здѣсь по царскому приказу церковь во имя Св. великомученика Θεодора Стратилата, и село названо Θεодоровскимъ.

Въ какой степени серьезно было стремленіе русскаго населенія селиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, можно видѣть между прочимъ изъ того, что въ продолженіе едва-ли не двухъ послѣднихъ лѣтъ предъ описью община села Θεодоровскаго приняла къ себѣ на льготу 13 крестьянскихъ дворовъ и семь дворовъ безпашенныхъ бобылей. Свободной хорошей земли для пахоты оказалось здѣсь вдоволь для всѣхъ. Первоначальные члены общины обрабатывали для себя лишь 18 четей съ осьминою, въ то время, какъ во владѣніи у общины находилось еще 142 чети въ каждомъ полѣ дикаго поля, перелому и зарослей; что же касается угодій, то онѣ здѣсь были въ обиліи: такъ, «сѣна у села около полъ и по дубровамъ и по рѣчкѣ Улемѣ 1700 копенъ»; черный и раменный лѣсъ простирался съ одной стороны до самой засѣки (на 8 верстѣ), а съ другой упирался въ р. Свіягу¹⁾. Кромѣ русскихъ людей въ Тетюшскій уѣздъ стремились для занятія плодородныхъ земель и богатыхъ угодій также и инородцы. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь около села Θεодоровскаго землю Черемисина Цизильскаго уѣзда, а въ самомъ началѣ XVII столѣтія вмѣстѣ съ Тетюшскими служилыми людьми сѣнными покосами владѣть жившая здѣсь въ трехъ деревняхъ Мордва²⁾. Само правительство, стремившееся извлекать пользу изъ людей, находившихся въ его распоряженіи, при случаѣ селило плѣнныхъ на здѣшней окраинѣ въ качествѣ служилыхъ людей. Такъ, въ концѣ XVI столѣтія (1599 г.) двадцать Тетюшскихъ служилыхъ плѣнниковъ получили въ двухъ поляхъ 400 четей³⁾. Но не на

¹⁾ Писцов. кн. № 153 л. л. 1464—1467.

²⁾ Тамъ же л. л. 1380 и 1467.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Вотч. от. № 6740, кн. 1-я № 2-я.

однихъ окраинахъ Поволжья мы встрѣчаемся съ заселеніемъ свободныхъ земель: въ концѣ XVI и въ первыхъ годахъ XVII столѣтій энергією русскихъ людей, преимущественно изъ «верховныхъ мѣстъ», заселяются свободныя земли въ Нижегородскомъ уѣздѣ по правой и по лѣвой сторонѣ Волги. Община поселенцевъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, составлялась изъ людей, которые, выражаясь ихъ словами, «посошлись изъ дальнихъ мѣстъ и дворы поставили, и лѣсъ сѣкли, и перелогъ раздирали, землю распахали» и поселились на украинѣ близко Черемисѣ¹⁾. Изъ приведеннаго очерка можно видѣть, на сколько успѣшно въ концѣ XVI и въ первые годы XVII столѣтій совершалось заселеніе Свияжскаго и Тетюшскаго уѣздовъ, этихъ окраинъ Московскаго государства въ Поволжьѣ. Между тѣмъ въ началѣ XVII столѣтія въ Россіи наступило время, когда колонизація Свияжскаго уѣзда, энергично начатая и успѣшно продолжавшаяся, должна была замедлиться на нѣкоторое время въ силѣ и энергіи своего движенія. Какъ извѣстно, со смертью Бориса Годунова начинается эпоха смуты, когда на Руси совсѣмъ не существовало общепризнанной и авторитетной власти и когда каждая изъ борющихся сторонъ старалась извлечь для себя побольше матеріальныхъ средствъ, не стѣсняясь при этомъ экономическимъ положеніемъ платящихъ. Такъ, мы знаемъ, что Вологодцы, признавшіе царемъ Лжедмитрія II-го, подверглись отъ него значительнымъ поборамъ съ сохи, съ выти и разнымъ натуральнымъ повинностямъ,—особенно значительны были послѣднія. Когда же однажды сверхъ этого отъ Лжедмитрія пришелъ грамоты съ новыми требованіями, то «какъ тѣ обѣ грамоты въ народѣ прочли, и Вологжане противъ тѣхъ грамотъ ничего не сказали, а иные многіе заплакали»²⁾. Въ это время, кромя

¹⁾ Нижегород. Губерн. Вѣд. 1848 г. Акты Нижегородскихъ монастырей: Печерскаго и Влаготѣщенскаго, № 6, грам. № 14; № 13, грам. № 51.

²⁾ А. А. Э. т. II-ой № 88-й.

поборовъ и злоупотребленій всякаго рода властей, всѣ противообщественные элементы русскаго общества, сдерживаемые прежде твердою рукою представителей власти, почувствовали себя свободными. А такихъ элементовъ въ русскомъ обществѣ было всегда достаточно; особенно много ихъ было на окраинахъ, вдали отъ центральной власти, въ такомъ, наприимѣръ, мѣстѣ, какъ низовое Поволжье. Въ здѣшнихъ мѣстахъ къ безпокойнымъ русскимъ силамъ присоединялась значительная масса инородцевъ, какъ Черемисы, которые въ XVI вѣкѣ до подчиненія ихъ русской власти занимались грабежемъ, а послѣ покоренія Казанскаго царства своими возстаніями не мало безпокоили Московское правительство и сильно озабочивали мѣстныхъ воеводъ. Хотя при Федорѣ Іоанновичѣ энергическими мѣрами, особенно постройкою укрѣпленныхъ городовъ въ нагорной и луговой сторонахъ, эти возстанія и были усмирены, однако въ этихъ мѣстахъ оставалось еще много не только горючаго матеріала, но не мало тлѣло и искръ, ожидавшихъ лишь сильнаго вѣтра, чтобы вспыхнулъ серіозный пожаръ.

Вслѣдствіе одновременнаго существованія въ русской землѣ двухъ правительствъ, изъ которыхъ каждое почитало себя какъ бы законнымъ, для честолюбія и своекорыстія многихъ смѣлыхъ и энергическихъ людей на Руси открылось поприще широкой дѣятельности. Образовались воровскія шайки, которыя не только грабили беззащитныя села и деревни, но нападали на укрѣпленные города и осаждали ихъ. Понятно, что подобныя шайки должны были отличаться особою людностью и смѣлостью въ Поволжьѣ. И дѣйствительно, мы знаемъ изъ лѣтописи, что въ царствованіе Іоанна Шуйскаго «Мордва и бортники, и боярскіе холопы, и крестьяне собрався придоша на Нижней городъ, осадиша»; при этомъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что скопищемъ начальствовали двое Мордвиновъ, которые, стоя подъ Нижнимъ, «многія пакости дѣяху»¹⁾. Дерзость

¹⁾ «Старѣйшинство Мордвина Московъ да Варюдинъ» Никои. л. VIII, 82 ст.

такихъ шаякъ въ Поволжьѣ усилилась особенно въ разгарѣ смутнаго времени, около 1610 и 1611 годовъ; такъ, игуменъ Чебоксарскаго монастыря пишетъ: «въ смутное время приходили въ Чебоксаръ вольскіе казаки и они-де въ тѣ поры городъ Чебоксары взяли, и прежняго ихъ игумена Геласія съ башни скинули и многихъ посадскихъ людей въ тѣ поры побили. . . . и казну заграбили»¹⁾. Черемисы въ 1609 году взяли и сожгли городъ Цивильскъ²⁾. Затѣмъ въ 1610 и въ 1611 годахъ шайки воровскихъ людей осаждали городъ Свияжскъ и такъ распоряжались въ его уѣздѣ, что многіе люди, по выраженію современниковъ, «разбредилися». Вотчины Богородицкаго Свияжскаго монастыря, лежавшія недалеко отъ города Свияжска, — селцо Исаково съ деревнями, тянувшими къ нему, о которыхъ выше говорено, всѣ были «отъ измѣнниковъ выжжены, а крестьяне побиты, а иные въ осадѣ померли, а иные разбредилися».³⁾ Справедливость требуетъ замѣтить при этомъ, что разбойническія движенія въ Поволжьѣ не пользовались сочувствіемъ всѣхъ инородцевъ и татаръ. Среди нихъ отдѣлялось не мало людей труда и порядка, которые въ это время поддерживали русскихъ воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сидѣли вмѣстѣ въ осадѣ и съ русскими же вмѣстѣ терпѣли лишенія и опасности, какъ въ городѣ, такъ, вѣроятно, и въ уѣздѣ; воеводы русскіе съ своей стороны помогали въ осадѣ подобнымъ инородцамъ и татарамъ наравнѣ съ русскими, чѣмъ только могли⁴⁾. Хотя съ избранія Михаила Ѳеодоровича Ромапова на престолъ и прекратилось междоусобице, но далеко еще не прекратились смуты⁵⁾; это

¹⁾ Прав. Собес. 1864 Февр. 202 с. «Вліяніе монастырей на разсел. народ. въ Казан. краѣ», выдержка изъ Чебоксарской монаст. рукоп. бібліот. Казан. акад.

²⁾ Чтеніе Общ. ист. и древн. Россійск. 1880 г. 1-ая кн. «Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію Казан. инородцевъ.» А. Можаровскаго, 7 стр. примѣч. 2-е

³⁾ А. А. Эксп. т. III № 86.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Доп. А. И. т. II, № 17.

особенно слѣдуетъ отнести къ Поволжью, гдѣ находилось немало воровскихъ шаяекъ, которыя попрежнему продолжали опустошать край. Понятно, какія чувства такія опустошенія возбуждали здѣсь въ русскихъ людяхъ и въ тѣхъ инородцахъ, которые склонны были къ мирному земледѣльческому труду, каковыми преимущественнѣе другихъ были Чуваши и Мордва: они покидаютъ свою родину, гдѣ не находятъ безопасности, и съ небольшимъ имуществомъ отправляются въ отдаленныя отселѣ мѣста. Здѣсь они выбираютъ для поселенія мѣсто, не только удобное для земледѣлія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшее и другими выгодами, которыми они дорожили въ это время: они селятся подлѣ Волги въ мѣстахъ пустынныхъ и незамѣтныхъ съ рѣки, гдѣ вслѣдствіе этого меньше можно было ждать нападенія грабительскихъ шаяекъ, шнырявшихъ по Волгѣ. При подобныхъ условіяхъ произошло основаніе и заселеніе Чувашской деревни Пролей-Каша. Въ 1611 году вѣсколько Чувашъ Свіяжскаго уѣзда пришли въ Тетюшскій уѣздъ и на югъ отъ Тетюшъ въ 15 верстахъ отъ города облюбовали «дикое поле»; поле это лежало недалеко отъ сѣвки подлѣ Чернаго лѣса, къ которому «прилегли татарскія отчины бортиныя угодыя». Мѣсто было выбрано поселенцами очень удачно: у деревни протекала рѣчка Черемшанка, впадающая въ Волгу; вблизи находилось озеро Крестовое, соединявшееся съ Волгою, а около прилежала «дикая степь» съ сѣнными покосами. Это мѣсто, богатое всякими угодыями, лежало подлѣ самой Волги, но было закрыто и незамѣтно со стороны рѣки¹⁾. Эти выгоды привлекли вскорѣ сюда Чувашей не только изъ сосѣдняго Свіяжскаго, но и изъ другихъ уѣздовъ; въ одинъ лишь 1615 годъ въ Пролей-Кашинскую деревню при-

¹⁾ Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія Олеарій говоритъ, что за Тетюшами «до конца Волги уже не встрѣчается болѣе ни одного селенія», хотя вслѣдъ за этимъ онъ упоминаетъ объ островѣ Пролей-Кашѣ, на который онъ, повидимому, обратилъ свое вниманіе. Отсюда можно заключать, что самаго селенія, которое уже давно существовало здѣсь, не было замѣтно съ Волги. Чт. Общ. Ист. и Древ. 1869 кн. I, 421 стр.

было до 15 человекъ, семеро изъ Свияжскаго уѣзда. Въ 1618 году, когда деревню описывалъ Матвѣй Пальчиковъ, она вся состояла изъ 39 дворовъ Чувашскихъ, среди которыхъ было 34 двора крестьянскихъ и 5 дв. бобыльскихъ. Всѣ Чуваши — переселенцы правой нагорной стороны Волги. Болѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, было переселенцевъ въ Пролей-Кашѣ изъ сосѣдняго Свияжскаго уѣзда — 19 дворовъ¹⁾; затѣмъ сосѣдній Свияжскому и выше его лежащій по Волгѣ Цивильскій уѣздъ выслалъ въ деревню 10 дворовъ; уѣздъ, сосѣдній съ Цивильскимъ, по Волгѣ, Чебоксарскій выслалъ сюда 7 дворовъ; Курмышскій уѣздъ, выше Чебоксарскаго, выслалъ лишь 2 переселенцевъ, и наконецъ изъ Кадомскаго уѣзда, лежащаго въ сторонѣ отъ Волги, во всей деревнѣ былъ только одинъ переселенецъ. Пахотной земли у переселенцевъ, семь лѣтъ спустя, было еще немного: всего 10 четвертей въ каждомъ полѣ или 15 десятинъ; но за то среди угодій значатся: «3 мельницы мутовки, на р. Черемшанѣ, которыя были за ними на оброкъ, да кромѣ того озеро Крестовое и сама рѣчка Черемшанка¹⁾». По всей вѣроятности, къ этимъ же годамъ относится выселеніе и другихъ «уѣздныхъ людей Свияжскаго и Цивильскаго уѣздовъ», которые селились отъ Тетюшъ въ разстояніи 5, 6, 10, 20 и больше верстъ. Предполагаемъ это потому, что въ 1619 году, по дозорнымъ книгамъ, въ такомъ именно разстояніи отъ Тетюшъ земли заселены были крестьянами, ясачными татарами, Чуваши, Черемисами и Мордвою Свияжскаго и Цивильскаго уѣздовъ²⁾. Подобный наплывъ переселенцевъ изъ уѣздовъ верхняго Поволжья не могъ остаться безъ вліянія въ частности на отдѣльные поселки въ Тетюшскомъ уѣздѣ. И дѣйствительно, если мы теперь обратимся снова къ селу Федоровскому и сравнимъ его прежнее состояніе съ тѣмъ, какимъ оно является вскорѣ

¹⁾ Писцов. кн. Каз. уѣзд. № 153, л. л. 1160 — 1167 «Книги деревни Пролей-Каше, Чувашѣ, Тетюшскаго уѣзда Матвѣева довору Пальчикова».

²⁾ Тамъ же, л. 1379.

послѣ междоусобицъ, то увидимъ, что въ немъ въ 1616 году вѣсто прежнихъ 18 дворовъ крестьянскихъ и 7 дворовъ бобыльскихъ, находится уже 60 дворовъ крестьянъ нелюбимыхъ и 47 дворовъ такихъ крестьянъ, которые жили на льготѣ; бобылей въ селѣ въ это время было 26 дворовъ. Кромѣ того теперь къ селу Федоровскому тянется Тинчуринъ починокъ, который появился въ сосѣдствѣ и, вѣроятно, при содѣйствіи общины села Федоровскаго; въ Тинчуринѣ починокъ въ это время состояло 34 двора крестьянскихъ и 3 двора бобыльскихъ. Но не одинъ лишь русскій починокъ тянутъ къ селу Федоровскому—къ нему были приписаны еще двѣ мордовскія деревни—починки, изъ которыхъ въ одномъ находилось 19 дворовъ, а въ другихъ 9¹⁾.

Хотя съ прекращеніемъ междоусобицъ и былъ устраненъ одинъ изъ главныхъ источниковъ смутъ, но спокойствіе въ Московскомъ государствѣ еще далеко не вполне было восстановлено; особенно это слѣдуетъ отнести къ Поволжью, гдѣ находилось достаточно людей, которымъ было выгодно нестроение и беззащитность русской земли. Нѣкоторые изъ такихъ людей и при существованіи вполне законнаго правительства на Руси, не стѣсняясь, при случаѣ нападали на русскія окраины, грабили здѣшнее населеніе и не мало людей уводили съ собою въ плѣнъ; таковыми были кочевые обитатели степей: Ногайцы и Крымцы. Но, кромѣ степняковъ, въ русскомъ обществѣ находилось не мало своихъ людей, которые были не прочь пожить на счетъ трудового населенія, пользуясь и зажиточностію предприимчиваго купца, и скромнымъ достаткомъ трудящагося земледѣльца: то были казаки. Московское правительство, вслѣдствіе скудости своихъ средствъ для борьбы съ опасностями, грозившими ему постоянно на окраинахъ, старается пользоваться для своихъ цѣлей даже безпоясочною силою казачества; впрочемъ оно поступало такъ не столько для своей защиты, сколько для развѣдыванія о непріятелѣ въ степи и

¹⁾ Тамъ же л. л. 972—990.

о воровскихъ казачьихъ шайкахъ въ Поволжьѣ. Но, пользуясь ихъ ненадежною службою, русское правительство въ концѣ XVI вѣка не обманывало себя относительно этой силы въ Поволжьѣ; такъ, въ своихъ наказахъ тамошнимъ воеводамъ, оно рекомендуетъ имъ пользоваться удобнымъ волжскимъ путемъ лишь въ томъ случаѣ, когда «тихо будетъ на Волгѣ отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ людей и отъ казаковъ, отъ воровъ и отъ Черкасъ»¹⁾. Слѣдовательно и при существованіи твердой правительственной власти казаки на Волгѣ не особенно стѣсняли себя въ своей дѣятельности. Единственно, междоусобице, грабежи всякихъ каравановъ, отдѣльных судовъ и людей на Волгѣ стали гораздо чаще; понятно, что подобное состояніе, т. е. отсутствіе твердой правительственной власти на Руси, должно было быть выгодно какъ Ногайцамъ, такъ и казакамъ. Еще въ самомъ началѣ смутнаго времени Ногайцы, какъ будто зная, что Московскому правительству въ то время было не до поволжскихъ окраинъ, проникли черезъ засѣку въ Тетюшскій уѣздъ, напали на находившіяся тутъ Мордовскія деревни и такъ ихъ «погромили», что онѣ и черезъ 12 лѣтъ все еще были «пустовыми деревнями»²⁾. Поэтому, когда въ Россіи большинствомъ людей, сознавшихъ наконецъ необходимость прочнаго государственнаго наряда, избранъ былъ на Московскій престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, то въ Поволжьѣ вслѣдствіе единства выгодъ соединяются между собою Ногайцы съ атаманомъ Заруцкимъ и «собрався. . . хотятъ ити къ Самарѣ», гдѣ въ то время засѣлъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію Россіи отъ непріятелей князь Дмитрій Пожарскій. Узнавши объ этомъ, новое правительство снарядило военною 1614 года двухъ стрѣльцкихъ головъ, отдавши въ распоряженіе каждому по 500 стрѣльцовъ съ наказомъ: одному изъ нихъ на устьѣ рѣки Усы «поставити острожекъ и въ острожекѣ укрѣпиться»,

¹⁾ А. И. т. I № 230.

²⁾ Писцов. кн. № 153, л. 1380.

а другому въ южной части Самарской луки, на переволокѣ, «гдѣ переволочатся съ Волги на Усу рѣку», тоже «поставити острожекъ и въ острожекѣ укрѣпиться»¹⁾. Имъ обоимъ, кроиъ помощи князю Пожарскому, велѣно «провѣдывати всякими мѣрами про астраханскихъ воровъ (Заруцкаго съ Мариною) и про воровскихъ казаковъ и про ногаи и про всякихъ воровскихъ людей, и если воровъ будетъ не много, то ему (головѣ), прося у Бога милости, на тѣхъ воровскихъ людей, приходити и надѣ ними промыслиати. . . смотря по тамошнему дѣлу». Сверхъ того имъ поручено было въ здѣшнихъ мѣстахъ «рыбныхъ ловцовъ ото всякихъ воровскихъ людей оберегати, чтобы воровскіе люди, съ низу безвѣстно пришедъ, рыбныхъ ловцовъ не погромили»²⁾. Изъ этого можно сдѣлать двоякій выводъ: съ одной стороны, замѣтно, что низовое Поволжье въ данное время было еще далеко отъ спокойствія, хотя прошелъ цѣлый годъ со времени прекращенія междоусобицы, которое доставляло обильную пищу смутѣ; съ другой стороны можно видѣть и то, что, не взирая на сравнительно неспокойное состояніе Поволжья, на рѣкѣ Волгѣ, притомъ въ мѣстахъ очень мало населенныхъ, многіе люди занимаются рыбнымъ промысломъ и установившееся правительство почитаетъ своимъ долгомъ защищать ихъ отъ опасностей. Это было важно для правительства потому еще, что въ низовомъ Поволжьѣ въ рыбномъ промыслѣ были заинтересованы нѣкоторые богатые и вліятельные монастыри, которые «изстари по государевымъ жалованнымъ грамотамъ рыбныя ловля имѣли въ Казани на Волгѣ и ниже Тетюшъ до Самары. . . ниже Самары и Саратова», и теперь они, вѣроятно, постарались возстановить на пожалованныхъ мѣстахъ свои рыбные промыслы³⁾. Выказано даже мнѣніе, что подѣ защитой вышеупомянутыхъ

¹⁾ Следовательно одинъ острожекъ построенъ былъ въ началѣ Самарской луки, а другой въ концѣ ея.

²⁾ А. И. т. III № 252, 259, 262.

³⁾ Арх. М. Юст. 1-ое отд. Казан. уѣзд. грам. №№ 6429, 6448.

острожковъ въ прилегающихъ къ нимъ мѣстахъ Поволжья увеличилось осѣдлое населеніе¹⁾). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать стремленіе новаго Московскаго правительства возстановить на Руси и поддержать всѣми средствами порядокъ, хотя при этомъ нельзя не упомянуть, что средствъ у него, особенно на первыхъ порахъ, было очень немного. Но вслѣдствіе искренняго сознанія необходимости найти эти средства молодое правительство прежде всего старается уяснить себѣ вопросъ о платежныхъ способностяхъ народа; съ этою цѣлью оно вскорѣ разослало въ разныя мѣста служилыхъ людей, чтобъ тѣ ознакомились съ его экономическимъ состояніемъ. Среди другихъ мѣстностей такіе люди посланы были и въ Поволжье—въ Свияжскій и въ Тетюшскій уѣзды. Существуетъ отрывочное указаніе, что въ 1614 году въ Свияжскій уѣздъ отправленъ былъ князь Никита Волконскій съ подъячимъ Василиемъ Карповымъ для описи уѣзда; ими составлены были и поданы въ приказъ «приправочныя книги», которыми даже впослѣдствіи Московское правительство руководилось относительно помѣстій служилыхъ людей въ этомъ уѣздѣ²⁾). Къ сожалѣнію книги эти, столь важныя для ознакомленія съ экономическимъ состояніемъ Свияжскаго уѣзда послѣ смутнаго времени, не дошли до насъ. Отъ Тетюшскаго уѣзда сохранилось лишь нѣсколько дозорныхъ книгъ отдѣльныхъ селъ и деревень 1618 и 1619 годовъ. Между тѣмъ нѣкоторые факты изъ жизни Поволжскихъ городовъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка могутъ намъ косвенно указать на тѣ разоренія, которымъ они подверглись въ смутное время. Такъ, Осипу Хлопову поручено было въ 1622 году приверстать въ городѣ Козьмодемьянскѣ сто ямскихъ охотниковъ, а онъ могъ набрать лишь

¹⁾ Город. посек. Рос. Имп. т. IV, 540.

²⁾ Арх. Мин. Юст. подлин. писц. кн. за № 6468, кн. 30, л. 1026. Почти всѣ описи, помѣщенные въ этой книгѣ относятся къ 1646 или 1647 г.г. и почти всѣ описываютъ Поволжскіе уѣзды. Къ несчастію, нѣкоторые листы сильно истлѣли, а другіе перепутаны такъ, что пользоваться ими слѣдуетъ съ осторожностью, проверяя копією Свияжскаго уѣзда, помѣщ. въ кн. 8.

50 человекъ, кои, образовавъ изъ себя общину, «гоняли за сто человекъ и государево денежное и хлѣбное жалованье имали за сто человекъ»; даже въ 1629 году охотники эти были въ числѣ «охудалыхъ людей яскихъ охотниковъ» и у нихъ до ста недоставало 28 человекъ¹⁾. Такимъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній относительно экономического состоянія Свияжскаго и Тетюшскаго уѣздовъ въ началѣ XVII столѣтія мы должны довольствоваться признаніемъ лишь общаго положенія, подтверждаемаго нѣкоторыми печатными актами, что оба эти уѣзда въ смутное время были довольно сильно разорены.

Если съ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова и не закончилось на Руси безпокойное время, ибо въ русскомъ обществѣ еще много оставалось элементовъ, благопріятныхъ смутѣ, то все же слѣдуетъ признать, что юридическая законность смуты избраніемъ царя была устранена. Плѣномъ же Марины съ ея сыномъ, а, вслѣдъ за этимъ, миромъ съ Швеціею и Польшею устранена была возможность разнымъ хищникамъ прикрываться легальностью, вслѣдствіе чего люди труда и порядка мало по малу достигли спокойствія, въ которомъ они такъ нуждались для своего хозяйственного возрожденія. Существуютъ указанія, что около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія Поволжье въ верховыхъ частяхъ своихъ освободилось отъ безпокойствъ смутнаго времени, вслѣдствіе чего отсюда начинаются передвиженія мирнаго населенія, искавшаго себѣ выгодъ въ промысловыхъ занятіяхъ въ низовомъ Поволжьѣ²⁾. Такимъ образомъ, мы опять встрѣ-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Писцов. и переп. нн. № 847 л. 32.

²⁾ Въ 1621 году бояринъ и Казанскій воевода Дыковъ писалъ въ Москву, «что многіе рыбные ловцы *серховскихъ городовъ*, которые напередъ сего оброчились въ Казани въ нашихъ (т. е. правительственныхъ) водахъ, нынѣ оброчатся менши прежнево, а льготы себе оброчатся на Самарѣ и на Саратовѣ и на Царицынѣ и у Казанскаго митрополита и у монастырей.» Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. № 6429. (Собраніе грамотъ Спаскаго Преобр. монаст.).

чаемся въ Поволжьѣ съ явленіями, которыя относятся къ колонизаціонной дѣятельности. Естественно было подобнымъ явленіямъ начаться прежде всего въ мѣстахъ, которыя лежатъ близко къ густо населеннымъ частямъ Поволжья. Однимъ изъ такихъ мѣстъ было пустынное пространство на правомъ берегу Волги въ тридцати верстахъ отъ города Чебоксаръ, гдѣ протекають двѣ небольшія рѣчки, впадающія въ Волгу: Верхняя и Нижняя Сундырка. Здѣсь, кромѣ высокаго берега, удобнаго для пахоты и въ то время свободнаго отъ населенія, находилось у Волги мѣсто, гдѣ могла быть устроена удобная пристань; съ противоположной же стороны въ Волгу впадали двѣ довольно значительныя рѣки: Большая и Малая Кокшага¹⁾. Около двадцатаго года XVII вѣка на этомъ мѣстѣ находилась лишь «пустынька Сундырская». И вотъ здѣсь начинаютъ селиться крестьяне, образовывается небольшая община, положившая основаніе селу Сундырю, которое царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1624 году пожаловалъ въ вотчину Крутицкому митрополиту Сильвестру²⁾. На бойкомъ мѣстѣ, подъ защитой сильнаго человека, какимъ несомнѣнно въ то время былъ митрополитъ, Сундырская крестьянская община развиваетъ значительную дѣятельность, которую, однако, мы можемъ представить лишь во внѣшнемъ ея проявленіи. Община заселяетъ не только мѣстность, непосредственно примыкающую къ Волгѣ, но отдѣляетъ отъ себя колоніи и постепенно населяетъ даже такія земли, которыя находились въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ села и отъ р. Волги. Заселеніе окружающихъ земель происходитъ въ формѣ обычной на Руси: появляются починки, которые постепенно покрываютъ собою окрестности села Сундыря. При этомъ естественно было заселиться прежде всего мѣстамъ, ближайшимъ къ селу. И, дѣйствительно, первые починки, судя по ихъ большому развитію во время описи, были именно тѣ,

¹⁾ Журналъ мин. Внутр. дѣлъ 1856 г. октябрь, стр. 99—101.

²⁾ Памяти. кн. Казан. губ. 1868—69 г. «Замѣчат. селенія по Волгѣ въ предѣл. Казан. губ.» стр. 9.

что лежали о боѣ съ селомъ, за оврагами, въ которыхъ протекали рѣчки Верхняя и Нижняя Сундырки. Починковъ Денисовъ, вѣроятно, былъ первымъ, который отдѣлился отъ села Сундыря, ибо въ немъ при 10 дворахъ крестьянскихъ находилось 7 дворовъ бобыльскихъ, въ то время, какъ въ остальныхъ починкахъ, кромѣ Верхняго Сундыря, гдѣ тоже крестьянскихъ дворовъ было болѣе бобыльскихъ, — число крестьянскихъ дворовъ было или одинаково съ бобыльскими, или же послѣднихъ было больше первыхъ¹⁾. Состояніе общины въ самомъ селѣ въ сороковыхъ годахъ XVII ст. указываетъ на то, что она значительное количество починковъ могла отдѣлять въ разное время безъ ущерба для себя. Въ селѣ въ это время находились 31 дворъ крестьянъ и 46 дворовъ бобылей; преобладаніе въ селѣ бобылей надъ крестьянами какъ будто указываетъ на продолжающійся приливъ населенія передъ самою переписью. Другіе факты тоже подтверждаютъ, что въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ средѣ Поволжанъ существовало стремленіе къ выселеніямъ, при чемъ переселенія происходили, главнымъ образомъ, въ направленіи къ Низу. Такъ, на посадѣ Бузьмодемьянскомъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ оказалось, сравнительно съ 1622 годомъ, «прибылыхъ, живущихъ своими дворами», 19 посадскихъ дворовъ, между которыми попадаются люди съ такими прозвищами, какъ «Нижегородецъ» и «Лысковецъ»²⁾. Впрочемъ крестьяне Поволжья выселялись въ это время не въ одни лишь сосѣднія или же близкія мѣста къ переселенцамъ, какъ указанныя нами, но и въ болѣе отдаленныя земли. Конечно, въ мѣста ближайшія

¹⁾ У села Сундыря по описи 1646 года всѣхъ починковъ было 8: поч. Денисовъ—10 дв. крест. и 7 дв. боб.; Верхній Сундырь—4 дв. кр. и 3 двора боб.; поч. Ворошиловъ—5 дв. кр. и 5 дв. боб.; поч. Костентиновъ—2 дв. кр. и 2 дв. боб.; поч. Бранинъ—4 дв. кр. и 6 дв. боб.; поч. Подшиваловъ—5 дв. кр. и 7 дв. боб.; поч. Моляковъ—6 дв. кр. и 7 дв. боб. Послѣдній починковъ находился въ разстояніи 2 верстъ отъ села. Арх. М. Юст. переп. кн. 30 № 6468, л. л. 531—552.

²⁾ Тамъ же, писцов. кн. № 847 л. 37. Село Лысково на прав. берегу Волги, Нижегород. уѣзда.

перейти было легче и удобнѣе; поэтому подобныя переселенія должны были совершаться охотнѣе и чаще, чѣмъ въ отдаленныя и слабо населенныя страны; но на родинѣ иногда для земледѣльца наступали условія, при которыхъ никакое разстояніе не останавливало его отъ переселенія.

Въ существованіи многихъ тяжелыхъ условій для поселенія Верхняго и Средняго Поволжья въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія мы не можемъ сомнѣваться. Какъ на явленіе довольно общаго свойства въ Московскомъ управленіи и администраціи до эпохи смутъ, можно указать на слабое развитіе чувства законности; это обусловливалось отчасти преобладаніемъ патріархальности въ понятіяхъ, какъ членовъ русскаго общества того времени, такъ и самаго правительства. Время смутъ съ своей стороны способно было лишь еще болѣе ослабить въ людяхъ привычки и чувства законности. Да и то чувство авторитетнаго страха, которое прежде могло внушать служилымъ людямъ прочное Московское правительство, въ настоящее время, вслѣдствіе молодости правительственной власти, должно было быть гораздо слабѣе. Къ этому присоединяется чрезвычайная скудость матеріальныхъ средствъ у новаго правительства и необходимость во что бы то ни стало добыть ихъ для удовлетворенія своихъ крайнихъ нуждъ. И вотъ для сбора денегъ съ большей части разореннаго и еще не вполне оправившагося населенія посылаются люди, которые привыкли ни предъ чѣмъ не останавливаться. Такъ, наприимѣръ, въ августовской отпискѣ царю 1618 года съ Бѣлоозера говорится: «а о посадскихъ, государь, людяхъ писали мы, холопи твои, къ тебѣ, государю, напередъ сего, что посадскихъ людей для осаднаго времени было мало, и изъ тѣхъ многіе лучшіе люди съ правожевъ разбѣглись безвѣстно съ женами и съ дѣтьми, покиня дома свои пусты; а правимъ, государь, на нихъ мы, холопи твои, твоихъ государевыхъ денегъ за Новгородскіе за хлѣбные запасы и за кабацкіе дворы и кабацкихъ же недоборныхъ денегъ, по твоимъ государевымъ грамотамъ, 970 рублей 11 алтынъ; да на нихъ же,

государь, на посадскихъ людяхъ правилъ изъ ямскаго приказа недѣльщикъ Микита Стоговъ твоихъ государевыхъ ямскихъ денегъ 683 руб. 11 алт.; да на нихъ же, государь, на посадскихъ людехъ править съ патриарша двора сынъ боярской Григорій Молинъ твоихъ государевыхъ *запросныхъ денегъ* 200 рублевъ. А которые, государь, были посадскіе люди еще остались на Бѣлѣ озерѣ, и изъ тѣхъ многіе нынѣ, какъ пріѣхалъ на Бѣлоозеро съ Москвы дворянинъ Петръ Хомутовъ и атаманъ и есаулы и казаки, ноугородскіе челобитчики, для твоихъ государевыхъ хлѣбныхъ денегъ, и они *изъ достальныхъ многіе разбѣжались*. . . и дворяне и дѣти боярскія живутъ по домамъ (т. е. въ деревняхъ въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ) и бѣгаютъ по лѣсамъ, а твоего государева указу не слушаютъ, въ осаду (въ городъ) сами не ѣдутъ и крестьяномъ своимъ ѣхать не велятъ»; жалуются далѣе на то, что имъ «осады укрѣпить не-кѣмъ»¹⁾. Впрочемъ, и сами помѣщики, которые въ настоящемъ случаѣ какъ будто защищали своихъ крестьянъ отъ тягостей и неудобствъ осады, подъ часъ обращаются съ ними также жестоко. Это можно видѣть отчасти изъ челобитной, которую подалъ въ 1625 году на имя царя отъ лица крестьянъ староста села Ширинги Ярославскаго уѣзда. Въ этой челобитной крестьяне жалуются на своего помѣщика князя Артемья Шейдякова, который, пріѣхавши осенью въ пожалованное ему помѣстье — село Ширингу, «крестьянишекъ, что приходили къ нему по обычаю съ хлѣбами на поклонъ, билъ, мучилъ и на ледникъ сажалъ»; будучи женатъ, онъ, князь Артемій, бралъ къ себѣ на постелю татарокъ отъ некрещенныхъ татаръ; затѣмъ, взявши съ крестьянъ, «противъ государева указу», сполна денежный оброкъ за годъ, отписей въ этомъ имъ крестьянамъ, какъ полагалось, не далъ. Уѣхавши изъ села въ Ярославль, князь Артемій всѣ оброчныя деньги и платѣе съ себя проигралъ «веселымъ женкамъ»; послѣ чего опять съѣхалъ на Рождество въ село Ширингу,

¹⁾ А. А. Э. т. III № 97. Въ родѣ этого же и въ № 116 (1620 г.).

взявши съ собою въ деревню «веселыхъ»; здѣсь онъ сталъ крестьянъ мучить «смертнымъ правешемъ» въ новыхъ оброчныхъ годовыхъ деньгахъ и доправилъ на нихъ сверхъ опредѣленнаго указомъ оброка 50 рублей, да 40 ведеръ вина, да 10 варъ пива, да 10 пудъ меду. Сверхъ того, «у которыхъ крестьянишекъ были нарочитыя лошаденки, тѣхъ лошадей онъ взялъ на себя»; которые крестьяне на князя Артемья били челомъ государю объ его насильствѣ и «немѣрномъ правешѣ», на тѣхъ «онъ похваляется смертнымъ убійствомъ, хочетъ ихъ пощипать своими руками». Въ заключеніе своей челобитной крестьяне говорятъ: «и мы, сироты твои, не перетерпи его (помѣщика своего) немѣрнаго правеша и великой муки, разбрелись отъ него розно»¹⁾. Если служилые люди Московскаго государства не стѣснялись такъ поступать съ людьми, которые были такими же христіанами, какъ и они сами, которые владѣли русскимъ языкомъ, могли составить челобитную и подать ее самому царю, то, понятно, что тѣ же служилые люди относительно инородцевъ могли дѣйствовать еще возмутительнѣе. Сохранилось извѣстіе, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія много Мордвы, которая въ Нижегородскомъ уѣздѣ занималась земледѣліемъ и бортничествомъ, разбѣжалась отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны. Когда же Московское правительство для уясненія причинъ этого бѣгства отправило въ 1630 году въ Нижегородскій уѣздъ Петра Корсакова съ подъячимъ Дружиной Огарковнимъ, то слѣдователи, «сыскивая пробѣглую Мордву», дѣлали ей въ свою очередь большія насилія и притѣсненія, отъ которыхъ, понятно, оставшіеся не привязывались сильнѣе къ своей родинѣ²⁾. Вслѣдствіе подобныхъ фактовъ, само правительство, посылая въ это время (1627 г.) въ городъ воеводъ, въ уѣздѣ которыхъ было много инородцевъ, въ грамотахъ своихъ внушаетъ

¹⁾ Ист. Росс. С. Соловьева т. IX сс. 429—431.

²⁾ Нижегород. губ. вѣдомости 1848 г. № 21 грам. 117. Русскій Востникъ 1867 г. ч. VI с. 513 «Очерки Мордвы» П. Мельникова.

ниъ, чтобъ они, выискивая среди инородцевъ захребетниковъ, свободныхъ отъ ясака, писали въ ясакъ лишь тѣхъ людей, «которые въ двадцать лѣтъ и больше, а меньше 18 лѣтъ . . за посмѣшно бѣ и малыхъ ребятъ въ ясакъ писати не велѣли. . . . *чтобъ впредь ясачные люди не разбѣжались; и дозоромъ дозирать и валовымъ письмомъ писать Цивильскаго уѣзду Черемисскихъ волостей никого бѣ не посылали и сами не ѣздили, чтобъ тѣмъ Черемисы не ожесточить и не розогнать»¹⁾*

Результатомъ подобныхъ условій должно было явиться сильное передвиженіе населенія, особенно въ такихъ уѣздахъ, которые лежатъ въ предѣлахъ Волжскаго пути. При этомъ естественно, что тѣ землевладѣльцы, которыхъ вотчины пострадали отъ смутъ во время междоусобицъ, должны были теперь стараться всѣми средствами улучшить состояніе своихъ земель, большей частью разоренныхъ и лишенныхъ значительной части своего населенія; поэтому они, вѣроятно, и не пропускали случая привлечь въ свои деревни и села новыхъ поселенцевъ. Понятно, что у вліятельныхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, каковыми въ то время несомнѣнно были монастыри, было больше средства привлекать населеніе на свои земли. Самимъ крестьянамъ должно было быть выгоднѣе селиться на земляхъ, напримѣръ, такого монастыря, какъ Троицко-Сергіевъ, который, будучи богатъ, могъ и средствами помочь крестьянину, и льготу дать ему большую, и, наконецъ, своимъ вліяніемъ могъ его защитить на случай какихъ-нибудь претензій къ нему со стороны прежняго землевладѣльца по истеченіи 10 или 15 лѣтняго срока. Вслѣдствіе этого выселявшіеся должны были предпочтительно селиться въ Поволжье на монастырскихъ земляхъ. Посадскіе люди въ городахъ, образовывавшіе общину, которая обязана была нести довольно значительныя тягости, также заинтересованы были въ увеличеніи своего числа, ибо въ такомъ случаѣ общую сумму повинностей и тягостей они

¹⁾ Доп. А. И. т. II № 79.

могли разложить на большее количество лицъ, вслѣдствіе чего имъ было легче нести тягости. Подобное стремленіе къ увеличенію своихъ членовъ должно было у посадскихъ людей усиливаться послѣ эпохи смутъ, потому что въ это время большая часть городовъ на Руси, особенно въ Поволжьѣ, сильно пострадала въ своей зажиточности и въ количествѣ своихъ гражданъ. Рѣдкій городъ въ Поволжьѣ не выдерживалъ осадъ отъ воровскихъ шаекъ или не откупался отъ нихъ предводителей; иные города даже были разорены во время междоусобицъ и теперь должны были вновь отстраиваться. Кроме того, въ Поволжскихъ городахъ, какъ въ военныхъ центрахъ, обыкновенно жили стрѣльцы, число которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Свияжскѣ, было довольно значительное; составъ же стрѣльцовъ часто пополнялся новыми людьми изъ посадскихъ или изъ свободныхъ, гулящихъ людей. Наконецъ, самъ государь, какъ землевладелецъ очень крупный, обладалъ множествомъ земель въ видѣ дворцовыхъ вотчинъ, въ заселеніи и доходности которыхъ онъ всегда, а теперь особенно, былъ заинтересованъ.

Слѣдуетъ предполагать, что человѣку, который рѣшился навсегда разстаться съ родиной, жило въ ней не особенно хорошо. Поэтому, покидая насиженное мѣсто, онъ не могъ уносить съ собою большаго имущества; особенно это слѣдуетъ сказать относительно того случая, когда переселенецъ иѣлъ въ виду мѣста, далекаго отъ своей родины. Очень рѣдко переселенецъ обладалъ достаточными средствами, чтобъ онъ могъ на мѣстѣ, гдѣ рѣшился поселиться, сейчасъ же заняться постройкою для себя избы. Вслѣдствіе этого поселиться на время у кого-нибудь изъ мѣстныхъ людей, перебиться кое-какъ нѣкоторое время, помогая своею работою человѣку, который его принялъ въ свою избу, было часто для переселенца на новомъ мѣстѣ необходимою. Впослѣдствіи, обзаведшись своею избою и нѣкоторымъ хозяйствомъ, переселенецъ, по естественному разсчету, долженъ былъ брать на себя сначала небольшой оброкъ, поджидая, когда у него подрастутъ дѣти и увеличатся

его хозяйственные средства. Поэтому переселенец чаще всего долженъ былъ являться на новомъ мѣстѣ захребетникомъ, подсосѣдникомъ или сосѣдомъ у мѣстнаго крестьянина или у бобыля; иногда, впрочемъ очень рѣдко, даже у сосѣда встрѣчается подсосѣдникъ или захребетникъ. И вотъ въ послѣдствіи сосѣдъ или захребетникъ становится бобылемъ и затѣмъ уже дѣлается крестьяниномъ. Но при поддержкѣ на новомъ мѣстѣ со стороны общины, членомъ которой становился переселенецъ, или же при помощи землевладѣльца, на землѣ котораго селился, онъ могъ съ разу, смотря по семьѣ, — если были взрослые, — и по поддержкѣ, стать бобылемъ или же крестьяниномъ¹⁾.

Слѣдуетъ предположить, что энергическаго человѣка, которому на родинѣ плохо жилось, въ Поволжѣ прежде всего могъ привлечь въ себѣ городъ, который на этомъ бойкомъ пути въ томъ или иномъ мѣстѣ былъ торговымъ и административнымъ центромъ, гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ надѣяться, что его энергія и смѣлка найдутъ себѣ скорое примѣненіе и хорошую оцѣнку. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, какъ мы видѣли, въ Козьмодемьянскѣ между посадскими встрѣчаемся съ 19-ю «прибылыми»; кромѣ посадскихъ, въ городѣ на посадѣ жило 13-ть дворовъ «прибылыхъ бобылей» и шестеро захребетниковъ «приходцевъ»²⁾. Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ; въ послѣдствіи контингентъ подобныхъ людей въ городахъ Поволжскихъ долженъ былъ увеличиться. Дѣйствительно, по описи 1646 года, въ городѣ Чебоксарахъ на посадѣ, кромѣ 23 человѣкъ, «у которыхъ своихъ дворовъ нѣтъ, живутъ въ сосѣдехъ», встрѣчаемъ 38 человѣкъ «дворовыхъ захребетниковъ» и 11 человѣкъ «бобылей и захребетниковъ безъ дворовъ»³⁾. Въ городѣ же Свияжскѣ можно найти въ описываемое

¹⁾ Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 6468 л. 1033.

²⁾ Тамъ же писцов. кн. № 847 лл. 37 и 90.

³⁾ Казань, переписи. кн. 30 № 6468 лл. 482—494.

время слѣды еще большаго числа пришлаго люда, живущаго на посадѣ и занятаго тутъ различными дѣлами. Такъ, кромѣ обычныхъ сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ, живущихъ у посадскихъ людей, мы находимъ, что «у посадскихъ людей живутъ въ сосѣдствѣ посадскіе жъ люди»; далѣе встрѣчаемъ, что «посадскіе бобыли живутъ въ сосѣдствѣ у посадскихъ же людей. . . да посадскіе жъ люди и бобыли живутъ на дворничествѣ и въ сосѣдехъ у всякихъ чиновъ людей». На посадѣ встрѣчаемся съ такими прозвищами: «Москвитинъ суконной сотни», а другой «Москвитинъ торговый человекъ». Затѣмъ, на дворничествѣ живетъ «земскій захребетникъ», а у Свіяжскаго стрѣльца въ сосѣдяхъ «земскій бобыль»¹⁾. Съ признаками люда пришлаго изъ верхнихъ частей Поволжья встрѣчаемся въ Свіяжскѣ между стрѣльцами, среди которыхъ изрѣдка попадаются такіа прозвища, какъ «Костромитинъ» или же «Нижегородецъ»²⁾.

Если теперь отъ города Свіяжска обратимся къ селамъ и деревнямъ Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ и сравнимъ ихъ состояніе въ 1646 году съ тѣмъ, въ какомъ они находились въ концѣ XVI столѣтія, то мы найдемъ въ нихъ значительную перемену относительно числа дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Но, разумѣется, какъ прежде, такъ и теперь, не всѣ монастырскія поселенія двигаются впередъ съ одинаковымъ успѣхомъ. И прежде мы видѣли, что поселки, основанные на плохой землѣ и при другихъ мало-благопріятныхъ условіяхъ, развивались очень медленно сравнительно съ тѣми, условія которыхъ предоставляли поселенцамъ больше выгодъ. Въ настоящее время замѣчается тоже, только съ тѣмъ различіемъ, что теперь, при болѣе значитель-

¹⁾ Тамъ же, лл. 638, 644, 652, 655, 673.

²⁾ Стрѣльцы въ Свіяжскѣ дѣлились на «пахотныхъ стрѣльцовъ», которыхъ было 34 двора, затѣмъ, просто «стрѣльцы» — послѣднихъ находилось въ городѣ 96 дворовъ; въ ихъ средѣ встрѣчается около 10 дворовъ вдовъ стрѣльцевъ, у которыхъ въ сосѣдяхъ живутъ часто стрѣльцы. Тамъ же лл. 673—680.

номъ промежуткѣ времени, особенности эти выступаютъ нѣсколько рѣзче.

Въ концѣ XVI столѣтія среди поселеній Троицкаго Свѣжскаго монастыря находились три сельца. Этимъ сельцамъ естественно было за такой значительный промежутокъ времени стать селами, не смотря на разореніе смутной эпохи. Дѣйствительно, такое превращеніе совершилось съ двумя сельцами: съ Услономъ и съ Кильдеевымъ, а Городище и черезъ 50 лѣтъ осталось сельцомъ. Но рядомъ съ развитіемъ старыхъ центровъ въ монастырскихъ поселеніяхъ за это время успѣли образоваться и выступили новыя средоточія дѣятельности. Одинъ изъ такихъ новыхъ центровъ составилъ изъ двухъ незначительныхъ поселковъ сельца Услона, которые находились въ очень близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго: изъ починокъ Варсонофьева и Куровскаго Починокъ Варсонофьевъ сперва расположенъ былъ нѣсколько выше, и его жители на старомъ мѣстѣ терпѣли недостатокъ въ водѣ; кромѣ того, спускъ къ р. Волгѣ тамъ былъ неудобенъ; вслѣдствіе этого населеніе въ 1637 году переселилось оттуда на небольшую и неровную площадку при скатѣ горы, гдѣ построило церковь Успенія и, соединившись съ жителями Куровскаго починка, образовало вмѣстѣ съ нимъ село, которое стало именоваться Нижнимъ Услономъ, въ отличіе отъ прежняго Услона, называющагося съ тѣхъ поръ Большимъ или же Верхнимъ Услономъ¹⁾. И вотъ новый центръ обнаруживаетъ свою самостоятельную дѣятельность заселеніемъ ближнихъ мѣстъ: въ 1646 году къ Нижнему Услону тянутъ два новыхъ поселенія: деревня Студенецъ и починокъ Воробьевъ, появившіеся по сосѣдству и, вѣроятно, не безъ содѣйствія крестьянской общины села Нижняго Услона; въ деревнѣ Студенецѣ въ это время и бобыли еще были общіе съ селомъ²⁾. Другой изъ

¹⁾ Писцов. кн. за № 1127 л. 990. Памятн. кн. Казан. губ. 1866 — 1867 гг. «Замѣч. селен. по Волгѣ въ пред. Каз. губ.» стр. 42.

²⁾ Въ селѣ Нижнемъ Услонѣ въ 1646 г. находились: «дворъ мона-

новыхъ центровъ образовался между монастырскими поселеніями, находившимися на р. Бирлѣ, притокѣ рѣки Свіаги съ правой стороны. Такимъ центромъ стала здѣсь деревня Селменцова, упоминаемая впервые въ описи 1594 года, слѣдовательно, какъ и Нижній Услонъ, принадлежавшая не къ самымъ старымъ монастырскимъ поселеніямъ въ Свіажскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ, община деревни Селменцовой своею дѣятельностью успѣла при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ возвыситься надъ общинами иныхъ, болѣе старыхъ поселковъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и ихъ деревня, переименованная въ село Новое, стала центромъ, къ которому тянутъ другія монастырскія поселенія на р. Бирлѣ. Состояніе Нового села въ 1646 году, быть можетъ, условливавшееся отчасти уже его новымъ положеніемъ среди монастырскихъ поселеній, указываетъ намъ на его значительное преимущество въ это время. Между тѣмъ какъ въ остальныхъ деревняхъ, расположенныхъ въ этой мѣстности и тянувшихъ къ Новому селу, количество крестьянъ ни въ одной не достигаетъ 30 дворовъ¹⁾, — въ Новомъ селѣ, при церкви съ дворомъ священника и монастырскимъ дворомъ, находится 69 дворовъ крестьянскихъ и 28 дворовъ бобыльскихъ; кромѣ того, въ немъ живетъ 6 человѣкъ захребетниковъ, о которыхъ говорится, что они «живутъ переходя по крестьяномъ, а своихъ дворовъ у нихъ нѣтъ». Кромѣ старыхъ поселковъ, тянувшихъ къ Новому селу, мы встречаемся здѣсь съ Новою деревнею и Новымъ почи-

стырскій, а въ немъ живетъ дворникъ и церковный дьячекъ; дворъ пономар., 105 дв. крестьянскихъ, да у нихъ дѣтей и братья и племянниковъ 235 чел. Да въ селѣ жъ на Нижнемъ Услонѣ и на Студенцѣ бобылей 24 дв., да у нихъ дѣтей и братья 27 чел. да 1 чел. захребетникъ. Да къ тому жъ сельцу дер. Студенецъ, а въ ней крестьянскіе дворы 18, да у нихъ дѣтей и проч. 47 челов. да 1 чел. захребетникъ. Поч. Воробьевъ, въ немъ кр. дв. 10». Писцов. кн. № 6468 л. 789—810.

¹⁾ Деревня Агишево—Уляникова,—23 дв. кр. и 3 дв. боб. Дер. Корюхова, 29 дв. кр. и 2 дв. боб. Въ остальныхъ еще меньше. Тамъ же л. 737—758.

конѣ¹⁾), которые, быть можетъ, явились результатомъ дѣятельности общины этого новаго центра, поддерживаемаго монастыремъ.

Обращаясь теперь къ обзору прежнихъ центровъ Троицкаго Свѣяжскаго монастыря, изъ которыхъ двое стали селами, ни и у нихъ встрѣчаемся, вмѣстѣ съ приращеніемъ населенія, съ явленіями колонизаціонной дѣятельности; при этомъ энергія, обнаруженная селомъ Килдеевомъ, нѣсколько выдѣляетъ его сравнительно съ селомъ Большимъ Услономъ. Въ каждомъ селѣ, кромѣ дворовъ причта при церкви, въ настоящее время встрѣчаемъ по монастырскому двору и по прикащичьему²⁾). Но къ селу Килдееву, кромѣ деревни Оедяевой, которая примыкала къ нему въ концѣ XVI ст., тянутъ теперь еще три новыя починокъ, между тѣмъ какъ къ селу Большому Услону, кромѣ прежняго поселенія Печищи, ставшаго, правда, значительною деревней, въ настоящее время примыкаетъ лишь починокъ Долгушевъ³⁾). Наконецъ, и въ сельцѣ Городищѣ мы должны

¹⁾ Дер. Одинокая Береза—19 дв. крест., у котор. дѣт., брат. и племян. 53 чел. и 11 дв. боб., у которыхъ и дѣтей и проч. 7 чел. да 2 чел. захреб., о которыхъ сказано: «жить въ той же деревнѣ по крестьянскимъ дворамъ переходя». Починокъ Рыкова Поляна, а въ ней крестьянскіе дворы—11, у нихъ братья, дѣтей и племянниковъ 19 чел. Такъ же л. л. 763—767.

²⁾ Въ сельцѣ Килдеевѣ въ концѣ XVI ст. не было еще двора прикащичья.

³⁾ Село Килдеево, «а въ немъ церковь, дворъ монастырской, а въ немъ дворникъ Агейко Ивановъ съ племянники, дворъ прикащичьихъ, а въ немъ дворникъ Гришка Кузьминъ, дворъ попа, а въ немъ живетъ земской дьячекъ; крестьянскіе дворы 61, у нихъ дѣтей и братій 144 человека; того жъ села бобыли 7 дв., у нихъ дѣтей 7 чел., да въ томъ же селѣ захребетники живутъ по тѣмъ же крестьянскимъ дворамъ 7 человекъ, у нихъ дѣтей 2 человека. Починокъ Никоновъ—23 двора крест., у нихъ дѣтей и братья 62 чел., да 5 человекъ захребети. Починокъ Кузьминъ—7 двор. кр.; у нихъ дѣтей и братья 17 человекъ. Поч. Патрицьевъ—7 двор. крестьян., у которыхъ дѣтей и братья 17 человекъ. Село Большой Услонъ—въ немъ церковь, дв. монастырской, а въ немъ живетъ прикащичъ Ларіонъ Дубанинъ; дворъ Троицкаго монастыря слуги. Да на церковной земѣ дворъ просвирни, дв. Черныя старшицы, дв. вдовы, дв. попа. Крестьянскіе дворы—87, у нихъ дѣтей и братья 228 человекъ; да сосѣдъ и захребетниковъ 10 чел., у которыхъ дѣтей 2 чел.; бобыльскихъ дворовъ 71, у нихъ дѣтей и братья

признать нѣкоторый успѣхъ въ развитіи, если сравнимъ его состояніе въ 1646 году съ тѣмъ, въ которомъ онъ былъ въ концѣ XVI столѣтія: въ немъ при прежнемъ монастырскомъ дворѣ, гдѣ живетъ дворникъ, мы находимъ уже не одинъ, какъ это было прежде, а пять дворовъ крестьянскихъ и три двора бобыльскихъ; кромѣ того въ немъ живетъ три захребетника, о которыхъ сказано: «живутъ въ томъ же селѣцѣ по тѣмъ же крестьянскимъ дворомъ». Къ селѣцу Городищу въ это время примыкаетъ лишь деревня Куземкина, состояніе которой не показываетъ успѣшности ея роста за этотъ промежутокъ времени: въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ и 1 дв. бобыльскій ¹⁾. Но слишкомъ медленный ростъ селѣца Городища и деревни Куземкиной не могутъ насъ удивлять, ибо намъ извѣстны условія, съ которыми надлежало бороться мѣстному населенію при его земледѣльческомъ занятіи: высушить довольно обширное болото, отчасти покрытое и окруженное лѣсомъ,—для этого у тогдашняго крестьянина было слишкомъ мало знаній и матеріальныхъ средствъ; монастырь же, вѣроятно, находилъ мало выгодъ для себя затрачивать свои средства здѣсь въ виду незначительной прибыли, въ то время, какъ онъ могъ въ этой же странѣ, но только въ иныхъ мѣстахъ, употребить ихъ съ огромнымъ для себя барышомъ. Интересны для насъ самые вопросы: когда появляются новыя поселки въ Свіязскомъ уѣздѣ, съ которыми мы встречаемся въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, и въ какихъ мѣстахъ они первоначально основывались? Къ сожалѣнію, отвѣчать опредѣленно на первый вопросъ мы не въ состояніи, вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній, и должны пока довольствоваться указаніемъ

125 челов. Деревня Печищи—крест. дв. 52, у нихъ дѣтей и братья 105 чел., да боб. 9 дв., у нихъ дѣтей и братья 17 чел. Починожъ Долгушевъ—крест. дв. 13, у нихъ дѣтей и братья 39 чел. Писцов. кн. № 6468 лл. 768 — 790; 816—832. (И въ этомъ, и въ другихъ случаяхъ необходимо сличеніе подлинной Писцовой книги за № 6468 съ копіею за № 848, ибо въ подлинной листы нерѣдко перепутаны).

¹⁾ Тамъ же л. 734—736.

лишь того промежутка времени, въ которомъ новыя поселенія могли возникнуть. Намъ извѣстно, что въ 1619 году Московскимъ правительствомъ разослана была по городамъ окружная грамота, въ которой сказано: «мы приговорили во всѣ города, которые не были въ разореньѣ, послать писцовъ; а которые города были отъ Московскихъ людей или отъ Черкасъ въ разореньѣ и въ тѣхъ городахъ послать дозорщиковъ добрыхъ», чтобъ сдѣланы были описи «въ правду»¹⁾. Эта общая перепись производилась до 1625 года. Но, такъ какъ большая часть книгъ, составленныхъ въ это время, сгорѣла въ Москвѣ въ большой пожаръ 1625 г., то правительство распорядилось вновь переписать тѣ земли, книги которыхъ сгорѣли; эта перепись продолжалась до 1630 года, и составленные книги отосланы были въ приказъ. По этимъ книгамъ и стали собираться доходы съ дворовъ; онѣ дѣйствовали до 1646 и 1647 годовъ, когда составлены были новыя описи и книги²⁾. Такъ какъ въ 1646 г. всѣ вышеупомянутыя починки и деревни уже встрѣчаются въ описяхъ, то мы на основаніи выраженія описи 1652 г. объ нихъ: «а въ жалованной грамотѣ (монастырю) и въ старыхъ въ писцовыхъ и въ дозорныхъ книгахъ тѣхъ деревень и починковъ затѣмъ монастыремъ не написано»³⁾, можемъ предположить, что вышеупомянутыя деревни и починки возникли приблизительно между двадцатыми и сороковыми годами. Относительно втораго вопроса мы въ состояніи дать болѣе обстоятельный отвѣтъ: изъ четырехъ деревень и четырехъ починковъ, появившихся вновь у Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ, 4 поселка основаны были «на ключѣ», остальные на рѣчкахъ и рѣкахъ. Кромѣ того объ нихъ о всѣхъ сказано: «а поставлены тѣ деревни и починки послѣ

¹⁾ А. А. Э. т. III, № 105.

²⁾ «О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митроп., патріарх. и Св. Синода»
И. Горчакова.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. № 1127 л. 992.

прежнихъ писцовъ и дозорщиковъ на монастырскомъ на дикомъ лѣсу»¹⁾).

Не у одного лишь Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ шло успѣшно дѣло колонизаціи, — Богородицкій монастырь нисколько не уступалъ ему въ этомъ отношеніи. Мы уже видѣли, что Богородицкій монастырь въ грамотѣ, поданной молодому царю, свидѣтельствуетъ о разореніи въ смутное время ворами не одного только его хозяйственнаго средоточія, но и всѣхъ деревень, тянувшихъ къ нему: «и сельцо Исаково и деревни выжгли и крестьянъ побили»; послѣднее выраженіе выѣстъ съ другимъ — «а иные (крестьяне) разбрелися» — можетъ вообще указывать намъ на плохое состояніе въ то время монастырскихъ вотчинъ; а такъ какъ въ той же грамотѣ говорится объ осадѣ и разореніи ворами города Свіяжска, то можно предположить, что и состояніе подгородныхъ монастырскихъ слободъ было не лучше. Обращаясь къ сельцу Исакову въ сороковыхъ годахъ XVII ст., мы застаемъ его селомъ, гдѣ, кромѣ прежняго монастырскаго двора, въ которомъ живутъ дворникъ и монастырскіе работники, находится 67 дворовъ крестьянскихъ и 29 дворовъ бобыльскихъ²⁾; при церкви, которая была и прежде, 3 двора, изъ которыхъ въ каждомъ живетъ особый священникъ; сверхъ того, особые дворы для дьячка и для пономаря³⁾. Но не только село Исаково находилось въ это время въ такомъ состояніи, — тянувшія къ нему деревни по своей людности производятъ болѣею частью тоже впечатлѣніе. Естественнo было и монастырскимъ слободамъ, подъ Свіяжскомъ за это время не только оправиться, но

¹⁾ Въ 4-хъ деревняхъ и 4 починокъ Троицкаго монастыря находилось въ 1652 году 126 дв. крест., да 16 дв. боб., да у нихъ дѣтей и братья и захребетниковъ 380 чел., пашни пах. добр. земли 528 чет. въ полѣ, а въ дву потокужъ, сѣна 900 коп. Тамъ же л. 995.

²⁾ Въ 1567 году въ сельцѣ Исаковѣ совсѣмъ не означено крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

³⁾ Въ 1567 году при церкви не означено ни одного двора, принадлежавшаго причту.

и увеличиться числомъ: между ними мы встрѣчаемъ теперь одну новую, состояніе которой по числу населенія немного уступаетъ старой слободѣ¹⁾. Нѣсколько селъ, которыя прежде были деревнями, а также нѣсколько новыхъ «деревень—починковъ», встрѣчающихся намъ въ описи сороковыхъ годовъ Свіяжскаго уѣзда, достаточно свидѣлствуютъ о колонизаціонной дѣятельности здѣсь, какъ отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ, такъ и самого Богородицкаго монастыря, умѣвшаго своимъ вліяніемъ и средствами возбуждать и поддерживать энергію и духъ предпріимчивости въ общинахъ, уже жившихъ на монастырскихъ земляхъ или же вновь появившихся. Но, кромѣ того, и у Богородицкаго монастыря, какъ это мы видѣли у Троицкаго, встрѣчаемся съ новымъ селомъ, тремя деревнями и тремя деревнями-починками²⁾, о которыхъ говорится: «за Богородицкимъ монастыремъ села и деревни и починки, а въ жалованныхъ грамотахъ и въ выписяхъ и въ писцовыхъ и въ дозорныхъ книгахъ тѣхъ селъ и деревень и починковъ за тѣмъ монастыремъ не написано, потому что тѣ села и деревни и починки поставлены вновь послѣ прежнихъ писцовыхъ и дозорныхъ на монастырскомъ на вотчинниковомъ на дикомъ поверстномъ лѣсу»³⁾.

¹⁾ Для примѣра: деревня Юртово (оп. 1567 г.) на р. Сужой, 3 дв. прест., пашни добр. земли 6 чети да перелогу 17 чети въ каждомъ полѣ: сѣна по р. Свіягъ 50 коп., лѣсу паш. 30 десят. да непаш. 45 десят. Слободка на Бусурманскомъ врагѣ противъ Бусурманской слободы, а въ ней живутъ крестьяне безпашенные 15 дворовъ. Въ 1646 г. дер. Старые Юрты, а въ ней 24 дв. крестьянъ, у нихъ дѣтей, братья и племянниковъ 71 человекъ; 5 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братья 10 чел. да 1 чел. соседъ. Подъ городомъ за р. Свіагою Шевалягина слобода, стоитъ на Бусурманскомъ врагѣ, противъ Бусурманской слободы; 46 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братья и племянниковъ 74 чел. Подъ городомъ Свіажемъ, на Коровей гривѣ (новой) слобода—35 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братья 54 человека. Арх. Мил. Юст. Писцов. кн. № 848 л. л. 238—240, № 6468 л. л. 834—875.

²⁾ О нѣкоторыхъ изъ нихъ въ описи сказано также, что они расположены «на ключѣ».

³⁾ Въ селѣ, 3-хъ деревняхъ и 3-хъ деревняхъ-починкахъ Богородицкаго монастыря находилось въ 1652 году крестьянъ 121 дворъ, да 15 двор.

Ознакомившись съ колонизаціонною дѣятельностью монастырей въ Свіязскомъ уѣздѣ, намъ теперь слѣдуетъ обратиться къ обзору правительственной дѣятельности здѣсь относительно населенныхъ земель, которыми правительство распоряжалось въ своихъ интересахъ. Земли эти, какъ уже сказано, розданы были Московскимъ правительствомъ въ помѣстья служилымъ людямъ, обязаннымъ нести за нихъ службу по Свіязску. Выше замѣчено было также, что правительство, отдавая въ помѣстья земли, не имѣло въ то время наклонности сильно дробить ихъ между служилыми людьми; напротивъ, въ 1567 году можно замѣтить нѣкоторое стремленіе соединять въ однихъ рукахъ помѣстье, которое до этого было за нѣсколькими лицами¹⁾. Даже болѣе населенныя и обширныя села, какъ Маркваша и Бурнашево Красное, имѣли очень ограниченное число помѣщиковъ. Совершенно иными представляются намъ помѣстья служилыхъ людей въ 1646 году: въ это время въ деревняхъ средне-населенныхъ можно довольно часто встрѣтить трехъ или четырехъ помѣщиковъ. Въ помѣстьяхъ же болѣе населенныхъ, каковыми въ это время были село Бурнашево Красное или Жилецкая слобода, число помѣщиковъ было очень порядочное²⁾. Принципа—дробить помѣстья на небольшіе же-

боб., у которыхъ дѣтей и братья и племянниковъ и сосѣдъ и захребетниковъ 289 человекъ, пашни пах. добрыя земли 782 чети въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣна 940 коп. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. № 1127 лл. 978—979.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, поступлено было съ Жилецкою слободою и съ селомъ Теньки, которыя до 1567 года были за нѣсколькими помѣщиками, а въ этомъ году каждое отдано было отдѣльному лицу. Писц. кн. № 848 лл. 137, 159.

²⁾ Село Бурнашево, въ которомъ въ XVI ст. было 48 дв. крестьянъ, числилось въ помѣстьѣ за двумя помѣщиками. Въ XVII столѣтіи (1646 г.) въ немъ было 35 дв. крест. и 5 дв. боб., испомѣщено было въ немъ около 17 помѣщиковъ, при чемъ попадаются помѣщики совсѣмъ безъ крестьянъ или же съ однимъ или 2-мя крестьянскими дворами. Въ Жилецкой слободѣ въ XVI ст. было 19 дв. крест., и она въ 1567 году отдана была въ помѣстье дьяку Безсонову; въ 1646 г. она была населена бобылями—33 дв. и находилась въ помѣстьѣ за 8 помѣщиками; за однимъ помѣщикомъ встрѣчается 1 дв. Писцов. кн. № 848 лл. 159—160, 184—185, № 6468 лл. 1060—1064, 1082 и слѣд.

ребья и раздавать ихъ уѣзднымъ служилымъ людямъ правительство XVII столѣтія держалось не только относительно русскихъ служилыхъ людей, но и относительно служилыхъ инородцевъ; такъ, напримѣръ, въ селѣ Архангельскомъ, «что бывало Татарское Бурнашево», было испомѣщено 15 чел. служилыхъ татаръ¹⁾; при чемъ здѣсь встрѣчаются тѣ же явленія, которыя мы видимъ въ русскихъ селахъ и деревняхъ, т. е. попадаются помѣщики съ однимъ или двумя дворами крестьянскими, и бобыльскіе дворы преобладаютъ надъ крестьянскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ указать еще на одно явленіе, нерѣдко повторяющееся въ помѣстьяхъ служилыхъ людей этого времени—на встрѣчающіеся у нихъ пустые крестьянскіе дворы, владѣтели которыхъ отиѣчены въ бѣгахъ; это, при небольшомъ болѣею частію количествѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи помѣщиковъ, невольно бросается въ глаза. Хотя, необходимо упомянуть, пустые дворы попадаютъ въ это время также и въ монастырскихъ вотчинахъ, но рѣже, чѣмъ въ помѣстьяхъ служилыхъ людей. Подобный фактъ отчасти можетъ указывать на тяжелое положеніе крестьянина у мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, которое въ это время должно было увеличиться вслѣдствіе стѣсненій крестьянъ наканунѣ отиѣны срочныхъ годовъ и окончательнаго ихъ закрѣпощенія Уложеніемъ.

Но если въ такой большой промежутокъ времени и на земляхъ служилыхъ людей можно замѣтить нѣкоторое, иногда даже значительное, приращеніе населенія²⁾, если и въ ихъ рукахъ нѣкоторыя деревни, увеличившись, стали селами, если

¹⁾ Тамъ же л. 1070.

²⁾ Напримѣръ: деревня Вѣлая Волошка, бывшая въ 1567 году въ помѣстьѣ за однимъ помѣщикомъ, имѣла 15 дв. крестьянъ; въ 1646 году она уже село съ церковью, при которой дворъ попа, 41 дв. кр., у которыхъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 100 чел., да 16 дв. боб., у коихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 22 чел. Въ селѣ испомѣщены 5 человекъ помѣщиковъ. Тамъ же лл. 1014—1021.

починки возникали и на ихъ земляхъ¹⁾,—то все же необходимо признать, что дѣятельность служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ относительно колонизаціи края далеко отстаетъ отъ дѣятельности здѣсь монастырей. Обусловливается это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что у служилыхъ людей большей частью во владѣніи были помѣстья, а у монастырей вотчины, слѣдовательно мотивы къ проявленію энергіи у тѣхъ и у другихъ были различны; кромѣ того, не безъ серіознаго вліянія должно было быть и то, что крестьянская община на земляхъ служилыхъ людей уже и теперь, по всей вѣроятности, какъ въ послѣдствіи при Котошихинѣ, не могла пользоваться тою долею свободы, которая ей была доступна въ монастырскихъ вотчинахъ; поэтому она не могла на земляхъ первыхъ выказать ту энергію и развитъ такую самодѣятельность, какъ на монастырскихъ земляхъ.

Въ пятидесятихъ годахъ XVII столѣтія (1652 — 1653 гг.) произведена была новая опись Свіяжскому уѣзду, и копія съ этой писцовой книги сохранилась; поэтому мы можемъ видѣть тѣ измѣненія, которыя произошли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за этотъ небольшой промежутокъ времени въ селахъ и въ деревняхъ Свіяжскаго уѣзда. Но прежде, чѣмъ приступить къ обзорѣннѣ фактовъ народно-хозяйственной жизни, содержащихся въ этомъ документѣ, мы должны указать на одну особенность, встрѣченную нами въ немъ, которая отличаетъ его отъ другихъ подобнаго рода актовъ. Эта особенность состоитъ въ томъ, что большинство монастырскихъ населенныхъ земель Свіяжскаго уѣзда—слободы, села и деревни — разсматриваются въ этой писцовой книгѣ двояко: сперва описываются населенія, пахота и угодья на первоначальной или, такъ сказать, основной землѣ, а затѣмъ говорится: «да въ томъ же селѣ (или деревнѣ) сверхъ дачъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, починокъ *Сунчалъевъ*, а въ немъ дворъ помѣщика служилаго татарина Кибика Мураы *Сунчалъева*. Тамъ же лл. 1124 — 1127.

примѣрено лишніе земли», при чемъ на примѣрной землѣ указывается количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, сѣна и прочаго, и наконецъ дѣлается итогъ всему описанному, начинающійся обыкновенно словами: «обоего» — столько-то. Сопоставивши величину первоначальной или основной пахотной земли въ селахъ и деревняхъ Троицкаго Свѣяжскаго монастыря съ пахотой, которая находилась въ этихъ вотчинахъ въ концѣ XVI столѣтія, мы замѣтили въ общемъ ихъ приблизительное совпаденіе¹⁾. Вслѣдствіе этого можно предположить, что здѣсь

¹⁾ Для примѣра: Сельцо Услонъ по описи 1594 г. въ немъ 29 дв. кр. и 20 дв. боб., пашни 76 чети съ осьмухою въ каждомъ полѣ; сѣна 3000 коп. Село Большое Услонъ (1652 г.), а въ селѣ церковь, да въ селѣ дворъ поповъ и проч., пашни пах. церков. добрые земли 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 коп., да 25 дв. кр. да 5 дв. боб., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братья и захребетниковъ 71 челов., пашни пах. добрые земли 76 чети въ кажд. полѣ; сѣна 1500 копенъ. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли 443 чети съ осьминою въ каждомъ полѣ, сѣна 200 коп., а на ту, на примѣренную землю 97 дв. крестьян. да 20 дв. боб. да у нихъ дѣтей и братьевъ и зятьевъ и пасынковъ и захребетниковъ 257 челов. И обоего. . . Деревня Селменцова (оп. 1594) на р. Берлѣ, а въ ней крестьянъ 19 дв., пашни пахан. добр. земли 40 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 200 коп. Село Новое, что была деревня Селменцова (оп. 1652 г.) на р. на Берлѣ, а въ селѣ церковь съ папертью древянна кѣтскя; дворъ поп. двор. дѣлч., дв. просвир.; паш. пах. церк. добр. земли 20 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 40 коп., да въ селѣ дворъ монастырской, а въ немъ дворянъ, да 8 дв. крест., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ же дѣтей и братья и племян. и захреб. 25 чел., пашни пах. добрыя земли 40 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 520 коп. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли, паш. пах. добрые земли 330 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 100 копенъ; а на ту на примѣренную землю 80 дв. крест. да 11 дв. боб., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьевъ и зятьевъ и племянниковъ и захребетниковъ 225 человекъ. И обоего. . . Деревня, что былъ починокъ Уланковъ (оп. 1594 г.), а въ ней крест. 6 дв. и 2 дв. боб., пашни пах. добрыя земли 21 чети въ каждомъ полѣ, да перелогу 3 чети въ каждомъ полѣ, лѣсу пашеннаго около полъ 7 десят. съ $\frac{1}{4}$, сѣна 150 коп. Деревня, что былъ починокъ Уланковъ (оп. 1652 г.) на рѣкѣ на Берлѣ, а въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братья и племян. 20 человекъ, пашни паханны добрыя земли 29 четв. въ каждомъ полѣ. Сѣна 550 коп. Да въ той же деревнѣ примѣр. сверхъ дачи лишніе земли пашен. пах. добр. земли 90 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 100 коп.; а на ту на прим. землю 16 дворовъ крестьянъ, да у нихъ дѣтей и братья и захребетниковъ 44 чл. да 2 дв. пустыхъ крестьян. И обоего. . . Арх. Мин. Юст. 1-ое Отд. Казан. уѣзд. граж. № 6431 лл. 20—26. Писцов. кн. № 1127 лл. 985—986.

къ основной пахотѣ отнесена та земля, на которой первоначально основалась крестьянская община и которая при этомъ отиѣрена была для ея первыхъ членовъ. Кромѣ того слѣдуетъ предположить, что члены первоначальной общины удержали отмежеванную имъ землю съ угодьями для себя и для своихъ потомковъ,—новые-же члены, явившіеся, быть можетъ, послѣ междоусобицъ и селившіеся тутъ же, образовывали изъ себя по отношенію къ землѣ и угодьямъ новую общину. Такимъ образомъ, первоначальная крестьянская община на монастырскихъ земляхъ относительно своихъ угодій, особенно въ пахотной землѣ, замѣнилась, и пришлое населеніе селится и разрастается на такъ называемой «лишней прииѣренной землѣ». Когда же совершилось это раздѣленіе и впервые установлена была «прииѣренная земля» въ монастырскихъ поселеніяхъ Свѣяжскаго уѣзда, мы вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній рѣшительно опредѣлить не можемъ. Но, если принять во вниманіе, что количество пахоты на основной землѣ болѣею частью приближается къ величинѣ пахоты, которую находимъ въ монастырскихъ поселеніяхъ уѣзда въ концѣ XVI вѣка, то можно предположить, что земля въ селахъ и въ деревняхъ монастырскихъ Свѣяжскаго уѣзда стала «прииѣряться» лишь въ первой описи XVII вѣка, которая, вѣроятно, произведена была вскорѣ послѣ междоусобицъ, когда новое правительство съ фискальною цѣлью старалось привести въ извѣстность состояніе населенныхъ земель и платежную способность своихъ подданныхъ. Нельзя ли предположить, что послѣ экономического погрома смутнаго времени немногіе уцѣлѣвшіе члены крестьянскихъ общинъ въ отдѣльныхъ селахъ и деревняхъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свѣяжскаго уѣзда потребовали отъ нихъ утвержденія за собою и за своимъ потомствомъ пахотной земли и угодій, которыя они до эпохи смуты сообща обрабатывали и уже пользовались ими, выго-раживая такимъ образомъ, какъ бы въ награду себѣ и своимъ потомкамъ, произведенія своего труда отъ новыхъ пришельцевъ? Быть можетъ, и монастыри съ своей стороны, сознавая

нѣкоторую справедливость за подобными требованіями старыхъ крестьянскихъ общинъ, много потерпѣвшихъ во время междоусобія, согласились на это.

Выше мы уже говорили о томъ, что сохранились нѣкоторыя косвенныя указанія относительно того, что въ 1614 г. изъ Москвы посланы были въ Свіяжскій уѣздъ служилые люди для описи; извѣстно, что они для правительства составили книги, на которыя оно впослѣдствіи ссылается; быть можетъ, въ этихъ-то книгахъ сдѣлана была впервые оговорка относительно этого предмета. Во всякомъ случаѣ изъ описи Свіяжскаго уѣзда 1652 года можно видѣть, что въ монастырскихъ вотчинахъ въ это время встрѣчаются большею частью двѣ разныя общины, которыя, хотя живутъ на одномъ мѣстѣ, но владѣютъ, повидимому, отдѣльно пахотною землею и сѣнными покосами. Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что и въ помѣстьяхъ, и въ вотчинахъ служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда встрѣчаемся въ это время съ примѣренною землею; но здѣсь она, вслѣдствіе, быть можетъ, крайней раздробленности помѣстій и незначительности примѣренной земли, не имѣетъ того значенія въ колонизаціи края, какъ въ монастырскихъ имѣніяхъ.

Первое, что выдѣляется въ писцовой книгѣ половины XVII столѣтія, сравнительно съ описью конца XVI столѣтія, это—малочисленность въ большинствѣ монастырскихъ вотчинъ крестьянъ и бобылей, живущихъ на первоначальной землѣ. Повидимому, погромъ смутнаго времени былъ такъ великъ, что приращеніе населенія посредствомъ народненія въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній не могло сгладить той убыли, которую потерпѣли крестьянскія общины на монастырскихъ земляхъ во время междоусобія. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе большое количество населенія на «примѣренной лишней землѣ», сравнительно съ числомъ поселенцевъ на первоначальной землѣ. Судя по увеличенію населенія на примѣренной землѣ, приливъ новыхъ насельниковъ на монастырскихъ земляхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ долженъ былъ быть довольно великъ. Понятно, что

этотъ приливъ не могъ быть одинаковъ во всѣхъ монастырскихъ вотчинахъ: на бойкихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Большомъ и Нижнемъ Услонахъ съ нѣкоторыми тянувшими къ нимъ деревнями, равно какъ въ селахъ: Новомъ, Исаковѣ, и въ иныхъ пунктахъ, приливъ былъ очень силенъ, — въ другихъ же мѣстахъ онъ былъ гораздо слабѣе. Вѣстѣ съ умноженіемъ населенія на примѣренной землѣ замѣтно и сильное увеличеніе здѣсь пахотной земли, которая при значительномъ умноженіи населенія иногда въ нѣсколько разъ превосходитъ пахоту на первоначальной землѣ¹⁾). Это явленіе въ хозяйственной жизни общинъ обуславливается, по всей вѣроятности, тѣмъ, что луга могли быть съ самаго начала замѣчены первоначальными поселенцами на монастырскихъ земляхъ, которые тотчасъ же обратили на нихъ вниманіе, какъ на статью для себя чрезвычайно выгодную, особенно при трудности мѣстами скоро увеличить свою пахоту. Не то должно было происходить впоследствии, когда новые сѣнокосы добывались либо очищеніемъ полянъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, либо высушиваніемъ болотныхъ пространствъ. Обѣ эти операціи сопряжены съ затратою довольно значительнаго труда, не лица, а цѣлой общины; поэтому, сѣнокосы встрѣчаются теперь въ скромныхъ размѣрахъ сравнительно съ пахотой, которая могла постепенно

¹⁾ Такъ, напримѣръ, деревня, что была починокъ *Печищи*, по обѣ стороны ручья, близко р. Волги, а въ ней 10 дв. крест., да у нихъ дѣтей и братья и проч. 23 челов., пашни пах. доб. земли 6 чети съ ослинною въ каж. полѣ; сѣна 500 коп. Да въ той же деревнѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли, паш. пах. доб. земли 125 чети въ кажд. полѣ, сѣна 50 коп., а на ту на примѣр. землю 48 дв. крест., и 9 двор. боб., да у нихъ дѣтей и братья и племян. и захреб. 110 челов. *Деревня Новая* (Богородицкаго монастыря), а Старая Нижняя Вязовая тожъ, на озерѣ на Вязовскомъ у р. у Волги, подъ Вязовыми горами, а въ ней 7 дворовъ кр., да у нихъ дѣтей и сосѣдъ 16 человѣкъ, пашни пах. доб. земли 45 чети въ каждомъ полѣ; сѣна 320 коп. да въ той же деревнѣ сверхъ дачи примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. земли 104 чети въ кажд. полѣ, сѣна 80 коп., а на ту примѣрную землю 15 дворовъ крестянъ, да 4 дв. бобылей, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ же дѣтей и братья 38 челов. Тамъ же писц. кн. № 1127 лл. 966, 989—990.

увеличиваться работою отдѣльной семьи при небольшой поддержкѣ со стороны. Увеличеніе пахотной земли сравнительно съ сѣнокосомъ въ этотъ періодъ времени замѣтно и на церковной землѣ въ селахъ служилыхъ людей. Въ то время, какъ въ XVI столѣтіи для причта въ селахъ Свіяжскаго уѣзда отводилось обыкновенно 6 четей пахоты въ каждомъ полѣ и 30 копенъ сѣна, въ половинѣ XVII столѣтія на земляхъ служилыхъ людей обычная величина церковной пахотной земли 16 четей въ каждомъ полѣ и 20 копенъ сѣна; въ монастырскихъ селахъ въ это время для причта отводится 20 четей пахотной земли и 30, рѣже 40 копенъ сѣна¹⁾. Повторяясь въ частномъ хозяйствѣ, фактъ этотъ выдѣляется также и въ общей суммѣ монастырскихъ земель, которая помѣщена въ концѣ описи землямъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда²⁾. Понятно, что, кромѣ сѣноковъ, въ XVII столѣтіи должны были уменьшиться, сравнительно съ прошлымъ, и лѣсныя пространства, особенно имѣя въ виду значительное увеличеніе пахотной земли въ этомъ по преимуществу лѣсномъ уѣздѣ. И дѣйствительно, съ пашеннымъ лѣсомъ въ нынѣшнее время мы встрѣчаемся только въ старомъ сельцѣ

¹⁾ Писцов. кн. Свіяжскаго уѣзда № 848, лл. 155, 184, № 1127 лл. 879, 966, 981, 983, 986, 988.

²⁾ Въ Троицкомъ монастырѣ въ 1652 г. въ вотчинѣ было 5 селъ, да сельцо, да 5 деревень, а въ селахъ 5 церквей, пашни пах. церк. доб. земли 100 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 160 копенъ, да 104 дв. крест., да 10 дв. боб; крест. пашни пах. доб. земли 443 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 6650 копенъ. Да тогожъ монастыря въ вотчинѣ, въ селахъ и въ деревняхъ прихѣрено лишніе земли сверхъ дачи паш. пах. доб. земли 2217 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 1250 коп., а на ту на примѣрную землю 469 дв. кр. да 59 дв. боб. Въ Богородицкомъ монастырѣ на первоначальной землѣ въ вотчинѣ въ 1652 г.: 2 слободки, 4 села, 15 деревень, а въ селахъ 4 церкви; пашни пах. церкв. доб. земли 80 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 140 коп., 384 дв. крест., да 90 дв. боб; кр. паш. пах. доб. земли 1269 чети въ кажд. полѣ, сѣна 8025 коп. Да у тогожъ монастыря въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, которымъ за монастыремъ въ дачѣ написаны, сверхъ монастырской дачи прихѣрено лишніе земли пашни пах. доб. зем. 2153 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 3800 коп., а на ту на примѣрную землю 340 дв. крест. и 60 дв. боб. Писц. кн. за № 1127 лл. 977—979, 994.

Городищѣ, и при томъ въ количествѣ лишь 89 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей¹⁾ Слѣдуетъ указать еще на одну особенность въ монастырскихъ вотчинахъ половины XVII-го столѣтія, которая довольно рѣзко отдѣляетъ ихъ не только отъ XVI столѣтія, но и отъ современныхъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей въ Свияжскомъ уѣздѣ: у монастырей, кромѣ одной пустоши Богородицкаго монастыря, совершенно не упоминается о перелогахъ и заросляхъ, что можетъ свидѣтельствовать объ успѣшной хозяйственной дѣятельности крестьянскихъ общинъ на монастырскихъ вотчинныхъ земляхъ.

Сопоставляя въ частностяхъ описаніе монастырскихъ вотчинъ Свияжскаго уѣзда половины XVII столѣтія съ описаніями ихъ конца XVI вѣка и сороковыхъ годовъ XVII-го столѣтія, мы должны отмѣтить нѣкоторые замѣченныя нами измѣненія, какъ въ свойствахъ почвы мѣстами, такъ и въ хозяйственной жизни вотчинъ и крестьянскихъ общинъ.

Благодаря увеличенію пахотной земли, уменьшенію лѣсовъ, изсушенію мѣстами болотъ, число ключей и источниковъ должно значительно уменьшиться, вслѣдствіе чего количество влаги и стремительность теченія воды въ небольшихъ рѣчкахъ должны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уменьшиться. Какъ результатъ этого, мы находимъ, что въ половинѣ XVII столѣтія исчезли многія небольшія водяныя мельницы, которыя именуются «меленки колотовки». Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVI вѣка подъ деревнею Агишево, Улянково тожь, что лежала на р. Берлѣ, находились «3 меленки колотовки крестьянскія»; подъ починкомъ Корноуховскимъ, бывшимъ на этой же рѣчкѣ, стояли «на ручью 3 крестьянскія меленки колотовки»²⁾,—со всѣми ими мы уже не встрѣчаемся въ описяхъ половины XVII столѣтія. Но за то вмѣсто малыхъ мельницъ мы видимъ въ это время новыя, большія мельницы, назначеніе которыхъ было удовлетворять увеличившейся по-

¹⁾ Тамъ же л. 981.

²⁾ Арх. Мин. Юст. 1-е отд. Казан. у. грам. № 6131 лл. 22 и 24.

требности вслѣдствіе умноженія населенія въ монастырскихъ вотчинахъ. Такъ, въ вотчинахъ Троице-Сергіева монастыря вмѣсто одной мельницы «Большое колесо», которую мы встрѣчали въ XVI столѣтіи, теперь находимъ 4 мельницы «Большое колесо» и одну «меленку колотовку»; на земляхъ Богородицкаго монастыря вмѣсто одной мельницы «Большое колесо» находимъ въ настоящее время 3 мельницы «Большое колесо», да 2 «меленки колотовки»¹⁾. Съ уменьшеніемъ влаги исчезли мѣстами препятствія къ улучшенію почвы и къ увеличенію ея производительности. Такъ, мы знаемъ, что подлѣ селъца Городища лежало большое болото; что у деревни Куземиной, тянувшей къ этому селъцу, находилось «въ пашнѣ болотцо», намъ извѣстно также, что въ селъцѣ Городищѣ съ самаго начала была монастырская запашка на 25 четяхъ въ каждомъ полѣ, кромѣ крестьянской; въ деревнѣ Куземиной крестьянской пашни числилось 6 четей, или 3 десятины, — вся здѣшняя земля въ концѣ XVI столѣтія, какъ мы уже знаемъ, получила наименованіе «худой земли». Но настойчивый трудъ небольшой крестьянской общины, поддерживаемой, вѣроятно, монастыремъ, достигъ въ теченіе полустолѣтія того, что пашенная земля селъца Городища и деревни Куземиной стала наконецъ «доброю землею»²⁾. Среди селъ Троицкаго Свѣяжскаго монастыря на р. Берѣ, гдѣ главнымъ мѣстомъ его хозяйственной дѣятельности было село Новое, въ настоящее время встрѣчаемся съ новымъ селомъ, которымъ стала «деревня Агишево, Улянково тожъ». Но состояніе села Агишева въ 1652 году, сравнительно съ его прежнимъ состояніемъ, указываетъ намъ на

¹⁾ Тамъ же лл. 978 и 995.

²⁾ Селъцо Городище (оп. 1652 г.), а въ селѣ дворъ монастырской, а въ немъ 1 человекъ дворникъ, да 5 дв. кр. да 2 дв. бобыл., да у нихъ дѣтей и брати и зятей и захребетниковъ 15 чел., пашни паханые добрыя земли 47 четей, да лѣсу пашен. 89 чети и обоего 136 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 320 коп.; здѣсь же означена по прежнему мельница больш. кол.; да около сѣна 410 коп. Дер. Куземина, что былъ починокъ Притыкинъ на болотѣ, а въ ней 8 дв. крест. да дв. боб., да у нихъ дѣтей и брати и племянниковъ 21 человек., пашни пах. доб. земли 36 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 100 копень. Тамъ же, л. 981.

довольно медленное развитіе этого пункта, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, по всей вѣроятности, было и его значеніе среди монастырскихъ селъ; въ немъ не упоминается даже о монастырскомъ дворѣ, въ которомъ жилъ представитель монастырскаго хозяйства¹⁾. Какъ въ селѣ Агишево, такъ и въ другихъ селахъ и деревняхъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда, прогрессъ за настоящій промежутокъ времени (1646—1652 гг.) состоялъ не столько въ прибытіи новыхъ членовъ, сколько въ переходѣ бобылей или сосѣдей въ число крестьянъ²⁾.

Обозрѣвая помѣстья и вотчины служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда, каковыми они намъ являются по описи 1652 г., мы должны признать въ хозяйственномъ отношеніи гораздо большую удовлетворительность за вотчинами. По всей вѣроятности, это обуславливается тѣмъ, что вотчина по своему типу приближалась къ собственности, вслѣдствіе чего пользовалась со стороны владѣльца лучшею хозяйственною дѣл-

¹⁾ Деревня Агишево, а Уляниково тожъ, (по оп. 1591 г.), на р. Бирлѣ а въ ней кр. дв. 20 и 1 дв. боб., паш. пах. доб. земли 30 четв въ кажд. полѣ, да перелогу 3 четв въ каждомъ полѣ, сѣна по рѣкѣ Бирлѣ 300 коп. Деревня Уляниково (по оп. 1646 г.) 23 дв. кр., у нихъ братья, дѣтей и племян. 50 челов., 3 дв. боб. «тое жъ деревни захребетники, а живутъ они въ той же деревни по крестьянскимъ дворамъ переходя—5 челов.» (среди нихъ 3 вдовы съ дѣтьми). По описи 1652 г.—Село, что была деревня Агишево, а Уляниково тожъ, а въ немъ церковь, паш. церков. доб. земли 20 четв въ каждомъ полѣ, сѣна 30 коп., да въ селѣ жъ 7 дв. кр., у которыхъ дѣтей и братья и племя. 15 челов., пашни пах. доб. земли 33 четв въ кажд. полѣ, сѣна 350 коп. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли 91 четв. въ кажд. полѣ, сѣна 50 коп., а на ту же примѣрную земли 20 дв. кр. у которыхъ дѣтей и братья и племя. 49 человакъ. Арх. Мин. Юст. 1-е Отд. Казан. уѣзда грам. № 6431 лл. 21—22; писцов. кн. № 1127 л. 986.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ селѣ Большомъ Услонѣ въ 1646 году было 87 дв. крест. и 71 дв. боб.; а въ 1652 г. 122 дв. кр. и 25 дв. боб. Въ селѣ Нижнемъ Услонѣ въ 1646 г. 105 дв. кр. и вмѣстѣ съ деревнею Студенецъ 21 дв. боб., въ этомъ же селѣ въ 1652 г. 116 дв. крест. и 12 дв. боб. Въ селѣ Новомъ въ 1646 г. 69 дв. кр. и 28 дв. боб., въ 1652 г. 88 дв. кр. и 11 дв. бобыл. Въ деревняхъ тоже, Писц. кн. за 1648 лл. 737, 768, 789 (свѣдѣно съ копіею). № 1127 лл. 983, 988, 990—991.

тельностью, чѣмъ помѣстье, въ прочихъ отношеніяхъ котораго къ своему потомству владѣлецъ не такъ могъ быть увѣренъ. Вслѣдствіе этого встрѣчаемся съ такимъ, наприимѣръ, фактомъ: служилый человѣкъ владѣть жеребьями въ четырехъ разныхъ мѣстахъ, при чемъ въ двухъ онъ владѣть ими какъ помѣщикъ, а въ двухъ какъ вотчинникъ,—и мы видимъ, что вотчинные жеребья лица, по составу своего населенія, находятся въ удовлетворительномъ состояніи, въ то время, какъ помѣстные жеребья въ самомъ жалкомъ положеніи,—обстоятельство, достойное тѣмъ большаго вниманія, что за шесть лѣтъ до этого состояніе одного изъ помѣстныхъ жеребьевъ, бывшаго и тогда за тѣмъ же лицомъ, находилось въ удовлетворительномъ состояніи¹⁾. Кроме того, не могло не отзываться ущербомъ на вотчинахъ и на помѣстьяхъ сильное ихъ дробленіе на меньшіе жеребья, которые были раски-

¹⁾ Въ селѣ Бѣлой Волошкѣ (по оп. 1646 г.) за Петромъ Тимофеевымъ сыномъ Есипова на его жеребей при *помѣщичьемъ* дворѣ находилось 11 дв. и 9 дв. боб. Въ этомъ же селѣ за нимъ (по оп. 1652 г.) жеребей, на его жеребей дворъ помѣщиковъ, да 2 дв. крестьянскихъ пустыхъ, пашни пах. доб. земли 16 четв. въ кажд. полѣ, сѣна 70 копенъ. Да у него жъ Петра въ томъ же селѣ приимѣрено лишніе земли пашни пах. добр. земли 8 четв. съ $\frac{1}{2}$, въ кажд. полѣ, сѣна 20 коп. За нимъ же въ Жилецкой слободѣ на р. Сулицѣ (оп. 1646 г.) въ помѣстьяхъ 6 дв. боб. Въ той же слободѣ (оп. 1652 г. за нимъ въ *вотчиннѣ* жеребей, а на его жеребей 6 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братья 'одиннадцать' человѣкъ, даны ему тѣ бобыли въ *вотчину* за четвертную *землю*, за 20 четвертей съ осьминою въ полѣ, а во дву потомужъ. За нимъ же въ селѣ Бурнашевѣ Красномъ или Русскомъ, на р. Сулицѣ жеребей въ *помѣстьяхъ*, а на его жеребей 2 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, пустыхъ, пашни пах. доб. земли 7 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 30 коп.; да у него жъ въ томъ же селѣ приимѣрено лишніе земли пах. доб. земли осьмины въ каждомъ полѣ, сѣна 3 копы. За нимъ же въ деревнѣ Оедьковѣ, что была *починокъ* (починкомъ было это поселеніе въ 1567 г.) въ *вотчиннѣ*, (по оп. 1652 года) половина той деревни, а на его половинѣ 3 дв. крестьян., у которыхъ дѣтей и братья 5 чел.; паш. пах. доб. земли 10 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 60 копенъ. Да у него жъ Петра приимѣрено въ той же деревнѣ сверхъ дачи его лишніе земли паш. пах. добр. земли 24 четв. въ кажд. полѣ, сѣна 20 коп., а на ту приимѣр. землю 5 дв. крест. да дв. боб., да у нихъ же дѣтей и братья и сосѣдъ 16 челов.. Арх. Мин. Юст. III Вотчин. Отд. писцов. кн. за № 6468 лл. 1014—1021, 1060—1064; за № 1127 лл. 877, 880, 934, 948.

путы въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего хозяйственная дѣятельность служилаго человека должна была по необходимости разбрасываться. Въ такихъ случаяхъ помѣщику и вотчиннику трудно было услѣдить за всѣми злоупотребленіями не только по управленію, но и по суду, ибо въ настоящее время, по всей вѣроятности, начало становится достоиніемъ дѣйствительной жизни упоминаемое Котошихинимъ: «помѣщики и вотчинники вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлѣ»¹⁾. Вслѣдствіе, вѣроятно, разбросанности помѣстныхъ и вотчинныхъ жеребьевъ, встрѣчается нерѣдко, что во дворѣ помѣщика или вотчинника на жеребѣ живетъ не самъ онъ, а его крестьянинъ; иногда же вмѣсто двора помѣщика обозначенъ дворъ прикащиковъ²⁾. Самая дробность селъ и деревень на жеребья съ 1646 года не уменьшалась, а большей частью увеличивалась³⁾. Какъ результатъ подобныхъ условій, является запущенность хозяйствъ въ помѣстьяхъ, что замѣчается не только въ запустѣніи крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, но также въ пустошахъ, въ перелогихъ и въ пашнѣ, о которой говорится: «лѣсомъ поросло». И подобные факты большею частью являются не послѣдствіемъ истощенія земли, потому что о нѣкоторыхъ пустошахъ прямо сказано: «а въ ней пашни и перелогу и лѣсомъ поросло *добрыя земли*» столько-то; но самую подобную пустошь съ незначительнымъ количествомъ пахоты и сѣнокоса находимъ во владѣніи двухъ помѣщиковъ, такъ что ни одинъ не былъ серьезно заинтересованъ здѣсь, ибо у нихъ иногда находились въ другихъ мѣстахъ болѣе значительные,

¹⁾ Котошихинъ гл. XI, ст. 3.

²⁾ Писцов. кн. за № 6468 л. 1082 и др. № 1127 л. 937.

³⁾ Такъ, наприм., въ селѣ Бурнашево Красное въ 1646 году состояло только около 17 помѣщиковъ, а въ 1652 году здѣсь помѣстья числились за 31 помѣщикомъ и за вдовою помѣщицей; въ другихъ, не столь значительныхъ селахъ и деревняхъ увеличеніе болѣе умеренное, но большей частію большее, чѣмъ въ 1646 году. Писцов. кн. за № 6468 л. 1082 и слѣд., 1014—1021; за № 1127 л. 890 — 891, 937.

не запущенные жеребья¹⁾. Но и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей, какъ и въ монастырскихъ вотчинахъ, за настоящій промежутокъ времени (6 лѣтъ), можно не рѣдко замѣтить въ населеніи переходъ изъ бобылей въ крестьяне, что отчасти, быть можетъ, указываетъ на увеличеніе зажиточности въ пришлому населеніи Свіяжскаго уѣзда, которое селилось здѣсь на земляхъ служилыхъ людей²⁾. Наконецъ, рассматривая въ цѣломъ земли служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда въ отношеніи населенности, пахоты и сѣнокоса, и сопоставляя ихъ нынѣшнее состояніе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съ ихъ состояніемъ въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія, мы должны признать въ нихъ большею частью незначительный прогрессъ; даже въ починкахъ, которые стали пустошами, количество запущенной пахоты и сѣнокоса болѣе, чѣмъ было въ нихъ прежде. Но, сопоставляя хозяйственное состояніе земель служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII ст. съ таковымъ же состояніемъ монастырскихъ земель, мы не можемъ не признать ихъ часто запущенными, находящимися въ печальномъ положеніи. Это, по всей вѣроятности, обуславливается тѣмъ, что крестьянская община на земляхъ служилыхъ людей, даже въ большихъ и людныхъ селахъ, обыкновенно дѣлима была системою помѣстныхъ жеребьевъ на отдѣльныя, иногда незначительныя доли³⁾, вслѣдствіе чего, понятно, она не могла

¹⁾ «Пустошь что была починкомъ Жуковъ» (оп. 1652 г.): исполщено было здѣсь 2 служилыхъ человека,—за однимъ было 4 чети въ каждомъ полѣ и 25 коп., а за другимъ 5 чети въ кажд. полѣ и 10 коп. Въ 1567 г. починокъ былъ въ помѣстьѣ за однимъ и въ немъ было тогда 6 чети въ кажд. полѣ и 25 коп. Писцов. кн. за № 1127 лл. 893, 895 896 и пр.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ Жилецкой слободѣ, бывшей въ помѣстьѣ за служилыми людьми въ 1646 году, всѣ 33 двора были бобыльскіе, а въ 1652 г. за помѣстными людьми, въ ней стояло 13 дв. крест. и 19 дв. боб. Въ селѣ Виллой Волошиѣ также за это время число крестьянъ увеличилось, а бобылей уменьшилось. Писцов. кн. за № 6468 лл. 1060—1064, 1262—1263. Писцов. кн. № 1127 лл. 878 и 937.

³⁾ Одинъ, два, три двора крестьянскихъ и бобыльскихъ встрѣчаются у нихъ довольно часто.

проявлять своей энергіи надлежащимъ образомъ. При разнообразіи характеровъ служилыхъ людей, ихъ интересовъ, столкновений единичныхъ самолюбій, при томъ вліяніи, которое они, какъ землевладѣльцы, должны были имѣть въ общинѣ черезъ своихъ крестьянъ и бобылей,—нельзя было ожидать серьезнаго проявленія самостоятельности даже и въ многочисленной крестьянской общинѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить значительную экономическую зависимость отдѣльныхъ членовъ крестьянской общины отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые въ настоящее время, по словамъ современника, *«подати свои на крестьянъ своихъ кладутъ сами, сколько съ кого что взять»*; при этомъ ограниченіе землевладѣльческаго произвола было крайне неопредѣленно: оно, по словамъ того же современника, состояло лишь въ томъ, чтобы *«подати съ нихъ (крестьянъ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ) имати по силѣ, съ кого что мочно взять»*. Хотя тотъ же авторъ и говоритъ далѣе, что отъ царя въ жалованныхъ грамотахъ служилымъ людямъ обыкновенно писалось, чтобы помѣщики и вотчинники со своихъ крестьянъ не брали *«черезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать»*¹⁾, грозя въ такомъ случаѣ отнятіемъ помѣстья или вотчины отъ владѣльца, — но нерѣдко въ это время попадающіеся пустня помѣстья-жеребья свидѣтельствуютъ, что подобной угрозы служилые люди не особенно боялись; быть можетъ, это обусловливалось тѣмъ, что и правительству не было выгоды брать себѣ пустое помѣстье отъ служилаго человѣка. Впрочемъ, и самое наказаніе служилаго человѣка отобраніемъ пустого помѣстья было для него проблематическимъ, ибо этимъ онъ не только избавлялся отъ тягости владѣть запустѣлымъ жеребьемъ, но кромѣ того могъ почитать себя освобожденнымъ отъ нѣкоторыхъ своихъ обязанностей предъ правительствомъ, которыя онъ несъ, какъ владѣлецъ извѣстнаго жеребья-помѣстья, которое запустѣло.

¹⁾ Котошихинъ «О Россіи», гл. XI, ст. 3.

Если въ заключеніе взглянемъ на земли, непосредственно принимавшія къ средоточію уѣздной жизни, къ городу Свіяжску, то и здѣсь замѣтимъ тѣ же явленія, только сосредоточенныя на небольшомъ пространствѣ. Какъ въ селахъ и деревняхъ Свіяжскихъ монастырей, такъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей, въ подгородномъ стану встрѣчаемся съ «примѣреннымъ лишнею землею», на которой расположены крестьяне и бобыли; но и здѣсь количество пахотной земли и число крестьянскихъ дворовъ въ монастырскихъ селахъ и деревняхъ превосходятъ значительно пахоту и дворы крестьянскіе въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей. Это виѣсть съ пустошами и перелогамъ, которые встрѣчаются у послѣднихъ, подтверждаетъ высказанное прежде мнѣніе о неудовлетворительномъ хозяйственномъ состояніи земель служилыхъ людей сравнительно съ землями монастырскими въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII столѣтія¹⁾. Затѣмъ въ подгородномъ же стану, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе нормальнаго состоянія въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскихъ общинъ, встрѣчаемся и съ монастырскою колонизаціею, выразившеюся здѣсь въ первой половинѣ XVII-го столѣтія столь же наглядно, какъ и въ другихъ мѣстахъ уѣзда. За обоими монастырями въ подгородномъ стану числится отдѣльно: «село да 10 деревень, да 4 починка, а въ дачѣ и въ книгахъ того села и

¹⁾ «Да въ подгородномъ же стану у помѣщиковъ и у вотчинниковъ въ селахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ пустошахъ сверхъ помѣстныхъ и вотчин. дачъ примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. земли 1187 чети, да перелогъ 73 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 2347 чети; а на ту на примѣр. землю 113 дв. кр. да 8 дв. боб.; да у нихъ дѣт. и брат. и сосѣдъ и захребетниковъ 236 челов. Да въ томъ же подгородномъ стану Свіяжскаго города соборныя церкви у протопопа съ братіею и Бегородицкаго и Троицкаго Сергіева мон. Свіяж., въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ и въ пустошахъ, которые. . . написаны сверхъ дачъ, примѣрено лишніе земли, паш. пах. доб. земли 4450 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 1050 коп.; а на ту на примѣрен. землю 812 дв. крест. да 123 дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьевъ и тестевъ и вѣтвевъ и пасынковъ и внучатъ и пріемышевъ и сосѣдъ и захребетниковъ 2070 чел.». Писцов. кн. за № 1127 лл. 1005—1006.

деревень и починковъ за тѣми монастыри не написано, а поставлены они послѣ прежнихъ писцовъ и дозорщиковъ на монастырскомъ на дикомъ лѣсу»¹⁾).

Тетюшскій уѣздъ, подобно инымъ Поволжскимъ уѣздамъ, былъ посѣщаемъ въ смутное время воровскими шайками; поэтому Казанскіе воеводы считали необходимымъ посылать служилыхъ людей на ряду съ другими Поволжскими городами и «подъ Тетюши»²⁾. Но мы могли видѣть уже по заселенію чувашской деревни Пролей-Каша, что въ смутное время нѣкоторые люди уходили въ Тетюшскій уѣздъ изъ другихъ Поволжскихъ уѣздовъ и селились здѣсь на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ, спасаясь отъ бурь междупарствія. Судя по быстрому росту населенія въ деревнѣ Пролей-Каша и въ селѣ Оедоровскомъ, слѣдуетъ предположить, что небольшой Тетюшскій уѣздъ могъ скоро возстановить убыль своего населенія и оправиться отъ разореній эпохи смутъ. Чѣмъ же, однако, обуславливается сильное движеніе населенія въ Тетюшскій уѣздъ? По всей вѣроятности, обиліе свободной плодородной земли и всякаго рода угодій влекло сюда какъ предприимчиваго русскаго человѣка, такъ и инородца. Нѣкоторые факты, съ которыми мы встрѣчаемся въ поселеніяхъ Тетюшскаго уѣзда въ началѣ царствованія Михаила Оедоровича, могутъ подтвердить высказанное предположеніе. Спустя годъ послѣ описи деревни Пролей-Каша, населеніе ея осложняется новымъ пришлымъ элементомъ, сообщившимъ ей новый характеръ. Въ 1619 году въ дозорныхъ Тетюшскихъ книгахъ эта деревня именуется уже не просто чувашскою, а «чувашскою и латышскою»; въ другой разъ здѣсь же при упоминовеніи о Крестовомъ озерѣ, которымъ, какъ было сказано, прежде владѣли изъ оброка Чуваши деревни Пролей-Каша, говорится, что

¹⁾ Въ этомъ селѣ, въ деревняхъ и въ починкахъ состояло 247 дв. прест. и 31 дв. боб., у которыхъ дѣтей, братья, племянниковъ, соседей и захребетниковъ 669 челов.; пашни пах. доб. земли 1309 чети въ кажд. полѣ, сѣна 1840 коп. Тамъ же лл. 1004—1005.

²⁾ А. А. Эк. т. II № 157.

этихъ озеромъ «владѣють Пролей-Кашинскіе Латыши и Чуваша»¹⁾). Отсюда можно вывести, что врядъ-ли это былъ одинъ или два Латыша, попавшіе случайно въ чувашскую деревню; по всей вѣроятности, ихъ было болѣе, ибо иначе трудно допустить ту общую окраску значительной чувашской деревни, которую дѣлають служилые люди, Тетюшскіе старожилы, называя ее «чувашскою и латышскою». О чрезвычайномъ изобиліи угодій въ здѣшнихъ мѣстахъ можетъ отчасти свидѣтельствовать слѣдующее: Мордва деревни Кулунчи, тянувшая къ селу Оедоровскому, владѣла въ это время «сѣнными покосы безъ дачи на дикомъ полѣ по татарскому городищу и за городище» на 15 верстъ; сами крестьяне дворцоваго села Оедоровскаго, «что подъ Тетюшами, владѣють сѣнными покосы на дикомъ полѣ до р. Брусянки, а отъ Брусянки до стараго татарскаго городища безъ дачи на 15 верстахъ и болши въ длину»²⁾.

Само село Оедоровское своимъ состояніемъ въ 1619 году сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было не только на рубежѣ между XVI и XVII вѣками, но даже за три года предъ этимъ, можетъ свидѣтельствовать о значительной энергіи, съ которою земледѣльческое населеніе Россіи стремилось въ страну, гдѣ начиналась полоса чернозема³⁾. Сильно увеличившаяся пахота въ селѣ Оедоровскомъ выстѣ съ прибылымъ населеніемъ въ немъ самомъ и въ починкахъ, примыкавшихъ къ нему, доказываетъ нагляднымъ образомъ, что русскіе люди и инородцы скоро оцѣнили земледѣльческія преимущества здѣшней почвы сравнительно съ супесью и суглинкомъ коренной Россіи и верховаго Поволжья⁴⁾. Въ концѣ сороковыхъ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. Каз. у. № 153. «Книги дозорныя по мѣстамъ и порожнимъ землямъ, около Тетюшъ 7127 году» лл. 1378—1379.

²⁾ Тамъ же лл. 1379—1380.

³⁾ Geologie des europ. Russlands von Murchison und and., bearbeitet von Leonhard., t. I, p. 344.

⁴⁾ Въ селѣ Оедоровскомъ, по оп. 1599 г., пахот. крестьян. земли было 18 четей въ кажд. полѣ; да дикаго поля, перелогу и зарослей 142 чети, сѣна 1700 топ., лѣсу чернаго и рамен. по сѣтѣ въ длину на 10 верстъ, а попе-

годовъ крестьянская община дворцоваго села Федоровскаго вмѣстѣ съ общинами деревень, тѣнувшихъ къ нему, какъ къ своему центру, переселены были на Симбирскую черту. Но большое количество пахотной земли, уже обработанной или и оставленной, нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ объ ихъ культурной дѣятельности въ Тетюшскомъ уѣздѣ¹⁾). Вслѣдствіе такого наплыва переселенцевъ въ Тетюшскій уѣздъ въ болѣе населенныхъ его мѣстахъ насельники пользуются уже не одними хорошими землями, а обращаются и къ такимъ, на которыя они вначалѣ, по всей вѣроятности, не обращали вниманія. Такъ, мы знаемъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія (1574 года) служилому человѣку Тетюшскаго уѣзда Качалу Жукову отдѣлено было подъ городомъ по рѣчкѣ Именинъ селіще старое, подъ дворъ, подъ огородъ и подъ гуменное

рѣкъ до засѣки на 8 верстѣ, крест. 5 дв. нелѣготн., 13 дв. льгот., 7 дв. боб. Въ 1616 г. Авг. 107 дв. кр. и 26 боб. дв.; въ Тинчюринѣ поч. 34 дв. кр. и 3 дв. боб. Въ мордов. деревняхъ: Булучинской 19 дв., Янгватовой 9 дв. Въ 1619 г. въ томъ же селѣ 112 дв. кр. и 32 дв. боб. «А пашни крестьянскіе по смѣтѣ 132 чети, да перелогу и зарослей 142 чети, да церковныя земли 6 чети; земля добрая, сѣна по р. Улемѣ и около полей 1700 копѣй, да на трехъ полянкахъ, что по рѣчкѣ Малиновѣ 590 коп., лѣсу черново и рам. по смѣтѣ вдлину на 10 вер., а поперекъ до засѣки на 8 верстѣ. И тотъ лѣсъ вобче села Федоровскаго съ деревнями». Къ селу Федоровскому починокъ Тинчюринъ, а въ немъ дв. крест. 34 дв. и 15 дв. боб., крестьянскіе пашни по смѣтѣ 36 чети, да перелогу и зарослей 22 чети, земля добрая. Къ селу же Федоровскому починки: Янгватовъ, а въ немъ живутъ Мордва на оброкѣ, 9 дв., 35 чети, земля добрая; починокъ Колучинскій на денежномъ оброкѣ, а въ немъ живутъ Мордва 32 дв., пашни къ нему 38 чети, да перелогу и зарослей 120 чети, земля добрая. Да къ тому жъ селу Федоровскому починокъ Мечасовской (новый) на денежномъ оброкѣ, на льготѣ, а въ немъ 19 дв., пашни къ тому починку 8 чети, да перелогу и зарослей и дубровъ пашенныхъ на 70 чети, земля добрая, Писцов. кн. за № 153 лл. 972—990, 1464—1469, 1470—1482.

¹⁾ Въ селѣ Федоровскомъ въ 1650 году пахоты находилось въ трехъ мѣстахъ 915 десятинъ въ каждомъ полѣ. Въ приселкѣ Тинчюринѣ пашни было 130 десятинъ въ кажд. полѣ, кромѣ новоросчистой земли, которую крестьяне расчистили вмѣстѣ съ ясачною Чувашею Цивильскаго уѣзда, — 32 десятины въ кажд. полѣ; въ деревнѣ Янгватовѣ пахоты 76 десят. въ кажд. полѣ и въ деревнѣ Мечасовѣ (починокъ 1619 г.) 196 десятинъ въ каждомъ полѣ. Писцов. кн. за № 1127 лл. 376—380.

мѣсто, при чемъ въ грамотѣ сказано: «а къ тому усадищу отиѣрено пашни отъ рѣчки отъ Ижелни поляна, что была *Нанайскіе станы*, промежу лѣсомъ и *желтымъ болотомъ до городовыхъ межи*. . . . дикова поля на 25 четей» въ каждомъ изъ трехъ полей, и сѣна около пашни на 65 десятинъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія за Иваномъ Жуковымъ «подъ *Тетюшами*» значится уже «*починокъ на Желтомъ болотѣ*»¹⁾. Такимъ образомъ утилизуется подъ городомъ земля, мало пригодная для поселенія, вслѣдствіе умножившагося населенія и сравнительно большей безопасности, которою, по всей вѣроятности, пользовалось населеніе подгородныхъ земель въ этихъ окраинныхъ мѣстахъ.

Въ селѣ Оedorовскомъ Тетюшскаго уѣзда виѣстъ съ тинувшими къ нему русскими и инородческими починками мы встрѣчаемся съ значительными перелогами и зарослями, не смотря на то, что пришлое населеніе, повидимому, селится здѣсь впервые и съ энергіею занимается земледѣліемъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ постоянно прибывающимъ контингентомъ новыхъ переселенцевъ, которые, поступивши въ вотчину, стремились обыкновенно обратиться поскорѣе къ исконному и привычному своему занятію земледѣліемъ, должно было, по видимому, исключить возможность существованія въ здѣшнихъ мѣстахъ зарослей и перелоговъ. Но несомнѣнность существованія въ Тетюшскомъ уѣздѣ подобныхъ явленій заставляетъ насъ усумниться въ томъ, чтобъ появляющіеся въ XVII столѣтіи переселенцы были здѣсь первыми насельниками, которые обрабатывали впервые почву. По всей вѣроятности, и прежде здѣсь существовали поселенія, жители которыхъ занимались земледѣліемъ; но потомъ эти поселки исчезли, а нивы ихъ заросли лѣсомъ; и стали однѣ изъ нихъ зарослями, а другія перелогами. Аналогическія этому явленія въ Тетюшскомъ уѣздѣ, о которыхъ будемъ говорить впослѣд-

¹⁾ Акты Ист. и Юрид. собр. С т. Мельниковымъ, I т., грам. 1 и 8-ая.

ствін, отчасти можуть підкрѣпити высказанное здѣсь мнѣніе.

Благопріятныя условія для земледѣлія, о которыхъ рѣчь была выше, искони существовали и могли къ себѣ привлекать переселенцевъ изъ верховаго Поволжья и другихъ мѣстъ. Но рядомъ съ благодатною почвою и богатыми угодьями поселенецъ въ этихъ, уже совершенно окраинныхъ мѣстахъ, искони же встрѣчался съ кочевыми обитателями сосѣднихъ степей, которые всегда стремились поживиться плодами трудовъ окраиннаго населенія. Русское правительство послѣ присоединенія этихъ земель обратило свое вниманіе на это обстоятельство. Сторожи, учрежденныя въ здѣшнихъ мѣстахъ для наблюденія за появленіемъ непріятеля въ степи, а потомъ засѣка, устроенная въ лѣсу, были правительственными мѣрами для защиты населенія здѣшней окраины. Вѣковой лѣсъ, тянувшійся на большое пространство, принимая одной стороною къ рѣкѣ Свѣягѣ, и самъ по себѣ могъ служить нѣкоторой защитой противъ коннаго непріятеля; но правительство распорядилось еще устроить въ немъ засѣку, въ которой окрестные жители обязаны были въ XVII столѣтіи высылать съ 10 дворовъ по человѣку «съ пищальми, съ саблями и со всякимъ боемъ»¹⁾. Но само собою понятно, что рядомъ съ мѣрами безопасности, которыя предпринимались правительствомъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ должно было умножиться населеніе и его благосостояніе долженствовало увеличиваться; съ этимъ вмѣстѣ возрастала приманка и должна была разгораться хищность обитателя степи, который выжидалъ лишь наступленія благопріятнаго для него времени и обстоятельствъ. Мы видѣли уже, какъ кочевники старались воспользоваться смутнымъ временемъ для своихъ цѣлей и какъ они стремились вмѣстѣ съ Заруцкиимъ поддержать и продлить на Руси междоусобицу, столь для нихъ выгодное. Кромѣ того, вслѣдствіе умноженія въ Тетюшскомъ уѣздѣ земледѣльческаго населенія, въ немъ долженъ

¹⁾ Акты Ист. и Юрид., собр. Ст. Мельниковымъ, т. I, грам. XXII.

былъ уменьшиться лѣсъ, задерживавшій собой кочеваго неприятеля во время его вторженія ¹⁾). Дѣйствительно, старый черныи Тетюшскій лѣсъ съ засѣкою, тянувшійся прежде на 10 верстъ въ длину и на 8 поперекъ, въ концѣ сороковых годовъ простирался лишь на 6 верстъ въ длину и на три поперекъ ²⁾). При такихъ условіяхъ старыя мѣры должны были стать менѣе дѣйствительны для окраиннаго населенія Тетюшскаго уѣзда. Отдѣльные факты, встрѣчаемые лишь въ памятникахъ сороковых годовъ, но совершившіеся, по всей вѣроятности, раньше, подтверждаютъ только что высказанное. Намъ уже извѣстно ³⁾), что въ концѣ XVI столѣтія на югъ отъ Тетюшъ появился пустынный монастырь, которому пожалована была «пониже монастыря на рѣчкѣ Черемшѣ *пустошь Атары*», — при чемъ прибавлено: «и черному священнику Іонѣ и старцу Нилу съ братьею на той пустоши пашня пахати и сѣно косити и всякими угоды владѣти» ⁴⁾). А въ концѣ сороковых годовъ XVII столѣтія въ писцовой книгѣ написано: «Покровскаго монастыря, что въ городѣ Тетюшихъ. . . что напередъ сего была пустыня въ Нижнихъ Тетюшахъ, на Тетюшской же сторонѣ, внизъ рѣки Волги на берегу . . . рѣки Волги *пустошь*, что была того монастыря деревня Атары подъ горами и подъ старыми Тетюшскими лѣсомъ на рѣчкѣ на Черемшѣ . . . а на той пустоши старые селища, а по сказкѣ того монастыря крестьянъ были деревни — монастырской и крестьянскіе дворы, и тѣ дворы отъ войны запустѣли . . . и пашенныя земли перелогомъ и лѣсомъ поросли ⁵⁾». Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ на здѣшней окраинѣ, мы въ сороковых годахъ

¹⁾ Въ Тетюшскомъ уѣздѣ нерѣдко встрѣчается «съ рощистыми», «рощистыми полянами», «старыми селищами», которыхъ «пашенныя земли перелогомъ и лѣсомъ поросли» и которыя расположены иногда въ южной части уѣзда «подлѣ лѣса чернаго», гдѣ была устроена засѣка. Писцов. кн. а № 1127, лл. 382, 386, 388.

²⁾ Тамъ же л. 374.

³⁾ Поволжье въ XV и XVI вв. 1877 г. 321 стр. примѣчаніе.

⁴⁾ Ар. Мин. Юст. 1-ое Отд. Каз. у., грам. № 6426.

⁵⁾ Писцов. кн. за № 1127 л. 388.

XVII столѣтія уже встрѣчаемся съ новыми мѣрами со стороны правительства, назначенными для защиты окраиннаго населенія¹⁾. Съ лѣвой стороны Свѣяги на рѣчкѣ Карлѣ, которая текла въ предѣлахъ Свѣяжскаго уѣзда, основана была слобода, состоявшая изъ «полковыхъ казаковъ», числомъ около 200 человекъ; назначеніе этихъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ слободѣ, вѣроятно, состояло въ охраненіи и защитѣ окраиннаго населенія; за свою службу они получили по тогдашнему обыкновенію пахоту и другія угодья въ достаточномъ количествѣ. Своими прозвищами Карлинскіе полковые казаки свидѣлствуютъ о своемъ сбродномъ характерѣ, при чемъ главный контингентъ ихъ представило Поволжье²⁾. Съ правой стороны р. Свѣяги, на притокѣ ея около Тетюшской застѣки, построенъ острожекъ, который отъ рѣчки Килни, у которой стоялъ, получилъ названіе Килнинскаго острожка; «поставленъ» онъ былъ здѣсь собственно «для приходу воинскихъ людей», т. е. для защиты окраины отъ непріятельскаго вторженія³⁾.

Трудно сказать, на сколько послѣднія мѣры въ соединеніи съ прежними доставляли надежную защиту окраинному населенію правой стороны Поволжья. Но если принять во вниманіе отрывочность и даже нѣкоторую случайность такихъ мѣръ, какъ основаніе въ одномъ мѣстѣ казачьей слободы, а въ другомъ постройку острожка; если вспомнить, что застѣку охраняли крестьяне и бобыли, о которыхъ ихъ землевладѣльцы

¹⁾ Лишь по актамъ, дошедшимъ до насъ, мы встрѣчаемся съ ними въ сороковыхъ годахъ, на самомъ же дѣлѣ онѣ, по всей вѣроятности, заведены были гораздо раньше.

²⁾ Такъ, среди Карлинскихъ казаковъ попадаются съ прозвищами: «Нижегородецъ» — 10 человекъ, «Свѣяженинъ» — 10 человекъ, «Мурашкинецъ» — 7 человекъ, «Казанецъ» — 4 человека, «Тенковецъ» — 3 человека, «Тетюшенинъ» — 2 чел.; затѣмъ встрѣчаются Арзамасцы, Володимерцы, Тверитинъ, Суздадецъ, Темниковецъ, Хлыновецъ, Смолянинъ, Новгородецъ, Москвитинъ, Муромецъ, Астраханецъ и Латышъ. Паши за ними было пахот. доб. земли 1413 четей, кромѣ дикаго поля. Писцов. кн. за № 6468, лл. 985—1012; за № 1127 лл. 1099—1100.

³⁾ Писцов. кн. за № 1127 л. 1085—1086.

свидѣтельствуя правительству, что они «люди пахотные, а не служилые, и имъ-де то дѣло (охраненіе и защита засѣки) не за обычай»¹⁾),—если, говорю, принять все это во вниманіе, то нельзя не усумниться въ дѣйствительности такихъ мѣръ для защиты пограничнаго населенія. Ненадежность подобныхъ мѣръ въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія должна была стать ясна и для самого правительства, потому что на окраинѣ же, но только въ другомъ мѣстѣ, оно получило возможность опѣнить въ это время дѣйствительность иной мѣры для защиты пограничнаго населенія отъ вторженій кочевниковъ.

Въ 1636 году московское правительство распорядилось для защиты Рязанскихъ, Шацкихъ и мещерскихъ окраинныхъ мѣстъ отъ «воинскихъ людей» поставить въ полѣ городъ, который бы можно было въ этихъ мѣстахъ «войну отъ Татаръ отнять». Вслѣдствіе этого «на лѣсномъ Воронежѣ поставленъ городъ Козловъ», въ которомъ были «устроены стрѣльцы и казаки и всякіе жилецкіе люди»; «да отъ Козлова же въ Шацкой же сторонѣ... на 12 верстъ учиненъ земляной валъ, а по тому земляному валу поставлены три городки земляные съ башнями... да въ томъ же году для береженья отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ людей... на полѣ на р. Цнѣ поставленъ городъ Танбовъ, а въ немъ устроены всякіе служилые люди; да отъ Танбова къ Козлову городу къ земляному валу учинены надолбы; за Шацкимъ же отъ поля на рѣкѣ на Ломовѣ поставлены два города Ломовы—Верхней и Нижней... и тѣми новыми городами и крепостями въ Рязанскихъ, Рязанскихъ и въ Шацкихъ во всѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ приходовъ укрѣплена». Затѣмъ говорится о попыткѣ непріятеля въ 1637 году вторгнуться внутрь Россіи; но воеводы, сказано, изъ этихъ городковъ не пропустили непріятеля, почему, по примѣру уже выстроенныхъ городковъ, правительство намѣрено построить подобныя же укрѣп-

¹⁾ Акты Истор. и Юрид. собр. Ст. Мельниковымъ, грам. XXII.

ленія и въ другихъ мѣстахъ на югѣ и юго-востока, «чтобы тѣми городами и острогами отъ крымскихъ, отъ ногайскихъ и отъ азовскихъ людей... во всѣхъ украинскихъ городѣхъ войну отнять»¹⁾). Быть можетъ, въ Москвѣ уже въ это время зародилась мысль о постройкѣ укрѣпленной черты для защиты правой стороны Поволжья, — мысль осуществившаяся лишь черезъ 10 лѣтъ въ видѣ Симбирской черты. Дѣлаю это предположеніе потому, что правительство, повидимому, теперь уже убѣдилось въ болѣе серіозной дѣйствительности этой, хотя и дорого стоящей, мѣры, сравнительно съ прежде практиковавшимися. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что лишь въ 1648 году открылись работы по сооруженію укрѣпленной Симбирской черты, получившей свое наименованіе отъ вновь построеннаго города у рѣки Волги, отъ котораго черта эта непосредственно зачиналась; городъ же свое названіе наследовалъ отъ живописнаго урочища, на которомъ онъ былъ построенъ, гдѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, и прежде находилось болгарское или татарское поселеніе съ тѣмъ же названіемъ²⁾). Выстроенъ былъ городъ Симбирскъ по приказу правительства бояриномъ и оружейничимъ Богданомъ Матвѣвичемъ Хитрово съ товарищи. Для постройки города и укрѣпленій, примыкавшихъ къ нему, вызваны были «посошныя люди низовыхъ городовъ, съ русскихъ — съ 5 дворовъ, а съ ясажныхъ — съ 3 дворовъ по человѣку»³⁾). Укрѣпленъ былъ городъ Симбирскъ по всѣмъ правиламъ военного искусства того времени. Кремль, главнѣйшая его часть, занималъ самое возвышенное мѣсто; за нимъ слѣдовалъ «острогъ», заключавшій въ себѣ посадки и обведенный рвомъ и тыномъ. Отъ новаго города начиналась укрѣпленная черта, которая была ведена въ югозападномъ направленіи. Черта состояла изъ не-

¹⁾ А. А. Эксп. т. III № 268.

²⁾ Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1869 г. кн. I ст. 424 «Путеш. Олгарія». Город. посел. Рос. Им. т. IV ст. 505.

³⁾ Орен. Типогр. Рычкова 1762 г. II ч. 106 ст. примѣчаніе.

прерывнаго вала со рвомъ, увѣнчаннымъ деревяннымъ тыномъ. Въ лѣсныхъ мѣстахъ валъ прерывался засѣкою, устроенною черезъ весь лѣсъ, а въ другихъ мѣстахъ особыми укрѣпленіями, которыя назывались острогами и острожками, со стѣнами и рвами вокругъ и съ башнями по угламъ и въ серединѣ стѣнъ. Всѣхъ остроговъ отъ Симбирска до Инсара позднѣе было восемь¹⁾. Симбирская черта съ укрѣпленіями строилась въ продолженіе шести лѣтъ, — «рабочихъ людей у валового острожнаго дѣла было до 1654 года во всякое лѣто по 3326 и по 4898 человекъ»²⁾. Последнее изъ значительныхъ укрѣпленій, которымъ Симбирская черта заканчивалась на юго-западѣ, былъ Инсарскій острогъ; впрочемъ укрѣпленная черта продолжалась и за Инсаромъ въ югозападномъ направленіи и примыкала къ Нижне-Домовской чертѣ, которая уже входила въ составъ другой укрѣпленной черты, упомянутой выше³⁾. Работы на чертѣ открылись одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что, кромѣ города Симбирска, въ 1648 году построенъ былъ и городъ острогъ Инсаръ съ частью своей черты, которая упоминается въ этомъ же году⁴⁾. Какъ для построенія города Симбирска, остроговъ и острожковъ на чертѣ, такъ и для заселенія этихъ укрѣпленій воинскими людьми, Московское правительство обращалось прежде всего къ ближайшимъ мѣстамъ и затѣмъ уже къ болѣе далекимъ отъ черты. Такъ, намъ извѣстно, что все населеніе большаго села Оедоровскаго, вмѣстѣ съ жителями

¹⁾ Болѣе значительные отъ Симбирска остроги были слѣдующіе: Тагай, Урень, Корсунъ, Погорѣлой, Аргашъ, Сурскъ, Темаръ и Саранскъ. (Атласъ Рос. Им. 1745 года). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что на рукописной картѣ конца XVII ст. по Симбирской чертѣ, здѣсь отмѣченной, нарисовано лишь 7 остроговъ: четыре изъ нихъ между Волгою и Сурою, а три между Сурою и Мошкю. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, карта Астр. губ. № 7.

²⁾ Город. посел. Росс. Имп. IV т. 505 ст. Орен. Топогр. Рычкова, II т. 106 ст.

³⁾ Арх. Ист. и Юрид. свѣд. Н. Калачева ии. 2-ая, полов. 1-ая, «Объ Инсарѣ и его уѣздѣ», Н. Калачева, 60 и 68 сс.

⁴⁾ Тамъ же, 56 ст.

нѣкоторыхъ поселеній, тянувшихъ къ этому селу, находившемуся недалеко отъ Тетюшской застѣки, переведено было на Симбирскую черту¹⁾. Все военное населеніе Килнинскаго острожка вмѣстѣ съ полковыми казаками Карлинской слободы переселено было также на Симбирскую черту²⁾. Для заселенія города Инсара взято было въ 1647 году 300 службъ³⁾ изъ ближайшаго къ нему города Темникова; въ то же время «построено» было столько же службъ подъ названіемъ казаковъ по Инсарской чертѣ въ застѣчныхъ крѣпостяхъ и слободахъ. Для этого взяты были люди не только изъ окрестныхъ селеній города Темникова, но и изъ окрестностей самого Инсара. «Нѣкоторыя селенія были даже сполна перевезены на Инсарскую черту, гдѣ на новыхъ мѣстахъ жители ихъ устроены были дворами и надѣлены пашней и другими угодьями съ обязанностями служилыхъ людей. Причина такого перемѣщенія цѣлыхъ селеній заключалась, какъ говорится въ актахъ, въ томъ, что они непрерывно разорялись Ногайцами. . . . Внутренняя сторона за Инсарскою чертою получила названіе Русской и была причислена вмѣстѣ съ самимъ городомъ Инсаромъ къ Руси, а сторона, оставшаяся внѣ черты, стала называться Ногайской, Крымской или степной»⁴⁾. Въ слободахъ и острожкахъ на чертѣ для надобности службы водворялись

¹⁾ Арх. Мин. Юст. 1-е Отд. Казан. у. грам. за № 6513. Писцов кн. за № 6513. Писцов. кн. за № 1127 лл. 376—381.

²⁾ Писцов. кн. за № 1127 лл. 1085, 1100.

³⁾ Изъ актовъ того времени видно, что на Инсарскую черту на службу переводились изъ семьи по одному, по два, рѣдко по 3 человека; другіе оставались въ тягѣ на прежнемъ жительство. «Переводенцы, взятые изъ одной семьи (иногда два двоюродные брата), записывались *изъ одну службу*, т. е. считались на службу за одного человека, и по этому расчету получали жалованье на дворовое строеніе, какъ скоро оно было выстроено (отъ 4 до 5 рублей), и оружіе, смотря по службѣ, въ которую назначались: мушкетъ, карабинъ, пищаль, ружье, а нѣкоторымъ велѣно служить въ садахъ; одинъ человекъ изъ семьи чаще все записывался *изъ полуслужбу* и со-азимѣрно съ этимъ получалъ половинное жалованье на дворовое строеніе, или же на подмогу ему приписываемо было стороннее лицо». Арх. Ист. Юрид. свѣд., 57—58 сс.

⁴⁾ Тамъ же 58—59 сс.

изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ безразлично какъ русскіе, такъ и инородцы. Такъ, по словамъ одной грамоты, «какъ построенъ городъ Корсунъ и Корсунская черта, и въ то время переведены въ Корсунъ изъ Алаторскаго уѣзда станишныя мурзы для вѣстей отъ приходу воинскихъ людей», причѣмъ десяти изъ нихъ впоследствии было поручено «быть въ Корсунѣ въ дозорщикахъ»¹⁾; затѣмъ на черту около Инсара переведена Мордва съ тяглыхъ жеребьевъ изъ разныхъ селеній Темниковскаго уѣзда и приверстана въ казачью службу за городомъ Инсаромъ въ направленіи къ Нижнему Ломову; съ Крымской стороны изъ-за вала тоже переведена была Мордва на черту и поселена выше Инсара въ направленіи къ Саранску²⁾. Кромѣ того, намъ извѣстно, что нѣкоторые Татары изъ деревень Свияжскаго уѣзда переведены были въ это время «въ государеву конную службу по городу Симбирску въ слободу Елховку на вѣчное житье»³⁾. Изъ Тетюшъ по указу государя переведены были въ 1649 году 50 человекъ Дятловскихъ казаковъ вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ «въ новой Симбирской городъ на вѣчное житье»⁴⁾. Въ томъ же году изъ Ланшева⁵⁾ переведено было 40 человекъ конныхъ казаковъ въ Симбирскій уѣздъ въ слободу Лебяжью⁶⁾. Наконецъ есть извѣстіе, что изъ города Арска⁷⁾ въ 1649 году переведены были по

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III Вотчин. Отд. Казань, отказная стар. лѣтъ, кн. № 6 и № 18 грам.

²⁾ Арх. Ист. Юрид. свѣдѣній 57 и 68 с.

³⁾ Акты, собр. Ст. Мельниковымъ, I грам. 26.

⁴⁾ Эти Дятловскіе казаки вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ были предъ этимъ испомощены на службѣ въ Тетюшахъ, и за ними числилось пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ 782 десятины. Изъ всей общины ихъ «оставленъ былъ въ Тетюшахъ одинъ человекъ казакъ за сляпотою и служилъ въ городѣ; и его жеребей, пашня и сѣнные покосы отданы дѣтямъ его 2 сынамъ — Ивашкѣ да Назаркѣ, которые послѣ его остались и служатъ въ городѣ въ». Писцов. кн. за № 1127 л. 375. Тетюшская слобода лежитъ между Татевъ и Симбирскомъ, на мѣстѣ, по которому шла черта.

⁵⁾ На Камѣ рѣкѣ, недалеко отъ устья.

⁶⁾ Арх. Мин. Юст. III Отд. Вотч. Казань № 6552 кн. 1-ая дѣло за № 14.

⁷⁾ На р. Казанкѣ выше, Казани.

указу государя въ конные казаки 50 человекъ на Симбирскую черту въ Юшанск¹⁾, вблизи котораго они основали Арскую слободу²⁾. Но русское правительство половины XVII вѣка, сооружая Симбирскую черту для защиты своего окраиннаго населенія, имѣло большую нужду въ людяхъ для заселенія воздвигаемой черты; при недостаткѣ таковыхъ въ своихъ городахъ и въ дворцовыхъ имѣніяхъ оно безъ стѣсненія брало людей съ частныхъ земель и водворяло ихъ на чертѣ. Такъ, мы знаемъ, что 57 дворовъ бобылей были взяты въ 1648 г. у Спасскаго монастыря и переведены «съ монастырскихъ вѣгонныхъ земель въ Воронцовскую и въ Тагайскую и въ инныя слободы, въ тягло и въ посадъ»; гораздо позднѣе (въ концѣ XVII столѣтія) и въ другое уже царствованіе былъ вознагражденъ Спасскій монастырь за матеріальный ущербъ, причиненный ему этимъ отнятіемъ³⁾. Всѣ люди, выселяемые въ города, остроги, острожки и слободы по Симбирской чертѣ, какъ и Инсарскіе, вѣроятно, получали деньги на дворовое строеніе; кромѣ того, имъ всѣмъ на новомъ мѣстѣ, «отмѣрено на пашню земли и сѣнные покосы и всякія угодыя», смотри по званію, которыми обладалъ тотъ или другой изъ нихъ⁴⁾; при этомъ земля отмѣривалась не только наличнымъ членамъ общины, но иногда отводилась также «на прибавочныхъ людей», т. е. тѣмъ, которые еще должны будутъ прибыть впоследствии⁵⁾. Пахотная земля и угодыя отводились не всегда близко черты, а иногда довольно далеко, такъ что, наприимѣръ,

¹⁾ Вѣроятно, въ то время небольшой острожекъ, между Симбирскомъ и Тагаемъ.

²⁾ Тамъ же, Казань, отглазная книга старыхъ лѣтъ съ городами кн. 4, № дѣла 7.

³⁾ Тамъ же Межевая кн. за № 159 л. 37.

⁴⁾ Вѣроятно, на Симбирской чертѣ, какъ впоследствии на Закамской линіи, пятидесятники получали по 40 четей, десятники по 30, а рядовые по 20 четей въ каждомъ изъ вполей пахотной земли. На такую мысль наводитъ все количество земли пахотной, отмѣренной ноннымъ казакамъ Лебяжьей слободы.

⁵⁾ Арх. III Отд. Вотч. кн. 1, дѣло за № 14 и кн. 35 №6 473.

Корсунскіе казаки впослѣдствіи жалуются правительству, что «они за дальними полями лошадей перемучили и оскудали; чтобъ ихъ изъ Корсуни на тѣ ихъ отводныя поля выпустить и дворами дозволить постронься на рѣчкѣ Потъмѣ»,¹⁾. Вслѣдствіе отдаленности пахотныхъ земель отъ мѣста жительства служилыхъ людей, они иногда совершенно отказывались пользоваться отведенною землею, — обстоятельство, бывавшее поводомъ къ появленію на подобной землѣ новаго поселенія. Такъ именно случилось съ другою группою казаковъ, водворенныхъ въ городѣ Корсуни строителемъ его, воеводою Борисомъ Приклонскимъ. Онъ отвелъ Корсунскимъ казакамъ, пятидесятинику Ортишкѣ Тарасову съ товарищи, на пашню земли и сѣнныхъ покосовъ въ десяти верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Вердивасской. По словамъ грамоты, «Корсунскіе казаки съ того Борисова отвода на той землѣ пашни не пахали и лежала впустѣ многое время». Впослѣдствіи, когда воеводою въ Корсуни былъ Савелій Скрипицынъ, то онъ утилизовавъ эту землю, «прибравъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братьевъ и отъ дядей племянниковъ, и на той казачьей землѣ построилъ вновь Вердивасскую слободу и на пашню земли и сѣнные покосы отвелъ»²⁾. Валъ и засѣчныя крѣпости должны были не только впослѣдствіи, но и вначалѣ охраняться караульниками, разставленными по близости другъ отъ друга («сторожи частне»). Для такихъ карауловъ назначалось потребное число служилыхъ людей изъ русскихъ или же инородцевъ, получавшихъ здѣсь землю, которымъ исключительно вѣнялась въ обязанность эта служба: они отправляли ее, переминаясь между собою на заранѣе указанныхъ имъ мѣстахъ³⁾. Назна-

¹⁾ Тамъ же. Корсунскій острогъ соедѣннъ съ Тагаемъ. Въ немъ, какъ и въ Инсарѣ и въ другихъ болѣе значительныхъ острогахъ на чертѣ, были особые воеводы.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III Отд. Казань Отказн. стар. лѣтъ кн. 5 № 85.

³⁾ Арх. Мин. Юст. III Вотч. Отд. Казань отказн. стар. лѣтъ кн. 5 № 32. Тамъ Борисомъ Приклонскимъ въ Сокольскомъ острогѣ на Корсунск. чертѣ назначены были 15 ч. татаръ дер. Ключище Симб. у., которые должны были по валу слушать казачью службу. Арх. Истор. Юрид. свѣд., ст. Н. Калачева стр. 76.

ніе вновь построенной Симбирской черты, состоявшей изъ вала со рвомъ, засѣкъ, острожковъ и остроговъ, тоже, по всей вѣроятности, съ самаго начала состояло въ наблюденіи городскихъ и острожныхъ воеводъ на чертѣ за тѣмъ, «чтобъ воинскіе люди къ Симбирску и къ. . . Симбирской чертѣ на русскія и на мордовскія деревни безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили и уѣздныхъ людей не повоевали и не побили и въ полонъ не поимали»¹⁾. Сверхъ того, въ мѣстахъ степныхъ по чертѣ учреждены были *подъѣзды*, *станы* и *сторожи*. «Въ подъѣздъ посылались служилые люди изъ города за приписанную къ нему черту, въ степь, для «провѣдыванія вѣстей про непріятельскихъ воинскихъ людей». Иногда отправляема была съ тою же цѣлью *станица*, т. е. нѣсколько человекъ вмѣстѣ. Мѣсто, гдѣ они обыкновенно останавливались для собиранія свѣдѣній, называлось *станомъ*, или также *станицей*, отчего и самые служилые люди назывались *станичниками*. Напротивъ, *сторожи* были такіе пункты или возвышенныя мѣста, гдѣ постоянно находились сторожа, наблюдавшіе за всѣмъ, что происходило въ степи. Извѣстно, что такіе сторожи были разставлены не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ что вѣсти о непріятеляхъ передавались въ городъ чрезвычайно скоро посредствомъ извѣщенія ими другъ друга, а ближайшимъ къ городу сторожемъ самого городского начальства. Такія вѣсти . . . сообщались тотчасъ въ другіе города, въ которые назначено было правительствомъ. Подобныя сообщенія производились чрезъ вѣстовщиковъ, нарочно для того приставленныхъ»²⁾.

¹⁾ Акт. Ист. т. V № 208,

²⁾ Арх. Ист. Юрид. свѣд., статья Н. В. Калачева, с. 69.

ГЛАВА II-я.

Казанскій уѣздъ, его сходство и отличіе отъ Свіяжскаго уѣзда. Правительственные мѣры для защиты Казанскаго уѣзда въ концѣ XVI вѣка и колонизація его въ это время и въ началѣ XVII столѣтія. Распространеніе христіанства между инородцами въ первой четверти XVII вѣка и хозяйственное состояніе ихъ земель въ это время. Поселенія въ Казанскомъ уѣздѣ около половины XVII столѣтія и его колонизація въ это время. Закамскія земли въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Калмыки въ Поволжьѣ. Сооруженія на Закамской чертѣ и заселеніе ея. Положеніе крестьянъ въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII ст.

Казанскій уѣздъ послѣ утвержденія въ немъ русской власти, при водвореніи здѣсь пришлаго русскаго населенія, находился отчасти въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и Свіяжскій уѣздъ. Поэтому нѣкоторые хозяйственно-колониціонныя явленія, съ которыми мы познакомились уже въ Свіяжскомъ уѣздѣ, встрѣчаются намъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, лежавшемъ на лѣвой, луговой сторонѣ Волги. Казанскій уѣздъ, какъ и Свіяжскій, покрытъ былъ большей частью огромными лѣсами, по которымъ въ разнообразномъ направленіи текли разной величины рѣки. Вслѣдствіе этого и здѣсь поселенцы большею частью предпочитали вначалѣ селиться на пустошахъ, которыхъ въ Казанскомъ уѣздѣ даже было больше, чѣмъ въ Свіяжскомъ, ибо прежде онъ былъ гораздо населеннѣе послѣдняго. Такимъ образомъ значительныя пространства перелоговъ и зарослей при сравнительно небольшомъ пространствѣ пахоты, вмѣстѣ съ обширными лѣсными и сѣнокосными угодьями составляютъ и въ Казанскомъ уѣздѣ явленіе, часто

повторяющееся¹⁾). Но Казанскій уѣздъ, имѣя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство съ Свияжскимъ, въ другихъ не мало отъ него различается. Казанскій уѣздъ, говоря вообще, обнимаетъ собой земли луговой стороны р. Волги; пространствомъ своимъ онъ гораздо обширнѣе Свияжскаго; земли, входившія въ его составъ, орошались слѣдующими рѣками: Илетью и Казанкою, впадавшими въ Волгу, и Міошею, притокомъ р. Камы. Съ одной стороны Казанскій уѣздъ соприкасался съ Волгою, а съ двухъ другихъ—граничилъ Камою и Вяткою. Въ Казанскій уѣздъ съ самаго начала входилъ Лаишевскій острожекъ на р. Камѣ; къ нему же принадлежалъ пригородъ Арскъ на р. Казанкѣ и пригородъ Алатъ на одномъ изъ притоковъ р. Илети. Въ соотвѣтствіи съ болѣе обширнымъ пространствомъ Казанскаго уѣзда, и земли его по свойствамъ своимъ были разнообразнѣе, чѣмъ земли Свияжскаго уѣзда: около Камы встрѣчаемся съ полосой чернозема²⁾, между тѣмъ какъ въ области средняго теченія рѣки Вятки, почва съ самаго начала не отличалась плодородіемъ. Наконецъ, особенность Казанскаго уѣзда, имѣвшая не маловажныя слѣдствія для его населенія заключалась въ томъ, что онъ довольно значительною своею частью примыкалъ непосредственно къ р. Камѣ, за которою тянулись безграничныя пространства, свободныя въ тогдашнее время отъ осѣдлаго населенія; здѣсь начиналось царство кочевыхъ народовъ, признававшихъ, правда, авторитетъ русской власти, но въ то же время не стѣснявшихъ себя въ нападеніи и грабежѣ русскаго окраиннаго населенія. Вслѣдствіе подобнаго сосѣдства и опасностей, съ которыми оно было сопряжено для населенія Казанскаго уѣзда, русское правительство вскорѣ послѣ завоеванія Казани занялось вопросомъ о защитѣ своихъ подданныхъ отъ кочевыхъ обитателей степи. Прежде всего оно обратило вниманіе на тѣ мѣста по р. Камѣ, которыми Ногайцы пользовались для перехода съ лѣвой, низменной, стороны

¹⁾ Писц. кн. аз. у. за № 643 лл. 185, 186, 398, 399, 412—414 и др.

²⁾ Списки насел. мѣстъ Рос. имп. Казанск. губ. 4 стр.

на правую, нагорную. Въ одномъ такомъ пунктѣ построенъ былъ Ланишевскій острогъ или городъ, а другой—Анатошскій перевозъ—поручено было стеречь крестьянамъ ближайшей деревни, названной сторожевою; за эту службу имъ дана была пахотная земля и угодья¹⁾. Последняя мѣра въ глазахъ правительства, по всей вѣроятности, была лишь временной, потому что въ концѣ XVI вѣка въ этихъ мѣстахъ мы застаемъ построенными два острога, изъ которыхъ одинъ находился на правомъ берегу Камы, а другой подлѣ на рѣчкѣ Бетѣ, впадающей тутъ же въ р. Каму. Оба острога были деревянные и имѣли по пяти башенъ съ тремя острожными воротами. Относительно того, на сколько эти остроги достигали цѣли, ради которой они были воздвигнуты, мы можемъ отчасти догадываться по довольно значительному населенію, находямому въ здѣшнихъ мѣстахъ въ концѣ XVI столѣтія. Около острога, что на берегу Камы, раскинулась большая слобода, получившая наименованіе «Рыбной»—отъ промысла, которымъ занимались ея жители. О выгодахъ этого занятія въ здѣшнихъ мѣстахъ и о зажиточности населенія слободы можетъ свидѣтельствовать не только величина оброка, платимаго отдѣльными членами этой общины, но также и то, что церковь, съ теплою трапезою, съ образами, книгами и мѣдными колоколами, означена какъ «сооруженіе и строеніе мірское»; церковной пашни не было,—священникъ и клиръ жили приходомъ. Въ слободѣ находилось 69 дворовъ крестьянскихъ оброчныхъ, платившихъ «въ государеву казну за рыбу 49 рублей, 26 алтынъ, 4 деньги»; въ этой же слободѣ было семь лавокъ, которыми владѣтели торговали «безоброчно». Нѣкоторые крестьяне—13 человѣкъ—составили изъ себя особую общину и, сверхъ рыбной ловли, занялись еще пахотою; но такъ какъ здѣшняя земля покрыта была лѣсомъ, то они стали ее расчищать и въ концѣ столѣтія о нихъ сказано «пашутъ *своей* расчисти 32 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ безоброчно до государева указу». Рыбная

¹⁾ «Поволжье въ XV и XVI вв.» сс. 240 и 255 съ примѣчаніемъ.

слобода была дворцовою и въ ней находилось «государево садовое озеро», сдѣланное крестьянами, которые «рыбу въ озеро сажаютъ и стерегутъ и изъ озера рыбу вынимаютъ»¹⁾ Немного выше Рыбной слободы лежитъ дворцовое село Анатошъ, въ которомъ было «три государевы житницы» и дворъ прикащика; въ селѣ находились 30 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, обрабатывавшихъ «на себя» 130 четвертей въ каждомъ полѣ, и 13 дворовъ оброчныхъ, вносившихъ оброкъ большей частью (9 дв.) по 4 гривны съ двора на годъ. Нѣсколько powyше села Анатошскаго, на рѣкѣ Бетѣ, притокѣ Камы, стоялъ другой острогъ—Бетки, получившій свое названіе отъ рѣки, на которой находился; около острога расположено было село Бетки съ церковью, церковною пашнею, 35 дворами пашенныхъ крестьянъ и семью оброчными дворами, платящими большею частью по 10 алтынъ (6 двор.) на годъ; пахоты у крестьянъ села Бетки было столько же, сколько и у Анатошскихъ, сѣнокосъ же гораздо большій²⁾. Къ этимъ дворцовымъ селамъ

¹⁾ Среди оброчныхъ крестьянъ въ Рыбной слободѣ между прочимъ значится: «Дворъ Василія Ѳеодорова Карачева—оброку платитъ за 3 рыбы полтора рубля. Дворъ МикиѲоръ Архиповъ, земли росчитать на четь, оброку платитъ за 3 рыбы полтора рубля. . . дв. Василій *Пермитина*, оброку платитъ за полторы рыбы—40 алтынъ съ полугривною; дворъ Варлаамъ Петровъ *Пермитина*, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ. Дворъ Меньшой Ивановъ оброку платитъ за 2 рыбы рубль. Дв. Семень Ивановъ оброку платитъ за рыбу 16 алтынъ» и т. д. Такихъ дворовъ описано 39. Въ этой же слободѣ дворы оброчные,—всѣхъ дворовъ 30: «оброку платятъ съ дворовъ своихъ ровно—по 12 алтынъ 3 деньги съ двора». «Въ той же Рыбной слободѣ дворы *мищихъ старцевъ*: дв. Митька Ивановъ, дв. Митька Слѣпой. Тое жъ Рыбные слободы крестьяне Василій Ѳеодоровъ Карачевъ, Иванъ Троенимовъ и МикиѲоръ Архиповъ съ товарищи 13 человекъ пашутъ своей росчисти, а хто сколько пашетъ—то писано поимянно». Писц. книга Каз. у. за № 153 лл. 1447—1454.

²⁾ У крестьянъ дворцоваго села Анатошъ сѣна было 600 коп., да въ угодьяхъ у нихъ 2 рѣчки Анатошъ и Бетка; на послѣдней было «государева мельница Большое колесо». У крестьянъ села Бетки сѣна 2000 коп. Не обусловливается ли этою значительною разностью въ сѣнокосѣ то, что въ селѣ Беткахъ означено въ «живущемъ» 13 вытей, а въ селѣ Анатошѣ 10 вытей, не смотря на то, что пахота крестьянская по количеству четей одна и та же—130 четей въ каждомъ полѣ—? Тамъ же лл. 1431—1437.

въ концѣ XVI вѣка тянуло шесть деревень, изъ коихъ въ одной—деревня Урай—находилось 25 дворовъ крестьянскихъ, семь дворовъ оброчныхъ и пять дворовъ льготныхъ; въ остальныхъ деревняхъ число дворовъ было не такъ велико, но количество вытей, числившихся въ это время за ними, указываетъ намъ на довольно значительную величину ихъ пахоты и слѣдовательно на порядочную степень зажиточности¹⁾. Объ одной деревнѣ сказано даже, что «стала послѣ писцовыхъ книгъ Микиты Борисова», т. е., послѣ 1567 года,—можетъ быть, она появилась уже вслѣдствіе увеличившейся безопасности въ здѣшнихъ мѣстахъ послѣ построенія острожковъ²⁾.

Выше было замѣчено, что Казанскій уѣздъ по нѣкоторымъ явленіямъ, которыми съ самаго начала сопровождалось его заселеніе, сходенъ со Свіяжскимъ; это сходство заключается въ несоразимѣрности перелоговъ, зарослей, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій съ пахотою въ вотчинахъ духовенства и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей. Подобные факты въ хозяйственной жизни выступаютъ здѣсь тѣмъ рельефнѣе, что населеніе повиному на многихъ земляхъ только что успѣло отстроиться, ибо въ описи не рѣдко прямо говорится «что выти еще не учинены, крестьяне живутъ на льготѣ»³⁾. Такой фактъ, часто повторяясь въ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ общинъ, выдѣляется также и въ общей суммѣ обработанной земли у крупныхъ землевладѣльцевъ Казанскаго уѣзда⁴⁾. Вслѣдствіе дѣятельности

¹⁾ Тамъ, напримѣръ, въ деревнѣ Ошникѣ находилось 16 дворовъ, которые сидѣли на 6 вытяхъ; въ деревнѣ Кузмининѣ 10 дв. сидѣли на 4 выт.

²⁾ Тамъ же лл. 1437—1444.

³⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 643 лл. 186, 416 и нѣк. друг.

⁴⁾ Тамъ, напр., у Казанскаго архіепископа (1567 г.) въ вотчинахъ его въ Казанскомъ уѣздѣ было пашни доб. земли 452 чети, перелогу 735 четей, зарослей и дубровъ пашенныхъ 315 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей: съна 8650 коп., лѣсу пашенного 430 десят., да лѣсу пашенного и непашен. на 17 вер. въ длину и 9 попер. У Спасскаго Преображенскаго монастыря, что въ городѣ Казани, въ его вотчинахъ паш. добр. зем. 203 чети, перелогу 63 чети, зарослей и дубр. паш. 53 десят., лѣсу на 10 вер. съ полов. динны и на 7 съ полов. поперекъ. Тамъ же лл. 401—402 и 416.

крестьянскихъ общинъ, на вотчинныхъ земляхъ Спасо-преображенскаго монастыря, спусти уже тринадцать лѣтъ послѣ описи шестидесятихъ годовъ, пахотная земля увеличивается на 60 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей. На этотъ разъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ пахоты встрѣчаемся и съ *пахотными лѣсами* въ вотчинахъ Спасо-преображенскаго монастыря. Рядомъ съ такими фактами является совершенно естественнымъ уменьшеніе на монастырскихъ земляхъ лѣсныхъ угодій, на счетъ которыхъ отчасти и могла только увеличиваться пахота ¹⁾. Чрезъ 12 лѣтъ Преображенскому монастырю была дана грамота, которою не только подтверждены были за монастыремъ прежнія его пожалованія, но предоставлены были новыя: «велѣли учинити въ старой и въ новой ихъ монастырской землѣ и что они припахали старова монастырскаго лѣсу пашню на 1200 чети, что имъ роспахати въ ихъ же монастырскомъ лѣсу» ²⁾. Колонизаціонная дѣятельность Преображенскаго монастыря впрочемъ не ограничивалась въ это время уѣздомъ, — въ самомъ острогѣ Казанскомъ заселена была имъ слобода бобылями, которые при своемъ поселеніи получили матеріальную поддержку отъ монастыря ³⁾. Другой крупный вотчинникъ Казанскаго уѣзда, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельнѣйшимъ лицомъ въ этой странѣ, — Казанскій митрополитъ, дѣйствовалъ во второй половинѣ XVI столѣтія въ культурно-хозяйственномъ отношеніи едва ли не успѣшнѣе всѣхъ въ цѣломъ краѣ. Такъ, мы знаемъ изъ царской грамоты, что въ концѣ даннаго столѣтія во владѣніи у Казанскаго митрополита пахотилось земли около 7871 четвертей, — на 5871 четверть болѣе противъ

¹⁾ По приписи дьяка Битяговскаго 1580 года въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря было 263 чети паш. добр. земли, 72 чети перелогу, 50 десятинъ лѣсу пашеннаго, 160 десят. зарослей и дубр. пашен.; лѣсу пашен. и непашен. на 10 вер. длины и на 6 попер. (уменьш. на полторы версты поперекъ и на полъ версты въ длину). Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. № 6429 гр. 1592 года.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, грам. 1599 г.

прежних писцовых книг; вследствие чего лишняя земля описана была на государя и лишь по челобитью митрополита отдана была ему обратно¹⁾). Сохранился фактъ, свидѣтельствующій между прочимъ о колонизаціонной дѣятельности самого правительства въ это время, какъ землевладѣльца Казанскаго уѣзда. Къ 1600 году съ дозволенія правительства недалеко отъ Казани на дворцовомъ «Черномъ лѣсу поставлены» были крестьянскими общинами село Борисоглѣбское и деревня Каравасва, на которыя впослѣдствіи предъявлялъ свои притязанія Казанскій митрополитъ Матѣй²⁾). Но не одни русскіе люди являются въ настоящее время дѣятелями по заселенію Казанскаго уѣзда: нѣкоторые и изъ инородцевъ, болѣе другихъ расположенные къ земледѣлію, дѣйствуютъ съ энергіею въ томъ же направленіи. Намъ извѣстно, что ясашные Чуваши деревни Тюбекъ владѣли пахотною землею недалеко отъ пригорода Арска; часть этой земли отдѣлена была правительствомъ для пригорода Арска, а общинѣ въ замѣнъ отнятой у нея земли предоставлена была на ния старосты деревни Тюбекъ по сосѣдству съ деревнею на ключѣ земля, которая была покрыта еловымъ лѣсомъ. Въ 1595 году чувашская ясашная община деревни Тюбекъ³⁾, состоявшая изъ 12 дворовъ, почувствовала недостатокъ пахотной земли въ своей деревнѣ, и тогда *«они изъ своей деревни изъ Тюбека по той дачѣ, для того что у нихъ пашни мало, отдѣлили трехъ человекъ въ починокъ въ Новой Тюбекъ—Максимка Яковлева, да Олешку Васильева, да Семена Килѣева—въ старые въ цѣлые ясаки»*, на мѣсто, отведенное имъ у ключа. Черезъ пять лѣтъ (1600 г.) чувашскіе бобыли сосѣдней деревни Чечурча отдѣлились отъ

¹⁾ Тамъ же, грам. 1627 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Говоримъ рѣшительно *община* потому, что и въ нынѣшнее время въ деревняхъ Казанскаго уѣзда Чуваши живутъ семейнородовыми общинами, поселенія которыхъ нерѣдко носятъ названія отцовъ семейства или родоначальниковъ, впервые тутъ поселившихся. «Мат. Эг. Рос. Каз. губ.» Р и т и х а стр. 46, 62 и 63; «Инородцы Каз. губ.»—С б о е в а стр. 18—20.

своей общины въ числѣ трехъ человекъ и заняли землю на цѣлый ясакъ по другой сторонѣ ключа; эту землю предоставило имъ правительство также въ замѣнъ земли, отошедшей отъ ихъ деревни для пригорода Арска. Сверхъ того спустя три года (1603 г.) изъ деревни старый Тюбекъ снова отдѣлились три Чувашенина и заняли землю на ключѣ же около своихъ товарищей; сѣли они здѣсь на полъ-ясакъ, на льготѣ¹⁾. Въ концѣ XVI столѣтія усиливается въ Казанскомъ уѣздѣ и колонизаціонная дѣятельность Преображенскаго монастыря. Успѣху этой дѣятельности монастыря должна была способствовать какъ близость части монастырскихъ земель къ городу Казани, гдѣ находился самый монастырь, такъ, съ другой стороны, сосредоточенность монастырскихъ владѣній въ немногихъ мѣстахъ—главнымъ образомъ на притокѣ рѣки Казанки, на рѣчкѣ Ноксѣ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія средства Преображенскаго монастыря увеличились новыми пожалованіями, вслѣдствіе чего въ распоряженіи его, кромѣ прежнихъ земель, находилась еще половина деревни Салгачей, село Борисоглѣбское, Плетени тожъ, съ деревнею Поповкою подъ Казанью²⁾. И прежде средства Преображенскаго монастыря были немалы, — съ пріобрѣтеніемъ же земель въ столь выгодномъ мѣстѣ они должны были усиливаться въ замѣтной степени, что не могло остаться безъ послѣдствій для хозяйственной дѣятельности монастыря, какъ по отношенію ко вновь доставшимся ему вотчинамъ, такъ и къ находившимся прежде въ его владѣніи. Главнымъ хозяйственнымъ центромъ для подгородныхъ земель Преображенскаго монастыря въ началѣ XVII столѣтія³⁾ было село Борисоглѣбское, Плетени тожъ, въ ко-

¹⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 642 лл. 160—163.

²⁾ Село Борисоглѣбское съ тянушею къ нему деревнею Поповкою сперва было въ помѣстьѣ за Никееоромъ Чепчуговымъ, а послѣ Никееора было въ государевыхъ дворцовыхъ селехъ, а дана въ Преображенскій монастырь по государевѣ грамотѣ въ 104 году (1596). 1-ое отд. Арх. Мин. Юст. Каз. у. № 6553 л. 3 обор.

³⁾ Описъ селамъ, сельцамъ и деревнямъ Преображенскаго монастыря сдѣлана была Иваномъ Болтинымъ и Осипомъ Аристовымъ, вмѣстѣ съ подѣ-

городъ построена была монастыремъ деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба; при церкви былъ дворъ священника, и въ селѣ находились два монастырскихъ двора. Село Борисоглѣбское населено было бобылями, которые, живя подъ городомъ, предпочитали промышленныя занятія земледѣльческому; число ихъ въ это время было не велико и всѣ они платили одинаковый оброкъ¹⁾. Въ селѣ находилась небольшая монастырская пашня²⁾, обрабатываемая крестьянами деревень и деревень-починковъ, которые въ данное время тянули къ селу Борисоглѣбскому. Изъ деревень, тянувшихъ къ селу Борисоглѣбскому, прежде упоминались лишь деревни Поповка и Борискова; первая, какъ мы знаемъ, пожалована была монастырю вмѣстѣ съ селомъ Борисоглѣбскимъ, вторая же упоминается въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Тогдашнее состояніе деревни Борисовой, какъ впрочемъ и большей части другихъ поселеній, своею пахотою, перелогомъ, населеніемъ, зарослями, значительнымъ сѣнокосомъ, большимъ пахотнымъ и непахотнымъ лѣсомъ и льготою указывало на недавность своего появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ. О другихъ поселкахъ, принявшихъ къ селу Борисоглѣбскому, и пахавшихъ въ немъ монастырскую пашню³⁾, говорится слѣдующее: «деревня Семибратениковъ, *Борискова починокъ тоже*», въ описи же половины XVII в. о ней же сказано, что она «стала на болотъ послѣ большихъ писцовъ⁴⁾»

лчмъ Иваномъ Турусовымъ въ 1603 году. Списокъ съ нихъ сдѣланъ только вотчинъ монастырскихъ и наход. подъ № 6553. 1-го отд. Каз. у.

¹⁾ Эта одинаковость оброка, платимаго бобылями, быть можетъ, обусловливается недавностью ихъ поселенія. Всѣхъ бобылей было 15 дворовъ и платили они по 10 алтынъ съ двора. Сверхъ того были три бобыля льготныхъ; прозвище одного было «Кожевникъ», а другаго «Костромитинъ». По окончаніи льготы они должны были платить тотъ же оброкъ—10 алтынъ на годъ съ двора.

²⁾ 17 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей.

³⁾ Пахали крестьяне здѣсь по десятинѣ съ выти; выть по прежнему заключала въ себѣ 10 четей въ каждомъ изъ трехъ полей.

⁴⁾ Большими писцами именуются обыкновенно писцы 1565—67 годовъ.

деревни Борисовы на лѣсу; о другомъ поселеніи, «деревни Харинъ починокъ» сказано въ описи половины XVII вѣка только, что она, «стала послѣ большихъ писцовъ на *Борисковской землѣ*»; наконецъ о третьей деревнѣ, «Новоселки», упоминается въ половинѣ XVII ст. только, что она «стала послѣ большихъ писцовъ», — при чемъ послѣдняя деревня относительно населенія и пахоты была самая развитая изъ трехъ поселковъ; затѣмъ въ этомъ отношеніи идетъ Харинъ починокъ и потомъ наконецъ Семибратениковъ¹⁾. Такимъ образомъ, починокъ Семибратениковъ прямо именуется починокъ деревни Борисовы; слѣдовательно это поселеніе образовалось чрезъ выдѣленіе отъ общины деревни Борисовой отдѣльной колоніи. Надобно предполагать, что и Харинъ починокъ образовался такимъ же образомъ, потому что о немъ сказано, что онъ возникъ послѣ большихъ писцовъ на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Борисовой; только, вѣроятно, его основаніе предшествовало починку Семибратеникову, ибо въ немъ населенія и пахоты въ началѣ столѣтія было болѣе, чѣмъ у послѣдняго. Быть можетъ, и появленіе деревни Новоселокъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ деревнѣ Борисовой, ибо, кромѣ ея названія, она также возникла «послѣ большихъ

¹⁾ *Деревня Борисова* (оп. 1567 г.) на озерѣ на Кабанѣ на верхнемъ, 3 дв. крест. (только въ одномъ дворѣ одинъ человѣкъ, а въ остальныхъ двухъ больше), паш. доб. земля 13 четей, перелогъ 4 чети, зарослей и дубровъ паш. 5 десят. въ каждомъ полѣ, сѣна 150 коп.; лѣсу паш. и непашен. полторы версты въ длину и 1 вер. попер.; *Деревня Борисова Большая* на озерѣ на Кабанѣ (оп. 1603) крест. дв. 11, 4 выти, крестьянскіе пашни 37 четей въ каждомъ полѣ, сѣна 70 коп., земля добрая; лѣсу непашен. полторы версты. *Деревня Новоселки*, на озерѣ на Кабанѣ, 13 дв. крестьянъ, 4 выти, пашни крест. 40 чети, сѣна нѣтъ, косятъ наймуща на сторонѣ; лѣсу непашен. около полъ 3 десятинами. *Дер. Харинъ починокъ*, на истокѣ, 6 дв. крест. да дворъ бобыльск., 2 выти; паш. крест. пах. 20 чети въ кажд. полѣ; земля добрая; сѣна и лѣсу нѣтъ, сѣно косятъ наймуща на сторонѣ. *Дер. Семибратениковъ*, Борисковъ починокъ тожъ, 5 дв. крест. въ живущемъ 1 выть съ четью, пашни крест. пах. 12 чети въ кажд. полѣ, сѣна и лѣсу нѣтъ, косятъ наймуща на сторонѣ. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 613 л. 415. 1-го отд. Каз. у. № 6553 лл. 5—8.

писцовъ» и стояла на томъ же озерѣ, на которомъ съ самаго начала основалась община деревни Борисовой. Быть можетъ, болѣе раннее основаніе деревни Новоселокъ¹⁾ и довольно скорое увеличеніе въ ней населенія и пахоты были причиною того, что память объ этой связи ея съ деревнею Борисовой исчезла въ началѣ XVII столѣтія. Изъ другихъ вновь появившихся поселеній Преображенскаго монастыря только относительно деревни-починка Решетникова съ нѣкоторою вѣроятностью можно указать на его происхожденіе. Опись починка Решетникова помѣщена непосредственно вслѣдъ за описью сельца Клыки и начинается такимъ образомъ: «деревня-починокъ Решетниковъ на болотцѣ мшаномѣ, сталъ ново на лѣсу промежъ сельца Клыковъ». Дѣйствительно, у сельца Клыки Мельничные, что на р. Ноксѣ²⁾, вѣстѣ съ деревнями Большіе и Средніе Клыки на той же рѣкѣ, былъ въ 1567 году во владѣніи общій лѣсъ, простиравшійся на 2 версты въ длину и на одну версту поперекъ; въ самомъ сельцѣ Клыкахъ въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія, правда, не было крестьянъ, а находились лишь два монастырскихъ двора да монастырская пашня съ сѣнокосомъ³⁾,—но въ началѣ XVII столѣтія въ этомъ сельцѣ уже жила крестьянская община изъ 14 дворовъ, которая имѣла довольно порядочную пахоту, кромѣ монастырской⁴⁾.

Такимъ образомъ, возникновеніе починка Решетникова при помощи общины сельца Клыки представляется весьма вѣроятнымъ, особенно, если принять во вниманіе незначительность въ данное время населенія и пахоты въ поселкѣ⁵⁾, равно какъ и

¹⁾ Вслѣдствіе этого, вѣроятно, только въ ней среди угодій и попадаетъ лѣсъ, въ то время, какъ у другихъ поселковъ его нѣтъ.

²⁾ Клыки Мельничные, ибо на рѣкѣ Ноксѣ находилась мельница Большое колесо.

³⁾ «Пашни монастырскіе добрыя земля 30 четей въ каждомъ полѣ, а сѣна по р. Ноксѣ и около полъ 100 пай».

⁴⁾ Писц. кн. за № 643 и 1-го отд. Каз. у. № 6553, л. 9—10.

⁵⁾ Въ починкѣ Решетниковѣ находилось 306 крест. и 7 четей пахоты въ одномъ полѣ; сѣна 30 копенъ.

то, что его крестьяне во время описи находились еще на льготѣ, что все виѣстѣ взятое указываетъ на недавность появленія поселка. О возникновеніи остальныхъ поселковъ, съ которыми впервые встрѣчаемся въ началѣ XVII столѣтія, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе отсутствія въ этомъ направленіи какихъ либо указаній¹⁾. Изъ отношеній же нѣкоторыхъ новыхъ поселковъ къ тому или другому хозяйственному цѣнтру въ настоящемъ случаѣ мы не рѣшаемся дѣлать какого либо предположенія²⁾. Изъ другихъ измѣненій, происшедшихъ за настоящей промежутокъ времени въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря, слѣдуетъ отмѣтить превращеніе починка Сафарова на р. Ноксѣ въ село Богородское. Въ соотвѣтствіе съ этимъ мы находимъ въ немъ теперь церковь, строенія монастырскаго, съ дворомъ при ней священника, съ дворами монастырскими и съ монастырскою же пашнею, обрабатываемою квестьянами села Богородскаго и деревень, примыкавшихъ къ нему въ хозяйственномъ отношеніи. Хотя число крестьянскихъ дворовъ села было невелико, но зажиточность ихъ, судя по крестьянской пахотѣ и по тому, что сельская церковь снабжена была образами, книгами, колоколами и утварью на счетъ прихожанъ, вѣроятно, была порядочная. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности этого поселенія: величина сѣнокоса въ немъ осталась та же, что и прежде, равно какъ не измѣнилось и пространство непоханнаго лѣса; послѣднее обстоятельство впрочемъ объясняется въ концѣ описи: «а въ томъ лѣсу борти, вотчинники Татарова, а оброкъ даютъ въ

¹⁾ Это новые поселенія суть слѣдующія: *деревня-починокъ Харитовской* 5 дв. крест. на 5 вытахъ, сѣна нѣтъ, живутъ на льготѣ. *Деревня-починокъ Черемхина*—4 дв. крест., на 1 выти, сѣна около поля 40 коп. *Починокъ Некрасова*,—въ немъ 2 дв. крест. (въ одномъ дворѣ живетъ Некраско Кузьмичъ, да сынъ Якушко) оба двора на полторы выти. сѣна 45 коп.; два поселка стоятъ на р. Ноксѣ. № 6553 лл. 13, 18—19

²⁾ Крестьяне деревни-починка Черемхина виѣстѣ съ крестьянами деревни Большихъ Клыковъ пахали монастырскую пашню въ деревнѣ Подсѣлкѣ, а крестьяне починка Некрасова пахали монастырскую пашню виѣстѣ съ крестьянами другихъ деревень въ селѣ Богородскомъ.

монастырь». Такимъ образомъ, значительное увеличеніе пахотной земли, находимое нами въ селѣ Богородскомъ, сравнительно съ тѣмъ, какое было въ починкѣ Сафаровѣ, произошло главнымъ образомъ на счетъ перелогу и зорослей, которые съ самаго начала въ довольно значительномъ количествѣ встрѣчаются въ починкѣ ¹⁾. Съ монастырскимъ хозяйствомъ въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря въ данное время встрѣчаемся одинаково какъ въ селахъ и сельцахъ, такъ и въ деревняхъ. Даже можно сказать, что самая значительная пахота монастырская находится теперь въ деревнѣ ²⁾, между тѣмъ какъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія монастырская пашня была лишь въ одномъ сельцѣ Клыккахъ. При этомъ нужно упомянуть, что монастырь для пахоты и для другихъ своихъ промысловъ пользуется уже не только трудомъ крестьянъ, живущихъ на его земляхъ, но содержитъ еще и порядочное количество рабочихъ людей («дѣтенышевъ»), обозначаемыхъ какъ «годовне наемные»; судя по такимъ ихъ прозвищамъ, какъ «Нижегородецъ» или «Вологжанинъ», они приходили въ Казанскій уѣздъ изъ разныхъ, и не близкихъ, мѣстъ ³⁾. Пространство монастыр-

¹⁾ *Починокъ Сафаровъ* (оп. 1567) на р. Ноксѣ, а въ немъ крест. 3 дв., паш. доб. зем. 5 чет., да перелогу 20 четей въ каждомъ полѣ, да зарослей и дубровъ пашенныхъ къ тремъ полямъ 15 десятинъ; сѣна по рѣкѣ и по дубровѣ 100 коп.; лѣсу паш. и непаш. около полъ по сѣмѣ 50 десятинъ. Да у того жъ починка монастырская мельница Большое Колесо, а у мельницы дворъ монастырскій, а живетъ въ немъ мельникъ старикъ Якимъ. *Село Богородское, а Сафаровъ починокъ тоже* (оп. 1603) на р. Ноксѣ, а въ немъ храмъ древнянъ Успенія преч. Богородицы, монастырское строеніе, а въ церкви образы и книги и всякое строеніе мірское, дворъ монастырской, а въ немъ живутъ старцы изъ монастыря наѣздомъ, черемънясь, да 2 дѣтеныша (рабочихъ); на монастырскомъ же дворѣ дворъ коровей, а въ немъ живетъ мельникъ, . . . пашни монастырскіе 22 чети съ осьминою, пашутъ Богородскаго села престыне, да Егнальдеевскаго, да Некрасова починка, да деревни-починка Поляновъ крест. двор. 10, «въ живущемъ полѣ паты выти, пашни паш. крестьянскіе 45 четей въ каждомъ полѣ . . сѣна по рѣкѣ и около полъ по дубровамъ 100 коп. лѣсу непаш. 50 десят., а въ томъ лѣсу борти, вотчинники татаровя, а оброкъ даютъ въ монастырь». Писц. кн. Каз. у. за № 643 л. 411; 1-е отд. Каз. у. № 6558, л. 17.

²⁾ Деревня *Подъска* за Арскимъ полемъ.

³⁾ 1-го отд. Каз. у. № 6553 лл. 5, 9, 15, 17, 20.

ской пахоты, обрабатываемой лишь монастырскими крестьянами, увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, противъ того, какою мы ее оставили въ XVI столѣтіи ¹⁾. Число крестьянскихъ дворовъ съ 44 увеличилось до 121 двора. Крестьянская пашня отъ 263 четвертей возросла до 840 четвертей въ каждомъ полѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи съ увеличеніемъ пахотной земли въ монастырскихъ вотчинахъ и умноженіемъ населенія въ нихъ должно находиться уменьшеніе лѣснаго пространства,—которое дѣйствительно съ 10 верстъ длины и 6 поперекъ умалилось до 6 верстъ длины и 3 съ половиною поперекъ. Но прибавъ сѣнокоса въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря, какъ и въ поселеніяхъ Свіязскаго уѣзда въ XVII столѣтіи, находится не въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ пахотной земли; мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ новыхъ монастырскихъ поселеніяхъ подъ Казанью сѣна совсѣмъ не было,—въ описи говорится: «косить найму на сторонѣ»; въ иныхъ поселеніяхъ сѣнокосы совсѣмъ не увеличились, а въ другихъ если и замѣтно увеличеніе, то въ размѣрахъ очень скромныхъ ²⁾. Слѣдуетъ упомянуть также и о томъ, что въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ въ началѣ XVII столѣтія совсѣмъ не встрѣчаемся съ перелогами и зарослями на пахотной землѣ,—явленіе, косвенно свидѣтельствующее объ удовлетворительномъ состояніи здѣсь крестьянскаго и монастырскаго хозяйствъ.

Въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря находимъ три мельницы, которыя принадлежали къ одному типу—«Большое колесо» и расположены были на р. Ноксѣ. Въ старыхъ сельцахъ и въ дерев-

¹⁾ Прежде монастырская пашня въ селѣ Клыкахъ состояла изъ 30 четей въ каждомъ полѣ, а теперь—84 четей въ каждомъ полѣ; 19 четвертей обрабатывали дѣтеныши.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ селѣ Клыкахъ на р. Ноксѣ въ шестидесятихъ годахъ было 100 коп. и въ началѣ XVII ст. столько же. Въ селѣ Среднемъ Клыкѣ, на той же рѣкѣ сперва 150 коп., и впоследствии столько же. Починокъ Шамасырь сперва 50 коп., потомъ ставши деревнею въ началѣ XVII в. 80 коп. и другіе подобныя же факты. Писц. ин. Каз. у. за № 643 и 1-ю отд. Каз. у. № 6553 л. 3, 12.

нахъ, находившихся на р. Ноксѣ, пахота и населеніе увеличились за этотъ промежутокъ времени болѣе, чѣмъ вдвое противу того, какими они были въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія. Сверхъ того, на р. Ноксѣ появляются новыя поселенія ¹⁾, которыхъ крестьяне также обзаводятся пашнею и потребляютъ лѣсъ въ мѣстахъ близкихъ къ рѣкѣ. Вслѣдствіе подобной дѣятельности количество влаги должно было уменьшиться, и воды въ рѣкѣ въ послѣднее время не могло уже быть такъ много, какъ въ началѣ появленія здѣсь поселеній. Въ результатѣ сила водной стремительности въ рѣкѣ Ноксѣ стала гораздо слабѣе, и мельницы, расположенныя на рѣкѣ, не могли теперь всѣ успѣшно работать, вслѣдствіе чего, вѣроятно, одна мельница на р. Ноксѣ упразднена совсѣмъ и либо перенесена, либо вновь построена на другой рѣкѣ, на Сельдѣ. Но и старыя мельницы на р. Ноксѣ величиною своихъ поставовъ теперь уже не всегда были подъ силу рѣкѣ, на которой стояли, потому что о нихъ говорится: «а мелеть вешнею полою или дождевою скопленною водою» ²⁾.

Въ заключеніе укажемъ еще одну особенность, съ которою вначалѣ встрѣчаемся въ поселеніяхъ Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ, и на ея послѣдующее видоизмѣненіе. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ монастырскихъ шестидесятихъ годовъ XVI вѣка среди поселенцевъ виѣсть съ русскими крестьянами живутъ «новокрещены, полоняники и Чуваша»; объ одномъ починкѣ даже прямо сказано: «а живутъ въ немъ Татаровя на льготѣ» ³⁾. Въ началѣ XVII столѣтія во всѣхъ этихъ поселеніяхъ, не исключая починка, все населеніе

¹⁾ На р. Ноксѣ расположены были—деревня-починокъ Хариповской и починокъ Непрасовъ.

²⁾ Тамъ же лл. 9, 17, 19.

³⁾ Смѣшанное населеніе на земляхъ Преображенскаго монастыря въ 1567 году встрѣчается въ селѣцѣ Средній Елымъ и въ селѣцѣ Куюмъ; имена и прозвища такого рода: «Малахъ полоняникъ, Серга Дочшакъ Осташевъ, Езакъ, Еней и др. Починокъ, въ которомъ живутъ татаровя, называется Шамасырь, въ немъ 6 дв.: дв. Шамасырь, дв. Аникей, дв. Марча Осановъ и др.» Писц. кн. Каз. у. за № 643 л. 413 и др.

носить православныя имена съ русскими прозвищами, — слѣдовательно совершилось полное претвореніе за этотъ промежутокъ времени инородцевъ и иновѣрцевъ въ православныхъ русскихъ людей ¹⁾.

Изъ приведенныхъ очерковъ можно видѣть, что на луговой сторонѣ Волги, какъ это мы видѣли ранѣе въ нагорной, дѣло русской колонизаціи и культуры подвигалось довольно успѣшно во второй половинѣ XVI столѣтія. Но съ наступленіемъ эпохи смутъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, какъ въ Свияжскомъ, исчезла безопасность личности и собственности, начались убійства и разоренія не только деревень и селъ, но также и городовъ. И здѣсь, на луговой сторонѣ, преимущественными дѣятелями при разореніяхъ являются инородцы, которые не останавливались и предъ религіозною святынею; такъ, въ одной изъ грамотъ смутнаго времени говорится, «что всякіе воры, и Черемиса и многіе люди городъ Котельничъ взяли и церкви Божіи осквернили и многихъ людей побили и до основанія разорили» ²⁾. Судя по оскверненію церквей, слѣдуетъ предполагать, что въ данномъ дѣлѣ главными дѣятелями были язичники Черемисы, у которыхъ грабительскіе инстинкты были изощрены, а христіанская святыня не имѣла никакого значенія. Вслѣдствіе отсутствія безопасности и большихъ разореній, въ уѣздѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не собирали доходовъ, такъ что денегъ на общественные расходы въ Казани не было. Объ этомъ сами Казанцы свидѣлствуютъ въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія: «а у насъ въ Казани въ сборѣ денегъ нѣтъ, потому всякихъ доходовъ съ Чуваши и съ Черемисы съ дворовъ ясашныхъ и съ вотчинъ оброчныхъ денегъ

¹⁾ Въ селѣхъ Еуюкахъ въ 1603 г. староста Терешка Григорьевъ, затѣмъ Ялунка Леонтьевъ, Поснишко Андреевъ, Ивановъ, Васильевъ, Федостевъ, Михайловъ и др. Въ деревнѣ Малые Татарскіе Клыки, что былъ починокъ Шамасырь, Савка Андреевъ, Вахрамѣйко Дмитріевъ, Петрушка Федоровъ, прозвище Везеримъ, Лучка Петровъ, Федька Ивановъ и др. (всѣхъ 9 двор.). 1-ое отд. Каз. у. № 6553. лл. 12 и 16.

²⁾ Ал. Арх. Эксп. т. II-ой № 148.

не имано для смутнаго времени по три тоды ни одное денны, и кабаки заперты были по многое время и таможенныя пошлины взяти было не съ чего»¹⁾).

И въ Казанскомъ уѣздѣ съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича на царскій престолъ не установилось полное спокойствіе, хотя и прекратилось междоусобице; здѣсь къ мѣстнымъ элементамъ безпокойства въ видѣ множества Черемисъ присоединялось и сосѣдство со степью, которая начиналась непосредственно за рѣкою Камю. Намъ извѣстно уже, что на правомъ берегу Камы въ нѣкоторыхъ, болѣе опасныхъ, мѣстахъ построены были острожки, укрѣпленные башнями и снабженные пищами, отъ чего безопасность могла здѣсь нѣсколько увеличиться; мы указывали, что въ нѣкоторой связи съ этимъ, по всей вѣроятности, находится умноженіе населенія въ поселеніяхъ, которыя встрѣчаются около остроговъ. Но, быть можетъ, умноженіе населенія въ Казанскомъ уѣздѣ вскорѣ послѣ смутнаго времени и нѣкоторая зажиточность его сильнѣе соблазняла кочевыхъ обитателей сосѣдней степи, находившихъ себѣ иногда хорошихъ союзниковъ въ мѣстныхъ инородцахъ, вмѣстѣ съ которыми они могли успѣшно производить свои вторженія и разорять трудовое земледѣльческое населеніе уѣзда²⁾. Вѣроятно, вслѣдствіе этого около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія (1617 г.) въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ Казанскаго уѣзда, на ряду съ прибылымъ населеніемъ, попадаетъ не мало дворовъ, о которыхъ прямо сказано: «крестьянскіе дворы пусты отъ татарскаго разоренія»³⁾.

Землевладѣльцы съ большими средствами, владѣвшіе землями въ такихъ мѣстахъ, которыя подвергались опасности отъ

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 256; А. А. Эк. т. II, № 188.

²⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6129 гр. 1644 г.

³⁾ Въ селѣ Бетькахъ по оп. 1617 г. на 44 двора жилыхъ, пустовыхъ отъ вышеприведенной причины 14 дв.; въ дер. Ошняхъ, тянувшей къ Бетькамъ, на 21 дв. жилой, 4 двора пустыхъ; въ новомъ починокъ Горбуновъ на 9 дв. жилыхъ, 2 дв. пустыхъ. Писц. кн. Каз. уѣзда за № 153, № 508 лл. 1027—1038.

нападеній со стороны кочевныхъ обитателей степи, съ дозволенія правительства на свой счетъ воздвигали острожки «для приходу Нагайскихъ людей». Подобное позволеніе получилъ въ данное время (1617 г.) архимандритъ Богородицкаго монастыря, владѣвшій пожалованною землею въ Казанскомъ уѣздѣ «на рѣкѣ на Вяткѣ близко Камы рѣки», гдѣ у него находилось село Мамадышъ, бывшее въ опасности отъ близкаго сосѣдства закамской степи ¹⁾. Самъ великій государь, какъ крупный землевладѣлецъ, долженъ былъ тоже заботиться о безопасности крестьянъ, которые жили на дворцовыхъ земляхъ. Эта опасность, какъ мы уже видѣли, могла грозить населенію Казанскаго уѣзда, не только со стороны Камы, а также и со стороны инородцевъ, жившихъ въ уѣздѣ, изъ коихъ нѣкоторые — Черемисы — производили большія опустошенія по среднему теченію р. Вятки. Намекъ на разрушительную дѣятельность Черемисъ въ эпоху смуты находимъ, кромѣ выше приведеннаго, еще въ другомъ мѣстѣ — по среднему теченію р. Вятки. Около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія на р. Вяткѣ въ дворцовой Кукарской слободѣ находимъ «кругомъ слободы острогъ, а на острогѣ три пищали затинныхъ, да въ казнѣ 10 ручныхъ самопаловъ». Въ самой слободѣ въ данное время находилась деревянная церковь съ образами и колоколами «государева строенья», дворъ прикащика, 84 двора крестьянскихъ, 12 бобыльскихъ и 5 дворовъ льготныхъ. Крестьяне значатся «на отъѣзжей пашнѣ», которой только 30 четвертей — «на росчистяхъ». Кромѣ того, въ слободѣ числятся «церковные земли лѣсомъ поросло 40 четей, да крестьянскіе жъ земли *боровымъ большимъ лѣсомъ поросло 180 четей*» ²⁾. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ одной стороны съ довольно значительною крестьянскою общиною, а съ другой — съ очень небольшою, сравнительно съ числомъ членовъ общины, пахотой, о которой говорится, что она расчищена, — слѣдовательно, прежде была покрыта лѣсомъ;

¹⁾ А. А. Э. т. III, № 90.

²⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 153 лл 1556—1564.

затѣмъ упоминается о довольно значительной церковной землѣ и о большой пахотѣ крестьянской, которая поросла лѣсомъ. По этимъ даннымъ слѣдуетъ предполагать, что прежде здѣсь находилось довольно значительное поселеніе, жители котораго распахали землю для церкви и для самихъ себя, но потомъ, быть можетъ, въ смутное время, жившая тутъ крестьянская община подвергалась нападенію и разоренію, вслѣдствіе чего земля большею частью была брошена и успѣла зарости лѣсомъ. Послѣ междоусобицъ, правительство, вслѣдствіе опасностей, которыя, вѣроятно, грозили здѣсь общинѣ дворцовыхъ крестьянъ, распорядилось окружить слободу острогомъ; и вотъ къ остаткамъ отъ прежней общины крестьянской присоединяются новыя,—быть можетъ, возвратились также нѣкоторые изъ разбѣжавшихся,—и стали расчищать почву, успѣвшую зарости порядочнымъ лѣсомъ. Предположеніе о разгромѣ Кукарской слободы выведено изъ показаній старосты и слободскихъ крестьянъ, что «крестьяне десятинные пашни не пахутъ и денежнаго оброку не платятъ отъ смутныхъ годовъ», и далѣе они же показали, что «платежныя отписи у нихъ понимали Черемиса въ смутные годы». Кромѣ обычныхъ льготъ крестьянъ влекли сюда еще обширныя угодья въ видѣ «рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и всякихъ водяныхъ промысловъ», которыя предоставлены были имъ въ разномъ направленіи на много верстъ по рѣкѣ Вяткѣ и по ея притокамъ—Пижмѣ и Немдѣ ¹⁾).

Мы видѣли разоренія, которыя Казанскій уѣздъ испыталъ въ смутное время въ разныхъ мѣстахъ, видѣли также и недостатокъ средствъ въ первое время для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, въ то время, какъ они требовали удовлетворенія. Одною изъ общественныхъ нуждъ въ Казанскомъ уѣздѣ, гдѣ среди населенія находилось не мало всякихъ инородцевъ, были средства для содержанія стрѣльцовъ, которые должны были поддерживать авторитетъ русской власти и порядокъ, еще не вполне установившійся въ краѣ, граничившемъ со

¹⁾ Тамъ же лл. 1561—1564.

степью и его кочевыми обитателями. Эти-то средства, быть может, мѣстами взимаемыя въ очень значительномъ количествѣ, въ соединеніи съ нападеніями пришлыхъ и мѣстныхъ инородцевъ являются причинами того, что послѣ междуцарствія уже нѣкоторые крестьяне, жившіе на дворцовыхъ земляхъ, «разбѣжались отъ татарскіе шатости и отъ стрѣльцкихъ запасовъ»¹⁾.

Казанское царство, богатое землями, по всей вѣроятности, старалось также ихъ раздачей отдѣльнымъ людямъ извлекать для себя нѣкоторыя выгоды. Вслѣдствіе этого русское правительство послѣ завоеванія Казанскаго царства застало не мало такихъ людей, которые владѣли здѣсь землями «по старинѣ». Непосредственно послѣ завоеванія Московское правительство по понятному чувству осторожности не могло къ своимъ новымъ подданнымъ отнестись съ такимъ же довѣріемъ, какъ къ русскимъ людямъ, которыхъ оно и старается поэтому водворять въ этой странѣ въ качествѣ служилыхъ людей на доставшихся ему обширныхъ земляхъ Казанскаго царства. Въ то же время русское правительство не могло отнять землю у туземныхъ землевладѣльцевъ, которые не скомпрометировали себя участіемъ въ возстаніяхъ противъ Россіи. Поэтому мы встрѣчаемъ иногда, что нѣкоторые туземцы, обладавшіе «жеребьями», «послѣ Казанскаго взятія съ того жеребью земли въ государеву казну платять денежной оброкъ». По всей вѣроятности, оброкъ этотъ былъ не великъ и правительство находить впослѣдствіи для себя болѣе выгоднымъ подобныхъ людей обязать вмѣсто денежнаго оброка «съ жеребья служить государева служба»²⁾. Этими, должно быть, обусловливается значительное количество служилыхъ новокрещенъ, служилыхъ татаръ и ясачныхъ чувашъ, владѣвшихъ въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстными жеребьями и землею «безъ дачъ и государевыхъ грамотъ и выписей», которые, однако, указывали правительственнымъ лицамъ, какъ на

¹⁾ Тамъ же лл. 1503—1510. (описаніе 1621 года дворцоваго села Сабуголей съ деревнями).

²⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 642, л. 27.

законное основаніе для своего обладанія, на то, «что тѣмъ жеребья владѣли отцы ихъ и дядья и братья до Казанскаго и послѣ Казанскаго взятъ, а они послѣ ихъ тѣмъ помѣстными жеребья владѣютъ по старинѣ жъ безъ дачь» ¹⁾. Московское правительство, съ своей стороны, послѣ замиренія края старается пользоваться умомъ и энергіею мѣстнаго населенія для государственныхъ цѣлей; русскихъ служилыхъ людей было достаточно для удовлетворенія нуждъ здѣшняго края, поэтому правительство раздаетъ отдѣльные жеребья и другія доходныя статьи въ помѣстье инородцамъ, обращая ихъ въ своихъ служилыхъ людей и обязывая службою себѣ въ здѣшней странѣ. Земли и угодья, бывшія за служилыми и ясачными инородцами, обыкновенно записывались въ отдѣльныхъ книгахъ, которыя не смѣшивались съ книгами, заключавшими въ себѣ земли и угодья русскихъ служилыхъ людей.

Приступая къ обзору явленій, которыя встрѣчаются намъ въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ инородческомъ хозяйствѣ Казанскаго уѣзда, мы предварительно должны остановиться на одномъ обстоятельстве: въ это время намъ нерѣдко попадаются въ деревняхъ и даже иногда въ селахъ земли, находящіяся во владѣніи «за служилыми за ясачными *новокрещены*». Чтобы намъ понятно было это обстоятельство, мы должны сперва указать на нѣкоторые факты, совершившіеся въ Казанскомъ уѣздѣ вскорѣ послѣ прекращенія на Руси междуцарствія.

Начало XVII столѣтія въ жизни русскаго народа, какъ извѣстно, было болѣзненною эпохою, извѣстною подъ названіемъ эпохи смуты, о которой выше говорено было достаточно. Народъ русскій вышелъ изъ этой тяжелой эпохи побѣдителемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что возродившійся въ лучшихъ людяхъ политическій смыслъ сообщился большинству тогдашняго общества, понявшаго необходимость для русскаго народа особеннаго политическаго единенія, которое было бы независи-

¹⁾ Тамъ же сл. 69—70, 140, 235 238.

ыми отъ западныхъ сосѣдей Россіи. Но время это было временемъ возрожденія не одного только общественнаго смысла въ русскомъ народѣ, а также и временемъ возбужденія въ немъ религіознаго чувства, потому что русскій человѣкъ сознавалъ въ то время не столько политическую особенность свою отъ сосѣдей, сколько религіозную. Многіе члены русскаго общества въ соотвѣтствіи съ своимъ религіознымъ настроеніемъ склонны были видѣть въ единичныхъ и общественныхъ страданіяхъ смутнаго времени наказаніе, свыше ниспосланное за тѣ пороки и недостатки, которые обнаруживались въ нравственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ общества тогдашняго времени ¹⁾. Результатомъ подобнаго настроенія является обыкновенно необходимость покаянія, вслѣдствіе чего число братіи въ монастыряхъ увеличивается прибытіемъ новыхъ членовъ, ищущихъ въ монастыряхъ удовлетворенія охватившей ихъ религіозной ревности. И дѣйствительно, въ Преображенскомъ монастырѣ, что въ Казани, количество братіи въ началѣ XVII столѣтія сильно увеличилось ²⁾. Въ Преображенскій же монастырь пришелъ въ 1618 году, между прочимъ, и благочестивый инокъ Филаретъ. Проживая въ монастырѣ, Филаретъ часто удалялся для молитвы въ пустынные мѣста. «Однажды, пришедъ на мѣсто, на которомъ стоитъ теперь Раифская пустынь, онъ изумился красотою и безмолвіемъ его и рѣшился остаться тутъ. Никого не было въ этомъ мѣстѣ, только дикіе Черемисы приходили по временамъ на озеро для припесненія языческихъ жертвъ. Скоро собрались къ нему другіе иноки, и, по смерти Филарета, здѣсь былъ основанъ монастырь» ³⁾.

Около двадцатыхъ годовъ этого столѣтія появился въ Казанскомъ уѣздѣ и другой монастырь, основанный инокомъ

¹⁾ Подозрѣніе, легкое отношеніе къ присягѣ, огромные росты и пр.

²⁾ Въ 1614 году архимандритъ Преображенскаго монастыря въ своей челобитной царю пишетъ, что при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ ихъ монастырѣ «братія было немного, всего братовъ съ тридцать, а нынѣ де въ монастырѣ братія умножило, братовъ съ полтараста». Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429, грам. 1614 г.

³⁾ Правосл. собес. 1864 года Февр. «Вліяніе монаст. на разс. народное въ Казан. краѣ» Нурманскаго 204 с. (ссылка на рукоп. библи. Казан. акад.).

Евфиміемъ ¹⁾). Прибывши въ Казань Евфимій сталъ искать уединеннаго мѣста, которое обрѣлъ тамъ, гдѣ въ настоящее время находится Семнозерная пустынь. Это мѣсто, кромѣ озеръ, было въ то время богато еще и вѣковымъ лѣсомъ, въ которомъ жили Черемисы. Около того мѣста, гдѣ поселился инокъ Евфимій, стоялъ тогда дубъ, къ которому приходили Черемисы для принесенія языческихъ жертвоприношеній. Однажды въ этотъ дубъ ударила молнія и разбила его. Черемисы приняли это за особенное знаменіе Божіе и удалились отсюда. Къ Евфимію между тѣмъ начали сходить другіе иноки; положено было основаніе монастырю, около котораго вскорѣ стали появляться и крестьянскіе дворы. Такимъ образомъ возникъ Семнозерный монастырь ²⁾). Въ иномъ мѣстѣ было уже нами высказано ³⁾, что первымъ православнымъ монастыремъ въ здѣшнемъ краѣ, населенномъ исключительно язычниками и магометанами, естественнѣе всего было являться въ городахъ, какъ единственныхъ въ тогдашнее время мѣстахъ, гдѣ жили многіе христіане. Съ тѣхъ поръ, однако, въ продолженіи пятидесятилѣтняго господства здѣсь московскаго государства, обстоятельства нѣсколько измѣнились: въ Казанскомъ уѣздѣ появляются не только русскіе служилые люди, но на земляхъ, принадлежащихъ имъ и другимъ русскимъ землевладѣльцамъ, поселяются и общины православныхъ крестьянъ, которые водворяютъ здѣсь русскую культуру. Вслѣдствіе этого и православные монастыри могли, такъ сказать, выйти изъ-за городскихъ стѣнъ, потому что они получили теперь возможность опираться на православнаго русскаго человѣка не въ городѣ только, но и внѣ городской черты. И вотъ религіозный подъемъ, наглядно обнаружившійся въ появленіи въ Казанскомъ уѣздѣ православныхъ монастырей среди инородцевъ и на землѣ для нихъ священной

¹⁾ Ранеская пустынь находится въ западномъ направленіи отъ города Казани приблизительно въ 30 верстахъ отъ города; Семнозерная болѣе въ сѣверномъ направленіи и въ 17 верстахъ отъ Казани. Извѣстія о Семнозерной пустыни попадаются около 1625 года.

²⁾ Тамъ же сс. 203—204.

³⁾ Поволжье въ XV и XVI вв. 243 стр.

(они совершали въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, свои языческія жертвоприношенія), долженъ былъ сказаться также и въ ревности по распространенію Христовой вѣры между инородцами. Этимъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить значительное число служилыхъ и ясачныхъ *новокрещенъ*, съ которыми встрѣчаемся въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ¹⁾. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что къ христіанству обращались иногда инородцы, владѣвшіе «помѣстными жеребьями безъ дачъ и государевыхъ грамотъ.... по старинѣ»²⁾, слѣдовательно, люди, бывшіе, повидимому, издавна обеспеченными. Кроме того, есть факты, показывающіе, что это обращеніе, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, было не одною лишь формальностью, потому что, напримѣръ, служилые новокрещены бывшей деревни Ишеры, среди которыхъ находились люди, искони обладавшіе землею, построили деревянную церковь, снабдили ее образами, книгами, ризами, сосудами церковными и колоколами,—все это означено, какъ «строење служилыхъ и ясачныхъ новокрещенъ»³⁾; такимъ образомъ инородческая деревня превращается въ православное село усиліями и средствами новыхъ христіанъ, что не можетъ несвидѣтельствовать объ ихъ ревности къ христіанской вѣрѣ.

Обращаясь къ хозяйству служилыхъ и ясачныхъ инородцевъ въ Казанскомъ уѣздѣ, мы прежде всего должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ данное время у нихъ большей частью преобладаетъ сѣнокосъ надъ пахотою въ столь рѣзкой формѣ, въ какой почти не встрѣчается въ поселеніяхъ русскихъ людей⁴⁾;

¹⁾ Служилые и ясачные новокрещены встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда—въ деревняхъ и въ волостяхъ. См. Писц. кн. Каз. у. № 642 лл. 5—7, 58—90, 103, 124.

²⁾ Тамъ же лл. 69—70.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Для примѣра—«деревня *Аланбаши* за Ясачною Чувашею за 23 дворами пашни 198 чет. въ каждомъ полѣ, сѣна по р. Мешѣ да за р. за Камою 6600 коп. Въ волости въ *Малмыжѣ* за служилыми и за ясачными людьми пашни и перелогу и лѣсомъ поросло 248 чет. въ кажд. полѣ, сѣна на 8200 коп.; лѣсу дубовы пашенные въ длину на 3 вер., а поперекъ на 1 в. Въ дер. *Байюжѣ* за Ясачною Чувашею и за служилыми татарами паш. 93 чет., сѣна 4700 коп. Тамъ же лл. 16, 43, 124 и др.

даже у священника села Ишеры, населенного, какъ мы уже видѣли, ясачными и служилыми инородцами, при 16 четвертяхъ пахоты въ каждомъ полѣ числится 300 копенъ сѣна. Но и та земля, которая находилась подъ пахотой, далеко не вся была обработана удовлетворительно въ хозяйственномъ отношеніи, о чемъ свидѣлствуютъ довольно наглядно пустоши, перелогы и зорослы, перѣдко попадающіяся на ихъ земляхъ ¹⁾. Отсюда можно заключить, что, вѣроятно, инородцы въ Казанскомъ уѣздѣ и въ описываемое время скотоводствомъ занимались съ болѣею охотою, чѣмъ земледѣліемъ. Населеніе инородческихъ земель, кромѣ самихъ инородцевъ, состоявшихъ изъ служилыхъ и ясачныхъ новокрещенъ, татаръ, черемисъ и чувашъ, принадлежало также и другимъ народностямъ; такъ, наприимѣръ, среди нихъ встрѣчаются «дворы латышскіе», а затѣмъ люди съ прозвищами «Латышъ», «Литвинко», «Нѣвичинъ», которые иногда занимаются пахотой и живутъ на льготѣ; между льготными земледѣльцами на земляхъ служилыхъ инородцевъ изрѣдка попадаются дворы людей съ прозвищемъ «Русакъ» ²⁾. Кромѣ пахотныхъ земель съ сѣнокосными угодьями за служилыми инородцами въ помѣстьѣ въ Казанскомъ уѣздѣ находились еще и другія доходныя статьи, какъ-то: рыбныя ловли въ рѣкахъ и озерахъ, бортыя ухажан, бобровыя гоны, перевозки и мельницы на рѣкахъ и кабаки; къ послѣднимъ, кажется, иногда относились отдѣльныя строенія на рѣчныхъ перевозахъ и на дорогахъ, гдѣ взималось съ проѣзжихъ «таможенное». Всѣ эти доходныя статьи эксплуатировались либо непосредственно служилыми людьми, либо же сдавались ими на откупъ другимъ лицамъ. Въ общемъ и состояніе перечисленныхъ статей дохода у служилыхъ инородцевъ находилось въ несовсѣмъ удовлетворительномъ состояніи. Это лучше всего можно видѣть изъ того обстоятельства, что изъ всей суммы угодій и доходныхъ статей въ Казанскомъ уѣздѣ болѣе четверти были пусты,—слѣдова-

¹⁾ Тамъ ж. л. 5, 25, 31, 46, 122, 124 и др.

²⁾ Тамъ же л. 2, 15, 103—104, 109, 112—113.

тельно не приносили своимъ владѣльцамъ никакой выгоды¹⁾. Что же касается до положенія въ это время инородцевъ на луговой сторонѣ, то можно сказать, что оно въ общемъ было то же, что и въ нагорной сторонѣ. И здѣсь воеводамъ, отправленнымъ въ какой-либо городъ, въ уѣздѣ котораго жили инородцы, поручалось «смотрѣти надъ головою стрѣleckимъ и надъ подъячимъ и надъ толмачами и надъ приставами и надъ всякими русскими людьми и беречи того накрѣпко, чтобъ они Черемисы не обидили и посуловъ и поминковъ съ нихъ не имали и насильствъ имъ не чинили; да емужъ смотрѣти за дѣтими боярскими за всякими сборщиками и за кабацкими и за тауженными откупщиками дозировать по часту, чтобъ Царепонкокшайскимъ Новокрещеномъ и Черемисы и всякимъ служилымъ и жилацкимъ людямъ напрасныя жесточи и насильства и налоговъ и продажъ не дѣлали а къ Новокрещеномъ и къ Черемисамъ держати ласки и привѣтъ и береженье, чтобъ они въ Царевонкокшайскомъ измѣнъ не завели и какова дурна не учинили»; здѣсь же поручается воеводѣ «лучшихъ людей» изъ Черемисы «имати въ аманаты» (заложники) и держать ихъ въ городѣ²⁾.

Около половины XVII вѣка служилому челоуѣку Семену Волынскому было поручено Казанскимъ приказомъ сдѣлать опись Казанскому уѣзду. Вѣроятно, вслѣдствіе обширности и довольно уже значительной населенности этого уѣзда опись въ данное время производилась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1648—1656 гг.). Заключалась она въ нѣсколькихъ тетрадяхъ или книгахъ, при чемъ населеніе селъ и деревень переписывались, кажется, въ отдѣльныхъ книгахъ, а пахота и угоды

¹⁾ Въ Казанскомъ уѣздѣ за служилыми инородцами числилось около 92 кабаковъ, 42 бортовыхъ ухаюевъ, 6 перевозовъ на разныхъ рѣкахъ и 5 бобровыхъ гоюовъ. Изъ нихъ пустыми были 25 кабаковъ, 11 бортовыхъ ухаюевъ, 2 бобровые гона. Тамъ же лл. 241—242.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Родослов. ин. Рос. двор. т. I, л. 406—407. Наказъ 1626 года воеводѣ Вороюу.

также въ отдѣльныхъ ¹⁾. Въ книгахъ Волынскаго ии снова встрѣчаемся съ вотчинами Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ. Кромѣ прежнихъ поселеній, успѣвшихъ за это время большей частью видоизмѣниться въ своемъ населеніи и пахотѣ, здѣсь попадаются такіе поселки, которые вновь появились за этотъ значительный промежутокъ времени.

Село Борисоглѣбское, что подѣ Казанью, въ началѣ XVII столѣтія, какъ мы знаемъ, было населено бобылями, число которыхъ не доходило до двадцати, а оброкъ, платимый ими монастырю, былъ менѣе пяти рублей. Въ половинѣ XVII вѣка село Борисоглѣбское населено оброчными крестьянами, которые «пашни не пашутъ, а оброкъ денежной платятъ въ монастырь съ дворовымъ и съ огородные земли». Въ немъ кромѣ трехъ причетничьихъ дворовъ, въ которыхъ живутъ свои дворами отдѣльно священникъ, дьяконъ и пономарь, находится 127 дворовъ оброчныхъ бобылей и ихъ вдовъ, вносявшихъ въ монастырскую казну болѣе ста рублей. Главные плательщики въ слободѣ были, повидимому, кожевники, число которыхъ, судя по ихъ прозвищамъ, равнялось 27 дворамъ; нѣкоторые изъ нихъ платили по одному и по два рубля, — а одинъ даже вносилъ пятирублевый оброкъ ²⁾; за тѣмъ идутъ оброчные крестьяне съ прозвищами: «огородникъ» (шестеро), «плотникъ» (семеро), «токарь» (четверо), «скорникъ» (двое), «портной мастеръ» (двое), «сапожный мастеръ» (двое), — далѣе по одному двору — «строгальщикъ», «шерстобитъ», «ветошникъ», «крашенильникъ», «сыромятникъ» и «калачникъ» ³⁾. Нѣкоторые слобожане своими прозвищами, кромѣ занятія, указываютъ иногда и

¹⁾ Сравнить слѣд. Писц. ии. за № 155 и собр. грам. 1-го отдѣл. Каз. у. за № 6553 лл. 1, 25—100.

²⁾ «Дворъ Васья Бондратьевъ сынъ Кожевникъ, прозвище пастухъ, у него 4 сына, да у него жъ купленной татаринъ Степка Романовъ сынъ *поокрещенъ*, у Степки сынъ Лукьянко, — оброку платитъ пять рублей» 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 30.

³⁾ Два двора платили оброку по три рубля, 6 дворовъ болѣе двухъ рублей, 23 двора вносили болѣе рубля, оброкъ же остальныхъ дворовъ былъ менѣе рубля.

мѣсто своей родины, откуда они пришли въ слободу,—такъ, наприимѣръ, «Ярославецъ кожевникъ» или «Строгальщикъ Ярославецъ»¹⁾. Иные слобожане въ одно время принадлежали и къ городскому посаду и состояли членами общины села Борисоглѣбскаго,—по этому поводу въ описи говорится, что они «въ посадѣ тянутъ съ полушки, а въ монастырь съ земли», или же въ другомъ мѣстѣ: «тягло тянутъ съ посадскими людьми, оброкъ платятъ въ монастырь»²⁾. Но повидимому такая двойная зависимость непріятна была для правительства, потому что болѣею частью въ подобныхъ случаяхъ опредѣляется: «а впредь ему жить въ Казани на посадѣ». Кроме того известно, что въ селѣ Борисоглѣбскомъ въ началѣ XVII вѣка въ небольшомъ количествѣ³⁾ находилась монастырская пашня, обрабатываемая крестьянами тѣхъ деревень, которые тянули къ нему, какъ къ своему хозяйственному центру. И въ половинѣ XVII столѣтія застаемъ тутъ монастырское земельное хозяйство, но только на гораздо обширнѣйшемъ пространствѣ: здѣсь находилось «пашни монастырскіе десятинные» 63 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей⁴⁾. Монастырская пахота, по всей вѣроятности, воздѣлывалась по прежнему крестьянами деревень, находившихся вблизи отъ села Борисоглѣбскаго и принимавшихъ къ нему въ хозяйственномъ отношеніи. Понятно, что въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ монастырскою пахотой должно было находиться въ данное время какъ населеніе деревень, тянувшихъ къ нему, такъ и крестьянская въ нихъ пашня. Но не во всѣхъ деревняхъ число крестьянскихъ дворовъ и пашни увеличились одинаково: въ нѣкоторыхъ, какъ, наприимѣръ, въ деревнѣ Семибратеникахъ, которая, какъ мы уже знаемъ, на-

¹⁾ «Дворъ Максимко Якимовъ сынъ Ярославцъ Кожевника, у него сынъ Ивашко, оброку платитъ два рубля. Дворъ Логинко Андреевъ сынъ строгальщикъ Ярославцъ, у него четыре сына (имена), оброку 20 алтынъ, а прѣжъ сего онъ Логинко въ Ярославѣ на посадѣ, а въ селѣ Борисоглѣбскомъ за монастыремъ живетъ десятый годъ.» Тамъ же лл. 28, 39—40.

²⁾ Тамъ же лл. 28, 34.

³⁾ Семнадцать четвертей въ каждомъ полѣ.

⁴⁾ Писц. кн., за № 1127 л. 5.

ходила при неблагоприятныхъ естественныхъ условіяхъ («на болотѣ»), число дворовъ увеличилось лишь однимъ; слѣдуетъ впрочемъ замѣтить при этомъ, что количество людей, жившихъ въ этихъ шести дворахъ было довольно значительное: «а людей въ нихъ 27 человекъ». Значительнымъ количествомъ трудовыхъ силъ, сосредоточенныхъ въ небольшомъ числѣ дворовъ, слѣдуетъ объяснить и умноженіе крестьянской пашни, находящееся въ деревнѣ Семибратеникахъ, въ которой пахота могла увеличиться, главнымъ образомъ, «отъ лѣсные росчисти» ¹⁾). Въ другихъ поселеніяхъ, тянувшихъ къ селу Борисоглѣбскому, хотя число дворовъ увеличилось и болѣе, нежели въ деревнѣ Семибратеникахъ, но увеличеніе это умѣренное; только въ деревнѣ Борисовѣ, община которой въ прежнее время отдѣляла отъ себя новые поселки и этимъ, вѣроятно, нѣсколько задерживала умноженіе своего населенія, теперь число дворовъ увеличилось почти втрое противъ предыдущаго. Но если въ остальныхъ поселкахъ число вновь прибывшихъ дворовъ и невелико, то за то количество людей, живущихъ въ этихъ дворахъ, лишь немногимъ уступаетъ деревни Семибратеникамъ. Въ соотвѣтствіи съ населеніемъ во всѣхъ деревняхъ встрѣчается значительное увеличеніе пахотной земли и, какъ кажется, большей частью отъ «лѣсные росчисти» ²⁾). Лѣсныя уголья въ до-

¹⁾ *Деревня Семибратеники* (1603 г.) паш. крестьян. 12 четей въ кажд. полѣ; земля добрая. Деревня Семибратеники (пол. XVII вѣка) на *Сухой Доли*, пашни 16 десятинъ съ половиною въ каждомъ полѣ «тоже деревни лѣсные росчисти подлѣ Ногайскіе дороги полѣ третью десятины» въ каждомъ изъ трехъ полей. 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 6 обор. и л. 45. Писц. книга за № 1127 л. 6.

²⁾ *Деревня Поповка* (1603 г.) на озерѣ 13 дв. крест., а людей въ ней 15 чел. крестьянъ, въ живущемъ 5 вытей, паш. пахан. крестьянскіе 50 чет. въ каждомъ полѣ, сѣна подъ деревнею 240 коп. лѣсу непаш. 1 верста. *Онаже* (пол. XVII в.) крест. дв. 29, а людей въ нихъ 80 челов. да 3 двора бывлей, а людей въ нихъ 6 челов. паш. крест. 84 десят. въ каждомъ полѣ сѣяныхъ покосовъ 36 десят. *Дер. Борискова* (1603) *Большая*, на озерѣ на Кабанѣ 11 дв. крест., паш. крестьянскіе 37 четей въ кажд. полѣ, лѣсу непаш. полторы версты. *Онаже* (полов. XVII в.) 31 дв. крест. и боб., людей въ нихъ 107 челов. пашни 212 дес. въ кажд. полѣ «тоже деревни лѣсные рос-

вольно обширныхъ размѣрахъ значились въ началѣ XVII столѣтія въ деревняхъ Поповкѣ и Большой Борисковой, вслѣдствіе чего пахота монастырская и крестьянская могли расширяться въ извѣсномъ направленіи безъ стѣсненій. Въ остальныхъ прежде существовавшихъ монастырскихъ вотчинахъ населеніе за это время умножилось въ общемъ въ два съ половиною раза противъ того числа, какое было въ нихъ въ началѣ столѣтія. Увеличеніе это встрѣчается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ поселеніяхъ; послѣднія даже увеличиваются обыкновенно съ болѣею энергіею, чѣмъ первыя¹⁾. Новыхъ поселеній въ Казанскомъ уѣздѣ у Преображенскаго монастыря въ настоящій промежутокъ времени прибавилось не много,—но нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Къ подобнымъ поселеніямъ слѣдуетъ отнести новое село Егорьевское на р. Капкѣ. Объ этомъ селѣ сказано, что это сперва «былъ погостъ особно», а затѣмъ «росчищали они (крестьяне) къ церковной землѣ изъ государевы пашни и отводного лѣсу, которой лѣсъ отведенъ и отграниченъ былъ къ церкви, пашенные земли . . . въ трехъ поляхъ 73 десятины»²⁾. Въ половинѣ XVII вѣка въ селѣ

чисти 2 десятины въ каждомъ полѣ». *Дер. Новоселки* (1603) 13 дв. кр., паш. крест. 40 четей въ каждомъ полѣ, лѣсу непашен. около полѣ 3 десят. *Она же* (въ полов. XVII в.) двор. крест. и боб. 19, людей въ нихъ 67 человекъ, пашни крест. 40 четей въ кажд. полѣ «тоежъ деревни лѣсные росчисти 7 десят.» въ кажд. полѣ. *Дер. Харинъ починокъ* (1603 г.) на истока, 6 дворовъ крест. и 1 дв. боб., паш. крест. 20 четей. *Она же* (въ пол. XVII в.) 11 дв. крест., людей въ нихъ 38 челов., паш. крест. 27 десят. въ каждомъ полѣ. «Тоежъ деревни лѣсные росчисти подлѣ Ногайскіе дороги полтретьи десятины». Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553 лл. 6, 7, 44—45, 46—48, 49. Писц. кн. за № 1127 л. 5—6.

¹⁾ *Деревня починокъ Емилъдѣевъ* (1603) на р. Ноксѣ 14 дв. кр. *Она же* (въ пол. XVII в.) «по обѣ стороны р. Ноксы, стоитъ на 4 посада, крест. и бобыльск. дворовъ 49, а людей въ нихъ 179 челов. *Деревня починокъ Харинской* (1603) 5 дв. крест.; *она же* (въ пол. XVII в.) стоитъ на рѣкѣ Ноксѣ на 2 посада съ пропѣзжими улицы, крестьян. и боб. дворовъ 24, людей въ нихъ 93 челов. *Сельцо Куюкѣ* (1603 г.) на рѣкѣ Куюковѣ, 40 дв. крест. и 1 дв. боб., *она же* (въ пол. XVII с.) крест. и боб. дв. 35, людей въ нихъ 107 чел. Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6553 лл. 13, 15, 17, 19, 72—74, 82—89, 91—94, 96—100.

²⁾ Писц. кн. Сем. Волынскаго № 155 л. 71.

Егорьевскомъ при церкви заставъ три двора для причта, въ которыхъ отдѣльно жили священникъ, дьяконъ и пономарь; за тѣмъ дворъ монастырскій, гдѣ жили работники, и 40 дворовъ крестьянскихъ ¹⁾. Изъ другихъ поселковъ монастыря слѣдуетъ указать на новое поселеніе на пустоши, которая прежде принадлежала служилому человѣку, а потомъ пожалована была Преображенскому монастырю и онъ заселилъ ее ²⁾. Были еще у Преображенскаго монастыря новыя поселенія за р. Камою, на лѣвой сторонѣ ея, но объ нихъ будетъ рѣчь ниже.

Обращаясь къ культурной дѣятельности другаго крупнаго поземельнаго владѣтеля Казанскаго уѣзда, къ дворцовому вѣдомству, мы должны признать, что и на его земляхъ встрѣчаемся за это время съ энергическою дѣятельностью крестьянскихъ общинъ, направленною къ устраненію значительныхъ природныхъ препятствій, которыя встрѣчались на пути земледѣлію. Впрочемъ и здѣсь дѣятельность какъ общинъ, такъ и правительства была въ разныхъ поселеніяхъ неодинакова: въ однихъ количество росчистей и величина пахотной земли умножилась сравнительно съ началомъ XVII столѣтія сильно, а въ другихъ, хотя тоже произошло увеличеніе пахоты, но сравнительно гораздо умѣреннѣе ³⁾.

¹⁾ 1-ое отд. Каз. у. № 6553 лл. 53—56.

²⁾ Тамъ же л. 50.

³⁾ Тамъ въ дворцовой деревнѣ *Побѣдиловъ починокъ* въ 1617 году было крестьянской пашни 25 чет. въ кажд. полѣ; а въ полов. XVII в. крестьянской пашни въ ней 71 десят. въ кажд. полѣ, да «лѣсные росчисти» 16 дес. въ кажд. полѣ. Въ дворц. *дер. Заднія Атары* въ 1619 г. крест. паш. 30 четей въ кажд. полѣ; а въ полов. XVII ст. въ ней крест. паш. 88 десят. въ кажд. полѣ, да лѣсные росчисти въ разныхъ мѣстахъ 10 десят. въ кажд. полѣ. Въ дворцовомъ селѣ *Веткахъ* въ началѣ XVII ст. пахота крестьянская равнялась 130 чет. въ кажд. полѣ, а въ половинѣ XVII ст. въ немъ «государевы десятинные и крестьянскіе пашни 552 дес. въ кажд. полѣ». Въ дворц. селѣ *Анатошѣ* въ началѣ XVII ст. крест. пашни 130 четей въ кажд. полѣ, а въ полов. XVII ст. въ немъ госуд. и крест. пашни 337 чет. въ каждомъ полѣ, и въ другихъ мѣстахъ тоже. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153 лл. 1418 — 1517. Писцов. кн. за № 1127 лл. 4, 20—23, 117; Писцов. кн. за № 155 л. 90.

Если отъ крупныхъ поземельныхъ владѣтелей Казанскаго уѣзда мы перейдемъ въ мелкіе, то и здѣсь, какъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе, вѣроятно, незначительности средствъ, которыми чаще всего располагали служилые люди, и того, что ихъ помѣстья большей частью были раздроблены, ихъ владѣнія въ хозяйственномъ отношеніи уже въ концѣ столѣтія находились часто не въ удовлетворительномъ состояніи¹⁾. Но, не смотря на это, въ половинѣ XVII столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаются поселки съ названіями селецъ и деревень, о которыхъ сказано, что это «починокъ-выставка» стараго села или деревни, находившагося «въ помѣстьяхъ за разными помѣщиками», при чемъ помѣщики въ выставкѣ попадаются иногда тѣ же, что и въ главномъ селѣ; иногда деревня именуется такимъ образомъ: «деревня Черемышъ новая помѣстная татарская и ясачная выставка изъ деревни стареи Черемыши». Подобныя выставки какъ бы въ воспоминаніе объ общинѣ, отъ которой онѣ первоначально отдѣлились, носятъ часто названіе своей метрополіи²⁾. Наконецъ въ Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаемся еще съ явною дѣятельностью крестьянскихъ общинъ на земляхъ дворцоваго вѣдомства, богатою по своимъ культурно-колонизаціоннымъ послѣдствіямъ. Попримемъ для

¹⁾ Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать состояніе двухъ помѣстьевъ въ Казанскомъ уѣздѣ служилыхъ людей, которые были пожалованы Троицкому Свіяжскому монастырю въ 1593 году. Помѣстье, бывшее въ селѣ Царьцынѣ за Андреемъ Плещеевымъ: при 8 дв. крестьянскихъ 40 чет. паш. доб. зем. въ кажд. полѣ, находилось 63 чети перелогу и зарослей въ кажд. полѣ. Въ половинѣ деревни Пермяковѣ, которая была въ помѣстьѣ за Михаиломъ Волинскимъ, 4 дв. крест., паш. доб. земля 50 четей въ кажд. полѣ, перелогу 38 четей въ кажд. полѣ, да дубр. пашенныхъ 10 десят. въ кажд. полѣ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6431 лл. 5, 7.

²⁾ Тогожъ села *Шмалъева выставка*—село, что былъ *починокъ Шмалъевской* на рѣкѣ на Сулѣ въ помѣстьѣ за разными помѣщиками. «За Михаиломъ Посниковымъ сыномъ Нейлова въ селѣ, что была *деревня Кадъ малая выставка изъ села Кадъ*». «Тогожъ села *Кишкилдѣева выставка*—деревня *Кишкилдѣева*». «*Деревня Новая Мамла выставка изъ Ясачной старой деревни Мамлы*» и друг. Писц. кн. за № 1127 лл. 153 — 157, 167 — 168, 172, 177, 183 и др.

этой дѣятельности являются земли по среднему теченію рѣки Вятки, не отличавшіяся благодатною почвою и чаще всего покрытія лѣсомъ. Центральнымъ пунктомъ для группы поселеній, основанныхъ здѣсь большей частью небольшими крестьянскими общинами, является дворцовая Кукарская слобода; съ состояніемъ которой въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія мы уже ознакомились. Мы видѣли, что Кукарская слобода въ то время состояла изъ крестьянскихъ дворовъ, число которыхъ хотя и было довольно значительно (100 дв.), но крестьянская «отѣзжая пашня» далеко не соответствовала ихъ количеству и могла вызвать предположеніе, что большая часть здѣшнихъ насельниковъ поселилась на мѣстѣ лишь послѣ смутнаго времени, отъ котораго Кукарская слобода, повидимому, сильно пострадала. Въ то же время указано было и на особенность въ этой же слободѣ, — на обширныя угόδья, которыя простирались на десятки верстъ по пустыннымъ притокамъ р. Вятки. Около половины XVII вѣка на этихъ рѣкахъ и на самой Вяткѣ встрѣчаемся съ очень значительнымъ количествомъ поселковъ, большей частью носящихъ названіе — займищъ, починковъ и деревень, что были починками; большинство поселеній обладаютъ незначительною пахотою, о которой нерѣдко говорится: «пашни новоросчистные земли», или «пашни и лѣсной росчисти», или же просто: «пашни и росчисти». Крестьянскія общины въ поселкахъ состоятъ чаще всего изъ 3, 5, 10 человекъ, при чемъ форма выраженій нерѣдко такая: «Починокъ Матюшки Важенина съ товарищи». Изрѣдка, но встрѣчается, что поселенецъ своимъ прозвищемъ указываетъ на свое прежнее отечество; такъ, попадаются «Чермитинъ», «Черминъ» и «Двинянинъ»¹⁾.

¹⁾ Писц. кн. за № 1127 лл. 277 — 301. Всего на этихъ листахъ описано «за крестьяны» около 200 мелкихъ поселковъ. Для примѣра: «Деревня что были починки Обуховской, за Логинкомъ Левонтьевымъ, сыномъ Обухова, съ пятью товарищи», — 13 десятинъ въ каждомъ полѣ. «Займище вверхъ по Кукавинъ рѣкѣ, въ черномъ лѣсу, крестьянина Емельяна Григорьева, сына Медуницына, по сѣмѣ на десятину въ трехъ поляхъ». «Деревни Жерков-

Кромѣ крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, культурными дѣятелями въ здѣшнихъ мѣстахъ являются и представители православнаго духовенства: такъ, наприимѣръ, говорится о «росчисти» поца села Петровскаго; въ Кукарской слободѣ въ данное время находимъ монастырь Покрова Богородицы, который, съ своей стороны, также поддерживалъ колонизаціонно-хозяйственную дѣятельность крестьянскихъ общинъ, основывавшихъ починки на его земляхъ по рр. Вяткѣ и Немдѣ¹⁾.

Представленный очеркъ показываетъ наглядно, сколько успѣшно совершалось заселеніе обширнаго Казанскаго уѣзда въ первой половинѣ XVII столѣтія. Отсюда мы можемъ видѣть, что и на луговой, какъ въ нагорной сторонѣ, главнымъ дѣтелемъ въ культурной дѣятельности Россіи въ здѣшнихъ, большей частью пустынныхъ и покрытыхъ лѣсомъ странахъ является русскій крестьянинъ и тѣ инородцы, которые больше другихъ имѣли охоты къ земледѣльческому занятію—Чуваши и Мордва. Дѣло остальныхъ дѣтелей, по всей вѣроятности, заключалось большей частью лишь въ помощи и въ поддержкѣ крестьянскихъ общинъ, которыя рѣдко сами могли обладать достаточными средствами для своей хозяйственно-колонизаціонной дѣятельности на первыхъ порахъ.

Въ то время, какъ такимъ образомъ засѣлялись и обрабатывались земли Казанскаго уѣзда, замыкаемыя рр. Волгою Камою и Вяткою, страны, простиравшіяся за Камою и отчасти примыкавшія къ Волгѣ, находились еще въ первобытномъ состояніи. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Закамскія страны совсѣмъ не обращали на себя вниманія предприимчиваго населенія Поволжья,—напротивъ, вскорѣ послѣ замиренія вновь

ской бобыля Петрушки Кузьмодемьянова, близко Кузьмодемьяновы деревни переложные земли.—2 десятины въ кажд. полѣ «Починокъ Осипинской на рѣчкѣ на Бѣлой, Ивашки Ларіонова Давыдовина съ товарищи, пашни новоросчистные земли и подъ сѣно 5 десят.» въ кажд. полѣ. «Займище вверхъ по р. Вяткѣ, выше жерновыхъ горъ. . . Богданинъ Земцова съ товарищи» 8 человекъ «росчисти по сѣтѣ 15 десятина въ трехъ поляхъ». Тамъ же лл. 278, 283, 290, 293.

¹⁾ Тамъ же лл. 301—304.

присоединеннаго царства мы уже встрѣчаемся здѣсь съ дѣятельностью русскихъ и инородцевъ, которые жили въ сосѣднихъ уѣздахъ луговой и нагорной сторонъ. Но эта дѣятельность вовсе не была постоянною, а временной; поэтому она несколько не измѣняла общаго характера первобытности странъ Закамскихъ, отчасти принявшихъ къ Волгѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что русскіе люди, главнымъ образомъ, обращали здѣсь свое вниманіе на богатые сѣнокосные луга, находившіеся по сосѣдству съ мѣстомъ ихъ жительства, и на рыбную ловлю въ притокахъ Волжскихъ, между тѣмъ какъ инородцы нагорной и луговой сторонъ Волги въ этой сторонѣ занимались преимущественно бортными ухоями и бобровыми гонами. Такъ, мы знаемъ изъ писцовой книги XVI вѣка и жалованной грамоты первой половины XVII столѣтія, что Преображенскій монастырь въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія ловилъ рыбу въ Чертыкѣ и въ Красномъ озерѣ «съ заводьми и съ истоки»¹⁾. Дозорная книга первой четверти XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что лугами на лѣвой сторонѣ р. Волги противъ Тетюшъ пользовались «Тетюшскіе троицкіе попы и дворяне и дѣти боярскія и стрѣльцы и служилые казаки и полоненники и посадскіе люди и крестьяне монастырскіе и дѣти боярскихъ и всякіе люди Тетюшскаго города изстари какъ и Тетюшской городъ сталъ». Здѣсь же говорится, что послѣ междоусобицъ дѣтямъ боярскимъ даны были «въ угодые, а не въ помѣстье» четыре озера, находившіяся на луговой сторонѣ Волги противъ Тетюшъ²⁾. Покровскому Тетюшскому монастырю въ первой четверти XVII столѣтія предоставлены

¹⁾ Писц. кн. Каз. у. № 643. 1-ое отд. Каз. у. гр. за № 6471. Чертыкъ и Красное озеро соединяются съ р. Камой около ея устья съ лѣвой стороны. Чертыкъ, по предположенію нѣкоторыхъ, есть старое русло рѣки Камы, въ которой вода, во время своего теченія, напираетъ на правый берегъ, — и поэтому отодвигается отъ лѣваго берега. Подробности объ этомъ см. «Поволжье въ XV и XVI вв.» 9—15 сс.

²⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 153, подъ № 546 (1619 г.) л. 1378. Дѣти боярскія, которымъ даны были эти озера, братья Петръ и Федоръ Неклюдовы.

были «рыбныя ловли и озеро Бѣлое по конецъ Арбугинныхъ горъ на луговой сторонѣ, противъ Костомскаго Яру, озеро Торопово, озеро Подгорное, противъ узеи, озеро Княинка и съ протоки»¹⁾. Что касается инородцевъ, то они еще въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія владѣли бортными угодьями и бобровыми гонами «на Черемшанскомъ устьѣ, по Казанской дачѣ»²⁾. Въ концѣ XVI столѣтія бортные ухажан, бобровые гоны и рыбныя ловли на луговой сторонѣ, бывшіе во владѣніи служилыхъ инородцевъ, захватывали собой огромныя пространства. Такъ, на примѣръ, въ двадцатыхъ годахъ XVII-го столѣтія одинъ изъ служилыхъ инородцевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что «за отцемъ его было бортной ухажей и бобровые гоны и рыбныя ловли за рѣкою за Камою по рѣкѣ по Волгѣ, по ногайской дорогѣ, ниже Тетюшъ, по Майнѣ рѣкѣ, Алты-басевскій лугъ по рѣкѣ по Уреню по вершинѣ да къ Малому бору, а отъ Малаго бору по Верхній боръ и по дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ по рѣкѣ на низъ отъ Манпскаго устья нижняя межа по Красной Ярѣ, по выше Сибирскаго городища, а верхняя межа по Майнѣ рѣкѣ . . . а по тѣмъ урочищамъ бобровыми гоны и рыбными ловлями владѣть самъ князь Яковъ,—рыбу ловятъ и бобровъ гоняють на него его князь Яковлевы люди; а бортной ухажей по записи 97 году (1589) отдастъ онъ на оброкъ Свіяжскаго уѣзду съ горныя стороны Чювашѣ»³⁾.—Изъ приведенныхъ извѣстій можно видѣть, что владѣніе разными угодьями, которыя только и эксплуатировались на лѣвой или луговой сторонахъ рѣкъ Кани и Волги, вовсе не требовало постоянного пребыванія здѣсь своихъ владѣтелей: они могли приходить сюда лишь на из-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6463 (1624 г.). Костомскій островъ на Волгѣ противъ пригорода Бѣлаго яра.

²⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 642 лл. 46—47.

³⁾ Писц. кн. Каз. у. за № 642 л. 54. Эта выдержка приведена сверхъ того въ статьѣ Невоструева «О городищахъ», помѣщенной въ трудахъ 1-го съѣзда т. II. 550 с. Авторъ отсюда выводитъ, что Сибирское городище было не на правой сторонѣ Волги, какъ говоритъ Олгарій, а на лѣвой.

вѣстное время, а потомъ возвращаться къ себѣ домой въ Тетюши, въ Казанскій или Свияжскій уѣзды. Но въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже возможность замѣтить, что иногда въ нагорной сторонѣ Поволжья, въ мѣстахъ, гдѣ правительствомъ дозволено было заниматься лишь рыбною ловлею, возникали постоянныя поселенія «изъ рабочихъ людей», которые «селились дворами жъ во крестьянство и, росчитавъ изъ того пустошу чернаго лѣсу, учинили малое число пашни»¹⁾. Въ данное время на луговой сторонѣ происходятъ тѣ же явленія. Мы уже знаемъ, что Преображенскій монастырь издавна владелъ рыбными ловлями за р. Камою въ р. Чертыкѣ и въ Красномъ озерѣ, съ прилегающими водами. Въ описи начала XVII в. сказано, что здѣсь для рыбной ловли на рѣкѣ на Волгѣ противъ Тетюшъ (?) поставленъ монастырской дворъ на прїѣздъ для рыбныя ловли, а въ немъ живутъ старцы изъ монастыря пережвнясь; а нынѣ живетъ старецъ Лука Безпортошный да десять человекъ дѣтенышевъ, годовые наемные»²⁾. Изъ послѣдующихъ извѣстій мы узнаемъ, что здѣсь среди рабочихъ рыбныхъ ловцовъ находились иногда и «крестьяне Преображенскаго монастыря»³⁾; самъ монастырь впоследствии въ своей грамотѣ, поданной царю, пишетъ, что монахи «владеютъ тою землею и пашню пашутъ и сѣно косятъ изстари»⁴⁾. Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія заставляемъ, что здѣсь «въ мѣстахъ рыбныхъ ловель на острову межъ Волги и Чертыка поставленъ монастырь и устроенъ храмъ во имя Троицы, а въ томъ монастырѣ живетъ старцевъ и служебниковъ тридцать человекъ». Но Преображенскій монастырь, что въ Казани, въ данное время не ограничиваетъ своей дѣятельности предѣлами острова, находящагося между Волгою и Чертыкомъ, а двигается далѣе: въ описываемое время «противъ того монастыря за рѣкою Чертыкомъ по рѣчкѣ Безднѣ на гривѣ» стояла уже

¹⁾ Поволжья въ XV и XVI вв., стр. 247—248 примѣчаніе 1-ое.

²⁾ Ар. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6553, л. 20.

³⁾ Тамъ же № 6429 гр. 1647 г.

⁴⁾ Тамъ же грам. 1639 г.

деревни Преображенскаго монастыря, въ которой былъ монастырскій дворъ, гдѣ жилъ прикащикъ, нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ и пустыхъ бобыльскихъ дворовъ; здѣсь же находилось «по гривамъ» въ небольшомъ количествѣ монастырской и крестьянской пахоты съ перелогомъ, зарослями и обширнымъ сѣнокосомъ¹⁾. Впрочемъ монастыри утверждались въ первой половинѣ XVII вѣка не только въ низовьяхъ р. Камы, а также и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, намъ извѣстно, что основанный въ 1616 году монастырь Живоначальнаго Троицы Каменнаго городища, что на Елабугѣ, получилъ по ходатайству своего келаря въ 1638 году на 200 четей земли съ сѣнными покосами и съ рыбными ловлями изъ пустовыхъ пространствъ, которыя тянулись по рѣкамъ Заѣ и Бетѣ на много верстъ. При этомъ обычное выраженіе въ грамотѣ указываетъ намъ цѣль, съ которою земля приобретена была монастыремъ, — «и которые, говорится, крестьяне на той землѣ учнутъ жити, старца келаря съ братьею слушали и доходъ ихъ въ монастырь платили, чѣмъ они ихъ пооброчаютъ»²⁾. Но не одни лишь такія лица, какъ монастыри, въ данное время двигались за р. Каму и селились тутъ для постоянного земледѣльческаго занятія. Такъ, до насъ дошло извѣстіе, что въ описываемое время находилась недалеко отъ деревни Преображенскаго монастыря «съ версту въ степь на увелѣ деревни Андрея да Ивана Молостова». ³⁾ Сверхъ того, мы знаемъ, что повыше впаденія р. Вятки въ Каму въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, на Камѣ, въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка (1626 года) составила община изъ «новыхъ крестьянъ елабужанъ» съ крестьяниномъ Ѳеодоромъ Поповымъ во главѣ, которая рѣшилась, перейдя рѣку, поселиться «подлѣ Камы рѣки на Уфимской сторонѣ»;

¹⁾ Тамъ же. Крестьянскихъ дворовъ въ деревнѣ было 3, а бобыльскихъ 6; монастырской и крестьянской пашни 10 десятинъ, де на 12 десят. перелогу и зарослей «а сѣнныхъ покосовъ въ тѣхъ мѣстахъ и урочищахъ на островахъ около болотъ промежъ осокорнику на лугахъ на 3000 коп.»

²⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6469.

³⁾ Тамъ же III-е отд. Казань. Переп. кн. 7, № 152, л. 209.

здѣсь они образовали починокъ и стали «въ Уфимскомъ уѣздѣ жити во крестьянѣхъ на пашнѣ, на льготѣ, на Чалиѣ, на Мелекесѣ рѣчкахъ»¹⁾. Судя по довольно значительному пространству земель, которыя съ самаго начала имъ отведены были²⁾, слѣдуетъ предположить, что образовавшаяся община Елабужскихъ крестьянъ («Федька Ниеонтьевъ Поповъ съ товарищи») либо съ самаго начала обладала достаточнымъ количествомъ членовъ, либо же была увѣрена въ томъ, что сюда скоро явятся новыя поселенцы; ради которыхъ она и поспѣшила занять удобныя и свободныя земли и угодья. Первоначальныя поселенія за р. Камой могли быть и незначительны по числу своихъ членовъ, но для насъ имѣетъ значеніе несомнѣнность появленія этихъ поселеній въ здѣшнихъ мѣстахъ въ извѣстное время. Увеличеніе количества насельниковъ въ старыхъ поселеніяхъ и появленіе новыхъ, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, не могло задержаться надолго вслѣдствіе измѣненій, которыя мѣстами въ Казанскомъ уѣздѣ становятся замѣтны въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Мы видѣли уже, что обработанныя земли Казанскаго уѣзда въ описи шестидесятихъ годовъ XVII столѣтія обыкновенно обозначаются словами «доброй земли»,—явленіе вполне естественное, если имѣть въ виду, что эти земли большей частью были или дѣвственны, или же, воздѣланныя, были покинуты и могли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возстановить утраченныя силы свои. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. въ писцовыхъ книгахъ Казанскаго уѣзда встрѣчаются земли въ нѣкоторыхъ деревняхъ, которыя въ шестидесятихъ годахъ обозначены «доброй землей», а теперь обозначены безъ этого эпитета; въ иныхъ же дворцовыхъ поселеніяхъ вмѣсто

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 л. 677.

²⁾ Пространство это, кромѣ вышеуказаннаго, обозначено тѣмъ образомъ: «съ верхней стороны пришла Шилия рѣчка, а съ нижнюю сторону подошла Бекляня рѣчка, промежъ тѣхъ рѣчекъ съ устья и до вершины». Тамъ же.

«добрый земли» говорится: «крестьянскіе пашни мягкіе земли»¹⁾. Къ концу первой четверти XVII вѣка производительность земель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанскаго уѣзда уменьшилась, потому что ихъ достоинство прямо опредѣляется наименованіемъ «земля середняя», между тѣмъ какъ въ XVI столѣтіи нѣкоторыя изъ этихъ земель обозначались «добрыми»²⁾; въ одномъ даже мѣстѣ на р. Вяткѣ внутреннее достоинство земли опредѣлено такимъ образомъ: «земля худая».³⁾ Отсюда мы можемъ вывести, что земли въ Казанскомъ уѣздѣ мѣстами въ продолженіе извѣстнаго времени успѣли уже истощиться, или, какъ въ то время выражались, «выпахались»⁴⁾, такъ что земледѣльческій трудъ крестьянина не удовлетворялся ими въ достаточной степени, сравнительно съ прошлымъ временемъ. Кромѣ того, въ странахъ сѣверѣе Казанскаго уѣзда, которыя однако соединялись воднымъ путемъ съ рѣкою Камою, постоянно встрѣчались условія, неблагопріятныя тамошнему земледѣльцу. Вотъ какъ сами жители этой мѣстности изображаютъ ее въ своей челобитной, поданной царю въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія: «а у нихъ де у Пермичѣ мѣсто подкаменное, студеное, хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы, и отъ нашихъ (т. е. царскихъ) денежныхъ сборовъ. . . и отъ хлѣбнаго недороду они Пермичи обнищали и одолжали вели-

¹⁾ Писц. кн. за № 643 лл. 247, 251. (описъ дер. Большихъ и Малыхъ Атаръ въ 1567 г.) Писцов. кн. за № 153 лл. 1406, 1408, 1431—1436; (описъ тѣхъ же деревень, села Анатошъ и Воскресенскаго въ 1600 г.)

²⁾ Такъ, двѣ деревни Атары, — бывшія сперва помѣстными и находившіяся, одна на Долгомъ озерѣ, а другая на Глухомъ, — земля въ нихъ, по описи Ворисова и Кикина, отиѣчена какъ «добрая земля». По описи 1619 г. эти деревни дворцовыя тануть къ селу Воскресенскому и земля въ нихъ означена «земля средняя». Кромѣ того дворцовая деревня Карташевца, тянувшая къ дворцовому селу Сабуголь, по описи 1621 года земля въ ней «средняя». Сравни писц. кн. за № 643, лл. 247, 251 и Писц. кн. за № 153 лл. 1509, 1512, 1515, 1517.

³⁾ Писц. кн. за № 153 л. 1561.

⁴⁾ Въ царской грамотѣ 1620 г. въ Сибирь говорится: «А будетъ у старыхъ у пашенныхъ крестьянъ земли старая роспашъ выпажались, и на тѣхъ пашняхъ старыхъ хлѣбъ не родится». «Соб. Гос. Гр. и Дог. т. III, № 54».

ники долги и врозь разбрелися по льготнымъ мѣстамъ»¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ русскіе поселенцы, переселившіеся за Каму, не могли чувствовать недостатка въ новыхъ товарищахъ, являвшихся къ нимъ для пользованія тѣми выгодами, которыя представляли собою нетронутый пахотою черноземъ и богатныя уголья въ обширныхъ лѣсахъ и лугахъ. Совершенно естественнымъ поэтому является, что въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія (1643 г.) за р. Камой, на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально поселилась крестьянская община Ѳедора Нифонтьева Попова съ товарищи, находилась уже цѣлая группа поселеній съ тѣмъ поселкомъ во главѣ, который основанъ былъ общиною выходцевъ изъ дворцоваго села Елабуги, поставившихъ свой починокъ при впаденіи рѣчки Чалвы въ Каму, «на мысу»²⁾. Въ данное время поселокъ этотъ былъ селомъ, къ которому, вѣроятно, тянули новыя поселенія, находившіяся здѣсь; пахотной земли во всѣхъ поселкахъ было довольно много: «по сказкѣ чалвинскихъ выборныхъ людей пашенныхъ земель они крестьяне пашутъ 656 червертей ржи, овса тожъ». Что же касается до населенія въ это время, то намъ извѣстно, что однихъ бобылей, которые жили въ поселкахъ вмѣстѣ съ крестьянами, было 40 человекъ³⁾. Въ концѣ сороковыхъ годовъ⁴⁾ мы можемъ болѣе ясно видѣть дѣятельность, которая развита была здѣсь крестьянскою общиною села Чалновъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то, что въ данное время мы застаемъ здѣсь, кромѣ самаго села, восемь поселеній, носящихъ названіе деревень; изъ нихъ семь, по свидѣтельству описи, обязаны своимъ происхож-

¹⁾ А. А. Э. т. III, № 293.

²⁾ Рѣчка Чалва впадаетъ въ р. Каму съ лѣвой стороны ея, нѣсколько ниже рр. Ика и Мензель.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1126 лл. 675—676

⁴⁾ Опись кажется произведена около 1647 года; по крайней мѣрѣ она заключается въ книгѣ за № 6408, гдѣ помѣщены описи 1646 и 1647 годовъ и слѣдуетъ непосредственно за описью Самарскаго уѣзда, которая произведена была въ 1646 году.

деніємъ крестьянской общинѣ села Чалновѣ¹⁾. Кромѣ того, въ здѣшнихъ мѣстахъ находимъ еще два починокъ, изъ которыхъ одинъ, хотя и принадлежитъ мѣстному Чалнинскому монастырю, но обязанъ былъ происхожденіемъ своимъ той же Чалнинской общинѣ²⁾. Во всѣхъ деревняхъ среди крестьянскихъ попадаетъ немало бобыльскихъ дворовъ, указывающихъ на то, что населеніе въ здѣшнихъ поселеніяхъ продолжало прибывать до самаго послѣдняго времени. Численное состояніе села, не смотря на его энергическую колонизаціонную дѣятельность въ здѣшнихъ мѣстахъ, было вполнѣ удовлетворительно: въ немъ въ данное время находилось около 118 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Вслѣдствіе этого можно предполагать, что Чалнинская община отъ себя отдѣляла лишь избытокъ своихъ членовъ; это отдѣленіе естественно должно было совершаться съ промежутками въ разное время существованія крестьянской общины, что отчасти и отражается въ различномъ состояніи деревень въ сороковыхъ годахъ ХУП вѣка. При этомъ нельзя не указать и на то, что болѣе людныя поселенія помѣщены въ описи вслѣдъ за селомъ, при томъ въ постепенности, соответствующей количеству населенія деревень; кромѣ того, и въ мѣстонахожденіи того или иного поселка замѣчается отсутствіе произвола: деревня, ближайшая къ селу³⁾, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая населенная, немногимъ уступающая своей метрополіи; затѣмъ идутъ далѣе другія деревни⁴⁾, а въ концѣ починокъ Богородскаго монастыря, представляющій, вѣроятно, послѣдній выселокъ села, лежитъ нѣсколько сѣвернѣе, уже на другой рѣкѣ и заключаетъ въ себѣ лишь два крестьянскіе

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ деревняхъ говорится такъ: «Тогожъ Чалнинскаго починокъ деревня» (такая-то). О восьмой же сказано «Чалнинскаго жъ уѣзда деревни Круглой—3 двора». Писц. кн. за № 6408 лл. 179, 193, 206.

²⁾ Объ немъ сказано такъ: «Чалнинскаго жъ починокъ на рѣкѣ на Шмилѣ Нового починокъ монастыря Пречистые Богородицы Казанскіе. Тамъ же л. 209.

³⁾ Деревня Бережная—около 100 двор. крестьян. и бобыл.

⁴⁾ Орлова и Миронова: въ 1-ой 27, а во 2-й 25 дв. прест. и боб.

двора¹⁾. Нельзя не указать еще на одну особенность села Чалновъ, которая заключается въ томъ, что это село, не смотря на свое очевидное значеніе въ колонизаціи здѣшней мѣстности, повидимому, сохранило въ представленіи населенія свое первоначальное наименованіе, отразившееся и въ самой описи, гдѣ оно чаще именуется починкомъ, а не селомъ; обуславливается это, вѣроятно, тѣмъ, что возвышеніе новаго поселенія произошло слишкомъ скоро, такъ что члены самой общины еще не успѣли привыкнуть называть его селомъ, а именовали попрежнему починкомъ²⁾. Всего населенія въ данное время въ селѣ Чалнинскомъ съ примыкавшими къ нему деревнями и починками было 349 дворовъ, въ которыхъ проживало 683 человека; изъ нихъ крестьянскихъ дворовъ было 296, а бобыльскихъ 53 двора. Сверхъ того, въ самомъ селѣ съ деревнями находилось еще 25 дворовъ пустыхъ, которыхъ владѣтели, «по сказкѣ чалнинскаго старосты и всѣхъ крестьянъ», либо бѣжали, либо «выданы на старину, гдѣ кто за кѣмъ прежь сего жывалъ». Судя по послѣднему выраженію, крестьянскія общины въ селѣ и въ деревняхъ, повидимому, не особенно стѣснялись въ приѣмъ новыхъ членовъ, приходившихъ къ нимъ. Какъ кажется, такихъ блестящихъ результатовъ въ продолженіе сравнительно недолгаго періода времени Чалнинская крестьянская община достигла, благодаря тому обстоятельству, что дворцовое вѣдомство предоставило ей право самоуправленія въ экономическомъ, быть можетъ, также и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; такъ, намъ извѣстно, что лишь въ началѣ пятидесятихъ годовъ (1651 г.) отправленъ былъ въ село Чалны съ деревнями служилый человекъ³⁾ «дозрить и описать дворы и во дворѣхъ людей поименно и братью и бобылей и захребетниковъ и рос-

¹⁾ Тамъ же лл. 179, 193, 198, 201, 205, 206, 209.

²⁾ Въ самомъ началѣ описи: «Въ государевѣ, царевѣ... Селъ въ Чалнинскомъ починкѣ, на р. на Камѣ на усть рѣчки Чалны», а затѣмъ говорится все о дѣятельности лишь Чалнинскаго починка, такъ что, если бы не обилковъ вначалѣ, выходило бы, будто починкомъ основываетъ деревни. Тамъ же л. 162.

³⁾ Этотъ служилый человекъ былъ уенинецъ Семенъ Каревъ.

писать повѣстно тяглыхъ крестьянъ и льготчиковъ порознь, кто сколько пашетъ и сколько семьянистъ и почему что государева денежнаго и хлѣбнаго оброку платить на годъ *потому что государевымъ Чалнинскимъ крестьянамъ и пашеннымъ изъ землямъ таковы описи и мѣры не бывало*; о извѣстіяхъ же, находившихся до селѣ въ рукахъ правительства, которые отчасти нами приведены были выше, сказано слѣдующее: «а то писано по крестьянскимъ сказкамъ, а не по мѣрѣ»¹⁾).

Но если благодатная черноземная почва въ соединеніи съ богатыми и обширными угодьями лѣвой стороны Камы манили къ поселенію одинаково русскаго и инородца, вслѣдствіе чего населеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ увеличивалось съ такою скоростью, какъ это можно видѣть на селѣ Чалнахъ съ деревнями, то, съ другой стороны, опасности, угрожавшія поселенцу здѣшней стороны, были такъ значительны, что иногда могли парализовать дѣятельность землевладѣльца, обладавшаго довольно значительными средствами и опытностью въ дѣлѣ колонизаціи. Хотя непосредственное сосѣдство этихъ странъ со степью и ея обитателями, какъ мы уже знаемъ, давало себя постоянно чувствовать Прикамскому населенію, однако слѣдуетъ сказать, что опасность конца XVI и первой четверти XVII столѣтія была гораздо меньше сравнительно съ тою опасностью, которая наступила для здѣшнихъ насельниковъ въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Въ XVI и въ первой четверти XVII столѣтій обитателями обширныхъ степей, простиравшихся за рѣками Камою и Волгою, были Ногайцы, которые обыкновенно съ наступленіемъ тепла перекочевывали со своими стадами отъ Каспійскаго моря къ сѣверу, постепенно подвигаясь по луговой сторонѣ Волги вплоть до самой Камы. Хотя Ногайцы и производили при этомъ набѣги на русскія окраины, но, благодаря умѣлой и ловкой политикѣ московскаго правительства, они постепенно

¹⁾ Писц. кн. за № 1127 л. 675.

были приведены въ зависимость отъ Россіи, такъ что въ концѣ XVI столѣтія признали авторитетъ русской власти, а въ началѣ XVII вѣка они отдавали въ Астрахани русскимъ воеводамъ въ «аманаты лутчихъ людей» своихъ, которые тамъ содержались «на закладномъ дворѣ», какъ залогъ, вѣроятно, подчиненія ихъ начальныхъ людей московскому правительству¹⁾. Кроме того, сами Ногайцы въ данное время уже не отличались тою людностью, и среди нихъ не было теперь такого большого количества взрослыхъ воиновъ, какъ въ половинѣ XVI столѣтія, когда число воиновъ насчитывалось у нихъ сотнями тысячъ²⁾. Вслѣдствіе этого нападенія и вторженія Ногайцевъ въ началѣ XVII вѣка уже не могли отличаться тѣмъ характеромъ, какъ въ началѣ или половинѣ XVI столѣтія. Но обстоятельства рѣзко измѣняются съ появленіемъ въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія на лѣвой сторонѣ Волги новаго кочеваго народа—Калмыковъ.

Калмыки своими внѣшними признаками—короткій, плоскій носъ, выдающіеся скулы и скосившіеся углы глазъ — указываютъ ясно на принадлежность свою къ монгольскому типу, къ которому они и относились изслѣдователями прошлаго и настоящаго столѣтія³⁾. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII-го столѣтія Калмыки жили еще въ Сибири, въ южныхъ частяхъ нынѣшней Томской и Енисейской губерній, по берегамъ рѣкъ Ишима и Тобола. Калмыки дѣлились на отдѣльныя поколѣнія, а послѣднія на роды; поколѣніями и родами управляли княжескія владѣтельныя фамиліи, находившіеся въ зависимости отъ хана, какъ верховнаго главы народа. Но ханская власть у Калмыковъ была ограничена: онъ имѣлъ свой удѣлъ и не

¹⁾ «Повозыше въ XV и XVI вв.» сс. 272—308, 322. А. И. т. III, № 154.

²⁾ Въ 1649 году въ одной ногайской ордѣ, кочевавшей подлѣ Астрахани, оказалось по сѣмъ «мужскаго полу, которые могутъ на конь сѣсть четыре тысячи, а женъ, дѣтей, робать и дѣвокъ тысячъ съ пятнадцать» А. И. т. IV, № 32.

³⁾ «Путешествіе Палласа» т. I, 456 с. «Der Ugrische Volksstamm» F. Müller I, 72 p.

касаясь доходовъ начальниковъ поколѣній, которые въ свою очередь не касались доходовъ отдѣльныхъ родоначальниковъ. Въ началѣ XVII столѣтія Калмыцкій ханъ, по имени Хара-Хула, задумалъ ввести единодержавіе и сильнѣе подчинить себѣ отдѣльныхъ начальниковъ; въ свою очередь и владѣтели поколѣній захотѣли господствовать независимо отъ власти своего хана. Обладая достаточными средствами и авторитетомъ среди своихъ подчиненныхъ, владѣтели поколѣній объявили себя независимыми ханами, вслѣдствіе чего между калмыцкими начальниками поднялся сильный раздоръ, не мало способствовавшій въ началѣ XVII столѣтія утвержденію русской власти на югѣ Томской и Енисейской губерній. Во время своего движенія впередъ русскіе въ это время встрѣчались только съ малочисленными и разсѣянными по странѣ родами, изъ которыхъ каждый отдѣльно защищалъ лишь свои пастбища; при невозможности же сопротивленія родъ складывалъ на верблюдовъ свои пожитки и уходилъ далѣе въ иную землю. Отсутствіе упорнаго сопротивленія со стороны Калмыковъ, кромѣ междоусобій, обуславливается еще и кочевымъ образомъ жизни, потому что «народы кочевые, не имѣя постоянной осѣлости, не имѣютъ и большой привязанности къ роднѣ»¹⁾. При этомъ нѣкоторые калмыцкіе князья со своими родичами—дали безъ труда и присягу подданства Москвѣ (1609 г.). Легкость, съ которою въ настоящемъ случаѣ ихъ князья присягнули, объясняется довольно удовлетворительно однимъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, прожившимъ долгое время въ Битѣ и имѣвшимъ возможность наблюдать достаточно бытъ и нравы кочевыхъ народовъ; онъ свидѣтельствуетъ, что обыкновенно «кочевые народы подданствомъ полагаютъ выиграть четыре процента на одинъ; поэтому, при случаѣ, они даже соперничаютъ въ готовности подданства. Клятву они считаютъ средствомъ выиграть, а клятвопреступленіе и вѣроломство пу-

¹⁾ «Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ». Іакинъ, стр. 2—28 съ примѣчаніями.

стными словами. Таково общее качество кочевых народов; кроме того, они ищутъ свободы отъ ясака и возможности служить въ войнѣ для грабежу»¹⁾). По всей вѣроятности, изъ южной Сибири Калмыки уже въ началѣ XVII столѣтія направились къ верховьямъ р. Урала и къ р. Ори²⁾, гдѣ и расположились на нѣкоторое время³⁾. Въ то время, какъ Калмыки со своими стадами кочевали по р. Ори, они, говорятъ, слышали, будто р. Волга гораздо больше Урала и представляетъ лучшія удобства для кочеваній со стадами. Вслѣдствіе этого одинъ изъ калмыцкихъ начальниковъ⁴⁾ послалъ нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ на мѣстѣ изслѣдовать достовѣрность этихъ слуховъ; тѣ посѣтили Поволжье и, возвратившись домой, подтвердили, «что дѣйствительно по Волгѣ есть много пажитныхъ мѣстъ, удобныхъ для кочеванія». Въ данное время между тѣмъ по лѣвой или луговой сторонѣ Волги кочевали соплеменники Калмыковъ — Ногайцы. И вотъ, когда однажды въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія (1634 г.) нѣкоторые ногайскіе мирзы съ своими улусными людьми отправились по своему обыкновенію отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ «за зверемъ» на прежнія кочевья между Волгою и Яикомъ, то неожиданно для себя наткнулись на Калмыковъ, которые во множествѣ кочевали на ихъ старыхъ кочевьяхъ. Дѣло дошло до столкновенія между противниками, и въ результатѣ Ногайцы остались въ накладе: нѣкоторые изъ нихъ должны были перейти на правый берегъ Волги или на Крымскую сторону, а другіе обратились къ Астраханскимъ воеводамъ съ жалобою на Калмыковъ и съ просьбою о помощи имъ противъ этихъ пришельцевъ, которые «ихъ побивали, женъ и дѣтей въ полонъ имали и животину отгоняли». Воеводы, которымъ изъ

¹⁾ Тамъ же 31—32 сс.

²⁾ Рѣка Ори — притокъ Урала въ верхнемъ теченіи его.

³⁾ Доказательствомъ того, что Калмыки появились до своего появленія здѣсь кочевали на р. Ори, служатъ ихъ пѣсни, въ которыхъ еще во второй половинѣ XVIII столѣтія упоминается эта рѣка. См. объ этомъ въ Оренб. Топографіи Рымчова ч. I, 125 с.

⁴⁾ По Гаммелеу это былъ Хоурлукъ, а по Рымчову — Доузангъ.

Москвы поручено было защищать ногайских Татаръ «отъ всякихъ воровскихъ людей»; выслали отъ себя ратныхъ людей; тѣ соединились съ ногайскими мирзами и съ ихъ улусными людьми отправились противъ Калмыковъ и вступили съ ними въ бой,—но не устояли противъ нихъ, по донесенію воеводъ, ибо «стоять имъ было не въ силу»¹⁾. Оставшись безъ защиты Ногайцы луговой стороны Волги, числомъ около сорока тысячъ кибитокъ, вѣстѣ съ Туркменцами, кочевавшими по восточной, сторонѣ Каспійскаго моря, принуждены были подчиниться Калмыкамъ²⁾, которые отъ этого еще больше усилились и такимъ образомъ сдѣлались очень опасными для окраинныхъ земель и пограничныхъ городовъ московскаго государства. Эта опасность не преминула отразиться на населеніи, жившемъ постоянно въ Прикамскихъ странахъ; особенно же должны были ее почувствовать тѣ поселенцы, которые имѣли смѣлость поселиться на лѣвой сторонѣ р. Камы и, быть можетъ, въ это время еще не были достаточно защищены острожками отъ непріятельскихъ вторженій³⁾. Дѣйствительно, уже въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія (1639 г.) Калмыки, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, со своихъ кочевьевъ по притокамъ р. Волги⁴⁾ пробираются вверхъ и нападаютъ на городъ Самару, который

¹⁾ Доп. А. Ис. т. II, № № 62 и 63.

²⁾ Оренб. Топогр. Рычкова ч. I, 123 с.

³⁾ Иные утверждаютъ, будто «въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ еще, со времени Бориса Годунова, т. е., въ первые годы XVII вѣка появляются городки и острожки: напримѣръ, Полянский, Ахтанинскій и другіе» (спаси насел. мѣсть Рос. Имп. Казан. губ., обработанная А. Артемьевымъ стр. 47). Другіе въ этомъ направленіи идутъ еще далѣе, говоря, что въ началѣ XVII ст. земли, на которыхъ стоялъ Полянский острожекъ «позамованы были первому русскому патріарху Юву и на нихъ основана патріаршая деревня Полянка, заселенная выведенными изъ разныхъ селъ патріаршими крестьянами» (Памятная книга Каз. губ. 1866—67 гг. «Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Казанской губ.» стр. 9). Какъ первое, такъ и второе мнѣніе не подкрѣплено какимъ либо указаніемъ, поэтому мы не можемъ ихъ считать обязательными для себя. Мы склонны къ предположенію что первые острожки на лѣвой сторонѣ р. Камы появляются не ранѣе царствованія Михаила Федоровича.

⁴⁾ Кочевали они по рѣкамъ Еруслану и Торгулу.

подвергся при этомъ большой опасности¹⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ (1643—1644 г.), Калмыки становятся сильнѣе: мы встрѣчаемся уже съ ними въ Прикамскихъ странахъ, гдѣ они, руководимые мѣстными инородцами, нападаютъ на деревни Преображенскаго монастыря, стоявшіе на р. р. Чертыкъ и Бездѣй, и болѣе значительную изъ нихъ на р. Чертыкъ совершенно разгромили: десять человѣкъ крестьянъ были убиты; находившійся въ деревнѣ священникъ съ женою, монастырскіе служебники, рыбные ловцы, и крестьяне съ женами и дѣтьми въ числѣ восьмидесяти человѣкъ были уведены калмыками въ плѣнъ; все монастырское и крестьянское имущество въ видѣ большого количества лошадей²⁾ и всякой рухляди, цѣною до четырехъ тысячъ рублей на тогдашнія деньги, Калмыки захватили съ собою³⁾. Озабоченное этимъ, Московское правительство распорядилось, чтобъ воеводы изъ Самары и Уфы пошли въ началѣ 1644 года съ войсками на врага. Калмыки потерпѣли пораженіе отъ самарскаго воеводы Плещеева, начальники отряда котораго за это дѣло награждены были золотыми⁴⁾. Поэтому постройка острожковъ для отпора усилившимся непріятельскимъ вторженіямъ и для защиты поселенцевъ, которые въ данное время жили постоянно на лѣвой сторонѣ р. Камы, явилась мѣрою крайне необходимою. Вслѣдствіе этого въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія уже встрѣчаемся здѣсь съ тремя острожками: Ахтчинскимъ, Шешминскимъ и Мензелинскимъ⁵⁾; о Шешминскѣ

¹⁾ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1860 г. № 2. «Историч. замѣт. о Самарск. краѣ» Леопольдова 73 с. Авторъ говоритъ, что при составленіи своей статьи пользовался, кромѣ преданій, также и мѣстными офиціальными документами.

²⁾ 387 монастырскихъ лошадей и 56 меряновъ и кобылъ крестьянскихъ.

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429 грам. 1644 года, Марта мѣсяца.

⁴⁾ Дворц. разряды т. II, 713 с. А. И. т. III, № 240.

⁵⁾ Острожки эти стояли на притокахъ р. Камы съ лѣвой стороны: на рр. Ахтѣ, Шешмѣ и Мензелѣ; послѣдняя — притокъ р. Пика, впадающей въ Каму.

даже прямо говорится, что онъ построенъ былъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, — вѣроятно, въ самомъ началѣ «для бережи Закамской стороны, отъ воровскихъ людей, отъ Башкирцевъ и отъ Калмыковъ»¹⁾).

Если мы посмотримъ теперь на поселенія Преображенскаго монастыря по р. р. Чертыкъ и Безднѣ въ половинѣ XVII вѣка, то состояніе ихъ покажетъ намъ наглядно ту тяжелую и неблагоприятную работу, которую долженъ былъ въ это время нести здѣсь какъ поселянинъ, такъ и землевладѣлецъ — монастырь. На р. Чертыкъ обозначена — «пустошь, что была деревня Чертыковская старая», въ которой находилось «по гривамъ» пустой, нѣкогда пахатной земли 60 десятинъ въ трехъ поляхъ; за тѣмъ на р. Безднѣ «тогожъ монастыря пустошь, что была починокъ Старцовъ», гдѣ было перелому 90 десятинъ въ каждомъ полѣ. Вслѣдъ за этимъ идутъ населенныя земли въ видѣ «сельца, что была деревня Чертыковская Мельничная на р. на Большой Безднѣ», — въ немъ, сверхъ монастырскаго двора, въ которомъ жили «старецъ да работники пережѣнясь», находилось лишь два крестьянскихъ двора и 10 бобыльскихъ, съ пашнею «по гривамъ» 45 десятинъ въ каждомъ полѣ. Кромѣ небольшого сельца съ довольно значительною впрочемъ пахотою мы находимъ еще тутъ только что образовавшійся починокъ Богдановъ на озерѣ Утешевѣ²⁾, о которомъ сказано, что въ немъ «живутъ на льготѣ Чюваша, а селятся вновь», — «пашни и перелому дикаго поля по гривамъ» въ этомъ починокѣ было 12 десятинъ въ каждомъ полѣ³⁾.

Правда, мы находимъ, что русское правительство вскорѣ завязываетъ мирныя сношенія съ Калмыками, кочевавшими по р. Волгѣ, и достигаетъ того, что они въ концѣ царствованія Михаила Федоровича присягнули «быть подъ высокою царскою

¹⁾ Ак. ист. Юрид. Ст. Мельникова грам. 64.

²⁾ Починокъ, состоявшій изъ двухъ дворовъ, изъ которыхъ въ одномъ живетъ «Богданко Гонгильдеевъ».

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. № 6553 л. 59. Писцов. лн. № 1127 л. 143.

рукою, чтобъ имъ (Калинкамъ) давати повольный торгъ въ государевыхъ городѣхъ, а войною имъ на государевы города и уѣзды не приходити» ¹⁾).

Но подданныческая присяга калмыцкихъ хановъ точно такъ же, какъ въ XVI столѣтіи присяга князей ногайскихъ, имѣла для Россіи болѣе формальное значеніе, чѣмъ по существу дѣла; она, по всей вѣроятности, давалась ими лишь для того, чтобы получать отъ русскаго правительства разныя подарки, до которыхъ всегда охочи были начальники кочевыхъ народовъ. Какъ въ прежнее время начальники Ногайцевъ не особенно стѣснялись своими клятвами, а при удобномъ случаѣ вторгались и грабили Россію, такъ теперь Калмыки, ихъ соплеменники, не обращаютъ вниманія на свою присягу о подданствѣ русскому государю, и ихъ тайши (начальники) «на той своей шертѣ не устояли, учали приходить подѣ Сибирскіе города, подѣ Уфу, подѣ Саратовъ, подѣ Астрахань и на Ногайскіе улусы; и приходя города и уѣзды воюють, села и деревни жгутъ, ногайскіе улусы разоряють, людей побивають и въ полонъ емлютъ» ²⁾).

При подобныхъ условіяхъ правительству молодого царя нельзя было не обратить вниманія своего на большія опасности, которымъ въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка подвергались выселки, появившіеся на р. Чалнѣ и на сосѣднихъ съ нею рѣкахъ,—тѣмъ болѣе, что почти всѣ они принадлежали дворцовому вѣдомству, ибо, какъ мы знаемъ, поселенія здѣшнія основаны были общиною крестьянъ выходцевъ изъ дворцоваго села Елабуги и возникли на свободной, т. е. на государственной землѣ. Ближайшій къ селу Чалны острожекъ былъ Мензелинскій, находившійся въ разстояніи десятковъ верстъ; поэтому правительство распорядилось въ 1650-мъ г. построить среди

¹⁾ А. И. IV т. № 32. «Историч. обзор. Ойратовъ» Гоакинева 46 с.

²⁾ А. И. т. IV № 32. (1649 г.)

здѣшнихъ поселковъ городокъ¹⁾. Городъ воздвигнутъ былъ при впаденіи р. Чалны въ Каму; стоялъ онъ на горѣ надъ послѣднею рѣкою, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ тараснымъ валомъ, и сверхъ того съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ землѣ, рвомъ, около котораго вбиты были надолбы²⁾; кругомъ города по рву выстроены были шесть башенъ, изъ которыхъ четыре угловыя были глухія, а двое въ серединѣ съ проѣзжими воротами и образами надъ воротами³⁾.

Въ томъ же году поручено было «въ новомъ Чалнинскомъ городкѣ устроить 100 человекъ конныхъ бѣлопашенныхъ казаковъ», которымъ «велѣно дать жалованья денегъ на дворовое строеніе по осмью рублевъ человѣку; да на сѣмена хлѣба по три четверти ржи, по пяти четвертей овса человѣку; да имъ же дано земли на пашню по 20 четвертей и сѣнныхъ покосовъ противъ Мензелинскихъ бѣлопашенныхъ отрѣльцовъ», — впослѣдствіи каждому изъ нихъ дано было по 5 десятинъ сѣнокоса или же по 100 копенъ. Какъ постройка города, такъ и водвореніе въ немъ казаковъ сдѣлано было собственно «для обереганья отъ приходу Калмыцкихъ и Ногайскихъ воинскихъ людей»⁴⁾ Бѣлопашенные казаки, по всей вѣроятности, набраны были изъ охочихъ гулящихъ людей, которыхъ въ это время было довольно на Руси; судя по ихъ прозвищамъ, они вербовались въ разныхъ мѣстахъ и городахъ, какъ ближнихъ, сосѣднихъ Чалнамъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ отъ нихъ. Такъ, въ 1651 году мы здѣсь встрѣчаемся съ дво-

¹⁾ О городкѣ сказано, что онъ «рубленъ въ тарасы, намощенъ, покрытъ драницами; шѣрою городокъ въ длину 100 сажень, а поперекъ 60 сажень»; тарасами назывались бревенчатые ящики, установленные на землѣ и набитые внутри плотно утрамбованною землею; изъ нихъ составлялся валъ.

²⁾ Надолбами называлось деревянное укрѣпленіе, состоящее изъ дубовыхъ стояковъ, вбитыхъ въ землю сплошною стѣною. Арх. Ист. Юридич. свѣдѣній Н. Калачева кн. 2-ая, половина первая. «Замѣтки объ Исаерѣ и его уѣздѣ» Н. Калачева с. 67.

³⁾ Отъ этихъ образовъ ворота прозывались—однѣ Спасениип, а другія Архангельскими.

⁴⁾ Писц. кн. за № 1127 лл. 674, 767—768.

рами: «Елабуженина», «Сарапульца» «Лайшевца» (2 двора), «Уржумца», «Ветлуги», «Самаренина», «Пермитина», «Устюженина» (2 двора), «Двинянина» (2 двора), «Ярославца» и «Астраханца»; сверхъ того, такіа прозвища у нѣкоторыхъ, какъ «Кожевникъ» (3 двора), «Сапожникъ», «Сѣдельникъ» и «Портной» могутъ навести на мысль, что инымъ изъ бѣлопашенныхъ казаковъ не чужды были и промыслы¹⁾. Всѣ бѣлопашенные казаки были водворены подъ городомъ. О поселеніи ихъ сказано слѣдующее: «около города Чалновъ, подлѣ городской стѣны отъ рѣчки Чалны и до рѣки Камы отмѣрено на площадь отъ города до усаду, гдѣ быть дворами конныхъ служилыхъ казаковъ . . . съ дву сторонъ города по 30 сажень; да на усады отмѣрено около той площади по обѣмъ жъ стороны . . . подлѣ Камы р. вверху и подлѣ рѣчки Чалны по угорамъ *росчистные земли* 12 десятинъ съ половиною». Бѣлопашенные казаки были раздѣлены на десятки, имѣвшіе своихъ десятниковъ, избираемыхъ, кажется, на годъ; во главѣ нѣсколькихъ десятковъ стоялъ пятидесятникъ²⁾. Пашенную землю приказано было имъ отвести, «чтобъ къ городу ближе», при чемъ относительно ближайшихъ пахотныхъ полей, которыя отойдутъ бѣлопашцамъ, пояснено слѣдующее: «вмѣсто тѣхъ земель, чьи крестьянскія земли отойдутъ бѣлопашцамъ велѣно (имъ крестьянамъ) отвести гдѣ пригоже, чтобъ по государеву указу бѣлопашенныхъ казаковъ дворами, пашнями, сѣнными покосы построить вправду, смотря по тамошнему дѣлу, *а крестьянамъ бы въ пашни*

¹⁾ Тамъ же лл. 681—684. На прозвища, какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ нельзя не обращать вниманія, потому что не всегда къ имени и отчеству служилаго человека прибавляется прозвище; такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ попадаются иногда наименованія подобнаго рода: дворъ Сенька *Герасимовъ*; дв. Матюшка *Купріяновъ*, между тѣмъ какъ у другихъ: дв. Сергушки Купріянова *Устюженина*, или дв. Ермолии Яковлева *Муромца*, Мироновецъ онъ же и другіе въ такомъ же родѣ.

²⁾ Какъ пятидесятники, такъ и десятники выбирались и назначались на годъ, ибо въ 1652 году мы въ новой описи находимъ новыхъ пятидесятниковъ и нѣкоторыхъ новыхъ десятниковъ. Одинъ изъ пятидесятниковъ сталъ десятникомъ, а нѣкоторые рядовые стали десятниками и пятидесятниками. Тамъ же лл. 681—682, и л. 774.

и въ сѣнныхъ покосѣхъ и во всякихъ угодьяхъ утѣсненія не было»¹⁾. Бѣлопашенные казаки раздѣлены были на двѣ части и каждая съ особымъ пятидесятиникомъ поселена была подъ городомъ въ отдѣльной слободѣ: одна на берегу р. Камы, а другая на берегу р. Чалны. Годъ спустя (1651 г.), уже «бѣлопашенные казаки дворами построились и пашни пахать и хлѣбъ сѣять учали». Въ городѣ находились шесть затинныхъ пищалей²⁾; дубовый съ выходомъ погребъ, гдѣ хранился порохъ; анбаръ, въ которомъ хранилось «стрѣлцкое знамя дороги зеленна, на немъ *вышиты кресты* дороги алая»; изба тюремная, изба караульная у Спасскихъ воротъ; да въ городѣ же на караулѣ по перемѣнно стояли пять человекъ бѣлопашенныхъ казаковъ или стрѣльцовъ, которые жили за городомъ. Всѣмъ бѣлопашеннымъ казакамъ было дано сто ручныхъ пищалей, и «по государеву указу по ихъ по всѣхъ по стѣ человекѣхъ были взяты поручныя записи въ государевѣ денежномъ жалованьѣ и въ сѣменномъ хлѣбѣ и въ службѣ и въ житьѣ»³⁾, — т. е. они, вѣроятно, были обязаны взаимною круговою порукою. Пахотная земля отведена была имъ та, что принадлежала крестьянамъ села Чалны, по обѣ стороны села нѣсколько выше «противъ Вятскаго взвозу» со включеніемъ усадебной земли деревни Мироновой, ближайшей къ Чалнамъ, изъ которой крестьяне были переведены въ село и въ деревни, къ нему тянувшія; всей пашни отведено было имъ 2000 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей⁴⁾; сѣнные покосы имъ отвели по рѣкѣ Шильнѣ и въ другихъ ближайшихъ мѣстахъ на 10,040 копенъ⁵⁾, — «а больша того казакамъ въ ихъ землямъ покосовъ дать не изъ чего, потому что близко Чалновъ лишнихъ покосовъ нѣтъ». Лѣсъ на дворовое строеніе и на дрова отведенъ былъ бѣлопашеннымъ казакамъ на 500 десяти-

¹⁾ Тамъ же л. 676.

²⁾ Небольшія пушечки.

³⁾ Тамъ же лл. 684, 768—769.

⁴⁾ По 20 четвертей на человека въ кажд. полѣ.

⁵⁾ По 100 копенъ или по 5 десятинъ сѣнокошу на человека.

тинъ по близости «въ ихъ межахъ межъ пашень», а хоромной ихъ лѣсъ находился подалѣе, за рѣкою Шильною, противъ сѣнныхъ покосовъ, гдѣ былъ боръ, которымъ они должны были пользоваться «вопче съ государевы съ чалнинскими крестьяны». Наконецъ сказано, что «по ихъ же казачью челолюбью въ ихъ межахъ и урочищахъ отведено 20 четвертой пашни къ церкви, которую впредь по своему общанію» бѣлопашенные казаки должны здѣсь построить. Самое село съ этого времени именуется не какъ прежде—Чалны, а «Мысь», потому что Чалнами сталъ называться новый городокъ¹⁾.

Если [мы, пользуясь описью - 1651 года, взглянемъ на село Чалны-Мысь съ прилегающими къ нему деревнями и починками и сравнимъ его тогдашнее состояніе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, то мы не можемъ не обратить вниманія на измѣненія, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произошли за это время въ немъ. Не смотря на незначительность даннаго промежутка времени, мы теперь находимъ здѣсь новыя деревни и починки, съ которыми прежде не встрѣчались. Таковыми были двѣ деревни и пять починковъ²⁾, — при чемъ въ одной деревнѣ³⁾ обозначено «пашни пахотныя новоросчистныя добрыя земли 130 четвертей»; въ монастырскомъ починкѣ⁴⁾ тоже отмѣчено «пашни пахотныя новоросчистныя добрыя земли подъ боромъ 4 четверти, да перелогу и росчисти непашенной 7 четвертей». Въ другомъ починкѣ⁵⁾ при четырехъ тяглыхъ дво-

¹⁾ Тамъ же лл. 684—686, 695.

²⁾ Обѣ деревни и одинъ починокъ принадлежатъ Богородицкому монастырю.

³⁾ *Деревня Маркова*, на р. на Камѣ и на озерахъ, въ которой тринадцать дворовъ крестьянскихъ.

⁴⁾ *Починокъ Савина* на р. на Камѣ, на берегу къ рѣкѣ Пещанкѣ, 3 двора крестьянскихъ.

⁵⁾ *Починокъ Крумова* на устьѣ рѣки Сусарки въ немъ тяглыхъ крестьянъ четыре двора, людей въ нихъ девять человекъ; да льготныхъ 11 дворовъ, людей въ нихъ 21 человекъ. Подобное же явленіе встрѣчаемъ въ другомъ починкѣ *Шихинѣ*.

рахъ значится 11 льготныхъ; при этомъ отмѣрено «пашни и дикихъ полѣ. . . . *ново прибылымъ крестьянамъ и бобылямъ, которые впредь прибудутъ*»¹⁾). Въ самомъ селѣ Мысѣ число дворовъ за это время увеличилось: въ немъ живутъ теперь 123 крестьянскихъ двора, у которыхъ значительная пахота и большой сѣнокосъ²⁾). Составъ населенія въ селѣ былъ довольно разнообразенъ: среди крестьянъ встрѣчаются дворы крестьянскіе съ такими прозвищами, какъ «Галичанинъ» (2 двора), «Вятчанинъ» (2 двора), «Стародубецъ», указывающія, видимо, на мѣста, откуда владѣтели дворовъ пришли, или же «Мордвинъ» — прозвище, свидѣтельствующее о происхожденіи даннаго лица. Крестьяне села описываются по вытѣмъ отдѣльно, и каждая выть имѣетъ особое наименованіе, какъ бы указывающее на своего представителя: такъ, напримѣръ, описывается «Замараева выть», — а въ концѣ описи мы узнаемъ, что староста Чалнинскихъ крестьянъ прозывался «Тренка Замарай»³⁾). Среди бобылей села Мыса на денежномъ оброкѣ означенъ «Гришка Кузьминъ, торгуетъ мелкимъ щепетильемъ», затѣмъ встрѣчаются бобыли съ прозвищами «портной мастеръ»,

¹⁾ Тамъ же лл. 728—735, 756—758.

²⁾ «И всего села Мысу и съ мироновскими (т. е. переселенцами изъ деревни Мироновой) тяглыхъ крестьянъ 123 двора, людей въ нихъ 219 человекъ, тягла на нихъ 5 вытей съ четвертью (выть здѣсь равнялась 56 четвертямъ въ полѣ, а въ дву потомуужъ, и обложена была 4 рублями денегъ и 12 четвертями ржи, овса тожъ); да дворъ льготнаго крестьянина, да бобыльскихъ 16 дворовъ, людей въ нихъ и захребетниковъ 30 человекъ; оброку платятъ на годъ 2 рубля 20 алтынъ, 10 денегъ. Да для откупныхъ и торговыхъ промысловъ живутъ два двора людей, — и всего 143 двора, а людей въ нихъ 255 человекъ; тягла на нихъ 6 вытей безъ чети и безъ полъ, полъ, полъ четверти выти. Пашни пахонной (за крестьянами въ селѣ съ деревнями) и на ново прибылыхъ и льготчиковъ, которые впредь прибудутъ 2627 четвертей въ полѣ, а въ дву потомуужъ; сѣнныхъ покосовъ на 720 десятинахъ 14, 400 копень, а съ деревнями и починками дальними и близкими 32, 150 коп. Тамъ же лл. 675, 707—710.

³⁾ Остальныя выти села Мысѣ - Чалны были: Вядкая выть, — бытъ можетъ, отъ Вядкаго взвозу, затѣмъ слѣдуютъ: Кожевникова выть, Кузнецова выть и Воинова выть; въ каждой выти описано болѣе двадцати крестьянскихъ дворовъ. Тамъ же лл. 697—703.

«сапожникъ» и «бочкарь»; въ селѣ же находились два двора «торговыхъ людей», которыхъ владѣтели жили здѣсь «для откупныхъ промысловъ»: обладатель одного изъ нихъ несъ тягло на Москвѣ въ Бронной слободѣ, а въ селѣ жилъ шестой годъ «для откупнаго кабацкаго и таможеннаго промыслу»; владѣтель другого жилъ на тяглѣ во Владимірѣ, предоставивъ своему двоюродному брату, Владимірскому же тяглу, торговать на селѣ изъ двухъ анбаровъ солью и хлѣбомъ; сверхъ того, «у него жъ (т. е. у владимірца) на монастырской землѣ солодовня, растить солодъ и отпускаетъ въ Астрахань»¹⁾. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся на окраинѣ не съ одними земледѣльцами изъ коренной Россіи, а также и съ предприимчивою энергіею торговаго великоросса, который, живя подчасъ за тысячи верстъ, умѣлъ организовать и эксплуатировать дѣло съ барышемъ для себя и не безъ выгоды для другихъ людей не только здѣсь, на мѣстѣ, но и въ отдаленной отсюда Астрахани. Поселенія, тячувшія къ селу Мысу, за это время также въ большей или меньшей степени увеличились, причемъ и характеръ нѣкоторыхъ поселковъ успѣлъ болѣе прежняго выясниться; такъ, Набережная слобода на р. Камѣ²⁾, нѣсколько увеличившись, получила теперь болѣе промышленный характеръ, что замѣчается не въ нѣкоторыхъ только прозвищахъ поселенцевъ слободы, — «рыболовъ» (4 двора), «Кожевникъ», «Перевощикъ», — но также и въ сравнительно меньшей, чѣмъ въ другихъ поселеніяхъ, пахотѣ и сѣнокошѣ у слобожанъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же л. 706.

²⁾ Прежде она прозывалась «Бережная» просто.

³⁾ Всего въ Набережной слободѣ 112 дворовъ, такъ что населенія пришло около 11 дворовъ; но при этомъ въ ней 10 дворовъ означено пустыхъ, — изъ нихъ 9 отданы въ 1650 и 1651 годахъ разнымъ лицамъ «во крестьянство» (главнымъ образомъ Даниилъ и Петру Строгоновымъ). Кроме прозвищъ «Рыболовъ», въ формѣ, напр., такой: «во дворѣ Леонька Васильевъ Шульгинъ съ сыномъ съ Гришкою Рыболовымъ», встрѣчаются люди съ прозвищами «Пермякъ» (2 двора) и «Витчанинъ». Въ слободѣ находится церковь съ тремя дворами для причта; пахотной земли 371 четв. и 750 коп.; пахота и сѣнокошъ являются незначительными при сравненіи ихъ съ дру-

Въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ, если не всегда замѣчаютъ серьезное увеличеніе тяглаго населенія, то зато постоянно встрѣчаемъ дворы льготныхъ людей, — притомъ въ пропорціи иногда очень значительной, сравнительно съ наличнымъ составомъ населенія въ деревнѣ¹⁾. Въ одномъ изъ подобныхъ поселковъ, въ которомъ застаемъ много льготныхъ дворовъ, по описи можно отчасти видѣть, какими образомъ здѣсь заселялись свободныя земли и какъ иногда увеличивалось населеніе въ селахъ и въ деревняхъ. Въ деревнѣ Средней Шильѣ, послѣ описи жилыхъ и тяглыхъ дворовъ сказано: «тоежъ деревни Середніе Шильи льготныхъ крестьянъ», вслѣдъ затѣмъ идетъ опись льготныхъ дворовъ, которые расположены особыми группами съ отдѣльными лицомъ во главѣ; эти группы состоятъ изъ двухъ, девяти и болѣе дворовъ. Повидному группы эти являлись въ деревнѣ отдѣльно, принимались крестьянскою общиною деревни и селились на извѣстное время на льготѣ. Очень вѣроятно, что и группы новыхъ поселенцевъ въ свою очередь составляли общину, при чемъ извѣстное лицо могло быть уполномоченнымъ или представителемъ данной группы въ ея переговорахъ съ деревенскою общиною, которая принимала ее къ себѣ и уступала членамъ группы на определенныхъ условіяхъ землю усадѣбную, пашенную и угодья; деревенская община могла оказывать группѣ и нѣкоторую матеріальную помощь на первыхъ порахъ ихъ жизни на новомъ мѣстѣ. Такъ, послѣ вышеприведеннаго выраженія слѣдуетъ опись группы, состоящей изъ двухъ дворовъ крестьянскихъ, изъ коихъ въ одномъ дворѣ живутъ два брата, а въ другомъ одинъ крестьянинъ; въ заключеніе сказано: «и тотъ Фетька Яковлевъ съ товарищемъ изъ льготы выдутъ во 162 году» (1654); вслѣдъ за этимъ идетъ опись другой группы дворовъ

гими поселеніями здѣсь же, въ которыхъ гораздо меньше дворовъ крестьянскихъ, чѣмъ въ Набережной слободѣ.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, деревня Средняя Шилья на рѣкѣ Шильѣ, въ которой тяглыхъ дворовъ около 20, а льготныхъ гораздо больше. Затѣмъ починокъ Еругловъ, починокъ Ключъ и др.

состоящей изъ 16 человекъ; начинается опись дворовъ Стеньки Федорова съ дѣтьми и заключается слѣдующимъ образомъ: «И тѣ шестнадцать человекъ Стенька Федоровъ съ товарищи изъ льготы выйдутъ во 163 году» (1655). Затѣмъ слѣдуютъ еще двѣ группы, состоящія — одна изъ четырехъ крестьянскихъ дворовъ съ братьями и дѣтьми, а другая изъ девяти, опись каждой изъ нихъ заканчивается такимъ же образомъ, какъ и предыдущихъ, при чемъ заключительныя слова относительно послѣдней группы: «и тѣ девять дворовъ Власко Яковлевъ съ товарищи сѣли на льготу въ нынѣшнемъ во 159 году (1651), а изъ льготы выдутъ во 165» (1657), указываютъ намъ и срокъ льготы, на который могли приниматься группы отдѣльных переселенцевъ деревенскою общиною на свои земли¹⁾.

Изъ этого можно видѣть, что приливъ новыхъ переселенцевъ въ Закамскія страны продолжался, и что это обратило на себя вниманіе правительства молодого царя, которое построеніемъ здѣсь городка и водвореніемъ въ немъ служилыхъ людей полагало защитить ближайшихъ къ нему поселенцевъ отъ усилившейся опасности. Но трудно допустить, чтобъ русское правительство, сознавшее ненадежность единичныхъ и отрывочныхъ мѣръ на правой сторонѣ Волги, вслѣдствіе чего оно довольно энергически принялось за построение Симбирской укрѣпленной черты,— трудно, повторяемъ, допустить, чтобы оно сооруженіе Чалнинскаго города виѣсть съ уже существовавшими острожками считало мѣрою достаточной для защиты Закамскаго населенія, опасность котораго со стороны кочевыхъ обитателей степи была несравненно сильнѣе, чѣмъ у обитателей правой, нагорной стороны. По всей вѣроятности, правительство смотрѣло на это дѣло только какъ на временную мѣру, которая во всякомъ случаѣ была лучше, чѣмъ ничего. Справедливость настоящаго предположенія, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ

¹⁾ Тамъ же лл. 738—742.

(въ 1651 году) по порученію правительства въ Закамской сторонѣ дѣлались разысканія нѣкоторыми служилыми людьми¹⁾, которымъ поручено было составить планъ укрѣпленной Закамской черты или линіи. Для помощи въ настоящемъ дѣлѣ служилымъ людямъ, къ нимъ прикомандированы были «въ вожахъ» нѣкоторые инородцы, имѣвшіе вотчины за р. Камю, которые вслѣдствіе этого должны были хорошо знать здѣшнія мѣста и этимъ знаніемъ могли быть имъ полезны²⁾ въ Закамской сторонѣ. Такимъ образомъ составлена была «роспись и чертежъ Закамской засѣчной землѣ», по которой должны были быть выстроены «города и жилые и стоялые остроги и всякія засѣчныя и земляныя и деревянныя крѣпости отъ р. Волги до Ику рѣки и по Ику внизъ до Камы рѣки». Изготовленные планы Казанскими воеводами отосланы были въ Москву въ Казанскій приказъ; здѣсь ихъ рассмотрѣли, одобрили и въ 1652 году прислали обратно въ Казань къ боярину и воеводѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи, съ повелѣніемъ, чтобъ они устроили все «по росписи и чертежу, въ которыхъ мѣстахъ городкомъ и острогомъ и засѣчнымъ крѣпостямъ быть пристойно»³⁾. Вслѣдствіе этого приказанія въ 1652 г. съ наступленіемъ лѣта «по государевой грамотѣ» открылись работы по построенію укрѣпленной Закамской черты или линіи. Для работъ по Закамской чертѣ по указу наряжались изъ Казанскаго уѣзда «подымовные люди» и, какъ кажется, преимущественно Чуваши, Черемисы и Вотяки. На первый годъ изъ ихъ среды бралось «въ степь, въ работу, въ дѣловые люди» по одному рабочему съ трехъ дворовъ, а впослѣдствіи брался одинъ работникъ съ шести дворовъ. Инородцы, хорошо знакомые съ Закамской стороною, опредѣлялись «по прежнему быть въ вожахъ» при работахъ на Закамской чертѣ⁴⁾

¹⁾ Эти служилые люди были—Степанъ Змѣевъ и Григорій Львовъ.

²⁾ Акт. Ист. Юрид. Собр. Ст. Мельниковымъ грам. 23.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 лл. 553—554.

⁴⁾ Тамъ же л. 58^л. Акт. Ист. Юридид. Собр. Ст. Мельниковымъ гр. 23.

По мѣрѣ построенія черты на нее переселяли людей изъ разныхъ мѣстъ, подворяя ихъ здѣсь на время или «на вѣчное житье»; кромя того, по чертѣ заводились «проѣзжія станицы», которыми начальствовали головы, руководимые вожами изъ тѣхъ же, знакомыхъ со страню, инородцевъ¹⁾. По всей вѣроятности, и по Закамской чертѣ, какъ на Симбирской, работы производились въ разныхъ мѣстахъ одновременно, ибо это удобнѣе было и для рабочихъ людей, которые набирались изъ разныхъ частей обширнаго Казанскаго уѣзда, вслѣдствіе чего однимъ сподручнѣе было работать около р. Ику, а другимъ около р. Волги.

Какъ результатъ подобныхъ работъ, появляется на луговой сторонѣ р. Волги, выше впаденія р. Черемшана, въ мѣстахъ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка были рыбныя ловли Покровскаго монастыря «въ Нижнихъ Тетюшахъ», городъ Вѣлнй Яръ, «поставленный» въ 88 саженьхъ отъ Волги²⁾. Построенъ былъ городъ на низкомъ мѣстѣ и большей частью изъ сосноваго лѣса. Вѣлоярскій городъ представлялъ собою четырехугольникъ, стороны котораго были почти равны³⁾. Окруженъ былъ городъ тараснымъ валомъ въ сажень вышины и столько же ширины, въ которомъ утверждёнъ былъ острогъ, поднимавшійся изъ тарасовъ на двѣ сажени; съ поволодной стороны къ тарасамъ устроенъ былъ земляной привалъ, а по валу въ разныхъ мѣстахъ «для бою дѣланы лавы»⁴⁾. По валу устроены были восемь башенъ, изъ коихъ четыре были осмиугольныя, глухія, и стояли по угламъ города, — остальные были четырехугольныя; изъ числа послѣднихъ трое были съ

¹⁾ Ак. Ист. Юрид. Мелъникова гр. 23.

²⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6464. III е отд. Писц. кн. за № 1127 л. 554.

³⁾ По измѣренію служилаго человека Никиты Гладкова, которому, послѣ окончанія черты, поручено было осмотрѣть ее отъ Вѣлаго Яра до Новошешинска, Вѣлоярскій городъ имѣлъ 142 сажени въ длину и 140 сажень поперекъ.

⁴⁾ Мосты, по которымъ сходили сражавшіяся изъ укрѣпленія.

проѣзжими воротами, надъ которыми были иконы¹⁾. Проѣзжія башни были расположены въ городѣ слѣдующимъ образомъ: одна съ сѣверной стороны города («съ Казанскую сторону»), другая съ западной стороны («отъ Волги») и третья съ южной стороны («отъ волошки Бушуйки»²⁾); одна изъ проѣзжихъ башенъ и четыре угловыхъ были съ вышками на верху³⁾. Въ городѣ около проѣзжихъ воротъ находились караульныя избы; кромѣ того, въ немъ помѣщались общественныя зданія, церкви, дворы причта и нѣсколько стрѣлцкихъ дворовъ⁴⁾. Вооруженіе Бѣлоярскаго города состояло изъ трехъ пищалей мѣдныхъ въ станкахъ на колесахъ, трехъ пищалей полковыхъ и 405 самопаловъ⁵⁾ Кругомъ города, въ разстояніи двухъ сажени

¹⁾ Отъ этихъ иконъ и ворота прозывались Спасскими, Казанскими и пр.

²⁾ Волошка Бушуйка была небольшая рѣчка, впадавшая въ Волгу съ южной стороны города Бѣлаго Яра. Эта рѣчка еще означена на подробной картѣ 1800 г.; на нѣмѣцкихъ картахъ генеральнаго штаба ея нѣтъ.

³⁾ Вышки на башняхъ устроены были, вѣроятно, для часовыхъ, наблюдавшихъ за появленіемъ на горизонтѣ непріятеля. Вотъ для прикѣра описаніе одной изъ башенъ (всѣ башни на чертѣ построены по одному плану и разнятся лишь въ величинѣ частей, причемъ проѣзжія иногда сдѣланы нѣсколько больше, а иногда меньше глухихъ): «Башня отъ Волошки Бушуйки четверугольная, съ проѣзжими вороты: стѣны по 4 сажени; вышины до обломовъ 5 сажень съ половиною, обломовъ до шатра сажень, шатра до вышки 4 сажени съ полчетвертью; а въ техъ воротныхъ башняхъ затворы брусныя и сосновые». Это описаніе сдѣлано до осмотра Гладкова, а вотъ описаніе той же башни «по досмотру» послѣдняго: «на Бушуйскихъ проѣзжихъ воротахъ образъ Спаса Вседержителя. Башня четверугольная, въ вышину съ земли до обломовъ 5 сажень, обломовъ сажень, съ обломовъ до вышки 4 сажени, вышка 2 сажени, съ вышки въ стѣну видѣть на 9 вер. Съ вышекъ другихъ башенъ, обращенныхъ въ иныя стороны, наблюдаемое разстояніе было другое. Такъ, напримѣръ, съ угловой башни, обращенной въ Волгѣ р. «съ вышки въ стѣнѣ видѣть за Волгу рѣку на 10 верстъ, а подлѣ вала видѣть степную сторону на 2 версты». Тамъ же лл. 555, 592.

⁴⁾ Такъ, въ городѣ упоминается по досмотру Гладкова: Приказная судная изба, государевъ дворъ, гдѣ приказные люди, баня; у волжскихъ проѣзжихъ воротъ государевъ выходной погребъ, изба тюремная, колодезь — срубъ дубовый; стрѣлцкихъ дворовъ въ городѣ было пять. Тамъ же лл. 594—595.

⁵⁾ «Ружья на Бѣломъ Яру 3 пищали мѣдныя въ станкахъ на колесахъ, пищаль фунтовая, къ ней 30 ядеръ, 2 пищали четырехъ фунтовыхъ,

отъ вага, выкопанъ былъ ровъ въ двѣ сажени глубиною; отъ наугольной башни города съ южной стороны до Волги р. «поставлены были двойные надолбы»¹⁾. О населеніи Бѣлоярскаго города извѣстно слѣдующее: въ сентябрѣ 1653 года Лаишевскому воеводѣ Левашеву поручено было изъ Казани «выбрать сто Лаишевскихъ конныхъ служилыхъ казаковъ, добрыхъ и семьянистыхъ и сказать имъ, что по государеву указу велѣно ихъ съ женами и съ дѣтьми перевести на Бѣлой Ярѣ, строить на вѣчное житье»; при этомъ прибавлено: «переводить ихъ на Бѣлой Ярѣ нынѣшнею осенью послѣ пахенныя пары, чтобъ они рожь сѣяли въ Лаишевѣ на прежнихъ своихъ земляхъ, а яровой хлѣбъ сѣять на Бѣломъ Яру». Въ этомъ же распоряженіи говорится, чтобъ переведенцы впередъ отправили «своихъ дѣтей и братью и племянниковъ», да и самибъ «готовились на переведенье на Бѣлой Ярѣ», т. е., велѣно было имъ «къ зимнему времени сѣна готовить и бревна на дворовую селитьбу»²⁾. Среди переселенцевъ, дѣлившихся на десятии, бывшихъ подъ начальствомъ 8 десятиниковъ и двухъ пятидесятниковъ, встрѣчаются семьи, въ которыхъ не только глава, но и другіе члены семейства въ числѣ двухъ или даже трехъ членовъ отмѣчены годными въ службу³⁾. Такия ихъ

въ нихъ 50 ядеръ; 9 пудъ 20 гривенокъ зелья пушечнаго; 3 пищали подконые въ нихъ 89 ядеръ пушечныхъ; 3 пуда зелья ручнаго, свинцу толъ, 405 самопаловъ». Тамъ же л. 593 съ оборот.

¹⁾ Тамъ же лл. 554—556.

²⁾ Тамъ же л. 537.

³⁾ Такъ, напримѣръ, «Ивашка Савельевъ сынъ Санюковъ, а у него сынъ Степка, въ службу годится, да два племянника — Лучка Матвѣевъ въ службу годится, Федька Леонтьевъ — недоросль. Десятникъ Ивашка Мартыновъ сынъ Бѣляевъ, а у него братъ Митька Уевъ, да съ нимъ въ службѣ захребетники — Ивашка да Алешка Ивановы дѣти, живутъ себѣ дворомъ розно. Артишка Яковлевъ сынъ Кадышевъ, а у него 3 сына — сынъ Федька въ службу годится, Левка да Гришка — недоросли, да съ нимъ въ службѣ два брата Никола и Ивашка въ службу годятся». Тамъ же лл. 538, 540, 546. Вѣроятно, и на Закамской чертѣ, какъ прежде на Симбирской, нѣсколько человѣкъ составляли вѣсть *одну службу*, или же при недостаткѣ вличныхъ членовъ семьи — *полъ-службу*.

прозвища какъ : «Тетюшенинъ», «Арзамасецъ», «Нижегородецъ», или же такія, какъ «Мещеровъ» и «Нагаевъ», могутъ навести на мысль, что служилые казаки въ Лаишевѣ вербовались въ это время изъ охочихъ людей различныхъ городовъ и разнообразнаго происхожденія¹⁾. Въ этотъ же годъ на конную службу въ Вѣлый Яръ переведены были 29 человекъ «полониковъ» изъ Тетюшъ съ ихъ десятниками и 9 человекъ ссыльных, тоже опредѣленныхъ здѣсь на службу; подобныя прозвища у ссыльных, какъ «Чебоксаренинъ» (2 двора), «Цывиленинъ» и «Саранецъ», указываютъ намъ, изъ какихъ мѣстъ преимущественно были эти люди²⁾. Всѣ переселенцы, опредѣленные въ бѣлопашенные конные казаки, поселены были «за городомъ, съ трехъ сторонъ города», и изъ нихъ образовались двѣ слободы. Всякому переведенцу отведено было «земли подъ дворъ, подъ огородъ и подъ гуно по 40 сажень длиннику, по 10 поперечнику»; сверхъ того, имъ намѣрены были отвести земли на пашню въ опредѣленномъ количествѣ четвертей и сѣновосу, но не отвели, «потому что близко города Вѣлаго Яру въ чертѣ пашенныя земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ». Слободы защищены были отъ непріятельскихъ нападеній надолбами³⁾.

Непосредственно отъ города Вѣлаго Яра начиналась укрѣпленная Закамская черта, состоявшая изъ группы сооружений, тянувшихся по правой сторонѣ Большаго Черемшана, такъ что кочевому непріятелю надобно было при вторженіи перейти сперва эту рѣку, и потомъ уже онъ встрѣчался съ укрѣпленною чертою. При сооруженіи укрѣпленной линіи строившіе ее старались повидимому приспособляться и пользоваться природными особенностями, которыя встрѣчались имъ на пути, вслѣдствіе чего находятъ, что одни укрѣпленія воздвигались въ степныхъ мѣстахъ, а другія въ лѣсныхъ; но такъ какъ въ

¹⁾ Тамъ же лл. 544, 547, 549.

²⁾ Тамъ же лл. 551—553, 556, 557. Переп. кн. № 6475, кн. 41, лл. 1—2.

³⁾ Тамъ же лл. 556, 595, 601.

здѣшнихъ мѣстахъ господствовалъ лѣсъ, то поэтому на чертѣ между укрѣпленіями преобладаетъ «засѣка». Отъ наугольной башни за ровомъ, на пятисаженномъ разстояніи, «поставлено острогу», который примыкалъ къ тарасному валу, сооруженному «дубровою и степью чистымъ мѣстомъ до чернаго лѣсу» на пространствѣ четырнадцати верстъ и 63 сажень; въ частности говорится, что «тарасы рублены въ крайнемъ сосновомъ и въ дубровномъ лѣсу, въ вышину до обламовъ двѣ сажени, поперекъ тожъ; а обламы рублены въ полъ-аршина и въ три четверти, и въ тарасахъ насыпана земля»¹⁾. По тарасному валу построены были въ разномъ разстояніи еще особыя небольшія укрѣпленія, которыя назывались городками и выводами; всѣхъ такихъ построекъ по валу сдѣлано двадцать пять на четырнадцати-верстномъ разстояніи²⁾. Со стороны поля, въ разстояніи двухъ и болѣе саженой отъ тараснаго вала, городковъ и выводовъ, на всемъ этомъ пространствѣ былъ выкопанъ ровъ въ двѣ сажени глубины и въ три ширины «въ государеву сажень». Отъ конца тараснаго вала по направленію «къ засѣкѣ, подъ уваль, на десяти саженяхъ поставлены тройныя надолбы». Затѣмъ чрезъ черныя лѣса на разстояніи двухъ верстъ и девятисотъ саженой устроена была «валежная засѣка въ крѣпкихъ топкихъ мѣстахъ», шириною отъ 40 до 60 саженой, — при чемъ въ засѣкѣ лѣсъ валенъ всякой: дублякъ, вязникъ, липнякъ, ольшнякъ; отъ корени деревья рублены въ аршинъ и въ два аршина». Около лѣса, въ которомъ была устроена засѣка, на пространствѣ нѣсколькихъ сажень находилось топкое мѣсто, вслѣдствіе чего здѣсь вбиты были «семерныя надолбы», примкнувшія непосредственно къ новому тарасному валу за чернымъ лѣсомъ. Здѣсь на про-

¹⁾ Тамъ же л. 557.

²⁾ Объ этихъ укрѣпленіяхъ при осмотрѣ Закавказской черты Гладкимъ въ 1658 году сказано слѣдующее: «а тарасы (найденные имъ въ вышину отъ земли на полторы сажени, обламы на полъ сажени) и выводные городки и башни (выводныя) насыпаны землею, а выводные городки въ длину и поперекъ по 10 сажень». Тамъ же л. 602.

странствѣ двухъ верстѣ и 350 сажень сооруженъ былъ снова тарасный валъ, по которому «сдѣланы четыре городка, да четыре вывода на польскую сторону»; затѣмъ попрежнему, на извѣстномъ разстояніи отъ этихъ укрѣпленій, выкопанъ былъ со стороны степи ровъ извѣстной уже глубины и ширины. Отъ послѣдняго тараснаго вала «въ гору ко рву поставлено на тридцать сажень острогу». Здѣсь на рѣчкѣ Ерыклѣ, текущей съ сѣвера и впадающей въ Большой Черемшанъ, на правомъ берегу ея построенъ новый острогъ, назвавшійся отъ рѣки Ерыклинскимъ. Отъ города Бѣлаго Яра до Ерыклинскаго острога «всего валаваго и надолбнаго и острожнаго и засѣчнаго дѣла» было устроено на разстояніи девятнадцати верстѣ и 343 сажень ¹⁾.

Ерыклинскій острогъ стоялъ подъ горою въ ложинѣ ²⁾ и по величинѣ много уступалъ городу Бѣлому Яру. Острогъ имѣлъ видъ четырехугольника, котораго длина равнялась 52, а ширина 42 сажень. Вышина острога была около трехъ сажень, и въ немъ находилось шесть башенъ; изъ нихъ двѣ, обращенныя одна на сѣверъ ³⁾, а другая на югъ ⁴⁾, имѣли сквозныя ворота и вышки и были нѣсколько больше остальныхъ четырехъ, угловыхъ и глухихъ, безъ вышекъ. Башни въ Ерыклинскомъ острогѣ, быть можетъ, вслѣдствіе меньшей величины самого острога, были нѣсколько меньше Бѣлоярскихъ башенъ, поэтому съ ихъ вышекъ открывался не столь обширный горизонтъ, какъ съ предыдущихъ; на вышкѣ одной изъ сквозныхъ башенъ острога (на сѣверной) находился «государевъ вѣстовой колоколъ» ⁵⁾. Въ Ерыклинскомъ острогѣ, какъ

¹⁾ Тамъ же лл. 559, 602—603.

²⁾ Въ актахъ объ этомъ говорится такъ: «надъ рѣчкою Ерыклою на ували, подъ горою поставленъ острогъ»; въ описаніи Гладкова: «Ерыклинскій городокъ построенъ на утолѣ». Тамъ же лл. 560, 603.

³⁾ «Съ Казанскую сторону».

⁴⁾ «Съ Нагайскую сторону».

⁵⁾ Вотъ для примѣра описаніе Казанской сквозней башни по досмотру Гладкова: «Въ Ерыклинскомъ городкѣ Казанскіе сквозніе ворота, на нихъ образъ Спаса Вседержителя. Башня четырехугольная въ вышину и съ земли

и въ Бѣлоярскомъ городѣ, «по острогу для верхняго бою . . . дѣлами лавы»; внутри острога у двоиxъ проѣзжихъ воротъ тоже встрѣчаемъ двѣ караульныя избы и сверхъ того общественныя зданія, съ тѣмъ отличіемъ, что въ Ерыклинскѣ, вслѣдствіе его меньшаго объема, нѣкоторыя зданія, какъ церковь съ дворами причта, не могли помѣститься въ серединѣ, а потому построены были внѣ острога у сѣверныхъ проѣзжихъ воротъ. Вооруженіе Ерыклинскаго острога было еще незатѣйливѣе Бѣлоярскаго: одна пушечка въ станкѣ на колесахъ и шесть пищалей затинныхъ, изъ которыхъ четыре расположены на острожныхъ башняхъ, составляли наличный арсеналъ острога ¹⁾. Подобное вооруженіе можетъ, съ одной стороны, свидѣтельствовать о скудости въ то время правительственныхъ средствъ, ибо, вѣроятно, правительство затруднялось снабжать воздвигаемыя на окраинѣ укрѣпленія болѣе значительнымъ вооруженіемъ, — съ другой стороны, такое вооруженіе отчасти указываетъ на незначительныя силы у того непріятеля, противъ котораго оно могло почитаться порядочнымъ средствомъ защиты. Въ Ерыклинскомъ острогѣ, какъ и въ Бѣломъ Яру, на опредѣленномъ разстояніи отъ острога выкопанъ былъ ровъ извѣстной уже глубины и ширины, который, подобно предшествовавшему, въ случаѣ надобности, могъ наполняться водою изъ рѣчки, у которой поставленъ былъ настоящій острогъ. Для заселенія Ерыклинскаго острога переведены въ 1653 году «изъ села Чалновъ сто пятьдесятъ

до обломовъ 5 сажень безъ аршина, обломовъ сажень, съ обломовъ до вышки полъ четверты сажени, вышка 2 сажени (въ другой описи говорится, что «вышка рубленая четвероугольная»), на вышкѣ государевъ вѣстовой колоколъ; съ вышки въ степь видѣть на 5 верстъ; въ башнѣ пищаль желѣзная затинная». На Ногайской проѣзжей башнѣ, такой же величины и съ такимъ же горизонтомъ, находился «образъ Гурия и Варсоноѣи, Казанскихъ чудотворцевъ», и на этой же башнѣ стояли 2 пищали желѣзныхъ затинныхъ. Тамъ же лл. 604—605.

¹⁾ Къ этому вооруженію припасено было: «конопати 9 гривенокъ, 870 пудовъ, четыре шомпола желѣзныхъ; 6 пудъ 28 гривенокъ зелья ручнаго, 4 пуда 35 гривенокъ зелья пушечнаго; свинцу — свинца почата». Тамъ же лл. 561, 605.

человѣкъ пашенныхъ крестьянъ и устроены въ казачью службу»; на ихъ счетъ были приобрѣтены нѣкоторыя книги церковныя и образъ ¹⁾. Еще лѣтомъ 1652 года по указу государя отправленъ былъ изъ Казани дворянинъ вмѣстѣ съ подъячникомъ въ село Чалны съ деревнями съ повелѣніемъ—«села Чалновъ служилыхъ людей стрѣльцовъ и пашенныхъ крестьянъ и бобылей *всѣхъ до одного человека перевести на Закамскую черту и устроить ихъ на Закамской чертѣ въ жилихъ городѣхъ и острогахъ гдѣ пригоже*». Для осуществленія этого плана «велѣно имъ (дворянину и подъячему) села Чалновъ деревень и починовъ крестьянъ и бобылей и стрѣльцкихъ дѣтей и братью и племянниковъ и захребетниковъ переписать *до одного человека*, а переписавъ велѣно ихъ отвести на Закамскую черту въ новыя города и остроги и устроить ихъ въ тѣхъ новыхъ городѣхъ и острогахъ *на вѣчное житіе въ службу по государеву указу и по разсмотрѣнію, сколько въ которомъ мѣстѣ въ какую службу устроить доведется*». Такъ какъ отъ здѣшнихъ мѣстъ до Закамской черты разстояніе было довольно большое, то правительство, въ заботѣ о томъ, чтобъ «надъ ними на дорогѣ какое дурно не учинилось,» велѣло ихъ проводить «до указныхъ мѣстъ» дворянину, который долженъ переписать ихъ вмѣстѣ съ казанскими служилыми людьми. Относительно имущества, которое на мѣстѣ было у всякаго крестьянина въ видѣ хлѣба и построекъ, сказано слѣдующее: «а который у нихъ хлѣбъ стоячей и молочной и дворы останутся въ селѣ Чалнахъ и въ деревняхъ и въ починахъ, и тотъ хлѣбъ и дворы послѣ ихъ велѣно приказать оберечь *тутошнымъ окольнымъ людямъ*, покажутъ они съ Закамской черты для того хлѣба и для продажи и для перевозки дворовъ своихъ въ село Чалны и въ деревни и въ почины *приѣдутъ*»; далѣе говорится еще опредѣленіе, что переведенцы свои дворы въ селѣ, въ деревняхъ и въ починахъ

¹⁾ Тамъ же л. 562 и 604 «мірскаго церковнаго строенія запрестольный образъ Богородицы; книгъ: Евангеліе, напрестольный часовникъ».

могутъ «продавать повольною цѣною,» или же буде «похотѣть перевести на Закамскую черту на указныя мѣста, гдѣ имъ быть въ службѣ», — то въ такомъ случаѣ имъ «по тому же вольно дворовое свое строеніе перевести на Закамскую черту и на Закамской чертѣ въ указныхъ мѣстахъ велѣно имъ дворы свои строить вскорѣ безо всякого мотчанія»¹⁾).

Подобное переселеніе для переведенцевъ сопряжено было со многими потерями и нравственными страданіями. Значительный ущербъ имущественный неизбѣженъ былъ для всѣхъ переселенцевъ; необходимость разстаться съ мѣстомъ, въ которомъ многіе изъ нихъ родились, другіе же, если и не родились, то успѣли уже осѣсть и не безъ труда обзавелись избою и домашнимъ хозяйствомъ, что теперь съ рискомъ и значительными издержками нужно или перевести за сотни верстъ, или же отдать на мѣстѣ за безцѣнокъ постороннему человѣку, — перспектива всего этого естественно должна была во многихъ переведенцахъ возбуждать неудовольствіе, которое при случаѣ могло перейти въ ослушаніе правительственному распоряженію. Это предвидѣло правительство, и поэтому въ концѣ встрѣчаемся съ такимъ распоряженіемъ: «А будетъ которые служилые люди, стрѣльцы и крестьяне и бобыли на Закамскую черту изъ села Чалновъ, изъ деревень и съ починковъ ѣхати не похотятъ, и тѣхъ велѣно выслать и въ неволю; а за ослушаніе велѣно имъ дѣлать наказаніе: бить батоги и сажать въ тюрьму; чтобъ однолично ихъ на Закамскую черту на вѣчное житье выслать всѣхъ нынѣшнимъ лѣтомъ»²⁾).

Прежде чѣмъ слѣдить за устройствомъ Чалнинскихъ переведенцевъ на Закамской чертѣ, рассмотримъ тѣ измѣненія, которыя произошли за годъ въ городѣ Чалнахъ и въ селѣ Мысу съ деревнями. Теперь мы уже застаемъ церковь, которую бѣлопашенные казаки, нынѣшніе стрѣльцы, общались, какъ мы знаемъ, построить здѣсь. Не одна церковь, но и

¹⁾ Тамъ же лл. 763—765.

²⁾ Тамъ же л. 765.

«всякое церковное строеніе,» по показанію старцевъ Семнозерной пустыни, которые жили подлѣ церкви въ трехъ кельяхъ, принадлежало имъ. Затѣмъ въ средѣ стрѣльцовъ, бывшихъ казаковъ, теперь замѣчаемъ присутствіе новыхъ личностей, которыхъ не встрѣчали годъ тому назадъ. Такъ, между ними упоминаются стрѣльцы съ прозвищами: «Мысовецъ», «Солдаты», «Свяженинъ» (2 двора), «Хохлуша-Ломоносовъ»; владѣтели двухъ дворовъ носятъ прованіе «Портной-Швецъ»¹⁾; въ замѣнъ этого нѣкоторые стрѣльцы означены въ бѣгахъ, а ихъ оружіе сохранялось въ городѣ. Кроме того, у стрѣльцовъ въ настоящее время въ сосѣдствѣ попадаются изрѣдка гулящіе люди, при чемъ такое прозвище, какъ «Вятчанинъ,» можетъ намъ указывать на мѣсто, откуда пришелъ этотъ гулящій человекъ. Затѣмъ, дѣти нѣкоторыхъ стрѣльцовъ отиѣчены теперь «въ пахотныхъ», — слѣдовательно, они чрезъ ихъ посредство какъ будто начали уже ассимилироваться съ мѣстными общинами пахотныхъ крестьянъ²⁾. Село Мысь-Чалны въ описываемое время именуется уже *посадою*; среди крестьянъ этого села, кромѣ людей съ извѣстными намъ прозвищами, теперь попадаются новые люди съ прозвищами: «Пермякъ» (2 двора), «Новосель», «Перстобитъ» (2 двора). Какъ въ самомъ посадѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, къ нему тянувшихъ, по прежнему встрѣчаемся съ пустыни дворами, которыхъ владѣтели отиѣчены «отданными во крестьянство» служилыми людьми ближайшихъ уѣздовъ³⁾. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, тянувшихъ къ селу-посаду, населеніе за этотъ годъ увеличилось довольно серьезно: такъ, на примѣръ, въ одной деревнѣ вѣсто прежнихъ тринадцати дворовъ теперь находимъ сорокъ семь⁴⁾. И здѣсь прозвища крестьянъ и захребтниковъ иногда указываютъ на мѣсто, откуда приходило на-

¹⁾ За годъ предъ этимъ упоминался лишь «Власка Давыдовъ Портной», теперь же, кромѣ него, два новыхъ.

²⁾ Тамъ же лл. 774—783.

³⁾ Тамъ же 791, 793—805, 822—830.

⁴⁾ Деревня Верхняя Шильня.

селеніе въ Закамскую сторону: Такъ, въ монастырской деревнѣ «Середь Тихихъ горъ» изъ пятнадцати дворовъ четыре крестьянина и одинъ захребетникъ носятъ прозвище «Пермякъ»¹⁾. Но виѣстъ съ этимъ въ описываемое время встрѣчаемся иногда въ деревняхъ съ явленіями, которыя какъ бы свидѣлствуютъ о новомъ процессѣ, начинающемся въ здѣшнихъ поселеніяхъ: такъ, намъ уже попадаются деревни, въ которыхъ число пустыхъ дворовъ не только равно, но иногда значительно превосходитъ собою количество жилыхъ дворовъ крестьянскихъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что владѣтели нѣкоторыхъ пустыхъ дворовъ обозначены перешедшими съ лѣвой стороны Камы обратно на правую²⁾. Въ заключеніе не лишнимъ будетъ упомянуть, что въ селѣ-посадѣ въ данное время находились на р. р. Чалыѣ и Медекесѣ шесть мельницъ, изъ которыхъ три были «на откупъ за Москвитиноу за Федькою Гурьевымъ», при чемъ за одну мельницу онъ вносилъ двадцать рублей откупныхъ денегъ на годъ; въ деревнѣ Средней Шильнѣ на р. того же имени также стояли въ это время двѣ мельницы, которыя были «на откупъ за крестьяны тое жъ деревни»³⁾. И вотъ пашенные люди изъ села Чалновъ переведены были въ количествѣ ста пятидесяти человѣкъ на Закамскую черту въ Ерыклинскій острогъ и опредѣлены были здѣсь для конной казачьей службѣ. Около острога они построили себѣ 133 двора и поселились въ двухъ слободахъ. Въ 1655 году имъ отвели пашенной земли и сѣнокоса въ опредѣленномъ количествѣ, обозначивающемъ лично каждого, смотря по его званію⁴⁾. Въ

¹⁾ Тамъ же лл. 870—874.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ *Шимкине починокъ*, въ которой за годъ предъ симъ находилось 6 дворовъ крестьянскихъ и 2 дв. льготныхъ, въ описываемое время 4 дв. крест. жилыхъ и 4 дв. пустыхъ. Въ деревнѣ Нижней Шильнѣ—2 дв. крест. жилыхъ и 7 дв. пустыхъ; изъ послѣднихъ о 2 крестьянскихъ сказано, что они въ 1652 г. бѣжали съ женами и дѣтьми въ Казанскій уѣздъ въ село Елабугу. Тамъ же лл. 837, 838—860.

³⁾ Въ этой деревнѣ находилось теперь около 60 крестьянскихъ дворовъ. Тамъ же лл. 813, 847—858.

⁴⁾ Пятидесятникамъ дано было по 40 четвертей земли, десятиникамъ по 30 четв., рядовымъ по 20 четв. человеку въ каждомъ изъ трехъ полей.

описываемое время въ тѣхъ же поляхъ отведены были пашни и сѣнные покосы также и для пѣшихъ стрѣльцовъ, на случай, если таковыя присланы будутъ, или же въ будущемъ окажутся охотники изъ мѣстныхъ людей ¹⁾).

Отъ рва Ерыкинского острога, примыкавшаго къ глухой, угольной башнѣ, шла укрѣпленная черта, которая начиналась по прежнему сперва острогомъ на разстояніи нѣсколькихъ саженой, а за нимъ простирался опять тарасный валъ съ облаками на верху и рвомъ со стороны поля извѣстной уже глубины и ширины; лѣсными пространствами устроены были по прежнему засѣки определенной ширины, а «топлыми» мѣстами (около рѣкъ) устанавливались по всему болотному пространству «семерныя надолбы». Но такъ какъ тутъ среди лѣсныхъ пространствъ не встрѣчалось такихъ значительныхъ открытых мѣстъ, какъ между городомъ Вѣдлымъ Яромъ и Ерыкинскимъ острогомъ, то поэтому здѣсь встрѣчаемъ нѣсколько разъ на разстояніи около 200 саженой одинъ тарасный валъ со рвомъ при немъ безъ городковъ и выводовъ. Но коль скоро открытое пространство приближается къ 500 саженимъ, то опять встрѣчаемся съ городкомъ при тарасномъ валѣ. Преобладаніе лѣса на пространствѣ между Ерыкинскимъ острогомъ и Тинскимъ обусловило собой преобладаніе засѣки надъ тарасными валами и городками по укрѣпленной чертѣ, которая тянулась на разстояніи около двадцати двухъ верстъ отъ Ерыкинскаго острога ²⁾).

На «сѣнные покосы по 10 десятинъ, а на десятинѣ ставится по 15 копеекъ — итого будетъ по 150 копеекъ человѣку». Тамъ же лл. 609—610.

¹⁾ Пѣшимъ стрѣльцамъ также отведена была пахота и угодья на 150. человекъ въ слѣдующей пропорціи: пятидесятикамъ по 10 четв., десятикамъ по 9 четв., а рядовымъ по 8 четв. въ кажд. полѣ; сѣнныхъ покосовъ отведено было каждому пѣшему стрѣльцу по 4 десятины. Въ 1658 году въ донесеніи Гладкова сказано: «а пѣшихъ стрѣльцовъ въ Ерыкинскомъ въ приборѣ нинего нѣтъ». Тамъ же лл. 610—611.

²⁾ Тамъ же лл. 562—564, 612. Выводные городки и засѣки устроены были повидимому по одному плану и поэтому о нихъ говорится обыкновенно въ одинаковыхъ выраженіяхъ.

Рѣчка Тія, какъ и Ерыкла, течетъ съ сѣвера и также впадаетъ въ рѣку Черемшанъ съ правой стороны; здѣсь, на лѣвой сторонѣ Тін, на ровномъ мѣстѣ ¹⁾ построенъ былъ острогъ, получившій, какъ и предъидущій, свое наименованіе отъ рѣчки, у которой стоялъ. Не только общій планъ Тинискаго острога съ такимъ же количествомъ башенъ, но и его величина близко подходила къ Ерыклинскому острогу,—такъ что описаніе предшествовавшаго укрѣпленія можетъ собою замѣнить настоящее ²⁾. Внутри Тинискаго острога встрѣчаемся съ тѣми же общественными зданіями, какъ и въ Ерыклинскомъ острогѣ; церкви тутъ находилась также внѣ города и, какъ въ предъидущемъ острогѣ, стояла около южныхъ проѣзжихъ воротъ; но при описаніи церковнаго имущества здѣсь отмѣчаютъ «малый колоколъ, строенія мірскаго». Вооруженіе въ Тинискомъ острогѣ было въ общемъ столь же незатѣйливо, какъ и въ Ерыклинскомъ ³⁾; внѣ острожное укрѣпленіе состояло изъ того же рва, который выкопанъ былъ кругомъ въ разстояніи двухъ сажени отъ острога. Для того, чтобъ населить Тинискій острогъ, въ 1653 году перевели сюда пятьдесятъ конныхъ стрѣльцовъ съ семьями изъ Ахтачинскаго острожка; къ нимъ присоединены были сто человѣкъ чалнинскихъ пашенныхъ крестьянъ; на

¹⁾ Въ одномъ описаніи впрочемъ сказано, что Тинискій острогъ «поставленъ надъ рѣчкою Тією на ували».

²⁾ Такъ, по измѣренію Гладкова, Ерыклинскій острогъ имѣлъ 52 саж. въ длину и 42 поперекъ,—Тинискій же 49 саж. въ длину и 53 поперекъ; по другому же измѣренію оба они имѣли 60 саж. длины и 55 поперекъ. Въ Тинискомъ острогѣ находилось тоже 6 башенъ, изъ коихъ 4 наугольные глухія, безъ вышекъ, и 2 проѣзжія, нѣсколько больше предыдущихъ, съ вышками; одна проѣзжія съ сѣверной стороны, а другія съ южной; затѣмъ лавы для боя и проч. Тамъ же лл. 564—565; 612—613.

³⁾ «Ружья въ Тинискомъ острогѣ: пищаль мѣдная, другая желѣзная, къ нимъ 60 ядеръ; 2 пуда зелья пушечнаго, 4 пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ». Во время посѣщенія Гладкова одна изъ этихъ пищалей находилась на Нагайской проѣзжей башнѣ; въ его донесеніи сказано: «въ башнѣ (описывается Нагайская башня) нарядъ: пищаль желѣзная въ длину мѣрою полтора аршина, другая пищаль желѣзная жъ затѣнная». Въ острогѣ же находилась «государевъ вѣстовой колоколъ, вѣсу опричь ямына 50 пудъ съ полупудомъ». Тамъ же лл. 666, 613.

всѣхъ ихъ здѣсь возложена была конная казачья служба. Посолены были они возлѣ Тиньскаго острога въ двухъ слободахъ, въ 136 дворахъ. Такія прозвища въ ихъ средѣ, какъ «Сарапулецъ», «Свѣяженинъ», «Темниковецъ» (2 двора) и «Царицынецъ», свидѣлствуютъ наглядно о ихъ сбродномъ составѣ. Въ соотвѣтствіи со службою и званіемъ, каждому изъ нихъ, какъ и въ предыдущемъ острогѣ, отведена была земля на пашню, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что «сѣнныхъ покосовъ имъ не отведено, — косятъ по тѣмъ же пашеннымъ полямъ»; вѣроятно, это обуславливалось отсутствіемъ сѣнокосовъ вблизи настоящаго острога.

Серьюзная опасность, грозившая окраинному населенію со стороны Поволжскихъ степняковъ, вмѣстѣ съ малымъ количествомъ собственнаго населенія, особенно военнаго, задолго до описываемаго времени побуждала русское правительство обращаться къ иноземцамъ, которыхъ оно водворяло при случаѣ на окраинѣ, стараясь пользоваться здѣсь ихъ энергіею и силами. Такъ, въ концѣ XVI вѣка (1599 г.), при Борисѣ Годуновѣ, мы встрѣчаемъ въ Казанскомъ уѣздѣ испомѣщенными иноземцевъ: здѣсь упоминаются «нѣмецкія помѣстныя деревни». При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (въ 1619 г.) въ Казанскомъ уѣздѣ были испомѣщены землями двое служилыхъ Литвиновъ; при немъ же нѣкоторыхъ иноземцевъ, которые пріѣзжали въ Москву изъ разныхъ мѣстъ отъ голода и нужды, съ побоевъ или заворовавши, ссылали на кормъ въ Казань и другіе понизовые города ¹⁾. Въ данное время Московское правительство стремится тоже воспользоваться средствами, которыя очутились въ его распоряженіи въ 1654 году вслѣдствіе счастливо начавшейся войны съ Польшею за Малороссію. Какъ извѣстно, главная часть русскаго войска, подъ предводительствомъ царя Алексѣя Михайловича, направилась къ Смоленску, который чрезъ два слишкомъ мѣсяца сдался ему. Въ Смоленскѣ, какъ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Вотч. отд. № 6740, кн. 1-ая, № дѣла 10; Писц. книгъ Каз. у. № 153, лл. 1168—1173. Ист. Рос. С. Соловьева т. IX, 118, 386 сс.

въ большой пограничной крѣпости Польскаго государства, между многими военными людьми находились Смоленскіе шляхтичи и казаки, которые универсалами польскихъ королей были обязаны въ городѣ нести крѣпостную службу, за что нѣкоторымъ изъ нихъ «въ сторонѣ королевскаго величества предоставлены были наѣстности и земли». Число шляхтичей и казаковъ въ Смоленскѣ, повидимому, было довольно значительно, ибо они раздѣлялись на четыре отряда, различавшіеся по цвѣту знамени — бѣлаго, чернаго, краснаго и желтаго. Въ 1655 году рѣшено было Смоленскихъ иноземцевъ всѣхъ знаменъ водворить «на вѣчное житье» въ Казанской губерніи; вслѣдствіе этого ихъ прислали въ Казань, причемъ «велѣно устроить по Закамской чертѣ дворами и землями и сѣнными покосы и всякими угодами»¹⁾. Въ этомъ году изъ Смоленскихъ иноземцевъ въ Тѣинскій острогъ присланы были 127 человекъ, принадлежавшихъ къ бѣлому знамени; къ нимъ въ скорости были присоединены еще 14 человекъ, такъ что образовался отрядъ изъ 141 человека. Всѣмъ имъ около Тѣинска отведены были земли: «подъ дворы, подъ огороды, подъ гумна . . . противъ бѣлоярскихъ конныхъ стрѣльцовъ», — причемъ каждому изъ нихъ выдано было «на дворовое строеніе по шести рублей 26 алтынъ и 4 деньги». Они построили себѣ 123 двора, въ которыхъ и поселились на житье. Сперва хотѣли было имъ также отвести «пашни и сѣнныхъ покосовъ, противъ бѣлоярскихъ стрѣльцовъ», но, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ собственнаго желанія, вмѣсто этого, приказано было имъ выдавать «государева жалованья поденнаго корму по алтыну на день», что они и получали по 1658 годъ включительно. Смоленскіе иноземцы имѣли въ Тѣинскѣ свое знамя и знаменщика, своихъ десятниковъ и поручика, который, кажется, начальствовалъ ими²⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Казань, раздаточныя и отказныя книги разныхъ годовъ XVII ст. № 6452, кн. 13, № дѣла 73, л. 1; Арх. Ист. и Юрид. собр. Мельниковыхъ грам. 34.

²⁾ Тамъ же Писц. кн. за № 1127, лл. 566, 620—623. Поручикъ смоленскихъ иноземцовъ бѣлаго знамени назывался Лавринко Бутовъ, а знаменщикъ Гришка Балевъ; другіе Кособуцкій, Арминскій, Мутурути и друг.

Отъ Тиньска Закамская укрѣпленная черта попрежнему сперва шла рядомъ съ рѣкою Большимъ Черемшаномъ, а потомъ, перейдя рѣку Малый Черемшанъ ¹⁾, она принимала сѣверовосточное направленіе, поднимаясь къ р. Шешмѣ, притоку р. Камы. За Тиньскомъ укрѣпленія Закамской черты были тѣ же, что и прежде: точно также отъ наугольной башни на небольшомъ пространствѣ (14 сажень) «поставленъ острогъ»; затѣмъ на нѣсколькихъ стахъ саженьхъ до чернаго лѣсу сдѣланъ тарасный валъ, насыпанный землею, съ городкомъ и ровомъ со стороны поля, а далѣе чрезъ лѣсъ извѣстной ширины засѣка. Но такъ какъ поляны ²⁾ по пути черты было не много и онѣ были сравнительно не велики, то поэтому тарасные валы не отличались длиною; напротивъ, сплошной лѣсъ начинался не доходя Малаго Черемшана и тянулся непрерывно безъ малаго на разстояніи шестидесяти верстъ. Въ сорока одной верствѣ отъ Малаго Черемшана чрезъ лѣсъ проходила въ направленіи съ сѣвера на югъ «старая вотчинная дорога», которую пересѣкала устроенная чрезъ весь лѣсъ засѣка около 50 сажень ширины. Въ концѣ лѣса на полянѣ, не достигавшей двухъ верстъ, встрѣчаемся опять съ тараснымъ валомъ, тремя городками и выводами со стороны поля, защищенными ровомъ на протяженіи всей поляны. При сооруженіи вала на этой полянѣ, онъ на пространствѣ 500 сажень сдѣланъ былъ на полсажени меньше обыкновеннаго ³⁾, «для того, что дѣланы (тарасы) по старому татарскому валу». Послѣ засѣки, устроенной по небольшому лѣсу, открывалась болѣе значительная поляна, простиравшаяся до р. Шешмы; здѣсь снова построенъ былъ тарасный валъ съ восемью городками и девятью выводами по валу, и снова на разстояніи трехъ верстъ и 200 сажень при

1) Рѣка Малый Черемшанъ—значительный притокъ Большаго Черемшана, впадающій въ нее съ правой стороны.

2) Поляны между лѣсомъ нерѣдко именовются въ описяхъ «переполы на ми».

3) Выѣсто двухъ сажень вышины тарасный валъ устроенъ былъ лишь въ полторы сажени. Такъ же л. 568.

сооружені вала воспользовались находившимися тутъ остатками стараго вала. Отъ тараснаго вала на пространствѣ нѣсколькихъ саженой, не доходя рѣки Шешмы, быть можетъ, вслѣдствіе болотистости ея берега, «поставлены тройные надолбы», а на противоположной сторонѣ рѣки стоялъ уже новыи острогъ, который, какъ и предыдущіе, получилъ свое наименованіе отъ рѣки; но такъ какъ на этой же рѣкѣ ниже настоящаго находился уже острогъ, называвшійся Шешминскимъ, то острогъ, построенный на Закамской чертѣ, сталъ именоваться Новошешминскимъ, а прежній Старошешминскимъ. Укрѣпленная черта между острогами Тинскимъ и Новошешминскимъ проходила на разстояніи 83 верстъ, 386 саженой и состояла, какъ мы видѣли, преимущественно изъ засѣкъ, устроенныхъ въ лѣсахъ ¹⁾).

На правой, нагорной сторонѣ Шешмы, въ разстояніи 174 саженой отъ рѣки, «на горѣ поставленъ острогъ», подходящий по своей величинѣ къ предшествовавшимъ, съ такими же шестью башнями, изъ которыхъ двѣ (на югъ и на сѣверъ) были проѣзжія, остальные глухія и угольныя²⁾; всѣ башни въ этомъ острогѣ были съ вышками; здѣсь также были устроены «для бою лавы» и находился вѣстовой колоколъ, только меньшихъ размѣровъ³⁾. Вооруженіе Новошешминскаго острога состояло изъ пищали желѣзной въ станкѣ, на колесахъ, другой пищали—полевой и десяти затинныхъ. Внутри этого острога находились, вѣроятно⁴⁾, тѣже общественныя зданія, что и въ предыдущихъ. Что касается населенія Новошешминскаго острога, то въ немъ водворены были стрѣльцы въ количествѣ ста че-

¹⁾ Тамъ же лл. 567—570; 624—625.

²⁾ Величина острога, по описанію за подписью дѣла Мины Грязева, слѣдующая: «вдоль города отъ воротъ до воротъ 58 сажень съ половиною, поперекъ города 60 сажень». Тамъ же л. 571.

³⁾ О колоколѣ сказано слѣдующее: «въсу въ немъ 9 пудъ съ четвертью и зыгъ 13 гривенокъ».

⁴⁾ Говоримъ вѣроятно, ибо извѣстій въ описи за подписью Мины Грязева нѣтъ.

ловѣкъ съ ихъ семьями, состоявшими изъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и захребетниковъ; переведены были они сюда изъ Старошешминскаго острога. Разнообразныя прозвища многихъ переведенцевъ указываютъ намъ также на близкія и отдаленныя мѣста, изъ которыхъ они приходили въ Старошешминскъ, гдѣ вербовались въ стрѣлцкую службу. Такъ, мы находимъ стрѣльцовъ съ прозвищами: «Казанецъ» (7 дворовъ), «Устюженинъ» (5 дворовъ), «Вятченинъ» (3 двора), «Алаторецъ» (2 двора), «Бурмышенинъ» (2 дв.), «Пермякъ», «Темниковецъ», «Арзамасецъ», «Стародубецъ», «Владимирецъ», «Кайгородецъ», «Торонченинъ» и «Новгородецъ». Такія прозвища между стрѣльцами, какъ «Мещера» и «Черемискинъ», могутъ свидѣтельствовать о томъ, что инородцы наравнѣ съ русскими имѣли на окраинѣ свободный доступъ въ среду служилого сословія¹⁾. Къ Старошешминскимъ стрѣльцамъ для поселенія присоединены были пятьдесятъ человекъ пашенныхъ крестьянъ изъ села Чалновъ да 127 человекъ смоленскихъ казаковъ; послѣдніе всѣ принадлежали къ отряду «краснаго знамени». Относительно испомѣщенія ихъ въ Новошешминскъ сказано слѣдующее: «А земли имъ подъ дворы, подъ огороды, подъ гумна, на пашню и сѣнныхъ покосовъ отведено, противъ государева указу, по сколько отведено служилымъ людямъ въ иныхъ городкахъ»; но намъ извѣстно, что многіе Смоленскіе иноземцы краснаго знамени, водворенные въ Новошешминскъ, вовсе были «землями не построены, а вмѣсто того имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ «давали великаго государя жалованья по три рубля человѣку» вмѣстѣ «съ хлѣбнымъ жалованьемъ»; впрочемъ немногимъ изъ нихъ въ 1660 году «по указу государя велѣно отвести земли по четыре чети въ каждомъ полѣ, да на сѣнные покосы по двѣ десятины»²⁾.

¹⁾ Тамъ же лл. 529—537.

²⁾ Акты Ист. и Юрид. Ст. Мельникова грам. 34.

Арх. Мин. Юст. III-е отд. Казань, раздаточныя и отказныя книги разныхъ годовъ XVII ст., кн. 13, № дѣла 1.

Отъ рва Новошешминскаго острога начиналась укрѣпленная черта также сперва острогомъ на небольшомъ разстояніи, затѣмъ продолжалась на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ сажень тараснымъ валомъ съ городкомъ, выводомъ и рвомъ со стороны поля. По прежнему черта держалась сѣверовосточнаго направленія, приближалась постепенно къ р. Камѣ. Тарасный валъ упирался въ «перелѣсокъ,» которымъ устроена была обыкновенная засѣка, оканчивавшаяся у «переполаны,» по которой проходилъ тарасный валъ, упиравшійся въ лѣсъ, тянувшійся на восемь слишкомъ верстъ; лѣсомъ засѣка шла до поля, а полемъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ сажень построенъ былъ тарасный валъ съ городкомъ, выводомъ и рвомъ со стороны стѣны. Послѣдній валъ принималъ къ новому острогу, который стоялъ не далеко отъ притока рѣки Шешмы, рѣчки Кичи, текущей съ юговостока на сѣверозападъ¹⁾; отъ рѣчки и острога именовался Кичуевскимъ. Всей черты между Новошешминскимъ и Кичуевскимъ острогами было построено на одиннадцать верстъ 495 съ половиною сажень.

Изъ городовъ и остроговъ, построенныхъ на Закамской чертѣ, Кичуевскій острогъ, повидимому, былъ самый малый; при этомъ въ устройствѣ этого острога замѣтны нѣкоторыя особенности, съ которыми мы не встрѣчались въ предшествовавшихъ острогахъ. Всѣ остроги на Закамской чертѣ, которые доселѣ нами рассмотрѣны, имѣли форму четырехугольника, противоположныя стороны котораго были равны. Это можно вывести изъ измѣренія вдоль и поперекъ, которое обыкновенно дѣлается для опредѣленія величины острога, а также изъ того, что при описаніи всѣхъ остроговъ упоминаются четыре глухія наугольныя башни и, кромѣ того, проѣзжія. Между тѣмъ въ Кичуевскомъ острогѣ находилось всего четыре башни, изъ которыхъ двѣ были глухія, а двѣ съ проѣзжими воротами; послѣднія башни имѣли вышки и по обыкновенію обращены были

¹⁾ Въ описіи теченіе рѣчки опредѣлено такимъ образомъ: «рѣчка Кича течетъ въ стѣну въ русскую сторону» Писц. кн. за № 1127 лл. 577—573.

одна къ сѣверу, другая къ югу. Величина проѣзжихъ и глухихъ башенъ въ Кичуевскомъ острогѣ была нѣсколько меньше предыдущихъ,—но отдѣльныя части въ нихъ были тѣже. Кромѣ проѣзжихъ и глухихъ башенъ, въ Кичуевскомъ острогѣ находились еще два *вывода*, которые описаны въ немъ вмѣстѣ съ острожными башнями. Далѣе, величина Кичуевского острога измѣряется не вдоль и поперекъ, какъ это дѣлалось доселѣ, а слѣдующимъ образомъ: «всего острога съ выводами межъ башенъ сто девяносто три сажня съ полчетвертью»; такимъ образомъ форма Кичуевского острога не можетъ быть определена, не смотря на довольно обстоятельное описаніе его въ актѣ. Настоящій острогъ, какъ и предыдущіе, снабженъ былъ лавами для бою и вооруженіемъ; но послѣдняго въ немъ было гораздо менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ предшествовавшихъ остроговъ: въ немъ находилась лишь одна полковая пицаль, для которой было припасено ядеръ и пороху¹⁾. Въ острожное укрѣпленіе въ Кичуевскомъ острогѣ, какъ и во всѣхъ прежнихъ, состояло изъ рва, который въ двухъ сажняхъ отъ острога выкопанъ былъ кругомъ него. Относительно населенія въ описанномъ острогѣ сказано слѣдующее: «Служившихъ людей въ Кичуевскомъ на вѣчное житіе никого не построено, а *стоятъ въ немъ по переѣмамъ по пятьдесятъ человекъ Казанскихъ стрельцовъ*»²⁾).

Укрѣпленная черта за Кичуевскимъ острогомъ непосредственно начиналась «отъ острожной выводной стѣны, отъ рву» тараснымъ валомъ съ обламами, который тянулся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ сажень до рѣчки Кичуя и за нею. Далѣе чернымъ лѣсомъ, на пространствѣ девятинадцати верстъ, устроена была засѣка, до болотистаго мѣста на полянѣ; болотомъ на разстояніи нѣсколькихъ сажень установлены были надолбы, затѣмъ поляною устроенъ былъ тарасный

¹⁾ «Ружья въ Кичуевскомъ: пицаль полковая и къ ней 50 ядеръ, полтора пуда свѣжа ручнаго, свинцу тожъ; пушечнаго свѣжа 3 пуда».

²⁾ Тамъ же сл. 573—575.

валъ, отъ котораго снова «по болоту поставлено тройныхъ надолобъ,» — на этотъ разъ на довольно значительномъ разстояніи (240 сажень). Въ виду же того, что далѣе, до р. Заи, болото на довольно большомъ пространствѣ поросло березовымъ и еловымъ лѣсомъ, тутъ устроена была неширокая засѣка¹⁾; сдѣлана же она такою потому, что болото и лѣсъ сами по себѣ могли служить препятствіемъ конному непріятелю (кочевникамъ), если бы онъ рѣшился пробираться здѣшнюю сторону; но такъ какъ болотное пространство не было сплошнымъ, а прерывалось сухими промежутками, то въ подобныхъ мѣстахъ устроены были тройные надолбы. Черезъ рѣку Заю, притокъ рѣки Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила черта, перекинутъ былъ мостъ, а на другой сторонѣ рѣки, въ неблизкомъ отъ нея разстояніи, находилось новое укрѣпленіе, которое, какъ и предъидущія, получило названіе отъ рѣки. Пространство всей черты отъ Кичуевского острожка до города Зайнска равнялось 23 верс. 965 саженьямъ.

Зайнскъ, подобно Вѣлому Яру, именуется *городомъ*; укрѣпленіе это стояло на высокомъ мѣстѣ и находилось въ разстояніи 279 сажень отъ моста, что на рѣкѣ Заѣ. Городъ Зайнскъ не былъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ укрѣпленіямъ на чертѣ, вновь построенъ, а «переведенъ съ Камы рѣки изъ села Чалновъ»²⁾. И на самомъ дѣлѣ городъ Зайнскъ близко подходитъ по своей величинѣ къ городу Чалнамъ: на новомъ мѣстѣ онъ лишь нѣсколько увеличенъ противъ прежняго³⁾. О городѣ Зайнскѣ въ описи сказано тоже, что было раньше говорено о Чалнахъ, т. е. что онъ «рубленъ тарасами» и въ немъ шесть башенъ, изъ которыхъ двѣ съ проѣзжими воротами, а четыре наугольныя глухія; что «башни и городъ рублены въ сосновомъ лѣсу и крыты — башни тесомъ, а городъ драницами.» Вооруже-

¹⁾ Ширина засѣки въ этомъ мѣстѣ была отъ 7 до 10 сажень.

²⁾ Ар. Мин. Юст. Переп. кн. за № 6479, кн. 41, л. 168.

³⁾ Городъ Чалны, какъ известно, равнялся въ одномъ направленіи 100 сажень, а въ другомъ 60 саж.; городъ Зайнскъ имѣлъ 58 сажень длины и 104 сажени поперекъ.

ніе въ Заинскѣ находимъ то, которое прежде было въ Чалнахъ: тѣже шесть затинныхъ пищалей вмѣстѣ съ дорогильнымъ¹⁾ знаменемъ; вѣроятно, что и общественныя зданія здѣсь находились тѣ же, которыя ранѣе были въ Чалнахъ. Въ Заинскѣ не упоминается о рвѣ внѣ города (должно быть его не было), а говорится лишь о слободахъ около города, которыя защищены были двойными надолбами, расположенными на пространствѣ 762 сажень «вкругъ города и слободъ»²⁾. Для заселенія Заинска были назначены Чалинскіе стрѣльцы въ числѣ ста человекъ, къ которымъ присоединены были Смоленскіе иноземцы казаки въ числѣ 81; тѣ и другіе жили, кажется, въ отдѣльныхъ слободахъ³⁾. Относительно предоставленія заинскимъ служилымъ людямъ земли и угодій сказано лишь слѣдующее: «земли имъ (Заинскимъ поселенцамъ) отведено подъ дворы, подъ огороды, подъ гумно и пашни и сѣнныхъ покосовъ по государеву указу противъ иныхъ городковъ служилыхъ людей»⁴⁾.

Отъ моста, что противъ города Заинска, на пространствѣ трехъ верстъ было болото, покрытое ельникомъ, березнякомъ и осинникомъ, прерываемое иногда сухими мѣстами, вслѣдствіе этого здѣсь попрежнему устроены были по болоту засѣки⁵⁾, а по сухимъ мѣстамъ надолбы. Отъ горы, у которой поставленъ былъ Заинскъ, на разстояніи двѣнадцати слишкомъ верстъ тянулся черныи лѣсъ до «переполанья», — поэтому на этомъ пространствѣ была устроена обыкновенная засѣка. На «переполаньѣ» имѣвшей не особенно большое пространство⁶⁾, устроенъ былъ тарасный валъ, увѣнчанный обламами; но, не

¹⁾ «Дорогильное знамя—изъ шелковой клѣтчатой ткани».

²⁾ Писц. кн. за № 1127 лл. 577—578.

³⁾ По крайней мѣрѣ въ описи они помѣщены отдѣльно: Чалинскіе стрѣльцы жили въ 81 дворѣ, а Смоленскіе иноземцы помѣщались въ 51 дворѣ. Ар. М. Юст. III отд. № 6479 кн. 41 лл. 168—175.

⁴⁾ Тамъ же Писц. кн. за № 1127 л. 578.

⁵⁾ Засѣки были устроены по болоту въ 10 и 15 сажень ширины.

⁶⁾ Пространство тараснаго вала здѣсь равнялось одной верстѣ 273 саженимъ.

смотря на незначительное пространство поляны, на ней мы встречаемся съ особеннымъ укрѣпленіемъ, которое, вѣроятно, воздвигнуто было здѣсь въ виду огромнаго пространства чернаго лѣса, который послѣ этого тянулся на 54 версты слишкомъ. Укрѣпленіе это описано такъ: «да въ томъ же тарасномъ дѣлѣ проѣзжая башня съ караульною вышкою и съ вороты, да на польскую сторону два вывода»; кромѣ того, по обыкновенію со стороны поля въ разстояніи двухъ сажень отъ этого укрѣпленія былъ выкопанъ ровъ, чрезъ который перекинутъ былъ мостъ; здѣсь же, въ одномъ мѣстѣ, противъ тарасовъ вмѣсто рва «поставлено двойныхъ надолобъ 28 сажень»¹⁾. По всему лѣсу на огромномъ разстояніи устроена была отъ 30 до 50 сажень ширины засѣка, до небольшой поляны, вдоль которой по обыкновенію сдѣланъ былъ тарасный валъ съ городкомъ; далѣе начинался «перелѣсокъ» съ засѣкой и затѣмъ дуброва съ тараснымъ валомъ и выводомъ со стороны поля. Здѣсь опять на разстояніи 14 слишкомъ верстъ тянулся лѣсъ; поэтому въ немъ устроена была обыкновенная засѣка, которая на маломъ пространствѣ прерывалась тараснымъ валомъ и рвомъ, а потомъ на разстояніи семи слишкомъ верстъ снова шелъ черный лѣсъ, чрезъ который устроена была засѣка, упиравшаяся уже въ рѣку Икъ²⁾. Чрезъ послѣдній лѣсъ проходила Мензелинская дорога въ разстояніи четырехъ верстъ отъ Мензелинскаго острога, и на ней построена была проѣзжая башня съ караульною вышкою на верху. Отъ города Заинска до самаго Мензелинскаго острога укрѣпленная черта шла почти параллельно рѣкѣ Камѣ.

Надъ рѣкою Мензелою, притокомъ р. Ика, на горѣ стоялъ старый острогъ, называвшійся Мензелинскимъ отъ рѣки, на которой находился. Въ немъ упоминаются пять башенъ, изъ коихъ четыре были глухія наугольныя, а одна съ проѣзжими

¹⁾ Тамъ же л. 579.

²⁾ Рѣка Икъ притокъ рѣки Камы съ лѣвой стороны и крайній пунктъ Закамской линіи.

воротами и вышкой. Сверхъ стараго острога теперь здѣсь построенъ былъ новый, о которомъ сказано, что онъ «притянуть къ стѣнѣ къ старому Мензелинскому острогу». Новый острогъ по пространству своему былъ самымъ обширнымъ укрѣпленіемъ на Закамской чертѣ: кривая линія, охватывавшая этотъ острогъ, равнялась 1026 саженимъ. Въ немъ находились двѣ башни проѣзжія съ вышками, нѣсколько наугольных глухихъ башенъ и нѣсколько выводовъ съ башнями. Вообще система укрѣпленія настоящаго острога была, повидимому, сложѣе предыдущихъ. Новый Мензелинскій острогъ тоже стоялъ на рѣкѣ Мензелѣ и построенъ былъ выше стараго: здѣсь, на рѣкѣ, на довольно значительномъ пространствѣ (болѣе 100. сажени) устроена была оснь и отчасти по ней установленъ былъ острогъ съ башней и выводами въ разныхъ мѣстахъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ Новомензелинскомъ острогѣ мы встречаемъ тѣ же укрѣпленія и то же незначительное вооруженіе, что и въ предыдущихъ острогахъ²⁾. Поселена была въ Новомензелинскомъ острогѣ сотня вновь набранныхъ конныхъ стрѣльцовъ, къ которымъ присоединены были 129 человекъ Смоленскихъ казаковъ чернаго знамени, присланныхъ «на вѣчное житье» въ Мензелинскъ³⁾. Хотя въ описи собственно нѣтъ извѣстій о томъ, какимъ образомъ устроились подлѣ острога стрѣльцы и иноземные казаки, равно какъ ничего не сказано объ ихъ испомѣщеніи здѣсь землями и угодьями, но мы, имѣя въ виду прошлые факты устройства по чертѣ служилыхъ людей, не сомнѣваемся, что и Новомензелинскіе устроены были подлѣ острогомъ въ отдѣльныхъ слободахъ, точно также, какъ и въ

¹⁾ Вслѣдствіе неясности для насъ описанія отдѣльныхъ укрѣпленій Новомензелинскаго острога, мы не беремъ на себя смѣлости дѣлать предположеніе объ его формахъ, отдѣльныхъ частяхъ и укрѣпленіяхъ, предоставляя это людямъ болѣе компетентнымъ въ военной археологіи.

²⁾ Здѣсь упоминаются «лавы кругъ острога для верхняго бою», двѣ мѣдныя пищали въ станкахъ на колесахъ и десять затѣнныхъ пищалей, для которыхъ припасено пороху и ядеръ.

³⁾ Тамъ же лл. 581—585; Переп. нн. за № 6479, нн. 41.

по всей вѣроятности, предоставлены были здѣсь пахотныя земли и угоды въ опредѣленномъ количествѣ, «противу городковъ служилыхъ людей» по чертѣ.

Въ то время, какъ работы на Закамской чертѣ подвигались къ окончанію, въ 1655 году велѣно было «по новому дозору и чертежу Казанца Ивана Лазарева» сдѣлать къ старой засѣкѣ, въ концѣ ея, около рр. Мензела и Ика нѣкоторые дополненія въ системѣ укрѣпленій: во первыхъ, прибавлено было на версту съ лишнимъ засѣки лѣсомъ; затѣмъ на пространствѣ болѣе четырехъ верстъ простиралось поле, а по срединѣ его текла рѣчка Мензела; съ одной и другой стороны рѣчки «полюмъ и дубровою поставлено надолобъ и рву выкопано и за рвомъ частнику бито». Сверхъ того, съ каждой стороны рѣки «на той же полянѣ поставлена башня.» Отсюда въ направленіи къ р. Ику чернымъ лѣсомъ на пространствѣ болѣе семи верстъ была устроена обыкновенная засѣка, отъ которой снова начиналось поле и дуброва, тянувшіяся на двѣ версты вплоть до самаго Ика; здѣсь «поставлены двои четвертины надолбы и два выкопа подлѣ надолобъ». Всего укрѣпленія на прибавочной чертѣ по плану Лазарева сдѣлано было на разстояніи 15 верстъ и 525 сажень ¹⁾).

Лѣтомъ 1652 года начались работы по проведенію Закамской черты, а въ декабрѣ 1657 года бояринъ и Казанскій воевода Салтыковъ извѣщаетъ царя, «что по Казанской чертѣ (такъ названа здѣсь Закамская черта) валовое и надолобное и засѣчное дѣло до Ику рѣки по 22 число сентября 1656 года подымовными людьми сдѣлано все» ²⁾). Работали на чертѣ подымовные люди Казанскаго уѣзда, набираемые по челоуѣку съ нѣсколькихъ дворовъ, притомъ главнымъ образомъ инородцы, — слѣдовательно люди, занятые по преимуществу земледѣліемъ и промыслами, требовавшими отъ нихъ дѣятельности, которою каждый поддерживалъ себя съ семьей. Для подобныхъ

¹⁾ Писц. кн. за № 1127 лл. 585—586.

²⁾ Тамъ же л. 587.

людей самое удобное время работать на чертѣ была осень, потому что хозяева за лѣто могли покончить свои работы. До насъ дошло извѣстіе, что Закамскую черту дѣйствительно «дѣлали въ осень не по одинъ годъ»¹⁾. Но хотя работы и производились преимущественно осенью, все же онѣ должны были ложиться тяжкимъ бременемъ на населеніи Казанскаго уѣзда, такъ какъ, кромѣ постоянныхъ работъ по проведеніи укрѣпленной черты въ новыхъ мѣстахъ, рабочимъ нужно было постоянно починять укрѣпленія, раньше построенныя и мѣстами попорченныя вѣшнимъ половодьемъ. Не мудрено поэтому, что рабочіе люди вслѣдствіе подобнаго труда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ разстроились имущественно въ такой степени, что когда покончили наконецъ работы по проведенію вновь Закамской черты, то въ сентябрѣ 1656 года рѣшительно отказались дальше оставаться «для подѣлки (починки) по Казанской чертѣ худыхъ и порченныхъ мѣстъ», которыя въ 1655 году «попортило вѣшною водою». Вслѣдствіе этого правительство въ интересахъ дѣла должно было распорядиться, чтобъ въ томъ же году «порченныя крѣпости по Казанской чертѣ и чего будетъ не додѣляли додѣлать *иныхъ городовъ* Казанскими подымовными людьми»; прежніе же работники инородцы не только оставлены были теперь въ покоѣ, но впослѣдствіи (1658 г.) по ихъ челобитью государь «не велѣлъ посылать впредь на Закамскую черту и къ поташному дѣлу», дабы они могли свободно заниматься рыбною ловлею и другими своими промыслами²⁾.

Послѣ окончанія укрѣпленной Закамской черты Казанскому воеводѣ³⁾ въ 1658 году приказано было изъ Москвы послать за рѣку Каму служилаго человѣка, которому «велѣно досмотрѣть по Казанской чертѣ: засѣчное и валовое дѣло и всякія крѣпости отъ Бѣлаго Яру сдѣланы ль и совѣсти

¹⁾ Тамъ же л. 625.

²⁾ Тамъ же лл. 587—588.

³⁾ Воеводою въ то время былъ околыничій Федоръ Васильевичъ Бутурлинъ.

ли сдѣлано?» Поэтому для осмотра Закамской черты изъ Казани отправленъ былъ Никита Гладковъ, котораго, кажется, снабдили инструкціею, поручивъ осмотрѣть укрѣпленную черту на пространствѣ отъ города Бѣлаго Яра до Новошешминскаго острога. Результатомъ такого осмотра явилось подробное описаніе укрѣпленій Закамской черты на всемъ этомъ пространствѣ, равно какъ описъ зданій въ городѣ и острогахъ, населенія въ слободахъ и неудовлетворительнаго состоянія, въ которомъ находилась часть укрѣпленій черты въ моментъ осмотра. Свое обстоятельное донесеніе о состояніи Закамской черты на вышеупомянутомъ разстояніи Гладковъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «А гдѣ по валу объявились худыя и полныя и горѣлыя мѣста и рѣдкая засѣка (описанныя имъ въ донесеніи своемъ), и буде приходъ воинскимъ людямъ будетъ, и воинскимъ людямъ тѣми мѣстами пройти будетъ мочно; а въ валовомъ тарасномъ дѣлѣ полныя и худыя и горѣлыя и въ засѣкѣ рѣдкія мѣста починить мочно валовымъ же тараснымъ дѣломъ, а на теплыхъ мѣстахъ надолбами ¹⁾».

Задолго до окончанія Закамской черты между Тѣинскомъ и Новошешминскомъ совершилось въ 1654 году происшествіе, которое показало правительственнымъ лицамъ, руководившимъ сооруженіями на этой линіи, недостаточность укрѣпленій черты на этомъ пространствѣ. Отъ Тѣинскаго острога до Новошешминскаго было, какъ извѣстно, болѣе 83 верстъ. Главное укрѣпленіе на этомъ пространствѣ, какъ мы видѣли, составляла засѣка, которая проходила чрезъ лѣсъ на разстояніи пятидесяти четырехъ верстъ. Чрезъ этотъ черный лѣсъ въ разстояніи сорока слишкомъ верстъ отъ Малаго Черемшана, какъ мы уже знаемъ, пролежала «старая вотчинная дорога». Между этими двумя острогами попадались, между тѣмъ, о чемъ мы также упоминали, остатки отъ земляныхъ сооруженій прежнихъ народовъ, которыми они, по всей вѣроятности, старались защитить свое достояніе отъ кочевыхъ обитателей

¹⁾ Тамъ же л. 625.

Низоваго Поволжья, ибо Поволжскія степи искони населены были кочевниками, чередовавшимися другъ съ другомъ лишь въ названіяхъ, а не въ занятіяхъ и въ хищническихъ истинностяхъ. Остатки эти должны были бы предостеречь служилыхъ людей, составлявшихъ планъ черты послѣ осмотра здѣшней мѣстности. Но, повидимому, они не обратили должнаго вниманія на нихъ и на существованіе слѣдовъ нѣкогда значительнаго города Биларска, находившихся недалеко отъ вотчинной дороги. И вотъ событія не преминули указать правительству на упущеніе въ проектѣ служилыхъ людей, составлявшихъ планъ проведенія Закамской черты въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ 1654 году «изъ степи по той вотчинной дорогѣ приходили воинскіе Ногайскіе люди и засѣку просѣкли и прошли Закамскія мѣста и погромили Саввы Аристова село Жукутино¹⁾ и назадъ прошли тоюжъ дорогою; и послѣ того въ томъ же мѣстѣ послѣ поставлены во шести мѣстахъ тройныя надолбы поперекъ дороги, по два звена, въ длину шесть сажень, и завалены лѣсомъ; да вновь прибавлено валежныя засѣки съ польскую сторону по дорогѣ на двадцать сажень²⁾». Но ограничиться этою мѣрою въ такомъ исполненномъ опасностей мѣстѣ, каковымъ, повидимому, было настоящее, правительство не могло; для него теперь должно было сдѣлаться ясно, что здѣшняя мѣстность особенно удобна кочевому непріятелю для его вторженія, потому что по «старой вотчинной дорогѣ» они могли удобно здѣсь пройти, а по близости не было значительнаго укрѣпленія, гдѣ бы постоянно жили воинскіе люди, присутствіе которыхъ могло бы задержать непріятеля или устрашать его. Вслѣдствіе этого правительство, кажется, въ этомъ же году распорядилось выстроить между Тининскомъ и

¹⁾ Въ половинѣ XVII вѣка въ описи Семена Волынскаго (Писц. кн. за № 155 л. 121) «за Саввою Тимошеевымъ, сыномъ Аристова, *въ вотчиннѣ село Новое Никольское, Жукутино тожъ, на ключѣ, въ паровомъ полѣ всего 150 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ*. (Село находится теперь подлѣ г. Чистополя, на лѣвой сторонѣ р. Камы).

²⁾ Писц. кн. за № 1127 л. 568.

Новошешминскомъ, подлѣ Малаго Черемшана и вотчинной дороги, новый острогъ, который отъ рѣчки, на которой стоялъ, и отъ стараго городища получилъ названіе Билярскаго¹⁾. Городъ построенъ былъ на правой сторонѣ рѣчки Билярки, недалеко отъ ея впаденія въ рѣку Малый Черемшанъ. Для заселенія этого города изъ Ахтанинскаго острога переведены были сто стрѣльцовъ съ ихъ семействами, которые поселились въ слободѣ около города въ пятидесяти дворахъ. Судя по такимъ ихъ прозвищамъ, какъ «Нижегородецъ», «Царицынецъ», «Валахонецъ», «Ветчанинъ», «Темниковецъ», «Самаринъ», «Алаторецъ», «Муромецъ», «Тетюшенинъ» и «Забродя», надобно предположить, что стрѣльцы въ Ахтанинскѣ набирались изъ свободныхъ и охочихъ людей, которые стекались сюда отовсюду. Дѣлились стрѣльцы на десятки подъ начальствомъ десятниковъ, которыхъ было 8, и сверхъ того

¹⁾ Прямыхъ извѣстій о времени построенія Билярска мы не имѣемъ, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можемъ предположить его построеніе въ упомянутомъ году. Въ первоначальномъ описаніи Закамской черты за подписью діака Мины Грязева вовсе не упоминается о Билярскомъ острогѣ, — между тѣмъ говорится о вторженіи Ногайцевъ въ 1654 году и объ исправленіи чертъ въ этомъ мѣстѣ. Билярскъ не упомянуть, вѣроятно, потому, что онъ не входилъ въ первоначальный планъ или чертѣжъ Закамской черты. Между тѣмъ есть извѣстіе (Собр. акт. Ист. Юрид. Ст. Мельникъ, грам. 66), что въ 1654 году Казанцу Артемию Целецелицыну «велѣно въ Булярскомъ устроить стрѣльцовъ 100 человекъ или больше»; въ другомъ мѣстѣ этой грамоты даже говорится, что стрѣльцы «въ 1652 году, по указу великаго Государя, переведены изъ Ахтанинскаго острогу въ Булярскъ», но послѣднее врядъ ли можетъ быть принято; скорѣе можно предположить, что стрѣльцы въ 1698 году (время грамоты) смѣшали повелѣніе того времени описать и перевести стрѣльцовъ изъ Ахтанинска, но только не въ Билярскъ, а въ Ерыклинскъ (объ этомъ смотри Писц. кн. за № 1127 л. 521). На дѣлѣ мысль объ этомъ послѣднемъ переводѣ была оставлена; въ Ерыклинскъ переведены были, какъ уже было выше указано, 150 Чалнинскихъ крестьянъ. Изъ Ахтанинска же въ 1653 году 50 стрѣльцовъ переведено было въ Тивскъ, а сто вполнѣтнѣ въ Билярскъ. Является нѣсколько страннымъ лишь то, что о Билярскѣ вовсе не упоминается Гладковъ, которому поручено было осмотрѣть Закамскую черту отъ Малаго Яра до Новошешминска; но это можетъ быть, обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Гладкову было поручено осмотрѣть черту, сооруженную по первоначальному плану безъ позднѣйшихъ дополненій, къ

въ сотнѣ находились два пятидесятника¹⁾. Изъ среды этихъ стрѣльцовъ нѣкоторые опредѣлены были въ пушкари, въ затинчики и въ воротники. Земля отведена была стрѣльцамъ «подъ дворы, подъ огороды и подъ гумна по сорока сажень длиннику, по десяти сажень поперечнику а вмѣсто денежнаго жалованья даны имъ пашенныя земли около городка, по обѣ стороны рѣчки Малаго Черемшану съ лѣсомъ и сѣнными покосы пятидесятнику по сорока чети, десятникамъ по тридцати чети, рядовымъ по двадцати чети человѣку, а сѣнныхъ покосовъ по десяти десятинъ»²⁾. Наконецъ, въ заключеніе не будетъ лишнимъ упомянуть о слѣдующемъ: между тѣмъ какъ въ подробномъ донесеніи Гладкова говорится, что «къ городу Бѣлому Яру, къ Ерыклинску и къ Тиньску новокрещенскихъ и Чувашскихъ деревень и Черемшанскихъ волостей уѣздныхъ людей не приписано», — въ межахъ пашенныхъ земель у Билярскихъ стрѣльцовъ упоминается о Мордовской деревнѣ, которая, вѣжется, находилась тутъ при отводѣ пахотныхъ земель и угодій Ахтанинскимъ стрѣльцамъ во время ихъ водворенія въ Билярскъ³⁾.

Въ началѣ настоящаго изслѣдованія сказано было, что тягости, лежавшія на крестьянахъ во второй половинѣ XVI

которымъ могъ относиться Билярскъ, явившійся лишь вслѣдствіе вторженія Ногайцевъ въ 1654 году. Дорога чрезъ Билярскъ, намѣченная на картѣ 1800 года, проходитъ приблизительно около 42 верстъ отъ впаденія Малаго Черемшана въ Большой Черемшанъ (гдѣ означена «старая вотчинная дорога»). Кромѣ грамоты въ Собр. Мельникова, Билярскъ съ населеніемъ описанъ въ Переписк. кн. за № 6479, кн. 41. л. 154. (Арх. Мин. Юст. Вотч. отд.). Описъ эта составлена въ 1656 году, ибо на 164 л. при описи города Бѣлаго Яра встрѣчается такое указаніе: «дворъ пустъ Ивашка Лаптева, а Ивашко сѣжалъ *въ нынѣшнемъ* въ 164 году». Начинается описъ Билярска въ этой рукоп. слѣдующимъ образомъ: «Городъ Билярской, на рѣкѣ на Билярѣ, поставленъ на старомъ городищѣ» и т. д. Въ этой описи нѣтъ извѣстій о величинѣ городка, его формѣ, укрѣпленіяхъ или зданіяхъ внутри его.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Писц. кн. за № 1127 лл. 521—528 Переписк. кн. за № 6479 лл. 154, 155.

²⁾ Акт. собр. Ст. Мельниковыхъ гр. 66.

³⁾ Арх. М. Юс. III отд. Писц. кн. за № 1127 л. 626 и Акты Соб. Мельник. гр. 66.

вѣка, были довольно разнообразны. Теперь, по истеченіи первой половины XVII столѣтія, попытаемся соединить и представить тѣ отрывочныя данныя, которыя попадались намъ въ извѣстіяхъ того времени, въ надеждѣ, что въ своей совокупности они хоть нѣсколько выяснятъ намъ положеніе крестьянина-колонизатора въ низовомъ Поволжьѣ. Естественно, что послѣ завоеванія края, когда онъ еще не былъ окончательно замиренъ, какъ правительству, такъ и стороннимъ лицамъ, которыя здѣсь получили земли, нужно было стараться большими льготами привлекать сюда русское населеніе. Вслѣдствіе значительныхъ опасностей, которыя грозили вначалѣ поселенцу въ здѣшнихъ мѣстахъ, вслѣдствіе разнообразныхъ и чувствительныхъ лишеній, которымъ онъ подвергался на новомъ мѣстѣ, подобныя льготы были для него справедливыми, хотя, быть можетъ, и слабымъ воздаяніемъ за эти опасности и лишенія, не говоря уже о большомъ трудѣ на первыхъ порахъ. И безъ легкости передвиженія, коренящейся въ характерѣ русскаго человѣка, мы врядъ ли встрѣтились бы съ такимъ сравнительно скорымъ заселеніемъ здѣшняго края русскими колонистами.

Въ Казанскомъ и Свияжскомъ уѣздахъ въ вотчинахъ правительственныхъ и митрополичьихъ и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія крестьяне пахали съ каждой выти¹⁾, по десятинахъ ржи и по десятинахъ яри²⁾; въ тѣхъ же уѣздахъ на монастырскихъ вотчинахъ крестьяне въ то же время пахали по десятинахъ съ выти³⁾. Срокъ льготы для крестьянъ въ данное время большею частью былъ десятилѣтній. Крестьяне иногда замѣтно тѣснились на первыхъ порахъ своего поселенія въ здѣшней странѣ; это можно видѣть изъ того, что встрѣчаются поселенія, въ которыхъ въ одномъ дворѣ

¹⁾ Выть, какъ было сказано, равнялась въ это время 15 десятинамъ, раздѣленнымъ на три поля.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III-ее отд. Писц. кн. Каз. у. за № 643 лл. 239, 240, 402; Писц. кн. Свияж. у. за № 848, л. 129.

³⁾ Тамъ же № 848 лл. 243 и 245; № 643, л. 417.

живетъ по нѣскольку крестьянъ, которые не всегда и родственники между собою¹⁾. Съ теченіемъ времени обстоятельства измѣняются: край постепенно замираетъ, а населеніе, благодаря сильному приливу новыхъ поселенцевъ, умножается. Такъ какъ опасностей стало меньше, а выгоды отъ умноженія населенія увеличились, то нѣтъ уже прежней большой нужды въ насельникахъ, и тягости, налагаемыя землевладѣльцами на поселенца, становятся больше, — такимъ образомъ онѣ приближаются постепенно къ тѣмъ, которыя лежали на крестьянахъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія оброкъ на монастырскихъ земляхъ большею частью равнялся 25 алтынамъ съ выти и лишь изрѣдка одному рублю, — въ девяностыхъ же годахъ того же столѣтія (1594 г.) оброкъ съ той-же выти равняется либо одному рублю, либо 40 алтынамъ, и сверхъ того крестьяне при этомъ «издѣлье дѣлають въ городѣ монастырское и мельничное»²⁾. Въ дворцовыхъ вотчинахъ тягости, лежавшія, на земледѣльцѣ, тоже нѣсколько увеличились къ концу столѣтія. Хотя выть на дворцовыхъ земляхъ къ этому времени, кажется, мѣстами увеличилась противъ прежняго, но все же не на столько, на сколько прибавились тягости. Виѣсто прежней десятины ржи и яри въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія крестьяне съ выти³⁾, «пашутъ по 2 чети ржи, а овса вдвое»; кромѣ того, они еще «платятъ государева оброку съ выти по 500 вѣшниковъ да по 50 лубовъ; да для государевыхъ понизовыхъ отпусковъ крупу

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Казанскаго Преображ. мон., въ дерев. Борисовѣ, состоявшей изъ 3-хъ дворовъ, только въ одномъ живетъ одинъ крестьянинъ, а въ остальныхъ по нѣскольку; тоже и въ починкѣ Полянка. Это впрочемъ замѣтно не только въ отдѣльныхъ поселеніяхъ монастыря, но и въ общемъ итогѣ, въ которомъ значится, что въ 44 хъ дворахъ живетъ 55 взрослыхъ людей. Писц. кн. за № 643, лл. 414—416.

²⁾ Писц. кн. за № 848 л. 243; 1-ое отд. Арх. Мин. Юст. тетр. за № 6431. лл. 7, 20, 23, 26 (Рубль равнялся 33 алтынамъ 2 деньгамъ).

³⁾ Кажется, уже въ концѣ XVI столѣтія, какъ и въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, въ дворцовыхъ вотчинахъ выть равнялась 18 четямъ въ каждомъ изъ трехъ полей, или же 27 десятинамъ.

и толокно дѣлають же... и у государевыхъ мельницъ всякое мельничное издѣлье... и прикащиковъ дворъ»¹⁾. Ко всему этому мѣстами встрѣчается прибавка: крестьяне, сверхъ пахоты, по вытѣмъ, обыкновенной въ дворцовыхъ селахъ въ данное время еще «пашутъ *вызономъ* на государевыхъ же десятинахъ»; последнее, кажется, означаетъ обязанность цѣлой общины, за пользованіе какою-либо статьею предоставленною ей (мельницей), обрабатывать известное число десятинъ сверхъ определеннаго²⁾. Но въ Тетюшскомъ уѣздѣ около двадцатыхъ годовъ XVII вѣка (1619 г.) количество крестьянской пахотной работы на такую выть въ дворцовыхъ вотчинахъ найдено было слишкомъ значительнымъ, и выть была увеличена здѣсь вдвое; оброкъ же съ подобной выти вѣлся въ уѣздѣ въ данное время въ количествѣ четырехъ рублей³⁾. Въ Казанскомъ же уѣздѣ въ описываемое время крестьяне въ дворцовыхъ селахъ пашутъ съ неувеличенныхъ вытей по прежнему. Не обуславливалось ли увеличеніе вытей въ Тетюшскомъ уѣздѣ разореніями, которыя могли терпѣть дворцовые крестьяне въ этомъ пограничномъ и плохо защищенномъ уѣздѣ? На сѣверѣ Казанскаго уѣзда, въ области средняго теченія Вятки, при скудной почвѣ, крестьяне дворцовой слободы въ началѣ XVII вѣка вносили ежегодно съ выти величиною въ двѣ чети, или же съ трехъ десятинъ «посопнаго хлѣба по пяти чети ржи и по пяти овса»⁴⁾. И незначительныя повидимому статьи дохода въ здѣшней странѣ въ началѣ XVII столѣтія уже обращаютъ на себя правительственное вниманіе и сдаются на оброкъ мѣстнымъ крестьянамъ; такъ, въ 1600 году въ дворцовой деревнѣ около Казани отиѣчено: «перевѣсье утячь за Кондратьемъ Кирило-

¹⁾ Относительно впрочемъ вѣнниковъ и лубовъ постоянно повторяется оговорка, что крестьяне «за половину вѣнниковъ и за половину лубовъ сдаютъ нѣмъ государевы казны деньги».

²⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153, лл. 1395, 1408, 1419—1420, 1446, 1518.

³⁾ Тамъ же лл. 1473, 1477, 1482.

⁴⁾ Тамъ же л. 1561.

вымъ... а впредь ему съ того перевѣся государева оброку платить по гривнѣ на годъ»¹⁾. Въ частности, сопоставляя извѣстія о тягостяхъ, лежавшихъ въ началѣ XVII вѣка на крестьянинѣ Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ, съ таковыми же въ шестидесятихъ годахъ XVI вѣка, мы замѣчаемъ за это время серіозное ихъ увеличеніе и приближеніе къ тягостямъ, лежавшимъ въ концѣ XVI столѣтія на монастырскихъ крестьянахъ въ коренной Россіи. Въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ крестьяне Преображенскаго монастыря, подобно крестьянамъ Троицкаго и Богородскаго монастырей Свіяжскаго уѣзда, по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были на монастырь пахать «по десятинѣ». Въ 1603 году крестьяне Преображенскаго монастыря обязываются уже къ слѣдующему: «а какъ льготные годы отойдутъ, и имъ (крестьянамъ) на монастырь пашня пахати на выть²⁾, по десятинѣ и оброкъ платить съ товарищи ровно; за сѣнокосъ въ монастырь давать съ выти по 2 гривны, да хмѣлю по чети, да по 2 луба»; о тѣхъ же крестьянахъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что они «съ выти издѣлье дѣлають и дрова возять»³⁾. Сверхъ того намъ извѣстно, что монастырскіе крестьяне въ описываемое время «на монастырь гребуть сѣно въ монастырскихъ лугахъ» въ количествѣ приблизительно одной десятины съ выти, гребуть при томъ въ такихъ вотчинахъ, гдѣ у самихъ крестьянъ «сѣна и лѣсу нѣтъ, сѣно косятъ найму на сторонѣ»⁴⁾. Обращаясь къ тягостямъ, которыя около этого времени лежали на монастырскихъ крестьянахъ въ центральной Россіи, мы находимъ, что въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ концѣ XVI вѣка, по грамотѣ патріарха Іова, они обязаны были «пахати на монастырь подъ розъ по полоторѣ десятины и навозъ возить на монастырскую пашню... и сѣно косить...

¹⁾ Тамъ же лл. 1408—1409.

²⁾ Величина выти въ монастырскихъ вотчинахъ въ это время была прѣнная, т. е., 10 четв. въ каждомъ полѣ.

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. Тетр. за № 6553 лл. 10, 13 и 22.

⁴⁾ Тамъ же лл. 6, 7 и 22.

да имъ же молоть на монастырь ржи монастырской по двѣ четверти на выть, да имъ же возиты на монастырь съ выти по три воза дровъ а не велить игуменъ дроеъ возити и крестьяне дають въ монастырь съ выти по алтыну за возъ»¹⁾. Принявъ во вниманіе сравнительное плодородіе почвы въ началѣ XVII вѣка въ Казанскомъ уѣздѣ, для которой павозъ не былъ необходимою, мы видимъ, что положеніе здѣсь земледѣльца въ данное время во многомъ приблизилось къ положенію его въ коренной Россіи²⁾. Впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія, и въ дворцовыхъ вотчинахъ крестьянскія тягости становятся больше прежнихъ; наприимѣръ, въ Прикамскомъ селѣ Чалнахъ съ деревнями послѣ льготнаго времени крестьяне съ выти³⁾, вносили «государева оброкъ по четыре рубля денегъ, да хлѣба по 12 четвертей ржи, овса тожь»⁴⁾.

Крестьяне же, живя на землѣ разныхъ владѣльцевъ, вносили имъ за нее оброкъ или отработывали имъ своимъ трудомъ, или же отбывали виѣстъ то и другое; они составляли изъ себя общину, которая, получивъ отъ землевладѣльца землю, сама уже распредѣляла ее между своими отдѣльными членами, а въ отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ пользовалась ихъ землями и отработывала за отсутствующихъ землевладѣльцу. Такъ, въ дворцовомъ селѣ Сабуголь подлѣ Казани въ первой четверти XVII вѣка (1621 г.) крестьяне этого села и деревни тянувшей къ нему, «нашутъ на государевыхъ же десятинахъ бѣглыхъ крестьянъ жеребьи, которые крестьяне разбѣжались, нашутъ изъ оброку Сабугольскіе крестьяне Оедька Павловъ съ товарищи»⁵⁾. Иногда, быть можетъ въ видѣ особой льготы,

¹⁾ Временникъ № 2, смѣсь стр. 18.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ коренной Россіи выть часто бывала менѣе 10 четв. въ полѣ. См. объ этомъ Горчакова «О земельн. владѣн. всерос. мѣтр.» 211 с. «Большой Бояринъ» II. Забѣлина 23—24 сс.

³⁾ Выть равнялась 56 четв. въ наждомъ изъ трехъ полей.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1126, л. 675.

⁵⁾ Тамъ же Писц. кн. за 163, лл. 1505—1508

жеребьи умершихъ крестьянъ въ дворцовомъ селѣ виѣстѣ съ стѣнными покосами предоставляются во владѣніе прикащику¹⁾).

Внѣ города мы встрѣчаемся прежде всего со слободами, которыя расположены или около города, или же на рѣкѣ. Обыкновенно жители такой слободы если и занимаются земледѣліемъ, то все же оно не составляетъ ихъ исключительнаго занятія, а чаще побочное; главный же доходъ свой слобожане большею частью получаютъ отъ какого либо промысла: кожевеннаго, огороднаго, рыбнаго и тому подобнаго. Обстоятельство это отражается и на слободскомъ священникѣ, о которомъ нерѣдко говорится: «пашни церковныя подъ нимъ нѣтъ, живетъ приходомъ»²⁾). Населеніе въ слободахъ въ первой половинѣ XVII вѣка замѣтно увеличилось, особенно это слѣдуетъ отнести къ подгороднымъ слободамъ, въ которыхъ,³⁾ какъ, напримѣръ, въ Борисоглѣбской слободѣ подъ Казанью, населеніе во много разъ стало больше. Виѣстѣ съ умноженіемъ населенія въ слободахъ увеличивается и зажиточность его, въ чемъ можно отчасти убѣдиться не только изъ значительнаго оброка, вносящаго Борисоглѣбскими слобожанами Покровскому монастырю, но также и изъ оброка, взимаемаго дворцовымъ вѣдомствомъ въ началѣ XVII вѣка въ Рыбной слободѣ на Камѣ⁴⁾). Не смотря на постепенное со временемъ увеличеніе въ слободахъ пахотнаго пространства, какъ въ селахъ и въ деревняхъ, все же слободы продолжаютъ сохранять свой промышленный характеръ и въ половинѣ XVII столѣтія, какъ въ началѣ его⁴⁾). Оброкъ въ слободѣ, какъ и въ остальныхъ поселеніяхъ, распределялся, вѣроятно, между членами самою общиною, ибо отдѣльнымъ членамъ ея должны были быть хорошо извѣстны занятія и доходъ каждаго лица и его платежная способность. Каждый дворъ облагался отдѣль-

¹⁾ Тамъ же л. 1514. (село Воскресенское).

²⁾ Тамъ же л. 4447 1-го отд. Арх. Мин. Юст. Кав. у. Тегр. № 6556, л. 3.

³⁾ Тамъ же Писц. кн. за № 153, 1044—1047, 1447—1452 лл.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 лл. 5, 121—123.

нимъ оброкомъ; если въ дворѣ дѣломъ управляла женщина, то и она точно также обязывалась опредѣленнымъ оброкомъ, потому что въ глазахъ общины значеніе въ данномъ случаѣ имѣлъ промыселъ и доходъ, получаемый отъ него, а не тотъ или другой полъ лица ¹⁾). Но въ слободѣ могли жить люди, занятія которыхъ доставляли приблизительно одинаковый доходъ каждому изъ нихъ; въ такомъ случаѣ они въ слободѣ могли составлять особую группу, можетъ быть даже отдѣльную общину ²⁾). Понятно, что если община раскладывала оброкъ сообразно доходу лицъ, жившихъ въ разныхъ дворахъ слободы, то она могла и совсѣмъ освободить лицо, хозяйственное положеніе котораго въ ея глазахъ заслуживало этого; подобныя дворы, хотъ изрѣдка, но попадаются въ слободахъ. Кромѣ того, въ людной и зажиточной слободѣ нерѣдко встрѣчаемся съ дворами или кельями, особенно при церквахъ, въ которыхъ живутъ убогіе и нищіе люди, кормившіеся, вѣроятно, подаваніями членовъ людной общины ³⁾).

Отъ слобожанъ переходу къ крестьянскимъ общинамъ, жившимъ въ селахъ и деревняхъ Казанскаго и Свияжскаго уѣздовъ. Выше было сказано, что крестьяне, приходившіе въ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Рыбной слободѣ въ началѣ XVII вѣка встрѣчаются: «Дворъ вдова Марка Володимерская жена, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ. Дв. Огавья Иванова, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ». Въ Борисоглебской слободѣ въ половинѣ XVII в. также попадаются вдовы, вносящія оброкъ, такъ, между прочимъ: «Дв. Овдотьяца, Васильина жена, Остаеьева сына, прозвище Ивашки Токаря, у нея сынъ 11 лѣтъ, а мужъ ея Васыка обижалъ въ 1646 году; оброку 13 алтынъ 2 деньги». Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553, л. 40; Писцов. кн. за № 153, лл. 1450—1451.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ рыбной слободѣ, послѣ описанія отдѣльныхъ дворовъ съ разнымъ оброкомъ, говорится: «въ той же слободѣ дворы оброчные, а оброку платятъ съ дворовъ своихъ равно», затѣмъ идетъ описаніе каждаго двора отдѣльно, а въ заключеніе: «государева оброку платятъ въ государеву казну Митрофанъ Леонтьевъ съ товарищи съ 30-ти дворовъ 11 руб. съ четью, по 12 алтынъ по 3 деньги съ двора». Тамъ же писц. кн. за № 153, л. 1451.

³⁾ Тамъ же л. 1452, 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553, лл. 25, 28, 36.

этотъ край изъ Россіи, очень рѣдко могли обладать достаточными средствами для своего обзаведенія на новомъ мѣстѣ полнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего они по необходимости нуждались здѣсь въ освобожденіи на нѣсколько лѣтъ отъ всякихъ тягостей, что обыкновенно предоставлялось имъ на самомъ дѣлѣ въ видѣ такъ называемыхъ льготныхъ годовъ; эти послѣдніе въ шестнадцатомъ столѣтіи на земляхъ богатаго Троицкаго монастыря достигали пятнадцати-лѣтняго срока. На первыхъ порахъ, когда поселенцевъ въ здѣшней сторонѣ было очень мало, ими естественно чрезвычайно дорожили, и мѣстные владѣтели земель спѣшили къ переселенцамъ, приходившимъ изъ Россіи, не съ одними лишь льготными годами, а по всей вѣроятности и съ матеріальною поддержкою на первыхъ порахъ ихъ хозяйственной дѣятельности на новомъ мѣстѣ; впоследствии же, въ XVII столѣтіи, населеніе здѣсь умножилось, а поэтому и льготные годы для переселенцевъ сократились довольно сильно, и помощь отъ землевладѣльца стала, вѣроятно, выдаваться имъ скупѣе. Вслѣдствіе этого земледѣлецъ, являющійся въ этотъ край, рѣже имѣетъ возможность съ разу стать крестьяниномъ и по необходимости предпочитаетъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ небольшой бобыльскій оброкъ нелегкому крестьянскому тяглу; для него это было тѣмъ выгоднѣе, что въ XVII столѣтіи бобыли обыкновенно получали льготу на нѣсколько лѣтъ «для дворовые ставки»¹⁾. По прошествіи нѣкотораго времени поселенецъ, разжившись, либо непосредственно переходилъ съ оброка на тягло, либо ему снова давалась льгота специально

¹⁾ Такъ, въ началѣ XVII ст. (1600 г.) въ Казанск уездѣ въ дворцовой деревнѣ Ивертовѣ: «въ той же деревнѣ велѣно жить въ бобыльяхъ новоприхожему Еремиѣ, а льготы ему дано для дворовые ставки на 2 года». Въ 1619 году, въ дворцовомъ селѣ Задніе Атары: «въ той же деревнѣ велѣно жить на льготѣ въ бобыльяхъ новоприхожимъ (2 чолов.), а льготы имъ дана для дворовые ставки». Въ дворц. селѣ Рождественское, что на Укретѣ, въ 1717 г. означено 11 бобылей на льготѣ: «а льготы тѣмъ бобылямъ дано на 3 годы, а дворовъ у нихъ своихъ нѣтъ, хотять ставить». Арх. Мин. Юст. Писц. дн. за № 153, лл. 1089, 1509, 1517.

для перехода съ бобыльства въ крестьянство ¹⁾). Но кромѣ такого, такъ сказать, самостоятельнаго положенія новаго чело-
вѣка въ крестьянской общинѣ, среди которой онъ рѣшилъ по-
селиться, для него была еще возможность войти въ общину
до поры до времени въ качествѣ сосѣда или захребетника къ
крестьянину или бобылю этой общины. Относительно того, какъ
жило крестьянину въ Казанскомъ и Свияжскомъ уѣздахъ
XVII вѣка, можемъ нѣсколько догадываться по тѣмъ тягостямъ,
которые были указаны нами выше, отчасти же можемъ судить
по нижеслѣдующему. Крестьяне на дворцовыхъ земляхъ также
жили общинами, для которыхъ главнымъ средоточіемъ обыкно-
венно было село, а къ нему уже тянули другіе поселки; въ такомъ
селѣ нерѣдко была *«государева десятинная пашня»*, обра-
батываемая крестьянами, находились государевы житницы, гдѣ
хранился хлѣбъ, и въ этомъ же селѣ жилъ прикащикъ ²⁾). Ко-
личество работъ, отбываемыхъ крестьяниномъ или крестьянкою
въ дворцовыхъ земляхъ, обуславливалось величиною земельного
участка, который они для себя обрабатывали въ дворцовомъ
селѣ или деревнѣ. Это можно видѣть изъ того, что если
крестьянинъ или крестьянка (вдова) почему-либо не пользова-
лись землею, то они освобождались отъ соотвѣтственной тя-
гости. Такъ, въ первой четверти XVII столѣтія (1617 г.)
объ одномъ изъ крестьянъ дворцоваго села говорится: «живетъ
на четверти выти, а хлѣба у него въ землѣ не сѣяно, скотины
у него нѣкоторыя нѣтъ, и тягла онъ государева нѣкотораго
не тянетъ»; въ другомъ дворцовомъ селѣ крестьянская вдова,
жившая на полу выти, «сказала: что ей изъ государевы казны

¹⁾ Тамъ, въ Казанскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Анатомѣ въ на-
чалѣ XVII ст. крестьянинъ платилъ оброкъ, и о немъ говорится слѣдую-
щее: «оброкъ съ него сложенъ, а впредь ему быть на пашнѣ на полувыти»;
въ это же время въ дворцовомъ селѣ Сабуголь «велѣно быть на пашнѣ на
четъ выти тогожъ села бобылю Ивану Гаврилову, а льготы ему дано на
годъ». Тамъ же лл. 1422, 1431.

²⁾ Впрочемъ иногда государевы житницы были въ деревняхъ; такъ,
напримѣръ, въ Казан. у. въ деревнѣ Шумковѣ находились 2 государевы
житницы. Тамъ же лл. 1431, 1422.

нынѣшняго 125 году (1617 г.) десятинныхъ яровыхъ сѣмянъ сѣять не дано, дѣтей де у мѣня нѣтъ, пашни пахать некому»; въ третьемъ селѣ того же вѣдомства крестьянинъ, сидѣвшій «на осьмухѣ», т. е., на осьмой части выти, сказалъ, что онъ «ко 125 году яроваго государева десятиннаго хлѣба не пахалъ, потому что боленъ»¹⁾. Отсюда мы можемъ видѣть, что тягости, лежавшія на крестьянинѣ, обуславливаются главнымъ образомъ землею, находившеюся въ его пользованіи, и есть какъ бы процентъ, платимый имъ за капиталъ, бывшій въ его распоряженіи; если же крестьянинъ почему-либо не пользовался землею, то въ такомъ случаѣ «онъ государева тягла нѣкотораго не тяплетъ», что въ то время было ясно и понятно всякому. Естественно предположить, что если пользованіе со стороны члена общины почему-либо было не полно и это обуславливалась не виною его, а несчастіемъ (болѣзнью, пожаромъ), то въ такомъ случаѣ община могла уменьшить тягость, лежавшую на немъ; равно, если отдѣльный членъ крестьянской общины къ участку обрабатываемой имъ земли присоединялъ новую часть, кѣмъ либо прежде запущенную, либо онъ самъ ее расчистилъ, въ такомъ случаѣ на эту часть крестьянинъ получалъ особую льготу на нѣсколько лѣтъ²⁾.

Сверхъ пахотныхъ крестьянъ, въ дворцовыхъ вотчинахъ встрѣчаемся съ оброчными крестьянами. Оброкъ, платимый такими крестьянами, очень разнообразенъ, что обуславливается,

¹⁾ Въ другихъ случаяхъ подобное указаніе на непользованіе землею крестьяниномъ выражено не такъ прямо, но его слѣдуетъ предполагать. Такъ, въ дворцов. деревнѣ Каз. уѣзда Кузьминѣ крестьянинъ Илейко-Осиповъ показалъ: «живетъ на полъ-четверти выти, *погорѣли*, скотины у него нѣкоторыя нѣтъ»; того же уѣзда въ дворцовой деревнѣ Шумновѣ у одного крестьянина «скотины у него нѣкоторыя нѣтъ»; въ той же деревнѣ: «Дворъ Лукерьицы Андреевой, живетъ на четверти выти, скотины у ней нѣкоторыя нѣтъ». При отсутствіи скотины у хозяина, очевидно, и пахать нечѣмъ ему было. Тамъ же лл. 1026, 1033, 1034, 1082, 1088.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ дворцовомъ селѣ Рождественномъ, что въ Укрѣчѣ, среди крестьянъ нѣсколько дворовъ отмѣчены такъ: «Карпъ Осиповъ, на четверти выти, да за нимъ же на льготѣ на 5 годовъ осьмой *хребей* выти»; нѣсколько другихъ крестьянъ также описаны. Тамъ же л. 1087.

вѣроятно, разною степенью зажиточности крестьянъ и разною прибыльностью ихъ занятій, соответственно чему только и могла община накладывать тягости на своихъ отдѣльныхъ членовъ¹⁾. Кромѣ крестьянъ, на дворцовыхъ земляхъ встрѣчаются бобыли. По всей вѣроятности, для большинства крестьянъ бобыльство было не цѣлью, а лишь средствомъ или ступенью для того, чтобъ меньше платить, легче разжиться, обзавестись всѣмъ необходимымъ для крестьянскаго хозяйства и стать крестьяниномъ. Наконецъ, въ дворцовыхъ селахъ, особенно въ людныхъ и зажиточныхъ, встрѣчаемся съ дворами нищей братии и съ кельями, въ которыхъ живутъ старицы. Прозвище нищаго указываетъ иногда не на его лишь убогость, а также и на мѣсто, откуда онъ пришелъ²⁾. Безъ сомнѣнiя, всѣ подобные люди кормились средствами, которыя имъ добровольно удѣляли остальные, зажиточные члены сельской общины. Не лишнимъ будетъ упомянуть и о ссылке крестьянъ въ концѣ XVI столѣтiя изъ западной Руси въ Казанскiй уѣздъ, гдѣ они въ дворцовомъ селѣ занимаются пахотою вмѣстѣ съ живущими здѣсь крестьянами, не неся однако съ ними тягостей въ пользу дворцоваго вѣдомства³⁾.

¹⁾ Тамъ же л. 1431 и др.

²⁾ Въ дворцовомъ селѣ Чалны въ полов. XVII в. означены 3 двора нищихъ, между которыми попадаютъ такiя прозвища: «во дворѣ нищей Ивашко Степановъ *сламой* у него сынъ Федька 10 лѣтъ; во дв. нищей Трошка Лазаревъ *Устюженинъ*, женатъ, дѣтей нѣтъ». Сверхъ того въ селѣ были еще 6 келей, принадлежавшихъ старицамъ; объ одной изъ нихъ говорится: «келья старицы Ульяны, а въ ней живетъ нищей Паршутка Дементьевъ *сламой*, женатъ, дѣтей нѣтъ». Писц. кн. за № 1127, лл. 812—813.

³⁾ Въ дворцовомъ селѣ Воскресенскомъ (оп. 1619 г.) послѣ бобыльскихъ дворовъ: «Въ томъ же селѣ Воскресенскомъ крестьяне: дворъ Семенна *Копоренина*, да дв.: Мишка *Копоренинъ*, живутъ на полъ-выти. . . . и села Воскресенскаго попъ Петръ да крестьяне—старосла Олешка Васильевъ съ товарищи сказали, что тѣ крестьяне живутъ въ селѣ лѣтъ съ 30 тѣ, государевы десятинные пашни не пашутъ и издѣлій никакихъ съ ними не дѣлають, не вѣдють почему. И крестьяне Семенка да Мишка Копоренины про то допрашиваны, а въ роспросѣ сказали: блаженные де памяти при государѣ царѣ Федорѣ Юлиновичѣ они сосланы изъ Копорья за опилу,

Положеніе крестьянъ въ селахъ и деревняхъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка обуславливалось еще и тѣмъ, на чьихъ земляхъ они жили. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что на земляхъ Троицкаго монастыря крестьянамъ въ частности жилось лучше, чѣмъ на другихъ земляхъ, не исключая и дворцовыхъ. Такъ, напримѣръ, въ вотчинахъ только одного этого монастыря мы встрѣчаемся въ концѣ XVI вѣка съ водяными крестьянскими мельницами («меленки колотовки»), о которыхъ говорится, что «крестьяне съ нихъ оброку ничево не платятъ»¹⁾. Изъ этого мы видимъ, что у крестьянъ, въ ихъ хозяйствѣ, могла находиться известная доходная статья, которую монастырь ничѣмъ не облагалъ въ свою пользу. Отсюда мы можемъ вывести, что пріемъ Троицкаго монастыря относительно крестьянъ, жившихъ на его земляхъ, не отличался слишкомъ большою стяжательностью, потому что иначе мы врядъ ли встрѣтились бы съ подобнымъ фактомъ въ хозяйственной дѣятельности монастыря. И въ монастырскихъ вотчинахъ, какъ въ дворцовыхъ, между тяглыми крестьянскими дворами нерѣдко встрѣчаются дворы вдовъ, сидящихъ на полу, четверти и другихъ частяхъ выти, пользующихся землею наравнѣ съ крестьянами и несущихъ наравнѣ съ ними тягости, сопряженныя съ такимъ пользованіемъ; изрѣдка попадаются вдовы, у которыхъ водворѣ живутъ семейные сыновья или зятья, при чемъ главное хозяйственное значеніе все-таки сохраняется матерью²⁾. Точно также и бобыльство въ монастырскихъ вотчинахъ было, какъ и въ дворцовыхъ, большею частью

въ Казань, а въ Казани велѣно ихъ устроить пашнею, а государевы десятинные пашни пахати и издѣлей никакихъ дѣлать имъ не велѣно». Писцов. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1513—1514.

¹⁾ Это не была одна или двѣ мельницы на земляхъ Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ, а гораздо больше. Такъ, въ деревнѣ Агишево, въ которой находилось 20 дворовъ крестьянскихъ «подъ деревнею были 3 меленки колотовки»; въ починкѣ Корноуховѣ на ручью 3 меленки колотовки; въ деревнѣ Улаиковѣ, съ 6 дворами, меленка колотовка, и прибавлено: «а держать крестьяне про себя». Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6431 лл. 23, 24.

²⁾ Тамъ же № 6553 лл. 7, 47, 48.

лишь переходною ступеню къ крестьянству; такъ, въ селѣ Преображенскаго монастыря (полов. XVII ст.) между пустыни бобыльскими дворами владѣтели нѣкоторыхъ отмѣчены перешедшими въ крестьяне¹⁾. Среди дворовъ людей, живущихъ на монастырскихъ земляхъ, изрѣдка попадаются дворы, о владѣтеляхъ которыхъ говорится: «оброку не даютъ, бродятъ по миру», или же: «питаются по миру»; такіе дворы принадлежатъ обыкновенно бобылямъ или вдовымъ бобылькамъ²⁾. Отдѣльные факты, съ которыми встрѣчаемся въ первой половинѣ XVII вѣка на монастырскихъ земляхъ, могутъ свидѣтельствовать, что просвѣтительная и образовательная дѣятельность не чужда была монастырямъ въ здѣшнемъ краю. Такъ, въ половинѣ XVII вѣка между немногими крестьянами инородцами, жившими въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря за рѣкою Камою, встрѣчаемся съ слѣдующимъ дворомъ: «Сенька Емельяновъ сынъ Новокрещенъ, Мордвинъ». Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія (1646 г.) въ людномъ селѣ Свияжскаго уѣзда, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, при описи дворовъ причта во дворѣ попа Мины Васильева среди его домашнихъ упоминается «ученикъ Оедька Алексѣевъ»³⁾.

Обращаясь къ положенію крестьянина на помѣстныхъ земляхъ, мы должны прежде всего указать на крайнюю скудость объ этомъ извѣстій, находящихся въ нашемъ распоряженіи; но то малое, которымъ мы располагаемъ, отчасти подкрѣпляетъ мнѣніе, высказанное нами раньше, — что положеніе крестьянъ на помѣстныхъ земляхъ было, говоря вообще, тяжелѣе, чѣмъ

¹⁾ Тамъ же лл. 91—94.

²⁾ Тамъ же лл. 16, 25, 28, 82: Памят. кн. Кав. губ. 1866—67 «Замѣч. сел. по Волгѣ въ пред. Каз. губ.» стр. 9—10.

³⁾ Тамъ же л. 59. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 6468 л. 789. Село это—Нижній Услоя, на берегу Волги, въ которомъ находилось 105 дворовъ крестьянскихъ и 24 дв. бобыльскихъ (бобыли считаются вмѣстѣ съ деревней Студенецъ, которая тянется къ селу). Дворъ описанъ такъ: «Дворъ попа Мины Васильева, у него сынъ Васька, да у него жъ ученикъ Оедька Алексѣевъ, да у него жъ работникъ Оедька Якимовъ».

въ вотчиннахъ монастырскихъ и дворцовыхъ; и если такіа дѣйствія, какъ поступки князя Шейдякова въ Ярославскомъ уѣздѣ въ помѣстномъ его селѣ Ширинѣ не представляли еще собою въ то время явленія обыденнаго, а скорѣе были исключеніемъ, то все же начало личнаго усмотрѣнія и произвола, которымъ онъ руководился въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, ставовится главнымъ мотивомъ для помѣщиковъ первой половины ХУІІ столѣтія относительно ихъ крестьянъ. Такъ, намъ извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ ХУІІ вѣка служилый помѣщикъ Казанскаго уѣзда князь Бакшанда, «по сказкѣ» его самого и «по выспросу тутошнихъ и околныхъ людей», бралъ съ волости Нали Кукморы, въ которой находилось 99 дворовъ, «дорогильные пошлыны 14 рублей, 18 алтынъ 2 деньги, съ двора по 5 алтынъ, да съ тѣхъ же дворовъ емлетъ, со свадебъ куниную пошлыну. А почему съ тое волости князь Бакшанда емлетъ дорогильную и со свадебъ куниную пошлыну, и государевы грамоты князь Бакшанда не положилъ»¹⁾. Отсюда мы можемъ отчасти видѣть, что явленіе, констатированное Котошихинымъ во второй половинѣ ХУІІ вѣка и состоявшее въ томъ, что «помѣщики и вотчинники . . . подати свои кладутъ на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти»,—въ жизни подготавливалось, вѣроятно, постепенно отдѣльными фактами, выработавшими его до общаго положенія, какимъ оно стало уже въ началѣ второй половины ХУІІ вѣка, и, какъ таковое, занесено юристомъ практикомъ на страницы своего сочиненія «О Россіи». Само правительство нерѣдко въ половинѣ ХУІІ столѣтія раздаетъ отдѣльными дворами крестьянъ дворцовыхъ вотчинъ разнымъ служилымъ людямъ въ Поволжскихъ уѣздахъ; бобылей же оно въ это время раздаетъ служилымъ людямъ, какъ всякую другую доходную статью, говоря, что «тѣ бобыли, даны ему (служилому человѣку) въ вотчину за четвертную пашню»²⁾. Не смотря на стремленіе мелкопо-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. ин. Каз. у. за № 642, л. 105.

²⁾ Тамъ же Писц. ин. за № 1127 лл. 795, 805, 822—832, 865, 877—878.

иѣстныхъ помѣщиковъ эксплуатировать всякую живую силу, имѣвшую какое-либо отношеніе къ ихъ землѣ у нихъ также мы встрѣчаемся иногда съ личностями, о которыхъ сказано: «кормится христовымъ именемъ»¹⁾).

Безъ сомнѣнія, то или иное положеніе поселенца въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII вѣка въ связи съ его состояніемъ должно было отражаться въ жизни какъ его самого, такъ и его семейства. Въ бытѣ простомъ, каковымъ и по настоящее время является бытъ нашихъ крестьянъ, болѣе или менѣе тяжелое положеніе поселенца не могло не отражаться на его семейности. Въ городахъ болѣе семейны посадскіе люди, за ними слѣдуютъ бобыли, а за бобылями идутъ захребетники. Въ селахъ и деревняхъ самые семейные люди—крестьяне, послѣ нихъ идутъ бобыли и наконецъ захребетники²⁾.

¹⁾ Тамъ же Писц. кн. за № 6468 л. 1082 и др. При описаніи въ Цыvilскомъ уѣздѣ небольшой деревни Рындиной, бывшей въ помѣсть за Даниилю Рындинымъ, въ заключеніе сказано слѣдующее: «У него жъ Данила въ деревнѣ Рындиной живетъ за бѣдность Цывиленинъ сынъ боярской Иванъ Микееоровъ, сынъ Марковъ». Тамъ же л. 568.

²⁾ Намъ хорошо извѣстны злоупотребленія, бывавшія при переписяхъ вымывавшія со стороны правительства распоряженіе «смотреть и беречи. накрѣпко, чтобъ въ той переписи никто не воровалъ: крестьянъ и бобылей не тасали, и изъ многихъ дворовъ въ одинъ дворъ не переводили, и чюжихъ-бы крестьянъ и бобылей ничьихъ за собою не писали» (изъ наказа писцамъ въ 1646 году. Писц. кн. за № 6468 л. 321—322); но мы полагаемъ, что частныя злоупотребленія, бывавшія при описяхъ, не уничтожаютъ общаго значенія явленія, которое сохраняетъ въ обществѣ свою силу въ настоящемъ случаѣ, какъ и при описаніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель. Для примѣра представимъ населеніе города Свіяжска въ 1646 г. по описи Андрея Андреевича Племянникова и подъячаго Ивана Оадѣва: въ это время находилось на посадѣ «165 дворовъ, а людей въ нихъ томъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ 370 челов., да у нихъ же сосѣдъ и подсосѣдниковъ 14 челов., у которыхъ дѣтей и братьи 8 челов.; да у посацкихъ людей живутъ въ сосѣдствѣ посацкіе же люди 9 челов., у нихъ дѣтей и братьи 12 чел. да посацкіе бобыли живутъ въ сосѣдствѣ у посацкихъ же людей 14 челов., у нихъ дѣтей и братьи 6 челов.; да посацкіе люди и бобыли живутъ на дворянствѣ и въ сосѣдствѣ у всякихъ чиновъ людей—8 челов. посацкихъ людей, у нихъ дѣтей и братьи 15 челов.: бобылей 13 челов. у нихъ дѣтей и братьи 9 чел.» Тоже большей частью въ обществѣ встрѣчается и въ другихъ городахъ. Какъ примѣръ села въ это же время, представимъ село въ

ГЛАВА III-я.

Занятіе земель бывшихъ подъ старою Тетюшскою засѣкою и находившихся въ сосѣдствѣ съ ними. Заселеніе пространства между Симбирскою чертою и Тетюшскою засѣкою. Занятіе служилыми людьми земель, лежавшихъ за Симбирскою чертою. Стѣнка Разинъ въ Низовомъ Поволжьѣ и его дѣятельность съ приверженцами на Симбирской чертѣ. Испытание служилыхъ людей за валомъ послѣ Разинскаго бунта и состояніе Симбирскаго уѣзда въ концѣ семидесятихъ годовъ XVII вѣка. Самарская Лука, особенности ея и заселеніе въ концѣ XVI-го, въ первой и второй половинѣхъ XVII столѣтія. Построеніе Сызрани и Кашпира и проведеніе Сызанской черты. Монастырскія поселенія по Волгѣ ниже Кашпира во второй половинѣ XVII-го вѣка. Построеніе новыхъ городовъ на притокахъ р. Дона и въ Низовомъ Поволжьѣ въ концѣ XVII-го столѣтія.

Правая сторона Поволжья, замыкаемая съ сѣвера бывшею Тетюшскою засѣкою, а съ юга новою Симбирскою чертою, составляетъ сѣверную часть нынѣшней Симбирской губерніи. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія производительность здѣшняго

Свияжскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Троицкому монастырю: «Новое Село» въ немъ крестьянскихъ дворовъ 69; у нихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 161 чел.; бобыльскихъ дворовъ 28, у которыхъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27 чел.; да въ томъ же селѣ захребетниковъ 7 чел., у которыхъ дѣтей 3 челов.». Тоже въ общемъ въ другихъ селахъ и въ деревняхъ Арх. Мин Юст. Писц. кн. за № 6468 лл. 638 — 644; 737 — 828, 834 — 875. Въ заключеніе, быть можетъ, не лишнимъ будетъ упомянуть о слѣдующихъ явленіяхъ, съ которыми въ описываемое время намъ пришлось встрѣтиться: въ Кузьмодѣвлянскѣ въ 1629 году среди бобыльскихъ дворовъ одинъ такъ описанъ: «во дворѣ вдова попадья Лесонтьевская жена съ дѣтьми съ Гришкою, да съ сыномъ Ивашкомъ; въ томъ же дворѣ бобыль Ивашко Остаевъ. *дворомъ владѣютъ воче*». Въ Борноглавбской слободѣ Покровскаго монастыря подъ Казанью въ половинѣ XVII стол., одинъ изъ оброчныхъ дворовъ описанъ такимъ образомъ: «дворъ Игнашко Ивановъ сынъ Вороженниъ, у него сынъ Куземка 5 л., у него жъ 2 брата — Микифорко да Федька Ивановы дѣти, — *живутъ въ роздѣль на одномъ дворѣ и въ одной избѣ*», оброкъ платили 20 алтынъ. Тамъ же Писц. кн. за № 847 л. 37; 1-е отд. Кз. у. тetr. за № 6553 л. 32.

чернозема возбуждала восторгъ специалистовъ, посѣщавшихъ эту страну¹⁾). Между тѣмъ плодородіе здѣшной почвы въ болѣе раннее время должно было быть гораздо сильнѣе, ибо, кромѣ теплоты и влажности, обусловливаемой въ половинѣ XVII вѣка изобиліемъ здѣсь лѣсовъ, въ то время находился еще не тронутый ласотою глубокой черноземъ, обладавшій богатствомъ производительныхъ силъ для всякаго рода хлѣбныхъ растений. Подобныя свойства здѣшнихъ земель не могли быть неизвѣстны землевладѣльцамъ сосѣднихъ уѣздовъ, которыхъ контингентъ состоялъ преимущественно изъ служилыхъ людей Тетюшскаго, Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что служилые люди прежде другихъ поспѣшили, съ соизволенія правительства, овладѣть землями въ здѣшной странѣ. Подобное стремленіе съ ихъ стороны могло находить, по всей вѣроятности, сочувствіе въ правительствѣ, которому выгодно было водворять здѣсь людей, опытныхъ въ несеніи окраинной службы, интересы которыхъ вслѣдствіе этого тѣсно соединялись съ интересами правительства, старавшагося о защитѣ окраиннаго населенія, съ каковою цѣлью построена была и Симбирская черта.

Тетюшская засѣка проходила, какъ извѣстно, южною стороною Тетюшскаго уѣзда около деревни Пролей Каши, — и подлѣ засѣки протекала небольшая рѣчка Кильня, впадающая съ правой стороны въ рѣку Свіягу; Кильня, въ свою очередь, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны нѣсколько притоковъ, среди которыхъ встрѣчается рѣчка Кертель и нѣкоторыя другія. Подлѣ Тетюшской засѣки на Кильнѣ стоялъ Кильнинскій острожекъ, который, какъ мы знаемъ, «поставленъ былъ для приходу воинскихъ людей». Послѣ проведенія Симбирской черты военное значеніе Кильнинскаго острожка должно было упраздниться, и въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка (около 1655 года) мы

¹⁾ Bulletin de la Société imperiale des naturalistes de Moscou. 1853. «Beiträge zur Kenntniss der schwarzen Erde in Russland» u. Wangenheim, von Qualen., p. 21

застаемъ этотъ острожекъ «въ помѣстьѣ и на оброкѣ» за служилыми людьми, причемъ вмѣстѣ съ нимъ имъ здѣсь было отведено известное число «пашни дикаго поля добрые земли» и сѣна въ соотвѣтствіи¹⁾). Земля, по которой прежде проходила Тетюшская засѣка, въ описываемое время занята и эксплуатируется служилыми людьми; въ документѣ того времени нѣсколько разъ встрѣчаемся съ землями, о которыхъ говорится слѣдующее: «имъ (служилымъ людямъ) дано въ помѣстьѣ изъ порозжихъ земель дикое поле въ старой въ Свіяжской и въ Тетюшской засѣкѣ . . . въ верхъ по рѣкѣ по Свіягѣ»²⁾). Въ средѣ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, нерѣдко встрѣчаемъ людей, которые владѣютъ помѣстными и вотчинными жеребьями въ Свіяжскомъ уѣздѣ³⁾). Затѣмъ говорится о земляхъ, которыя лежатъ «за старою Тетюшкою засѣкою въ степи» и находятся «за разными помѣщиками въ помѣстьяхъ»,—сами же помѣщики означены здѣсь испомѣщенными «на дикомъ полѣ». Дикія поля по рѣкѣ Кильнѣ, по рѣкѣ Кертели, Беденгѣ, *Сторожевой-Ельховкѣ* и по другимъ рѣчкамъ розданы были въ описываемое время въ значительномъ количествѣ помѣщикамъ Казанскаго и Тетюшскаго уѣздовъ⁴⁾); между здѣшними помѣщиками попадаются фамиліи и коренныхъ служилыхъ людей вышепоимено-

¹⁾ «За Иваномъ Семеновымъ сыномъ, да Миниѣоромъ Еуиміевымъ сыномъ Колодничимъ въ помѣстьѣ и на оброкѣ острожекъ Кильнинской, на рѣкѣ на Кильнѣ, что былъ поставленъ для приходу воинскихъ людей, да къ тому жъ острожку пашни дикаго поля добрые земли 100 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 600 коп.; а оброку имъ съ того острожку и съ земли и съ сѣнныхъ покосовъ платить въ государеву казну по 16 алтынъ по 4 деньги на годъ». Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, л. 1085.

²⁾ Тамъ же л. 1086.

³⁾ Тамъ, здѣсь мы находимъ испомѣщенными Ильѣ Соловцова и Иванъ Елагина, которые владѣютъ жеребьями въ селѣ Бурнашевѣ; затѣмъ встрѣчаемъ Якова Дулошкова, который въ это же время владѣлъ помѣстьемъ въ Жилецкой слободѣ, и др. Тамъ же лл. 875—879 и 1082—1086.

⁴⁾ «За разными помѣщиками дикаго поля межъ рѣчки Кильны и межъ рѣчки Кертели: «за Тетюшениномъ» (такимъ то),—затѣмъ «за Казанцемъ», снова «за Тетюшениномъ». Тамъ же. Писц. кн. Сем. Волынскаго 1655 года за № 155 лл. 370—371; Писц. кн. за № 1127 лл. 389—393.

ванныхъ уѣздовъ¹⁾. Вслѣдствіе того, что интересъ, представленный русскимъ правительствомъ въ Поволжской окраинѣ, былъ преимущественно общечеловѣческій—культурный, ибо онъ, главный образъ, выражался въ трудѣ и въ защитѣ его плодовъ отъ хищничества кочевыхъ обитателей степи, русское правительство раздавало здѣсь съ полнымъ довѣріемъ земли не только русскимъ, но и инородцамъ, въ увѣренности, что послѣдніе заинтересованы не меньше русскихъ въ защитѣ окраины отъ нападеній и вторженій кочевниковъ. Такъ, подлѣ рѣчки Билыи мы встрѣчаемъ испомѣщенными не только Свіяжскихъ новокрещеновъ, но также и Казанскихъ служилыхъ татаръ, которые въ здѣшнихъ мѣстахъ владѣли цѣлыми деревнями²⁾; нѣсколько позднѣе (1663 г.) служилые татары въ числѣ двадцати пяти человѣкъ были водворены на верховьяхъ рѣки Цилы³⁾, гдѣ они получили пахотныя земли и сѣнные покосы⁴⁾. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія на службу въ Сибирскъ стали посылать служилыхъ людей изъ Москвы, предоставивши имъ право на опредѣленный надѣлъ землею въ Сибирскомъ уѣздѣ. Прибывши на мѣсто, служилый человѣкъ обыкновенно самъ отыскивалъ себѣ свободную землю и просилъ мѣстнаго воеводу назначить земельного откащика для отвода ея; назначенный воеводою откащикъ отправлялся «на порозжую землю на дикое поле»; не доѣзжая земли, бралъ «съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, сколько пригоже», распрашивалъ ихъ о найденной челобитчикомъ землѣ, и если тѣ показывали, «что эта земля ни въ помѣстьѣ, ни въ оброкъ никому не отдана и отъ засѣчныхъ крѣпостей въ дальнихъ мѣс-

¹⁾ Такъ, въ помѣстьяхъ на р. Бездѣѣ упоминаются дѣти Ивана Жукова, старожильца Тетюшскаго уѣзда, затѣмъ встрѣчается фамилія Аристовыхъ, служилыхъ людей Казанскаго уѣзда. Тамъ же л. 397.

²⁾ Тамъ же. Писц. кн. за № 155, л. 371. Писц. кн. за № 1127 л. 395.

³⁾ Рѣка Цыльна—притокъ Свіяги, впадающій въ нее съ лѣвой стороны, южнѣе притока Карымъ.

⁴⁾ Здѣсь водворены были служилые татары Ахметко съ товарищи. Тамъ же. Казань, отказная старыхъ дѣтъ кн. 2, № дѣла 15.

тахъ», то въ такомъ случаѣ земля отводилась челобитнику. Въ шестидесятыхъ годахъ ХУП-го столѣтія выше Сибирской черты еще встрѣчались свободныя, нетронутыя земли; такъ, по рѣкѣ Сухому Бирючу¹⁾ еще попадаетея «дикое поле ковыль и сѣнные покосы», которые охотно занимаются служилыми людьми, испомѣщаемыми въ Сибирскомъ уѣздѣ. Но подобныхъ пространствъ, вѣроятно, было немного, ибо въ это же время служилые люди нерѣдко должны были обращать свое вниманіе на свободныя земли, находившіяся «за валомъ на Крынской сторонѣ», и здѣсь имъ отводились на разныхъ рѣкахъ земли по шестнадцатой главѣ Уложенія: въ сороковой статьѣ этой главы сказано, чтобъ «украинныхъ городовъ дѣтемъ боярскимъ, которые бьютъ челомъ государю въ помѣстье на порожнія земли на дикое поле, давати изъ порожнихъ земель изъ днѣхъ полъ», въ соотвѣтствіи съ ихъ окладомъ²⁾. Въ шестидесятыхъ же годахъ болѣе отважные и предприимчивые изъ русскихъ крестьянъ заняли за чертою ниже Сибирска обширную полосу земли, приныкавшую къ Волгѣ и отъ мѣстныхъ возвышенностей именовавшуюся Арбугинскою землею. Въ этомъ мѣстѣ р. Волга обилвала рыбою, вслѣдствіе чего еще въ двадцатыхъ годахъ ХУП в. здѣсь находились рыбныя ловли Покровского монастыря, что въ Нижнихъ Тетюшахъ. Теперь въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне основали нѣсколько слободъ, которыя защищены были отъ непріятельскихъ нападеній особою чертою, называвшея Арбугинскою; эти слободы приписаны были къ дворцовому вѣдѣнству, и по книгамъ 1669 г. за мѣстными крестьянами значатся пахотныя земли на правой, нагорной сторонѣ, а сѣнные покосы на лѣвой, луговой сторонѣ Волги³⁾. Такая ситѣлость

¹⁾ Сухой Бирючь—притокъ Свѣга съ лѣвой стороны, ниже Большаго Бирюча.

²⁾ Такъ же; отказ. старыхъ лѣтъ кн. 5, №№ дѣлъ 16, 37 и др. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, глава 16, ст. 40.

³⁾ Всѣхъ слободъ въ 1669 году здѣсь было пять: Креневская, Крымунисская, Шаловская, Тушанская и Ключицкая; а въ 1675 году упоминается съ юго-западной стороны отъ Арбугинской черты. Арх. Мин. Юст. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ съ городами кн. 1-ая, № дѣла 14; кн. 4, № дѣла 101; 1-го отд. Каз. у. грам. на № 6464.

крестьянъ могла побудить нѣкоторыхъ захребетниковъ, жившихъ въ Бѣлоярскомъ городѣ на луговой сторонѣ Волги, составить общину, перейти на правую сторону и поселиться на рѣчкѣ Сенгилѣйкѣ противъ Бѣлаго Яра; въ 1666 году они предложили правительству свою службу здѣсь въ качествѣ *станичныхъ казаковъ*, а правительство распорядилось въ томъ же году подлѣ ихъ поселенія отвести имъ «земли и сѣнные покосы противъ Бѣлаго Яру на нагорной сторонѣ по рѣчкѣ Сенгилѣйкѣ съ вершины и до Волги рѣки». Но едва лишь они успѣли отстроиться на новомъ мѣстѣ, какъ уже въ слѣдующемъ году новый Сибирскій воевода, князь Дашковъ, «перевелъ ихъ съ той земли жить для крѣпости отъ башкирскаго разоренья къ Волгѣ рѣкѣ на городище, промежъ Тушны и Сенгилѣйки»¹⁾. Отсюда можно видѣть, съ какими опасностями соединялось тогда поселеніе за Сибирскою чертою поблизости даже съ значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, какимъ въ то время былъ городъ Бѣлый Яръ, находившійся только на лѣвой сторонѣ Волги. Въ шестидесятихъ годахъ XVII вѣка въ мѣстности, примыкавшей къ Сибирску, поселенцы привуждены были занимать уже земли, находившіяся за валомъ,—а въ семидесятомъ году того же столѣтія занятіе свободныхъ земель за валомъ происходить и въ другихъ мѣстахъ по чертѣ, западнѣе Сибирска. Такъ, въ этомъ году отведены были земли за валомъ на рѣчкѣ Селдѣ²⁾ солдатамъ выборнаго полку Андрюшкѣ Богданову съ товарищи въ числѣ двѣнадцати человекъ; въ томъ же году испомѣщены были землею и сѣнными покосами «за валомъ на Крымской сторонѣ вверхъ по Бѣлому Уреню»³⁾, по обѣ стороны отъ проѣзжіе башни» двадцать четыре солдата выборнаго полку⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, отказ. старыхъ лѣтъ съ городами кн. 5, № дѣла 100.

²⁾ Рѣчка Селда — притокъ рѣки Свияги съ лѣвой стороны, впадающій въ нее противъ Сибирска.

³⁾ Рѣчка Бѣлый Урень—притокъ р. Суры; низовьями своими она отчасти протекала въ предѣлахъ укрѣпленной черты.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Отказн. стар. лѣтъ Казань, кн. 5, №№ дѣлъ 1 и 40. Выборнымъ солдатамъ отводилось обыкновенно по 2) четв. въ каждомъ полѣ на человека.

Въ то время, какъ русское правительство старалось по возможности заселить свободныя земли новаго Симбирскаго уѣзда служилыми людьми и заселеніе это шло довольно успѣшно, ибо въ шестидесятихъ годахъ XVII столѣтія насельники должны были уже занимать свободныя земли за валомъ, на Крымской сторонѣ, не защищенныя укрѣпленною чертою и подвергавшіяся значительнымъ опасностямъ, — въ то время, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, въ низовьяхъ Дона среди казачества началось движеніе, результаты котораго были не безъ серіознаго значенія для населенія Симбирской черты. Движеніе это вначалѣ было чисто мѣстное, обусловливаемое лишь казачьимъ интересомъ, опредѣляемымъ самими казаками такимъ образомъ: «учаа имъ (казакамъ) на Дону быть скудость большая, — на Черное море проходить имъ не мочно, учинены отъ Турскихъ людей крѣпости, и они отбався охочіе люди пошли на Волгу, и съ Волги на море безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева; а начальниѣй человекъ къ тому дѣлу у нихъ былъ Стенька Разинъ; а пошло де ихъ съ Дону человекъ съ 600; да къ нимъ же приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ всякіе вольные люди»¹⁾. Но, начавшись движеніемъ мѣстнымъ и въ размѣрахъ на Дону обычныхъ, какъ прежде, такъ и послѣ Разина²⁾, движеніе охватило собою на

¹⁾ «Матеріалы для исторіи возмущ. Стеньки Разина». Москва 1857 г. 38 стр.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ 1683 году съ Дону выѣхалъ съ Донскимъ закономъ Максимомъ Скаловубомъ съ дозволенія войсковаго атамана отира-
лось «для выпуна» на Калмыцкіе улусы за Волгу до 2000 человекъ; впоследствии къ нему пристали многіе казаки изъ верховныхъ городковъ, такъ что число всѣхъ изъ достигло 3000 «и въ томъ числѣ были многіе нападчіе бурлаки и запорожскіе хохлачи и иные многіе гулячіе люди». Позднѣе, въ 1693 году, по донесенію Черноярскаго воеводы «въ третьемъ часу дня приближали безвѣстно съ верху изъ стѣны воровскіе люди воинскіе, человекъ сотъ съ пять и больше, и къ городу приступали и били о самыя надолбы, и съ тѣми воровскими воинскими людьми бой былъ долгое время, и съ пушекъ по нимъ велѣли стрѣлять съ башенъ; а бой у тѣхъ воинскихъ людей былъ въ луковъ и пищалей». Ак. Ист. т. V, № 220; Дополн. къ Ак. Ист. т. VIII, № 99.

этотъ разъ довольно скоро все низовое Поволжье до самаго Нижняго Новгорода. Поэтому для насъ имѣетъ значеніе то, почему именно въ настоящее время казачье движеніе не ограничилось по обыкновенію Дономъ, а охватило собою такое огромное пространство и привлекло къ себѣ массу разнообразнаго населенія не только въ низовомъ Поволжѣ, но и въ сторонѣ отъ него. Къ сожалѣнію, ограниченность найденнаго до сихъ поръ матеріала, его отрывочность и нѣкоторое однообразіе¹⁾ чрезвычайно затрудняютъ раскрытіе внутреннихъ, экономическихъ и соціальныхъ, причинъ даннаго движенія. Для того, чтобы хоть нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ, необходимо обратиться къ явленіямъ общаго характера той эпохи, которыя должны были отражаться и въ мѣстностяхъ Поволжья.

Извѣстно, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе недостатка опредѣленности въ русскомъ законодательствѣ и вслѣдствіе своекорыстія родственниковъ царской жены и людей къ нимъ близкихъ, происходили злоупотребленія, вызвавшія возстаніе народа въ Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ государства. Послѣ подавленія этихъ движеній правительство молодого царя, сознавая недостатки дѣйствовавшего законодательства, созвало въ 1648 году соборъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, чтобы устранить ихъ съ общою помощью. Результатомъ отчасти этой дѣятельности явилось соборное Уложеніе 1649 года, которое содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя законоположенія, имѣвшія большія послѣдствія для служилаго и не служилаго сословія на Руси. Къ такимъ законоположеніямъ принадлежатъ, между прочимъ, первая, вторая, девятая и десятая статьи главы одиннадцатой упомянутаго Уложенія, которыми отиѣняются «урочныя лѣта» крестьянскаго перехода съ земель одного владѣльца на земли другаго. До сихъ поръ урочные года могли сдерживать собой нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ въ примѣненіи крайняго пропз-

¹⁾ Въ матеріалахъ, изданныхъ А. Поповымъ въ Москвѣ, очень много мѣстъ занимаютъ донесенія воеводъ о движеніяхъ на митенинговъ и сраженіяхъ съ ними.

вола къ личности крестьянина, ибо у него не была отнята еще возможность протеста уходомъ отъ помѣщика; крестьянину необходимо было при этомъ лишь въ продолженіе извѣстнаго времени скрывать свою личность отъ своего бывшаго землевладѣльца; по истеченіи же срочныхъ лѣтъ онъ безъ всякихъ послѣдствій для себя и своей семьи могъ явиться даже по соудству съ прежнимъ мѣстомъ жительства. Вышупомянутыя статьи одиннадцатой главы Уложенія выгодны были служилымъ людямъ, особенно мелкимъ изъ нихъ, поэтому казались въ интересъ государства, односторонне понимаемомъ, и чрезвычайно неудобны для крестьянъ, у которыхъ такимъ образомъ отнималась возможность уходомъ избавлять себя и свою семью отъ притѣсненій и вымогательствъ землевладѣльца, злоупотреблявшаго положеніемъ своимъ и правами относительно крестьянъ, жившихъ на его землѣ. Намъ извѣстно между тѣмъ, что около половины XVIII вѣка тягости, налагаемыя на крестьянъ нѣкоторыми частными землевладѣльцами въ Поволжѣ, увеличились въ нѣсколько разъ сравнительно съ прежними¹⁾. Кромѣ права произвольно увеличивать тягости, лежавшія на крестьянахъ, въ это время, какъ намъ извѣстно изъ словъ современника, «бояре, и душныя и близкіе, и всякихъ чиновъ люди, помѣщики и вотчинники, вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всенхъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ»; вотчинный же судъ, который землевладѣлецъ

¹⁾ Тамъ, въ нѣмніяхъ, пожалованныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ своему бывшему воспитателю Борису Ивановичу Морозову, тягости увеличены были въ нѣсколько разъ. Морозову въ Нижегородскомъ уездѣ принадлежали нѣкоторые богатые села на самой Волгѣ и въ сторонѣ отъ нея; такъ, въ его владѣніяхъ находились: Лысково, Мурашиино, Покровское-Погавицыно, Покровское-Вадъ, Бурцово, Сергачъ (нынѣ городъ), Кузьминъ-Усадъ, Уварово и нѣкоторые другія. Въ Богатомъ Приволжскомъ селѣ Лысковѣ крестьяне, бывши въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ, платили всякихъ оброковъ по писцовымъ книгамъ со 126 вытей по 7 руб. 50 коп. съ выти. Морозовъ увеличилъ число вытей въ Лысковѣ на 6, а оброкъ назначенъ былъ въ селѣ по 20 руб. съ выти, а въ присезнахъ и въ деревняхъ по 15 рублей (1646 г.). Вѣст. Евр. 1871 г. I ч. «Вольшой Воиринъ» И. Е. Забѣлиа 10 и 28 стр.

могъ производить и не самъ лично, а чрезъ своего прикащика, «пользовался правомъ сажать въ тюрьму, въ колоду, въ жѣлѣза, бить батогами и кнутомъ..... даже могъ подвергать подсудимыхъ пыткамъ»¹⁾. Вслѣдствіе подобныхъ условій, поводовъ къ неудовольствію крестьянъ на землевладѣльцевъ могло въ описываемое время накопиться много, и уходъ по прежнему оставался для нихъ единственною возможностью избавиться отъ притѣсненій землевладѣльца; но теперь этотъ уходъ получаетъ навсегда характеръ преступленія. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія дворяне и дѣти боярскія сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ въ челобитъѣхъ на имя государя писали, что съ 1654 года, «какъ они пошли на государеву службу, отъ нихъ учали бѣгать люди ихъ и крестьяне, а бѣгая ихъ помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ разоряютъ и дома ихъ пожигаютъ, а иныхъ самихъ и ихъ женъ и дѣтей и людей и крестьянъ до смерти побиваютъ; и бѣгая живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ»²⁾. Вслѣдствіе этого въ Нижегородскій уѣздъ посланъ былъ сыщикъ, которому поручили «посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ и Татаръ и Мордву роспрашивая и сыскивая подлинно, и изъ тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ выбравъ изъ десяти человѣкъ человѣка два, за побѣгъ бить кнутомъ, чтобы впредь имъ и инымъ не повально было бѣгать; и высылать ихъ за поруками съ женами и съ дѣтьми и съ животы въ прежніе ихъ мѣста и дворы, откуда кто бѣжалъ, и велѣть имъ жить и государево тягло платить: посадскимъ на посадѣ, а Татарамъ, Мордвѣ и Черемисѣ ясакъ по прежнему платить сполна»³⁾. Но, по справедливому замѣчанію г. Костомарова, «рѣдкій уживался на мѣстѣ жительства, будучи возвращенъ туда насильно: еслибъ ему было тамъ хорошо, онъ бы и въ первый разъ не бѣгалъ, а теперь, послѣ того какъ его разъ поймаютъ, ему, конечно, станетъ

¹⁾ Тамъ же стр. 19.

²⁾ Доп. А. И. т. IV, № 48.

³⁾ Тамъ же.

хуже: на него наложить еще больше повинностей за то, что онъ бѣгалъ; онъ опять наостритъ лыжи»¹⁾). Но на этотъ разъ онъ, по всей вѣроятности, уже не остановится въ Нижнемъ Новгородѣ или его уѣздѣ, а отправится куда-либо подальше,—если не на вольный Донъ, откуда бѣглецовъ не выдавали обыкновенно, то на глубокой сѣверъ, въ Сибирь, или въ украинныя мѣста, гдѣ и воеводы и землевладѣльцы сильно нуждались въ людяхъ и поэтому были мало склонны исполнять добросовѣстно двадцатую статью одиннадцатой главы Уложенія²⁾). Такъ, намъ извѣстно, что по Симбирской чертѣ, въ Саранскомъ уѣздѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка (1662 г.), по донесенію сыщиковъ, отправленныхъ правительствомъ въ здѣшнія мѣста, «за дворяны и за дѣтми боярскими живутъ многіе бѣглецы люди и крестьяне», и что «Саранскіе помѣщики и вотчинники и всякихъ чиновъ люди многихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ у себя укрываютъ и таятъ, а къ распросу и къ запискѣ къ нимъ (сыщикамъ) на сѣзжей дворъ не приводятъ». Когда же сыщики «для подлиннаго сыску велѣли Саранскихъ помѣщиковъ выслать въ Саранскъ и про бѣглыхъ людей и крестьянъ взять сказки» у нихъ, то «многіе Саранскіе помѣщики и вотчинники въ Саранскъ не ѣдутъ, а которые де и пріѣхали и они про бѣглыхъ и крестьянъ сказокъ не даютъ,—чинятся не послушны». Относительно того, до какой степени переполнены были въ дѣйствительности поселенія на чертѣ бѣглыми людьми въ шестидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія, можетъ свидѣтельствовать деревня Александрова Саранскаго уѣзда, принадлежавшая князю Андрею Болховскому: въ ней, по розыску сыщика, жили восемнадцать бѣглыхъ семей

¹⁾ Историч. монограф. и изслѣдов. Н. Костомарова т. II, «Бунтъ Стеньки Разина», 235 с.

²⁾ Землевладѣлецъ, по этой статьѣ, обязанъ былъ людей, которые пожелають «за нимъ жити въ крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ», подробно спрашивать, требовать у нихъ отпускныя и «приводити ихъ того же году къ запискѣ» въ Казань, Москву или другой подобный городъ. Улож. гл. XI, ст. 20.

крестьянскихъ, которыхъ всѣхъ «принялъ во крестьяне князь Андрей Болховской». Кромѣ крестьянъ, по чертѣ попадались бѣгле въ лицѣ стрѣльцовъ, казаковъ и посадскихъ людей, которые здѣсь селились, поступали на службу, отправляя ее въ городахъ и уѣздахъ ¹⁾). Правительство же Московское вмѣсто того, чтобъ заняться на мѣстахъ изслѣдованіемъ условій, большей частью тяжелыхъ и ненормальныхъ, въ которыя здѣсь поставлена была жизнь стрѣльца, казака, посадскаго человека и крестьянина, постараться урегулировать ихъ жизнь здѣсь болѣе нормальнымъ образомъ, чтобъ люди не бѣжали съ своей родины, — разсылало сыщиковъ, которыми на мѣстахъ ихъ дѣятельности должны были давать стрѣльцовъ и воинскихъ людей съ затинными пищалями, а тѣ брали бѣглыхъ, наказывали ихъ и водворяли на старыхъ мѣстахъ; и въ Москвѣ наивно полагали, что, дѣйствуя такимъ образомъ, серьезно устраняется зло бѣгства людей цѣлыми массами съ родныхъ, насижённыхъ мѣстъ.

Если въ описываемое время тяжело приходилось русскому человеку въ низшихъ слояхъ служилого и неслужилого сословій, то инородческому населенію при тѣхъ же условіяхъ приходилось еще тяжелѣе. Разность языка и вѣры ставила инородца въ особое положеніе въ глазахъ, быть можетъ, не однихъ воеводъ, но и вообще русскаго народа. Вслѣдствіе этого воеводы и другіе служилые люди въ своихъ вымогательствахъ и насиліяхъ относительно инородцевъ еще менѣе стѣснялись, чѣмъ по отношенію къ русскому православному населенію. И на самомъ дѣлѣ, извѣстно, наприимѣръ, что сборъ ямскихъ денегъ до такой степени разорилъ Мордву Нижегородскаго уѣзда, что въ 1639 году все племя Терюханъ и значительная часть Ердзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, не дождавшись лѣтомъ уборки хлѣба, покинули свои деревни и поля, забрали съ собою скотъ, домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ

¹⁾ Арх. Мин. Юст., III отд. Столбцы. Городъ Казань. Царствованіе Алексѣя Михайловича № 22, 562. Донесанія сыщика Ивана Бутурлина и подъячаго Ивана Протопопова въ 1662 г. изъ города Симбирска.

лѣсамъ Муромскимъ и Саливарскимъ; нѣкоторые изъ нихъ стали уходить внизъ по Волгѣ и населяли въ Низовѣхъ пустыя земли монастырей и лицъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. По словамъ изслѣдователя, «черезъ все XVП-ое столѣтіе продолжаютъ стѣсненія Мордвы, то и дѣло заставлявшія ее бѣгать изъ мѣстъ своего жительства; къ тяжкимъ податямъ, къ налогамъ, къ обидамъ воеводскимъ и разныхъ другихъ служилыхъ людей, со временъ патріарха Никона присоединились еще новыя бѣды для Мордвы—насильственное обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру»¹⁾). Отношенія служилыхъ людей къ другимъ инородцамъ были врядъ ли лучше, нежели къ Мордвѣ; лишь подобными отношеніями въ продолженіе цѣлаго ряда поколѣній можетъ обуславливаться приниженность и забитость Черемисъ въ наше время, равно страхъ Чувашъ предъ волостнымъ писаремъ, какъ лицомъ начальственнымъ въ его глазахъ²⁾). О воеводахъ въ русскихъ городахъ, особенно въ окраинныхъ, ихъ злоупотребленіяхъ и произволѣ относительно подвѣдомственнаго населенія и подчиненныхъ имъ служилыхъ людей въ описываемое время, мы не считаемъ необходимымъ говорить, какъ объ явленіяхъ, извѣстныхъ въ русской жизни, обуславливавшихся отчасти патріархальностью понятія «кормиться».

Такимъ образомъ, матеріала для недовольства и озлобленія въ низшихъ слояхъ русскаго общества къ шестидесятымъ годамъ XVП столѣтія въ общемъ могло накопиться много. Особенно недовольные люди должны были сосредоточиться въ Поволжской окраинѣ, куда по преимуществу стремились трудовые

¹⁾ Русск. Вѣст. 1867 год. ч. VI, «Очерки Мордвы» П. Мельникова. Авторъ при составленіи этихъ очерковъ пользовался между прочимъ матеріалами изъ монастырскихъ и уѣздныхъ архивовъ, на которые иногда ссылается.

²⁾ Матер. Эт. Россіи Каз. губ. Полков. Ритиха 145—146. Инород. Каз. губ. Сбоева с. 16. Сбоевъ приводитъ въ примѣръ слова, сказанныя на рынкѣ привѣзшимъ Чувашениномъ пошедъ, обратившейся къ нему со словами: «Побойся Бога»,—онъ ей отвѣчалъ: «Богъ не писарь, чтобъ его бояться».

и гуляшіе люди изъ внутренней полосы Россіи, потому что и тѣ и другіе находили здѣсь обширное приложеніе для своихъ инстинктовъ и силъ; естественныхъ богатствъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, рѣкахъ и въ низовой почвѣ было много, въ рабочихъ людяхъ сильно нуждались, и поэтому бѣглыхъ, какъ мы видѣли, здѣсь охотно принимали и старались всячески укрѣпить ихъ отъ сыщиковъ¹⁾. Кроме множества бѣглыхъ, имѣвшихъ причины быть недовольными нѣкоторыми отношеніями на родинѣ, покинувшихъ ее съ чувствомъ горечи и поселившихся подлѣ Симбирской черты,—остальное населеніе здѣсь носило большей частью сбродный характеръ: его, какъ мы знаемъ, вербовали изъ разныхъ городовъ и мѣстъ и водворяли по чертѣ и около нея въ слободахъ, селахъ и деревняхъ; иногда между поселенцами на чертѣ встрѣчаемся даже съ дворами людей, которые, кажется, были сосланы сюда за преступленія²⁾. Стрѣльцы и казаки, водворенные въ городкахъ и острожкахъ по Закамской и Симбирской чертамъ, брались группами изъ разныхъ мѣстъ, а въ этихъ мѣстахъ они вербовались большей частью изъ гулящихъ и охочихъ людей, отовсюду приходившихъ, что и отражается нерѣдко въ ихъ прозвищахъ, свидѣтельствующихъ наглядно о сбродномъ характерѣ низшаго служилаго сословія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе необходимости воеводства на чертѣ «недостающее число служилыхъ людей... прибравъ вновь изъ людей вольныхъ, «которые (какъ говорится въ актахъ) *ни въ какихъ службахъ не бывали и въ тѣхъ ни за кѣмъ не бывали*»³⁾, что на окраинѣ сдѣлать было труднѣе,

¹⁾ Такъ, въ Саранскомъ уѣздѣ крестьянинъ князи Андрея Болховскаго, кажется, изъ что въ родѣ приказана его, говорилъ сыщику: «а изъ двора во дворъ въ иные жилище дворы переводилъ онъ Иваша бѣглыхъ крестьянъ по князь Андрееву приказу». Арх. Мин. Юст. Столбцы. Городъ Казань, № 22, 562.

²⁾ Такъ, на Закамской чертѣ подлѣ Бѣлаго Яра встрѣчаемъ около десяти дворовъ ссыльныхъ людей, преимущественно изъ Поволжскихъ городовъ. Арх. Мин. Юст. III ее отд. кн. 41, лл. 1—5.

³⁾ Арх. Ист. Юрид. свѣд. Н. Калачева, книги второй половина первая. «Исваръ и его уѣздъ», ст. Н. Калачева. 73 в.

чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, въ среду стрѣльцовъ и казаковъ здѣсь попадаютъ не только бѣглые крестьяне, стрѣльцы и казаки, но также и ссыльные люди¹⁾. Въ заключеніе, быть можетъ, будетъ не лишнимъ указать и на особенность въ характерѣ русскаго человѣка, которая отличена наблюдательнымъ иностранцемъ нынѣшняго столѣтія, посѣтившимъ наше отечество; онъ утверждаетъ, что будтобы «въ народномъ характерѣ русскихъ лежитъ извѣстная легкость и подвижность... они любятъ рискъ», далѣе этотъ же путешественникъ говоритъ, что у русскаго человѣка замѣтно «мало преданности своему сословію и ремеслу»²⁾.

При такихъ условіяхъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ XVII столѣтія (1667 г.) на Дону началось казацкое движеніе, перешедшее вскорѣ на Волгу; здѣсь, въ низовьяхъ Волги, не было недостатка въ элементахъ, благопріятствовавшихъ быстрому увеличенію сподвижниковъ Разина. Эти послѣдніе являлись къ нему десятками изъ среды рабочихъ, плывшихъ по Волгѣ на судахъ и стругахъ, разбиваемыхъ Разининыхъ, изъ ссыльныхъ, отправляемыхъ на судахъ въ низовые города и расковываемыхъ спутниками Разина по его приказанію,—наконецъ, изъ самихъ стрѣльцовъ, которые переходили къ нему и предъ битвою, и во время ея, и послѣ нея, смотря по обстоятельствамъ³⁾. По

¹⁾ Такъ, въ городѣ Бѣломъ Ярѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ между стрѣльцами 2 раза попадаетъ «дворъ стрѣлецъ, ссыльной человѣкъ». Арх. Мин. Юст. III отд. ин. 41, л. 1 съ оборотомъ.

²⁾ Naхthausen. «Studien über die Inneren Zustände .. Russlands» I. B., 64 p., III. B., 147 p.

³⁾ Въ 1667 году на Волгѣ, ниже Саратова, Разининыхъ былъ разграбленъ большой караванъ. «А которые ссыльные люди посланы были въ Астрахань, и тѣхъ людей тѣ казаки расковали»; послѣ этого къ нему прибыло, «по его (Разина) подговору», 16 человѣкъ Ярыжныхъ, т. е. (по Костомарову) рабочихъ. Въ томъ же году къ нему «изъ Астраханскихъ стрѣльцовъ пристало воровать три струга». Въ слѣдующемъ году послѣ сраженія Разина съ Яковымъ Безобразовымъ, высланнымъ противъ него воеводою изъ Астрахани, оказалось прapaвшими безъ вѣсти и перешедшими къ Стенькѣ 44 человѣкъ. Въ томъ же году, по донесенію воеводы изъ Астрахани, къ Разину пристали «съ насадовъ и струговъ гулящихъ и всякихъ рабочихъ людей своею охотою человѣкъ съ 300». Матер. для истор. возмущ. Стеньки Разина. 22—29 сс.

этому поводу не можем не привести мѣткой характеристики стрѣльца, сдѣланной мастерскою рукою покойнаго С. М. Соловьева, который говоритъ, что «самое сильное обаяніе казакскій духъ производилъ, разумѣется, на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и казакъ, онъ человѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полуказакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности повоевать на себя, т. е. пограбить, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ»¹⁾. Совершивши удачный походъ на Персію Каспійскимъ моремъ, Разинъ вмѣстѣ съ сподвижниками своими съ богатою добычею возвратился къ устью Волги; здѣсь онъ выказалъ готовность принести повинную въ Астрахани и выдать оружіе, чтобъ его съ товарищами простили и пропустили на Донъ. Дѣйствительно, часть оружія вмѣстѣ съ небольшою частью имущества, большей частью изъ награбленнаго у русскихъ купцовъ, Разинъ возвратилъ. Потребовать отъ Разина, чтобъ онъ выдалъ все оружіе и награбленное теперь же, Астраханскій воевода, по его словамъ, рѣшился, «потому что ихъ (казаконъ съ Разинимъ) было многолюдно въ Астрахани, береженья къ нимъ держать было нечѣмъ.... астраханскихъ служилыхъ людей малолюдно, и тѣ шатки и къ воровству склонны»²⁾. Вслѣдствіе этого Астраханскій воевода рѣшился поскорѣй спроводить этихъ гостей въ Царицынъ, чтобъ оттуда они могли перейти на Донъ. Прибывши въ Царицынъ, «Стенька Разинъ съ товарищи», по донесенію мѣстнаго воеводы въ Москву, «всякое озорничество чинили, вѣдая на Царицынѣ малолѣдство», т. е., попросту, Разинъ съ сподвижниками своими дѣлалъ въ Царицынѣ все, что хотѣлъ, не только относительно простыхъ людей въ городѣ, но и по отношенію къ Царицынскому воеводѣ. Когда же наконецъ Разинъ вмѣстѣ съ своими товари-

¹⁾ Ист. Россіи С. Соловьева, т. XI. 361 с.

²⁾ Матер. для ист. возмущ. Стеньки Разина, 47.

щами казаками, съ богатою добычею и оружіемъ явился на Дону, то его торжество здѣсь было полное; голоса его противниковъ, которыхъ не мало было среди домовитыхъ казаковъ, должны были теперь умолкнуть. На Дону Разинъ пробылъ съ осени 1670-го года до весны того же года¹⁾. Слѣдуетъ отдать справедливость Царицынскому воеводѣ, — онъ не терялъ изъ вида Разина, а наблюдалъ за нимъ и въ декабрѣ того же года между прочимъ сообщалъ въ Москву слѣдующее: «Донскіе казаки Стенькѣ Разину съ товарищи радя, что они пришли на Донъ и называютъ его Стеньку отцомъ, и изъ всѣхъ донскихъ и хоперскихъ городковъ казаки, которые голутвенные люди, и съ Волги гулящіе люди къ нему Стенькѣ идутъ много... да сказывали ему (воеводѣ)... что на весну отъ казаковъ безъ воровства, конечно, не будетъ, потому что на Дону стало юраздо мною, а кормится имъ нечлѣмъ, никакихъ добычъ не стало, и онъ (Царицынскій воевода) живетъ съ великимъ опасеньемъ»²⁾. Напрасно Царицынскій воевода писалъ въ Казанскій приказъ и предупреждалъ заранѣе о серьезной опасности, грозившей низовому Поволжью отъ «Разина съ товарищи», которыхъ число на Дону дѣйствительно сильно увеличилось. По всей вѣроятности, въ Москвѣ опасенія воеводы сочли преувеличенными и не особенно спѣшили помощью ему. Лишь весною со вскрытіемъ рѣкъ отправлена была тысяча стрѣльцовъ, направившаяся Волгою на судахъ къ Царицыну. Но Разинъ прежде, чѣмъ стрѣльцы достигли Царицына, успѣлъ переправиться съ Дона на Волгу и, благодаря сочувствію Царицынскаго населенія къ нему, овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ. Послѣ этого съ шайкою, возросшею до пяти тысячъ сподвижниковъ, онъ напалъ на плывущихъ стрѣльцовъ съ луговой и лагорной стороны, поразилъ ихъ и въ соединеніи съ Царицынцами и вновь прибывшими сподвижниками въ числѣ десяти

¹⁾ Годъ въ то время на Руси считался съ сентября мѣсяца, а не съ января.

²⁾ Матер. 48—50 сс.

тысять направился на Черный Яр¹⁾), овладѣлъ этимъ послѣднимъ и пошелъ на Астрахань. При сочувствіи къ Разину Астраханскихъ стрѣльцовъ и большей части населенія, онъ безъ большихъ потерь успѣлъ завладѣть и этимъ значительнымъ городомъ Московскаго государства. Во всѣхъ городахъ, которыми Разинъ овладѣвалъ, правительственные воеводы умерщвлялись и вводилось устройство казацкаго съ атаманомъ во главѣ вмѣсто воеводы. Пробывши нѣкоторое время въ Астрахани, Стенька въ іюлѣ отправился на двухъ стахъ судахъ вверхъ по Волгѣ, а волжскимъ берегомъ въ то же время двигалась его конница. Съ самаго начала похода Разинъ объявлялъ, что онъ идетъ къ Москвѣ противъ бояръ и воеводъ за государя; въ послѣдствіи казаки, приближенные къ Разину, говорили, что у него находится старшій сынъ царя Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй (незадолго предъ этимъ умершій), будто бы бѣжавшій изъ Москвы къ казакамъ; «п какъ де Нижній возьмемъ», говорили эти казаки, «и въ то де число увидятъ царевича всѣ крестьяне»²⁾). Сказывали также, будто въ Разинскомъ стану находился и патріархъ Никоиъ, изгнанный боярами изъ Москвы³⁾).

Саратовъ сдался Разину безъ сопротивленія⁴⁾). Въ Самарѣ казацкая партія сперва встрѣтила было нѣкоторое противодѣй-

¹⁾ Черный Яръ въ то время былъ острогъ между Царицынымъ и Астраханью съ жившими въ немъ служилыми людьми. Говорятъ, поводомъ къ основанію его послужило ограбленіе въ 1621 году около этого мѣста каравана. Построенъ былъ острогъ въ 1627 году воеводами Андреемъ Глуховымъ и Матвѣемъ Львовымъ, присланными изъ Москвы. Главное назначеніе Чернаго Яра состояло въ огражденіи каравановъ отъ нападеній на нихъ со стороны казаковъ и кочевниковъ. Въ атакахъ Черный Яръ упоминается нѣрѣдко въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Монографіи Костомарова II, 210 с. Город. пос. Рос. вып. I, 93 с. Доп. А. И. III, № 126,

²⁾ Матер., отн. къ бунту Разина. 5—7, 15, 123, 250—251 сс.

³⁾ Монографіи Н. Костомарова II, 313 с. Ист. Рос. С. Соловьева XI, 377 с.

⁴⁾ Въ то время Саратовъ находился не на лѣвой сторонѣ, какъ во время его построенія («Поволжье въ XV и XVI вв.» 320 с.), а на правой, и нѣсколько ниже прежняго мѣста. Время перенесенія Саратова съ лѣваго берега на правый не можетъ быть точно опредѣлено. Мѣстное преданіе утвер-

ствіе въ горожанѣхъ, но пониженіе Разина подѣ городомъ дало перевѣсъ его приверженцамъ, и Самара также очутилась въ его распоряженіи. Съ воеводами въ этихъ городахъ Разинъ поступалъ по прежнему, и на ихъ мѣста водворены были атаманъ, избранные вольными голосами¹⁾. Съ присоединеніемъ каждаго новаго города число спутниковъ Разина, его войска, увеличилось обыкновенно новыми приверженцами, присоединившимися къ нему, когда онъ двигался дальше²⁾. Въ началѣ сентября новаго года (4-го сентября 1671 г.) Разинъ стоялъ уже подѣ Симбирскомъ. Здѣсь на первыхъ порахъ ему посчастливилось овладѣть острогомъ и отбить князя Юрія Боротинскаго, пришедшаго съ небольшимъ войскомъ на помощь къ Симбирску, по овладѣть внутреннимъ укрѣпленіемъ города, кремлемъ, въ которомъ засѣлъ Симбирскій воевода Иванъ Милославскій съ

ждаеть, что городъ Саратовъ «оставался на мѣстѣ своего первоначальнаго основанія лишь 13 лѣтъ. Нахлынувшіе ордынцы разорили его до основанія въ началѣ XVII столѣтія». Дѣйствительно, въ одномъ актѣ, относящемся къ началу царствованія Михаила Федоровича, говорится стрѣльцкимъ головѣмъ слѣдующее: «и вы съ Самары отпущены подѣ Астрахань на спѣхъ, днемъ и ночью, и вы поѣхали отъ Самары до Саратовскаю городища . . . заѣзжали есте на Саратовское городище и копали ямы и испали помѣжъ (кладовъ), а отъ городища заѣзжали къ Саратову близко десять верстъ и прислали колокола; а мы васъ послали подѣ Астрахань на спѣхъ, а не ямъ копать и не помѣжъ искать и не для колоколовъ» («О Саратов. краѣ» Леопольдова, 32 стр. А. И. т. III, № 273). Обладая такимъ яснымъ свидѣтельствомъ нашихъ актовъ, мы не можемъ не отвергнуть свидѣтельство Олеарія, говорящаго, что Саратовъ въ его время находился на лѣвой сторонѣ Волги («Путеш.» Олеарія 434 стр.) Эти же данныя привели къ подобному же результату и другихъ изслѣдователей до насъ. См. Город. посел. Рос. им. IV, 406. Мнѣніе г. Костомарова, высказанное объ этомъ вопросѣ въ Памят. кн. Саратов. губ. 1858 г. въ подобномъ же направленіи, намъ не удалось до сихъ поръ прочесть, ибо этой памяти, кн. мы не могли отыскать въ 1876 году въ іюлѣ мѣсяцѣ даже въ библіотекѣ Саратовскаго статист. комит., нашедшаго ее.

¹⁾ Сборникъ кн. Хилкова. 1879 г. № 87.

²⁾ О скупницѣ Разинскомъ подѣ Симбирскомъ говорится слѣдующее: «и воръ Стенька Разинъ собрався съ ворами Донскими казаками и съ Астраханскими и съ Царицынскими и Саратовскими и съ Самарскими ворами, и съ измѣнниками Симбирскими и по чертѣ изъ всѣхъ городовъ съ ворами и разныхъ городовъ съ Татарами и съ Чювашею и съ Черемисою и съ Мордвою». Матер. 63 стр.

стрѣльцами и солдатами, Разину не удалось, такъ что онъ долженъ былъ приступить къ осадѣ главнаго укрѣпленія города Симбирска¹⁾. Успѣшнѣе дѣйствовали Донскіе казаки и приверженцы Разина между населеніемъ и служилыми людьми на Симбирской и Закамской чертахъ. Мы знаемъ, что составъ населенія на укрѣпленныхъ линіяхъ и служилыхъ людей въ здѣшнихъ городахъ и острожкахъ былъ сбродный, и населеніе, не соединенное въ прошломъ между собой внутренними связями, не могло за этотъ промежутокъ времени осѣсть прочно на мѣстѣ своего новаго поселенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить значительный контингентъ всякаго рода бѣглыхъ — изъ крестьянъ, стрѣльцовъ, казаковъ и солдатъ, постоянно опасавшихся, что откроется ихъ инкогнито, имъ испишутъ спины кнутомъ и вышлютъ на мѣсто прежняго жительства; приходъ Разина представлялъ имъ удобный выходъ изъ затруднительнаго положенія: они получили возможность стать руководителями и обнаружить свои силы и военный опытъ, который иные изъ нихъ могли приобрести, отправляя въ томъ или другомъ мѣстѣ обязанности стрѣльца или солдата. Вслѣдствіе подобныхъ условій мѣста, ближайшія къ Волгѣ, въ Закамской укрѣпленной линіи (Вѣлны Яръ и Ерыклинскъ) и вся Симбирская черта были скоро охвачены казачьимъ движеніемъ и открыто приняли сторону Разина.

Какъ на Симбирской чертѣ, такъ и въ ближайшихъ къ ней уѣздахъ: Тетюшскомъ, Свияжскомъ, Цивильскомъ и другихъ, жило много инородцевъ изъ татаръ, Чувашъ, Черемисъ и Мордвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по чертѣ, какъ мы видѣли, со времени проведенія ея водворены были въ разныхъ мѣстахъ инородцы въ качествѣ служилыхъ людей; такъ, кромѣ прежде упомянутыхъ, въ 1652 году было «отдѣлено Корсунской черты города Малаго Корсунова служилымъ коннымъ татаромъ деревни Ногаевы Иряшеѣ Тергулову съ товарищи и съ тѣми, которые впредь будутъ прибраны, на пятьдесятъ чело-

¹⁾ Истор. Рос. С. Соловьева т. XI, 375 с. «Монографіи» Костомарова II, 311 с.

вѣкъ.... къ прежней отдѣльной ихъ землѣ, которая отдѣлена имъ татаромъ въ среднемъ полѣ на рѣчкѣ Сухомъ Корсуновъ, гдѣ они построились слободою»¹⁾). Раньше мы упоминали о ненормальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между инородцами и представителями русскаго государства въ мѣстахъ ихъ жительства; отъ подобныхъ отношеній въ сердцахъ инородцевъ должно было накопиться много неудовольствія противъ государства, представляемаго такими служилыми людьми. Въ этому слѣдуетъ еще прибавить, что у нѣкоторыхъ инородцевъ, какъ напримѣръ, у Черемисъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія еще тлѣлись прежніе разбойническіе инстинкты, которые и разгорѣлись при благопріятныхъ обстоятельствахъ со всею энергіею²⁾).

Вмѣстѣ съ осадю Симбирска укрѣпленная Симбирская черта съ острогами по ней и городами стала главнымъ мѣстомъ для военныхъ операцій Разина и его приверженцевъ, которые разсѣялись не только по чертѣ, но и выше ея, всюду пользуясь накопившимся неудовольствіемъ въ низшихъ слояхъ³⁾), возбуждая населеніе противъ правительственныхъ людей, представлявшихъ собой власть. Лишь въ немногихъ мѣстахъ воеводы и приказные люди были населеніемъ «одобрены», вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ по ходатайству населенія предъ приверженцами Разина успѣли сохранить свою жизнь; огромное же большинство воеводъ, «обливанное» населеніемъ, умерщ-

¹⁾ Отведено было имъ «по 20 чет. человѣку въ полѣ, а въ дву потюмъ, да сѣнныхъ покосовъ въ трехъ поляхъ по 86 коп. человѣку.... а отдѣлена та земля имъ татарамъ изъ поля, что была земля деревни Сухомъ Корсунова Мордвы». Арх. Мин. Юст. I Ж отд. Казань, отназ. старыхъ лѣтъ, кн. 6, № дѣла 18.

²⁾ Матер. 148 с.

³⁾ Въ возстаніяхъ иногда принимали дѣятельное участіе священники и посадскіе люди; такъ, въ Кузьмоденьинскѣ «у воровскихъ людей былъ старшиною Кузьмоденьинской посацкой человѣкъ Ивашко Шустъ и Кузьмоденьинскіе соборные церкви поплъ Михайло Ѳедоровъ, который съ тѣми воровскими людьми воровалъ за одно и былъ противъ великаго государя ратныхъ людей на бою.» Тамъ же 69, 76 и др. стр.

владось немедленно, если только они не спѣшили заблаговременно уйти со своихъ мѣстъ, зная нерасположеніе къ себѣ народа и подчиненныхъ служилыхъ людей. Кромѣ сильнаго нерасположенія населенія и низшаго служилаго люда къ начальственнымъ лицамъ, приверженцамъ Разина не трудно было овладѣвать городками и острогами еще вслѣдствіе ихъ малолюдства и большей частью плохаго состоянія въ нихъ вооруженія¹⁾. Во главѣ возставшихъ, ихъ руководителями въ болахъ по естественному порядку вещей являются люди, нѣсколько уже знакомые съ военнымъ дѣломъ, — Донскіе казаки, бѣглые солдаты и изрѣдка стрѣльцы; инициаторами движенія тоже нрѣдко выступаютъ казаки и бѣглые солдаты²⁾. Быть можетъ, отчасти вслѣдствіе преобладанія инородческаго населенія на Симбирской чертѣ и въ иныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья здѣсь среди возставшихъ съ самаго начала бросается въ глаза сильное численное превосходство инородческаго элемента надъ русскимъ, съ тѣмъ ограниченіемъ впрочемъ, что болѣе зажиточные изъ инородцевъ примыкають крѣпко къ русскому правительству и не принимаютъ участія въ возстаніяхъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же сс. 126, 148, 158.

²⁾ Руководящее значеніе казаковъ и бѣглыхъ солдатъ между прочимъ можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ. Воевода Урусовъ доноситъ, что по Симбирской чертѣ «всему воровству заводчики Уренскіе казаки» т. е. казаки изъ пригорода Урена, что на Симбирской чертѣ. Воевода Милославскій послѣ снятія осады съ города Симбирска пишетъ: «собрався Симбирской и Корсунской черты изъ пригородковъ, изъ слободъ и изъ деревень многіе воровскіе люди и казаки и крѣстьяне, Татаровъ и Чюваша и Мордва тысячъ съ шесть, да съ ними воровскихъ казаковъ 20 челов.». Въ ноябрѣ 1671 года воевода Хлоповъ пишетъ изъ Касимова, что въ ближайшихъ городахъ (т. е. въ Верхнемъ Домовѣ, Кадомѣ, Темниковѣ и др.) бунтуютъ и на всякое зло научають. . . . выборныхъ полковъ Агѣя Шепелева да Матея Кравкова солдаты, которые сбѣжали изъ полковъ въ дома свои». Тамъ же сс. 66, 67, 170; смотри также 133 и 135 сс.

³⁾ При движеніи князя Юрія Боротисаго изъ Симбирску для выручки города отъ Разина, онъ на пути долженъ былъ въ разныхъ мѣстахъ выдержать четыре сраженія съ шайками мятежниковъ; каждая шайка, по его донесенію, была въ нѣсколько тысячъ человекъ. Объ этихъ шайкахъ говорится

Воевода Милославскій, задержавши Разина подъ Симбирскомъ, далъ возможность князю Юрію Боротинскому собраться въ Казани съ новыми силами и вторично двинуться къ Симбирску, который былъ уже въ большой крайности. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ сраженій съ шайками возставшихъ, Боротинскій съ войсками, главную часть которыхъ составляли полки солдатъ, обученныхъ новому строю, въ концѣ сентября вступилъ подъ Симбирскомъ въ битву съ скопищемъ самого Разина. Сраженіе, по словамъ воеводы, было упорное: «люди въ людѣхъ мѣшались, и стрѣльба на обѣ стороны была въ притицъ», ибо противники сошлись на чрезвычайно близкое разстояніе. Разинъ былъ разбитъ и ушелъ со своими казаками, покинувъ у Симбирска своихъ приверженцевъ. Послѣ этой побѣды часть городовъ и острожковъ выѣхъ съ населеніемъ по Симбирской и Закамской чертамъ, по донесенію Симбирскаго воеводы, «добили челомъ государю и вины свои принесли». Но, не смотря на отсутствіе главы въ возстаніи, оно держалось въ разныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья еще долгое время, вызывая мѣстами со стороны правительственныхъ воеводъ

такъ: «собралися вору казаки и татарова, и Чуваша, и Черемиса и Мордва». Когда бунтъ охватилъ собою Свияжскій, Цивильскій и другіе Поволжскіе уѣзды, то о бунтовщикахъ въ донесеніи воеводъ говорится между прочимъ: «нагорные стороны Черемиса еся воруетъ съ воровскими казаками». При казни бунтовщиковъ тоже можно замѣтить преобладаніе въ бунтѣ инородцевъ; такъ, воевода, дѣйствовавшій въ Цивильскомъ и Свияжскомъ уѣздахъ, доноситъ въ Москву: «на тѣхъ дву бояхъ взялъ языковъ 20 человекъ, и изъ тѣхъ взятыхъ языковъ велѣлъ я, холопъ твой, повѣсить пущахъ воровъ и заводчиковъ дву человекъ русскихъ людей, да Чуваша 10 человекъ». Объ отношеніи зажиточныхъ инородцевъ къ русскимъ въ это время можетъ свидѣтельствовать челобитная трехъ ясаичныхъ Чувашъ Цивильскаго уѣзда, пересланная ими въ Москву чрезъ воеводу, въ которой они говорятъ, что были вѣрны въ бунтѣ русскому правительству и доносили ему, когда должны были прийти въ Цивильску воровскіе люди, за что «воровскіе татары и Чуваша хотѣли до смерти убить ихъ»; при этомъ пишется въ грамотѣ, что воровскіе люди у одного изъ челобитчиковъ взяли «на триста рублевъ (вещей?) да денегъ 85», у отца другаго «на 505 руб. да 240 руб. денегъ», у третьяго «на 100 руб. да денегъ 50 руб.». Тамъ же 62—33, 73, 74, 83, 83, 124 ес.

жестокія мѣры противъ населенія, принимавшаго большей частью сильное участіе въ разинскомъ движеніи¹⁾). Стрѣльцамъ и казакамъ, жившимъ въ городкахъ и острожкахъ по Симбирской чертѣ, не взирая на видимое ихъ раскаяніе и подчиненіе правительству, воеводы не довѣряли вполнѣ и держали ихъ въ полкахъ у себя, «для того, по воихъ мѣстѣ укрѣпятся»²⁾). Самара и Саратовъ не впустили къ себѣ бѣжавшаго изъ подъ Симбирска Разина и стали снова правительственными городами. Послѣ взятія и казни Разина (апрѣль 1671 года) спокойствіе было постепенно восстановлено всюду правительственными воеводами.

Схваченный на Дону, Разинъ казненъ былъ въ Москвѣ; движеніе въ Поволжьѣ и по Симбирской чертѣ было въ продолженіе года успокоено; но тяжелыя экономическія слѣдствія разинскаго движенія давали чувствовать себя мѣстному населенію и послѣ наступленія спокойствія въ здѣшнихъ мѣстахъ, не взирая на природныя богатства страны. Впрочемъ оно и быть не могло иначе, потому что большинство населенія въ здѣшнемъ краѣ съ той или другой стороны, т. е., за правительство или же за Разина, принимало дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, вслѣдствіе чего и должно было заплатить лично и имущественно, ибо не только Разинцы, но и приверженцы правительства старались дѣйствовать чувствомъ страха на своихъ противниковъ, неостанавливаясь ни предъ чѣмъ въ этомъ направленіи. Само правительство вскорѣ послѣ побѣды князя Юрія Боротинскаго надъ Стенькою Разиннымъ говорить по этому случаю о дѣйствіяхъ своихъ воеводъ въ выраженіяхъ хотя и общихъ, но едвали допускающихъ сомнѣніе; оно свидѣтельствуетъ, что воеводы «тѣхъ, которые, обольстясь, къ воровству ихъ (т. е. Разинцевъ) пристали въ городѣхъ, что по чертѣ, ... мнозиа побили и разорили безъ остатку»³⁾).

¹⁾ Тамъ же 79 с.

²⁾ Тамъ же 71 с.

³⁾ Сборникъ кн. Хилкова 1879 г. № 87; грам. 1671 г. 12 го октября. Въ томъ же году въ ноябрѣ князь Даніилъ Боротинскій, братъ побѣдителя Разина, извѣщалъ царя изъ Кузьмодемьянскаго уѣзда, что онъ въ Кузьмо-

Нѣкоторые изъ служилыхъ людей Симбирской черты, у которыхъ съ самаго начала, по ихъ словамъ, было «пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ скудно», до разинскаго движенія еще несли свои обязанности, не жалуясь на свою скудость; теперь же казачій пятидесятникъ Арской слободы виѣстъ съ пятидесятью товарищами жалуется государю, что они «безъ пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ оскудали», и просятъ, чтобъ царь въ прибавку къ ихъ прежнимъ землямъ и сѣннымъ покосамъ «велѣлъ имъ, для ихъ скудости, отвести на пашню земли и сѣнныхъ покосовъ за валомъ, на Крымской сторонѣ, вверхъ по Студеному ключу»¹⁾. Послѣ наступленія въ здѣшней сторонѣ спокойствія началось усиленное испомѣщеніе въ ней служилыхъ людей, которые приходили въ Симбирскъ отовсюду изъ Россіи. Большею частью въ отказныхъ грамотахъ говорится, что такой-то служилый человѣкъ, на основаніи 40-й статьи 16-ой главы Уложенія, «поверстанъ на Москвѣ въ приказъ Казанскаго дворца... великаго государя жалованья окладъ ему учиненъ (такой-то) и по указу велѣно его написать въ помѣстномъ и въ денежномъ окладѣ въ Симбирскую десятню въ служилый списокъ». Такой служилый человѣкъ, или же иногда цѣлая группа ихъ приходила въ Симбирскій уѣздъ и здѣсь сама разыскивала «за валомъ на Крымской сторонѣ порозжую землю, дикое поле, которое въ помѣстье и на оброкъ никому не отдано»; послѣ этого переселенцы обращались къ Симбирскому воеводѣ съ просьбою назначить «отказника», который бы имъ отвелъ землю, найденную ими, съ угодыми. Воевода выбиралъ кого-либо изъ мѣстныхъ служилыхъ людей («Синбиренина»), котораго, нерѣдко виѣстъ съ подъячимъ, отправлялъ въ тѣ

демянскѣ сыскивалъ воровъ и извѣнниковъ: «и по смыслу, государь, тѣхъ воровъ и извѣнниковъ бито кнутомъ нещадно 400 человѣкъ; да и въ нихъ же, государь, казнено сто человѣкъ, отсѣчено по пересту у правой руки, а инымъ отсѣчены руки, а пущихъ воровъ и заводчиковъ казнено смертию 60 человѣкъ». Матер. 79 с.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III-ее Вотч. отд. Казань, отказная старыхъ лѣтъ съ городами кн. 4. № дѣла 7-ой (1673 г.)

мѣста, гдѣ находилась найденная челобитчиками земля. Отказъ долженъ былъ обыкновенно, «не доѣзжая той порожней земли, взять съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старостъ, цѣловальниковъ и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, и около той порожней земли сыскать (иногда прибавляется: «большимъ повальнымъ обыскомъ»)) русскими людьми по святѣй непорочнѣй евангельстѣй заповѣди господней, а мурзы и татары и мордвою и чувашею по ихъ вѣрѣ, по шерти: та земля, о которой бьютъ челомъ, порожжая и въ помѣстье и на оброкъ и въ ясакъ кому напередъ сего не отдана, и спору о той землѣ не будетъ, и отъ государевыхъ пашенныхъ земель и отъ засѣчныхъ крѣпостей не въ ближнихъ мѣstechъ и отъ воинскихъ людей уберечься кочно ль». Если показанія вышеупомянутыхъ людей относительно всего этого были благопріятны, то найденныя земли съ угодьями отводились челобитчикамъ, сообразно указу и статьѣ Уложения, и отмежевывались отъ сосѣднихъ земель, раньше занятыхъ или же пустыхъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ 1673 году исполнено было въ Симбирскомъ уѣздѣ за валомъ на рѣкѣ Ташлѣ²⁾, и на другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ довольно значительное число служилыхъ людей³⁾; нѣкоторые изъ нихъ теперь и впоследствии, найдя по близости свободную землю, подходящую для обработки, просили о дополнительномъ надѣлѣ къ землѣ, находившейся уже въ ихъ владѣніи⁴⁾. Каждый служилый человѣкъ, получившій землю въ Симбирскомъ уѣздѣ и зачисленный въ служилый списокъ по городу Симбирску прозывался Симбирениномъ, хотя бы у него находились земельныя дачи и въ другихъ уѣздахъ; такъ, до насъ дошла грамота, данная «Арзамасцу⁵⁾, Борису Петрову сыну Бекетову», нашедшему за валомъ «по-

¹⁾ Тамъ же отказн. стар. л. Казань кн. 5, №№ дѣлъ 26, 43, 51, 97 и др.

²⁾ Ташла—притокъ Свинги съ правой стороны, южнее Симбирска.

³⁾ Тамъ же отказ. ст. л. Казань кн. 4, №№ дѣлъ 32, 37, 38, 43, 82, 88.

⁴⁾ Тамъ, въ августѣ 1673 года Иванъ Петровъ Ансакъ былъ челомъ государю, чтобъ ему отвели 70 четвертей пустой земли, которую онъ нашелъ на Крымской сторонѣ, какъ дополнительный надѣлъ, потому что ему по первоначальной дачѣ слѣдуетъ еще получить. Тамъ же № 3 л.

⁵⁾ Городъ Арзамасъ теперь принадлежитъ Нижегородской губерніи.

розжей земли дикаго поля» и просившему, чтобъ отвели его ему «служба служить по Сибирску съ прежнимъ его помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ»,—въ отводной грамотѣ онъ именуется «Сибирениномъ»¹⁾.

Среди служилыхъ людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ подавленіи разинскаго движенія, не разъ упоминаются люди «выборнаго солдатскаго строя полку Агѣи Шепелева»; нѣкоторые изъ нихъ съ успѣхомъ дѣйствовали противъ приверженцевъ Разина²⁾. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ усмиренія бунта солдаты этого полка, какъ бы въ вознагражденіе отъ правительства, были «поверстаны на Москвѣ въ приказѣ Казанскаго дворца денежнымъ и землянымъ окладомъ по Сибирску»³⁾. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ солдатъ, соединившись между собой, пріискали себѣ «дикое поле за валомъ противъ станичной тетюшской слободы на рѣчкѣ Тетюшкѣ»; другіе нашли себѣ землю на ключѣ, противъ Тетюшской башни, иные же—южнѣ, по рѣчкамъ Гущѣ и Ташлѣ⁴⁾. Всякому солдату назначено было въ Симбирскомъ уѣздѣ по 50 четвертей пахотной земли въ каждомъ полѣ съ угодьями и пять рублей денегъ; объ отдѣльныхъ солдатахъ въ частности говорится иногда, что «ему велѣно отвести помѣстной земли дикаго поля въ Симбирскомъ уѣздѣ за полное терпѣніе и за раны». Всѣхъ ихъ, согласно указу, записывали въ помѣстномъ и въ денежномъ окладѣ въ Симбирскую десятню въ служилый списокъ, съ повелѣніемъ послѣ земельного отвода «солдатская служба служить по прежнему»⁵⁾. Несогласія, происходившія временами между служилыми людьми, побуждали иныхъ изъ нихъ уходить со старыхъ мѣстъ и искать за валомъ сво-

¹⁾ Тамъ же грам. за № 62. (1674 г.).

²⁾ Матер. 75 и 80 сс.

³⁾ Арх. Мин. Юст. III-е Вотчин. отд. Казань, отказ. стар. лѣтъ кн. 1, № дѣла 101; кн. V, № дѣла 25.

⁴⁾ Рѣчка Тетюшка и Гуща—притоки р. Свияги съ правой стороны,—послѣдняя южнѣ города Симбирска.

⁵⁾ Отказ. стар. лѣтъ Казань, кн. 4, №№ дѣлъ 73, 101; кн. 5, № дѣла 1 и № дѣла 46. Грам. 1675—1676 гг. Между отдѣльными товариществами солдатъ изъ Ше-

бодныхъ земель, объ отводѣ которыхъ они и просили потомъ, указывая правительству, что «ихъ, солдатъ выборнаго полку, стрѣльцы и казаки изъ дворовъ выбиваютъ и земли пахать не даютъ»¹⁾. Вслѣдствіе изобилія здѣсь земель, никѣмъ не занятыхъ, солдаты, если имѣли средства обрабатывать лишнія со-сѣднія земли, начинали ихъ безъ стѣсненій и воздѣлывали безъ соизволенія правительства въ продолженіе своей жизни, передавая даже своимъ дѣтямъ; только дѣти, пользуясь подходящими случаями, ходатайствуютъ предъ государемъ объ отводѣ имъ этихъ земель²⁾. Дѣти, братья и племянники солдатъ въ свою очередь соединяются между собою, отыскиваютъ на разныхъ рѣчкахъ за валомъ свободныя земли и обращаются къ правительству съ просьбою объ отводѣ имъ этихъ земель съ угодьями при нихъ въ опредѣленномъ количествѣ³⁾.

Но не только солдаты соединяются между собою и прискиваютъ за валомъ свободныя земли, — служилые люди съ гораздо большими пожалованіями поступали точно такъ же въ описываемое время. До насъ дошло нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ видно, что люди, поверстанные въ приказѣ Казанскаго дворца на Москвѣ по Симбирску 300, 250 и 200 четвертями земли, соединяются вѣстѣ по 4 и по 6 человекъ, отыскиваютъ для себя за валомъ свободныя земли съ угодьями и обращаются къ Симбирскому воеводѣ съ челобитьемъ назначить имъ откащика изъ мѣстныхъ служилыхъ людей; получивши откащика, они отправляются съ нимъ на найденныя ими свободныя земли, которыя тотъ и отводитъ имъ на основаніи статьи

пелева полка, испомѣщенными въ здѣшнихъ мѣстахъ, — двое имѣютъ прсзвище «Тенинновець», а одинъ «Муромецъ».

¹⁾ Тамъ же, кн. 6 № дѣла 54. Выборнаго полку солдаты Марчко Ивановъ сынъ Мозинъ съ товарищи, 7 челов.; грам. 1680 г.; на рѣчѣ Корсуновѣ.

²⁾ Тамъ же № дѣла 77.

³⁾ Тамъ же кн. 5, № 66. Распоряженіе объ отводѣ земли на рѣчкахъ — Мансѣ, Иняѣ и Кучкѣ, «противъ челобиты солдатскихъ дѣтей и братья и племянники Ивашки Москвы съ товарищи», по 20 четв. человекъ въ каждомъ полѣ (1677 г.).

Уложенія въ опредѣленномъ количествѣ¹⁾). Нѣкоторые изъ членовъ подобныхъ товариществъ, получившіе свободныя земли за валомъ въ Сибирскомъ уѣздѣ, владѣли пожалованными помѣстьями и въ другихъ, иногда отдаленныхъ отъ упомянутаго уѣзда мѣстахъ; такъ, кромѣ помѣщиковъ, обладавшихъ помѣстьями въ ближайшемъ Алаторскомъ уѣздѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь владѣтелей уѣздовъ — Курмышскаго, Арзамаскаго, Нижегородскаго и даже далекаго Углицкаго²⁾). Нѣкоторые изъ помѣщиковъ дальнихъ уѣздовъ, не обращая вниманія на разстояніе, переводятъ семьи крестьянъ изъ своихъ помѣстій во внутренней Россіи на пожалованныя имъ земли Сибирскаго уѣзда, богатыя производительностью, и такимъ образомъ постепенно заселяютъ ихъ³⁾).

Чѣмъ южнѣ занимались и заселялись свободныя земли въ Сибирскомъ уѣздѣ, тѣмъ больше правительству слѣдовало имѣть въ виду защиту населенныхъ земель отъ непріятельскихъ разореній, тѣмъ болѣе ему надобно было расширять такъ называемую станичную или разъѣздную службу на извѣстномъ пространствѣ. По этому правительству были на руку челобитныя отдѣльныхъ лицъ — преимущественно инородческихъ, отправлявшихъ уже станичную службу въ Сибирскомъ уѣздѣ, когда они, найдя южнѣ свободныя и для нихъ удобныя земли, отдѣлялись отъ своихъ товарищей и обращались къ правитель-

¹⁾ Такъ, шесть Сибирянъ просили объ отводѣ имъ земель, найденныхъ ими «сверхъ по р. Барышу, по обѣ стороны» (1676 г.); сверхъ того четыремъ отведено было по ихъ просьбѣ «противъ города Уренска по Самарской дорогѣ» (1680 г.). Тамъ же Казань, кн. 5, №№ дѣлъ 43 и 110.

²⁾ Тамъ же кн. 6, №№ дѣлъ 19 и 75 (гр. 1679 и 1680 гг.).

³⁾ Такъ, въ 1676 году въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Березопольскомъ стану, въ деревнѣ Топаревѣ часть земли была въ помѣстьѣ за Сибирякомъ Артемьей Елизаровымъ сыномъ Жеребятниковымъ; за нимъ въ помѣстьѣ его числилось 8 дворовъ жилыхъ крестьянъ и нѣсколько пустыхъ; среди пустыхъ о двухъ дворахъ говорится: «а тѣ крестьяне переведены въ Сибирской уѣздъ въ дер. Майню». Дѣйствительно, въ Сибирскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Малой Майнѣ въ 1686-мъ году встрѣчается помѣстье Артемья Жеребятникова. Арх. Мин. Юст. Нижній, Череп. кн. 1676 г. кн. 46 № 477; Казань, отказ. стар. л. кн. 6, № дѣла 19.

ству съ просьбою отвести имъ эти земли, обязываясь съ своей стороны съ новой земли «станишную службу съ своею братьею служить по прежнему». Такія товарищества составлялись изъ одной или нѣсколькихъ деревень, числомъ въ 5, 10 и 25 человекъ. Иногда цѣлая деревня станичниковъ, можетъ быть вслѣдствіе опасностей, которымъ они подвергались на мѣстѣ своего жительства, переходила южнѣе, на новыя, болѣе безопасныя отъ нападеній мѣста, откуда по старому несли сторожевую станичную службу цѣлою общиною¹⁾.

Въ концѣ семидесятихъ годовъ XVII вѣка (1678 г.) произведена была опись городу Симбирску съ уѣздомъ; по этой описи мы можемъ нѣсколько ознакомиться съ составомъ Симбирскаго общества, которое жило въ то время на посадѣ и въ уѣздѣ. Не смотря на личный и имущественный погромъ, которому неминуемо долженъ былъ подвергнуться городъ Симбирскъ съ своимъ уѣздомъ во время разинскаго движенія, ибо здѣшняя мѣстность была узломъ, около котораго въ продолженіе извѣстнаго времени сосредоточена была сперва дѣятельность Разина съ сподвижниками, а потомъ правительственныхъ воеводъ, дѣйствовавшихъ противъ Разинцевъ,—не смотря, на это, состояніе Симбирскаго посада съ его уѣздомъ въ описываемое время было очень удовлетворительное,—что можетъ свидѣтельствовать отчасти о сильномъ приливѣ новыхъ жизненныхъ силъ изъ великой Россіи въ здѣшнюю страну, обильную всякими природными благами. Лишь по значительному преобладанію бобыльскихъ дворовъ надъ посадскими въ Симбирскѣ надобно предполагать, что какъ новыя, такъ, быть можетъ, и нѣкоторые изъ старыхъ насельниковъ въ данному времени не успѣли еще разжиться на столько, чтобъ могли попасть въ разрядъ посад-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, станичные Татары и Чюваши деревни Сенгилѣевки Казабайла Ябаевъ съ товарищи 25 человекъ, да Чюваши деревни Тинерель, Ягайла съ товарищи 10 человекъ въ своей челобитной, поданной въ Симбирскъ, говорятъ, что имъ на старыхъ мѣстахъ жить «стало неможно» (а по чему разобрать въ грамотѣ нѣтъ возможности: листы сгнили и выцѣли чернила), и просятъ отвести имъ «порозжую землю дикое поле» юж-

скихъ людей¹⁾). Кромѣ посадскихъ и бобылей, въ Симбирскѣ находилось около тридцати дворовъ площадныхъ подъячихъ, которымъ по царскому указу и по грамотѣ, присланной въ 1676-мъ году изъ Казанскаго дворца, «за ихъ службы и за осадное сидѣнье велѣно быть на площади, а опричь площадной службы иной службы служить не велѣно»; на посадѣ же въ это время въ сорока слишкомъ дворахъ жили рыбные ловцы; сверхъ того, по нѣскольку дворовъ занимали: плотники, кузнецы, воротники, балакирники, порохового дѣла мастера и однимъ дворомъ владѣли звѣровщики. Люди, занимавшіеся какимъ либо промысломъ, платили съ своего промысла особое тягло: такъ напримѣръ балакирники несли «балакирское тягло»²⁾. На Симбирскомъ посадѣ находились еще дворы монастырей: Троице-Сергіева, Спасскаго и Богоявленскаго Костромскаго³⁾. Между посадскими людьми, рыболовами и кузнецами встрѣчаемся съ прозвищами: Тетюшенинъ (4 двора), «Куриншенинъ», «Устюженинъ» и «Нижегородецъ», указывающими на мѣста, откуда являлись поселенцы Симбирскаго посада. Среди

нѣ по р. Усь въ урочищахъ Усолъя, обязуясь съ этой земли служить станичную службу по прежнему; ихъ же старыя земли отведены были русскимъ станичникамъ Сентилѣвской слободы въ наддачу къ прежнимъ землямъ, согласно просьбѣ послѣднихъ. Точно также станичная Мордва деревни Кондари и дер. Вельминъ, въ числѣ 5 чел., просила правительство отвести имъ «порозжее дикое поле въ угоды и покосами за валомъ по рѣчкѣ Туварѣ по обѣ стороны», обязуясь отсюда нести по прежнему станичную службу. Тамъ же Казань кн. 5, №№ дѣлъ 51, 100, 103 (1670 г.—1679 г.).

¹⁾ Въ городѣ Симбирскѣ въ 1678 году посадскихъ дворовъ было 178. людей въ нихъ жило 498 челов.; бобыльскихъ дворовъ было 326, въ нихъ жило 836 челов. Арх. Мин. Юст. III. Казань. Переп. кн. за № 6455, кн. 17, л. 263—313.

²⁾ Казань, Переп. кн. 7, № 152 л. 156.

³⁾ Площадныхъ подъячихъ въ Симбирскѣ было 29 дворовъ, людей въ нихъ жило 58 чел.; рыбныхъ ловцовъ 42 дв., людей въ нихъ 106 человекъ; плотниковъ 7 дв., людей въ нихъ 20 человекъ; кузнецовъ — 6 дв., людей въ нихъ 15 человекъ; воротниковъ 5 дв., людей въ нихъ 17 человекъ; порохового дѣла мастеровъ 4 дв., людей въ нихъ 12 человекъ; балакирниковъ—3 дв., людей въ нихъ 4 человекъ; у звѣровщика былъ сынъ и сосѣдъ; кромѣ того упоминаются приказной избы сторожи, которыхъ 4 дв. съ десятию человѣками. Тамъ же кн. 17 лл. 313—327.

площадныхъ подъячихъ попадаются прозвища: «Корсунецъ», «Чебоксаренинъ», «Москвитинъ» и «сынъ Поповъ» (4 двора), свидѣтельствующія о сбродномъ характерѣ на окраинѣ этого послѣдняго сословія, какъ и всѣхъ остальныхъ. Въ племенномъ отношеніи прозвища посадскихъ людей не столь разнообразны; во всякомъ случаѣ такія прозванія, какъ «Мордвининъ» и «Татариновъ» указываютъ на отсутствіе однообразія въ здѣшнемъ населеніи, котораго впрочемъ и ожидать нельзя вслѣдствіе присутствія довольно значительнаго числа инородцевъ въ составѣ уѣзднаго населенія¹⁾.

Сибирскій уѣздъ въ описываемое время, какъ мы уже видѣли, не ограничивался пространствомъ, замыкаемымъ укрѣпленною чертою, а захватывалъ массу земель, которыя простирались далеко за валъ. Земли въ уѣздѣ были главнымъ образомъ въ рукахъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же по рѣкамъ и рѣчкамъ, изрѣзывающимъ уѣздъ повсеместныхъ направленій. Владѣли служилые люди землею въ различномъ количествѣ, и владѣнія ихъ въ Сибирскомъ, какъ и въ другихъ уѣздахъ, состояли изъ отдѣльныхъ участковъ или жеребьевъ, которыхъ въ цѣломъ уѣздѣ было болѣе двухъ сотъ. Въ деревнѣ обыкновенно находилось нѣсколько участковъ, въ соотвѣтствіи, вѣроятно, съ товариществами, которыя, какъ мы уже видѣли, составлялись нерѣдко служилыми людьми для пріисканія себѣ земель на новыхъ мѣстахъ. Огромное большинство участковъ отмѣчено за «Сибирянами», но попадаются между участками иногда и такіе, которые, быть можетъ вслѣдствіе своего недавняго испомѣщенія въ уѣздѣ, помѣчены «за Алаторцемъ», «за Курмышениномъ» или же «за Арзамасцемъ». Деревни, въ которыхъ испомѣщены служилые люди, нерѣдко носятъ названія, одинаковыя съ фамиліями помѣстныхъ людей, владѣющихъ въ нихъ участками, какъ бы свидѣтельствуя этимъ, что они действительно были первыми основателями поселеній въ мѣ-

¹⁾ Тамъ же.

стахъ пустынныхъ, не имѣвшихъ прежде никакого наименованія¹⁾. Населеніе помѣстныхъ земель въ описываемое время состояло изъ крестьянъ, задворныхъ людей²⁾ и бобылей; всего больше было крестьянскихъ дворовъ (442 дв.), послѣ нихъ слѣдуютъ задворные люди (250 дв.), а за тѣмъ уже идутъ бобыли (159 дв.).

Кромѣ помѣстныхъ земель, въ Симбирскомъ уѣздѣ въ данное время находились еще дворцовыя земли, на которыхъ, какъ мы знаемъ, раскинулось нѣсколько слободъ, называвшихся слободами «на Арбугинскихъ поляхъ»; изъ нихъ четыре: Кременская, Кривушинская, Шиловская и Тушнинская, расположены одна ниже другой, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ Волги; пятая же слобода, Ключищенская, лежитъ у р. Свіаги, на западѣ отъ Кременской слободы. Составъ населенія въ слободахъ одинъ и тотъ же: въ каждой слободѣ встрѣчаемъ крестьянъ и бобылей, но количество тѣхъ и другихъ въ нихъ различно. Въ самомъ лучшемъ состояніи въ моментъ описи находилась Кременская слобода, лежавшая сѣвернѣе другихъ и ближе всѣхъ къ уѣздному и военному средоточію края—къ Симбирску; за ней по количеству крестьянъ слѣдуетъ Кривушинская, лежавшая южнѣе Кременской, потомъ идетъ Шиловская, и наконецъ всего меньше крестьянскихъ дворовъ въ самой южной слободѣ—въ Тушнинской; въ Ключищенской же слободѣ число крестьянскихъ дворовъ еще меньше Тушнинской³⁾. Слѣдуетъ предполагать, что на увеличеніе на-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, «за Курмышенинымъ за Дмитріемъ Аванасьевымъ Дубенскимъ на рѣчкѣ Бирючевѣ деревня Дубенка»; «за Алаторцевъ за Константиномъ Алексѣевымъ сыномъ Ворыпаевымъ на рѣчкѣ Большой Якѣ въ деревнѣ Ворыпаевъ»; «въ селѣ Кокоревѣ за Мареемъ да за Соломоновою Микеевыми дочерьми Кокорева»; «за Синбиренинымъ за вторымъ Петровымъ сыномъ Копыловымъ въ деревнѣ Копыловѣ»; «за Синбиренинымъ за Исаемъ Анасьевымъ сыномъ Бѣликова деревня Бѣликова», и другіе подобныя же примѣры. Кромѣ одного князя Еделева, мордовскаго мурзы, жившаго въ деревнѣ Еделева, всѣ остальные помѣщики, повидимому, русскіе люди. Тамъ же л. л. 17—106.

²⁾ Не дворовыхъ ли слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ «задворныхъ»?

³⁾ По описи 1678 г. въ Кременской слободѣ на рѣчкѣ Кременѣ было 95 дв. крест., въ котор. жило 310 челов., и 55 дв. боб. въ котор. находилось

селенія въ слободахъ не оставалось безъ вліянія то или другое ихъ отношеніе къ средоточію уѣздной жизни, съ чѣмъ могли для населенія соединяться нѣкоторыя торговыя выгоды и большая безопасность; кромѣ того, сосѣдство съ значительною рѣкою не могло не оказывать притягательнаго дѣйствія на населеніе, прибывающее въ здѣшнія мѣста, чѣмъ, по всей вѣроятности, обусловливается приливъ бобыльского населенія, замѣчаемый въ Шиловской и Ключищенской слободахъ, стоящихъ на такихъ рѣкахъ, какъ Волга и Свіяга. Прозвища: «Галичаннѣ» и «Свіяженнѣ», равно какъ «сапожникъ», «кузнецъ» и «бочкаръ», изрѣдка попадающіеся среди арбугинскаго слободскаго населенія, могутъ отчасти намъ указывать какъ на мѣста, откуда слободы получали своихъ поселенцевъ, такъ и на нѣкоторыя занятія слобожанъ въ данное время. Крестьяне и бобыли Арбугинскихъ слободъ, будучи дворцовыми, должны были пахать *десятинную пашню* на государя, величина которой для всѣхъ слободъ равнялась 130 десятинамъ въ каждомъ изъ трехъ полей ¹⁾). На Арбугинскихъ же дворцовыхъ земляхъ между Кременскою и Кривушинскою слободами въ описываемое время находимъ деревню Панскую, состоящую изъ иноземцевъ, о которыхъ сказано, что они сюда «переведены изъ Казани»; иноземскихъ дворовъ въ деревнѣ было болѣе тридцати; у нихъ «во дворахъ живутъ русскіе люди», кажется, въ качествѣ захребетниковъ; здѣсь же живутъ и нѣсколько русскихъ бобылей ²⁾). Что касается обязанности, возложенной

127 челов.; въ Кривушинской слободѣ на рѣкѣ Кривушѣ 92 дв. кр., людей въ нихъ 342 челов., и 32 дв. боб., въ котор. жило 101 челов.; въ слоб. Шиловской на рѣкѣ Волгѣ, 60 дв. крест., людей въ нихъ 188, 74 дв. боб. со 145 челов.; въ Тушинской слободѣ 55 дв. крест. съ 209 челов. и 39 дв. боб. съ 72 челов.; въ Ключищенской слободѣ на р. Свіягѣ 31 дв. крест. и 66 дв. боб. Тамъ же л. л. 181—262.

¹⁾ Тамъ же л. 259.

²⁾ Тамъ же л. л. 262—259. Эти иноземцы именуются такъ: «Васка Орехѣвъ сынъ», «Ивашко Михайловъ сынъ Рудной» и проч.; всѣхъ дворовъ въ деревнѣ 32, людей въ нихъ иноземцевъ жило 84 челов.; захребетниковъ 10 человекъ и 6 двор. русскихъ бобылей, въ которыхъ жило 12 человекъ.

правительствомъ на иноземцевъ деревни Панской, то о ней въ описи не сказано ничего; говорится только, что «иноземцы деревни Панской и русскіе люди великаго государя десятинной пашни не пашутъ». Судя же по той цѣли, съ какою раньше поселены были Смоленскіе иноземцы четырехъ знаменъ на Закамской линіи, а также Полоцкіе иноземцы на луговой сторонѣ Волги, слѣдуетъ предположить, что на иноземцевъ деревни Панской здѣсь возложена была та же обязанность, что и на остальныхъ служилыхъ людей: охранять и защищать здѣшній край отъ внѣшнихъ опасностей. Къ Симбирскому уѣзду въ описываемое время тянуло еще нѣсколько острожковъ; но эти заселенныя мѣста, основанныя главнымъ образомъ въ интересахъ защиты края, развивались въ другихъ отношеніяхъ очень медленно. Доказательствомъ этого можетъ отчасти служить пригородъ Тагаевъ, построенный во время проведенія Симбирской черты стольникомъ Петромъ Измаиловымъ: на посадѣ въ немъ въ 1678 г. находилось лишь пять дворовъ посадскихъ и семь бобыльскихъ; три года спустя (1681 г.), число посадскихъ дворовъ въ немъ увеличилось съ пяти на семь, и окладный сборъ съ нихъ равнялся пяти рублямъ двадцати алтынамъ¹⁾.

Шестидесять верстъ южнѣ впаденія рѣчки Сengiлейки въ Волгу, рѣка эта поворачиваетъ на востокъ и своимъ поворотомъ въ этомъ мѣстѣ образуетъ огромный изгибъ, извѣстный подъ названіемъ Самарской луки. Въ прошломъ изслѣдованіи²⁾ были указаны причины поворота, производимаго Волгою въ настоящемъ мѣстѣ, въ связи съ нѣкоторыми особенностями здѣшней страны, издавна привлекавшей къ себѣ особаго рода насельниковъ, которые кормились нападеніями на суда и караваны, плававшіе въ разное время и въ значительномъ количествѣ по Волгѣ. Но условія Самарской луки, манившія къ себѣ удалцовъ—казаковъ, жившихъ здѣсь грабежами и разбоями, привлекали также и людей мирныхъ, стремившихся честнымъ

¹⁾ Тамъ же л. л. 328—329; Город. Посел. Рос. Им. IV, 547 с.

²⁾ См. «Поволжье въ XV и XVI вв.» стр. 7, 17, 312.

трудомъ добыть себѣ достатокъ. Постараемся разсмотрѣть внимательнѣе особенности земель, входившихъ въ составъ Самарской луки. Самарская лука покрыта большей частью черноземомъ, который обладаетъ неисчислимыми выгодами для земледѣльца. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитый естествоиспытатель Палласъ удивлялся богатству производительныхъ силъ здѣшней почвы, которая, не смотря на нѣкоторую примитивность ея обработки мѣстными крестьянами, давала очень хорошіе урожаи¹⁾. Слѣдуетъ предполагать, что въ XVII столѣтія плодородіе земли Самарской луки было еще значительнѣе, чѣмъ при Палласѣ, ибо почва въ то время было еще совершенно дѣвственная. Кромѣ чрезвычайно плодородной почвы, Самарская лука обилвала мѣсторожденіемъ горючей сѣры и другихъ богатствами, которыя должны были манить къ себѣ предприимчиваго человѣка. Живописныя горы, изрѣзывающія Самарскую луку, и теперь покрыты большей частью лѣсомъ, а прежде лѣсная площадь здѣсь была гораздо обширнѣе, и разнѣры деревьевъ въ здѣшнихъ лѣсахъ невольно привлекали къ себѣ вниманіе путешественника конца XVIII вѣка²⁾. Въ XVII же столѣтіи лѣса на Самарской лукѣ были въ буквальный смыслъ слова непроходимы, такъ что писцы того времени вслѣдствіе густоты лѣса мѣстами не могли проходить чрезъ нихъ для измѣренія здѣшнихъ земель. Въ дуплахъ вѣковыхъ деревьевъ пчелы клали медъ, а въ гущѣ непроходимыхъ лѣсовъ свободно размножались пушные звѣри, вслѣдствіе чего пчелиный и звѣриный промыслы могли одинаково привлекать къ себѣ предприимчивыхъ людей изъ русскихъ и инородцевъ. Рѣка Уса со своими притоками и другія рѣчки водами своими орошаютъ Самарскую луку въ разныхъ направленіяхъ; первая изъ нихъ, кромѣ обилія рыбы, богата еще тучными лугами. Возлѣ р. Усы, недалеко отъ ея устья, впадаетъ въ Волгу небольшая

¹⁾ «Путеш. по разн. провинц. Рос. Им.» Палласа I т. 246 с.

²⁾ «Записки Лепехина» т. I, 333 с.

рѣчка Усолка, посреди которой бытъ соляные ключи, въ изобиліи насыщенные солью¹⁾).

Обильная естественными произведеніями, Самарская лука защищена была съ трехъ сторонъ широкой и глубокой Волгой отъ хищническихъ обитателей волжскихъ степей; къ этой природной защитѣ, какъ извѣстно, въ концѣ XVI столѣтія присоединилась искусственная защита: при впаданіи р. Самары въ Волгу, у юговосточной части луки, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ построенъ былъ крѣпостной городъ Самара. Этотъ городъ получилъ значеніе не только военное, но и торговое, благодаря природнымъ удобствамъ Волги въ здѣшнемъ мѣстѣ и вслѣдствіе усилившейся по этой рѣкѣ навигаціи въ концѣ XVI вѣка; къ этому присоединяется и то еще, что въ XVII столѣтіи путь изъ Москвы на Яикъ проторился чрезъ городъ Самару, гдѣ поэтому устроена была таможня²⁾. Серіозное стратегическое (въ смыслѣ защиты) значеніе города Самары объясняется уже и тѣмъ, что послѣ разоренія и перенесенія въ началѣ XVII вѣка города Саратова съ лѣвой стороны Волги на правую, Самара долгое время оставалась во всемъ низовомъ Поволжьѣ единственнымъ значительнымъ городомъ. Поэтому, когда появились въ Поволжьѣ Калмыки и увеличилась опасность въ здѣшнихъ мѣстахъ, она не замедлила, какъ мы уже видѣли, обрушиться на Самару. Въ Москвѣ не могли не знать этого, и вотъ въ сороковыхъ годахъ (1645 г.), по приказанію царя Михаила Ѳеодоровича, вылитъ былъ для Самары особый *въстовой колоколъ*, который повѣшенъ былъ въ городѣ на крѣпостной башнѣ и въ случаѣ непріятельскихъ нападеній долженъ былъ своимъ набатнымъ звономъ предупреждать окрестныхъ жителей о наступившей для нихъ опасности³⁾).

¹⁾ Тамъ же 320 с. Журн. Мин. Вн. Д. 1858 г. ч. IV, 26—27 с.с. Гор. Посел. Рос. Имп. IV, 540 с.

²⁾ Ант. Ист. I т. № 230, т. III, № 154; Ист. Рос. С. Соловьева VII, 64 с.; Жур. Мин. Вн. Д. 1858 г. № 3, 8 с.: Город. Пос. Рос. Им. IV, 368 с.

³⁾ Этотъ колоколъ и въ настоящее время находится въ Самарѣ, виситъ на Соборной колокольнѣ: вѣсу въ немъ 14 пудовъ 25 гривенокъ. Жур. Мин. Вн. Д. 1860 г. № 2. «Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ» А. Леопольдова.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ условій природныя богатства Самарской луки должны были рано привлечь къ себѣ вниманіе сильныхъ предпріимчивостью людей, жившихъ не только въ городѣ Самарѣ, но и въ дальнихъ мѣстахъ Россіи. Отдаленность земель, которыя обиловаали естественными произведеніями, не останавливала на Руси въ XVII столѣтіи предпріимчивыхъ людей. Мы уже имѣли возможность видѣть, какъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка энергически эксплуатировались смѣлыми инородцами нѣкоторыя угоды на луговой сторонѣ Волги, въ мѣстахъ, далекихъ отъ р. Камы, бывшей въ то время крайнимъ предѣломъ ихъ поселеній. На правой сторонѣ Волги встрѣчаемся съ подобными же явленіями; такъ, намъ извѣстно, что въ концѣ XVI столѣтія нѣкоторыя угоды на луговой сторонѣ около нынѣшняго Симбирска, представлявшія собою доходныя статьи, отдавались служилыми инородцами Казанскаго уѣзда «на оброкъ Чувашѣ съ горныя стороны Свіязскаго уѣзда»¹⁾. Не только въ Поволжскихъ уѣздахъ, но и въ мѣстахъ, лежавшихъ нѣсколько въ сторонѣ отъ великаго волжскаго пути, большое разстояніе не останавливало предпріимчиваго человѣка, если страна была богата природными произведеніями. Мы имѣемъ извѣстіе, что нѣкоторые крестьяне дворцовыхъ деревень Шацкого уѣзда въ первой четверти XVII вѣка (1622—1623) владѣли на оброкъ бортными ухояями, рыбными ловлями и бобровыми гонами «на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, отъ рѣчки Князевки вверхъ по Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ и съ малыми рѣчками», внося за эти угоды ежегодно не малыя для крестьянъ того времени деньги²⁾. Есть даже указаніе, что въ концѣ XVI сто-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 642 л. 55.

²⁾ Тамъ же, Дѣла Саратов. уѣзда. Связка 31, № 959. Въ дѣлѣ помѣщенныя выдержки изъ писцовыхъ книгъ Шацкого уѣзда. Такъ, въ писцовой кн. 1622 года написано: «Бортникъ Гришка Васильевъ сынъ Давыдовъ, да Федька Семеновъ сынъ прозвище Влинокъ, до села Ягтунова Ивашка Андреевъ сынъ Нырокъ, да Спирко Ивановъ сынъ Шмакъ, да села Алеменева Анорейко Алевасьевъ сынъ Марымовъ ходятъ въ бортной Шубенской уxo-

лѣтія бортными ухажаями на Самарской лукѣ владѣли служилые инородцы: въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда начала XVII вѣка сказано, что одному изъ служилыхъ Татаръ этого уѣзда въ 1594 году за его службу данъ былъ «бортной ухажей близко Комшери (?) горы по сей сторонѣ Дѣвичьихъ горъ на р. на Волгѣ»¹⁾. Отсюда можно видѣть, что эксплуатація природныхъ богатствъ Самарской луки, по обыкновению, въ началѣ временная, а потомъ постоянная, должна была начаться рано, и мѣстное преданіе, что будто бы еще при Грозномъ въ нѣнѣшнемъ Сенгилѣйскомъ уѣздѣ появляются поселенія²⁾, при подобныхъ условіяхъ врядъ ли можетъ быть совершенно отвергнуто изслѣдователемъ колонизаціи низоваго Поволжья, — скорѣе это извѣстіе надо принять съ нѣкоторымъ лишь огра-

жей на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ и съ малыми рѣчками: съ Карамышемъ и съ Калшлемъ и съ Боландинскаго юрта и съ рѣчкою съ Идолгою», платятъ 4 р. 28 алт. 2 деньги. На другомъ листѣ той же писцовой книги написано: «села Конобеева крестьяне Артемко да Максимко Агаоновъ дѣти Збродовы, да села Агаменева крестьянинъ Корниль Ѳеодоровъ, да села Ялтунова крестьяне (перечислено нѣсколько) платятъ съ рѣки Медвѣдицы съ рыбные ловли и съ бобровыхъ гоновъ съ усть рѣчки Бурлута въ верхъ по Медвѣдицѣ по рѣчку по Князевку съ рѣчкою Терсою денежнаго оброку 21 алт.» и т. д. Вообще «Въ Шацкихъ писцовыхъ дворцовыхъ книгъхъ 1623 года Ѳеодора Чеботова на 237 л. написано: «Итого . . . бортныхъ ухажеевъ съ липягами и съ дубровами и съ лѣсами и съ полянами и съ лугами и съ сѣнными покосы и съ дикими полями и съ степями и съ раменьями и съ рѣками и съ падучими рѣчками и съ озерами и съ болоты и съ суходолами и съ бобровыми гоны и съ рыбными ловли и съ жиловыми и со всякими угодыи 308, да на рѣкахъ же по обѣ стороны по урочищамъ и съ рыбными ловли безъ вышенисаныхъ угодиѣ 469, — всего 777 ухажеевъ». (Эти мѣста находятся въ сторонѣ отъ Саратова).

¹⁾ Въ писцовой книгѣ Самарскаго уѣзда 1645 года при описаніи селъ и деревень, бывшихъ въ то время на лукѣ, на 67 л. упоминается деревня Мариваши «въ Дѣвичьихъ горахъ»; далѣе, Олзарій въ своемъ путешествіи, описывая мѣстность Усоля, гдѣ въ то время добывалась уже соль, говоритъ объ р. Усѣ, на которой «обыкновенно держатся казаки», послѣ чего продолжаетъ: «въ недалекомъ разстояніи вѣтъ лежитъ гора, называемая Дѣвичьей горой». Слѣдовательно одна изъ горъ на Самарской Лукѣ носила тогда такое названіе. Арх. Мин. Юст. Писц. ин. Каз. у. № 642 л. 46; Писц. ин. Сам. у. ва № 6408, кн. 30; Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос. 1869, 426 с.

²⁾ «Поволжье въ XV и XVI вв.», 311 с.

иченіемъ относительно времени появленія поселковъ въ здѣшней сторонѣ: т. е., русскія поселенія могли показаться здѣсь если и не при Грозномъ, то въ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. Мы знаемъ, что въ самомъ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича на Самарской лукѣ построены были для защиты рыбныхъ промышленниковъ два острожка; одинъ изъ нихъ, какъ извѣстно, поставленъ былъ при впаденіи рѣки Усы въ Волгу, на излюбленномъ мѣстѣ казаковъ, откуда они преимущественно нападали на купеческія суда и караваны, что должно было быть извѣстно правительству, которое и распорядилось построить одинъ изъ острожковъ именно въ этой мѣстности. Между тѣмъ въблизи отъ здѣшняго мѣста въ небольшой рѣчкѣ Усолкѣ «посрединѣ ея протока бьютъ соляныя ключи»¹⁾, а кругомъ простирается огромный лѣсъ, искони росшій на этомъ мѣстѣ и остававшійся безъ всякаго употребленія. На эти природныя условія обратилъ вниманіе предприимчивый русскій купецъ, Надѣй Свѣтешниковъ, и рѣшилъ завести здѣсь варницы для добычи соли, которою въ изобиліи насыщены были ключи рѣчки Усолки. Вслѣдствіе этого сюда привлечены были рабочіе и началась въ значительномъ количествѣ выварка соли, которая съ выгодой сбывалась въ верховые города и въ Москву²⁾, потому что въ то время еще, кажется, не разрабатывались въ низовьяхъ Волги соляныя озера,—если же и разрабатывались, то во всякомъ случаѣ далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ XVIII столѣтіи. Говорятъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ пожалованы были гостю Надѣю Свѣтешникову и его сыну Семену³⁾. Можетъ быть, въ это время обращено было вниманіе и на самую выдающуюся изъ Усольскихъ возвышен-

¹⁾ «Записки Лепехина» I, 320 с.

²⁾ Олеарія путеш. 426 с.

³⁾ «Волга отъ Твери до Астрах.» Н. Боголюбова 281 с.; Списки насел. мѣстъ Рос. Им. Симб. губ. 20 с.

ностей, съ которой представляется открытій видъ во всѣ стороны на значительное разстояніе, гдѣ учреждены были наблюдательные караулы, вслѣдствіе чего и гора получила названіе *караульной*, надолго сохранившееся за ней¹⁾. По всей вѣроятности, варничныя дѣла купцовъ Свѣтешниковыхъ шли не худо и въ Усолѣ сдѣдано было много построекъ и приспособленій для выпарки соли, потому что заведеніе это обратило на себя вниманіе одного изъ любимыхъ монастырей царя Алексѣя Михайловича—Саввы Сторожевскаго. Послѣ смерти послѣдняго изъ братьевъ Свѣтешниковыхъ Надѣинское Усолѣ досталось сестрѣ Свѣтешникова, вдовѣ Антонидѣ, и вотъ, по распоряженію царя Алексѣя Михайловича, въ 1660 году «изъ приказа Казанскаго дворца вдовѣ Антонидѣ дано за то Усолѣ 6.500 рублей... а Надѣинское Усолѣ съ варницы и съ варничными заводы и со крестьяны и съ бобыли и съ рыбными ловлями и со всякими угоды отдано въ Саввинъ монастырь»²⁾. Съ переходомъ Усолы къ Сторожевскому монастырю развитіе его пошло еще успѣшнѣе, потому что этотъ монастырь, сильно покровительствуемый царемъ, обладалъ большими льготами и привилегіями, которыя теперь перешли и на Усолѣ; такъ монастырю была пожалована грамота, по которой «съ работныхъ людей и бобылей Надѣинскаго Усолы съ деревнями, которые работаютъ въ соляныхъ (варницахъ), никакихъ податей и стрѣleckаго хлѣба имать не велѣно». За тѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ мы находимъ во владѣніи у Саввинскаго монастыря пожалованныя ему на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскомъ уѣздѣ «Лопатинскія и Васильчиковскія рыбныя ловли», лежавшія у Самарской луки, выше города Сызрани³⁾. Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ къ Усолѣ чрезъ шестнадцать лѣтъ уже тянутъ нѣсколько деревень, въ которыхъ виѣстѣ съ Усолемъ находилось 283 двора; въ дворахъ жили крестьяне,

¹⁾ «Путеш. по разн. пров.» Палласа I, 267 с.; «Записки Лепехина» I, 323 с.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. книга межевая за № 159, л. 8.

³⁾ Тамъ же лл. 11, 20.

бобыли, мастеровые, работники и Чуваши; послѣднихъ было 30 дворовъ¹⁾. Съ особенной энергіей дѣйствовалъ въ Надѣинскомъ Усолѣ въ интересахъ монастыря въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (1682 г.) соборный старецъ Леонтій Маренцовъ; въ своей дѣятельности, въ упомянутомъ направленіи, онъ не стѣснялся ни интересами другихъ лицъ, тоже владѣвшихъ здѣсь землями и угодьями, ни даже авторитетомъ правительства, которое еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича завело на Самарской луцѣ такъ называемую десятинную пашню. Леонтій Маренцовъ захватилъ земли, отведенныя городу Самарѣ, завладѣлъ цѣлою Мордовскою деревнею и дворцовыми землями, на которыхъ уже была заведена правительствомъ десятинная пашня; всего захвачено было нѣтъ земли, сверхъ той, которая отведена была купцамъ Свѣтешниковымъ, верстъ на двѣсти. На этой землѣ Маренцовъ завелъ монастырскія слободы, заселивши ихъ бѣглыми людьми изъ верховныхъ городовъ, а также крестьянами, Мордовою и Чувашею, жившими прежде на дворцовыхъ земляхъ, съ которыхъ онъ переманилъ ихъ, освободивши на нѣсколько лѣтъ отъ тягла и податей²⁾. Результатомъ подобной дѣятельности явилось то, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ (1687 г.) Усолѣю принадлежали: село Жигулевка, Вознесенское тожъ, слобода Переволоцкая³⁾, Чувашскія деревни: Новый Теплый Станъ подлѣ Врусянскаго ключа, Новый Теплый Станъ на Ногайскомъ бродѣ и деревня Старый Теплый Станъ. Въ самомъ Усолѣ, находившемся въ 863 саженьяхъ отъ р. Волги и стоявшемъ на Усолскомъ озерѣ, въ интересахъ защиты отъ нападений построенъ былъ деревянный городокъ⁴⁾;

¹⁾ Тамъ же л. 9.

²⁾ Акты Ист. т. V, № 107.

³⁾ Эта слобода лежитъ въ южной части Самарской луки, гдѣ р. Уса приближается къ Волгѣ.

⁴⁾ Впрочемъ деревянное укрѣпленіе въ Усолѣ было, кажется, уже въ 1671 году, ибо нѣкоторые изъ приверженцевъ Разина (около 700 человекъ) сопротивлялись здѣсь правительственнымъ войскамъ, выбравши себя это мѣсто послѣ бѣгства Разина изъ подъ Симбирска. См. Матер. изд. А. Попова 67—68 сс.

всѣхъ дворовъ въ это время было около трехъ сотъ¹⁾, а жило въ нихъ около тысячи человѣкъ. Количество монастырской пашни съ тридцати четвертей, полученныхъ монастыремъ послѣ Свѣтешниковыхъ, дошло до 417 четвертей въ каждомъ полѣ съ 16.060 копнами сѣна, причемъ 387 четвертей земли въ каждомъ полѣ наименованы «новораспашною монастырскою пашнею». Кромѣ того, здѣсь же находилось «пашни крестьянскіе, тяглые и оброчные, бобыльскіе и работничьи и чувашскіе, что емятъ изъ монастырскіе земли на оброкъ, 938 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 4606 копенъ». Сверхъ обработанной земли, Саввинскому монастырю въ описываемое время принадлежала здѣсь огромная масса «лѣсу пахотнаго и дикіе пахотные и непахотные степи», да кромѣ этого монастырь же владѣлъ на много герств Муромскимъ и Усинскимъ боромъ въ разныхъ мѣстахъ, въ которыхъ находились «бортные вотчины и звѣровья»²⁾.

Если въ началѣ Самарской луки, въ сѣверной ея части, въ началѣ царствованія Михаила Фодоровича мы встрѣчаемся съ острожкомъ, подъ защитой котораго могло образоваться постоянное поселеніе, то въ юговосточной части луки вслѣдствіе такого сосѣдства, какъ Самара, подобныя поселенія могли появиться гораздо раньше. Это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что земля для города Самары изстари отведена была на противоположной сторонѣ Волги, отъ чего и уѣздъ города искони находился на правой сторонѣ Волги³⁾. Въ здѣшнемъ мѣстѣ было тѣмъ удобнѣе отвести земли городскому населенію Самары, что въ юговосточной части Самарской луки горный крижъ, изрѣзывающій ее своими отрогами, оставляетъ порядочную полосу земли свободною какъ разъ противъ города Самары. Обозрѣвая опись Самары съ уѣздомъ 1647-го года, мы встрѣчаемъ данныя, могущія подкрѣпить высказанное мнѣніе о появленіи по-

¹⁾ 299 дворовъ, въ которыхъ жило 962 человѣка. По всей вѣроятности, дѣятельность Леонтія Маренцова относится еще къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка; объ этомъ см. Д. А. И. т. 10, № 27.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159, лл. 8—10.

³⁾ А. И. т. V, № 107.

селковъ на юговосточной сторонѣ Самарской луки. Въ самомъ городѣ Самарѣ составъ населенія въ описываемое время можетъ отчасти указывать намъ на посредствующее значеніе этого города для верховаго и низоваго Поволжья: среди посадскаго населенія Самары попадаются иногда такіа прозвища, какъ «Чебоксарининъ», «Казанецъ» и «Черноярецъ»¹⁾. Весь уѣздъ города Самары лежитъ на Самарской лукѣ; земли въ его уѣздѣ находятся во владѣніи дворцоваго вѣдомства, патріарха и нѣсколькихъ помѣстныхъ людей — «Самарянъ дѣтой боярскихъ». Болѣе значительное село уѣзда Рождественское лежитъ противъ Самары, нѣсколько сѣвернѣе его, и принадлежитъ патріарху; въ немъ живутъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ (306 челон.), и среди нихъ попадаются бывшіе дворцовые, монастырскіе, помѣщичьи и посадскіе люди изъ Арзамасскаго, Алаторскаго и Тетюшскаго уѣздовъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ показываютъ слѣдующее: перешелъ онъ изъ Арзамасскаго уѣзда, изъ-за Арзамаса сына боярскаго, у котораго жилъ въ крестьянахъ, въ ближайшій Алаторскій уѣздъ, гдѣ жилъ за Алаторцомъ сыномъ боярскимъ, отъ котораго уже явился въ Самарскій уѣздъ и поселился въ селѣ Рождественскомъ. Кромѣ крестьянъ, въ патріаршемъ селѣ жили бобыли и захребетники; о послѣднихъ говорится, что они «прихожіе люди разныхъ городовъ», — слѣдовательно, можно предполагать, что пришли сюда недавно и едва успѣли устроиться. Сверхъ того, въ этомъ же селѣ, вѣроятно, для хозяйственныхъ надобностей, жили — патріаршій служба и наемные люди служебники²⁾. За Рождественскимъ слѣдуетъ дворцовое село Ильинское, лежавшее, кажется, выше перваго; въ немъ въ моментъ описи было 255 человѣкъ; коренное населеніе его повидимому уже давно жило на этомъ мѣстѣ, потому что лишь немногіе указываютъ на мѣсто своей родины

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Каз. Переп. кн. Самарскаго уѣзда за № 6408, кн. 30, лл. 7—22. «Всего въ городѣ Самарѣ на посадѣ посадскихъ жилацкихъ людей и ихъ дѣтей и братья и племянниковъ и внучать и сосѣдей и подосѣдниковъ 317 человѣкъ».

²⁾ Тамъ же лл. 49—63.

и на время прихода своего въ село; напротивъ, захребетники этого села почти всѣ свидѣтельствуютъ о мѣстѣ прежняго своего жительства и о времени своего прибытія на мѣсто¹⁾. Къ селу Ильинскому были приписаны двѣ дворцовыя деревни: Выползова, лежавшая сѣвернѣе Ильинскаго, въ ней жили 195 человекъ, и *Новая Караульная*, въ которой во время описи было 140 человекъ. Быть можетъ, обѣ деревни основаны были, какъ это нерѣдко случалось, выходцами общины села Ильинскаго, которая временами отдѣляла отъ себя избытокъ населенія, селившійся подлѣ своей метрополіи; поселки эти сначала, вѣроятно, были невелики и увеличились вслѣдствіе сильнаго прилива населенія въ эту богатую землю, нѣсколько защищенную отъ случайности нападеній кочевыхъ обитателей низоваго Поволжья. Состояніе деревень въ моментъ описи и нѣкоторыя ихъ особенности того времени подкрѣпляютъ сдѣланное предположеніе; такъ, въ деревнѣ Выползовѣ не только захребетники, которыхъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ селѣ Ильинскомъ, но и многіе изъ крестьянъ указываютъ на прежнее свое мѣсто-пробываніе и на время своего прибытія въ деревню. Главный контингентъ насельниковъ выше упомянутой деревни доставили Арзамасскій, Алаторскій и Тетюшскій уѣзды; кромѣ нихъ, мы встрѣчаемся еще здѣсь съ выходцами изъ Нижегородскаго и Балахонскаго уѣздовъ, лежащихъ далеко отъ Самарской луки²⁾.

¹⁾ Такъ, бобыль «Александрко Софоновъ *Бочкаръ*» показалъ: «а прежде сего жилъ онъ Александрко Тетюшскаго Повровскаго монастыря въ селѣ Исаковѣ во крестьянѣхъ, а въ селѣ Ильинскомъ живетъ онъ 6-й годъ»; у этого бобыля было 4 сына. Во дв. Иванко Петровъ, прозвище *Скоморога*, у него 3 сына, «да у него жъ Иваша живутъ въ захребетникахъ Микитка да Сенька Архиповы дѣти; а Микитка и Сенька сказали: жили они прежде сего въ Арзамасскомъ у. въ государевѣ селѣ Озатовѣ во крестьянѣхъ, а въ селѣ Ильинскомъ живутъ другой годъ». Во дв. Оеонька Петровъ *Осчинникъ*, у него 5 сыновей, «да у Оеоньки жъ живетъ въ захребетникахъ Тимошка Дмитріевъ; а Тимошка сказалъ: жилъ онъ прежде сего на Курмышѣ въ посадивихъ людехъ, а въ село Ильинское пришелъ въ нынѣшнемъ въ 1647 году», и т. п. Тамъ же лл. 23—24, 32—33.

²⁾ Такъ, въ деревнѣ Выползовѣ между прочимъ описаны слѣдующіе дворы: «Во дв. Микитка Алексѣевъ *Арзамасецъ*, у него сынъ Гришка, а у Гришки сынъ Ивашко, а прежде сего жилъ онъ Микитка въ Арзамасскомъ

Большинство выходцевъ были на родинѣ крестьянами въ селахъ и деревняхъ дворцовыхъ, монастырскихъ, митрополичьихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ; изрѣдка попадаются также люди, бывшіе на родинѣ посадскими или же служилыми казаками. Что касается помѣстныхъ людей въ Самарскомъ уѣздѣ, то въ описываемое время мы находимъ испомѣщенными лишь двухъ: Филатова и Порѣцкаго; за первымъ изъ нихъ въ помѣстьѣ была деревня Шириевъ Буеракъ, находившаяся въ сѣверовосточной части Самарской луки около рѣчки того же наименованія; въ этой деревнѣ жило 67 крестьянъ, бобылей и захребетниковъ съ семьями, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ во дворѣ находились работники и гулящіе люди. За Порѣцкимъ въ помѣстьѣ состояли двѣ деревни: одна, подъ названіемъ Осиновой Буеракъ, кажется, лежала въ южной сторонѣ луки¹⁾, другая же, Маркваша, находилась въ сѣверной ея части, на западъ отъ Шириева Буерака; въ первой деревнѣ жило семь человекъ, а во второй, повидимому, недавно начавшей свое существованіе, находился только одинъ дворъ, въ которомъ, кромѣ самого крестьянина съ семьей, еще жилъ какой то Свѣяженинъ²⁾. Изъ обзора поселковъ Самарскаго уѣзда мы можемъ видѣть, что ближайшее къ городу Самарѣ поселеніе есть вѣсть съ тѣмъ и самое населенное, при чемъ, вѣроятно, Рождественское село появилось на луцѣ прежде другихъ, вслѣдствіе чего оно и получило возможность достигнуть сравнительно большей людности.

уѣздъ въ селѣ Красномъ во крестьянѣхъ, а въ деревнѣ Выползовѣ живутъ во крестьянѣхъ 10-й годъ. Во дв. Пашка и Тимошка Ивановы дѣти Гробовщиковъ, въ деревнѣ Выползовѣ живутъ во крестьянѣхъ 10-й годъ, а прѣжъ сего жили въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ Красной слоб. во крестьянѣхъ же. Во дв. Бориско Михайловъ, а у него живутъ въ захребетникахъ 2 зятя его Нижегородскіе Федоровъ, Тимошка Игнатьевъ, а прѣжде сего жили они въ Нижегородскомъ уѣз. въ Стародубовотцкомъ въ государевѣ селѣ Казаковѣ во крестьянѣхъ, а въ дер. Выползовѣ живутъ во крестьянѣхъ же 10-й годъ», и т. под. Тамъ же лл. 34—36.

¹⁾ На югѣ Самарской луки и теперь еще есть владѣльческое село Осинова-Никольское. См. Насел. М. Рос. Им. Симб. губ.

²⁾ Тамъ же л. 67.

За тѣмъ, судя по количеству населенія и по названію «село», должно было основаться село Ильинское, послѣ котораго и, быть можетъ, въ зависимости отъ него появляются деревни Выползова и *Новая Ново-Караульная*. Первые поселки основывались, повидимому, преимущественно въ сѣверномъ направленіи отъ Самары, ибо мы застаемъ ихъ болѣе людными въ моментъ описи. Что же касается самаго времени ихъ появленія здѣсь, то, судя по состоянію ихъ въ описи, такіа села какъ Рождественское и Ильинское, могли появиться не позже конца XVI столѣтія. Помѣстные же люди только недавно стали испомѣщаться въ Самарскомъ уѣздѣ, на что указываетъ и число испомѣщенныхъ людей, и слабая еще населенность деревень, бывшихъ во владѣніи Самарскихъ помѣщиковъ.

Изъ представленнаго очерка русскихъ поселеній на Самарской луцѣ мы можемъ вывести, что русскіе люди въ здѣшнихъ мѣстахъ старались по преимуществу селиться либо у самой Волги, либо въ близкомъ отъ нея разстояніи. Но мы знаемъ уже, что еще до появленія на луцѣ русскихъ поселковъ бортильными и другими угодьями здѣсь владѣли инородцы, жившіе въ Казанскомъ уѣздѣ; нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ старожиловъ уѣзда въ началѣ XVIII вѣка, владѣли подлѣ луки «бортною вотчиною и звѣринными и рыбными ловлями изстари.... многіе годы, какъ и городъ Самара сталъ», внося за это владѣніе ясакъ; на владѣніе въ этихъ мѣстахъ угодьями инородцы (Мордва) имѣли грамоты еще отъ Казанскаго царя Сафа Гирея, подкрѣпленныя царемъ Борисомъ. Вслѣдствіе умноженія населенія и увеличившейся безопасности въ здѣшнихъ мѣстахъ инородцы, чтобы быть, вѣроятно, ближе къ своимъ богатымъ угодьямъ и лучше наблюдать за ними, переходятъ и селятся на Самарской луцѣ, которая могла представлять имъ болшую безопасность отъ нападеній кочевниковъ, чѣмъ луговая сторона; впоследствии на луговой сторонѣ инородцы владѣютъ уже не только старыми своими угодьями, но также и пахотною землею и сѣвными покосами¹⁾.

¹⁾ Арх. М. Ю. III отд. Меж. кн., ва № 159, лл. 348—350.

Въ половинѣ XVII вѣка начинаютъ заселяться земли, лежащія во внутренней части Самарской луки, и первыя поселенія въ этомъ направленіи принадлежатъ инородцамъ; такъ, весною 1652 года четыре Черемисина обратились съ челобитною, «чтобъ государь ихъ пожаловалъ велѣлъ имъ Черемисѣ поселиться за собою государемъ на оброкъ въ Самарскомъ уѣздѣ на нагорной сторонѣ *на дикомъ полѣ* въ Брусняныхъ вершинахъ у ключа вновь дворы выставить и подѣ пашню заложныя земли распахать и мутовку ручныя жернова на томъ же ключѣ для молоты поставить изъ льготы». По прошествіи же трехъ льготныхъ лѣтъ Черемисы вносили по два съ лишнимъ рубля въ годъ за пользованіе отведенною имъ землею и угодьями¹⁾. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVII ст. среди Самарской луки застаемъ новую Чувашскую деревню Аскулу, изъ которой двое Чувашъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (1661 г.) просятъ позволенія перейти и «поселиться на новую, на пустовую землю на дикое поле на Сосновой солонецъ, за Аскулу (рѣку) на другую сторону, у семи сосенъ», на что, по обыкновенію, послѣдовало разрѣшеніе со льготою на первые годы и съ платою потомъ небольшого оброка²⁾.

Мы видѣли уже прежде, что служилые люди, записанные въ приказѣ Казанскаго дворца въ Москвѣ службою по Сибирску, послѣ своего прибытія на мѣсто должны были для пріисканія себѣ земель отправляться за валъ, т. е. находили земли южнѣ Сибирской черты, и здѣсь усердно испомѣщались мѣстными властями въ продолженіе семидесятыхъ годовъ

¹⁾ Чувашская деревня «Брусяна» находится посреди Самарской луки. Хотя въ началѣ грамоты говорится прямо о Черемисѣ, тѣмъ не менѣе во второй половинѣ грамоты говорится: «а льготы *имъ чувашъ* дано на 3 годы; а какъ льготные годы отойдутъ и имъ *чувашъ* съ тое своей пашенной земли и т. д.». Вообще, какъ изъ настоящаго случая, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ видно, что правительство не заботилось особенно различать инородцевъ. Тамъ же л. 90.

²⁾ Тамъ же л. 90.

описываемаго столѣтія. Рядомъ съ нихъ исполнѣніемъ идетъ заселеніе Самарской луки не только по берегамъ рѣки Волги, но и въ внутренней части луки. Въ виду этого заселенія правительству нужно было подумать о защитѣ населенія, спускавшагося и селившагося южнѣ Симбирской черты съ ея укрѣпленіями. Вѣроятно, отчасти для удовлетворенія такой потребности въ защитѣ построенъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія укрѣпленный городъ Пенза на рѣкѣ Сурѣ¹⁾. Вслѣдствіе сравнительно болѣе поздняго своего появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ городъ Пенза и въ семидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія именуется еще «новымъ городомъ». После построенія Пензы служилые люди ближайшихъ къ нему уѣздовъ, желавшіе получить земли въ Пензенскомъ уѣздѣ, стали обращаться къ правительству съ челобитными отвести имъ пахоту съ угодьями въ ближайшихъ мѣстахъ; она отводилась имъ нерѣдко въ очень значительныхъ размѣрахъ. Быть можетъ, вслѣдствіе обширности подобныхъ пожалованій и отсутствія у служилыхъ людей возможности вполне обработать полученныя земли, эти послѣднія иногда занимались пришлыми людьми, которые селились на нихъ своими дворами, считая ихъ, по всей вѣроятности, свободными землями²⁾. Но уже

¹⁾ Городъ Пенза построенъ при впаденіи р. Пензы въ Суру. Время его построенія въ точности неизвѣстно. По преданію острогъ Пензенскій былъ выстроенъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII ст. воеводою Елисейемъ Лачиновымъ, который будто бы и населилъ Пензу. Населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены были сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка. Въ это же время будто бы отдѣльно поселены были и слободы, именующіяся: первая Черкасская, вторая Конная, третья Стародрагунская и четвертая Новодрагунская. Преданіе это записано въ описаніи города Пензы, которое сдѣлано подполковникомъ Свѣчиннымъ въ 1765 году; помѣщено въ Арх. Мин. Юст. въ кн. Сенат. 1762—1767 г. за № 936—3419, л. 924. Воевода Елисей Лачиновъ былъ казненъ въ Пензѣ въ 1671 году во время Разинскаго бунта Донскими казаками атаманомъ Мишию Харитоновымъ. См. Матер. 153 с. По мнѣнію г. Артемьева, городъ Пенза основанъ раньше 1666 года. Гор. Пос. III, 583 с.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, лл. 30—32.

стремленіе населенія въ семидесятихъ годахъ въ Пензенскій уѣздъ должно было показать правительству невозможность ограничиться построеніемъ здѣсь одного только города: послѣ проведенія въ Поволжь Симбирской и Закамской чертъ, это въ глазахъ и самого правительства могло имѣть характеръ лишь временной мѣры. И дѣйствительно, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ у правительства складывается мысль о необходимости заложить въ здѣшнихъ мѣстахъ новую черту. Въ 1681 году, по царскому указу, въ восточную часть Пензенскаго уѣзда переводятся служилые люди изъ Саранска для засѣчной и сторожевой службы и водворяются въ отдѣльной слободѣ на городищѣ на рѣкѣ Луевкѣ «на проходное мѣсто для обереженія отъ приходу воинскихъ людей». Саранцы образовали товарищество изъ «пятидесяти служебъ», и имъ въ здѣшнихъ мѣстахъ отведено было земли на сто человекъ подъ усадьбы и на пахоту вмѣстѣ съ угодьями. Но едва лишь эти сто человекъ распахали землю и отстроились на городищѣ въ Налуевской слободѣ, какъ отъ нихъ отдѣлился товарищъ ихъ, засѣчный сторожъ Васька Хлоповъ, и набралъ еще 50 человекъ стрѣльцовъ и казаковъ изъ пригородовъ и слободъ Симбирской черты въ засѣчные сторожа; поселился онъ со вновь набранными товарищами въ особой слободѣ, въ разстояніи полуторы версты отъ своихъ прежнихъ сотоварищей, стѣснивши ихъ нѣсколько въ пахотѣ и угодьяхъ¹⁾. Лѣтомъ 1683 года Симбирскому воеводѣ князю Григорію Козловскому поручено было набрать полкъ служилыхъ людей и вмѣстѣ съ набраннымъ полкомъ отправиться къ Самарской луцѣ; здѣсь, подлѣ южной стороны луки, на рѣкѣ Сызранкѣ ему велѣно было построить новый городъ. Въ его полку приказано было находиться Симбирянамъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изъ иноземцевъ, мурзъ и татаръ полковой службы, изъ Симбирскихъ и Корсунскихъ

¹⁾ Въ обоихъ отрядахъ отводилось: пятидесятнику по 40 четв., десятнику по 30 четв. и рядовому по 20 четв. въ каждомъ изъ трехъ полей; сѣна и угодій въ соотвѣтствіи съ пахотою. Тамъ же лл. 29—30, 33—37.

копейщиковъ и рейтаръ, изъ стрѣльцовъ и казаковъ Симбирской и Кормунской черты; въ заключеніе всѣмъ имъ «велѣно не замотчавъ итти для строенія того Сызранскаго города»¹⁾. Выстроенъ былъ городъ Сызрань на мѣстѣ, на которомъ до толѣ находились, кажется, мордовскіе бортные ужожаи; городъ занималъ веселое гористое мѣстоположеніе между рѣками Сызранкою и Кормзою, въ сѣверной части. Для городской крѣпости было выбрано самое высокое мѣсто на берегу р. Сызранки; укрѣпленіе было обнесено кругомъ бревенчатою стѣною съ валомъ и сверхъ того было окопано рвомъ²⁾. Для населенія новаго города въ 1684 году взяты были изъ Казани и Тетюшъ 236 солдатъ съ женами и дѣтьми, въ которыхъ должны были присоединиться 239 человекъ изъ Чебоксаръ; всѣмъ имъ было выдано на домовое строеніе по 4 рубля на человека — «противъ ихъ братья переведенцевъ иныхъ городовъ, которые переведены въ новопостроенныя пригороды по Симбирской и по Кормунской чертѣ», и всѣ они опредѣлены были «на вѣчное житье въ новопостроенный городъ Сызрань»³⁾. Въ томъ же году Симбирскому воеводѣ Козловскому «велѣно солдатъ новопостроеннаго города Сызрана устроить землями вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья», вслѣдствіе чего уже въ слѣдующемъ году (1685 г.) Сызранскимъ солдатамъ были отведены и самыя земли. Подлѣ города на пространствѣ двухъ верстъ прежде всего «отведено изъ норозжей земли въ верхъ и въ низъ рѣки Сызрана города Сызрана всякихъ чиновъ градскихъ жителей на выпускъ», — и затѣмъ уже «отведено на пашню земли Сызранскимъ солдатамъ 148 человекамъ, переведенцамъ Казанскимъ, Тетюшскимъ, Чебоксарскимъ»; земли отведены были имъ по Симбирской, Кормунской и Самарской дорогамъ;

¹⁾ Доп. А. И. т. 10, № 86.

²⁾ Таковою была развалившаяся деревянная крѣпость во время Паласа. «Путеш.» I, 254 с. Журн. Мин. Вн. Д. 1849 г., часть 28, 471 с.; помѣщенная здѣсь статья о Сызрани составлена по архивнымъ документамъ Симбирской гражданской палаты.

³⁾ Доп. А. И. т. 10, № 86, грам. II.

сѣнные же покосы отиѣрены были имъ на рѣкѣ Волгѣ, по близости, на большомъ Сызранскомъ островѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ¹⁾). Одновременно съ распоряженіемъ о построеніи города Сызрани другою грамотой (1683 г. окт.) приказано было селиться тутъ Симбирскимъ казакамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. При сооруженіи самаго города старецъ Кириллъ виѣстѣ съ нѣкоторыми переведенцами изъ солдатъ подали (1683 г.) царю челобитную, прося разрѣшить имъ построить у города на мысу, между рѣками Сызранью и Крымзою, при устьѣ послѣдней, мужской деревянный монастырь, чтобъ мѣстнымъ жителямъ, давшимъ обѣтъ, можно было въ старости постригаться въ немъ. Постройка монастыря была разрѣшена правительствомъ, которое при этомъ отвело монашествующимъ на пропитаніе въ здѣшнихъ мѣстахъ 825 десятинъ пахотной, лѣсной и сѣнокосной земли²⁾). Одновременно съ новымъ городомъ Сызранью тѣмъ же бояриномъ и воеводою построена была новая Сызранская черта, по которой и въ засѣчныхъ крѣпостяхъ въ разныхъ мѣстахъ поселены были служилые люди³⁾). Имѣя въ виду то обстоятельство, что къ Сызранской чертѣ относились станичные казаки Луевскаго городища, слѣдуетъ предполагать, что эта черта примыкала къ городу Пензѣ. Къ Сызранской укрѣпленной линіи принадлежали и станичные казаки Печерской слободы, поселенные въ юго-западной части Самарской луки, въ 35 верстахъ отъ города Сызрани; здѣсь въ 1684 году имъ, пятидесяти человѣкамъ,

¹⁾ Вѣроятно, изъ Чебоксаръ вмѣсто 239 человѣкъ прислано было гораздо меньше солдатъ, потому что по смыслу грамоты 236 солдатъ Казанскихъ и Тетюшенихъ были уже въ Симбирскѣ на пути въ Сызрань, Чебоксарскихъ же въ то время еще тамъ не было. Земли солдатамъ отводились «противъ Симбирскихъ ватовыхъ казаковъ: сержантамъ 8 человѣкамъ по 40, десятникамъ 40 человѣкамъ по 30, рядовымъ на 370 человѣкъ по 20 четв. въ полѣ, а въ дву потому жъ съ сѣнными покосы и со всеми угоды». Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 394—395.

²⁾ Жур. Мин. Вн. 1849 г. 28 ч. 471, 473 сс.

³⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, лл. 254—255; Жур. Мин. Вн. Д. 1849, 28 ч. 474—475 сс.

отведены были по Самарской дорогѣ пахотныя земли съ сѣнными покосами и угодьями¹⁾). Впослѣдствіи солдаты Печерской слободы съ сержантомъ владѣютъ сѣнными покосами на луговой сторонѣ Волги, противъ Печерской слободы, вмѣстѣ съ Симбирскими служилыми людьми, испомѣщенными въ южной части Самарской луки, около Печерской слободы²⁾).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Сызрани, южнѣе этого города, въ разстояніи семи верстъ отъ него, построено было на Волгѣ новое укрѣпленіе, получившее названіе Кашпира отъ рѣчки, у которой оно находилось³⁾). Кашпировское укрѣпленіе, выстроенное на Волжскихъ горахъ, состояло, кажется, изъ четырехъугольнаго дубоваго кремля, утвержденного на земляномъ валѣ, на каждой стѣнѣ котораго стояли три башни⁴⁾). Населеніе города Кашпира, какъ пограничнаго военнаго пункта, состояло главнымъ образомъ изъ солдатъ, которые были тутъ водворены въ числѣ 188; всѣмъ имъ въ 1688 году «вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья отведено подѣ пашню земли и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій противъ Сызранскихъ

¹⁾ Предѣлы ихъ земель опредѣляются между прочимъ такъ: «до Печерскихъ горъ ... по Волгѣ рѣкѣ до Татарскаго городища и до рѣчки Усы и вверхъ по Усѣ до Кошерика (Тишерина рѣчки). ... новоприобрѣнныхъ казаковъ, которые прибраны будутъ въ казачью службу». Арх. Мин. Юст. Меж. вѣ. за № 159 л. 83.

²⁾ Тамъ же лл. 365, 388.

³⁾ Время построенія города Кашпира въ точности неизвѣстно; вслѣдствіе же того, что въ 1689 году «изъ Москвы посланы были въ новостроенный городъ Кашпиръ нарочный», которому поручено было «въ томъ городѣ Кашпирѣ отвѣсть солдатамъ переведенцамъ подѣ дворянъ и подѣ пашню земли», слѣдуетъ предполагать, что постройка Кашпира, какъ раньше этого Сызрани, была произведена за годъ предѣ отводомъ земель, т. е. въ 1687 году, и не какъ не раньше 1686 года,—во всякомъ случаѣ послѣ города Сызрани, потому что сѣнокосы Сызранскими солдатамъ были отведены уже въ 1684 году и простирались до рѣчки Кашпирки, и только позднѣе, въ 1689 году, сѣнные угодья отведены были переведенцамъ солдатамъ Кашпира, при чемъ отводомъ была захвачена часть сѣнокосовъ Сызранскихъ жителей, которые жаловались правительству на этотъ захватъ. Тамъ же л. 395.

⁴⁾ Въ такомъ видѣ, лишь *обветшалымъ*, пригородъ Кашпиръ былъ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII в., при посѣщеніи Лепехина. «Записки Лепехина» I, 344 с.

солдатъ»¹⁾. Составъ населенія въ Кашпирѣ, судя по назначенію сюда вначалѣ нѣкоторыхъ служилыхъ людей, былъ, какъ и въ остальныхъ вновь созидаемыхъ городахъ, пестрый: солдаты, вѣроятно, были набраны изъ старыхъ Поволжскихъ городовъ, и ихъ водворяли здѣсь вѣсть съ семьями на вѣчное житіе, взявши «по нихъ поручныя записи»²⁾. Одновременно съ землями и угодьями для Кашпировскихъ солдатъ пожалована была нѣсколько южнѣ земля и угодья Московскому дворянину Семену Бонстантинову сыну Дмитріеву, который отводилъ земли Кашпировскимъ солдатамъ; покосы Дмитріева были по обѣимъ сторонамъ Волги, ниже Кашпира, и впоследствии (1699 г.) были еще больше увеличены³⁾.

Между тѣмъ какъ въ началѣ восьмидесятихъ годовъ XVII вѣка русское правительство было озабочено работами по постройкѣ новаго города Сызрани и по проведенію въ здѣшнихъ мѣстахъ новой черты, которая должна была обезопасить населеніе правой стороны низоваго Поволжья на пространствѣ между городами Сызранью и Симбирскомъ,—на Волгѣ появляется стремленіе къ осыдлости въ мѣстахъ, лежащихъ южнѣ города Кашпира. Вслѣдствіе изобилія рыбы въ Волжскихъ водахъ, особенно въ пустынныхъ полосахъ, гдѣ ее почти не тревожили уловомъ, нѣкоторыя мѣста здѣсь съ давняго времени обратили на себя вниманіе вліятельныхъ и предприимчивыхъ Московскихъ монастырей. Такъ, извѣстный Чудовъ монастырь уже въ началѣ XVII столѣтія (1606 г.) получилъ отъ царя Ивана Васильевича Шуйскаго право рыбной ловли въ рѣкѣ Волгѣ ниже Самарской луки «въ Самарскихъ тихихъ Сосновыхъ водахъ, отъ Черпаго затону внизъ Волги рѣки на 45 верстъ до устья Елань-Иргизъ». Право монастыря на рыбную ловлю въ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Мем. кн. № 159, л. 395.

²⁾ Тамъ же «Казань, реестръ дѣламъ по Симбирскому уѣзду кн. 35; № 6473. Челобитые 1687 г. (?). Въ 1703 г. среди Кашпирскихъ солдатъ находился «Семенъ Костромитиновъ». Тамъ же Межев. кн. за № 159, л. 382.

³⁾ Тамъ же Межев. кн. за № 159, л. 378.

здѣшнихъ мѣстахъ въ послѣдствіи было подтверждено грамотами царей Михаила и Алексѣя; послѣдній разрѣшилъ (1653 г.) монастырскимъ властямъ «на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскихъ водахъ... рыбу ловить про монастырской обиходъ тридцатью связками»¹⁾. Все это пространство предоставлено было Чудову монастырю, по выраженію грамоты, «съ займищи и съ разливн *по сухой берегъ только для одной рыбной ловли*», вслѣдствіе чего «ватаги рыбнаго промыслу» должны были «стоять по островамъ». Рыбною ловлею въ этихъ мѣстахъ ловцы занимались обыкновенно «только съ весны до полулѣтя», послѣ чего они уходили, оставляя станы и ватажное строеніе по островамъ. Весною, въ полную воду, острова на Волгѣ обыкновенно затопляются водою, а «станы ихъ (монаховъ) и всякое ватажное строеніе по вся годы сносить и ломаетъ безъ остатку, и убытки имъ чинятся великіе». Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія монастырь порѣшилъ, вслѣдствіе, вѣроятно, ожидаемыхъ выгодъ, кромѣ лѣтней завести здѣсь «осеннюю и зимнюю ловлю»; для этого ему необходимо было предварительно заготовлять «къ тому зимовью всякіе зимніе припасы и лошадинные кормы, для всякаго ловецкаго извороту—лѣсъ, лыка и лубья», права же занять нужный для всего этого сухой берегъ на нагорной сторонѣ, который «не снимаетъ водою» у монастырскихъ властей не было. И вотъ въ 1685 году онѣ обращаются къ царю съ челобитною, прося дать имъ на устройство ватагъ для рыбнаго промыслу, мѣсто напротивъ ихъ рыбныхъ ловель «на пагорной сторонѣ подлѣ Волги рѣки сухой берегъ отъ Ташевыя горы по Хорошенской переборъ», указывая при этомъ государю на то, что «тотъ вольской пустой берегъ въ дачахъ ни за кѣмъ не бывалъ, сталъ за *новою чертою* ниже города Сызранска верстъ съ сорокъ»²⁾. Вся эта мѣстность находится въ началѣ XVIII столѣтія во владѣніи Чудова монастыря и въ то время здѣсь

¹⁾ Тамъ же лл. 249—253.

²⁾ Тамъ же лл. 254—255.

уже встрѣчается значительное монастырское поселеніе,—извѣстное село Архангельское, Сосновѣй островъ тожъ. Вѣроятно, въ видахъ большей убѣдительности монастырь указываетъ еще и на то, что въ это время «по указу великихъ государей учили на Волгѣ новыя города строить¹⁾», и земли и угодыя въ дачи давать,—чтобъ имъ (монахамъ) отъ нихъ (новыхъ поселенцевъ) тѣсноты не было»; при этомъ высказывается опасеніе относительно того, «чтобъ которые люди тѣхъ береговыхъ угодій (для нихъ нужныхъ) не заняли подъ пашни и сѣнокосы». Отсюда мы можемъ заключать, что, быть можетъ, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ XVII столѣтія въ здѣшнихъ мѣстахъ существовалъ уже постоянный монастырскій посёлокъ. Другой изъ Московскихъ монастырей, Новоспасскій, тоже успѣвшимъ воспользоваться своими рыбными ловлями въ Волжскихъ водахъ, чтобъ завести въ этихъ мѣстахъ постоянныя поселенія, въ увѣренности, что монастырскія выгоды отъ этого много выиграютъ. Еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (1632 г.) Новоспасскій монастырь получилъ жалованную грамоту, которою ему за ежегодный двадцатирублевый оброкъ предоставлены были «въ рѣкѣ Волгѣ Саратовскія Иргизскія рыбныя ловли отъ Канины Тубы внизъ по Волгѣ по нижнюю изголовь осинового куста и съ осиновою нижнею и съ Терсицею косами по обѣ стороны Волги по разливу внешней воды, *по старымъ рубежамъ*». Должно быть, здѣшнія рыбныя ловли доставляли Новоспасскому монастырю хорошіе доходы, потому что при Алексѣѣ Михайловичѣ монастырь спѣшилъ расширить въ этихъ мѣстахъ свой промыселъ: въ царствованіе этого государя братія выхлопотала грамоту (1653 г.), по которой, за прибавку къ старому оброку 17 рублей и 7 алтынъ, монастырю «дано къ тѣмъ же водамъ Иргизскій юртъ по обѣ стороны тѣхъ водъ и Волги рѣки по старымъ рубежамъ съ рѣчки и съ ерки, и съ буераки, и съ озера, и съ займищи, а на горахъ съ вѣн-

¹⁾ Города Сызрань и Кашпиръ были действительно построены около того времени.

цы и съ рѣчки; Иргизомъ отъ россшей до устья и съ уполыми рѣчки, которыя изъ за-поль впади въ Иргизъ». Такихъ образомъ, воды рѣки Волги на извѣстномъ протяженіи, вѣстѣ съ ея притоками: рѣчкою Терсою съ нагорной стороны и рѣками Большимъ и Малымъ Иргизомъ съ луговой стороны, были эксплуатируемы Новоспасскимъ монастыремъ за небольшой, повидимому, оброкъ.

Увѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе Московскаго Чудова монастыря пріобрѣсти себѣ часть нагорнаго берега Волги съ цѣлью завести постоянное поселеніе въ мѣстности, гдѣ онъ прежде владѣлъ одною лишь рыбною ловлею, вызвало, какъ сказано, подобное же стремленіе у властей Новоспасскаго монастыря. Въ девяностыхъ годахъ XVII-го столѣтія власти этого монастыря обращаются къ правительству съ ходатайствомъ, чтобъ примыкающія къ ихъ водамъ «земли со всѣми угоды даны (были) въ вотчину Спасскому монастырю безъ мѣры по старымъ урочищамъ». Будучи заранѣе увѣрены, что правительство предоставитъ имъ просимыя земли, также точно, какъ прежде пожалованы были земли Чудову монастырю, Новоспасскія власти до формальнаго отвода имъ земли поспѣшили перевести нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ «изъ разныхъ вотчинъ» и поселили ихъ въ этихъ мѣстахъ. Такихъ образомъ Новоспасскимъ монастыремъ были, по его словамъ, «построены два села: Малыковка на Волгѣ, Терса на р. Терсѣ», — и когда просимыя земли въ концѣ XVII столѣтія (1699 г.) отведены были монастырю, то вышеупомянутыя села уже существовали на монастырскихъ земляхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ¹⁾. Вѣроятно, молва о богатствѣ земель и угодій ни-

¹⁾ Тамъ же лл. 29, 248. Говоря, что поселенія здѣсь были раньше формальнаго отвода земель Новоспасскому монастырю, мы имѣемъ въ виду, что отводъ земель монастырю произведенъ былъ лишь въ 1699 году, между тѣмъ какъ въ этомъ же году отводились земли ниже Воскресенскому монастырю, а въ его межахъ значатся уже земли селъ Малыковки и Терсы; следовательно, можно предполагать, что оба эти села существовали раньше отвода, ибо необходимо было время для переселенія и устройства крестьянъ на мѣстѣ.

зоваго Поволжья вѣстѣ съ тою легкостью, съ какою правительствомъ пожалованы были угодья Чудову и Новоспасскому монастырямъ, возбудили въ представительницѣ третьяго Московскаго монастыря, въ игуменьѣ Новодѣвичья монастыря, желаніе приобрѣсти въ низовомъ Поволжьѣ участокъ для своихъ хозяйственно-экономическихъ операцій. Вслѣдствіе этого игуменья обратилась съ ходатайствомъ къ государю и Новодѣвичью монастырю пожалованы были въ 1683 году въ потчину «Атлубскіе воды въ Сибирскомъ уѣздѣ, которые были на оброкѣ за Сибиряниномъ посаженнымъ человѣкомъ за Иваномъ Бородулиннымъ, а послѣ за крестьяниномъ боярина князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, за Обросимомъ *Портнымъ* и за иными обротчики, съ стержневыми рыбными ловлями, которые за тѣми обротчики написаны по приходнымъ книгамъ 190 г.» (1682)¹⁾. По всей вѣроятности, хозяйственная дѣятельность Новодѣвичья монастыря принесла скорѣ ему хорошіе плоды потому что уже въ началѣ XVII вѣка въ здѣшнихъ мѣстахъ на берегу р. Волги «раскинулось довольно обширное село, густо застроенное съ нѣсколькими церквами и высокою колокольней», носившее названіе монастыря-владѣтеля,—Новодѣвичье²⁾. По всей вѣроятности тѣже мотивы, которые возбуждали въ это время энергію Московскихъ монастырей побудила и властей Воскресенскаго монастыря, находящагося въ Московскомъ уѣздѣ, обратиться въ концѣ XVII вѣка къ правительству съ просьбою отвести ему «на рѣкѣ Волгѣ въ Змѣевыхъ горахъ дикое поле». Какъ результатъ этого ходатайства, было въ 1699 году «отмезовано архимандриту Воскресенскаго монастыря съ бра-

¹⁾ Границы монастырскихъ владѣній означены въ грамотѣ слѣдующимъ образомъ: «На Нагайской сторонѣ Атлуба съ истошными озерами по обѣ стороны отъ Черемшанской заводи до Усы р. и по Волгѣ р. выше Атлубы до Черемшанской волошки ... да рѣчка Вушуйка въ верхъ по Волгѣ р. до Костомской заводи съ озерами и съ истоки по обѣ стороны Волги рѣки», и 2 острова на самой Волгѣ. Арх. Мин. Юст. Межев. кн. № 159, л. 196.

²⁾ «Путешествіе Корнилія де-Брунна черезъ Московію» с. 172. (Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч.).

тею въ Сызранскомъ уѣздѣ изъ дѣвухъ полѣ отъ устья рѣчки Багаля, идучи на низъ по рѣчкѣ Терешкѣ, до устья рѣчки Березовки, и межъ тѣхъ рѣчекъ Багаю и Березовки отъ устья и до вершинъ.... до Волги рѣки.... на пашню земли на 500 чети въ полѣ, а въ дву потонуужъ, да подъ усадьбы на 100 чети»¹⁾). Въ началѣ XVIII столѣтія на этомъ мѣстѣ заставляемъ уже село Сергіевское, Воскресенское тожъ, принадлежавшее Воскресенскому монастырю, которое, вѣроятно, образовалось здѣсь такъ же, какъ и села другихъ монастырей: изъ монастырскихъ крестьянъ, переведенныхъ монастыремъ изъ другихъ своихъ вотчинъ, съ присоединеніемъ къ нимъ бѣлаго и гулящаго люда, котораго въ низовомъ Поволжѣ всегда было достаточно. Въ то время какъ ватаги рыбныхъ ловцовъ въ низовьяхъ Волги обзаводились постояннымъ населеніемъ, параллельныя имъ мѣста, находившіяся въ сторонѣ отъ Волжскаго пути, въ это время также занимаютъ предприимчивыя люди, стремящіеся воспользоваться тѣми особенностями, которыя имъ представлялись тамъ. Такъ, одинъ изъ служилыхъ людей конца XVII вѣка, найдя на рѣкѣ Кададѣ²⁾, «порозжее мельничное мѣсто и порозжіе сѣнные покосы», здѣсь лежавшіе, просилъ, чтобъ ему «то мельничное мѣсто дать въ помѣсть за четвертную пашню за десять четвертей, а сѣнные покосы межъ рѣчекъ въ угодье», — что и было ему отведено по распоряженію изъ Казанскаго дворца³⁾.

Выше было говорено о ненормальномъ положеніи нѣкоторыхъ инородцевъ, жившихъ въ Поволжѣ, по отношенію къ христіанству и къ представителямъ православной вѣры, которые не пренебрегали насиліемъ при обращеніи Мордвы въ

¹⁾ Тамъ же л. 257. Земля эта лежитъ по Волгѣ ниже земель Номоспасскаго монастыря, съ которыми она граничила на сѣверѣ. Относительно лѣса сказано: «а въ лѣсъ вѣзжать крестьянамъ въ той своей дачѣ, которая по Волгѣ и по Терешкѣ рѣкамъ».

²⁾ Рѣчка Кадада течетъ въ западной части Хвалынскаго уѣзда.

³⁾ Саратов. Сборы. 1881 г. «Старинный документъ» 56 — 58 сс. Чолобитчика звали Степанъ Григорьевъ Чирковъ, — впоследствии на этомъ мѣстѣ является село Чирково-Никольское на р. Кададѣ.

христіанскую вѣру; мы видѣли, какъ дѣйствовали подобныя пріемы на несчастныхъ инородцевъ, покидавшихъ родину и заселявшихъ свободныя, ненаселенныя земли. Но не одни инородцы были въ религіозномъ отношеніи въ ненормальномъ положеніи въ XVII столѣтіи, — масса русскихъ людей послѣ патріарха Никона очутилась въ томъ же положеніи: они отказались признать книжныя исправленія и нововведенія этого патріарха, вслѣдствіе чего получили наименованіе старообрядцевъ или раскольниковъ. Возмущеніе Соловецкое въ концѣ шестидесятихъ и въ семидесятихъ годахъ показало Московскому правительству, что количество и энергія приверженцевъ стараго благочестія значительны. Преслѣдуемые въ центральныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, раскольники въ восьмидесятихъ и въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка убѣгали въ украинныя мѣста — на Хоперь и на Медвѣдицу, пробирались въ низовое Поволжье и на Донъ къ казакамъ; всюду они соединялись между собой, привлекали къ себѣ недовольныхъ общественными и религіозными порядками тогдашняго времени, строили городки (на рѣкѣ Медвѣдицѣ), изъ которыхъ распространяли свое вліяніе на сосѣднія мѣста, стараясь возбуждать людей къ дѣйствіямъ противъ Московскаго правительства. Иногда раскольники собирались въ большія шайки, грабили на Волгѣ людей, приступали къ городамъ въ низовомъ Поволжьи и наводили страхъ на мѣстныхъ воеводъ¹⁾. Подобныя факты въ связи съ появленіемъ въ описываемое время ошѣдлаго населенія на правой сторонѣ Волги, южнѣе Сызрани и Кашпира, должны были озабочивать русское правительство. Между тѣмъ въ концѣ восьмидесятихъ и началѣ девяностыхъ годовъ выступаетъ Петръ Великій, неутомимая энергія котораго обнаружилась вскорѣ послѣ его востшествія на русскій престолъ. Какъ извѣстно, Петръ послѣ своей сестры Софьи унаслѣдовалъ непріязненныя отношенія къ Турціи, и вотъ этою

¹⁾ Акт. Ист. т. V, №№ 220 и 254. Ист. Рос. С. Соловьева т. XIII, 360 с.; т. XIV, 82—83, 284 сс.

войной онъ рѣшился воспользоваться для осуществленія своей мысли—утвердиться на берегу моря. Для этого въ девяностыхъ годахъ ХУП вѣка (1695 и 1696 г.) Петръ предпринималъ два похода къ Черному морю на укрѣпленный приморскій городъ Азовъ, принадлежавшій Туркамъ, и, наконецъ, завладѣлъ имъ. Но, овладѣвши городомъ, лежавшимъ вдали отъ центра русской власти и въ сторонѣ отъ остальныхъ русскихъ городовъ, Петръ долженъ былъ закрѣпить его за Россією, сдѣлать русскимъ городомъ, этого же можно было достигнуть лишь водвореніемъ здѣсь русской военной силы и поселеніемъ русскихъ людей. Поэтому царскимъ указомъ велѣно было, чтобъ «служилые люди казаки, засѣчные сторожи и станишники изъ Низовыхъ городовъ: Симбирска, Саранска, Инсара и Пензы, которые въ уѣздахъ тѣхъ городовъ были устроены землями и поселены были слободами, всего 3007 съ женами и съ дѣтьми переведены (были) на вѣчное житье въ Азовъ»; изъ одного Налуевскаго городища переведено было въ Азовъ 198 засѣчныхъ сторожей¹⁾. Сверхъ того было опредѣлено: быть всегда въ Азовѣ въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ Московскимъ стрѣльцамъ и годовымъ солдатамъ²⁾. Одновременно съ переселеніемъ массы людей съ Симбирской и Сызранской укрѣпленныхъ чертъ русское правительство, кажется, вознамѣрилось провести въ Поволжь новую черту южнѣ Сызранской, такъ какъ послѣдняя, въ описываемое время, послѣ появленія на Волгѣ ниже Кашпира новыхъ поселковъ, уже не вполне соответствовала своему назначенію: служить защитой окраинному населенію отъ опасностей со стороны кочевыхъ непріятелей. Поводомъ же къ такому рѣшенію могло послужить намѣреніе молодого царя соединить каналомъ Волгу съ Дономъ³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, укрѣпленная черта, проведенная въ здѣшнихъ мѣстахъ, могла защитить не только поселки, появившіеся южнѣ Кашпира въ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, л. 37, обор.

²⁾ Ист. Рос. С. Соловьева т. XIV, 216 с.

³⁾ Каналъ долженъ былъ проходить между рѣкою Ижавлею, притокомъ Дона, и рѣкою Камышенкою, притокомъ Волги.

восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ XVII столѣтія, но и городъ Саратовъ. Кромѣ черты подлѣ Камышенки, правительство на этомъ большомъ пространствѣ, вѣроятно, въ видахъ той же защиты своего крайняго населенія не только противъ кочевниковъ, но и со стороны русскихъ бѣглецовъ-удальцовъ, рѣшилось выстроить на рѣкахъ Медвѣдицѣ и Хопрѣ по одному городу: на первой построенъ былъ Петровскъ, а на второй Павловскъ. Петровская крѣпость выстроена была (1697—1698 гг.) изъ дубоваго лѣса на лѣвомъ берегу р. Медвѣдицы и имѣла четырехугольную форму; эта крѣпость обнесена была валомъ, по которому шла стѣна съ восемью башнями, а подлѣ вала былъ выкопанъ глубокий ровъ.¹⁾ Для заселенія новыхъ городовъ назначены были люди, жившіе по вышеупомянутымъ укрѣпленнымъ линіямъ. Объ этомъ говорится слѣдующее: «которые въ тѣхъ слободахъ за тѣми азовскими переведенцами остались третички и половинщики, и тѣхъ велѣно перевести на вѣчное житье въ новопостроенные города: на Медвѣдицу — въ Петровской, да на Хоперь — въ Павловской». Должно быть, въ воспоминаніе о родныхъ мѣстахъ нѣкоторыя улицы въ Петровскѣ доселѣ носятъ названія, происходящія отъ Пензы, Саранска, Инсара и т. под. Первые жители записаны были въ пахотные солдаты, воротники, пушкаріи и затинщики; пахотные солдаты дѣлились на четыре роты и были снабжены ружьями; другіе служилые люди обязаны были находиться въ случаѣ обороны отъ непріятелей при пушкахъ и воротахъ крѣпостныхъ²⁾. Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что масса слободскаго служилаго населенія, поселенная на Сызранской чертѣ для охраны и защиты здѣшнихъ окраинъ, была переведена отсюда въ отдаленный Азовъ и въ новые города, построенные на притокахъ р. Дона; такимъ образомъ русская граница въ этихъ мѣстахъ была, повидимому, обнажена. Но нельзя допустить, чтобъ правительство молодого царя обнажало окраину отъ защиты, не

¹⁾ «Историч. очер. Саратовск. края». Леопольдова, 59 с.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159, л. 37, обор. и 270 л. «Историч. очер. Саратов. пр.» Леопольдова 59 с.

предпринимая въ то же время въ иныхъ мѣстахъ новыхъ защитительныхъ мѣръ въ пользу обнаженныхъ земель. Между жителями города Камышина сохранилось преданіе о томъ, будто бы въ 1692 году Казанскій воевода бояринъ князь Черкасскій, согласно полученному указу, собралъ со всѣхъ городовъ Казанской области тысячу человѣкъ изъ стрѣльцовъ и черносошныхъ крестьянъ, и сформировалъ изъ нихъ полкъ. Четыре года спустя, полку этому велѣно было отправиться съ семействами въ городъ Камышенку, куда они и прибыли въ концѣ лѣта 1697-го года¹⁾. Показанія нѣкоторыхъ старожиловъ города Дмитріевска, дошедшія до насъ отъ первой половины XVIII-го вѣка, подтверждаютъ отчасти мѣстное преданіе. Отставные и служилые солдаты того времени показывали, что они «по указу Петра перваго въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ переведены изъ Казани и изъ прочихъ верховныхъ городовъ на рѣку Камышенку для построенія вновь города Дмитріевска и для содержанія карауловъ и разныхъ служебъ». Прозвище «Лашевецъ» одного изъ казаковъ—старожиловъ половины XVIII-го вѣка можетъ также свидѣтельствовать, что Поволжскіе города преимущественно доставили контингентъ для населенія города Дмитріевска²⁾. Доказательствомъ того, что городъ Дмитріевскъ построенъ не ранѣе начатія работъ по проведенію соединительнаго канала между Волгою и Дономъ, т. е., не ранѣе девяностыхъ годовъ XVII вѣка, можетъ также служить и грамота патріарха Адріана къ Астраханскому митрополиту, написанная весною 1699-го года: въ ней городъ Дмитріевскъ названъ «новопостроеннымъ» городомъ. Сверхъ того, иностранникъ начала XVIII вѣка (въ маѣ 1703 г.), посѣтившій проѣздомъ Камышинъ, свидѣтельствуетъ, что городъ былъ тогда еще не вполне обстроенъ и говоритъ, что постройка города начата была за четыре года предъ этимъ временемъ³⁾;

¹⁾ Город. Посел. Рос. Им. т. IV, 436 с.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Дѣла Саратов. уѣзда. Вязка 61, дѣло за № 2300.

³⁾ «Путешествіе Корнелія де-Брунна» Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч. 179 с. Пытаемся опредѣлить время построенія города Дмитріевска на

самое время отвода нахоты и угодій первымъ насельникамъ города Дмитріевска (что совершилось лишь въ началѣ XVII столѣтія (1707 г.)), также косвенно подтверждаетъ то, что городъ здѣсь построенъ не ранѣе девяностыхъ годовъ XVII вѣка, ибо, какъ мы уже не разъ видѣли, отводъ земель и угодій населенцамъ происходилъ вскорѣ послѣ ихъ водворенія на новомъ мѣстѣ¹⁾. Къ основанію города въ этомъ мѣстѣ низоваго Поволжья правительство могло быть побуждаемо рѣшеніемъ построить здѣсь соединительный каналъ между Волгою и Дономъ; этотъ каналъ вслѣдствіе большаго значенія, которое ему придавало русское правительство для торговли, нужно было тщательно охранять отъ опасностей въ низовомъ Поволжьѣ, которыя, по свидѣтельству путешественника половины XVII вѣка, особенно велики были именно въ здѣшнихъ мѣстахъ²⁾. Что же касается укрѣпленной черты, которую, повидимому, правительство имѣло въ виду провести въ здѣшнихъ мѣстахъ, то объ этомъ мы можемъ догадываться по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ.

рѣчкѣ Камышенкѣ въ виду маловероятнаго извѣстія о постройкѣ этого города, находящагося въ Географич. Лексик. Рос. Госуд. Полунина, изд. въ 1773 г.; здѣсь на 82 стр. сказано слѣдующее: «Дмитріевскъ или Камышенскъ, при устьѣ р. Камышенки, построенъ въ 1668 году и укрѣпленъ англійскимъ полковникомъ, бывшимъ въ русской службѣ, Томасомъ Байлемъ».

¹⁾ По просьбѣ служилыхъ людей города Дмитріевска сюда присланъ былъ «нарочно изъ приказа Казанскаго дворца дѣятъ Манаръ Полинскій», который въ 1707 году отвелъ имъ «вокругъ города Дмитріевска на выпускъ и на сѣнные покосы, также лѣсныя мѣста и воды для рыбныхъ ловель по нагорной и по луговой сторонѣ на 440 десятинъ; между прочимъ по луговой сторонѣ рѣка Ерусланъ съ вершинами; а на р. Волгѣ острова: Дубовскій, Камышенскій и Шишкинскій. Арх. Мин. Юст. III отд. Саратов. у. дѣла. Вязка 61-я, № дѣла 2300.

²⁾ Олеарій въ своемъ путешествіи говоритъ слѣдующее объ этомъ мѣстѣ: «По этимъ рѣкамъ (Камышенкѣ и Илавѣ) Донскіе казаки на легивыхъ челнахъ заплываютъ и въ Волгу, отъ чего мѣсто это считается самымъ опаснымъ по разбоямъ»; далѣе онъ говоритъ о большомъ побоищѣ, которое «не много лѣтъ тому назадъ» было на этомъ мѣстѣ между русскими войскомъ и казаками, которые укрѣпились здѣсь «и хотѣли запереть свободный ходъ по Волгѣ»; во время сраженія съ обѣихъ сторонъ погибло около 1000 человекъ. Де-Брюинъ въ началѣ XVIII стол. тоже рассказывалъ въ г. Камышенѣ о нападеніяхъ Донскихъ казаковъ въ этомъ мѣстѣ. Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1869 г. I, 436 с; 1872 г. 3 ч., 180 с.

На самой Волгѣ, около рѣчки Камышенки, кромѣ города Дмитріевска, стоявшаго на лѣвой сторонѣ рѣчки на высокомъ мѣстѣ, находилось на правой сторонѣ другое укрѣпленіе, которое, по своему положенію, почиталось какъ бы частью перваго и называлось Петровскъ¹⁾. Кромѣ этихъ новопостроенныхъ городовъ «у Волги рѣки на усть рѣчки Камышенки», имѣлось въ виду, судя по выраженію патріаршей грамоты конца XVII-го столѣтія, построить и другіе города «по чертѣ къ Дону рѣкѣ», въ которыхъ должны были быть выстроены церкви; слишкомъ значительное для вновь построеннаго укрѣпленія число семей служилыхъ людей, бывшихъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Камышинѣ (ихъ жило тогда 4000 семей), косвенно можетъ также свидѣтельствовать о намѣреніи въ то время русскаго правительства построить въ этой мѣстности новую укрѣпленную черту²⁾. Сами старожилы города Дмитріевска въ своей челобитной правительству въ половинѣ XVIII столѣтія писали, что они «по строенію города (Дмитріевска), за неимѣніемъ въ то время Царицынской линіи, отъ набѣговъ Кубанскихъ имѣли неусыпные въ службѣ труды и всеусердное по присяжной своей должности стараніе». Такимъ образомъ можно предположить, что служба служилыхъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ до постройки въ 1719 году Царицынской линіи, замѣняла собою службу служилыхъ людей на этой послѣдней³⁾.

¹⁾ «Stromsyst. Wolga» von Müller 499 p. Город. Рос. Рос. Им. IV, 437 с.

²⁾ Чтеніе Общ. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч., 180 с.

³⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Саратов. уѣзд. дѣла. Виза 61, дѣло за № 2300. Доп. А. И. т. XII, № 98. Цвѣтущее сост. Всерос. Государ. Им. Кириллова II-ая ч., 29—30 сс. Трудно допустить, чтобы патріархъ въ своей грамотѣ подъ «чертой» между Волгою и Дономъ разумѣлъ только строившіяся въ то время каналы.

ГЛАВА IV-я.

Земли, защищенныя Закамскою чертою и ихъ положеніе сравнительно съ землями, замыкаемыми Сибирскою чертою. Заселеніе Закамскихъ земель послѣ проведенія Закамской черты. Русскія и инородческія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Водвореніе Полоцкой шляхты на р.р. Утѣ и Майнѣ. Построеніе острожковъ на р.р. Утѣ и Майнѣ. Крестьянская колонизація на земляхъ Прикамскихъ. Хозяйственныя условія въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка Нижегородскаго и нѣкоторыхъ иныхъ уѣздовъ внутренней Россіи и выселенія крестьянъ въ низовое Поволжье. Русскіе и инородческіе поселки въ предѣлахъ р.р. Утки, Майны и Урена въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Башкирцы и Калмыки въ прикамской сторонѣ и ихъ дѣйствія здѣсь. Продолженіе заселенія Примайнскихъ странъ русскими людьми и инородцами. Состояніе русскихъ и инородческихъ поселеній на земляхъ Примайнскихъ въ концѣ XVII вѣка. Водвореніе иноземцевъ на р.р. Безднѣ, Утѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ описываемаго вѣка. Положеніе крестьянъ и служилыхъ людей въ Прикамской сторонѣ въ концѣ столѣтія.

Земли, защищенныя Закамскою линіею, пространствомъ своимъ были обширнѣе земель, которыя замыкались укрѣпленною Сибирскою чертою; послѣднія, будучи меньше по своему пространству, въ то же время находились въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно кочеваго населенія степи, чѣмъ Закамскія земли: Сибирская полоса лежала, съ одной стороны, вдали отъ Крыма и Кубани, а съ другой—ширина и глубина Волги нѣсколько защищали ее отъ хищническихъ нападеній Калмыковъ и Башкирѣ. Находясь въ такомъ сравнительно благопріятномъ положеніи къ степному населенію, Сибирскія земли, кромѣ того, соединялись съ коренными русскими областями,—примыкали къ нимъ непосредственно. Вслѣдствіе этого русскому населенію изъ значительныхъ городовъ и густо населенныхъ странъ двигаться въ Сибирскую сторону было легче и удобнѣе, чѣмъ въ Закамскія страны; Сибирскія земли по

своему положенію могли нерѣдко быть переходными даже для людей, которые стремились къ переселенію въ Закамскую сторону. При подобныхъ условіяхъ земель, защищенныхъ Симбирскою чертою, всего естественнѣе было скоро заселиться, и неудивительно, что служилые и неслужилые люди довольно скоро спускаются ниже Симбирской черты и заселяютъ постепенно земли, лежащія за валомъ вѣсть съ Самарскую лукою, такъ что уже въ восьмидесятихъ годахъ XVII вѣка является необходимость построить новый городъ Сызрань съ Сызранско-Пензенскою укрѣпленною чертою. Совершенно въ иномъ положеніи находились Закамскія земли: съ одной стороны онѣ граничили со степью, гдѣ жили кочевые Башкирцы и Калмыки, при всякомъ случаѣ готовые не только поживиться достаткомъ осѣдлаго населенія, но и захватить въ плѣнъ самого поселенца вѣсть съ членами его семейства, чтобъ выгодно сбыть этотъ живой товаръ на рынкахъ средней Азіи; съ другой стороны эти земли примыкали къ Камѣ рѣкѣ, по которой населеніе, за исключеніемъ южной части ея, было очень рѣдко: огромныя пространства правой, нагорной стороны Камы, заняты были еще дремучими лѣсами, поджидавшими себѣ населенія, которое не особенно сюда спѣшило, предпочитая иныя болѣе благопріятныя страны. Вслѣдствіе этого медленный процессъ колонизаціи Закамскихъ земель, замыкаемыхъ укрѣпленною Закамскою чертою, является естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыя онѣ были поставлены. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что вслѣдствіе болѣе значительнаго пространства, захваченнаго Закамскою чертою, земли эти для своего заселенія требовали гораздо большаго количества людей, чѣмъ земли, защищенныя Симбирскою укрѣпленною чертою.

Еще до окончанія постройки Закамской черты земли на Камѣ, давно покинутыя своимъ населеніемъ и лежавшія «отъ татарскаго разоренія впустѣ», начали привлекать вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, обладавшихъ средствами. Такъ, напримеръ, игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря выхлопоталъ у правительства въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія (1655 г.)

на оброкъ «порозжую землю за р. Камою противъ устья рѣки Ижъ» вѣстѣ съ лѣсомъ, сѣнными покосами и рыбными ловлями,—причемъ инородцы ближайшихъ деревень, подтверждая тотъ фактъ, что «нынѣ та земля лежитъ впускъ и лѣсомъ поросла», свидѣтельствуютъ также и о томъ, что на этихъ мѣстахъ «въ прежніе годы жила на пашенной землѣ отцы ихъ», которые отъ нападенія на нихъ съ боемъ «съ той земли роюшися розно на новыя мѣста, и съ тѣхъ мѣстъ ту землю покинули и та земля поросла лѣсомъ»¹⁾. Послѣ проведенія Закамской линіи тотъ же игуменъ Богоявленскаго монастыря получилъ въ оброкъ «порозжую землю», которую онъ съ братьями «обискалъ въ Казанскомъ уѣздѣ на Волгѣ рѣкѣ противъ города Симбирска внизъ по Волгѣ», указывая при этомъ правительству, что «та земля, дуги и лѣсъ—мѣсто степное, лежитъ впускъ, никому не отдана»²⁾. Но, кромѣ игумена отдаленнаго Костромскаго монастыря, послѣ окончанія укрѣпленной черты на здѣшнія земли обратилъ вниманіе человекъ съ значительными средствами и большимъ вліяніемъ на Руси—патріархъ Московскій и всея Россіи. Въ надеждѣ, что съ проведеніемъ Закамской черты утвердится безопасность въ здѣшней сторонѣ, патріархъ поспѣшилъ приобрести земли на рѣкахъ Утѣ и Майнѣ, притокахъ рѣки Волги; на правомъ берегу первой, подлѣ Балнмерскаго городища, онъ завелъ поселенія, между которыми впослѣдствіи упоминаются село съ деревнею; на берегу другой рѣчки, Майны, позднѣе тоже упоминаются патріаршіе поселки, среди которыхъ встрѣчаемъ село съ церковью, и деревню. На другой сторонѣ Майны, на полянкѣ, по всей вѣроятности для защиты вышеупомянутыхъ поселеній, водворены были «за патріархомъ бѣлопашенные казаки». Въ патріаршихъ селахъ и деревняхъ на рѣкахъ Утѣ и Майнѣ при усадьбахъ отведены были земли, на которыхъ заведены были «пашня и сѣн-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6488.

²⁾ Въ межахъ этой земли говорится, что она на 10 верстъ южнѣе Симбирска, при чемъ не разъ упоминается рѣчка Камаюръ, впадающая въ рѣку Волгу южнѣе Симбирска съ лѣвой стороны. Тамъ же грам. 1661 г. за № 6498.

ные покосы и всякія угоды»¹⁾). Съ окончаніемъ же укрѣпленной черты не одни русскіе люди стремятся въ Закамскую сторону, богатую черноземною почвою и естественными произведеніями, — сюда направляются также и инородцы. Природныя богатства здѣшнихъ рѣкъ и лѣсовъ искони были извѣстны инородцамъ Казанскаго уѣзда, и они, какъ мы знаемъ, не оставались праздными созерцателями этихъ богатствъ, а пользовались ими въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Но пользованіе нѣкоторыми природными богатствами здѣшней страны не требовало постоянного пребыванія здѣсь инородца: онъ могъ лишь на время приходить сюда, справляться съ состояніемъ своихъ бортей въ лѣсахъ, съ бобровыми гонами и рыбными ловлями въ мѣстныхъ рѣкахъ, пользоваться тѣми произведеніями, которыя попадали въ его руки и возвращаться въ Казанскій или Свияжскій уѣзды, гдѣ находилось его мѣстожительство. Но такъ поступать инородецъ могъ лишь до тѣхъ поръ, пока здѣшнія земли были пустыни; когда же стали появляться здѣсь постоянныя поселенія, то инородцу было необходимо селиться подлѣ своихъ угодій, чтобъ блюсти за нихъ неприкосновенностью со стороны постороннихъ людей. Кромѣ того, плодородіе черноземной почвы, нетронутой еще обработкой, тоже должно было привлекать служилыхъ инородцевъ соседнихъ уѣздовъ, которые при земледѣліи могли заниматься тутъ и другими промыслами. И вотъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ XVII столѣтія (1661 г.) сынъ служилаго татарина Симбирскаго уѣзда *Яманайка Кадышевъ* предоставляетъ братьямъ своимъ владѣть на родинѣ отцовскою помѣстной землею и нести съ нея государеву службу, а самъ отправляется въ Казань и выхлопываетъ себѣ и будущимъ своимъ сотоварищамъ на берегу рѣки Урени пахотной земли съ сѣнными покосами около Волги, обязываясь за это нести государеву службу по Казанскому уѣзду; вслѣдствіе этого на лѣвой сто-

¹⁾ Арх. Мин. Ю. т. III отд. Инсц. кн. за № 1127 лл. 629, 631, 649 и 652; кн. 13 за № 6452, № дѣла 55, л. 4.

ронѣ Уреня, притокѣ рѣки Волги, появляется деревня *Аманаева*, Иртудина тожъ, населенная служилыми татарами, которые несутъ въ послѣдствіи полковую службу по Казани съ пожалованныхъ имъ земель¹⁾. На другой сторонѣ рѣки Уреня, ближе къ устью, на притокѣ ея, небольшой рѣчкѣ Кременкѣ, основывается также поселеніе, о которомъ, впрочемъ, намъ извѣстно лишь то, что «въ тѣхъ *росчищахъ* надъ рѣчкою Кременкою селидба бывала до селидбы патриаршихъ крестьянъ»²⁾. Вѣстѣ съ описанными здѣсь поселеніями въ шестидесятихъ годахъ XVII вѣка по Уреню и по Майнѣ съ ея притокомъ, рѣчкою Красною, появляются другіе поселки, мордовскіе и татарскіе, которыхъ насельники между прочимъ занимаются также и пашнею; но, по всей вѣроятности, главное занятіе инородцевъ въ здѣшнихъ мѣстахъ были промыслы, особенно бортный, ибо въ правительственныхъ актахъ конца шестидесятихъ годовъ говорится прямо: «на Закамской чертѣ безъ бортныхъ ухоевъ лѣсовъ мало, потому что за Камою рѣкою въ лѣсахъ все бортные ухоеи во всей Закамской чертѣ», въ другомъ мѣстѣ это же самое выражено еще рѣзче: «а безъ бортныхъ ухоевъ во всей Закамской чертѣ лѣсовъ нѣтъ»³⁾. Вспоминая огромныя пространства дѣвственныхъ лѣсовъ, которые упоминаются при описаніи Закамской черты, мы получаемъ ясное представленіе о главномъ занятіи инородцевъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и о степени развитія у нихъ бортнаго промысла. Слѣдуетъ указать и на то еще, что при своемъ поселеніи здѣсь русскіе люди чаще всего предпочитаютъ мѣста около Волги и, вообще, недалеко отъ устьевъ здѣшнихъ рѣкъ, между тѣмъ какъ инородцы селятся по среднему теченію рѣкъ или же въ верховныхъ частяхъ. За тѣмъ при выборѣ мѣстъ для поселенія русскіе, какъ люди, главнымъ образомъ занима-

¹⁾ Тамъ же Казань, переп. кн. за № 7, дѣло за № 152, лл. 228, 237 и 259.

²⁾ Тамъ же Писц. кн. за № 1127, лл. 651 и 668.

³⁾ Тамъ же лл. 632, 649, 651 и 670.

вшіеся землѣдѣліемъ, предпочитали мѣстность открытую, свободную отъ лѣса, который въ здѣшнихъ мѣстахъ былъ только лишнимъ препятствіемъ для земледѣльца, препятствіемъ, требовавшимъ отъ него значительнаго предварительнаго труда,—очищенія почвы для пахоты. Сохранившіяся наименованія нѣкоторыхъ деревень, бывшихъ за патріархомъ на р.р. Утѣѣ и Майнѣ, доказываютъ это наглядно: онѣ называются Полянка и Застѣпная¹⁾. Инородцы же по свойству своихъ любимыхъ занятій должны были предпочитать мѣста у лѣсныхъ опушекъ, если не сами полянки въ лѣсу²⁾).

Такъ началось въ разныхъ мѣстахъ заселеніе обширной страны, въ надеждѣ на прочную защиту со стороны вновь проведенной укрѣпленной черты. Защита эта и на самомъ дѣлѣ существовала, но далеко не въ той степени, какъ ожидали нѣкоторые изъ предприимчивыхъ колонизаторовъ, которые посѣщали пріобрѣсти отъ правительства земли въ здѣшнихъ мѣстахъ и заселили ихъ въ ожиданіи значительныхъ выгодъ. По всей вѣроятности, кочевые обитатели сосѣдней степи не замедлили своими нападеніями дать почувствовать новымъ колонистамъ, что сооруженіемъ Закамской линіи достигнута была лишь относительная безопасность здѣшнихъ мѣстъ, ибо мы знаемъ, что вотчиннымъ крестьянамъ Троицкаго Елабужскаго монастыря около этого времени «отъ приходу изиѣнниковъ Башкирцевъ и Татаръ чинилось разоренье не по одно время», и что нѣкоторые изъ крестьянъ «были пожжены, а иные посѣчены и въ полонъ поиманы»³⁾. Объ одномъ же изъ нападеній Башкирцевъ 1666 г., дошедшихъ до устьевъ рѣки Камы, мы имѣемъ даже извѣстіе, которое, не смотря на свою отрывочность, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе насельника въ здѣшной сторонѣ послѣ

¹⁾ Тамъ же лл. 631, 649, 652; кн. за № 13, дѣло за № 55, л. 4.

²⁾ Тамъ, напримѣръ, берега среднего теченія р. Майны съ притокомъ ея р. Красною, по которымъ въ то время находились Мордовскіе поселища, еще и въ настоящее время покрыты огромными лѣсами. См. спец. карту Евр. Рос. (машт. 10 вер.) 1870 г. № 110.

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6562.

проведенія Закамской черты. Въ царской грамотѣ, данной Казанскому Преображенскому монастырю, говорится, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ вышеупомянутаго года «измѣнники Башкирцы Закамскую вотчину Преображенскаго монастыря, деревню Чертыкъ, разорили», — при чемъ указываются и данныя, свидѣтельствующія о матеріальномъ ущербѣ, понесенномъ деревнею, которая за двадцать слишкомъ лѣтъ предъ этимъ испытала разореніе отъ Калмыковъ: въ грамотѣ сказано, что во время нападенія, «по досмотру и по доѣзду станичнаго головы и по сказкѣ крестьянина деревни Чертыкъ, въ полонъ взято монастырскихъ крестьянъ 42 человекъ, да побито 7 человекъ, — 2 человекъ ранены; да въ деревнѣ жъ Чертыкъ сожжено 4 крестьянскихъ двора; а людей въ тѣхъ дворѣхъ сгорѣло: посельской старецъ да 20 человекъ крестьянъ»¹⁾. Отсюда можно видѣть, что даже поселенія, лежавшія на р. Чертыкъ, по прежнему испытывали отъ кочевниковъ опустошенія, послѣ которыхъ поселокъ не скоро могъ оправиться. Но само собою понятно, что съ постепеннымъ удаленіемъ поселеній отъ береговъ Камы опасность, грозившая имъ въ здѣшней сторонѣ, должна была сильно увеличиваться, при чемъ поселенія, лежавшія въ чистомъ полѣ или въ степныхъ мѣстахъ, подвергались гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ поселки, находившіеся въ лѣсу или же подлѣ лѣсной опушки; поселенія, подобныя послѣднимъ, могли быть либо совсѣмъ незамѣчены вторгнувшимися непріятелемъ, либо насельники могли укрыться въ лѣсу, въ которомъ легко спасались въ такомъ случаѣ. Вслѣдствіе подобныхъ условій мы находимъ, что русскія поселенія на Утѣ и Майнѣ, принадлежавшія патриарху, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія совершенно исчезаютъ, между тѣмъ какъ инородческіе поселки большей частью сохраняются, ибо акты того времени упоминаютъ о нихъ, какъ о существующихъ въ области рѣкъ Майны и Урени. Такимъ образомъ для мѣстной

¹⁾ Тамъ же, Собран. грам. Преображ. монастыря подъ № 6429, грам. 1667 года.

власти должно было стать ясно, что для безопасности русского населенія въ здѣшней сторонѣ одной Закамской черты съ ея укрѣпленіями недостаточно, что мѣстами здѣсь необходимы особыя укрѣпленія, независимо отъ сооруженій по укрѣпленной линіи, что полезно было бы водвореніе здѣсь такого рода насельниковъ, которые не только были бы въ состояніи держать въ рукахъ земледѣльческое орудіе, но при необходимости могли бы замѣнять его оружіемъ для услѣдственнаго дѣйствованія противъ внезапно появившагося непріятеля. Такіе люди въ концѣ шестидесятихъ годовъ XVII вѣка были въ распоряженіи русскаго правительства, которое и воспользовалось ими въ своихъ интересахъ на здѣшней окраинѣ.

Въ началѣ польской войны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ почти одновременно со взятіемъ Смоленска царскія войска овладѣли другимъ древне-рускимъ городомъ на западной окраинѣ—Полоцкомъ. Въ Полоцкѣ, подобно Смоленску, пограничной крѣпости Польскаго государства, находилось особое мѣстное войско,—такъ называемая «Полоцкая шляхта», состоявшая изъ полковника, ротмистровъ, поручиковъ, хорунжихъ и рядовыхъ людей, которые послѣ сдачи Полоцка поступили въ распоряженіе русскаго правительства. Въ то время, какъ Полоцкъ по Андрусовскому перемирію (1667 г.) былъ возвращенъ Польшѣ, Полоцкая шляхта съ полковникомъ Гаврилою Гаславскимъ обнаружила должно быть желаніе остаться на Руси, чтобъ служить русскому государю. И вотъ московское правительство въ 1668 году рѣшилось водворить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закамской стороны Полоцкую шляхту, подобно тому, какъ въ пятидесятихъ годахъ этого же столѣтія, оно поселило подлѣ разныхъ острожковъ Закамской черты Смоленскую шляхту четырехъ знаменъ. Шляхты «Гаврилова полку Гаславскаго съ товарищи» въ распоряженіи правительства было 532 человекъ. Съ самаго начала всѣ они раздѣлены были на двѣ группы: въ первой, небольшой группѣ съ полковникомъ во главѣ, принадлежали тѣ изъ нихъ, которымъ вмѣстѣ съ землею и угодьями рѣшено было дать и крестьянъ; остальныхъ же

предположено было отвести въ здѣшнихъ мѣстахъ одну лишь землю съ угодьями. Принявъ во вниманіе, что между получившими и не получившими крестьянъ шляхтичами встрѣчаются одинаково люди чиновные и нечиновные, затѣмъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что всѣ шляхтичи, получившіе крестьянъ, за исключеніемъ одного ротмистра, поселены были по обѣимъ сторонамъ православной церкви, можно предполагать, что крестьянъ получили тѣ шляхтичи, которые либо исповѣдывали уже православную вѣру, либо согласились предварительно принять православіе. Говоримъ это потому, что трудно предположить, чтобы русское правительство при такомъ религіозномъ царѣ, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ царь Алексѣй Михайловичъ, рѣшилось предоставить православныхъ людей во владѣніе не только иноземцамъ, но и иновѣрцамъ. Присутствіе же православныхъ среди полоцкой шляхты допустить слѣдуетъ тѣмъ скорѣе, что городъ Полоцкъ съ своею областью очень долгое время принадлежалъ древней Россіи и тамъ, не взирая на дѣятельную католическую пропаганду въ XVII столѣтіи, могло еще сохраниться православіе въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семьяхъ, потому что, какъ извѣстно, религіозная сфера принадлежитъ къ консервативнѣйшимъ въ человѣческихъ обществахъ.

Въ началѣ 1668 года (сентяб.) изъ Казанскаго приказа, находившагося въ Москвѣ, отправлена была грамота въ Казань на имя тамошнихъ воеводъ, въ которой говорилось, что «государь указалъ и бояре приговорили всю Полоцкую шляхту Гаврилова полку Гаславскаго съ товарищи, которые были на Москвѣ и которые были въ Казани, всѣхъ разобрать по статьямъ въ Казани и устроить ихъ землями въ Казанскомъ уѣздѣ по Закамской чертѣ; а на тѣ земли, продолжаетъ грамота, указалъ великій государь взять крестьянъ изъ Казанскаго, Свіяжскаго Царевококшайскаго и изъ Еранскаго уѣздовъ изъ дворцовыхъ селъ великаго государя—съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы и съ хлѣбомъ»¹⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ, кн. 13, № 2 л. 1.

Вслѣдствіе этого распоряженія въ началѣ весны того же года отправлены были изъ Казани служилые люди въ дворцовыя села названныхъ уѣздовъ, для того, чтобъ въ тѣхъ селахъ съ тянувшими къ нимъ деревнями и починками «переписать крестьянъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и ихъ братью и племянниковъ со отцы и съ прозвищи всякаго человѣка и, переписавъ, vybrать изъ того села и изъ деревень съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы и съ хлѣбомъ». Въ другомъ мѣстѣ находимъ указаніе на то, что относительно зажиточности выборъ крестьянъ производился «изъ средней статьи, съ жеребья», т. е., приблизительно съ каждаго двадцати дворовъ крестьянскихъ, «по сказкамъ земскихъ старостъ и за руками всѣхъ крестьянъ», выбирались по зажиточности крестьяне средней статьи, которые и вынимали жребій; крестьянинъ, вынувшій жребій, со всею семьею и имуществомъ поступалъ въ число крестьянъ, предназначенныхъ для Полоцкой шляхты¹⁾. Вслѣдствіе этого распоряженія дворцовымъ крестьянамъ вышепоименованныхъ уѣздовъ выпадала тяжкая доля, потому что каждому переселенцу въ настоящемъ случаѣ необходимо было разстаться съ общиною, въ которой онъ если и не родился, то во всякомъ случаѣ могъ успѣть обжиться и достигнуть средней зажиточности въ крестьянскомъ хозяйствѣ; теперь же это хозяйство, при переездѣ въ далекія, незнакомыя мѣста, должно было неминуемо разстроиться. Сверхъ того ему на новомъ мѣстѣ являлась въ перспективѣ власть помѣщика — иноземца. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тягости, лежавшія на жеребьевыхъ крестьянахъ, должны были распредѣлиться между остальными членами крестьянской общины. Ничего нѣтъ удивительнаго по этому, что при такихъ обстоятельствахъ въ нѣкоторыхъ людныхъ селахъ Свіязскаго уѣзда (въ Тенкахъ и Ключицахъ) «старосты и всѣ крестьяне, по словамъ переписчика, указу великаго государя не послушали, учинились сальны, къ книгамъ

¹⁾ Тамъ же № 6, л. 3 и другіе.

рукъ не приложили и сказокъ за руками не дали». Но, по всей вѣроятности, неповиновеніе это было не радикальнаго свойства, потому что онъ же, переписчикъ, «крестьянъ, которые выбраны по жеребью изъ средней статьи, велѣлъ до указа великаго государя беречь тѣхъ селъ и деревень крестьяномъ, съ кого они взяты»¹⁾. Весной того же года (апрѣль) къ Казанскимъ воеводамъ отправленъ былъ указъ изъ Москвы, чтобъ «изъ Казани на рѣки Утку и Майну послать дворянина да приказной палаты подъячаго добрыхъ, и на тѣхъ рѣкахъ переписать и измѣрить землю, и положить въ четверти и на чертежъ, сколько будетъ четвертей пашни на тѣхъ рѣкахъ»; сверхъ того, эти же посланцы должны были «полковника Гаврила Гаславскаго и всю Полоцкую шляхту построить по рѣкамъ по Уткѣ и по Майнѣ на угодныхъ мѣстахъ, подлѣ крѣпостей и засѣкъ, *чтобъ въ приходѣ воинскихъ людей имъ, шляхтѣ, жить было безстрашно и отъ воинскихъ людей разоренія не было*». Въ другомъ мѣстѣ по этому же поводу сказано: «а построить бы ихъ (шляхтичей) землями, гдѣ напередъ сего бывали села и деревни... на земляхъ, которыя-бъ земли не подошли близко всякихъ ясачныхъ уголей и бортныхъ ухожеевъ,—а земель бы ясачныхъ въ дачѣ отнюдь не было бъ». Землю Полоцкой шляхтѣ велѣно было отводить по чину того лица, которому производился отводъ: полковнику отведено было по 100 четвертей въ каждомъ полѣ, ротмистру по 80 четвертей, поручику по 70 четвертей,—остальнымъ чинамъ вмѣстѣ съ рядовыми людьми по 60 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей съ сѣнными покосами соответственно пашнѣ. Группѣ Полоцкой шляхты съ полковникомъ во главѣ велѣно было «на тою землю государя жалованья крестьянъ» давать: полковнику — 12 дворовъ крестьянскихъ, каждому ротмистру по 10 дворовъ, всякому поручику, хорунжему и рядовому по шести дворовъ; всѣхъ шляхтичей, которымъ правительство опредѣлило дать крестьянъ было 31 человекъ; кромя полковника здѣсь находилось восемь ротмистровъ, капитанъ, семь поручиковъ, семь хорунжихъ и семеро «изъ

¹⁾ Тамъ же № 4, л. 2.

рядовой *породной шляхты*. По поводу земель, которыя должны были отводиться Полоцкой шляхтѣ безъ крестьянъ, говорится слѣдующее: «а давать имъ безъ крестьянъ землю съ ряду съ одного и не выборомъ, противъ указу и разбору, а лишніе земли сверхъ указу однолично никому не давать; а что, сказано далѣе, будетъ земли за ихъ дачами, и то потому жъ измѣрить и положить въ четверти и отъ ихъ земли отмежевать». Наконецъ въ наказѣ находится и повелѣніе о томъ, чтобъ Полоцкой шляхтѣ не отводить мѣстъ, гдѣ въ старину были укрѣпленные города: «а на которыхъ мѣstech на рѣкахъ на Уткѣ и на Майнѣ бывали старыя городища и валы и осыпи со всякими крѣпостями, и тѣхъ мѣстъ шляхтѣ не давать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ будутъ построены по прежнему города и всякіе крѣпости¹⁾». Вслѣдствіе такого приказанія центрального правительства въ концѣ того же года (августъ) изъ Казани отправлены были съ подробнымъ наказомъ на рр. Утку и Майну служилый дворянинъ Михаилъ Бараковъ и подъячій Анисимъ Чередѣевъ съ порученіемъ исполнить все вышеупомянутое. И вотъ они, пріѣхавъ на Утку и Майну, остановили свое вниманіе на мѣстахъ, «гдѣ прежь сего были патриаршія села и деревни, усадьбы, пашни и земли и сѣнные покосы и всякія угодья»; все это они «описали и въ четверти положили и на чертежъ начертили»; на этихъ-то земляхъ, по ихъ словамъ, и были «построены усадьбою и пашенною землею и сѣнными покосы со всѣми угодьями» полковникъ съ ротмистрами, поручиками, хорунжими и рядовою шляхтою, «которые пріѣхали на Утку и на Майну рѣки принимать земли». Большая часть прибывшихъ шляхтичей (таковыхъ же оказалось очень не много) водворены были на р. Майнѣ. Здѣсь по лѣвой сторонѣ, надъ рѣкою Майною, на мѣстѣ прежняго патриаршаго села, предварительно было «отмѣрено земли, подъ церковь Божію, гдѣ прежь сего была церковь Божія, и попомъ съ причетники подъ усадьбы»; послѣ этого уже «отъ церковной земли на низъ по Майнѣ рѣкѣ» отмѣрена была земля на усадьбы полковнику и нѣкоторымъ его товарищамъ (до 18 человекъ); за-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 626—627 и др.

тѣмъ «по другую сторону церковной земли въ верхъ по Майнѣ» отведены были усадебныя земли одному изъ ротмистровъ съ товарищами. Не смотря на желаніе служилыхъ людей, помѣщавшихъ шляхту, а можетъ быть и самихъ водворяемыхъ жить на р. Майнѣ въ одномъ мѣстѣ, они не могли быть испомѣщены такимъ образомъ потому, «что на старой усадьбѣ ихъ полковника съ товарищи, которые пріѣхали на р. Майну пріимать земли, въ одномъ мѣстѣ усадебною полною землею всѣхъ ихъ построить негдѣ, а другая половина усадебной земли дана имъ по той же сторонѣ» Майны, рядомъ, но только въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того, отдѣльная группа шляхты вмѣстѣ съ капитаномъ водворена была «на другой сторонѣ р. Майны на полянѣ, гдѣ за патріархомъ жили бѣлопашенные казаки». Всего въ разныхъ мѣстахъ на р. Майнѣ поселено было изъ Полоцкой шляхты 43 человека, которымъ отведено было усадебной земли 236 десятинъ. Объ отводѣ же имъ пахоты сказано, что «къ той усадебной землѣ полковнику съ товарищи отмѣрено пашенные земли противъ усадебъ среди поля», при чемъ нѣкоторымъ изъ рядовыхъ шляхтичей, не получившимъ крестьянъ на земли, вмѣстѣ съ двумя сыновьями полковника Гаславскаго отведено было по 50 четвертей въ полѣ каждому, вмѣсто 60 четвертей; на церковь («попу съ причетники») отмѣрено было по 40 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей. Пахотная земля во всѣхъ трехъ поляхъ отведена была «съ ряду въ верхъ по Майнѣ рѣкѣ къ Краснорѣцкимъ мордовскимъ пашнямъ»¹⁾. При землѣ усадебной и пашенной Полоцкой шляхты отмѣрено было здѣсь «по дубровамъ и по низкимъ непашеннымъ мѣстамъ и по болотамъ подлѣ Майны рѣки на выпускъ (выгонъ) 236 десятинъ». О сѣнныхъ покосахъ сказано, что отведены «всѣмъ имъ помѣщикомъ воцпе», при чемъ они простирались, съ одной стороны, отъ устья рѣки Майны внизъ по Волгѣ до конца шляхецкихъ пахотныхъ полей, а съ другой—вверхъ по Майнѣ до грани полей размежеванныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ съ

¹⁾ Рѣчка Красная—притокъ Майны съ лѣвой стороны ея.

землями Краснорѣцкой Мордвы; подобно сѣннымъ покосамъ, и лѣсныя угодья также отведены были «всѣмъ имъ помѣщикомъ вопче, отъ Майны рѣки въ гору къ Уткѣ рѣкѣ на три версты опричь бортныхъ ухожеевъ¹⁾). Кромѣ одного ротмистра, всѣ шляхтичи, получившіе крестьянъ, поселены были на рѣкѣ Майнѣ около того мѣста, гдѣ построена была православная церковь, къ которой назначенъ былъ причтъ. Меньшая же группа Полоцкой шляхты (23 человекъ) виѣстъ съ ротмистромъ Петромъ Костенецкимъ, который получилъ опредѣленное число крестьянъ на свою землю, водворена была на р. Уткѣ, сверху ея. Усадебная земля въ количествѣ 111 десятинъ отведена была здѣшней шляхтѣ «подлѣ Балинскаго городчица, гдѣ прежь сего была патріаршая деревня Полянка»; затѣмъ сказано, что «противъ ихъ усадебной земли, подъ горою на лугахъ кругъ озерковъ» отиѣрено было имъ 111 десятинъ «на выпускъ». На здѣшнихъ же лугахъ вплоть до самой Волги отведены были сѣнные покосы Полоцкой шляхтѣ «всѣмъ вопче»²⁾; по близости съ усадебною землею и выгонами отведена была имъ здѣсь въ опредѣленномъ количествѣ и пашенная земля. Вообще земли на Майнѣ и Уткѣ для всей Полоцкой шляхты отиѣрено было 24,575 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей³⁾; изъ этого количества отведено было 66 человекамъ на вышеупомянутыхъ рѣкахъ лишь 4160 четвертей въ каждомъ полѣ. Неиспомѣщенными остались «по списку, каковъ данъ подъ наказомъ, 466 человекъ, — потому что они на Утку и на Майну для пріему помѣстные земли не бывали»; не явились же они, какъ впоследствии оказалось, къ пріему земель, отиѣренныхъ для нихъ, вслѣдствіе того, что «многіе безъ крестьянъ земель принять не похотѣли»⁴⁾. Вся вышеозначенная земля отиѣрена

¹⁾ Тамъ же лл. 629 — 648. Сѣнныхъ покосовъ отведено было имъ по указу на 7075 копенъ.

²⁾ Сѣнныхъ покосовъ предоставлено было имъ здѣсь на 3350 копенъ.

³⁾ Земли для Полоцкой шляхты, судя по послѣдующему, отведены были по обѣимъ сторонамъ рр. Утки, Майны и Урени. Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7, № 152, лл. 232, 234.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 650—652, 654.

была, кроми тѣхъ мѣстъ, на которыхъ въ прежнее время находились города, ибо въ актѣ прямо сказано, что «городища... описаны на великаго государя». Въ заключеніе донесенія Баракова и Чередеева сказано слѣдующее: «А будетъ Закамская черта не укрѣпится, и полковнику Гаврилѣ Гасловскому и Полоцкой шляхтѣ на Уткѣ и на Майнѣ рѣкахъ отъ приходу воинскихъ людей жить (будетъ) страшно, потому что на тѣхъ рѣкахъ крѣпкихъ¹⁾ мѣстъ нѣтъ»²⁾. Вѣроятно, Полоцкая шляхта, получившая землю безъ крестьянъ на Уткѣ и Майнѣ, вначалѣ была довольна своими землями и угодьями въ здѣшнихъ мѣстахъ, и слухъ объ этомъ довольствѣ дошелъ и до тѣхъ, которые раньше не пожелали принимать земель безъ крестьянъ, потому что вскорѣ послѣ испомѣщенія полковника Гаславскаго съ товарищами новая группа шляхтичей, состоявшая изъ 54 человекъ, обращается къ правительству съ просьбою послать на Утку и на Майну откащика для отвода имъ тамъ земель безъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого лѣтомъ слѣдующаго года (іюль 1669 г.) отправленъ былъ изъ Казани дворянинъ Владкиръ Макаровъ съ порученіемъ снова отвести Полоцкой шляхтѣ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ земли. Наказъ, данный Макарову для отвода, въ общемъ содержитъ тоже, что и предшествовавшій, съ тѣмъ же указаніемъ, чтобъ «старые городища и вазы и осыпи шляхтѣ единолично не давать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ построены будутъ по прежнему города и всякія крѣпости»; относительно пахотныхъ земель для послѣдней группы прямо сказано: «а отдѣлить имъ та земля по переписнымъ и отдѣльнымъ книгамъ Михайла Баракова.... а осталась (та земля) послѣ отдачи Полоцкой шляхтѣ полковника Гаврила Гаславскаго съ товарищи»³⁾. На этотъ разъ всѣ шляхтичи, пожелавшіе получить землю безъ крестьянъ, водворены были въ разныхъ мѣстахъ подлѣ рѣки Утки; раздѣлены были они

¹⁾ Крѣпкихъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ, въ которыхъ можно было бы спастись во время появленія непріятеля.

²⁾ Тамъ же л. 653.

³⁾ Тамъ же л. 655.

при водвореніи на три группы, — изъ коихъ одни¹⁾ испомѣнены были усадьбами «на горѣ и подъ горою, гдѣ была усадьба патриаршихъ крестьянъ»; другой группѣ²⁾ усадебная земля отведена была «у Балымерскаго городища»; наконецъ послѣдняя группа³⁾ испомѣнена была усадебною землею «залѣсомъ на большой полянѣ ниже Тетюшъ⁴⁾». Сверхъ усадебной земли, каждой группѣ по близости отведены были земли пахотныя, выгонныя и сѣнные покосы соответственно пахотѣ. Остатки отъ нѣкогда бывшихъ здѣсь укрѣпленій, или такъ называемыя городища, съ выгонными около нихъ мѣстами по прежнему были «отписаны на великаго государя»⁵⁾. Въ концѣ своего донесенія Макаровъ указываетъ, что онъ «сверхъ письма и мѣры дворянина Баракова, служа и радѣя великому государю, изыскалъ и измѣрилъ на Утѣ и на Балымерѣ и на степи противъ большой поляны» нѣсколько тысячъ четвертей лишней пахотной земли, а сѣнныхъ покосовъ больше двадцати тысячъ копенъ; заключаетъ же онъ свое донесеніе такими словами: *«а будетъ прибылыхъ людей жильцовъ на Закамской чертъ nebudeтъ, и Полоцкой шляхтъ впредь отъ воинскихъ людей на Закамской чертъ на тѣхъ мѣстахъ жить будетъ*

¹⁾ Юрій Луцкій съ товарищами (19 челов.), получившіе каждый по 60 четвертей земли въ каждомъ полѣ и по 60 копенъ сѣна.

²⁾ Тимошей Людоговскій съ товарищами (6 челов.),—каждый изъ нихъ получилъ столько же, сколько и предыдущіе.

³⁾ Поручикъ Юрій Романовскій съ товарищами (19 челов.),—поручику по старому отмѣрено было 70 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 70 копенъ; остальнымъ каждому по 50 четвертей земли и по 50 копенъ сѣна.

⁴⁾ Всего отмѣрено было 54-мъ человѣкамъ 2650 четвертей пахотной земли въ каждомъ полѣ и сѣнокосу на 2650 копенъ,—при чемъ сказано слѣдующее: «а писцовая мѣра въ десятии дѣля по 70 сажень. поперекъ 30 саж. а въ десятии 2 четверти; а сѣнные покосы противъ четвертные пашни; а въ Казанскихъ городскихъ лугахъ ставится на десятии по 30 копенъ волоковыхъ». Тамъ же лл. 656, 666.

⁵⁾ Такъ же л. 663. Большая часть городищъ, которыя упоминаются при водвореніи Полоцкой шляхты, лежали около рѣки Утки; таковы: Утинское, Балымерское, Луткинское, Селитренное и Копришское; подлѣ р. Майны упоминается лишь «Высокое городище» около дачъ полковника Гаславскаго.

страшно; а по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ къ Болгаромъ на низъ Чертика рѣки и по Безднѣ рѣкѣ на степи подлѣ крѣпостей многія села и деревни построить мочно¹⁾. Вслѣдствіе такихъ настоятельныхъ указаній свѣдущихъ людей, испомѣщавшихъ полоцкую шляхту, Московское правительство уже въ слѣдующемъ году (1670 г.) отправило указъ въ Казань, чтобъ воеводы послали на мѣсто служилыхъ людей, для составленія смѣты укрѣпленій, которые въ ближайшемъ будущемъ должны были быть выстроены на рѣкахъ Уткѣ и на Майнѣ въ интересахъ защиты тамошнихъ поселенцевъ. И вотъ въ началѣ марта 1670 года отправлены были изъ Казани на Утку и Майну служилый человѣкъ Андрей Черновъ съ подъячимъ Галактіоновымъ, которымъ поручено было: «пріѣхавъ на Майну, взять у полковника у Гаврилы Гаславскаго и у начальныхъ людей, а на Уткѣ у Петра Костенецкаго (ротмистра) и у шляхты сказки, чтобъ (знать заранѣе) гдѣ построить на Майнѣ и на Уткѣ въ крѣпкихъ мѣstechъ, и по тѣмъ ихъ сказкамъ отписать, и измѣрить и осмотрѣть, въ которомъ мѣстѣ около слободъ Полоцкой шляхты на Майнѣ и на Уткѣ пристойно построить остроги и башни со всякими городовыми крѣпостями»; за тѣмъ говорится, что въ смѣтѣ должно быть означено, «сколько будетъ въ острогѣ прясель и башенъ и что около острогу и башенъ.... всякихъ крѣпостей.... и на всякія крѣпости сколько какова лѣсу надобно»; къ этому прибавлено объясненіе, «чтобъ сдѣлать городъ тыномъ». Явившись на мѣсто, посланные по наказу обратились къ вышепоименованнымъ людямъ, и послѣ совѣта съ ними рѣшено было построить 2 острога: одинъ, большій на р. Майнѣ, а другой, поменьше на Уткѣ рѣкѣ. Майнскій острогъ рѣшили поставить «на прежнемъ жилищѣ мѣстѣ, гдѣ было патриаршее село, — на усадьбахъ, которыя усадьбы отвелъ полковнику и начальнымъ людямъ Михайло Баракъ». По величинѣ Майнскій острогъ долженъ былъ равняться 900 сажнямъ въ дли-

¹⁾ Тамъ же лл. 669—670.

ну и 200 саженьмъ поперекъ, — въ окружности же онъ долженъ былъ имѣть 2200 сажень; въ этомъ острогѣ должно было находиться 12 башенъ глухихъ и 6 проѣзжихъ. Вокругъ острога предположено было выкопать ровъ, а за городомъ подлѣ слободъ и огородовъ съ степной стороны укрѣпить острогъ надолбами. Сверхъ того предположили «отъ рѣки Майны въ пахотныя поля до озера Яйку (Вулгакуль тожъ) и до Красныя рѣчки.... отъ Самарскіе степи.... учинить надолбы и въ тѣхъ надолбахъ на трехъ дорогахъ и отъ Булярскіе степи сдѣлать три караульныя вышки»¹⁾. Уткинскій острогъ рѣшено было построить «на прежнемъ же жилищѣ мѣстѣ, гдѣ жили патріаршіе крестьяне на усадьбахъ Петра Костенецкаго съ товарищи». По своей величинѣ Уткинскій острогъ много уступалъ предыдущему: длина его должна была равняться 200 саженьмъ, а поперекъ онъ долженъ былъ имѣть 70 сажень, кругомъ 540 сажень; глухихъ башенъ въ послѣднемъ острогѣ предположено было лишь четыре. Подлѣ Уткинскаго острога съ степной стороны предположено было выкопать ровъ; отъ острога до Балимерскаго врага, также за городомъ подлѣ слободъ и огородовъ, отъ степной стороны на четверть версты, рѣшено было устроить надолбы; на Балимерскомъ же врагѣ и у лѣса, который глядѣлъ на пологныя поля, предполагалось выставить три караульныя вышки²⁾. Такъ какъ въ комиссіи, которой поручено было составленіе на мѣстѣ смѣты укрѣпленій на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ, находились, кромѣ дворянина и подъячаго, еще и люди, знакомые съ техническою стороною постройки остроговъ, надолбъ, караульныхъ вышекъ и другихъ сооруженій, то по этому мы находимъ въ смѣтѣ также и опредѣленіе того, сколько бревенъ понадобится на построеніе каждой отдѣльной башни и острога³⁾. Относительно же

¹⁾ Тамъ же лл. 671 и 672.

²⁾ Тамъ же л. 673.

³⁾ Такъ, въ актѣ говорится: что «по смѣтѣ и по сказкѣ подмастерья Казанскихъ стрѣльцовъ Николки Захарьева да Оетки Важенниа надобно на Майнское острожное дѣло и на катки и на мосты и на иглы и на подпоры

количества деревяннаго матеріала на постройку надолбъ и караульныхъ вышекъ въ обоихъ острогахъ буквально сказано слѣдующее: «А сколько на тѣ надолбы и на вышки надобно какова лѣсу, того смѣтить не можно, потому что узинули снѣги большіе и измѣрять тѣхъ мѣстъ нельзя; а которыми мѣсты надолбы вести, и въ тѣхъ мѣстахъ на надолбы лѣсъ близко»¹⁾. Есть извѣстіе, свидѣтельствующее, что въ началѣ семидесятихъ годовъ въ намѣченныхъ и въ иныхъ мѣстахъ здѣсь уже существовали остроги, въ которыхъ съ самаго начала жили не только воинскіе люди, но и простые тяглые люди и бобыли²⁾. Полоцкіе же шляхтичи, оставшіеся неиспомѣщенными на Уткѣ и на Майнѣ, согласились, кажется, на водвореніе ихъ въ Казани, въ Казанскихъ пригородахъ и въ нѣкоторыхъ низовыхъ Поволжскихъ городахъ, гдѣ они жили въ продолженіе почти тридцати лѣтъ, получая вмѣсто земель «великаго государя денежное и хлѣбное жалованье»; лишь впоследствии, по ихъ желанію, они какъ увидимъ, водворены были правительствомъ на здѣшнихъ земляхъ, отпущенныхъ для нихъ служилыми людьми въ концѣ шестидесятихъ годовъ XVII столѣтія³⁾.

Между тѣмъ какъ Московское правительство, пользуясь находившеюся въ его распоряженіи Полоцкою шляхтою, стара-

на всякую сажень по 20 бревенъ; итого на острожное дѣло 42,000 бревенъ трехъ саженныхъ, въ отрубкѣ по полупята и по 5 и по 6 вершковъ; да на прованіе на 6 башенъ по 300 бревенъ, да по 100 тесницъ на башню», — затѣмъ слѣдуетъ расчетъ на глухія башни, и наконецъ «всего на Майнское и на башенное дѣло надобно 80,000 бревенъ, да 1800 тесницъ». Въ Уткинскомъ острогѣ «всего на то острожное и башенное дѣло надобно 30,100 бревенъ, да 700 тесницъ». Тамъ же лл. 672—673.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ концѣ XVII вѣка нѣкоторые поселенцы селъ Кременки (около р. Урны) и Кандѣлы (на р. Кандагѣ, притока Майны) показывали, что они за тридцать и за 20 лѣтъ перешли изъ города Майны; поселенцы нѣмѣхъ селъ свидѣтельствовали о своемъ переходѣ изъ пригорода Утки. Кроме того есть извѣстіе, что въ здѣшнихъ же мѣстахъ (кажется на р. Уткѣ) находился «Полянскій городокъ». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань переп. кн. 7, № 152; Казань, раздаточныя и отказныя книги XVII в. кн. 13, № дѣла 57.

³⁾ Тамъ же.

лось на мѣстахъ, исполненныхъ опасностей и однажды уже потерявшихъ свое населеніе, водворять людей, умѣвшихъ обходиться съ военнымъ оружіемъ, мѣста болѣе безопасныя на правомъ берегу Камы, пустоши, успѣвшія порости дикимъ лѣсомъ, заселяются русскими крестьянами по ихъ собственной инициативѣ и безъ сторонней поддержки. Въ приходной книгѣ Казанскаго уѣзда конца шестидесятыхъ годовъ (1668 г.) написано: «по Зюрейской дорогѣ подлѣ Камы рѣки сталъ ново починокъ»; оказалось, что выше Вятскаго устья надъ рѣкою Камою находилось урочище Свинныя горы, нѣкогда населенна, но предъ описываемымъ временемъ о нихъ говорится «поросли дикимъ лѣсомъ». Описаніе поселка въ приходной книгѣ носитъ на себѣ слѣдъ только что начавшагося поселенія: въ немъ находились два полудвора, и въ каждомъ изъ нихъ отмѣченъ свой особый хозяинъ; сверхъ того, есть еще цѣлый дворъ, въ которомъ живутъ вмѣстѣ, очевидно лишь на время, пятеро крестьянъ¹⁾. Но въ то время какъ крестьяне заняты были на новомъ мѣстѣ усердной расчисткой земли отъ лѣса подъ пахоту и для большей успѣшности въ этомъ трудномъ дѣлѣ стремились привлечь въ свою общину новыхъ поселенцевъ, слухъ объ ихъ дѣятельности здѣсь и выгодахъ, которыя, быть можетъ, они уже успѣли пріобрѣсти на новомъ мѣстѣ, достигъ до игумена Савватія Ранеской пустыни, лежавшей недалеко отъ Казани; этотъ игумень занятъ былъ около того времени серьезными хозяйственными заботами: имъ была «зачата вновь строить пустыня». Вѣроятно, расходы на возобновленіе пустыни повздобились немалые, потому что количество братіи увеличилось въ это время, «а къ той пустыни вотчинъ и пустыхъ земель нѣтъ, строить нечѣмъ, скитаются (братья) христовымъ именемъ»²⁾, — вслѣдствіе этого игумень обратился къ царю съ просьбою предоставить имъ во владѣніе «пустошь надъ Камою

¹⁾ Кромѣ двухъ крестьянъ, всѣ съ разными именами отчественными.

²⁾ т. е. вѣроятно, братья монастырская принуждена была собирать для построянія обители средства въ мірѣ, какъ это дѣлается иногда и теперь при постройкѣ или возобновленіи церкви и обители.

рѣкою урочище Свинны горы», свидѣтельствуя при семъ, что «на томъ мѣстѣ поселились приплыне люди», о коихъ въ другомъ мѣстѣ онъ же говорить, что это были «крестьяне», которые «поселились на Свинныхъ горахъ въ ново на дикомъ черномъ лѣсу, лѣсъ (крестьяне здѣсь) росчищали и роспахивали». Спорва игуменская просьба была лишь та, чтобъ государь «пожаловалъ бы ихъ велѣлъ тою новую пустошь Свинны горы съ дикимъ лѣсомъ противъ ихъ чолобитья по межанъ и урочищамъ отдать имъ въ монастырь съ ясаками». По этому въ семидесятомъ году послѣдовало распоряженіе, чтобъ при перенискѣ «тѣхъ крестьянъ, которые крестьяне объявятся сверхъ ясачныхъ людей,—записать за государя». Монахи повидимому не предполагали, чтобъ въ короткій, двухлѣтній промежутокъ времени, прошедшій съ того времени, какъ правительство наложило на поселенцевъ ясакъ, припльныхъ, безъ ясачныхъ людей могло прибыть много,—на самомъ же дѣлѣ оказалось, что населеніе поселка за это время сильно умножилось. Кромѣ семи прежнихъ крестьянъ, которые къ этому времени (1670 г.) обзавелись особыми дворами, теперь на ясакъ находились еще три крестьянскихъ двора; сверхъ того въ починкѣ оказалось значительное число дворовъ «безъ ясачныхъ крестьянъ, которые сверхъ ясачныхъ людей пашни пашутъ и сѣнные покосы косять»,—подобныхъ людей было сорокъ два двора. Такъ какъ пахотная земля могла здѣсь увеличиваться лишь очисткою почвы отъ «дикаго лѣса», то слѣдовало бы предполагать, что разность въ величинѣ пахоты между старыми ясачными и новыми безъ ясачными должна быть во всякомъ случаѣ значительна, но на дѣлѣ этого не оказалось: у ясачныхъ пахотная земля равнялась семи десятинамъ, а у безъясачныхъ она составляла шесть десятинъ; сѣнокосъ же у всѣхъ крестьянъ починка Свинны горы былъ общій¹⁾). Подобный, можно сказать, блестящій результатъ въ столь короткій промежутокъ времени могъ быть достигнутъ лишь энергическими усиліями всей крестьян-

¹⁾ На сѣнокосъ ставилось 1700 копенъ сѣна.

ской общины, которая на здѣшнемъ мѣстѣ за это время сильно увеличилась въ своемъ числѣ. При такихъ для игумена Раянской пустыни неожиданныхъ результатахъ, онъ, не смутившись нисколько, обратился отъ лица братіи къ государю съ новою просьбою «пожаловати ихъ и тою новоросचितною землею и сѣнными покосы и крестьяны», которые оказались во время переписи семидесятаго года, и получили отъ царя на это жалованную грамоту¹⁾. Но болѣе независимые и предприимчивые крестьяне поселка Свинья горы не помирились съ положеніемъ, которое для нихъ наступило послѣ подчиненія ихъ игумену Раянскія пустыни подлѣ Казани. И вотъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ описываемаго столѣтія (1682 г.) крестьянинъ вышеупомянутаго поселенія Алексѣй Давыдовъ Чертищевъ обращается къ правительству съ слѣдующимъ челобитіемъ: «есть въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ по рѣкѣ Камѣ, ниже Вятскаго устья, пустая порозжая земля черный лѣсъ и дикое раменье Соколы горы²⁾.... и та де земля и сѣнные покосы опричь бортиныхъ ухажеевъ, а сѣнные покосы противъ устья Вятки.... и тою порозжею землею и сѣнными покосы никто не владѣтъ, лежитъ впустѣ, — чтобъ повелѣно было ему на той порозжей землѣ поселиться вновь; а станетъ онъ съ тою пустне земли въ казну великаго государя платить прибыли денежной и хлѣбной ясакъ; а дать ему для двороваго строенія льготъ на три года и (позволеніе) свою братью безъ ясачныхъ вольныхъ людей на ту пустую землю призывать». Вслѣдствіе этой просьбы «ему, Алешкѣ, велѣно тою порозжею землею и сѣнными покосы владѣтъ и платить ему съ той порозжей земли и съ сѣнныхъ покосовъ великаго государя въ казну денежной и хлѣбной ясакъ»³⁾. Какъ видно, съ самаго начала вмѣстѣ съ крестьяниномъ Алексѣемъ Чертищевымъ, ко-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6504.

²⁾ Здѣсь означены межи этой свободной земли: «верхняя межа по Соголѣ рѣкѣ, а другая межа внизъ по Камѣ рѣкѣ по большому нижнему ключу въ боръ» и т. д.

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6687.

тому принадлежала инициатива дѣла, потому что въ грамотѣ сказано прямо, что онъ «тоо деревню Соколовку заводилъ», находились и другіе крестьяне села Свинныя горы, ибо въ другой грамотѣ говорится, что «новый починокъ деревню Соколовку» основалъ «крестьянинъ дворцоваго села Свинныхъ горъ Алешка Чертищевъ съ товарищи, покиня свои старыя тѣла, поселился въ томъ починкѣ вновь на порозжей землѣ въ черномъ дикомъ лѣсу изъ ясачнаго оброку»¹⁾. Въ то время, какъ по одной сторонѣ рѣчки Соколки расчищали почву отъ лѣса русскіе люди, по другой сторонѣ ея тѣмъ же заняты были инородцы Ижбулатовой сотни Мелешка Дементьевъ съ товарищи, поселившіеся съ соизволенія правительства «на пустой порозжей землѣ»²⁾. На сѣверозападъ отъ нихъ, недалеко отсюда, на рѣчкѣ Киришѣ, на земляхъ Казанскаго митрополита Чуваши тоже основали поселеніе, о которомъ сказано: «починокъ сталъ ново на березникѣ»³⁾. Но крестьянской общинѣ урочища Свинныя горы не посчастливилось и на новомъ мѣстѣ: деревня Соколовка основана была общиною крестьянъ съ Алексѣемъ Чертищевымъ во главѣ на лѣвомъ берегу р. Камы, а на противоположномъ ея берегу находились рыбныя ловли Донскаго Богородицкаго монастыря. Благодаря неустанному труду колонистовъ крестьянъ, на дѣвственномъ мѣстѣ въ глухомъ лѣсу выстроены были избы, лѣсъ расчищенъ и заведено было столько пашни что крестьянская община чрезъ четыре года обложена была вмѣсто одного ясака-четырьмя. Но, по всей вѣроятности, молва о богатыхъ сѣнныхъ покосахъ и землѣ, успѣшно очищаемой отъ лѣса подъ пахоту, достигла до архимандрита Донскаго монастыря, который въ 1687 году отъ лица братіи обратился съ челобитіемъ къ царской власти, чтобъ «великіе государи пожаловали ихъ (братію).... вмѣсто взятыхъ ихъ монастырскихъ Тверскихъ пустошей, которые взяты и отданы къ

¹⁾ Тамъ же III отд. Раздаточ. и откв. кн. 13, № дѣла 16.

²⁾ Тамъ же I отд. Казан. у. грам. за № 6687.

³⁾ Тамъ же грам. за № 6618.

дворцовому селу Городнѣ, дать въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ новой починокъ деревню Соколовку . . . съ пашнею и съ лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всѣми угодья, какъ владѣли тѣ крестьяне» (т. е. Алексѣй Чертищевъ съ товарищи)¹⁾. Правительство рѣшило отдать деревню Соколовку Донскому монастырю, «а крестьянъ изъ того починка, которые пришли изъ разныхъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ, покня свои старыя службы и тягла, развестъ по тѣмъ же городанъ и селанъ, гдѣ напередъ сего жили; а которые, продолжатъ грамота, въ томъ починкѣ явятся помѣщиковы и вотчинниковы и монастырскіе крестьяне и тѣмъ крестьянамъ бытъ въ томъ починкѣ за монастыремъ до указу великаго государя, покажѣтъ отыщутся помѣщики и вотчинники». Для выполненія этого распоряженія изъ Казани посланъ былъ «въ новый починокъ деревню Соколовку» казанецъ Аванасій Бутлеровъ, по отъѣзду котораго въ 1688 году въ починкѣ-деревнѣ находилось 14 крестьянскихъ дворовъ; по словамъ его, «живутъ тѣ крестьяне въ томъ починкѣ дворами на три усадьбы: а по смѣтѣ на одной усадьбѣ на три десятины, на другой усадьбѣ на три жъ десятины, а въ третьей усадьбѣ пашенныя земли нѣтъ, потому что поселились въ лѣсу; сѣнные покосы къ тому починку за Камою рѣкою по смѣтѣ на три тысячи копенъ». И покосъ, и пахота приводятся лишь по смѣтѣ, т. е., вѣроятно, по указанію крестьянъ, такъ какъ самому Бутлерову «иѣрять было въ томъ починкѣ пашенныя земли (и о сѣнныхъ покосахъ въ другомъ мѣстѣ говорится тоже самое) нельзя, потому что росчищена въ лѣсу и смѣги большіе»; по смѣтѣ же лѣсъ означенъ на восемь верстъ въ длину и на 6 поперекъ²⁾. Незвѣстно, по какой причинѣ³⁾, но только въ продолженіе двухъ

¹⁾ Тамъ же грам. за № 6569.

²⁾ Тамъ же III отд. Раздат. и отказ. кн. 13, № 16.

³⁾ Не могло ли обусловливаться промедленіе въ передачѣ протестовъ со стороны Алексѣя Чертищева, который, какъ мы знаемъ, владѣлъ грамотою, разрѣшавшею ему съ товарищами селиться на этомъ мѣстѣ, которое они, по всей вѣроятности, только съ большимъ трудомъ и издержками успѣли

лѣтъ деревня Соколовка продолжала находиться во владѣніи крестьянской общины съ Алексѣемъ Чертищевымъ во главѣ и не передавалась, какъ было предположено вначалѣ правительствомъ, Донскому монастырю, вслѣдствіе чего за этотъ промежутокъ времени продолжался пріемъ новыхъ насельниковъ въ крестьянскую общину, которая за послѣдніе два года увеличилась больше, чѣмъ съ самаго основанія своего ¹⁾. Присланный изъ Казани въ 1690 году служивый человекъ произвелъ новую опись вышеупомянутой деревни и передалъ ее наконецъ Донскому монастырю на томъ условіи, чтобъ «оброкъ съ того монастыря сполна имать потому жъ, почему платили крестьяне». Что же касается распоряженія Московскаго правительства, чтобъ крестьяне городскіе и дворцовые возвращены были на старыя свои мѣста, откуда кто пришелъ, то оно мѣстными Казанскими властями видоизмѣнено было еще въ наказѣ Бутлерову, которому поручено было такихъ крестьянъ «перевести въ Казанскомъ уѣздѣ въ государевы дворцовыя волости и въ ясачныя села и деревни, гдѣ они похотятъ жить, и быть имъ (на тѣхъ мѣстахъ) въ тяглы» ²⁾. Согласно этому повелѣнію, которое повторено было и Воеводину, немногіе дворцовые крестьяне, по ихъ желанію, переведены были въ ближайшія ясачныя деревни ³⁾, — большинство же поселенцевъ деревни Соколовки, перешедшихъ, какъ оказалось при послѣдней описи, съ помѣстій и вотчинъ частныхъ лицъ и мона-

культивировать? На подобную мысль можетъ навести тотъ фактъ, что при послѣдней описи Дмитрія Воеводина, во время передачи деревни монастырю, шесть дворовъ крестьянъ, пришедшихъ въ деревню большею частью за 2 года, показывали каждый, что онъ «помогаетъ платить тое деревни крестьянину Алексѣю Чертищеву ясаки, а особаго ясаку на немъ нѣтъ»; отсюда можно предположить, что Чертищевъ принималъ ихъ въ общину, въ надеждѣ, вѣроятно удержать землю, пріобрѣтенную тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, на основаніи пожалованной ему грамоты.

¹⁾ Количество всѣхъ дворовъ въ деревнѣ по описи Воеводина было тридцать.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ, основатель деревни крестьянинъ Алексѣй Давыдовъ Чертищевъ съ сыномъ и двумя внуками, по его желанію, переведенъ былъ за рѣку Каму въ ясачную деревню Полянку.

стырей, были, какъ таковыя, оставлены за Донскимъ монастыремъ до царскаго указа. Такимъ образомъ вслѣдствіе подобной операціи очень много выигралъ Донской монастырь; правительство, если смотрѣть на вопросъ съ внѣшней стороны, не проиграло,—за то въ большомъ накладѣ остались бѣдные крестьяне основатели деревни, Алексѣй Чертищевъ съ товарищи, очистившіе землю отъ лѣса, распахавшіе ее, какъ оказалось однако, не для себя, а для вліятельнаго Московскаго монастыря, владѣвшаго раньше по сосѣдству съ починкомъ одними лишь рыбными ловлями, къ которымъ присоединена была теперь деревня въ двадцать дворовъ, съ хорошою землею, богатымъ сѣнокосомъ и огромнымъ лѣсомъ,—все это братія получила въ замѣнъ пустоши, взятой правительствомъ у монастыря въ Тверскомъ уѣздѣ. Обозрѣвая населеніе деревни Соколовки, какою оно является намъ по описи девяностого года, мы видимъ, что въ это время нѣкоторыхъ крестьянъ (четыре двора) не было на деревнѣ,—они, по словамъ ихъ женъ, «пошли на судахъ въ работѣ»; такимъ образомъ не всѣ поселенцы деревни снискивали себѣ пропитаніе земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ работали на сторонѣ, пользуясь близостью судоходной р. Камы. Довольно значительная часть крестьянъ деревни показала себя выходцами верхнихъ частей Поволжья¹⁾, при чемъ нѣкоторые крестьяне свидѣтельствовали, что они изъ родныхъ мѣстъ *блѣжали* «отъ хлѣбнаго недороду» или же «отъ скудости»²⁾. Но не только отдѣльныхъ насельниковъ доставляло деревнѣ Соколовкѣ Верховое Поволжье,—цѣлыя поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ основываются около этого времени выходцами оттуда. Такъ, въ девяностыхъ годахъ архимандритъ Троице-Сергіева монастыря извѣщаетъ царя, что въ пустоши Казанскаго уѣзда Алмалы, по Зюрейской дорогѣ, «поселились бѣглецы ихъ монастырскіе крестьяне верховыхъ вотчинъ», которые платятъ въ царскую казну «два ясака сполна безъ

¹⁾ Изъ одного Нижегородскаго уѣзда вышло пять дворовъ.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III-ое отд. Раздат. и отвѣт. кн. 13, № дѣла 13, лл. 5, 13, 14.

домки»¹⁾). Въ виду того, что главный контингентъ населенниковъ для новыхъ поселеній, появляющихся на рр. Утѣ и Майнѣ, доставляютъ мѣста, лежащіе въ Поволжьѣ выше этихъ рѣкъ, и по преимуществу Нижегородскій уѣздъ, мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей, встрѣчающихся въ селахъ и деревняхъ этого уѣзда.

Обозрѣвая поселенія Нижегородскаго уѣзда по переписнымъ книгамъ конца семидесятыхъ годовъ въ двухъ станахъ²⁾, мы замѣчаемъ здѣсь въ селахъ и деревняхъ серіозное умноженіе бобылей; это умноженіе замѣчается одинаково на монастырскихъ и патріаршихъ земляхъ и въ вотчинахъ и помѣстьяхъ служилого класса. Но само собою разумѣется, что это, такъ сказать, общее увеличеніе не исключаетъ количественной разницы между ними въ отдѣльности, сводящейся къ тому, что преобладаніе бобылей надъ крестьянами особенно рѣзко бросается въ глаза въ мелкихъ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ служилыхъ людей³⁾.

¹⁾ Тамъ же 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6596.

²⁾ Эти станы суть: Березопольскій, лежавшій между р. Окою и р. Кудьюю и Закудемскій, обнимавшій собою обширную страну между р. Кудьюю и р. Сурую.

³⁾ Такъ, въ Березопольскомъ станѣ за патріархомъ было 414 крестьянскихъ дворовъ и 224 бобыльскихъ; въ вотчинахъ монастырскихъ въ томъ же станѣ крест. двор. 575, а бобыльск. 224; въ томъ же станѣ: за столыникомъ за княземъ Михаиломъ Яновлевымъ Черкасскимъ въ вотчинахъ его, въ селѣ Ворсиѣ, въ слободахъ и деревняхъ, крест. дв. было 456, а бобыл. 338; въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ въ селѣ Дуденевѣ 31 дв. крест. и 16 дв. боб. Въ Закудемскомъ станѣ: за бояриномъ за княземъ Иваномъ Алексѣвичемъ Воротынскимъ въ селѣ Книгининѣ, въ селѣ Барминѣ съ приселками и деревнями 1092 дв. крест. и 607 двор. боб.; въ томъ же станѣ въ помѣстьѣ за бояриномъ за княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ въ помѣстьѣ села Троицкое, въ которомъ крест. двор. 108, боб. 91 дв.; въ томъ же стану въ помѣстьѣ за княземъ Никитой Семеновымъ сыномъ Болховскимъ въ деревнѣ Гаряхъ 2 дв. кр. и 2 дв. боб.; тамъ же въ дер. Большомъ Бѣловѣ въ помѣстьѣ за Андрасемъ Ивановымъ Мяснымъ крест. дв. 1 и 3 дв. боб.; въ той же деревнѣ на помѣстьѣ столника Луи Никитича Мясного 1 дв. кр. и 3 дв. боб.; здѣсь же за вдовою Мареею Степановой дочерью Ларионовой, женою Иванова, сына Мяснова въ помѣстьѣ 1 дв. кр. и 3 дв. боб. Въ этомъ же станѣ въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Иваномъ Алексѣвичемъ Воротынскимъ деревня Ключища крест. дв. 18, боб. 23; деревня Яковлева крест. дв. 23, боб. 30; деревня

Кромѣ этой общей особенности, можно указать и на другія черты, встрѣчающіяся въ это время въ Нижегородскомъ уѣздѣ: такъ, напримѣръ, крестьянскіе и бобыльскіе дворы теперь гораздо люднѣе, чѣмъ это было прежде; но эта людность обусловливается не столько величиною крестьянскихъ и бобыльскихъ семей, сколько тѣмъ, что въ настоящее время къ крестьянскому и бобыльскому двору приписаны сосѣди, подсосѣдники и захребетники въ такомъ количествѣ, въ которомъ въ прежнія времена почти не встрѣчалось¹⁾. Сверхъ того попадаются цѣлыя села, населенныя либо бобыльскими полудворами, либо дворами безпашенныхъ бобылей²⁾. При значительномъ количествѣ бобылей, сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ въ многихъ селахъ у крестьянъ, нѣкоторые села принуждены были выдѣлять довольно значительное число такихъ крестьянъ, о которыхъ говорится, что они «живутъ въ работѣ на березовскомъ».

Княжиха крест. дв. 11, боб. 15. Вся деревня тянуть къ селу Книгинну. Арх. Мин. Юст. Переп. кн. 46, №№ 506, 571 и 572. Переп. кн. 47, №№ 1, 32, 230, 231, 232 и 279.

¹⁾ Такъ, въ Закудемскомъ станѣ въ вотчиннахъ кн. Воротынскаго: село Осташиха — 24 дв. крест., при которыхъ 22 подсосѣдника и захребетника; бобыльскихъ дв. 17, у которыхъ 7 захребетниковъ. Село Теплый Врагъ, а Пришибъ тожъ — 35 дв. кр., при коихъ 29 сосѣдей и захребетниковъ, да бобыльск. 22 дв., у которыхъ 6 сосѣдей; тоже самое въ деревняхъ: Бѣлозеряхъ, Коробихъ, Варганъ, Большой Клоковицъ и др. Въ частности попадаются иногда такіе дворы: въ дер. Варганъ «Дв. Мишка Артемьевъ, у него захребетники: Петрушка да Пронька 15 лѣтъ, да Ивашко 5 л. Михайловы дѣти, да захребетникъ Петрушка Ивановъ, у него дѣти—Онашко 10 л., Якимко 8 л., да захребетникъ Митька Михайловъ, у него сынъ Петрушка 7 л.». Въ Патріаршемъ селѣ Работни (на Волгѣ), состоявшемъ изъ однихъ безпашенныхъ бобылей, «дв. вдова Агрипѣица Силуанова дочь Даниловша, жена Самсонова, у нея зять Кондрашка Семеновъ 25 лѣтъ, да 2 захребетника: Ивашко Ермѣевъ сынъ Крупа, Назарко Савостьяновъ, сынъ Мазура». Нижній, Переп. кн. 47, № 278, л. 261, № 279 лл. 235—236 и др.

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ Закудемскомъ станѣ было патріаршее село Работни, состоявшее изъ 47 двор. безпашенныхъ бобылей, при которыхъ числилось 34 захреб. и 2 сосѣда; въ томъ же станѣ въ вотчиннахъ кн. Воротынскаго находилось село Троицкое, а Баринно тожъ, состоявшее изъ 57 бобыльскихъ полудворовъ и 18 келей, въ которыхъ жили семьи захребетниковъ. Тамъ же № 278, лл. 240—267, № 279, лл. 312—316.

и огневскомъ майданахъ»¹⁾, т. е., занимались добычей поташа изъ золы, остающейся послѣ сожиганія деревь. Изъ представленнаго очерка можно видѣть, что крестьяне Нижегородскаго уѣзда въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія тяготея къ крестьянскому тяглу и отдають предпочтеніе бобыльскому. Иногда крестьянинъ предпочитаетъ, повидимому, даже зависимое положеніе сосѣда или захребетника независимому положенію крестьянина и болыя; иные изъ нихъ принуждены были покидать свои семьи и отправлялись въ ближайшія къ нимъ мѣста на будное майданное дѣло, которое, по словамъ современнаго изслѣдователя, въ то время было «для крестьянъ настоящею каторгою, тяжелымъ бременемъ, отъ котораго они старались уходить всякими средствами»²⁾. Чѣмъ же обусловливается предпочтеніе, отдаваемое крестьянами Нижегородскаго уѣзда не только бобыльству, но даже захребетничеству предъ крестьянствомъ? не было ли это слѣдствіемъ чрезмѣрной величины въ то время крестьянскаго тягла или оброка? Если судить по показаніямъ крестьянъ сходцевъ Нижегородскаго уѣзда, которые въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія селятся въ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда на рр. Утѣѣ и Майнѣ, то они большею частью на родинѣ несли небольшое тягло и обложены были незначительнымъ оброкомъ³⁾, который въ большинствѣ случаевъ несли въ томъ же

¹⁾ Такъ, въ Закудемскомъ станѣ изъ числа вотчинъ Воротынскаго: изъ села Воротынска, — состоявшаго изъ 27 дв. кр., у которыхъ было 14 сосѣдей и подсосѣдниковъ и 18 дв. боб., 15 крестьянъ (у нѣкоторыхъ были взрослые сыновья и братья) было въ работѣ на майданахъ; изъ села Валоуки, состоявшаго изъ 13 дв. кр., у которыхъ 9 сосѣдей и подсосѣдниковъ и 2 дв. боб., 9 крест. было на работѣ майданной. Тамъ же № 279, лл. 316 — 320, 325 — 327, 390 — 394.

²⁾ Вѣсти. Евр. за 1871 г. февр. статья И. Е. Забѣдина «Большой бопринъ», 482 с.

³⁾ Такъ, напримѣръ, сходцы Книгининской волости, которыхъ въ селѣ Кондалѣ (на рѣкѣ Кондалѣ, притока р. Майны) было около 15 семей, большею частью несли тягло на родинѣ съ полученіемъ десятины, а меньшая часть ихъ съ чети десятины; оброкъ сходцы Барминской волости села Воротынска платили по 5 или 6 алтынъ. Въ томъ же селѣ Кондалѣ сходцы Мурашкинской волости платили у себя на родинѣ по 5 алтынъ или же иные по 2 гривны; сходцы Сергачской волости въ Кондалѣ были на родинѣ обложены по 8

количествѣ и на новомъ мѣстѣ, иногда даже въ болѣе. Рядомъ съ показаніями сходцевъ о величинѣ лежавшихъ на нихъ тягостей, нѣкоторые изъ нихъ свидѣлствуютъ также и о той причинѣ, по которой они принуждены были покинуть родныя мѣста и перейти на отдаленную окраину. Такъ, напримеръ, нѣкоторые крестьяне села Грязнухи ¹⁾ при распросѣ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка показывали слѣдующее: одинъ, что онъ «Нижегородскаго уѣзда Княгининской волости, жилъ въ бобыляхъ и сошелъ изъ той волости *отъ хлѣбнаго недо-роду* лѣтъ съ десять» (тому назадъ); другой «въ роспросѣ сказалъ: крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда Сергачской волости, платилъ въ той волости по двѣ четверти поташной соли, и изъ той волости *сошелъ онъ отъ скудости своей* и пришелъ въ село Грязнуху тому десять лѣтъ» ²⁾. Изъ этого можетъ быть ясно, что крестьянское населеніе Нижегородскаго уѣзда тяготилось не столько величиною тягла или оброка, сколько истощеніемъ почвы, на которой оно хозяйничало, — такъ что, выражаясь политикоэкономическимъ языкомъ, крестьянину того времени тяжело было владѣть истощеннымъ капиталомъ, съ котораго ему надлежало платить сравнительно слишкомъ высокіе проценты, вслѣдствіе чего онъ старался имѣть у себя въ оборотѣ такого капитала поменьше, чтобъ этимъ уменьшить величину процента и своего обязательства предъ правительствомъ и хотъ такимъ путемъ облегчить свою долю. По всей вѣроятности, отъ истощенности же почвы нѣкоторые крестьяне у владѣльца обширныхъ вотчинъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ покинули свои родныя палестины и перешли на свободную землю того же вотчинника, на которой основали новую деревню; такъ, обь одной изъ деревень князя Воротынскаго въ Закудемскомъ статѣ

алтынъ, по полуполтиннѣ, а иные и по 10 алтынъ. Изрядка, впрочемъ, нѣкоторые сходцы показываютъ, что они платили на роднѣ по 20 и болѣе алтынъ. Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, Переп. кн. 7, № 152.

¹⁾ Село Грязнуха находится на правой сторонѣ р. Майны, въ низовьяхъ рѣки.

²⁾ Тамъ же лл. 75 и 129.

сказано слѣдующее: «деревня Отары поселилась въ новѣ на пустѣ мѣстѣ а перешли тѣ крестьяне изъ Варминскіе жѣ волости изъ селъ и изъ деревень»¹⁾. Болѣе же смѣлые и рѣшительные изъ крестьянъ покидали свою родину съ истощенной и мало благодарной для земледѣльческаго труда землей и уходили въ дальнія, но благословенныя страны съ благодатною для земледѣльца черноземною почвою. Вслѣдствіе этого является совершенно естественнымъ довольно значительное число пустыхъ дворовъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ на земляхъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ²⁾. Къ этой общаго свойства и могущественной причинѣ присоединяются другія, которыя тоже нерѣдко побуждаютъ крестьянъ покидать родныя мѣста; такъ, напримѣръ, въ Поволжскомъ селѣ Работки Нижегородскаго уѣзда, принадлежавшемъ въ описываемое время патриарху Іоанну, попадается нѣсколько дворовъ, о коихъ говорится: «а бѣжали они Васька, да Ермолка, да Демка»³⁾ въ 1671 году съ женами и съ дѣтьми отъ церковнаго расколу»⁴⁾. Но, кромѣ религіозныхъ мотивовъ, мѣстами должна была также дѣйствовать и неопредѣленность отношеній помѣщика и вотчинника къ крестьянину, какъ лицъ сильныхъ, имѣвшихъ возможность злоупотреблять своею властью надъ существомъ въ социальномъ отношеніи болѣе слабымъ и подвластнымъ, у котораго при томъ въ то время почти не было иного способа протеста противъ

¹⁾ Тамъ же Нижн. Переп. кн. 47, № 279, л. 347.

²⁾ Такъ, въ Березопольскомъ станѣ на земляхъ Іоаннима Патриарха на 411 дв. кр. и 224 дв. боб. 162 двора пустыхъ; въ томъ же станѣ на монастырскихъ вотчинахъ при 575 дв. кр., 224 дв. боб. и 142 дв. пустыхъ; въ томъ же станѣ въ помѣстьѣ Алексѣя Елизарова Жеребятникова въ деревнѣ Токаревъ 11 дв. кр., 8 дв. боб. и пять человѣкъ въ бѣгахъ. Въ Закудемскомъ станѣ за Васильемъ Григорьевымъ сыномъ Курзаковымъ въ помѣстьѣ въ Маломъ Андроновѣ 2 кр. дв., а людей въ нихъ 5 человѣкъ, да въ бѣгахъ 4 человѣка, — всѣ крестьяне бѣглеы съ семьями; въ той же деревнѣ въ помѣстьѣ за Осипомъ Семеновымъ сыномъ Аристова—2 дв. кр., людей въ нихъ 3 человѣка, да пустыхъ 3 двора, людей въ бѣгахъ 4 человѣка. Тамъ же Пер. кн. 46, №№ 478, 506; переп. кн. 47, №№ 50, 52.

³⁾ Всѣ три брата жили въ одномъ дворѣ.

⁴⁾ Нижній, Переп. кн. 47, № 278, лл. 263, 268.

злоупотребленій господина, кромѣ ухода. Таковы были условія жизни крестьянъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ; въ иныхъ поволжскихъ и сопредѣльных съ Поволжьемъ уѣздахъ они въ описываемое время въ общемъ были не лучше. Говоримъ такъ потому, что почвенныя условія въ другихъ мѣстностяхъ выражались въ томъ же суглинистѣ и супеси, съ тѣмъ лишь различіемъ, что населеніе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ могло быть гуще Нижегородскаго, вслѣдствіе чего земля должна была быть сильнѣе истощена, чѣмъ въ Нижегородскомъ, и послѣдствія подобнаго истощенія тамошнимъ населеніемъ должно было больше чувствоваться. Отдѣльныя показанія крестьянъ, переселившихся на р. Майну изъ мѣстностей сопредѣльных съ Нижегородскимъ уѣздомъ, могутъ подтвердить высказанное нами мнѣніе. Такъ, одновременно съ неурожаемъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ неурожай, оказывается, былъ и въ близкомъ къ нему *Гороховскомъ уѣздѣ*, ибо крестьянинъ села Грязнухи, бобыль упомянутаго уѣзда, показываетъ въ девяностыхъ же годахъ, что онъ десять лѣтъ тому назадъ «сошелъ изъ той деревни *отъ хлѣбнаго недороду*»¹⁾. Въ то же время нѣкоторые крестьяне села Кандалы показываютъ слѣдующее: одинъ, что «родина его *Костромскаго уѣзда*... *сошелъ съ племянникомъ отъ голоду* и пришелъ въ Кандалу»; другой въ распросѣ сказалъ: «родина его въ *Вязниковскомъ уѣздѣ*.... *сошелъ изъ той деревни отъ голоду* и пришелъ въ село Кандалу»²⁾. Крестьянинъ *Унженскаго уѣзда*³⁾ вотчины Макарьевского монастыря въ девяностомъ году XVII столѣтія показывалъ, что отецъ его Ганка съ нимъ Ивашкою да съ братомъ Максимкомъ *блуждалъ отъ хлѣбнаго недороду*⁴⁾. Но не въ этихъ только мѣ-

¹⁾ Крестьянинъ деревни Комлсы Гороховскаго уѣзда. Тамъ же. Каванъ, переп. кн. 7, № 152, л. 127.

²⁾ Первый крестьянинъ изъ деревни Пенъга Костромскаго у.; второй изъ деревни Колесниковой Вязниковскаго уѣзда. Тамъ же лл. 77, 82.

³⁾ Городъ Унга на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны.

⁴⁾ Крестьянинъ села Хаскина Унженскаго уѣзда.

стахъ, гдѣ успѣлось населеніе съ давняго времени и издавна обрабатывало землю, эта послѣдняя перестала достаточно вознаграждать трудъ земледѣльца, — въ другихъ уѣздахъ, съ почвою сравнительно болѣе свѣжею, въ описываемое время встрѣчаемся съ подобными же явленіями. Такъ, помѣстный крестьянинъ *Свияжскаго уѣзда* рассказываетъ въ девяностомъ году, что онъ «изъ деревни *блжалъ отъ хлѣбнаго недорода*»¹⁾; въ *Казанскомъ уѣздѣ* нѣкоторыя земли, какъ мы уже видѣли, не отиѣчаются по прежнему доброю землею, а только среднею, и во второй половинѣ XVII вѣка (въ концѣ семидесятыхъ годовъ) съ этихъ земель *крестьяне, уходятъ*, по ихъ словамъ, «за скудостью»²⁾. Всѣ упомянутые крестьяне несли у себя на родинѣ не значительныя тягости³⁾, и все же вслѣдствіе недорода и голода должны были со своими семьями выселиться на отдаленную окраину.

Мы знаемъ, что русское правительство, рѣшивши водворить на рр. Уткѣ и Майнѣ Полоцкую шляхту, отправило сюда служилыхъ людей, которые измѣрили по этимъ рѣкамъ всѣ свободныя земли, на которыхъ долженъ былъ быть поселенъ цѣлый полкъ въ нѣсколько сотъ человекъ съ полковникомъ во главѣ; но мы видѣли, что для полученія земель въ оба раза сюда явилась лишь небольшая часть полка, которая и была водворена, — большая же часть Полоцкой шляхты, повидимому, предпочла болѣе безопасную мѣстность Казани съ пригородами богатѣйш., но безпокойныиъ землями по Уткѣ и Майнѣ. Послѣ испомѣщенія шляхты, пожелавшей селиться на этихъ рѣкахъ, правительство для защиты водворенныхъ построило укрѣпленія, отъ которыхъ безопасность здѣсь должна была на самомъ дѣлѣ увеличиться. При увеличившейся безопасности отъ появившихся острожковъ, богатія земли на Уткѣ и Майнѣ должны были еще сильнѣе манить къ себѣ поселенцевъ изъ

¹⁾ Крестьянинъ деревни Каралги помѣщика мурзы Кулешева.

²⁾ Казань, переп. кн. 7, № 151.

³⁾ Они были или бобыли, или же платили по 5 алтынъ, другіе по одной гривнѣ на годъ.

сосѣднихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи. Вслѣдствіе этого и процессъ заселенія здѣшнихъ земель людьми пришлыми идетъ чрезвычайно успѣшно, такъ что чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ значительная часть свободныхъ земель по рр. Утѣ и Майнѣ уже заняты были переселенцами. Первые насельники сперва основали небольшіе поселки, которые однако вскорѣ стали наполняться новыми переселенцами изъ русскихъ людей и иностранцевъ, и въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка мы здѣсь встречаемся уже съ обширными селами, насчитывающими у себя по нѣсколько сотъ поселенцевъ. Люди, приходившіе сюда, найдя земли свободными, занимали ихъ и селились, разсчитывая лишь на извѣстныя выгоды и удобства, представляемыя ими; чаще всего они предпочитали земли, лежащія ближе къ р. Волгѣ, этому торному водному пути, который соединялъ ихъ съ населенными мѣстами остальной Россіи; сюда они стремились, вѣроятно, и потому еще, что въ здѣшнихъ мѣстахъ находились поселенія Полоцкой шляхты, для защиты которой правительствомъ воздвигнуты были укрѣпленные остроги. Какъ мы знаемъ, значительная часть здѣшней земли описана была служилыми людьми по повелѣнію Московскаго правительства, предполагавшаго водворить на нихъ поселенцевъ особаго рода, со стороны которыхъ оно могло ожидать большой пользы въ интересахъ защиты здѣшняго края; а между тѣмъ служилые люди ближайшихъ городовъ и остроговъ (воеводы, наборщики и др.) не только дозволяли селиться пришлымъ людямъ, явившимся къ нимъ съ заявленіемъ о своей личности и о подобномъ своемъ желаніи, но иногда сами направляли сюда поселенцевъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что какъ пришлый людъ, такъ и мѣстные представители власти смотрѣли на описанныя, но не занятія земли, какъ на свободныя для заселенія.

Непосредственно послѣ водворенія первой группы поселенцевъ Полоцкой шляхты (1668 г.), недалеко отъ впаденія р. Кандамы въ Майну и по среднему теченію рѣки Утки появляются поселки; однимъ изъ первыхъ поселенцевъ поселка, получившаго свое наименованіе—Кандама, отъ рѣки, у которой онъ

появился, былъ выходецъ изъ Ломовскаго уѣзда¹⁾). Основатели втораго поселка, называвшагося Утка-Кокрячъ, Аланъ тожъ²⁾), были Мордовскіе выходцы далекаго Нижегородскаго уѣзда, къ которымъ присоединились переселенцы изъ Мордовской деревни сосѣдняго Казанскаго уѣзда³⁾). Вскорѣ послѣ этихъ поселковъ основываются другія два поселенія. Первое — Грязнуха, появляется недалеко отъ устья р. Майны, на правой сторонѣ ея, на почвѣ богатой влагою⁴⁾); однимъ изъ старѣйшихъ поселенцевъ Грязнухи былъ крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда⁵⁾). Другое поселеніе — Кременки, появляется южнѣе, на притокѣ р. Уреня, на небольшой рѣчкѣ Кременкѣ, впадающей въ нее недалеко отъ устья. Старѣйшими поселенцами въ этой деревнѣ были выходцы изъ отдаленнаго Вязниковскаго уѣзда и сосѣдняго Тетюшскаго; къ нимъ скорѣ присоединились переселенцы Нижегородскаго и Симбирскаго уѣздовъ, равно какъ

¹⁾ Города Верхній и Нижній Ломовы — Пензенской губерніи. Савва Лаврентьевъ сынъ Балобородовъ въ 1699 г. въ селѣ Кандаѣ «въ распросѣ сказалъ: родина его въ Ломовскомъ уѣздѣ въ селѣ Самаѣвскомъ, бобыльской сынъ, а въ село Кандалу пришелъ тому лѣтъ съ 30, и платитъ по окладу оброчнаго тягла по 2 гривны на годъ». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, персп. нн. 7, № 152, л. 77.

²⁾ Первое прозвище происходитъ отъ рѣки, у которой появилось поселеніе, а второе отъ городища, на которомъ поселились первые поселенцы деревни, именовавшейся такимъ образомъ.

³⁾ Въ томъ же году поселевецъ Мордовской деревни Утки-Кокрячъ, Аланъ тожъ Меншотна Шапунинъ «въ распросѣ сказалъ: родина его Нижегородскаго уѣзда въ деревнѣ Анузовѣ, а отецъ его былъ въ той деревнѣ въ тягѣ и умрѣ, а сколько платилъ не знаетъ, потому де лѣтъ 30 сошелъ онъ въ той деревни и пришелъ въ деревню Утку. . . а платитъ онъ тягло въ Базани съ четверти ясана». Кромѣ него, одновременно съ нимъ изъ той же деревни вышли еще 3 мордвина, пришедшіе вѣстѣ съ нимъ въ деревню Утку. Въ томъ же году пришли въ деревню Утку по показаніямъ ихъ 2 бобыля изъ деревни Анузовы Казанскаго уѣзда. Тамъ же лл. 171—176.

⁴⁾ Здѣсь и теперь еще въ значительномъ числѣ встрѣчаются небольшія рѣчки и озера.

⁵⁾ Въ томъ же году крестьянинъ села Грязнухи Максимъ Михайловъ, «въ распросѣ сказалъ: Нижегородскаго уѣзда, села Сергачъ, крестьянской сынъ; отецъ его въ томъ селѣ платилъ на будные станы по 2 четверти вола, и пришелъ отецъ его въ село Грязнуху тому 25 лѣтъ,—и въ переписныхъ книгахъ 186 (1678 г.) году отецъ его и онъ написаны». Тамъ же л. 75.

города Сапожка и соседних пригородов: Майны и Ерылинска¹⁾. Въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторые вліятельные люди въ Москвѣ, услыхавъ о богатствѣ здѣшнихъ земель, на которыя охотно селятся переселенцы изъ внутренней Россіи, въ увѣренности, что земли на р. Уткѣ свободны, поспѣшили присвоить себѣ часть земель по лѣвой сторонѣ этой рѣки, недалеко отъ ея устья, и стали заселять ихъ на свой страхъ; такъ образовалась деревня Утка, Зеленовка тожъ, принадлежавшая князьямъ Трубецкимъ, и деревня Волосниковка, принадлежавшая стольнику Нарышкину²⁾. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ (1679 г.) по среднему теченію р. Утки возникаютъ новыя поселенія, основываемыя инородцами, переселенцами изъ Мордвы. Нѣкоторые тяглые Мордвины Нижегородскаго уѣзда, той деревни, откуда раньше нѣсколько человѣкъ, выселившись, поселились на городищѣ подлѣ р. Утки, по всей вѣроятности услышали отъ своихъ земляковъ, во время посѣщенія тѣми родныхъ мѣстъ, о плодородіи тамошнихъ земель и о нѣкоторыхъ другихъ выгодахъ ихъ жизни на Уткѣ³⁾ и рѣшились въ свою

¹⁾ Смори показанія крестьянъ этого села въ 1699 г. Тамъ же лл. 42—71. Одинъ изъ поселенцевъ села Кременокъ показываетъ даже, что онъ «тому нынѣ 30 лѣтъ сошелъ изъ пригорода Майны и пришелъ въ село Кременки»,—но въ этомъ свидѣтельствѣ очевидна ошибка, ибо въ 1670 году какъ намъ уже извѣстно, составленъ былъ только проектъ Майнскаго острога который слѣдовательно въ 1669 году не могъ еще существовать. Вязниковскій и Тетюшскій переселенцы показываютъ, что они сошли за 23 года до 1699 года, остальные за 20 лѣтъ.

²⁾ Деревня Утка, Зеленовка тожъ считалась среди вотчинъ боярина князя Ивана Юрьевича да стольника князя Юрья Юрьевича Трубецкихъ; въ ней въ концѣ столѣтія, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, было 36 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 65 человѣкъ. Въ деревнѣ Волосниковѣ, числившейся между вотчинами стольника Андрея Ѳедоровича Нарышкина, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, находилось 70 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило въ то же время 108 человѣкъ. На земляхъ этихъ деревень, какъ увидимъ, въ концѣ девятнадцатыхъ годовъ поселены были иноземцы, а крестьяне взяты были за государя и переселены отселѣ на свободныя земли въ вершинахъ р. Кандамы. Тамъ же лл. 139—148, 219.

³⁾ Говоримъ это потому, что подобныя посѣщенія выселенцами своихъ родныхъ и знакомыхъ, оставшихся въ Нижегородскомъ уѣздѣ, попадались намъ. Такъ, въ концѣ столѣтія, при описи села Кандамы, жены двухъ посе-

очередь послѣдовать ихъ приѣзду: въ концѣ семидесятыхъ годовъ они переселились на Утку, гдѣ, вмѣстѣ съ другими переселенцами изъ Алаторскаго и Саранскаго уѣздовъ, основали около своихъ земляковъ на той же сторонѣ Утки рѣки деревню Матвѣнку¹⁾. Въ это время южнѣе, около деревни Кременки, основывается Мордвинами, выходцами Казанскаго и Арзамаскаго уѣздовъ, деревня Помряскина²⁾; теперь же, либо въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ верховьяхъ р. Майны появляется инородческое поселеніе, — преимущественно изъ Татаръ, основанное выходцами изъ деревень Свияжскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ мотивовъ, которые побуждали ихъ оставить родныя мѣста; вѣроятно, мотивы эти были очень серьезныя и имѣли общій характеръ, потому что инородцы выселялись не отдѣльно, а цѣлыми группами и приблизительно около одного времени; притомъ выселялись не самовольно, а послѣ челобитья мѣстныхъ властей о желаніи своихъ перейти съ тѣмъ же тягломъ въ здѣшнія мѣста³⁾, и всѣ получили это разрѣшеніе, — слѣдовательно мотивъ къ переселенію былъ уважителенъ и въ глазахъ мѣстной власти⁴⁾.

ленцевъ показывали: «а нынѣ мужъ ея въ Сергачской волости у сродниковъ своихъ», другая, которой мужъ былъ изъ деревни Ляпуновой Нижегородскаго уѣзда, свидѣтельствовала: «а мужъ де ея нынѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ляпуновѣ». Тамъ же № 152.

¹⁾ Изъ Нижегородскаго уѣзда за 20 лѣтъ вышли въ деревню Матвѣнку 6 человѣкъ; трое изъ нихъ принадлежали деревнѣ Акуяовой; изъ Алаторскаго уѣзда въ ту же деревню вышло 5 человѣкъ, всѣ изъ деревни Пожарокъ, гдѣ были въ посопномъ тяглѣ въ четверти десятинѣ. Тамъ же лл. 161—162, 178—183, 220—221.

²⁾ Показанія крестьянъ деревни Помряскиной. Тамъ же лл. 156—160, 187, 267.

³⁾ Тягло большинства переселенцевъ на родинѣ было по времени довольно значительное: они платили по полъ-ясака, между тѣмъ какъ обычная величина его была треть или четверть ясака на дворъ.

⁴⁾ Изъ деревни Анеутъ Свияжскаго у. такимъ образомъ одновременно выселилось 8 семей татарскихъ; изъ Нижнихъ Тарханъ, деревни того же уѣзда, выселилось 4 семьи; изъ деревни Еркѣевой Свияж. у. 3 семьи. Всѣхъ подобныхъ переселенцевъ разныхъ деревень Свияжскаго у. въ этомъ поселеніи было 28 дворовъ. Тамъ же лл. 23—42. (Показанія крестьянъ деревни Боранъ).

Въ то время, какъ русскіе люди и инородцы, переселившіеся изъ разныхъ полосъ Россіи, старались лучше устроиться по рр. Утѣѣ, Майнѣ и Уреню, и, благодаря плодородію здѣшной почвы и обилію естественныхъ произведеній, хорошо вознаграждавшихъ трудъ и предприимчивость поселенцевъ, скоро могли захватить довольно порядочно,—въ сосѣдней степи давно начавшееся движеніе¹⁾ среди одной части ея обитателей успѣло разростись въ ураганъ, который со всею силою обратился на сосѣднія Прикамскія и Приволжскія земли, опрокидывая въ своемъ движеніи тѣ искусственныя преграды, которыя съ такимъ трудомъ устроены были Московскимъ правительствомъ для защиты этихъ странъ, населенныхъ трудовымъ населеніемъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ (1676 г.) Башкирцы осаждали Мензелинскъ, но Мензелинскіе служилые люди, благодаря подоспѣвшему къ нимъ отряду лицкихъ козаковъ, съ успѣхомъ отразили непріятелей²⁾. Но опасность отъ башкирскаго движенія для Закамскихъ земель чрезвычайно усилилась въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, потому что въ это время Башкирцы успѣли привлечь на свою сторону значительную часть Калмыковъ съ ихъ извѣстнымъ начальникомъ Аюкой. По донесенію мѣстныхъ воеводъ 1682 года, «Аюкай и иные тайши³⁾», собрався съ своими ратными людьми, пошли подъ Казанскіе и Уфимскіе уѣзды войною, по присылкѣ воровскихъ Башкирцевъ и Казанскихъ Татаръ.... а пошло де съ ними воинскихъ людей Калмыковъ и Татаръ съ сорокъ тысячъ.... и изъ улусовъ де своихъ они Калмыки женъ своихъ и дѣтей отпустили за рѣку Яикъ, въ дальныя мѣста⁴⁾. Повидимому, Прикамскія страны были назначены мѣстомъ встрѣчи новыхъ союзниковъ, потому

¹⁾ Это движеніе—извѣстный среди Башкирцевъ Сентовскій бунтъ, начавшійся въ 1662 году подъ предводительствомъ башкирскаго старшины Сента, который соединился вскорѣ съ Киргизъ Кайсаками.

²⁾ Историч. библиот. за 1878 г. Декабрь. «Очеркъ колонизаціи Башкирскаго края» В. Новикова 45 с. Статья составлена отчасти по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ.

³⁾ Такъ именуются главные начальники Калмыковъ.

⁴⁾ Тамъ же 44 с.

что, одновременно съ движеніемъ Калмыковъ подѣ начальствомъ Аюки съ южной стороны чрезъ Закамскую черту,—Башкирцы съ востока направились на Мензелинскъ, Занискъ, Новошешминскъ и Билярскъ¹⁾. Движеніе на эти укрѣпленныя мѣста, какъ и естественно со стороны людей, воевавшихъ съ цѣлью грабежа, было не одновременное; такъ, отъ укрѣплений Мензелинскаго острога Башкирцы напали и разгромили по сосѣдству довольно людное село на Камѣ—Чалны; слѣдъ отъ ихъ остановки здѣсь замѣтенъ былъ еще въ концѣ описываемаго столѣтія въ видѣ 35 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, владѣтелей которыхъ, крестьянъ, «въ прошломъ во 190 году (1682) измѣнники Башкирцы и Татары порубили и въ полонъ взяли съ женами и дѣтьми, а ихъ дворы выжгли»²⁾. Неизвѣстно, на сколько серіозно могли сопротивляться стремительному натиску Башкирцевъ служилые люди, проживавшіе въ вышеупомянутыхъ острогахъ; но, судя по тому, что въ Билярскѣ они вынуждены были брать съ собою въ сраженіе оброчныхъ бобылей³⁾, можно сомнѣваться, чтобъ при подобныхъ обстоятельствахъ они способны были оказать сильное противодѣйствіе непріятелю. Кроме того, самое разрушеніе бобыльскихъ и стрѣлцовыхъ дворовъ въ нѣкоторыхъ острогахъ и бѣгство растерявшихся жителей изъ укрѣплений и изъ деревень, подвергшихся нападеніямъ Башкирцевъ, также могутъ отчасти свидѣтельствовать, что отпоръ и защита были слабы, вслѣдствіе чего и должна была увеличиться паника среди населенія, жившаго подлѣ укрѣплений. По всей вѣроятности, Башкирцы въ нынѣшнее, благоприятное для нихъ, время отъ Билярска р. Малымъ Черемша-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Казань переп. кн. 7. №№ 135, 151.

²⁾ Тамъ же № 151.

³⁾ По показанію въ концѣ XVII вѣка Билярскихъ стрѣльцовъ, четверо Билярскихъ оброчныхъ бобылей (Ивашко Сидоровъ, Андрышко Дергачъ и еще два) «побиты на бою отъ измѣнниковъ татаръ въ прошломъ во 191 году (1683 г.), а послѣ ихъ жены ихъ и дѣти разбрелись въ ровнь»; въ другихъ острогахъ сами бобыли разбѣжались отъ страха. Въ Мензелинскѣ, Занискѣ и Новошешминскѣ Башкирцы хозяйничали годомъ раньше, т. е. въ 1682 г. Тамъ же, тѣ же номера.

номъ спустились до чувашской деревни Ахметовой, которая раскинулась по обѣимъ сторонамъ упомянутой рѣки; память о пребываніи ихъ въ этой деревнѣ осталась, ибо въ девяностыхъ годахъ само правительство въ грамотѣ, данной другимъ инородцамъ на поселеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ, свидѣлствуетъ, что «та деревня разорена и выжжена, и люди отъ башкирскаго разоренія разбѣжались»¹⁾. Похозяинничавши на Маломъ Черемшанѣ, гдѣ въ то время еще не могло быть многихъ поселковъ, Башкирцамъ естественно было отсюда пройти въ соседнюю, сравнительно болѣе населенную, страну, въ которой, правда, въ настоящее время были уже два острога, — но кочевники привыкли не особенно страшиться подобныхъ укрѣпленій, ознакомившись съ ними на пути во время своего послѣдняго вторженія; здѣшнія укрѣпленія не должны были остановить ихъ и потому еще, что тамъ они могли соединиться съ своими союзниками, Калмыками. И дѣйствительно, мы встречаемся съ слѣдами ихъ пребыванія недалеко отъ устья рѣки Майны, гдѣ они посѣтили село Грязнуху, которое, по свидѣтельству одного поселенца въ концѣ описываемаго столѣтія, «въ прошлыхъ лѣтахъ разорено отъ Башкирцевъ»; другой поселенецъ въ то же время говорилъ, что «онъ сошелъ изъ того села отъ башкирскаго разоренія и жилъ въ разныхъ мѣстахъ»²⁾. Съ береговъ Майны Башкирцы, кажется, двинулись на югъ, къ р. Уреню, на встрѣчу своимъ союзникамъ, Калмыкамъ, ибо есть извѣстіе, что они побывали въ Кременкахъ, откуда нѣкоторые поселенцы также ушли, по ихъ словамъ «отъ Башкирскаго разоренія»³⁾. Между тѣмъ какъ Башкирцы послѣ заключенія союза съ Калмыками двинулись изъ-за р. Вѣлой (съ востока) на Мензелинскъ, союзники ихъ, Калмыки, въ то же время съ юга направились въ Прикамскія страны; перешедши

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отраз. стар. лѣтъ съ городами ии. 13, № дѣла 15, л. 1.

²⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Казань. Переп. ии. 7, № 152, лл. 77—79.

³⁾ Говоримъ *кажется*, потому что показанія крестьянъ-выходцевъ села Кременокъ менѣе опредѣленны, чѣмъ предшествовавшихъ. Тамъ же л. 257.

укрѣпленную черту, они, по всей вѣроятности, не оставались здѣсь праздными зрителями и хозяйничали съ такимъ же успѣхомъ, какъ и союзники ихъ Башкирцы, которыхъ они могли встрѣтить въ области р. Урени¹⁾. При условіяхъ, въ которыхъ теперь очутились Примаинскія земли, въ правительственныхъ сферахъ могла снова явиться мысль о пользѣ, которая должна произойти отъ водворенія въ здѣшнихъ мѣстахъ служилыхъ иноземцевъ, какъ людей привычныхъ къ опасностямъ войны, которые потому менѣе другихъ могли смущаться и устраниваться. Такимъ образомъ, принятое правительствомъ рѣшеніе въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка водворить значительную группу служилыхъ иноземцевъ на рѣкѣ Майнѣ было совершенно естественно по обстоятельствамъ того времени. И вотъ вслѣдствіе этого, инородцы Свіяжскаго уѣзда, поселившіеся было съ дозволенія правительства въ вершинахъ р. Майны, были отсюда переведены въ сосѣднюю деревню Баранъ, повидимому, тоже основанную инородцами, выходцами Свіяжскаго уѣзда, а земли переведенцевъ отведены были подъ пахоту съ сѣнными покосами значительной группѣ Казанскихъ служилыхъ иноземцевъ—Степану Селивановскому съ товарищи, которые въ вершинахъ р. Майны основали село Верхнюю Майну и деревню Богацкую²⁾.

Существованіе мѣстами поселковъ въ продолженіе извѣстнаго времени не могло не оказывать притягательнаго

¹⁾ Въ царской грамотѣ отъ 8 іюня 1683 года есть извѣстіе о сборищѣ Башкиръ съ Калмыками для продолженія войны. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ воеводъ, «Калмыцкій царевичъ Дядюбакъ Бонаевъ съ воинскими людьми съ Калмыки зимовалъ подлѣ озера Чертаилы, а съ нимъ Калмыковъ сорокъ тысячъ». Озеро Чердаклы лежитъ южнѣе р. Урени, въ Поволжьи. «Истор. Биб.» 1878 г. Декабрь. «Очеркъ колонизація башкир. зем.» Новикова, 48.

²⁾ Смотри по этому поводу показанія многихъ крестьянъ-татаръ деревни Баранъ. Тамъ же лл. 23 — 42; кромѣ того л. 76. Къ сожалѣнію, мы, по отсутствію какихъ либо данныхъ, не могли опредѣлять числа Казанскихъ иноземцевъ, водворенныхъ въ это время на вершинахъ р. Майны, равно и объяснить, почему именно эти иноземцы поселены были въ вершинахъ рѣки Майны, а не въ мѣстахъ подлѣ Полоцкой шляхты. Не сохранились ли правительствомъ свободныя земли около Полоцкой шляхты для тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ полку Гаславскаго и которые, быть можетъ, не прямо отказались, а болѣе медлили своимъ прибытіемъ?

дѣйствія на новыхъ переселенцевъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ спѣшили присоединяться къ прежнимъ и селились вмѣстѣ съ ними, ибо подобное сожителство старымъ насельникамъ, при изобиліи здѣсь свободныхъ земель и крайнемъ малолюдствѣ, могло быть только пріятно; въ другихъ переселенцахъ жизнь въ томъ или иномъ мѣстѣ земляковъ, соединенная съ извѣстными выгодами, должна была возбуждать снѣдность къ поселенію по сосѣдству съ ними, въ надеждѣ, что и ихъ житіе пойдетъ не хуже въ здѣшнихъ мѣстахъ. Подобными мотивами, по всей вѣроятности, обуславливается появленіе новыхъ поселковъ вблизи старыхъ, спустя нѣкоторое время. Такъ, намъ извѣстно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на лѣвой сторонѣ р. Уреня появляется деревня служилыхъ инородцевъ Яганаева Яртудина, въ которой поселился служилый татаринъ съ подобнымъ же прозвищемъ; въ недалекомъ же разстояніи отъ этой деревни, южнѣе, на берегу озера Чердакли, въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ мы застаемъ деревню служилыхъ татаръ, въ которой старѣйшими поселенцами были выходцы изъ Саранскаго уѣзда (нынѣшней Пензенской губ.), принадлежавшіе на родинѣ къ служилому классу и переселившіеся на луговую сторону, гдѣ основали деревню Чердакли¹⁾. Существованіе и выгоды, получаемыя служилыми инородцами деревни Чердакли, могли въ свою очередь побудить служилыхъ инородцевъ сосѣднихъ уѣздовъ предложить мѣстному правительству свою службу за земли

¹⁾ Тамъ же лл. 229, 245—249. Одинъ изъ поселенцевъ показывалъ въ 1699 году, что онъ на родинѣ служилъ службу съ 20 четвертей земли въ каждомъ полѣ; на своей службѣ оставилъ брата, а самъ 20 лѣтъ тому назадъ сошелъ въ Чердакли и по челобитью его въ городѣ Симбирскѣ дано ему на новомъ мѣстѣ 20 четвертей въ каждомъ полѣ для службы по Симбирску. Другой поселенецъ деревни изъ Саранскаго уѣзда, сынъ служилаго человека, остался послѣ отца въ малыхъ лѣтахъ, сошелъ лѣтъ съ 40 тому назадъ «жить переходя въ разныхъ мѣстахъ», въ Чердакли пришелъ 17 лѣтъ тому назадъ, билъ челомъ въ Симбирскѣ и получилъ 20 четв. земли въ каждомъ полѣ для службы по Симбирску. О самой деревнѣ сказано: «В Симбирскомъ уѣздѣ на степи подлѣ озера Чердаклинскаго поселилась деревня Чердакли. а в ней живутъ служилые татары».

въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого въ началѣ девятнадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія по сосѣдству съ деревней Чердакли («въ ободу Чердаклинскихъ татаръ») находимъ новую деревню Уренбашъ, о которой говорится: «живутъ въ ней служилые татары, а служатъ полковую службу по Сибирску»¹⁾. Продолжительное существованіе на р. Уренѣ мордовской деревни Помряскиной, заселенной съ самаго начала выходцами изъ Казанскаго уѣзда, не могло не оказывать вліянія на инородцевъ сосѣдняго уѣзда, — и вотъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятнадцатыхъ годовъ описываемаго вѣка мы встрѣчаемъ въ сосѣдствѣ съ Помряскиной деревню Войкину, состоящую изъ ясачныхъ татаръ, переселенцевъ Свияжскаго уѣзда²⁾. На р. Уткѣ, на правомъ берегу ея, какъ мы знаемъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ появляется мордовское поселеніе, получившее наименованіе Кокрячь — отъ городища, на которомъ оно было основано; а въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ того-же столѣтія на противоположной сторонѣ р. Утки встрѣчаемся съ мордовскимъ же поселкомъ, въ которомъ живетъ выходецъ Алаторскаго уѣзда (нынѣшней Симбирской губерніи), сдавшій тягло свое брату, а самъ съ сыномъ перешедшій на Утеу, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ къ нему присоединились другіе соплеменники Казанскаго уѣзда, и всѣ они вмѣстѣ живутъ въ мордовской деревнѣ Айбаши³⁾. На притокѣ р. Уреня, на рѣчкѣ Кременкѣ въ семидесятыхъ годахъ застаемъ деревню

¹⁾ Старѣйшими поселенцами этой деревни, которая въ концѣ XVII вѣка насчитывала у себя 25 человѣкъ служилыхъ инородцевъ, были переселенцы Темниковскаго и Симбирскаго уѣздовъ; всѣ 3 переселенца Темниковскаго уѣзда показывали, что они сродцы изъ деревни Идяковой и перешли въ дер. Уренбашъ за 6 лѣтъ до вопроса. Тамъ же лл. 250—261.

²⁾ Тамъ же лл. 188—192. Показанія ясачныхъ татаръ деревни Войкиной; л. 267.

³⁾ Тамъ же лл. 20—23. Къ Мордвину деревни Чюкалѣй Алаторскаго уѣзда, переселившемуся на Утеу за 15 лѣтъ до 1699 года, присоединились 6 выходцевъ изъ деревни Безсоновой Казанскаго уѣзда, переселившіеся въ деревню Айбаши за 10 лѣтъ; изъ послѣднихъ переселенцевъ пятеро были таглми и несли на родинѣ—трос тягло съ полусама, а двое съ четверти; одинъ былъ бобылемъ.

Кременки, а въ восьмидесятихъ годахъ подлѣ, на правомъ берегу Уреня находимъ инородческое поселеніе Урень-Тюгѣво, въ которой старѣйшіе поселенцы — выходцы Казанскаго и Темниковскаго уѣздовъ¹⁾. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, при испомѣщеніи по р. Майнѣ Полоцкой шляхты, въ межахъ отведенныхъ имъ здѣсь земель упоминается между прочимъ о «Краснорѣцкихъ Мордовскихъ пашняхъ»²⁾, вслѣдствіе чего можно предполагать, что въ то время на рѣчкѣ Красной, притокѣ Майны, недалеко отъ впаденія ея, на лѣвой сторонѣ существовало уже инородческое поселеніе, котораго населеніе занималось земледѣліемъ; а въ восьмидесятихъ годахъ нѣкоторые служилые инородцы Свияжскаго уѣзда, по челобитью своему, получаютъ отъ правительства землю въ верхнихъ частяхъ рѣчки Красной, основываютъ здѣсь деревню Урайкину и обязываются нести службу по Казанскому уѣзду; къ нимъ на новомъ мѣстѣ вскорѣ присоединились инородцы — выходцы изъ Алатурскаго уѣзда, тоже испомѣщенные здѣсь съ обязательствомъ нести службу за отведенныя имъ земли. Въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія (1692 г.) служилые инородцы описываемой деревни достигаютъ тридцати человѣкъ и, образовавши общину, сами принимаютъ къ себѣ свою братью³⁾. Но не только въ верховьяхъ

¹⁾ Тамъ же лл. 185 — 187. Мордвинъ деревни Уреня Сюнчегѣвъ въ концѣ столѣтія «въ роспросѣ сказалъ: родина его Казанскаго уѣзда деревни Старая Урень, отецъ его изъ деревни Урень пришелъ жить бивъ челомъ великому государю въ Казани съ прежнимъ ясакомъ, и тотъ ясакъ нынѣ платитъ онъ»; другой выходецъ Темниковскаго уѣзда показываетъ, что онъ пришелъ въ дер. Урень 10 лѣтъ тому назадъ.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, л. 632.

³⁾ Казань. Переп. кн. 7, № 152 лл. 149 — 155. «Деревни Ураевъ служилые татары: Дѣ. Алка Ураевъ въ роспросѣ сказалъ: родина его въ Свияжскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Алмендарѣ; служилъ полковую службу безъ помѣстья по Свияжску и тому нынѣ лѣтъ 10 и больше по челобитью отца его.... по грамотѣ всякаго государя изъ Казани дано ему въ той деревнѣ Ураевъ въ помѣстье и въ оброкъ 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; братъ у него родной Пондарка Ураевъ, помѣстье за братомъ его въ той деревнѣ Ураевъ столько же и т. д.; нѣкоторые служилые инородцы показываютъ: пришелъ онъ въ дер. и «снялъ полюбовно безъ челобитя въ той деревнѣ Ураевъ у татарина (има и фамилія) половину помѣстья той оброчной земли его»

Красной рѣчки, и у самой вершины р. Майны около описываемого времени появляются инородческіе поселки; такъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ нѣсколько Мордвиновъ—выходцевъ Казанскаго уѣзда, соединившись съ соплеменниками своими изъ Саранскаго и Темниковскаго уѣздовъ, съ дозволенія привительства поселились недалеко отъ инородческой деревни Баранъ, существовавшей въ верхнихъ частяхъ р. Майны¹⁾. Къ концу столѣтія основываются поселки въ верхнихъ частяхъ рѣчки Кандалы, болѣе восточнаго притока рѣки Майны съ лѣвой стороны ея; въ этихъ мѣстахъ нѣкоторые инородцы, выходцы изъ Симбирскаго уѣзда²⁾, пожелали получить отъ правительства земли съ обязательствомъ нести съ нихъ службу по Казанскому уѣзду; къ нимъ присоединились вскорѣ инородцы изъ другихъ уѣздовъ и такимъ путемъ образовалась деревня, въ которой служилые инородцы, составивши общину, въ свою очередь принимаютъ къ себѣ на поселеніе свою братью—новыхъ выходцевъ³⁾. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, какъ мы видѣли, по сторонамъ рѣки Урения появляются русскіе и инородческіе поселки, существованіе которыхъ могло возбудить смѣлость въ ясачныхъ инородцахъ Симбирскаго уѣзда, поселиться въ началѣ девяностыхъ годовъ въ вершинѣ рѣки Урения и основать здѣсь деревню, въ которой въ концѣ XVII столѣтія насчитывалось уже около 20 ясачныхъ дворовъ⁴⁾. По всей вѣроят-

¹⁾ Тамъ же лл. 18—20. «Въ вершинахъ Майны р. . . деревни Налитевы Ясачная Мордва: Дв. Атяшко Налитевъ въ распросѣ сказалъ: жилъ въ Казанскомъ у. въ дер. Урения и платилъ съ четверти ясака; сошелъ 7-ой годъ въ деревню Налитеву и платитъ въ Казани прежнее тягло»; у него сынъ и родные братья, изъ которыхъ одинъ женатъ и платитъ тягло особое.

²⁾ Рѣки Утла и Майна съ притоками тянули къ Казанскому уѣзду.

³⁾ Тамъ же лл. 136—139. «На Кандаля рѣчкѣ, деревни Ертугановы, верхъ Кандаля тожь, служилые татары: Дв. Ертуганка Мурзы, сынъ Тагоевъ въ распросѣ сказалъ: родина его въ Симбирскомъ у. въ дер. Караянгъ, жилъ въ бобыляхъ, и въ прошлыхъ годахъ по ево челобитію въ Казани дано ему въ той деревнѣ Ертугановъ помѣстья 50 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; являть въ той деревнѣ съ прошлаго 206 года (1698 г.); сынъ у него Елмаметка—женатъ» и др. дворы.

⁴⁾ Тамъ же лл. 168—170. «На рѣчкѣ Урению поселились Мордва и Татары Симбирскаго уѣзду деревни Бодашкиной Бодашко Ведяшевъ съ товарищи».

ности, такіа же условія вызвали появленіе инородческихъ поселеній на сѣверъ отъ р. Утки, нѣсколько восточнѣе поселковъ, раньше существовавшихъ. Главными дѣателями при основаніи здѣсь новыхъ поселеній являются выходцы Свіяжскаго уѣзда, къ которымъ скоро присоединяются инородцы, вышедшіе изъ мѣстныхъ селъ и деревень. Такъ, довольно значительная татарская деревня Ярбули, существовавшая уже въ началѣ девятнадцатыхъ годовъ XVII-го столѣтія, основана была группою ясачныхъ инородцевъ, которые въ числѣ восьми вышли изъ деревни Анеутъ Свіяжскаго уѣзда, откуда и прежде не разъ выселялись жители на Майну; и вотъ переселенцы въ Казани бьютъ челомъ о ясакахъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединяются новыя выходцы изъ того же уѣзда. При этомъ слѣдуетъ указать, что въ этотъ разъ, какъ и прежде, причина эмиграціи населенія, должно предполагать, была въ глазахъ мѣстныхъ властей вполне уважительна, ибо они не противятся подобному выселенію, не смотря на то, что въ нынѣшній разъ переселенцы не передаютъ на родинѣ своихъ ясаковъ другимъ, такъ какъ, по ихъ показанію, «тотъ полъ ясака и Анеутъ деревни ныне въ пустѣ»¹⁾. Но новыя поселенія основываются въ описываемое время въ здѣшнихъ мѣстахъ не одними выходцами изъ отдаленныхъ или сосѣднихъ уѣздовъ, — мѣстные уроженцы или насельники, поселившіеся было здѣсь, но не вполне удовлетворенные на мѣстѣ своего жительства, являются въ свою очередь виновниками новыхъ поселковъ въ Примайскихъ странахъ. Такъ, мы знаемъ, что нѣкоторые изъ ино-

Замѣчательныя фамиліи нѣкоторыхъ инородцевъ въ этой деревнѣ: Нечаевъ, Борисовъ, Смирновъ и нѣкоторыя другія; такіа и подобныя русскія прозванія встрѣчаются у инородцевъ и въ другихъ здѣшнихъ поселкахъ.

¹⁾ Тамъ же лл. 192—196, 201. «Деревни Яркулъ Татары: дв. Ахметка Тюгзевъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Свіахъ у. въ деревнѣ Анеутъ; платилъ въ Свіажеку съ братомъ своимъ двоюроднымъ; а въ дер. Яркулъ пришелъ онъ тому седьмой годъ (показ. въ 1699 г.); и тотъ полъ ясака и Анеутъ деревни ныне въ пустѣ; а въ деревнѣ Яркулъ. по его челобиткѣ, далъ ему изъ Казани вновь въ прибыль четъ ясака. У него жъ Ахметки братья родные: Елдашка, Еричка—женаты». Показанія остальныхъ изъ этой деревни болѣею частью такіа же.

родцевъ, жившіе въ деревняхъ по р. Уткѣ, въ девяностыхъ годахъ покидаютъ свои деревни и основываютъ съ разрѣшенія мѣстной власти въ восточномъ направленіи новое поселеніе, которое быстро увеличивается прибытіемъ туда выходцевъ изъ Свияжскаго уѣзда¹⁾. Въ данное же время въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаемся и съ такими явленіями: служилый инородецъ Свияжскаго уѣзда свою помѣстную землю на родинѣ вмѣстѣ со службою съ нея предоставляетъ своему брату, — самъ же въ преклонномъ возрастѣ съ семьей переходитъ въ Казанскій уѣздъ, гдѣ останавливаетъ свое вниманіе на привольныхъ земляхъ, лежащихъ въ области р. Малаго. Черемшана; здѣсь, въ верхнихъ частяхъ рѣчки Шин²⁾, «по обѣ стороны и въ иныхъ урочищахъ дано ему изъ Казани земли по его челобитью, — а велѣно ему съ той земли платить по ясаку на годъ». На рѣчкѣ же Шинѣ, кромѣ земли, отведенной служилому татарину, находилось еще много свободныхъ земель, на которыхъ въ концѣ столѣтія застаемъ двѣ другія инородческія деревни. Вѣроятно, старому служилому татарину было не совсѣмъ пріятно постоянно жить въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ то время еще рѣдко населенныхъ и лежавшихъ въ сторонѣ отъ укрѣпленныхъ острожковъ, потому что мы застаемъ его въ 1698 году «отставленнаго, по грамотѣ вел. госуд., отъ службы за старостью»:

¹⁾ Тамъ же лл. 196—197, 204. «Деревни Долгаго Озера Мордва» второй дворъ отъ начала «Дв. Юрка Милковъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казанскомъ у. въ деревнѣ Уткѣ, а Зеленовка тожъ, былъ въ тѣлѣ въ чети ясакъ, а въ деревню Долгое Озеро пришелъ онъ тому 4-ой годъ, и то тягло чети ясакъ сдѣлалъ онъ крестьянину Ивашкѣ Дементьеву, а въ дер. Долгомъ озерѣ платитъ онъ съ плучети ясаку, бивъ челомъ великому государю въ Казани въ прибыль; да у него жъ сынъ, живетъ особо избою, Мартышка, — живетъ въ Бобылахъ». «Дв. Петрушка Сергѣевъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казан. у. въ дер. Урюкѣ; было на отцѣ его тягло полъ ясакъ и по челобитью его съ тѣмъ ясакомъ перешелъ жить въ Казанскій у. въ дер. Утку, Зеленовка тожъ; жилъ лѣтъ съ 20 и больши, и съ тѣмъ же тягломъ перешолъ онъ Петрушка въ дер. Долгое Озеро тому четвертой годъ». Въ некоторыхъ другихъ дворахъ подобныя же показанія. Деревня лежала не далеко отъ дер. Яркули.

²⁾ Рѣчка Шинъ течетъ на одной линіи съ рѣкою Уткою.

онъ проживалъ въ деревнѣ на р. Красной ¹⁾, куда прибылъ за годъ до описи, и гдѣ получилъ землю «въ помѣстье и въ оброкъ», съ которой службу несъ сынъ его ²⁾. Въ то время какъ пришлое населеніе отъ Волги по ея притокамъ постепенно движется на востокъ, на встрѣчу ему, по другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, подвигаются инородческія поселенія съ востока на западъ,—такъ что новыя поселки въ здѣшней мѣстности какъ бы стремятся въ описываемое время образовать изъ себя непрерывную цѣпь поселеній. Такъ, въ восьмидесятихъ годахъ группа служилыхъ «*неверстанныхъ*» Мещеряковъ (10 человекъ) обратилась къ правительству съ слѣдующимъ челобитіемъ: «отдѣлились они дѣти отъ отцовъ и братья отъ братьей» для заселенія пустой пахотной земли, оставшейся отъ разбредшихся Чувашъ, населявшихъ деревню Ахметеву—Миронову, которая расположена была по обѣимъ сторонамъ р. Малаго Черемшана; вслѣдствіе этого пахатная земля по Малому Черемшану съ стѣнными покосами по рѣкѣ Шіѣ отдана была Мещерякамъ сперва на оброкъ, а потомъ «въ помѣстье и въ оброкъ» ³⁾.

Здѣшнее населеніе въ девяностыхъ годахъ двигалось на востокъ отъ Волги не только по р.р. Утѣѣ и Майнѣ,—тоже движеніе можно замѣтить и южнѣе, въ области р. Урени: здѣсь «въ вершинѣ рѣчки Урени, по лѣвой сторонѣ, подъ черини Чиглинскимъ лѣсомъ» встрѣчаемся въ началѣ девяностыхъ годовъ съ инородческимъ поселеніемъ, которому основаніе положено было, повидимому, Чувашами Симбирскаго и Свіяжскаго уѣздовъ; самое названіе этой деревни образовалось отъ одного изъ первыхъ поселенцевъ инородческой деревни ⁴⁾.

¹⁾ Въ дер. Ураевѣ, въ верхнихъ частяхъ р. Красной (прит. р. Майны).

²⁾ Тамъ же лл. 154 и 205.

³⁾ Арх. Миш. Юст. III отд. Казань, отказ. стар. л. ин. 13, № дѣла 15.

⁴⁾ И въ настоящее время деревня Еремкина находится подъ лѣсомъ (см. карту генер. штаба съ 10 вер. машт. 1870 г.). Описывается она такъ: «Да за рѣкою жъ Уренемъ на той же отписной землѣ, которая земля отписана во 176 году (1668 г.) по Михайловымъ книгамъ Баракова поселилась Симбирскаго уѣзду деревня Наратколь, Еремкина тожъ, а въ ней живутъ

Не одни впрочемъ крестьяне внутренней Россіи и ино-
родцы сосѣднихъ уѣздовъ стремятся въ концѣ описываемаго
столѣтія занимать земли, почитавшіяся свободными, и селятся
въ здѣшнихъ мѣстахъ, чтобъ пользоваться природными богат-
ствами ихъ, — служилые люди и представители духовенства
дѣлаютъ съ своей стороны тоже. Такъ, въ верхнихъ час-
тяхъ рѣки Урени, въ концѣ девятистыхъ годовъ (1697 г.),
«поселена на правой сторонѣ деревни *Новая Сибирскихъ* ино-
земцовъ». Эта деревня во время описи (1699 г.) состояла лишь
изъ нѣсколькихъ дворовъ (пять), большинство которыхъ были
переселенцами Нижегородскаго уѣзда; но значительное коли-
чество земли, которое отведено было для нея подъ усадьбу,
пахоту и покосъ могли свидѣтельствовать о томъ, что владѣль-
цы рассчитывали на большой приливъ населенія¹⁾. Кромѣ того,
въ сосѣдствѣ съ деревнею Чердакли въ концѣ столѣтія встрѣ-
чаемся съ землями стольника Наумова и крестьянъ Костром-
скаго Боголюбскаго монастыря; въ самой же деревнѣ, въ от-
дѣльныхъ дворахъ, живутъ три чувашскихъ семейства, вы-
ходцы Сибирскаго уѣзда, свидѣтельствовавшіе о себѣ, что
они приняты были нѣсколько лѣтъ тому назадъ на священни-
ческую землю Сибирскимъ соборнымъ священникомъ, у котораго
теперь и состояли «въ работѣ», т. е., по ихъ словамъ, «пашню на
него (священника) пашутъ и всякіе издѣлья дѣлаютъ». Отсюда мы
можемъ видѣть, что Сибирскому священнику было выгодно вла-
дѣть здѣсь землею и эксплуатировать ея богатства посредствомъ
паемныхъ работниковъ²⁾.

Если теперь обратимся къ рассмотрѣнію вышеупомянутыхъ
поселеній на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ XVII вѣка,
то въ нихъ можно отмѣтить слѣдующія особенности: въ по-

сеченіи Татара и Чюваша. А у досмотру и у мѣры они Татара и Чюваша
Еремка Бекбулатовъ подали выписъ съ отказныхъ книгъ». Тамъ же кн. 7,
№ 152, л. 234.

¹⁾ «Деревня *Новая Сибирскихъ* иноземцевъ *Ивана Тимоѣева сына*
Ильинича и *Ивана Новокульскихъ*». Тамъ же лл. 233, 256—261.

²⁾ Тамъ же лл. 248—250, 261.

селкахъ русскіе и инородцы живутъ всегда отдѣльно¹⁾; инородцы по своему происхожденію принадлежатъ главнымъ образомъ Татарамъ и Мордвѣ; инородцы-новокрещены, когда ихъ число въ деревнѣ значительно, имѣютъ, какъ кажется, стремленіе составлять изъ себя отдѣльную общину и принимаютъ на свои земли, вмѣсто выбывшихъ, новыхъ членовъ²⁾. Естественно ожидать, что старѣйшія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ станутъ людиѣ сравнительно съ позднѣйшими поселками. И дѣйствительно, самыя многолюдныя поселенія на рр. Мѣйнѣ, Утѣѣ и Уренѣ суть тѣ, которыя основаны въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія³⁾; къ нимъ по людности примыкаютъ поселки, появившіеся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такая людность замѣчательна, потому что тѣ, которыя изъ раннихъ поселеній на Мѣйнѣ и Уренѣ испытали, какъ намъ извѣстно, разореніе отъ Башкирцевъ, вслѣдствіе чего населеніе въ нихъ должно было уменьшиться⁴⁾. Самыя

¹⁾ Только одинъ разъ, въ деревнѣ Помряскинѣ, встрѣчается отступленіе: въ этой деревнѣ вмѣстѣ съ русскими крестьянами жили новокрещены изъ Мордвы и нѣсколько дворовъ (три) языческой Мордвы. Тамъ же лл. 156—160, 187.

²⁾ Такъ въ деревняхъ Матвѣевѣ и Помряскиной дворы новокрещенъ описываются особо,—при чемъ одинъ изъ новокрещенъ послѣдней деревни—«Дв. Федка Дмитріевъ сынъ Новокрещенъ въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казанскомъ у. въ деревнѣ Мордовской Песталѣ; и крестьясь въ православную христіанскую вѣру тому лѣтъ 15 пришелъ въ дер. Помряскину, и не бывъ челомъ великому государю *приняли въ той деревни новокрещены и Мордвы въ пустовой четверть ясака умершаго Мордвина (нимъ и отецъ)*». Тамъ же лл. 158—161.

³⁾ Исключеніемъ является лишь деревня *Яманасва*, которая, хотя и была основана въ шестидесятыхъ годахъ, но имѣла въ концѣ столѣтія только 32 двора служилыхъ людей; такое малолюдство деревни могло обуславливаться окраиннымъ ея положеніемъ (на лѣвой стор. р. Урена) и соседствомъ со степью (ближайшая къ ней деревня Чердакли означена «на степи»), требовавшей очень большую долю силѣности отъ насельника; кромѣ того, медленно развивалась дер. Помряскина.

⁴⁾ Два крестьянина села Кандамы показывали, что они изъ села Грязнухи — «изъ того села сошелъ отъ Башкирскаго разоренья и жилъ въ разныхъ мѣстахъ»; сверхъ того крестьянинъ деревни *Новой*, Новокудьянскій, рассказывалъ о себѣ, что онъ жилъ на ясахъ въ селѣ Кременкахъ «и сошелъ изъ того села отъ Башкирскаго разоренья». Тамъ же лл. 79, 257.

большимъ поселеніемъ здѣсь было селеніе Кандаля; въ немъ находилось 168 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ проживало 369 человекъ взрослыхъ, большею частью семейныхъ. Почти все они, по ихъ свидѣтельству, были *сходцами* или переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Россіи,—преимущественно же изъ Нижегородскаго¹⁾, Симбирскаго²⁾, Казанскаго³⁾ и Вязниковскаго уѣздовъ⁴⁾. Но кромѣ значительнаго числа выходцевъ изъ упомянутыхъ уѣздовъ мы встрѣчаемся здѣсь еще и съ переселенцами другихъ уѣздовъ, и близкихъ, и далекихъ отъ описываемой мѣстности⁵⁾. Время ухода крестьянъ съ родины и поселенія ихъ на р. Кандаля было различное; при этомъ нерѣдко встрѣчаемся съ фактомъ, что переселенецъ, сдавши тягло или оброкъ въ своей деревнѣ другому крестьянину, иногда родственнику, до своего водворенія въ селѣ Кандаля, по его словамъ, «жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ». Такіе переходы совершались инымъ крестьяниномъ съ семьей въ продолженіи довольно значительнаго промежутка времени⁶⁾; быть

¹⁾ Всего переселенцевъ изъ Нижегород. у. было 67 челов.; при этомъ больше всего выслали Княгининская волость—15 челов.,—изъ одной лишь деревни Яблочной выселилось 6 человекъ.

²⁾ Изъ Симб. у. переселились 35 челов.,—18 челов. изъ одной Арбуговской слободы.

³⁾ Изъ Казан. у. 28 челов.; 11 человекъ бобылей переведено было изъ пригорода Тиньска, — большею частью воеводою Супоневымъ.

⁴⁾ Изъ Вязников. у. было въ с. Кандаля 23 переселенца.

⁵⁾ Такъ, изъ Ломовскаго уѣзда перешли 10 челов.; изъ Муромскаго у.—8 челов.; изъ Свиж. у. 7 чел.; изъ Суздальск. у. 6 челов.; изъ Костром. у. 5 челов.; изъ Арзамаск. у. 5 челов.; изъ Москов. у. 5 челов.; изъ Тетюшск. у. 3 челов. Сверхъ того попадаются сходцы: изъ Ярославскаго, Владимирскаго, Можайскаго, Вяземскаго, Коломенскаго, Юрьева Польскаго, Юрьева Повольскаго, Угличскаго, Самарскаго, Шацкого, Корсунскаго и изъ многихъ другихъ.

⁶⁾ Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Нижегород. у. села Мурашкина въ разпросѣ говорилъ: «отецъ его жилъ въ томъ селѣ въ бобыляхъ, а онъ сошелъ изъ того села тому лѣтъ съ 10 и жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ; а въ село Кандаля пришелъ въ нынѣшнемъ 207 г. (1699) и живетъ въ бобыляхъ». Крестьянинъ Костромскаго у. деревни Решетниковой показывалъ: «отецъ его былъ въ посопномъ тяглѣ въ десятинной пашнѣ и умре; а въ томъ тяглѣ остался другой крестьян. (ямя), а онъ сошелъ изъ той деревни

можетъ, это обусловливается отчасти тѣмъ, что крестьянинъ полагалъ необходимымъ вполне приспособиться къ окружающимъ его новымъ условіямъ, прежде чѣмъ рѣшиться на окончательное поселеніе. Во всякомъ случаѣ, фактъ подобнаго странствованія со стороны крестьянъ не только внутренней Россіи, но и сосѣднихъ уѣздовъ, можетъ наглядно свидѣтельствовать о томъ, что русскій крестьянинъ XVII вѣка, какъ и въ наше время, не боялся передвиженій въ сообществѣ съ родными и близкими людьми. Выходцы изъ одного уѣзда, иногда той же деревни, оставляютъ родину одновременно и въ Кандалѣ селятся также въ одно время, при чемъ одинъ изъ переселенцевъ на новомъ мѣстѣ становится крестьяниномъ, а другой сосѣдомъ у него; точно тоже можно сказать и относительно близкихъ деревень или уѣздовъ¹⁾. Но не только крестьяне,—жены послѣ смерти мужей покидаютъ съ семейю родныя мѣста и селятся въ здѣшнихъ краяхъ, далеко еще не безопасныхъ отъ нападений кочеваго непріятеля²⁾. Нерѣдко встрѣчаемся съ показаніями крестьянъ

лѣтъ съ 20 и жилъ въ разныхъ мѣстехъ; а въ село Кандалу пришелъ тому блѣтъ, и былъ челою юсударю въ Тетюшахъ и дано ему, по его челобитью, въ томъ селѣ Кандалѣ послѣ крестьянина (имя и прозв.), и платитъ въ Казани по полтинѣ на годъ оброку; дѣти у него: Ивашко, Оскъ, Василья, Пронья, Гришка—женаты, да Митька 15 л.; у Ивашки дѣти (2 сына малыхъ). Крестьянинъ Домовскаго уѣзда, села Троицкаго рассказывалъ, что онъ «сдѣлалъ тягло дядѣ своему родному по матерѣ (ими) и сошелъ изъ той деревни тому лѣтъ съ 30, и жилъ, переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кандалу пришелъ тому 3 года; и по его челобитью въ Тимску, дано ему пустоваго оброку послѣ бѣглаго крестьянина (имя и прозв.) и платитъ по 5 алт. на годъ, у него нѣсколько небольшихъ дѣтей. Другіе крестьяне свидѣтельствуютъ въ своихъ показаніяхъ о иныхъ, менѣе продолжительныхъ срокахъ своего странствованія «въ разныхъ мѣстехъ» до водворенія своего въ Кандалѣ. Тамъ же. лл. 77—125.

¹⁾ Такъ, напр., изъ деревни Комлевы, Вязниковскаго уѣзда, одновременно сошли пятеро крестьянъ, поселившихся въ одно время въ Кандалѣ, причемъ два крестьянина имѣютъ сосѣдями своихъ земляковъ, сошедшихъ одновременно; тоже встрѣчается и у другихъ крестьянъ, сошедшихъ изъ иныхъ мѣстностей.

²⁾ Вдова Агафья Иवानова, жившая въ особомъ самостоятельномъ дворѣ и платившад оброкъ въ селѣ Кандалѣ «въ роспросѣ сказала: мужъ ее (имя и отеч.) жилъ въ Суздальск. у. въ селѣ Допатинѣ въ бобыляхъ и умеръ; а

того либо другого уѣзда, или же ихъ сосѣдей, что они вышли изъ родныхъ мѣстъ, спустя годъ или два одинъ послѣ другаго, при чемъ первый переселенецъ свидѣтельствуесть о своемъ странствованіи въ теченіи нѣкотораго времени, прежде чѣмъ поселиться въ Кандаля, — слѣдующіе же за нимъ крестьяне тойже мѣстности показываютъ, что они прямо переселились на р. Кандалу. Иные крестьяне на новомъ мѣстѣ довольно скоро обзаводятся самостоятельнымъ дворомъ и хозяйствомъ, другіе же въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимаютъ подчиненное положеніе сосѣда, живущаго лишь въ особой избѣ, а иногда въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ-патрономъ: такой сосѣдъ «помагасть того села крестьянину (имя и прозвище) въ оброчномъ тягѣ». Разность въ хозяйственномъ положеніи переселенца на новомъ мѣстѣ обуславливается иногда недавнимъ временемъ его перехода: повидимому, онъ не успѣлъ еще разжиться, — но улучшеніе въ его общественномъ положеніи наступитъ скоро вслѣдствіе обилія рабочихъ силъ въ семьѣ; либо такое улучшеніе должно нѣсколько замедлиться, вслѣдствіе того, что нужно было извѣстное время, чтобы подростки, съ которыми онъ пришелъ, могли подняться и сформироваться въ взрослыхъ рабочихъ силъ. Нерѣдко встрѣчающіеся примѣры подобнаго движенія въ общественно-хозяйственномъ положеніи переселенца на новомъ мѣстѣ наглядно подерѣпливаютъ высказанную мысль¹⁾. По своему составу члены Кандалинской общины были

она Агашка съ дѣтьми сошла изъ того села и пришла въ село Кандалу тому 3-й годъ и не бивъ челомъ вел. госуд. сняла она у крестьянина (имя и прозв.) оброкъ и платитъ 4 алт. на годъ (у нея 2 сына — 15 и 14 л.); платитъ тягло съ получить ясака». Тамъ же.

¹⁾ Такъ, напр. крестьянинъ Суздальск. у. пригорода Шунъ Федоръ Карповъ Нырокъ показывалъ, что онъ съ отцемъ своимъ жили въ бобыляхъ; пришелъ въ Кандалу 9 лѣтъ тому назадъ, отецъ его умеръ въ Кандаля, а онъ, «не бивъ челомъ государю», сперва помогалъ другому крестьянину платить оброкъ, внося по 3 алт. 2 ден. на годъ; за тѣмъ «у него Федки въ сосѣдствѣ братья родные — Ойлька да Максима — женаты, Дениска — 15 л.; платитъ онъ съ братьями (въ моментъ допроса) пустовой оброкъ послѣ бѣглаго крестьянина (имя и прозв.) по 6 алт. 4 ден. на годъ. Платитъ тягло ясакъ безъ четверти». Тамъ же л. 77.

большую частью изъ дворовыхъ крестьянъ и бобылей, между которыми встрѣчаются служилые люди: преимущественно казаки, сдавшіе на родинѣ свою службу другимъ людямъ, а сами, переселившись въ Кандаду, стали оброчными крестьянами. Бромъ служилыхъ людей попадаютъ ихъ дѣти — сыновья стрѣльцовъ и казаковъ ближайшихъ пригородовъ, а также сыновья людей, тянувшихъ къ духовенству, и дворовые, отпущенные своими господами на волю; нерѣдко встрѣчаются бобыли изъ городовъ и пригородовъ, — изрѣдка попадаютъ посадскіе и ямскіе люди, крестьяне свѣтскихъ и духовныхъ вѣстей тогдашняго времени. Всѣ они повидали родину мѣста для того, чтобъ зажить новою жизнью на берегахъ р. Кандады. Тяглые и оброчные крестьяне, какъ и служилые, даже при голодѣ или скудости, не иначе уходять съ своей родины, какъ сдавши предварительно свое тягло или оброкъ родственнику или постороннему лицу. Нѣкоторые бобыли ближайшихъ пригородовъ были, «по ихъ (бобылей) челобитью», издавна переведены официальными лицами «жить на порозжую землю, гдѣ ныне ясачное село Кандада», и здѣсь на нихъ наложенъ былъ опредѣленный оброкъ¹⁾. Многіе изъ переселенцевъ свидѣтельствуютъ, что, оня, по приходѣ въ Кандаду, стали членами общины, снявши у одного изъ мѣстныхъ крестьянъ

¹⁾ «Дворъ Ивашка Павловъ сынъ Горбунъ, въ роспросѣ сказалъ: отецъ его жилъ въ Тамбовск. у. въ селѣ Ивановѣ въ оброчномъ тяглѣ, а многого оброку платилъ и онъ Ивашка не знаетъ, потому остался въ малыхъ лѣтахъ; а сошелъ онъ изъ того села тому 20 лѣтъ и жилъ въ Казан. у. въ городѣ Тиньску въ бобыляхъ; и перевелъ его Ивашку въ село Кандаду Григорій Супоневъ (стольникъ, производившій опись въ 1678 г.) и по окладу его платитъ онъ по 4 алт. 1 ден. на годъ; сынъ у него Микитка женатъ. у Микитки сынъ 2 л.; у него же сосѣдъ Спирко Ивановъ сынъ Макаровъ; платитъ ему (Ивашѣ) тягло съ полу чети ясака. Въ роспросѣ Спирко сказалъ родина его въ Казан. у. въ Тиньскомъ острогѣ; отецъ его Ивашка Макаровъ жилъ въ Тиньску въ бобыляхъ и переведенъ въ село Кандаду тому лѣтъ съ 15 и по окладу Александра Дубровскаго отецъ его платилъ оброку 11 алт. — и отецъ его умре; у него Спирки братья родные (двое по имени) женаты, и тотъ оброкъ платитъ онъ съ братьями. Платитъ тягло съ полуасака. Показанія другихъ въ томъ же родѣ. Тамъ же № 134 и № 152 лл. 77—125.

часть тягла «не бивъ челомъ великому государю», или же «помогаетъ онъ (выходецъ) того села крестьянину (ния) въ оброчномъ тяглѣ», внося известное количество оброка. Не рѣдко впрочемъ встрѣчаемся и съ показаніями переселенца, что онъ послѣ своего прибытія въ Кандалу «билъ челомъ вел. госуд. въ Тѣинску (иногда прибавлено «въ прибыль»), и данъ ему пустовой оброкъ въ томъ селѣ (Кандалѣ) крестьянина» (ния и прозв.), — или же «по его челобитью въ Тетюшахъ слялъ онъ (переселенецъ) въ томъ селѣ у крестьянина (ния и прозв.), и платитъ въ Казани» такой-то оброкъ. Судя по величинѣ оброка, коимъ въ концѣ семидесятыхъ или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обложена была Кандалинская община (42 рубля въ годъ), зажиточность большинства ея членовъ должна была быть порядочная; это тѣмъ вѣроятнѣе, что недоимокъ за ними не значилось, а въ 1698 году оброкъ увеличенъ былъ съ 42 рублей до 54 рублей, 15 алтынѣ. Въ слѣдующемъ же году Кандалинскіе крестьяне переведены были съ оброка на тягло, причемъ они должны были вносить по 50 ясаковъ въ годъ¹⁾, что указываетъ на значительную пахотную землю, которая съ своей стороны можетъ свидѣтельствовать о зажиточности Кандалинской общины въ концѣ XVII столѣтія.

Обращаясь къ остальнымъ двумъ старѣйшимъ поселеніямъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ которыхъ жили русскіе крестьяне: къ селу Грязнухѣ и Кременкамъ, мы должны сказать, что въ нихъ встрѣчаются тѣже явленія, какъ и въ Кандалѣ; можно даже замѣтить, что нѣкоторыя стороны въ послѣднихъ двухъ поселеніяхъ выступаютъ рельефнѣе и поэтому рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ Кандалинской общинѣ. Прежде всего отиѣтитъ тотъ фактъ, что Грязнуха и Кременки, какъ намъ известно, пострадали отъ нападеній кочевниковъ, вслѣдствіе чего крестьянскія общины этихъ поселковъ не отличаются такою

¹⁾ Пахоты на ясакъ полагалось по 6 десятинъ въ каждомъ полѣ, а сѣнныхъ покосовъ въ распоряженіи крестьянъ находилось по р. Кандалѣ на 3000 копенѣ. Тамъ же лл. 133 и 217.

людностью, какъ Кандаля. Повидимому, Башкирское разореніе особенно сильно отразилось на Грязнухъ, гдѣ во время описи находилось всего 57 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 106 человѣкъ, — при чемъ значительное большинство время своего пребыванія въ селѣ Грязнухъ опредѣляетъ 10, 8 и менѣе годами. Гораздо богаче числомъ людей является Кременская община, — но и она далеко уступаетъ Кандалинской: въ Кременкахъ по описи было 96 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ проживало 280 человѣкъ. Но и въ Кременкахъ значительное число людей, явившихся сравнительно позднѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что множество поселенцевъ (около 80 человѣкъ) проживало въ Кременкахъ въ моментъ описи въ качествѣ сосѣдей, приписанныхъ къ крестьянскимъ дворамъ, въ числѣ двухъ, а иногда и трехъ человѣкъ, равно какъ и встрѣчаемая здѣсь группа (въ 12 человѣкъ) бобылей, — всё это свидѣлствуетъ о недавнемъ увеличеніи Кременской общины новоприбылыми членами. И обозрѣваемымъ теперь селамъ главный контингентъ поселенцевъ доставлялъ Нижегородскій уѣздъ, за которыми, по числу всланныхъ сходцовъ, слѣдуютъ Симбирскій и Казанскій уѣзды. Кромѣ нихъ, по прежнему, встрѣчаемся здѣсь съ группами переселенцевъ изъ Костромскаго, Суздальскаго, Коломенскаго уѣздовъ, равно какъ попадаютъ представители Дорогобужскаго, Хлыновскаго, Устюжскаго и другихъ отдаленныхъ уѣздовъ¹⁾. Многие изъ жителей Кременокъ и Грязнухи свидѣлствуютъ

¹⁾ Изъ Нижегородскаго у. въ Кременкахъ во время описи (1699 г.) было 34 челов. (Изъ Мурашкинской вол. 10 чел., Изъ Терюшевской вол. 7 чел. изъ остальныхъ менѣе), изъ числа которыхъ 26 челов. были у себя на родинѣ бобылями, а въ Кременкахъ почти всѣ стали тяглыми людьми. Изъ Симбирск. у. перешло 29 челов. (12 челов. изъ одного города Симбирска). — изъ среды которыхъ 18 человѣкъ до перехода были бобылями, а въ Кремен. стали тяглыми. Изъ Казанскаго уѣзда выселилось 11 челов. — и изъ нихъ 8 до переселенія были бобылями. Изъ Костромскаго у. перешло 8 челов., — изъ котор. 6 были на родинѣ бобылями. Изъ Суздальскаго у. 8 челов., — 7 изъ нихъ были бобылями; Изъ Свияж. у. 6 челов., — 4 изъ нихъ были бобылями. Изъ города Шун, именоваго «Суздальскимъ пригородномъ» 4 челов. въ

о томъ, что они, сдавши тягости, лежавшія на нихъ на родинѣ, до своего водворенія въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ теченіи извѣстнаго времени, «жили переходя по разнымъ мѣстамъ»; можно даже сказать, что число такихъ людей среди поселенцевъ послѣднихъ двухъ селъ было сравнительно больше, чѣмъ въ Кандалѣ¹⁾. Въ этихъ селахъ, какъ и въ Кандалѣ,

селил., и всѣ были бобылями. Изъ Коломенскаго у. выселил., 5 челов., — причѣмъ трое бобылей изъ села Дедилова сошли одновременно, странствовали въ продолженіи 10 лѣтъ: «жили переходя въ разныхъ мѣстехъ» и въ одно время поселились въ Кременкахъ. Изъ города Сапожка (Ряз. губ.) одновременно вышли 3 бобыля и поселились вмѣстѣ въ Кременкахъ. Сверхъ того попадаютъ переселенцы изъ уу. Московскаго, Дмитровскаго, Вязниковскаго, Каширскаго и др., а также изъ городовъ Ярославля, Владимира и нѣкот. другихъ. Въ село Грязнуху изъ Нижегород. у. выселилось 17 челов., изъ Симбир. у. 5 чел.; кромѣ того по нѣсколько челов. изъ Балаховскаго, Казанскаго, Ломовскаго, Владимирскаго, Пензенскаго, и др. Тамъ же № 152 лл. 42—77, 125—133.

¹⁾ Позволимъ себѣ привести нѣсколько характерныхъ прихворъ. «Дворъ Терешки Дорофеевъ сынъ Красной въ роспр. сказалъ: родина его въ городѣ Ярославля; отецъ его Дорофейко Яковлевъ былъ въ Ямской службѣ; и отецъ его и онъ сошли тому лѣтъ съ 40 и жили переходя по разнымъ мѣстамъ, а въ село Кременки пришли тому лѣтъ съ 20, и по окладнымъ книгамъ стольника Григорія Супонева платить четверть ясака; у него Терешки дѣти — Родка — женатъ, (2-ой сынъ 10 л.). У него же Терешки въ сосѣдствѣ братъ родной Луконка, платитъ по окладу Григорія Супонева, четв. ясака; у него Луконки дѣти — Куземка да Сенка — женаты, (3-й с. 10 л.); платитъ прежняго тягла полъясака, да вновь съ полчетверти ясака. Дв. Оилка Еремѣевъ, въ роспр. сказъ: родина его въ Казани; отецъ его Еремка Васильевъ и онъ Оилка были дворовые люди Казаница Савы Аристова, и въ прошлыхъ годѣхъ по указу велик. госуд. вять онъ Оилка отъ него Савы въ данные въ Москвѣ и написанъ въ стрѣльцахъ, и на Москвѣ служилъ стрѣлецкую службу лѣтъ съ 12, и со службы велик. госуд. бѣжалъ онъ тому 29 ой годъ, и жилъ по разнымъ мѣстамъ, а въ село Кременки прешелъ онъ тому другой годъ. И по распроснымъ рѣчамъ послыанъ онъ Оилка съ сыномъ Емельною на Алатырь (къ тамошнимъ воеводамъ Ловчиковымъ), и по указу велик. госуд. съ Алатыря онъ Оилка присланъ въ село Кременки, — велѣно ему Оилке съ сыномъ Емельною жить по прежнему въ селѣ Кременкахъ въ ясачномъ тяглѣ; и въ томъ по немъ Оилке собрана поручная записъ. Платитъ тягло вновь полъ четверти ясака». Нѣкоторые же крестьяне показываютъ такъ: «Въ роспросѣ Ивашка сказалъ: отецъ его Ерошка Елизаревъ каково чину былъ и откуда сходець, — не знаетъ, потому остался онъ послѣ отца своего въ малыхъ лѣтѣхъ и жилъ переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кременки пришелъ (столько то

составъ населенія былъ довольно пестрый, съ замѣтнымъ преобладаніемъ людей, переселившихся изъ дворцовыхъ земель, — приче́мъ слѣдуетъ указать на то, что огромная часть поселенцевъ Кременокъ и Грязнухи были у себя на родинѣ бобылями, а послѣ водворенія своего въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣкоторые вскорѣ, другіе же спустя нѣкоторое время, стали тяглыми¹⁾. И здѣсь большая часть прибывшихъ становятся членами общины, принявши на себя, съ согласія отдѣльнаго члена, часть тягости, лежавшей на цѣлой общинѣ, «не бивъ чело́мъ великому государю»; впрочемъ, нѣкоторые переселенцы, по ихъ словамъ, были приняты въ село «наборщикомъ», — другихъ принялъ Тетюшскій воевода; иные же указывали, что поселились здѣсь, «объявлясь въ Тетюшахъ», или же «по челобитію въ Казани»²⁾. Точно также и о зажиточности многихъ членовъ описанныхъ общинъ можно догадываться изъ того факта, что тягло ихъ въ концѣ столѣтія было значительно увеличено сравнительно съ тѣмъ, какое крестьяне вносили раньше³⁾. Что же касается поселеній русскихъ крестьянъ на земляхъ, которыми успѣли завладѣть нѣкоторые вліятельные служилые люди, то

лѣтъ и платить такое то тягло). Такихъ крестьянъ странствователей изъ одного Нижегород. у. было въ Кременкахъ 6 человъ (отъ 29 лѣтъ до 5 лѣтъ странствовали); Изъ Симбирскаго и другихъ уѣздовъ тоже нередко попадаются подобные крестьяне. Тамъ же.

¹⁾ Между поселенцами Кременскими около 120 чело́вѣкъ были, по ихъ показаніямъ, на своей родинѣ бобылями, — среди Грязнуховцевъ около 40 чело́вѣкъ.

²⁾ Тамъ же лл. 42—77, 125—133.

³⁾ Брестыне с. Кременокъ сперва платили 25 ясаковъ, а при описи набавлено на нихъ около 12 ясаковъ; Грязнуховскіе поселенцы вносили 8 ясаковъ, — а набавлено было на нихъ болѣе 8 ясаковъ. Надбавка вновь ясаковъ отчасти можетъ служить признакомъ зажиточности потому, что по приказу изъ Москвы на здѣшнихъ жителей было «вѣчно наклады́вать ея по́лноту смотря по семейству и по илѣ пожиткамъ и по угодью», — вслѣдствіе чего на дѣлѣ ясакъ не всегда надбавляемъ былъ на крестьяннѣ, а нередко ему оставался старый ясакъ; попадаютъ даже случаи уменьшенія ясака. Тамъ напр., одному изъ сосѣдей крестьянина села Кременокъ, вносившему четверть ясака послѣ бѣглаго крестьянина, было назначено «Платить тѣло изъ прежняю полѣ четверти ясака для ея скудости». Тамъ же лл. 1, 60 и др.

въ нихъ, какъ появившихся позднѣе, не находимъ слишкомъ значительной людности, но и они къ концу столѣтія успѣли достигнуть порядочной величины ¹⁾. Переходя къ инородческимъ поселкамъ на здѣшнихъ рѣкахъ, мы можемъ видѣть, что болѣе раннія изъ нихъ также успѣли достигнуть къ концу столѣтія довольно значительныхъ размѣровъ; такъ, деревня Баранъ, населенная оброчными Татарами, переведенными въ 1697 году на тягло, насчитывала у себя 71 дворъ, въ которыхъ жила 161 человекъ. Подобной людности деревня достигла, не смотря на то, что большая часть деревенскихъ жителей сперва поселилась на р. Майнѣ, а потомъ отсюда переведена была въ деревню Баранъ; такое передвиженіе, послѣ незначительнаго промежутка времени, проведеннаго поселенцами на новомъ мѣстѣ, не могло произойти безъ ущерба въ ихъ хозяйствахъ, что и видно на самомъ дѣлѣ, потому что многіе изъ нихъ на р. Майнѣ несли болѣе значительное тягло, чѣмъ послѣ водворенія своего въ деревнѣ Баранъ. Другая деревня на р. Уткѣ, именовавшаяся Утка—Кокричь, Аланъ тожъ, населенная Мордвой, во время описи состояла изъ 45 инородческихъ дворовъ, въ которыхъ жило 64 человекъ. Населенность этихъ инородческихъ деревень нельзя не признать значительною, если примемъ во вниманіе то, что онѣ находились въ мѣстности, подвергавшейся частымъ нападеніямъ кочевниковъ, отъ которыхъ не могли быть совершенно безопасны и поселенія инородцевъ, хотя и лежавшія иногда въ мѣстахъ, болѣе защищенныхъ природными условіями, чѣмъ русскіе поселки. Всѣ Татары деревни Баранъ суть выходцы Свіяжскаго уѣзда, а Мордва деревни Утки-Кокричь переселилась большою частью изъ Нижегородскаго уѣзда, отчасти изъ Казанскаго ²⁾. Въ остальныхъ инородческихъ поселеніяхъ,

¹⁾ Въ деревнѣ стольника Андрея Ѳеодор. Нарышкина Волосниковѣ оказалось 70 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 108 челов. взрослыхъ; въ дер. Княз. Трубецкихъ Утка-Зеленова было 39 двор., и въ нихъ жило 62 челов. Тамъ же л. 219.

²⁾ Изъ деревни Анеутъ Свіяж. у. переселилось на р. Майну 11 челов.; кромѣ одного всѣ перешли въ одно время. Изъ дер. Еркѣвой того же у.

основанныхъ позже, хотя въ концѣ столѣтія и было меньше поселенцевъ сравнительно съ вышеупомянутыми, но и о нихъ можно сказать, что были достаточно населены; особенно, какъ мы видѣли, силенъ былъ приливъ инородцевъ въ деревни, появившіяся въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія: въ теченіи шести — семи лѣтъ онѣ достигаютъ двадцати и болѣе дворовъ. Насельниковъ въ здѣшнія поселенія, основываемыя и впослѣдствіи инородцами, высылаютъ главнымъ образомъ Свияжскій уѣздъ, къ которому примыкаютъ Алаторскій и Симбирскій уѣзды¹⁾. Многіе инородцы, проживавшіе въ деревняхъ на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ, показывали, что они селились здѣсь «бывъ челомъ великому государю» въ томъ или другомъ городѣ, прибавляя иногда къ этому «въ прибыль». Нерѣдко также среди нихъ встрѣчаемъ людей, свидѣтельствующихъ, что они живутъ въ деревнѣ «по пріемной записи», или же «по пріемной заручной челобитной» инородцевъ того поселка. Тѣ изъ инородцевъ, на которыхъ лежали на родинѣ извѣстныя тягости (служба, тягло или оброкъ), болѣею частью указываютъ, что они передали ихъ своимъ родственникамъ или же стороннимъ людямъ; нѣкоторые, впрочемъ, говорятъ, что они отправляли на родинѣ службу «безъ дачъ», т. е., безъ земли, которая дана была имъ впервые въ здѣшнихъ мѣстахъ; попадаетъ нерѣдко и такой инородецъ, который показываетъ, что

выселилось въ разное время 10 дв. крест. Въ дер. Уткѣ-Комрячъ изъ Нижегород. у. переселилось 31 дворъ, — изъ нихъ 28 челов. перешли изъ дер. Агузовой; изъ Казан. у. перешло 8 челов. Тамъ же лл. 23—42, 172—176, 215, 271.

¹⁾ Такъ наприм., деревня Яркуль, населенная ясачными татарами, состояла изъ 23 дворовъ, въ которыхъ жили 31 человекъ, — всѣ они были выходцами Свияжскаго уѣзда; въ дерев. Войкиной, населенной тоже ясачными татарами, жившими въ 19 дворахъ, — 16 дворовъ принадлежали также Свияжскому уѣз.; съ тѣмъ же отчасти встрѣчаемся въ дер. Долгое — Озеро. Нѣкоторые инородцы не съ разу прибыли на Майну, а двигались изъ своего уѣзда сперва въ соседній, постепенно спускаясь все южнѣе и южнѣе. Такъ Чувашенинъ Цивильскаго уѣзда переходитъ сперва въ болѣе сѣверную часть Казанскаго уѣзда, и оттуда уже перебирается на р. Урень въ дер. Уренбашъ. Тамъ же л. 255.

онъ (инородецъ), сдавши на родинѣ свою землю и службу брату, пришелъ сюда и «снялъ полюбовно безъ челобитья половину оброчной земли» у инородца здѣшной деревни, вслѣдствіе чего и проживаетъ теперь здѣсь¹⁾). Говоря объ инородческихъ поселеніяхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ нельзя не коснуться процесса ихъ ассимиляціи и обрусѣнія, выражающагося мѣстами въ фамиліяхъ инородцевъ и въ обращеніе ихъ въ православіе. Процессъ этотъ особенно замѣчается на Мордвѣ, среди которой нерѣдко встрѣчаются такія фамиліи какъ: Богдановъ, Борисовъ, Смирновъ, Нечаевъ, Новиковъ, Надѣвъ и др. Мордва же повидимому легче другихъ инородцевъ разставалась съ своимъ язычествомъ и обращалась къ христіанству, потому что не только отдѣльныя личности изъ Мордвиновъ принимали православную вѣру и селились здѣсь вмѣстѣ съ русскими крестьянами, но и цѣлыя ихъ группы описываются иногда отдѣльно въ здѣшнихъ поселеніяхъ²⁾). О нѣкоторой зажиточности инородцевъ въ этихъ мѣстахъ, какъ и русскихъ крестьянъ, можно сдѣлать выводъ изъ отношенія вносимаго прежде ясака къ вновь наложенному на нихъ: не только въ отдѣльныхъ деревняхъ, но и въ общемъ итогѣ ясакъ оказывается увеличен-

¹⁾ Тамъ же лл. 153—196, 252—261.

²⁾ Такъ, въ селѣ Кандаля, населенномъ русскими крестьянами, описывается отдѣльн. дворъ крестьянина: «Янушка Ивановъ сынъ Коноваловъ, въ роспростъ сказавъ: отецъ его Ивашка Микитинъ былъ *Мордовской породы* и жили переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кандалу пришелъ тому 9 л.: не бивъ челомъ вел. госуд. взялъ онъ Янушка оброчнаго тягла у крестьянина (имя и фам.) и платитъ онъ съ братьями 11 алт.; у него сынъ 8 л., да братья родные: Макарью, Степка, Ивашка—женаты; платитъ тягло съ полусама. Другой крестьянинъ того же села, проживавшій въ сосѣдяхъ, въ роспростъ Петрушка *Новокрещеновъ* сказавъ: родина его въ Красной слободѣ отецъ его Максимко Алексѣевъ крестился въ православную христіанскую вѣру изъ Мордвы, а сколь давно — онъ не знаетъ, и жили они переходя въ разныхъ мѣстехъ, и отецъ его умре; а онъ Петрушка пришелъ въ село Кандалу тому 3-ій годъ, и не бивъ челомъ вел. госуд. *помогаетъ онъ Петрушка того села крестьянину у котораго, въ сосѣдствѣ живетъ*, и платитъ оброку по 3 алт. по 2 д. на годъ; у него Петрушки сынъ 5 л.; платитъ тягло съ получетверти ясака». Отдѣльными группами встрѣчаются новокрещены въ деревняхъ Помряскинѣ и Матѣевкѣ. Тамъ же лл. 77—125, 158—176.

нымъ въ сильной степени, не смотря на то, что встрѣчаеся съ уменьшеніемъ ясака отдѣльными личностями¹⁾).

Раньше мы уже говорили о томъ, что Московское правительство, желая воспользоваться Полоцкою шляхтою для защиты Закамскихъ земель, хотѣло ее всю водворить на луговой сторонѣ р. Волги, съ каковою цѣлю, какъ извѣстно, были описаны и измѣрены земли, удобныя для поселенія по рр. Утѣ, Майнѣ и Уреню. Но мы видѣли, что для полученія земель сюда явилась лишь незначительная часть шляхты съ полковникомъ Гаславскимъ, въ которой чрезъ годъ присоединилась группа ихъ товарищей; большая же часть шляхтичей не пожелала селиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, — а предпочла нести службу въ другихъ, болѣе безопасныхъ мѣстахъ, за денежное и хлѣбное жалованье. Не смотря на это Примаинскія страны стали постепенно заселяться русскими и инородческими переселенцами, которые извлекали для себя большія выгоды изъ плодородія здѣшней почвы, посылая хлѣбъ отсюда въ верховые города, а иногда, ради выгоднѣйшаго сбыта, отправляясь туда лично²⁾. Молвъ о выгодахъ, получаемыхъ Примаинскими

¹⁾ Въ деревнѣ Войкиной, наприимѣръ, (19 двор.) ясачные Татары платили «прежняго 2 ясака и 2 чети, новаго 2 ясака безъ получети»; въ дер. Долгое—Озеро, гдѣ было 15 дв. Мордвы «тягла имъ платитъ прежняго полъ 2 ясака съ получетью; новаго полъ 3 ясака съ получетью,—всего прежняго и новаго тягла платитъ имъ 4 ясака съ четью»; въ послѣдней деревнѣ *трехъ* человекъ. во время описи ясакъ уменьшенъ на четверть ясака, съ получасами имъ вносимаго. Въ другихъ деревняхъ также встрѣчается серіозное увеличеніе ясака. Общій итогъ стараго и новаго ясака въ поселеніяхъ русскихъ и инородческихъ на рр. Утѣ, Майнѣ и Уренѣ является слѣдующимъ: «Всего прежнихъ жителей ясачныхъ крестьянъ—русскихъ и Татаръ и Мордвы и Чувашъ 270 дворовъ, людей въ нихъ (взрослыхъ) 561 челов. Тягла платитъ имъ *прежняго* 30 ясаковъ, съ полуясакомъ, *новаго* 56 ясаковъ съ третью. Всего тягла имъ платитъ *новаго* и *старого* 87 ясаковъ безъ получети. На нашу имъ земли 521 десят. съ четью въ кажд. полѣ». Тамъ же лл. 190—225.

²⁾ Въ концѣ описываемаго столѣтія нѣкоторые служилые Татары деревни Уренбашъ, на р. Уренѣ, (четыре человекъ) не могли получить слѣдуемой земли, которую отиѣрялъ служилымъ татарамъ той деревни подьячій Василій Астраханцевъ, потому что «они (эти 4 челов.) въ то число въ той деревни не прилучились, — были въ Нижнемъ для хлѣбной продажи». Тамъ же № 152 л. 286.

служилыми людьми, естественно было дойти до находившихся тогда еще въ живыхъ иноземцевъ и ихъ дѣтей, которые, отказавшись отъ предназначенныхъ для нихъ земель по рр. Утѣ, Майнѣ и Уреню, несли въ то время службы по Казани и по Казанскимъ пригородамъ, за неособенно, вѣроятно, щедрое хлѣбное и денежное вознагражденіе. Вслѣдствіе этого нѣкоторые иноземцы, находившіеся на службѣ на р. Камышенкѣ, гдѣ въ концѣ девяностыхъ годовъ уже шли работы по проведенію соединительнаго канала между Волгою и Дономъ, воспользовались, по всей вѣроятности, пріѣздомъ на Камышенку начальника приказа Казанскаго дворца—князя Бориса Алексѣевича Голицына, и просили его отвести имъ земли на рр. Утѣ, Майнѣ и Уренѣ, выражая свою полную готовность принять ихъ въ описываемое время¹⁾. Какъ слѣдствіе такого желанія съ ихъ стороны, въ іюнѣ 1697 года отправлена была изъ Казанскаго приказа грамота къ мѣстному воеводѣ, въ которой велѣно «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и иныхъ низовыхъ городовъ иноземцовъ полковой службы и рейтаръ, вмѣсто великаго государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья, устроить землями по указаннымъ статьямъ: ротмистромъ по 80 чети, поручикомъ по 70 чети, хорунжимъ и рядовымъ по 60 чети . . . въ Казанскомъ уѣздѣ изъ отписныхъ земель, что осталось за раздачею Полоцкой шляхты 178 году (1668) по Майнѣ и по Утѣ рѣкамъ; а для таковой селидбы на строеніе велѣно выдать всѣмъ иноземцамъ великаго государя денежное и хлѣбное жалованье на одинъ годъ по указаннымъ статьямъ». При этомъ приводится и число иноземцевъ, которые должны были быть водворены на отведенныхъ земляхъ, а именно: Казанскихъ

¹⁾ Говоримъ такъ, потому что приказъ Симбирскому воеводѣ объ отводѣ земель иноземцамъ послѣдовалъ отъ князя Бориса Алексѣевича Голицына «какъ былъ въ пути. . . шелъ съ Камышенки и былъ на Пензѣ»; на Камышенкѣ же въ это время, какъ намъ извѣстно, находились между прочимъ и служилые иноземцы нѣкоторыхъ Низовыхъ городовъ. Кроме того, въ 1699 г. Симбирскіе иноземцы обращаются уже прямо въ Москву и къ Симбирскъ съ челобитіемъ объ отводѣ имъ земель по р. Уреню. Тамъ же лл. 227, 281, 303.

и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ и рейтаръ—198 человекъ, Царевосанчурскихъ рейтаръ — 11 человекъ, Иранскихъ рейтаръ — 11 человекъ, Уржумскихъ иноземцевъ полковой службы 61 человекъ, а рейтаръ—22 чел., всего же такихъ иноземцевъ оказалось 303 человека. Въ Казанскомъ приказѣ однако не могли не знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ за это время успѣли уже появиться значительныя поселенія, населенныя русскими людьми и инородцами, изъ которыхъ одни тянули къ дворцовому вѣдомству, а другіе принадлежали частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого владѣльческія деревни, появившіяся здѣсь и занесенныя въ отписныя книги 1697 г., равно и дворцовыя поселки, о коихъ упоминается въ слѣдующемъ году, — всѣ эти поселки, «которые появились на отписной (т. е. на измѣренной и опредѣленной для Полоцкой шляхты) землѣ, велѣно съ нихъ свести и поселить въ вершинѣ рѣки Майны и Кандамы и на Красной рѣчкѣ и на Уренскихъ вершинахъ». Сверхъ того центральное правительство распорядилось людей, «которыхъ велѣно свести и поселить, которые на тѣхъ земляхъ на вершинахъ рѣкъ Майны, Кандамы и Красной рѣки и Уренскихъ вершинахъ живутъ, распросить: кто, откуда пришелъ и сколь давно и по какому великаго государя указу живутъ, и въ Казани и въ Сибирску великаго государя подати какія платили и кто что платитъ; и буде ясачное тягло и всякія великаго государя подати платятъ льготно, — велѣно на нихъ вновь накладывать, *смотря по семейству и по ихъ пожиткамъ и по угодыю*, и дать имъ въ томъ платежѣ льготъ для селитьбы и строенія — которые поселены будутъ на распаханныхъ земляхъ, тѣмъ на годъ, а на дикихъ земляхъ, тѣмъ года на два и на три. А буде кто учуетъ великому государю бить челомъ (на) тѣхъ отписныхъ вотчинъ деревни Утки, Зеленовка тожъ, да деревни Волосниковки крестьянъ, которые будутъ переведены, въ холопствѣ и во крестьянствѣ, — велѣно... вмѣсто тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, взять и отдать изъ иныхъ ихъ вотчинъ и помѣстій крестьянъ; а вышеупомянутымъ переведеннымъ людямъ

и крестьяномъ быть за великимъ государемъ въ тяглѣ; а буде и въ иныхъ селѣхъ и деревняхъ въ вышеписанныхъ урочищахъ явятся бѣглецы люди и крестьяне пришли послѣ переписныхъ книгъ 186 году (1678), и по челобитью въ роспросахъ отпираться не учнутъ, — велѣно объ отдачѣ помѣщикомъ и вотчинникомъ по крѣпостямъ великого государя указъ учинить. А которые прежніе жители въ тѣхъ урочищахъ иноземцы и Русскіе и ясачные крестьяне и Татары и Мордва и Чуваша, поселясь живутъ, а землями ободными (т. е. сосѣдними, въ близи лежащими) владѣютъ многое число, и тѣ земли и сѣнные покосы измѣрить, а измѣря дать имъ, иноземцамъ, по указнымъ статьямъ; а ясачнымъ людямъ вымѣрять на ясаки по шти чети, а лишнюю землю отдать переведенцамъ. Пришлыхъ служилыхъ татаръ, у которыхъ въ иныхъ уѣздахъ есть помѣстья, роспроса ихъ, велѣно отсылать въ тѣ прежнія помѣстья, гдѣ кто напередъ сего жилъ, а у которыхъ въ иныхъ уѣздахъ помѣстій нѣтъ, — и имъ велѣно на той землѣ жить до указу велик. государя также, буде прежде сего или нынѣ тѣ земли взяли которыхъ городовъ помѣщики и вотчинники или служилые мурзы и Татары или ясачные Русскіе люди и Татары и Мордва, *не осведомясь подлинно* и тѣхъ людей съ тѣхъ земель сослать и дачь за ними не быть, — а быть той землѣ за новопостроенными ясачными людьми. Далѣе говорится, что если у кого изъ вышеупомянутыхъ людей окажутся люди «въ работѣ», то ихъ тоже велѣно было «роспросить по вышеписанному и, роспроса, отдавать тѣмъ же людямъ съ роспискою» на случай, если съ людей, у которыхъ они жили, окажется нужнымъ взять за прожитое время пожилыя деньги по 20 рублей за годъ¹⁾.

Вслѣдствіе подобнаго распоряженія центральнаго правительства, въ 1698 году отправленъ былъ изъ Симбирска воевода Садовъ на рр. Майну и Утку, чтобы водворить на «отписныхъ» земляхъ «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, Переп. кн. 7, № 152. первые листы.

иныхъ низовыхъ городонъ иноземцевъ». Всѣ иноземцы, прибывшіе для полученія земель, раздѣлены были на отдѣльныя группы разной величины, соответственно, должно быть, количеству земли той или иной мѣстности, на которой предположено было селить иноземцевъ. Первая группа Казанскихъ иноземцевъ, состоявшая изъ одиннадцати рядовыхъ, водворена была на правой сторонѣ р. Майны, недалеко отъ устья рѣки: въ этихъ мѣстахъ каждому изъ поселенцевъ отмѣрено по 60 четвертей на пашню въ каждомъ полѣ и по 15 десятинъ сѣнокоса подлѣ Волги; усадебныя земли отведены были имъ «въ прежней селитбѣ въ селѣ Грязнухъ». Что касается лѣса, то по этому поводу относительно всѣхъ группъ встрѣчается одно и тоже распоряженіе, формулированное слѣдующимъ образомъ: «а лѣсъ имъ (иноземцамъ) хоронной и дровяной рубить въ Майнскомъ и Уткинскомъ лѣсу, опричь бортнаго дерева»¹⁾. Что же касается Грязнуховскихъ крестьянъ, то они были раздѣлены на двѣ части: большинство²⁾ переведено на р. Кандау, гдѣ они водворены были въ селѣ Кандау въ мѣстѣ съ тамошними крестьянами; пахатныя земли предоставлены были имъ тамъ изъ числа свободныхъ, приписанныхъ къ селу земель, при чемъ опредѣлялось имъ «пашню пахать и сѣнными покосы и всякими угодами владѣть съ ними (т. е. съ Кандалинскими крестьянами) вопче; а лѣсъ хоронной и дровяной рубить (имъ) въ Майнскомъ, въ Кандалинскомъ и въ Тинскомъ черныхъ и боровыхъ лѣсахъ, опричь бортнаго дерева». Меньшая же часть крестьянъ села Грязнухи³⁾ въ мѣстѣ съ поселенцами села Кременокъ, переведены были въ вершинѣ р. Майны, гдѣ имъ предоставлены были примѣренныя свободныя земли татарской деревни Баранъ; здѣсь они поселились

¹⁾ Среди Казанскихъ иноземцевъ первой группы упоминаются: Алексѣй Ивановъ сынъ Заблоцкій, Гаврило Ивановъ сынъ Иванисовъ, Петръ Матвѣевъ сынъ Козловскій, затѣмъ встрѣчаются такіе фамилии: Кобелевъ, Чернатцкій, Адамовъ и другіе.

²⁾ 47 дворовъ, въ которыхъ жило 82 челов. взросл. и 72 недорослей отъ 13 л. до 6 недѣль.

³⁾ 10 дворовъ, въ котор. жило 18 челов. взросл. и 8 челов. недорослей.

на правой сторонѣ рѣчки Хиѣлевки¹⁾ и образовали новое поселеніе Хиѣлевку²⁾. Вторая группа Казанскихъ иноземцевъ имѣла во главѣ поручика и состояла изъ 22 человекъ; поручику отиѣрено было 70 четвертей пашенной земли, оставшіе, рядовымъ, по 60 четвертей человекѣу въ каждомъ полѣ, съвертѣ земель предыдущей группы. Для покосовъ отведено было каждому члену группы по 15 десятинъ «подлѣ сѣнныхъ покосовъ Грязнуховскихъ помѣщиковъ»; усадебныя земли второй группѣ назначены были «въ прежнихъ селитѣбахъ въ деревнѣ Волосниковѣхъ»³⁾. Волосниковскіе же крестьяне переведены на вершину р. Кандалы, гдѣ имъ, вмѣстѣ съ крестьянами сосѣдней деревни Зеленовки, были предоставлены земли для пашни изъ приѣреннныхъ свободныхъ земель служилыхъ татаръ деревни Ертугановой; здѣсь крестьяне совмѣстно основали поселеніе, получившее названіе Малой Кандалы, въ отличіе отъ села Кандалы, которое стало именоваться Большою Кандалою⁴⁾. Третья группа Казанскихъ иноземцевъ, изъ 10 человекъ съ ротмистромъ во главѣ, водворена была усадьбами на лѣвой сторонѣ р. Утки, въ деревнѣ Уткѣ-Зеленовѣхъ, въ сосѣдствѣ съ предшествовавшей партіей поручика; пашенная земля ротмистру отведена была въ количествѣ 80, а рядовымъ по 60 четвертей въ каждомъ полѣ, съ сѣнокосомъ на Волгѣ соотвѣтственно пахотѣ⁵⁾. Крестьяне же деревни Зеленовки, какъ мы знаемъ, были переведены вмѣстѣ съ сосѣдними Волосниковскими крестьянами на р. Кандалу, гдѣ совмѣстно образовали крестьянскую общину въ поселеніи Малая

¹⁾ Рѣчка Хиѣлевка притокъ р. Майны въ верхнихъ ея частяхъ.

²⁾ Тамъ же лл. 76 и 133.

³⁾ Деревня Волосниковка лежитъ ближе къ р. Уткѣ и, какъ извѣстно, принадлежала стольнику Андрею Ѳедоровичу Нарышкину. Въ этой группѣ, кромѣ поручика Ивана Иванова Таладаева, встрѣчаются фамиліи: Высоцкій, Пальчевскій, Закревскій, Козловскій, Корѣвлинъ, Одинцовъ и др.

⁴⁾ Тамъ же лл. 139 и 219.

⁵⁾ Ротмистръ въ этой группѣ былъ Казиміръ Ивановъ сынъ Поговскій; среди рядовыхъ: Максимъ Казимировъ сынъ Поговскій, Туманевскій, Шестаковъ и др.

Капдала. Четвертая группа Казанских иноземцев также имѣла во главѣ ротмистра, сверхъ котораго въ ней находился хорунжій и 29 рядовыхъ; ротмистръ получилъ 80 четвертей пашенной земли, — остальные всѣ по 60 четв. въ каждомъ полѣ. Пахотная земля, отмѣренная для нихъ, лежала по обѣимъ сторонамъ средняго теченія р. Утки, — по главный центръ земель съ усадьбами назначенъ былъ имъ «въ прежней селитьбѣ въ деревнѣ Уткѣ—Кокрячъ, Аланъ тожъ»; пашни ихъ простирались главнымъ образомъ «отъ Кокря городища въ степь къ Безднѣ р., подлѣ чернаго лѣса, до острога» (Уткинскаго¹⁾); здѣсь же находилась и главная часть отмѣренныхъ имъ сѣнныхъ покосовъ (370 десятинъ), и лишь небольшая часть послѣднихъ (100 десят.) отведена была этой партіи «на Волгѣ, межъ Майнскаго и Уткинскаго устья»¹⁾. Населеніе деревни Кокрячъ, состоявшее изъ Мордвы, переведено на вершину р. Урени, гдѣ было водворено на примѣренной свободной землѣ Мордовской деревни Богдашкиной, нѣсколько выше ея²⁾. Пятая группа Казанскихъ иноземцевъ состояла изъ семнадцати рядовыхъ; имъ отведены были пашни съ сѣнокосами около предыдущей группы въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ; усадьбами же ихъ устроили «въ прежней селитьбѣ, гдѣ была деревня Матвѣевка»³⁾. Что касается инородческаго населенія послѣдней деревни, то одна часть, состоявшая изъ новокрещеновъ, водворена была вмѣстѣ съ русскими и новокрещенами деревни Помряскиной въ верхнихъ частяхъ Красной рѣчки, на свободной землѣ служилыхъ татаръ деревни Ураевы, гдѣ они совмѣстно образовали новую ясачную деревню—Помряскино; другая часть населенія — Мордва язычники, поселена была

¹⁾ Ротмистръ въ здѣшней группѣ былъ Семенъ Игнатьевъ сынъ Бухановскій, хорунжій—Михаилъ Тимоѣевъ сынъ Касовскій; между рядовыми попадаются фамиліи: Засѣцкій, Садовскій Янушевскій, Шестаковъ, Мортвцовъ и др.

²⁾ Тамъ же лл. 171 и 221.

³⁾ Фамилія рядовыхъ, встрѣчающихся въ этой группѣ, суть: Погоскій, Ериолинскій, Карась и нѣкот. друг.

виѣсть съ Мордвой деревни Утки-Кокрячь на вышеупомянутой примѣренной землѣ деревни Богдашкиной въ вершинахъ р. Уреня¹⁾. Шестая группа Казанскихъ иноземцевъ была также изъ рядовыхъ; они въ числѣ 21 чел. водворены были по сосѣдству съ предшествовавшею группою деревни Матѣевки, подлѣ которой они получили не только пахотныя земли и сѣнокосы въ указанномъ количествѣ, но также и усадьбы: членамъ этой группы назначено было жить «въ прежней селитьбѣ въ деревнѣ Шмелевкѣ», лежавшей на правой сторонѣ Исашъ болота, раздѣлявшаго обѣ поименованныя деревни²⁾. Наконецъ, седьмая, и послѣдняя, партія Казанскихъ иноземцевъ, состоявшая изъ 27 рядовыхъ, получила свои пахотныя земли и угодья въ томъ же количествѣ восточнѣе предыдущихъ: они заняли земли, которыя прежде принадлежали Яркульскимъ и Долгоозернымъ инородцамъ³⁾. Относительно усадебъ настоящей группы сказано: «а усадьбы имѣ... въ прежнихъ селитьбахъ въ деревнѣ Яркуль и въ дер Долгомъ Озерѣ». Населеніе же этихъ деревень раздѣлено было на двѣ части: одна⁴⁾ переведена была на отписную землю, оставшуюся свободною отъ Казанскихъ иноземцевъ въ здѣшнихъ же мѣстахъ; другая часть, вмѣсто Майнскихъ и Уренскихъ вершинъ, которыя были «отъ той ихъ селитьбы въ дальнихъ мѣстахъ» и жителямъ, по ихъ словамъ «дворовымъ строеніемъ и скотиною перевестись за скудостью и за дальнимъ разстояніемъ было не въ мочь», — вслѣдствіе этого, и согласно своему желанію и челобитью служилаго татарина Риски, владѣвшаго въ здѣшнихъ мѣстахъ землею, переведена была на рѣчку Шію; при чемъ опредѣлено, чтобы «имѣ деревни Яркуль и деревни Долгаго Озера татарамъ селиться въ одной селитьбѣ съ Рискою, въ деревнѣ Ри-

¹⁾ Тамъ же лл. 162, 221.

²⁾ Въ этой группѣ встречаются фамиліи: Стенновскій, Калининскій, Литвиновъ, Неклюдовъ и др.

³⁾ Въ послѣдней партіи попадаютъ фамиліи: Поплавскій, Бурдяевъ и нѣк. друг.

⁴⁾ Эта часть состояла изъ большинства Яркульскихъ Татаръ (23 двор.),

скинѣ»¹⁾). Сверхъ того, въ деревнѣ Матѣевкѣ исполнены были пахотой, угодьями и усадьбами, вмѣстѣ съ прежде поселенными, двое рядовыхъ Казанскихъ иноземцевъ, явившихся, быть можетъ, послѣ другихъ водворенныхъ²⁾). Такимъ образомъ, въ 1698 году въ здѣшнихъ мѣстахъ водворено было нѣсколько группъ Казанскихъ иноземцевъ изъ тѣхъ, «которые у приему земли явились». Всѣмъ имъ въ совокупности (141 челов.), по описи, «дано земли по указнымъ статьямъ 8510 четв.» въ каждомъ полѣ, при чемъ прибавлено, что не вся земля, предполагавшаяся къ раздачѣ, была роздана, — нерозданной осталось еще довольно много земли, «потому къ приему тѣхъ земель явились не всѣ Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и иныхъ низовыхъ городовъ иноземцы».

Кромѣ Казанскихъ иноземцевъ, въ томъ же году исполнены были на р. Уренѣ «Уржумскіе иноземцы полковой службѣ», отдѣльною партіею, состоявшею изъ 82 рядовыхъ. Пахотная земля съ угодьями отведены были имъ, въ извѣстномъ намъ количествѣ³⁾), на огромномъ пространствѣ по правой сторонѣ р.

¹⁾ На рѣчку Шію переведенъ былъ 21 дворъ. По поводу водворенія этихъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ произошелъ споръ между нѣсколькими деревнями на рѣкѣ Шіѣ, изъ которыхъ каждая просила правительство поселить переселенцевъ у нихъ, указывая на излишекъ у себя земель и угодій. Такъ служилый татаринъ Риска Клекъевъ въ своей челобитной правительству писалъ: «дано ему Риске по его челобитію изъ Казани земли по обѣ стороны р. Шіи и въ иныхъ урочищахъ, а велѣно ему съ той земли платить по ясаку на годъ; и на той землѣ, поселясь, живетъ онъ одинъ, и никто съ нимъ въ ясаку не селится; и той же земли и сѣнныхъ покосовъ и угодій будетъ на 20 дворовъ; и чтобъ тѣхъ Яркульскихъ татаръ 20 дворовъ свести и поселить съ старыми ихъ ясаки и что вновь прибавлено будетъ, — и владѣть тою землею вопче». Правительство рѣшило поселить переселенцевъ съ Рискою, «потому что его Рискино челобитіе прежде ихъ (другихъ 2-хъ деревень здѣшнихъ: деревни Качаевы Чувашей и деревни Ахметевы татаръ, просившихъ правительство о томъ же) челобитія». Тамъ же л. 205.

²⁾ Иноземцы водворенные здѣсь были Яковъ Набоковъ и Андрей Глазовскій.

³⁾ Т. е., по 60 четвертей земли, — всего 4920 четвертей въ каждомъ полѣ.

Уреня. Центральными мѣстами для водворенныхъ были, повидному, здѣсь два пункта: рѣчка Кременка, съ бывшими усадьбами села Кременокъ и землями по обѣимъ сторонамъ этой рѣчки, была однимъ центромъ, а другой находился по сосѣдству съ нимъ, въ бывшей деревнѣ Войкиной. Сѣнные покосы, предоставленные имъ¹⁾, съ одной стороны примыкали къ Волгѣ, а съ другой тянулись «отъ устья Кременкова по рѣкѣ Уреню вверхъ вѣдучи и по рѣкѣ Кременкѣ по обѣ стороны и по конецъ поля по дубовамъ и по вражкамъ». Относительно усадебныхъ земель и лѣса для Уржумскихъ иноземцевъ говорится: «а усадьбы имъ въ прежней селитьбѣ въ селѣ Кременкахъ и въ деревнѣ Войкиной, а лѣсъ хѣромной и дровами рубить имъ въ Уренскомъ и Майнскомъ и въ Капдалинскомъ лѣсахъ, опричь бортнаго дерева»²⁾. Что касается жителей села Кременокъ и деревень, земли которыхъ отведены были Уржумскимъ иноземцамъ, то населеніе Кременокъ выселено было, какъ мы знаемъ, на вершину р. Майны, гдѣ они съ большинствомъ крестьянъ села Грязнухи образовали поселеніе Хмѣлевку; инородцы же деревень Войкиной и Помряскиной поселены были отчасти на Красной рѣкѣ, отчасти въ верхней части р. Уреня—«въ старомъ селищѣ, гдѣ была татарская деревня Тюгѣва»³⁾. И на р. Уренѣ, какъ на прежнихъ рѣкахъ, изъ отписныхъ земель, измѣренныхъ и предназначенныхъ въ 1668 году для иноземцевъ, оказалось довольно большое количество «отписной земли въ остаткѣ въ разныхъ мѣстахъ», которая на этотъ разъ впрокъ скоро занята была иноземцами, видимо спѣшившими занимать земли, остававшіяся здѣсь еще свободными.

Такимъ образомъ, довольно значительное число людей, прожившихъ болѣе или менѣе времени на рр. Утѣѣ, Майнѣ и Уренѣ и успѣвшихъ уже сдѣлаться домовитыми, переведены были,

¹⁾ Каждому человѣку отмѣрено было по 15 десятинъ,—всего же на 1230 десятинъ.

²⁾ Между фамиліями Уржумскихъ иноземцевъ встрѣчаются: Выходцевъ (8 разъ), Васильковский, Полоцкий, Пивоваровъ, Дедюлинъ и друг.

³⁾ Тамъ же лл. 191—192, 220, 222.

послѣ ихъ опроса, на новыя мѣста; при чемъ тягости, лежавшія на нихъ на старыхъ мѣстахъ въ соединеніи съ вновь прибавленными, могутъ отчасти свидѣтельствовать о нѣкоторой зажиточности, которой они успѣли достигнуть въ здѣшней сторонѣ¹⁾). Но не смотря на выселеніе русскихъ крестьянъ и инородцевъ съ отписныхъ земель и на водвореніе иноземцевъ на ихъ земляхъ, почти всѣ поселки удерживаютъ свои старія названія, съ которыми и доходятъ до нашего времени²⁾).

Въ октябрѣ слѣдующаго года (1699) двѣ партіи Симбирскихъ иноземцевъ³⁾ обратились чрезъ представителей своихъ въ Москву и въ Симбирскъ съ челобитными, въ которыхъ писали: «служать де они по Симбирску..... всякіе великаго государя городовые и уѣздные службы; а по указу великаго государя и по грамотѣ велѣно устроить ихъ земляни, и за одинъ годъ велѣно выдать имъ вел. государя жалованье по окладамъ ихъ»; далѣе, они извѣщаютъ, что есть свободныя земли по обѣимъ сторонамъ р. Урени въ Казанскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ, на которыхъ поселилось нѣсколько инородческихъ деревень (называемыхъ ими) прибавляя, что «въ тѣ деревни, собрався разныхъ городовъ Татара и Чюваша, покиня свои жеребья и ясаки, поселясь живутъ въ тѣхъ деревняхъ, а великаго государя службъ не служатъ и ясаковъ не платятъ»⁴⁾). Вслѣдствіе этого изъ Симбирска посланъ былъ подъячій на

¹⁾ «Да переведенцевъ ясачныхъ крестьянъ русскихъ и татаръ и мордвы 357 двор., людей въ нихъ 701 челов.; недорослей (т. е. людей отъ 14 л. до 2 недѣль) 548 челов. (всего больше 10 лѣтъ.); тягло имъ платить въ указные годы (т. е. по истеченіи льготныхъ лѣтъ): *прежняго* — 108 *асаковъ*, *новаго* — 120 *асаковъ*, *прежняго* и *новаго* 228 *асаковъ*». Тамъ же лл. 225—226.

²⁾ Только жители села Кандамы (впослѣдствіи «Большой Кандамы») оставлены были на своемъ мѣстѣ, остальные переведены были на новыя мѣста. По поводу названій см. подробныя карты Россіи 1801 г. и 1870 г.

³⁾ Одна партія иноземцевъ состояла изъ 64 челов., «служащихъ по *разбору* по Симбирску»,—другая состояла изъ 50 челов., «служащихъ *сверст разбору*»; представителей 10-й партіи былъ Михайла Елецъ, а 2-ой Данила Абрамовъ и Степанъ Коробецъ,

⁴⁾ Деревни, именуемыя ими при этомъ, находились всѣ на лѣвой сторонѣ р. Урени, Ар. М. Юст. Казань. Пер. кн. 7, № 152 л. 227.

р. Урень¹⁾), которому «велѣно тѣ земли досмотрити и описать имянно и роспросить: какіе они (тамошніе жители) люди и сколько ихъ поселилось, и не въ отписныхъ-ли земляхъ Михаила Баракова (1668 г.) или сверхъ той отписной земли; и есть ли у нихъ на тѣхъ земляхъ крѣпости, и откуда они въ тѣ деревни пришли», — все это велѣно описать вмѣстѣ съ урочищами, рѣками, рѣчками и озерами, «учиня всему книги и чертежъ учинить» и подать «тотъ досмотръ и опись и книги и чертежъ и роспросные ихъ (жителей) рѣчи» воеводѣ Салову на съѣзжемъ дворѣ въ Кременкахъ. Въ результатѣ жители почти всѣхъ деревень, находившихся по лѣвой сторонѣ Урени²⁾, переселены были восточнѣе, на вершины рѣки, а земли ихъ отданы иноземцамъ, которые водворены были здѣсь въ разныхъ мѣстахъ отдѣльными группами.

И вотъ въ томъ же году (1699), по наказу Симбирскаго воеводы поручено было Салову остальныхъ, не водворенныхъ еще «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ» поселить въ Казанскомъ уѣздѣ на отписныхъ земляхъ, «что осталось за роздачею Полоцкой шляхты 1668 года по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ»; послѣ того говорится: «а Симбирскихъ иноземцевъ полковой службы (устроить) на порожнихъ земляхъ изъ дикихъ полъ, въ которыхъ мѣстехъ пристойно»; при этомъ повторяется, чтобъ «для той новой селитьбы на строеніе выдать всѣмъ иноземцамъ великаго государя денежное и хлѣбное жалованье на одинъ годъ, — а впредь всѣмъ имъ вел. госуд. денежнаго и хлѣбнаго жалованья давать не велѣно». Въ частности о Симбирскихъ иноземцахъ-челобитчи-

¹⁾ Подъячій, отправленный въ Казанскій и Симбирскій уѣзды былъ «Симбирскіе приказные изъбы подъячій Василій Астраханцевъ»; правая сторона р. Урени вмѣстѣ съ землями, простиравшимися на сѣверъ, повидимому тянула къ Казани, а земля, по лѣвой сторонѣ р. Урени и лежащая на югъ отъ него, принадлежала къ Симбирскому уѣзду.

²⁾ Только деревня служилого Татарина Янганаева Ялтудина и деревня Уренбашъ (находившаяся на притоцѣ р. Урени, рѣчкѣ Уренбашѣ) оставлены были на своихъ мѣстахъ; остальными же, не исключая деревни служилыхъ Симбирскихъ иноземцевъ Новокульскихъ, переведены были въ другія мѣста.

кахъ постановлено было, чтобъ имъ «116 человекѣмъ (?) землю роздать въ урочищахъ по р. Уреню противъ ихъ челобиты по указнымъ статьямъ». Когда же для водворенія Симбирскихъ иноземцевъ изъ Симбирска потребованъ былъ списокъ имъ, то въ списокъ «по справкамъ съ Симбирскимъ приказомъ и по сказкамъ иноземцевъ *вмѣсто умершихъ и отставныхъ иноземскихъ дѣтей Симбирскихъ* явилось 147 человекъ»¹⁾. Вслѣдствіе водворенія съ разу значительнаго количества людей въ разныхъ мѣстахъ по рр. Утѣ, Майнѣ и Уреню, между ними появилась, кажется, нѣкоторая спекуляція отведенными имъ землями, выражавшаяся въ мѣнѣ и въ уступкахъ другъ другу своихъ участковъ; по крайней мѣрѣ, это можно вывести изъ заключительныхъ словъ указа 1699 года, который говоритъ слѣдующее: «и съ сего великаго государя указу *мѣновыя помѣстїи межа ими (иноземцами) росписывать и по ихъ поступкамъ справливать ни закъмъ не указано; и вѣлно имъ иноземцамъ жить смирно и селиться, идѣ кому усадьбы и пашня отведена, и бѣглыхъ людей и крестьянъ отнюдь бы не принимать; а кому куды доведется отѣхать, спрашивались бы они иноземцы съ начальными людьми, а буде кто поѣдетъ въ иной городъ для какихъ своихъ нуждъ, — являлись бы въ Майнскомъ городѣ, въ приказной избѣ*»²⁾.

На этотъ разъ сперва водворены были двѣ группы иноземцевъ на правой сторонѣ р. Уреня, на земляхъ, которая, какъ намъ извѣстно, остались отъ испомѣщенія здѣсь Уржумскихъ иноземцевъ. Первая группа состояла изъ одиннадцати рядовыхъ Царевосапчурцевъ, въ средѣ которыхъ двое были «по разбору за старостью отъ службы великаго государя отставлены», и вмѣсто нихъ земли отведены были дѣтямъ ихъ, изъ коихъ наслѣдникъ одного отиѣченъ «въ малыхъ лѣтахъ». Другая группа была изъ рядовыхъ Симбирскихъ иноземцевъ такого же числа, и земли съ угодьями они получили

¹⁾ Присланные въ 1699 году списокъ и справка были «за приписью дѣла Михаила Шапкина по разбору 185 году (1677)». Тамъ же лл. 264—265.

²⁾ Тамъ же л. 265.

рядомъ съ своими предшественниками¹⁾; здѣсь же оставлена была пахота съ угодьями для третьей группы, состоявшей изъ одиннадцати рядовыхъ иноземцевъ города Еранска²⁾, которыхъ во время отвода не было еще на мѣстѣ, но скорого ихъ прибытія, вѣроятно, ожидали. Въ частности мѣста пашень послѣднихъ трехъ группъ отиѣчены такъ: «гдѣ владѣли деревни Помраскины русскіе и новокрещены въ одной округѣ съ ясачными крестьяны села Кременокъ да деревни Войкиной съ Татары»; сѣнные покосы отведены были имъ «въ томъ же ободу, межъ полъ, по вражкамъ и дубровамъ»,—а о лѣсѣ повторено дословно распоряженіе, приведенное нами раньше. Что же касается усадебной осѣдлости упомянутыхъ группъ, то имъ всѣмъ велѣно «селиться въ прежней усадьбѣ въ деревнѣ Помраскиныхъ»³⁾.

Симбирскіе иноземцы, явившіеся за полученіемъ земель на лѣвой сторонѣ у. Уреня, раздѣлены были на двѣ партіи: въ одной находилось девяносто семь рядовыхъ иноземцевъ, а въ другой 33 человѣка; къ нимъ примыкала маленькая группа изъ четырехъ человѣкъ недорослей, которые «по справкѣ съ Симбирскими списками и по сказкамъ Симбирскихъ иноземцевъ» оказались родственниками умершихъ Симбирскихъ иноземцевъ, вслѣдствіе чего имъ, по ихъ челобитью, отведены были земли также въ здѣшнихъ мѣстахъ. Земли для поселенія первой партіи, заключавшей въ себѣ такое значительное количество Симбирянъ, назначены были въ мѣстахъ «прежней селитьбы, въ деревнѣ Чердакли»,—а подлѣ, охватывая большое пространство, простирались пашенныя земли «съ сѣнными покосы и со всѣми угодья, гдѣ владѣли Симбирскаго уѣзду деревни Чердакли Татары»; относительно же лѣсныхъ угодій по прежнему говорится, что «лѣсъ имъ хорошей и дровами рубить въ Уренскомъ и въ Чиглинскомъ лѣсу, и въ дубровахъ и въ

¹⁾ Между иноземцами первой и второй группы попадаются: Островскіе, Чернасовъ, Дубровскіе, Малаховскій, Миняевъ и друг.

²⁾ Казанскій пригородъ.

³⁾ Тамъ же лл. 266—267.

колкахъ опречь бортнаго деревья»¹⁾. Что касается служилыхъ Татаръ деревни Чердакли, то, по ихъ желанію, они были переведены въ сосѣднюю деревню Уренбашъ, населенную также служилыми Татарами²⁾. Вторая партія, въ которую входило и нѣсколько новокрещенъ, водворена была «межъ вершинъ рѣки Урени да Уренбаша, гдѣ по дачамъ владѣли Сибирскіе иноземцы» — Новокульскіе³⁾. Въ здѣшнихъ мѣстахъ, т. е., съ лѣвой стороны р. Урени, только «ниже деревни Новокульской, поселены были и Сибирскіе иноземцы изъ недорослей», которымъ также отведено было каждому по 60 четвертей пашенной земли съ сѣнокосами и угодьями подлѣ⁴⁾. Въ это же время, на лѣвой сторонѣ Урени, отмѣрены были земли отсутствовавшей группѣ Сызранскихъ иноземцевъ, которая состояла изъ девяти человекъ, просившихъ объ отводѣ имъ въ счетъ службъ земель, найденныхъ ими подлѣ Сибирскихъ иноземцевъ⁵⁾.

Не успѣвъ еще Саловъ помѣстить всѣхъ иноземцевъ, которыхъ ему поручили водворить на р. Уренѣ, какъ отъ Сибирскаго воеводы (въ 1700 г.) на Майну пришелъ новый указъ «о поселеніи Свіязскихъ, Цивильскихъ, Чебоксарскихъ, Бузь-

¹⁾ Тамъ же лл. 268—270. Между прочими въ этой партіи встрѣчаются такіе фамиліи: Петрашевскій, Максимовскій, Журовскій, Грохольскій, Романовскій, Брюковскій, Обрамовскій, Пугачевскій, Рожебранцъ, Богдановъ, Елецъ, Журавлевъ, и друг.

²⁾ Поступлено было съ ними такъ, «потому что те Чердаклинскіе Татары поселились на той землѣ по Сибирской дачѣ (?) и потому.... были челомъ вел. госуд. деревни Уренбашъ Татары, Янтурдинъ (дерев.) Татары жъ и подали челобитные: (чтобъ) вышеписанной деревни Чердакли Татаръ свести къ нимъ на ихъ прилѣжные земли, потому селитьбы у нихъ въ деревняхъ за малолѣдствомъ ихъ мало; и дер. Чердакли Татары вел. госуд. были челомъ, чтобъ ихъ въ тѣ деревни свести». Быть можетъ, земля Чердаклинскихъ Татаръ, хотя и лежавшая въ Сибирскомъ уѣздѣ, но, какъ описанная по приказу изъ Казани и Казанскимъ дворничинномъ, почиталась въ зависимости отъ Казани, а не отъ Сибирска.

³⁾ Въ этой партіи попадаютъ: Дерюжинскій, Скугоровскій, Яновскій, Вертюпинскій, Костюковъ, Литвиновъ и др.; у новокрещенъ: князь Идербескій, Поповъ и друг.

⁴⁾ Тамъ же лл. 272—277.

⁵⁾ Изъ девяти Сызранскихъ иноземцевъ 6 отмѣнены «первой стать», 3 «второй стать»; каждому отмѣрено по 60 четв. пахот. зем. съ угодьями.

модемянскихъ, Курмышскихъ и Ядринскихъ иноземцевъ»; всѣхъ ихъ велѣно было «устроить землями по указнымъ статьямъ, и поселить въ Казанскомъ уѣздѣ на отписной землѣ по Безднѣ, Уткѣ и по Майнѣ». Но такъ какъ большая часть земель по Уткѣ и Майнѣ отошли уже подъ поселенія Казанскихъ иноземцевъ, то вновь прибывшихъ пришлось по необходимости водворить на рѣкѣ Безднѣ. Иноземцы-претенденты, присланные для испомѣщенія на рѣкѣ Безднѣ, составляли партію изъ 136 человекъ. Вслѣдствіе новаго распоряженія, Майнскій воевода Саловъ отправился въ январѣ мѣсяцѣ на р. Бездну, «описалъ и измѣрялъ земли въ десятины и положилъ въ чети, и изъ той земли по урочищамъ, учиня грани и всякіе признаки, отиѣрялъ на всякаго человѣка по указнымъ статьямъ, по 60 четвертей въ каждомъ полѣ, — сѣнныхъ покосовъ по 15 десятинъ на человѣка». Въ частности о мѣстѣ поселенія иноземцевъ сказано, что имъ отведены «усадебныя земли на р. Безднѣ, по обѣ стороны, около стараго городища, что надъ рѣкою Бездною, на низѣ, по правой сторонѣ, ниже деревни Ижборискиной, по 3 десятины на человѣка»; угодья — сѣнные покосы — отведены были имъ здѣсь же «по р. Безднѣ и по рѣчкѣ Енасарѣ и около озеръ, по вражкамъ и по дубровамъ». Но если южнѣе мы встрѣчались въ здѣшнихъ мѣстахъ съ поселками, то тѣмъ естественнѣе имъ было находиться въ описываемое время по р. Безднѣ. И дѣйствительно, кромѣ деревни Ижборискиной здѣсь упоминаются еще и другія деревни¹⁾, большей частью, повидимому, населенныя инородцами; нѣкоторые служилые инородцы въ здѣшнихъ мѣстахъ поселились даже съ разрѣшенія правительства, отъ котораго даны были имъ крѣпости и вводныя грамоты²⁾. О мѣстныхъ же поселенцахъ правительство сдѣлало такое распоряженіе: «которые люди

¹⁾ Упоминаются, напримѣръ, деревни: Кошкина и Тахтамы.

²⁾ Такъ, наприм., говорится, что крѣпостью и вводной грамотой на землю отъ 1691 г. владѣлъ здѣсь служилый Татаринъ Тюргейбена Кельмаметевъ съ товарищи — четыре человека, за которыми числилось 200 четвертей земли въ каждомъ полѣ и 4000 сѣнныхъ копенъ.

живутъ на тѣхъ отписныхъ земляхъ—иноземцы и русскіе ясачные крестьяне и Татары и Мордва и Чюваши, а землями ободными владѣють многое число, и тѣ земли и сѣнные покосы измѣрить, и измѣря дать имъ иноземцамъ по указнымъ статьямъ; а ясачнымъ людямъ вымѣрять на ясаки по 6 десятинъ на ясакъ, да сѣнныхъ покосовъ по 3 десятины на ясакъ». Вслѣдствіе подобнаго распоряженія воевода Саловъ служилымъ инородцамъ «отмѣрилъ (земли) въ вершинѣ р. Бездны, по обѣ стороны, и велѣлъ имъ жить на той землѣ до указа велик. государя»; точно также, повидимому, поступлено было съ ясачными людьми — Чювашиами, которые жили въ здѣшнихъ деревняхъ¹⁾.

Зимой 1700 года поселены были иноземцы вышеупомянутыхъ городовъ на р. Безднѣ, а осенью того же года²⁾ нужно было водворять иноземцевъ Казанскихъ и другихъ городовъ, которые почему либо не явились во время за полученіемъ слѣдующихъ имъ земель на рр. Утѣѣ и Уренѣ. На этотъ разъ всѣ являвшіеся иноземцы, кромѣ Еранскихъ и Сызранскихъ, были не велики числомъ: одинъ, два, наиболѣе пять человекъ; нѣкоторые изъ нихъ объясняли правительству позднее свое появленіе для полученія земель, указывая при этомъ на службѣ въ Казани и на Камышенкѣ, на задержавшія ихъ нужды или на болѣзнь. Вновь прибывшимъ отводилось обыкновенно каждому по 60 четвертей пахотной земли съ сѣнными покосами и угодьями соотвѣтственно пашнѣ; усадебныя земли назначались имъ всегда въ мѣстахъ, гдѣ жили иноземцы, такъ что запоздавшіе примыкали къ прежнимъ, иногда своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ, осенью и зимою 1700 года водворены были на отмѣренныхъ уже земляхъ на р. Уренѣ 11 рядовыхъ

¹⁾ Тамъ же лл. 303—304.

²⁾ Испомѣщеніе на этотъ разъ началось въ октябрѣ 1700 года. Въ декабрѣ 1699 года, по распоряженію Петра Великаго, лѣтосчисленіе приказано вести не отъ сотворенія міра, какъ прежде, а отъ Рождества Христова; противъ того новый годъ должны были считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января. Истор. Рос. С. Соловьева, т. XIV. 293 с.

иноземцевъ Еранскихъ и девять Сызранскихъ; между послѣдними упоминаются нѣсколько новокрещенъ. Сверхъ того, изъ свободныхъ земель вновь отведены были земли по лѣвой сторонѣ р. Урени и по рѣчкѣ Уренбашу: подполковнику, четверть рядовымъ Симбирскимъ иноземцамъ и рядовому Сызранскому иноземцу¹⁾. Въ томъ же году поселены были на р. Уткѣ небольшими группами запоздавшіе Казанскіе иноземцы: семеро присоединены были къ иноземцамъ деревни Яркуль-Долгое Озеро, и имъ здѣсь же отиѣрены были изъ «остаточной земли» пашни и угодья. Кромѣ нихъ, пятеро испомѣщены были въ иноземческой деревнѣ Шмелевкѣ, а четверо водворены въ деревнѣ Матвѣевкѣ²⁾.

Вѣроятно, молва о плодородіи здѣшнихъ земель и о богатствѣ угодій въ описываемое время распространилась быстро по всей Руси, потому что въ началѣ XVIII столѣтія (1701 г., февраль) изъ приказа Казанскаго дворца прислана была грамота на Майну къ воеводѣ Салову съ повелѣніемъ отвести земли здѣсь двумъ служилымъ иноземцамъ, которыхъ «отецъ и родственники служили по Кіеву», сами же они просили государя о назначеніи имъ земель съ Симбирскими иноземцами, соглашаясь служить по Симбирску. Вслѣдствіе этого распоряженія, Кіевскимъ иноземцамъ отведена была пашенная земля «съ сѣнными покосы и со всѣми угодья.... въ однихъ межахъ и урочищахъ съ Симбирскими иноземцы и съ подполковникомъ», вмѣстѣ съ которыми приказано было имъ се-

¹⁾ Подполковнику Прокофью Алексѣеву сыну Опреву отиѣрено было 100 четвертей пашенной земли въ каждомъ полѣ; «а селиться ему... подлѣ р. Урени внизъ по лѣвой ст. ниже деревни Новокульской», гдѣ поселена была партія изъ 33 челоѡ. Симбирскихъ иноземцевъ. Относительно угодій сказано: «сѣнные покосы ему по вражкамъ и по дубровамъ, а лѣсъ хоромной и дровиной въ Уренскомъ и т. д. Здѣсь же испомѣщены были пашнею, угодьями и усадьбами Симбиряне и Сызранецъ. Среди фамилій Симбирскихъ иноземцевъ встрѣчаются: (двое) Шапчинскіе (иноземцы съ такими фамиліями встрѣчаются среди Полоцкой шляхты водворенной въ 1668 г.); между Еранскими: Богдановскій, Зубрицкій, Чернашенинъ и друг. Тамъ же лл. 277—282, 297.

²⁾ Между иноземцами водворенными въ Шмелевкѣ значатся два «Тетюшенна» по фамиліи «Бизилевы». Тамъ же лл. 295—298.

лится «подлѣ р. Урени внизъ по лѣвой сторонѣ»¹⁾. Одновременно съ Кіевскими иноземцами (нѣсколько мѣсяцевъ поздне) водворяемы были на Утѣ вновь появившіеся Казанскіе иноземцы, которые испомѣщались въ теченіи цѣлаго года на свободныхъ отписныхъ земляхъ пашнею и угодыми, тѣнувшими къ деревнямъ — Шмелевѣ, Матвѣевѣ и Яркуль-Долгое Озеро, гдѣ новопрібывшіе и селились усадьбами вмѣстѣ съ раньше водворенными здѣсь Казанскими иноземцами²⁾.

Если къ концу XVII столѣтія замѣтно усиливается приливъ новыхъ сходцовъ въ Закамскія страны, защищенныя Примайнскими острожками и укрѣпленіями Закамской черты, чтобъ пользоваться здѣшними выгодами, то слѣдуетъ ожидать, что мѣстные жители, съ самаго начала водворенные здѣсь русскимъ правительствомъ, не останутся съ своей стороны спокойными зрителями мѣстныхъ богатствъ, находившихся по соудству съ ними; событія, происходившія въ послѣдней четверти XVII вѣка, наглядно показываютъ стремленіе ихъ относиться дѣятельно къ природнымъ богатствамъ второй своей родины. Такъ, Ерыклинскіе солдаты, именовавшіеся прежде казакими и стрѣльцами, будучи переведены изъ Прикамскаго села Чалны и водворенные въ Ерыклинскомъ острогѣ «для обережи отъ татарскаго и Балмыцкаго приходу», получили слѣдующія имъ земли и угоды сперва «съ одну русскую сторону валу», т. е., въ верхней части, защищенной укрѣпленіями Закамской черты; но уже въ восьмидесятихъ годахъ они обращаются къ

¹⁾ Кіевскіе иноземцы, бывшіе государю челомъ въ Москвѣ и испомѣщенные здѣсь землями въ количествѣ 60 четв. паш. въ каждомъ полѣ, были братья Якимъ и Григорій Жилевскіе. Тамъ же л. 283.

²⁾ Такъ, въ севр. поселенъ былъ въ деревнѣ Яркуль Каз. иноз. Петръ Борисовъ; въ апр. водворенъ былъ тамъ же Андрей Петровскій; въ апрѣлѣ же, только въ дер. Матвѣевѣ, помѣщенъ былъ Каз. иноз. Иванъ Горшевскій; въ май водворенъ, по его желанію, въ дер. Шмелевѣ Каз. иноз. Федоръ Корелинъ; въ декаб. поселены 6 въ той же дер. трое Казан. иноз. (Глискій, Алексновскій и Неклюдовъ); всѣмъ отводилось по 60 четв. паш. земли въ каж. полѣ «съ сѣнными покосы и совсѣми угоды въ однихъ искахъ и урочищахъ, гдѣ даны земли Казанскими же иноземцамъ». Тамъ же лл. 298—301.

иѣстному правительству съ челобитьемъ, по которому въ 1686 году отведены были «иѣзъ сѣянныя покосы на другой сторонѣ валу по обѣ стороны рѣчки Черемшану, по урочищамъ»¹⁾. Въ восьмидесятыхъ годахъ Ерыклинцы соблазнились богатствомъ сѣянныхъ покосовъ за р. Черемшаномъ и пользуются ими съ соизволенія правительства, а въ девяностыхъ годахъ (1692 г.) партія служилыхъ татаръ получаетъ отъ правительства за небольшой оброкъ пахотныя земли съ угодьями «на Ногайской сторонѣ, а рѣки Черемшана на другой сторонѣ», и основываетъ недалеко отъ Черемшана двѣ деревни: Лебяжье Озеро и Быкову Поляну²⁾. Три года спустя группа солдатъ выборнаго полка получаетъ, въ счетъ службы, пахотныя земли за укрѣпленной чертой, «на устьѣ рѣчки Сосновки», гдѣ въ свою очередь основали поселеніе³⁾. Но не только служилые люди проявляются энергіей къ концу столѣтія и пріобрѣтаютъ земли, лежавшія за укрѣпленіями Закамской черты, — частные люди, отличавшіеся смѣлостью и предприимчивостью, также стремятся пріобрѣтать здѣсь выгодныя для себя земли; но эти земли не всегда являются теперь свободными, вслѣдствіе чего приходится пріобрѣтати ихъ уже со вторыхъ рукъ, отъ первоначальныхъ обитателей, у которыхъ они находились во владѣніи. Такъ, напримѣръ, на рѣчкѣ Сосновкѣ, подлѣ мѣста, гдѣ находились сечерныя надолбы, полоса земли была удобна для устройства мельницы и другихъ хозяйственныхъ сооруженій; между тѣмъ участкомъ этимъ владѣли Ерыклинскіе солдаты. Это не остановило однако Симбирянина Злобина: онъ уговорилъ Ерыклинскихъ служилыхъ людей уступить въ 1699 году нужную ему полосу земли, пріобрѣтши которую, онъ поспѣ-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Мем. кн. за № 159, лл. 221—225.

²⁾ Партія служилыхъ татаръ состояла изъ 22 человекъ, — всякому изъ нихъ отведено было по 40 четвер. земли пахотной въ каждомъ полѣ, которую они владѣли «изъ оброку по 10 алт. на годъ съ человека». Тамъ же л. 222.

³⁾ Рѣчка Сосновка, притокъ В. Черемшана, течетъ параллельно Ерыклѣ. Группа состояла изъ 11 человекъ; всякому солдату отпущено было по 20 чет. паш. земли въ каждомъ полѣ. Тамъ же.

шилъ отмежевать¹⁾). Намъ извѣстно обиліе въ здѣшнихъ мѣстахъ нетронутого пахотою чернозема; извѣстно и богатство дѣятельныхъ лѣсовъ съ текущими по нимъ ручьями и рѣками, несущими массу влаги и увеличивающими благодатность почвы; намъ извѣстно также, что мѣстные жители находили для себя выгоднымъ сбывать свой хлѣбъ даже въ Нижнемъ Новгородѣ; при подобныхъ условіяхъ мы не найдемъ страннымъ намѣреніе предприимчиваго человѣка построить на рѣкѣ Сосновкѣ кромѣ мельницы еще винокуренный заводъ, который, при быстро возрастающемъ населеніи въ здѣшней мѣстности, могъ сулить ему въ будущемъ хорошіе барыши. Какъ результатъ всего этого въ началѣ XVIII вѣка (1710 г.) мы застаемъ на р. Сосновкѣ, въ томъ мѣстѣ, «гдѣ бывали семерные надолбы», кромѣ мельницы, винокуренные заводы, принадлежавшіе купцу «гостинныя сотни» Осипу Твердышеву, смѣнившего собой Симбирянина, первоначальнаго покупателя²⁾). Само правительство въ началѣ XVIII столѣтія обращаетъ свое вниманіе на здѣшнія земли, сильно привлекавшія новыхъ поселенцевъ, и изъ заселенія ихъ старается извлечь для себя пользу. Въ 1704 году, по просьбѣ Ерыклинскихъ солдатъ, обезпеченныхъ, вѣроятно, усиливающимся наплывомъ новыхъ насельниковъ по сосѣдству съ ними, присланъ былъ служилый человѣкъ на Закамскую черту для формальнаго отвода слѣдующихъ имъ земель и угодій. Послѣ измѣренія свободныхъ земель въ здѣшнихъ мѣстахъ и предоставленія слѣдующей части Ерыклинцамъ, оказалось, что «въ округѣ города Ерыклинска..... во владѣніе Ерыклинскихъ солдатъ были многіе уличныя земли сверхъ ихъ дачъ», которыми правительство и рѣшилось воспользоваться теперь въ своихъ интересахъ. Правительству хорошо было извѣстно, что въ то время «въ Казанскихъ пригородахъ, въ волостяхъ, за помѣщики и за вотчинники жили» многіе люди, «которые бѣ-

¹⁾ 650 десятинъ земли и 175 десятинъ сѣнокоса въ 1699 году приобрѣлъ здѣсь Симбирянинъ Иванъ Злобинъ «по поступке Ерыклинскихъ солдатъ». Тамъ же л. 223.

²⁾ Тамъ же л. 221.

жали (сюда) изъ верховыхъ городовъ»; поэтому оно распоря-
дилось, чтобъ на свободной землѣ, оставшейся отъ надѣла
Ершелинскихъ солдатъ и отписанной на государя, «селить
ясашные села», принимая въ нихъ вышеупомянутыхъ бѣгле-
цовъ. Результатомъ этого дозволенія, было то, что въ те-
ченіи пяти лѣтъ переселенцы заселили свободныя земли не
только по правой сторонѣ большаго Черемшана, но перешли и на
лѣвую сторону, образовавъ цѣлую дворцовую волость—Черем-
шанскую, въ которую входили: два села и деревня на правой
сторонѣ, и два селенія по лѣвой сторонѣ рѣки, въ недалекомъ
разстояніи отъ нея¹⁾. Судя потому, что эти поселенія состояли
главнымъ образомъ изъ селъ и образовывали въ 1710 году
уже волость, слѣдуетъ предполагать въ нихъ довольно значи-
тельную людность.

Въ то время какъ на луговой сторонѣ Волги земледѣль-
ческое населеніе, защищаемое укрѣпленіями Закамской черты,
заселенной служилыми военными людьми, въ началѣ XVIII сто-
лѣтія едва переваливало за Большой Черемшанъ, въ нагорной
сторонѣ, защищенной отъ нападеній Калмыковъ и Башкир-
цевъ шириною и глубиною Волжскихъ водъ, земледѣльческія
поселенія появляются въ мѣстахъ болѣе южныхъ и увеличи-
ваются сравнительно быстро. Мы уже видѣли, какъ скоро за-
селилось село Новодѣвичье, достигшее своего значительнаго
благосостоянія вслѣдствіе природныхъ богатствъ, которыми тогда
обилдовали земли и воды низоваго Поволжья. Но эти же, почти
истропнутыя, природныя богатства вмѣстѣ съ тѣми результатами,
которыхъ въ скорости достигалъ тотъ или иной крупный земле-
владѣлецъ, должны были возбуждать аппетитъ у многихъ другихъ
людей того времени, вслѣдствіе чего у нѣкоторыхъ изъ нихъ уси-

¹⁾ Поселенія, составлявшія Черемшанскую волость въ 1710 г. были,—
на правой стор. Большаго Черемшана села: Никольское-Черемшанъ и Рож-
дственское—Сосновка; по лѣвой ст. р. находились села: Богородское—Гряз-
нуха, на рѣчкѣ Грязнухѣ и Архангельское—Городище, на р. Черемшанѣ и
на рѣчкѣ Городищѣ; сверхъ того, въ волости принадлежала еще деревня Зо-
лотарева. Тамъ же лл. 215 и 225.

ливается стремление стать землевладельцами въ здѣшнихъ мѣстахъ. Благодаря этому мы встрѣчаемся въ началѣ XVIII столѣтія съ немалымъ числомъ повныхъ владѣтелей, которыхъ владѣнія попадаютъ не только на Самарской лукѣ, но и гораздо южнѣе, въ разныхъ мѣстностяхъ низоваго Поволжья; земли ихъ, не смотря на сравнительно небольшой промежутокъ времени, являются уже заселенными деревнями, о которыхъ свидѣлствуютъ и акты начала XVIII столѣтія, и иностранный путешественникъ того времени, проѣзжавшій по Волгѣ¹⁾.

По всей вѣроятности, тоже усиленное желаніе пользоваться природными богатствами низоваго Поволжья побуждало еще въ концѣ XVII вѣка крупныхъ землевладѣльцевъ нагорной части не оставлять безъ вниманія луговой стороны Поволжья — мѣстъ, ближайшихъ къ тѣмъ, которыми владѣтели пользовались или намѣрены были воспользоваться въ нагорной сторонѣ. Вслѣдствіе этого къ селамъ: Архангельскому, Малыковѣ и Терсѣ «по крѣпостямъ написаны земли и угодья на луговой сторонѣ», простиравшіяся на значительное число верстъ²⁾. Волге мелкіе владѣтели тоже съ своей стороны не упустили

¹⁾ Такъ, по межевой книгѣ 1710 г. на югѣ Самарской луки находилась: земли служилого человека Алексѣя Никитича Кольцова (деревня Кольцова?); село Городище-Костычи, принадлежавшее Московскому Вознесенскому дѣвичьему монастырю; ниже была слобода служилого Москвича Сенеа Константинова Дмитріева; кромѣ того, въ здѣшнихъ мѣстахъ упоминаются «дачи боярина Федора Алексѣевича Головина». Въ межахъ съ селами Архангельскимъ, Малыковкою и Сергіевскимъ—Воскресенскимъ упоминаются: инокродческая деревня Колмантан и деревня Алексѣевская «князя Сергія, князь Борисова сына Голицына» (князь Борисъ Голицынъ въ концѣ XVII ст. былъ начальникомъ Приказа Казанскаго дворца). Кромѣ того, Де Брунъ въ своемъ путешествіи говоритъ, что выше «села, лежавшаго въ 60 верстахъ отъ Кампира (не Архангельское-ли?)... часть спустя мы увидѣли еще *три селенія на берегу рѣки* (Волги), а съ лѣвой стороны достигли до р. Васильевой, наупротивъ которой видѣлась *Новая деревня*, принадлежащая Федору Алексѣевичу Головину». Арх. Мин. Юст. III отд. меж. кн. за № 159. лл. 266, 362, 363, 382, 388. Путеш. Де Бруна. Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1872, 3 кн. 175—176 сс.

²⁾ Такъ, «по сказанію старожилъ селъ Малыковки и Терсы въ началѣ XVIII вѣка 1710 г.) монастырскія угодья на луговой сторонѣ въ концѣ XVII ст. были слѣдующія: «отъ рѣки Волги съ устья рѣки Тишени до рѣчи

богатыхъ заливныхъ луговъ низовой стороны, лежавшихъ на-
супротивъ отведенныхъ имъ пашенныхъ и усадебныхъ земель,
особенно, если тамошніе сѣнокосы были защищены теченіемъ
рѣкъ и рѣчекъ. Такъ, мы знаемъ, что сѣнокосные луга по
лѣвой сторонѣ Волги, противъ города Сызрана и по рѣкѣ
Тростянкѣ, въ концѣ XVII столѣтія отведены были служи-
лымъ людямъ вышеупомянутаго города и уѣзда; кромѣ того,
въ этихъ же и сосѣднихъ мѣстахъ Низовья сѣнными по-
косами владѣли Кашпирскіе солдаты и нѣкоторые служилые
люди, получившіе земли на югѣ Самарской луки, по сосѣдству
съ Сызранскими и Кашпирскими солдатами; всѣ они получили
сѣнокосы на луговой сторонѣ Волги, въ промежутокъ времени
отъ конца восьмидесятыхъ и до первыхъ годовъ XVIII вѣка
включительно¹⁾. Даже въ такой мѣстности низоваго Поволжья,
какъ Камышинъ, служилымъ людямъ, подвореннымъ въ городѣ въ
началѣ XVIII столѣтія, отведены были, по ихъ желанію, угодья съ
сѣнными покосами на луговой сторонѣ Волги²⁾. Подобное уси-
ленное стремленіе въ концѣ XVII и въ первыхъ годахъ XVIII
вѣковъ къ завладѣнію выгодными мѣстами на луговой сторонѣ
Волги, кромѣ тамошнихъ природныхъ богатствъ, могло обуслов-
ливаться и нѣкоторымъ спокойствіемъ, которое наступило, на
короткое время, со стороны кочевыхъ обывателей степи, не трево-
жившихъ особенно своими набѣгами окраиннаго населенія.
Впрочемъ и въ это время болѣе предусмотрительные изъ мѣст-
ныхъ жителей не предавались иллюзіямъ, а, вступая въ до-

Вертубы, до вершины съ 20 верстъ, а отъ Вертубы до Иргизскихъ вершинъ
до росошей 40 верстъ, а отъ росошей степью до р. Сазанлей съ 10 верстъ, а
отъ Сазанлей до рѣки Канины Тубы съ 20 верстъ, а рѣкою Каниною
Тубою до Волги р. съ 10 верстъ». Арх. Мин. Юст. III отд. мѣст. кн. № 159
л. 264—265.

¹⁾ Тамъ-же лл. 363, 365, 378, 379, 382, 384, 388.

²⁾ Угодья и сѣнокосы служилымъ людямъ въ г. Камышинѣ (Дмитрі-
евскѣ) отведены были въ 1707 дѣломъ Макаромъ Полянскимъ, присланнымъ
для этого изъ приказа Казанскаго дворца; земли эти между прочимъ захва-
тывали на луговой сторонѣ Волги «рѣку Ерусланъ съ вершинами ея, а отъ
устія оной... на низъ по Волгѣ займище и острова».—Дубовскій, Камышенскій
и Шишинскій. Арх. Мин. Юст. III отд. Дѣла Сарат. у. Вязка 61, № 2300.

говоры съ владѣтелями угодій по лѣвой сторонѣ Волги, старались обезпечить свои интересы на случай вторженія кочевниковъ и ихъ разореній¹⁾). Но само собою понятно, что отсутствіе въ теченіе извѣстнаго времени губительныхъ вторженій кочевниковъ если и способно было усилить стремленіе землевладѣльцевъ нагорной стороны пользоваться природными богатствами луговой, то все же оно не могло изгладить общаго впечатлѣнія, оставшагося отъ предшествовавшихъ вторженій, не могло при постоянномъ сосѣдствѣ со степью, быстро видоизмѣнить положеніе низоваго Поволжья. И въ самомъ дѣлѣ, иностранный путешественникъ начала XVIII столѣтія, проѣзжая Волгу около Сызрани, записываетъ на страницы своего сочиненія, что «Калмыцкіе татары дѣлають набѣги изъ этихъ мѣстъ вплоть до Казани и захватываютъ все, что могутъ или съумѣють, людей, скотъ и проч. и проч.»²⁾). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ вовсе не упоминаетъ здѣсь о другихъ врагахъ окраиннаго населенія въ низовомъ Поволжьѣ, о Башкирцахъ и Кубанскихъ татарахъ, которые дѣйствовали въ здѣшнихъ мѣстахъ не хуже Калмыковъ. Дѣйствительно, въ 1708 году Башкирцы вторглись въ Прикамскія земли и на правой сторонѣ р. Камы напали на извѣстное намъ село Соколы горы, принадлежавшее Донскому монастырю, — «село разорили и церковь сожгли и многихъ крестьянъ побили»; это разореніе было до такой степени сильное, что, по словамъ грамоты монастырской, «изъ Донскаго монастыря въ ту вотчину отъ того разоренія долговременно никого не посылали»³⁾). Понятно, если Башкирцы такъ хозяйничали на правой сторонѣ Камы, на земляхъ защищен-

¹⁾ Такъ, крестьянинъ Самарской луки села Ширяева Вгурака, снявши въ началѣ XVIII стол. у Мордвы деревни Бахиловой, принадлежавшіе имъ луга на лѣвой сторонѣ Волги, противъ луки, обязывается платить имъ за нихъ въ такомъ лишь случаѣ, если не будетъ разоренія отъ Башкирцевъ; въ противномъ же случаѣ онъ не долженъ вносить денегъ за луга. Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 338—339.

²⁾ Путеш. Корнел. Де Брунна, 175 с.

³⁾ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6687.

ныхъ укрѣпленіями Закамской черты и глубокими водами р. Камы, то въ мѣстахъ, лишенныхъ защиты, населеніе луговой стороны было совершенно предоставлено ихъ нападеніямъ, что не могло не возбуждать въ немъ нѣкотораго страха. Но вслѣдствіе возобновившихся нападеній Башкирцевъ страдали не только постоянные жители луговой стороны, а также и люди нагорной стороны, пользовавшіеся тамъ угодьями; такъ, мы знаемъ, что крестьяне сѣверной полосы Самарской луки въ 1710 и въ 1711 годахъ на лугахъ лѣвой стороны не могли косить сѣна, потому что, по ихъ словамъ, «имъ на тѣхъ сѣнныхъ покосахъ въ те годы было разореніе отъ приходу Башкирцевъ, и (они) сѣна за тѣмъ разорѣніемъ не кашивали», въ то время какъ прежде эти-же крестьяне «на тѣхъ лугахъ кашивали стоговъ по 40 и больше»¹⁾. Если населеніе страдало отъ Башкирскихъ разореній въ области между р. р. Самарой и Камой, то земли луговой стороны, простиравшіяся южнѣе луки, въ продолженіе первой четверти XVIII столѣтія были вполне во власти Калмыковъ, которыхъ посѣщали здѣсь наѣздомъ лишь ихъ сотоварищи по нападеніямъ на русскія окраины — Башкирцы. Область, орошаемая рѣками Вольшимъ и Малымъ Иргизами, была мѣстомъ, гдѣ, кажется, они по временамъ встрѣчались и вмѣстѣ кочевали. Понятно, что безопасность сосѣднихъ мѣстъ нагорной стороны отъ совмѣстнаго ихъ пребыванія въ здѣшнихъ мѣстахъ не могла увеличиться. Такъ, въ 1710 году крестьяне—старожилы монастырскихъ поселеній на правой сторонѣ Волги (Малыновки и Терсы), свидѣлствуютъ предъ правительствомъ, что земли и угодья, отведенныя ихъ монастырю въ концѣ XVII ст. на лѣвой сторонѣ Волги, остались не мѣрны и не межеваны, потому что «межевать той земли и съ вервью идти и столбовъ ставить и ямъ копать и на деревьяхъ грани насѣкать невозможно, для того по Иргизу и по степи Калмыки и Башкирцы кочуютъ зиповлями, и затѣмъ ихъ кочевьемъ и они (крестьяне) тою землею не владѣютъ; а опричь татарскихъ кочевей на той луговой сторонѣ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. III отд. Мем. кн. за № 159 лл. 338—339.

русскихъ людей жилья ничего нѣтъ». Въ другой разъ тѣже старожилы и понятые, говоря объ этомъ же, высказываютъ, что «тѣхъ земель за Волгою на луговой сторонѣ межевать не возможно, для того: живутъ въ той ихъ (т. е. отведенной ихнему монастырю) округѣ по рѣкѣ Иргизу Калмыки и Башкирцы воровскими кочевьями, и зимуютъ и за зверьми ходятъ и ихъ колютъ и грабятъ, и отъ того ихъ воровства они на луговой сторонѣ пашни не пахутъ и сѣнъ не косятъ; а въ округу де той земли дикая порожжая степь, а жилья ничего нѣтъ»; въ заключеніе крестьяне прибавляютъ: «будетъ они сказали ложно и великій государь указалъ бы за то учинить имъ смертную казнь»¹⁾.

На страницахъ настоящаго изслѣдованія не разъ говорилось, что положеніе осѣдлаго населенія правой, нагорной стороны Поволжья, относительно кочеваго непріятеля, жившаго въ степяхъ, было много выгоднѣе, чѣмъ положеніе населенія лѣвой, луговой стороны; этими выгодами отчасти и обусловливается болѣе успѣшное заселеніе нагорной части Поволжья сравнительно съ луговою. Но этими преимуществами правой стороны не слѣдуетъ особенно увлекаться, потому что они, въ свою очередь, были лишь относительны; въ этомъ можно убѣдиться между прочимъ изъ факта, приводимаго образованнымъ современникомъ Кириловымъ, который былъ хорошо знакомъ съ условіями жизни Россіи первой четверти XVIII столѣтія. Кириловъ говоритъ, что до 1720 года²⁾ жители «при городахъ Царицынъ и Саратовъ ничего сѣять въ поляхъ и степяхъ не смѣли, за опасеніемъ внезапныхъ приходовъ» Кубанской орды, проживавшей въ южныхъ мѣстахъ, которая «чинила всякія озлобленія російскому народу, живущему въ низовыхъ мѣстахъ, — брали людей въ полонъ и скотъ отгоняли»³⁾. Такимъ образомъ, лишь построеніемъ со

¹⁾ Тамъ же лл. 217, 264—265.

²⁾ Въ этомъ году окончена была построеніемъ новаго укрѣпленнаго линія — Царицынская.

³⁾ Отъ 1718—1720 гг. произведена была, по приказу Петра Великаго постройка укрѣпленной черты или линіи между Царицынымъ и Доломъ на

стороны Россіи новыхъ укрѣпленныхъ чертъ въ нагорной и луговой сторонахъ Поволжья, сооружаемыхъ съ большимъ трудомъ и значительными издержками въ продолженіи XVIII столѣтія, и воздвигаемыхъ каждый разъ южнѣе и южнѣе, отвоёвывались отъ кочевниковъ земли въ низовомъ Поволжьѣ для земледѣческой культуры и государственной жизни русскаго общества ¹⁾).

Переходя къ разсмотрѣнію того, какъ жилось въ низовомъ Поволжьѣ крестьянину и служилому человѣку во второй половинѣ XVII вѣка, мы и теперь вынуждены, какъ въ прошлый разъ, указать на скудость и отрывочность матеріала, которымъ располагаемъ, и на невозможность вслѣдствіе этого отвѣчать обстоятельно на многіе вопросы, интересующіе современнаго изслѣдователя. Въ ряду вліятельныхъ событій второй половины описываемаго столѣтія прежде всего слѣдуетъ упомянуть о моровомъ повѣтріи (чумѣ), которое посѣтило низовое Поволжье и произвело здѣсь, какъ и въ большей части Россіи, страшное опустошеніе посреди всѣхъ классовъ населенія. Для засвидѣтельствованія губительныхъ послѣдствій, которыя произведены были чумою въ низовомъ Поволжьѣ, достаточно будетъ привести тотъ фактъ, что по описи половины XVII вѣка за Казанскимъ Преображенскимъ монастыремъ въ его вотчинахъ, расположенныхъ въ Казанскомъ уѣздѣ, числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 821; послѣ мороваго повѣтрія по тщательному изслѣдованію, произведенному правительствомъ въ 1662 году, оказалось «за монастыремъ въ

пространствѣ 60 верстъ; на всемъ этомъ пространствѣ была сдѣлана линія, т. е., ровъ и по тому рву земляной валъ и 4 земляныя крѣпости (перечислены какія и въ какихъ мѣстахъ). Въ тѣхъ крѣпостяхъ и по всей линіи всегда бывають служилые люди для карауловъ и развѣдковъ; а особливо въ дѣто присылаются командированныя отъ армейскихъ полковъ. *Итакъ за Божью помощью Низовая Украина отъ тѣхъ Кубанскихъ набѣговъ успокоена, и идѣ было не только прежніе жилище, но и въ новыя пустыя мѣстахъ селитьба умножается*. «Цвѣтущее сост. Всерос. государства» И. Кирилова, II ч. 29—30 сс.

¹⁾ На луговой сторонѣ въ XVIII ст. сперва проведена была укрѣпленная линія по р. Сону, а впослѣдствіи по р. Самарѣ.

живущемъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 434 двора»; при чемъ, кромѣ небольшого количества бѣглыхъ и на службу взятыхъ (въ стрѣльцы) «пустыхъ выморочныхъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ» насчитано было 368 дворовъ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, по описи, произведенной монастырскимъ вотчинамъ въ 1662 году, изъ пятнадцати деревень, принадлежавшихъ монастырю въ Казанскомъ уѣздѣ, семь совершенно потеряли свое населеніе, — *стали пустошами* съ 15 и болѣе дворами, о которыхъ говорится, что «крестьяне тѣхъ дворовъ съ женами и съ дѣтьми въ моровое повѣтріе померли безъ остатка»; одинъ или два человека, изрѣдка уцѣлѣвшіе, уходили изъ роднаго поселка со своими семьями «въ иные села и деревни (того монастыря, гдѣ сохранилось больше населенія) для малолѣдства»²⁾. Но не смотря на страшный ураганъ, пронесшійся надъ низовымъ Поволжьемъ, который унесъ массу людей изъ среды трудового и подроставшаго поколѣнія, хозяйственное положеніе оставшихся въ живыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезъ десять лѣтъ было уже довольно порядочное. Объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по имущественному состоянію тѣхъ крестьянъ, которые взяты были по жребью изъ семей средней зажиточности («средніе статьи») съ дворцовыхъ поселеній нѣсколькихъ уѣздовъ луговой и нагорной сторонъ

¹⁾ Разслѣдованіе о количествѣ крестьян. и бобыльск. дворовъ въ вотчинахъ Преображенскаго мон., произведено было по повелѣнію правительства на мѣстѣ, ибо власти монастыря жаловались въ Москвѣ, что съ монастыря берутъ поборы (положничные, задаточныхъ и проч.) за многіе пустые дворы. Вслѣдствіе чего присланы были переписныя книги и сдѣланъ былъ «обыскъ» на мѣстѣ; при этомъ говорится что «въ обыскѣхъ всякихъ чиновъ людей 670 челов. сказали: Преображенскаго мон. въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ крестьяне и бобыли въ моровое повѣтріе померли многіе. и въ деревняхъ (перечислены 4 дер.) и въ иныхъ деревняхъ *крестьяне умерли безъ остатку*». Ар. М. Ю. 1-ое отд. Собр. грам. Преобр. мон. тетр. за № 6429 грам. 1667 г. декаб. м.

²⁾ Быть можетъ, не будетъ лишнимъ упомянуть, что почти всѣ монастырскія деревни, запустѣвшія отъ мороваго повѣтрія, были расположены (судя по прежнимъ описямъ) «на болотѣ», «на озерѣ» или же «на рѣкѣ». Тамъ же, тетр. за № 6553, лл. 44—123.

низового Поволжья. Довольно порядочнымъ экономическое состояніе упомянутыхъ крестьянъ является въ нашихъ глазахъ потому, что опись ихъ имущества произведена была не раньше второй половины марта мѣсяца, — слѣдовательно въ то время, когда запасы въ крестьянскихъ хозяйствахъ за осеннее и зимнее время должны были значительно истощиться. Обозрѣвая въ частности хозяйственное состояніе дворцовыхъ крестьянъ, взятыхъ для Полоцкой шляхты съ низоваго Поволжья, мы видимъ, что сравнительно большею зажиточностью въ скотинѣ и хлѣбѣ обладаетъ населеніе Теньковской волости въ Свіяжскомъ уѣздѣ, которая лежала въ нагорной сторонѣ, пониже Казани; почти у всѣхъ крестьянъ этой волости въ хозяйственномъ инвентарѣ значится по двѣ коровы и по парѣ лошадей; кромѣ того у каждого упоминается по 5 и болѣе овецъ и по нѣскольку свиней. Всякаго хлѣба, въ зернѣ и посѣяннаго, крестьяне часто насчитываютъ у себя осьминами и четвертями, что въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчается гораздо рѣже. Благопріятная мѣстность, на которой расположена была Теньковская волость, простиравшаяся по самой Волгѣ, находившаяся недалеко отъ такого люднаго и торговаго центра какъ Казань, вѣроятно, не мало способствовала населенію волости достигнуть такого благосостоянія¹⁾. Крестьяне дворцовыхъ селъ и деревень иныхъ мѣстностей, хотя въ зажиточности и уступали нѣсколько крестьянамъ Теньковской волости, — но и ихъ хозяйственное состояніе нельзя не признать достаточнымъ; такъ, у большинства крестьянъ Царевко-кокшайскаго уѣзда число скотины въ ихъ экономіяхъ не уступаетъ Теньковскимъ; у остальныхъ въ ихъ хозяйствахъ при одной коровѣ обыкновенно встрѣчается пара лошадей. Въ Кукарской слободѣ съ поселеніями, къ ней примыкавшими, большинство крестьянъ въ ихъ хозяйствахъ насчитываетъ либо по 2 коровы съ лошадей, либо по парѣ лошадей съ коровою, при чемъ число овецъ не рѣдко превосходитъ собою ихъ ко-

¹⁾ Въ поселки, тянушіе къ Тенкамъ, какъ Ключищи, Шеланга Матюшкино, Тишевка — лежатъ на р. Волгѣ и ближе къ Казани, чѣмъ Тенки.

личество въ экономіяхъ предыдущихъ крестьянъ; точно тоже слѣдуетъ сказать относительно хлѣба въ зернѣ и посѣяннаго,— по крайней мѣрѣ, сравнительно съ крестьянами Царевкокшайскаго уѣзда. По всей вѣроятности, крестьянинъ здѣшней полосы, не обладавшей, какъ извѣстно, плодородною почвою, умѣлъ вознаградить себя богатыми промыслами въ обширныхъ лѣсахъ и довольно значительныхъ рѣкахъ, которыя по прежнему предоставлялись правительствомъ въ его распоряженіе. Менѣе другихъ поселенцевъ дворцовыхъ волостей зажиточны крестьяне Анатошской волости на р. Камѣ; но и они не столько уступаютъ своей братьѣ въ озимыхъ посѣвахъ или въ хлѣбныхъ запасахъ, сколько въ количествѣ скотины, находившейся въ ихъ распоряженіи: почти у всѣхъ крестьянъ волости было лишь по лошади и по коровѣ. Впрочемъ, послѣдняя особенность врядъ ли можетъ удивлять насъ, ибо мы знаемъ мѣстоположеніе, занимаемое этою волостью, и разоренія, которыя въ началѣ XVII вѣка поселенцамъ волости приходилось испытывать отъ сосѣдства со степью и ея обитателей, отъ которыхъ они и во второй половинѣ этого столѣтія не могли быть совершенно безопасны, ибо намъ извѣстно, что и въ началѣ XVIII столѣтія монастырскія поселенія въ низовьяхъ Камы страдали отъ кочевыхъ обитателей степи.

Но возраставшія государственныя потребности въ связи съ продолжительною и утомительною войною, которую при Алексѣѣ Михайловичѣ вело русское государство, не могло не отразиться на экономическомъ состояніи общества, какъ внутри Россіи, такъ и въ Поволжьѣ¹⁾. Къ этой общей причинѣ въ

¹⁾ Такъ, съ Казанскаго Преображенскаго монастыря, за который, какъ намъ извѣстно, въ его вотчинахъ въ полов. XVII ст. числилось 821 дворъ, начиная съ 1650 года по 1665 годъ съ 821 двора бралось ежегодно «положенникомъ на окупъ по 8 денегъ съ двора на годъ, — всего 525 руб. 14 алтынъ 4 деньги. Кроме того, по госуд. указу съ монастырскихъ вотчинъ взято въ 1664 г. въ Казань «въ стрѣльцы на вѣчное житіе крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молочнымъ — 82 семьи». Въ 1657 и слѣдующемъ году съ монастыря взято было съ 477 дворовъ «за даточныхъ конныхъ по 13 алт. по 3 ден. съ двора на годъ, — и того

концѣ шестидесятихъ и въ началѣ семидесятихъ годовъ надъ низовымъ Поволжьемъ разразилось свое собственное несчастье, — Разинскій бунтъ, охватившій всё низовое пространство отъ Астрахани до Нижняго, сопровождавшійся огромною потерей людей и ихъ совершеннымъ разореніемъ. Къ этому, такъ сказать, временному социальному недугу низового Поволжья присоединяется другой, представляющій собою его исконную хроническую болѣзнь — нападенія кочевниковъ изъ Приволжскихъ и Прикамскихъ степей. Невозможно исчислить тѣхъ потерь, которыя наносились хозяйству трудового окраиннаго населенія въ Поволжьѣ вторженіемъ кочевыхъ обывателей степи, — не говоря о физическихъ и нравственныхъ страданіяхъ людей, оставшихся въ живыхъ послѣ такихъ разореній¹⁾. Вслѣдствіе этого не легко жилось русскому крестьянину, служилому человеку и инородцу въ низовомъ Поволжьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія. Старыя тягости увеличились, къ нимъ присоединяются новыя поборы и налоги, которые отъ времени до времени тоже прогрессируютъ; между тѣмъ войны, веденныя русскимъ правительствомъ по смерти царя Алексѣя Михайловича, и расходы по сооруженію флота въ концѣ вѣка не способны были уменьшить тягостей, лежавшихъ на подданныхъ, а скорѣе могли ихъ увеличить. Къ этому въ девяностыхъ годахъ присоединяется специальное сооруженіе, предпринятое въ низовомъ Поволжьѣ, для соединенія р. Волги съ р. Дономъ каналомъ у рѣчки Камышенки; для здѣшнихъ работъ люди сваряжались главнымъ образомъ изъ низовыхъ странъ. Слѣдуетъ прибавить, что мѣстами въ низовомъ Поволжьѣ естественныя богатства, заключавшіяся въ землѣ, нетронутой пахотою, во множествѣ дѣйственныхъ лѣсовъ съ пушными въ

190 р. 26 алт. 4 д.; а на 1659 году по 26 алт. по 4 ден. съ двора, — и того 381 р. 20 алт.; а на 1661 и на 1662 по рублю съ двора на году, — и того 95½ р. Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. Собран. грам. Преображ. мон. кн. за № 6429, грам. 1667 г. декабря м.

¹⁾ Убийство родителей, братьевъ, дѣтей, — а также уводъ ихъ въ плѣнъ и продажа на рынкахъ европейскихъ и азіатскихъ.

нихъ звѣрями и бортами, теперь уже не представляли того, что на первыхъ порахъ, — слѣдовательно, не могли собой привлекать новыхъ насельниковъ такъ, какъ въ началѣ колонизаціи здѣшней страны. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ поселкахъ почти совершенно прекращается приливъ новыхъ колонистовъ¹⁾; въ иныхъ же, если и замѣчается увеличеніе поселенцевъ сравнительно съ прошлымъ, то это является больше результатомъ естественнаго прироста населенія за извѣстный промежутокъ времени, чѣмъ слѣдствіемъ прибытія новыхъ²⁾. Попадаются даже такія поселенія, которыя постепенно умаляются въ количествѣ своихъ обитателей, такъ что конецъ XVIII вѣка застаётъ ихъ менѣе людными, чѣмъ каковыми они были въ началѣ столѣтія³⁾.

Для того чтобы хоть нѣсколько освѣтить это явленіе, обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ условій, среди которыхъ приходилось въ то время жить крестьянину низоваго Поволжья. Какъ

¹⁾ Такъ, наприм., въ дворцовыхъ селахъ Казан. у.: въ селѣ Анатоліѣ въ 1617 г. находилось 45 дв. крест. и 16 дв. бобыл.; въ 1676 г. въ селѣ было 50 двор., да еще впослѣд. оказались 6 двор. кр. въ селѣ, владѣтелей которыхъ въ моментъ описи не было въ селѣ «для того, что они, по ихъ словамъ, кормились работою» на сторонѣ; въ концѣ столѣтія въ селѣ находилось всего 62 дв. крест. Въ селѣ Воскресенскомъ въ 1617 г. было 20 двор. крест.; а въ концѣ столѣтія «стороннихъ и пришлыхъ» 20 двор., кромѣ пустыхъ. Тоже встрѣчается въ селѣ Беткахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1023—1089; Переп. кн. 7, №№ 137, 142, 144, 145.

²⁾ Такъ, въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ и въ деревняхъ старинныхъ крестьянъ въ 1678 г. находилось 168 дв., — а въ концѣ столѣтія ихъ оказалось 217; но въ поясненіе къ этому въ описи сказано: «и по нынѣшней переписи явилось, которые отдѣлились отъ отцевъ дѣти и отъ братьи-братья и которые жили у сродичевъ своихъ сверхъ тѣхъ переписныхъ книгъ — 55 дворовъ да бобыльскихъ 7 дв. — всего 62 двора». Тамъ же переп. кн. 7, № 191.

³⁾ Такъ, напр., въ дворцов. селѣ Казан. у. Сабуголь по описи 1600 года въ немъ было 23 дв. кр. и 3 дв. боб.; въ 1621 г. «въ живущихъ» находилось 36 двор. По описи 1678 въ немъ было 23 двора; а въ концѣ столѣтія «противъ тѣхъ переписныхъ книгъ въ томъ селѣ убыло 7 двор. крестьянскихъ, да прибылъ въ живыхъ одинъ дворъ, — въ томъ прибыломъ дворѣ живетъ отдѣлясь послѣ переп. кн. 1678 г. братъ, съ брата». Тамъ же Писц. кн. № 153, лл. 1418—1422, 1505. Переп. кн. 7, № 140.

извѣстно, крестьяне жили общинами въ селахъ и деревняхъ. Общинная организація выражалась во владѣніи крестьянами землею и угодьями и въ несеніи тягостей, налагаемыхъ на нихъ правительствомъ, какъ землевладѣльцомъ; въ актахъ того времени объ послѣднемъ говорится прямо: «а собираютъ те деньги (платимыя всею общиною правительству) они (крестьяне) межъ собою по разверсткѣ»¹⁾). Владѣствіе этого всѣ члены общины были заинтересованы, чтобъ число взрослыхъ рабочихъ единицъ послѣ описи не уменьшалось въ общинѣ, а увеличивалось, потому что при подобныхъ условіяхъ несеніе тягостей облегчалось для всѣхъ. Поэтому всякая община была рада новымъ колонистамъ, такъ какъ въ то время земель и угодій большею частью было достаточно, ибо самому правительству, какъ землевладѣльцу, было выгодно, чтобъ въ оборотѣ у общинъ было больше земли, съ которой они должны были въ такомъ случаѣ нести и больше тягостей. Новоприбывшій, являвшійся на новое мѣсто чаще всего съ легкимъ имущественнымъ багажомъ²⁾, обыкновенно либо выбиралъ себѣ отдѣльнаго вліятельнаго члена въ общинѣ, у котораго становился сосѣдомъ или захребетникомъ, непосредственно помогая ему или чрезъ него всей общинѣ нести часть тягостей³⁾, либо прямо становился членомъ общины; при этомъ въ первые годы послѣ своего водворенія на мѣстѣ переселенцы показываютъ: одинъ — «онъ помогаетъ платить крестьяномъ тое деревни пустовые ясаки, а особаго ясаку на немъ нѣтъ», другой — «платитъ онъ ясакъ съ крестьяны тое деревни, что въ которомъ году достанется, потому что на всѣхъ крестьянехъ той деревни» лежитъ столько то ясаковъ; наконецъ, иные свидѣлствуютъ предъ правительственнымъ лицомъ, что

¹⁾ Арх. М. Юст. Казань, переп. кн. 7, № 151.

²⁾ Тамъ, въ концѣ девятистыхъ годовъ о трехъ пришлыхъ дворахъ въ деревнѣ Задніе Атары, Кззан. у. говорится «тяги на нихъ своего за скудостью нѣтъ, а помагаютъ въ тягѣ той деревни крестьяномъ». Тамъ же № 137.

³⁾ Тамъ, въ деревнѣ Соколовѣ на р. Камѣ нѣсколько новыхъ переселенцевъ помогаютъ основателю деревни крестьянину Алексѣю Чертишеву.

«тое деревни, крестьяне емлютъ съ него» столько то¹⁾). Такъ разрѣшался этотъ вопросъ русскою жизнью къ обоюдной выгодѣ участниковъ. Въ подобномъ состояніи была община при отсутствіи сторонняго вѣшательства въ управленіяхъ ея жизни до новой описи, во время которой обыкновенно производилась ревизія отдѣльнымъ ея членамъ, ихъ семьямъ и платежннмъ способностямъ. Но бывали случаи, нарушавшіе обычное теченіе общинной жизни, производившіе разстройство въ отдѣльныхъ хозяйствахъ ея членовъ, тѣмъ болѣе чувствительное для нихъ, что они происходили совершенно неожиданно. Такъ, намъ извѣстно, что съ дворцовыхъ земель нѣсколькихъ уѣздовъ въ низовомъ Поволжѣ взяты были крестьяне съ ихъ семьями и имуществомъ для Полоцкой шляхты, водворенной на рр. Утѣ и Майнѣ; мы видѣли также, что болѣе зажиточныя общины Свияжскаго уѣзда (Теньковская волость) выразили протестъ противъ образа дѣйствій своего землевладѣльца, которымъ въ этомъ случаѣ оказалось само правительство. Столь же неожиданное событіе, въ другомъ только родѣ, въ обыденной жизни крестьянскихъ общинъ Низоваго Поволжья произошло чрезъ десять лѣтъ. Въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка понадобились для правительства «рыбные ловцы бѣлодворцы»,—вслѣдствіе чего приказано было мѣстному служилому человѣку²⁾ «ѣхать въ Казанскіе пригороды: въ Тетюши, въ Лайшевѣ, да въ дворцовые села (перечислены)³⁾, а пріѣхавъ взять у крестьянъ сказки за руками, кто въ прошлыхъ годахъ ниянно крестьяне на обиходъ великаго государя въ подрядѣ и у промышленниковъ и про себя павною и иною какою ловлею рыбу ловили.... и которымъ за обычна та рыбная ловля, выбрать лучшихъ людей и пожиточныхъ въ рыбные ловцы, въ бѣлодворцы, а скудныхъ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Казань, отказ. стар. лѣтъ съ городами кн. 13, № дѣла 13.

²⁾ Михаилу Ивановичу Барякову.

³⁾ Въ село Толминское, въ Рыбную слободу (въ какую? ихъ было нѣсколько на р. Камѣ), въ село Елабугу, въ село Чалны, да въ почины Савинскіе Аристова, въ деревню Кривушу и въ починокъ Мельничной.

не выбирать перевести (ихъ) съ женами и съ дѣтьми въ Рыбную слободу, и отвести имъ подѣ дворы мѣста, а на тѣмъ же ихъ жеребьи, съ которыхъ жеребьевъ тѣ ловцы озяты будутъ, поселить отъ семей изъ остальныхъ крестьянъ, отдѣля отъ семей, смотря по тамошнему дѣлу и по семьямъ¹⁾). Такимъ образомъ, оставшіеся на мѣстѣ члены общины обязаны были нести тягости, которыя правительствомъ наложены были прежде на общину соотвѣтственно большому числу ея наличныхъ членовъ, что долженствовало быть непріятнымъ сюрпризомъ для оставшихся на мѣстѣ общинниковъ, — главнымъ образомъ для болѣе семьянистыхъ, зажиточныхъ и вліятельныхъ членовъ, на которыхъ эти тягости при разверсткѣ должны были лечь. Въ послѣднемъ случаѣ, благодаря, быть можетъ, тому, что Рыбная слобода, куда переводились рыбные ловцы, лежала недалеко отъ мѣстѣ, откуда они взяты были, а также и нѣкоторымъ другимъ условіямъ, въ общинахъ не обнаружилось непріязненнаго движенія. Между тѣмъ какъ подобный захватъ членовъ изъ Теньковской волости, при такой же раскладкѣ тягостей на оставшихся членахъ общины, выстѣ съ тяжелою перспективою въ будущемъ для односельчанъ переселенцевъ, вызвало движеніе среди мѣстныхъ общинъ, которое въ наше время иные администраторы были бы не прочь озглавить эпитетомъ крестьянскаго бунта, для прекращенія котораго не преминули бы вызвать военную команду. Къ счастью того времени, болѣвшаго, правда, иными общественными недугами, русская жизнь не обладала подобными администраторами, и движеніе крестьянскихъ общинъ въ Свѣжскомъ уѣздѣ прошло безъ особаго шума и улеглось, вѣроятно, само собою. Но если отвѣтственность за тягости, лежавшія на общинахъ, находившихся въ завѣдываніи правительства, тяготѣла на всемъ крестьянскомъ обществѣ, которое поэтому заинтересовано было въ увеличеніи своего наличнаго состава новыми членами, — особенно, при введеніи новыхъ налоговъ и увеличеніи въ объ-

¹⁾ Тамъ же, № дѣла 9.

емъ старыхъ, то переселяющимся крестьянамъ съ своей стороны было естественно сильнѣе интересоваться такими мѣстами, гдѣ было больше нетронутыхъ природныхъ богатствъ, гдѣ крестьянскія общины продолжали жить на льготномъ положеніи, — а такого рода земли во второй половинѣ XVII вѣка большею частью лежали уже за рѣкою Камою и за Сызранскою чертою, куда и стремится усиленно крестьянское населеніе не только внутренней Россіи, но изъ Прикаскихъ и другихъ окраинныхъ земель. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ было, правда, больше опасностей отъ обитателей сосѣдней степи, но и верхнія мѣста окраиннаго Поволжья, какъ и земли праваго берега Камы не были въ то время совершенно безопасны отъ тѣхъ же кочевниковъ; между тѣмъ естественныя богатства послѣднихъ земель за цѣлое столѣтіе могли во многомъ уменьшиться сравнительно съ болѣе низовыми странами, которыя вполнѣ сохраняли еще свой дѣвственный характеръ. Но если приливъ новыхъ насельниковъ въ крестьянскія общины, жившія въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья сильно уменьшился вслѣдствіе умаленія тамъ природныхъ богатствъ, а тягости, лежавшія на общинахъ, сильно увеличились, то при подобныхъ обстоятельствахъ надо ждать пониженія крестьянскаго благосостоянія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что и замѣтно на самомъ дѣлѣ уже въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, — особенно же въ концѣ его. Яснымъ признакомъ пониженія крестьянскаго благосостоянія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ служить то, что, при описи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда по правой сторонѣ р. Камы встрѣчаются небольшія группы крестьянъ, которые не попали въ опись, хотя и были «старинные», ибо они въ то время, по ихъ словамъ «изъ того села (или деревни) ходили *отъ скудости* и кормились въ разныхъ мѣстахъ»¹⁾. Кромѣ того въ людныхъ селахъ въ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7, №№ 137, 142, 146. Такія показанія встрѣчаются въ дворцовыхъ селахъ Каз. у.: Анатошъ, Воскресенскомъ, Ошнякъ, Бетлахъ, и въ нѣкот. деревняхъ.

концу семидесятихъ и въ восьмидесятихъ годахъ увеличивается контингентъ нищихъ, что можно замѣтить отчасти въ селахъ Елабугъ и Сундырь¹⁾. Но если благосостояніе крестьянскихъ общинъ въ концѣ семидесятихъ годовъ описываемаго времени было не велико, то къ концу столѣтія, вслѣдствіе наложенія новыхъ тягостей на общины, оно должно было понизиться. Достаточно привести голый перечень окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, взимавшихся въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ съ дворцовыхъ крестьянскихъ общинъ въ низовомъ Поволжьѣ, чтобы ясно видѣть тяжелое положеніе крестьянъ того времени. Такъ, напримѣръ, крестьяне Анатомской волости²⁾ обязаны были въ это время «платить по окладу въ Казани въ казну великаго государя на годъ: за лѣсъ низовыхъ отпусковъ³⁾, за дрова⁴⁾, за уголь⁵⁾, за береговой лѣсъ, за лубье и за драницы, за шесты и за бабайки, за лыка и за мочала⁶⁾);

¹⁾ Въ дворцов. с. Елабугъ съ деревнями находилось въ 1678 г. болѣе 40 дворовъ, которыхъ хозяева «пашенными землями сѣнными покосы не владѣютъ, кормятся христовымъ именемъ»; впрочемъ, не взирая на бѣдность, у нихъ въ то время еще былъ кое какой достатокъ, ибо сказано, что они «платили съ ними крестьяны всякихъ податей», причемъ въ частности говорится чего и сколько они вносили; такъ, напр., «сошнаго хлѣба—5 четвертей, за лѣсъ низовыхъ отпусковъ—16 алт., за Даншевскую десятину—5 четвертей, яскихъ и полонянничныхъ 26 алт. 4 ден.» и пр. Въ селѣ Крутицкаго митрополита Сундырь съ деревнями на Волгѣ въ 1654 было: при 90 дворахъ крест., въ которыхъ проживало 235 человѣкъ, 49 двор. боб. со 102 челов., и 9 дворовъ нищихъ «людей въ нихъ 12 человѣкъ, бродятъ межъ дворовъ, питаются христовымъ именемъ». Въ томъ же селѣ съ деревнями въ 1685 г. значится 105 двор. крест. людей въ нихъ 424 челов., бобыльск. 49, людей въ нихъ 202 челов., нищихъ 9 дворовъ, людей въ нихъ 20 челов. «кормятся христовымъ именемъ». Такимъ образомъ, хотя дворы боб. и нищихъ остались прежніе въ числѣ, но взрослое населеніе дворовъ значительно увеличилось. Тамъ же № 151; Памят. ин. Казан. губ. 1866—67 г, 9—11 сс.

²⁾ Волость означена «съ селы и съ деревнями», въ ней въ 1678 г. находилось 262 двора крест. и боб., а къ концу столѣтія «сверхъ перешесныхъ книгъ прибыло 81 дворъ»,—слѣдоват. волость относительно населенія своего была въ сравнительно благопріятномъ положеніи.

³⁾ «По 14 руб. по 29 алт. 2 ден.».

⁴⁾ «По 24 руб. 25 алт.».

⁵⁾ «По 5 р. 5 алт.».

⁶⁾ «По 21 руб. 7 алт.».

и всего они платятъ тѣхъ окладныхъ доходовъ съ живыхъ и съ умершихъ и бѣглыхъ и отдаточныхъ крестьянъ съ 178 безъ малой чети²⁾; да онижъ всѣ вообще платятъ съ пустовыхъ съ пяти осьмиухъ съ малою четью тѣхъ же вышесказанныхъ окладныхъ доходовъ³⁾; да сверхъ тѣхъ окладныхъ доходовъ онижъ, крестьяне, платятъ по переписнымъ книгамъ 186 году (1678) съ рыбно слободскими крестьяны съ 288 дворовъ по окладу: ямскихъ и полонянничныхъ денегъ по 10 денегъ съ двора⁴⁾, да сошнаго стрелецкаго хѣба въ Астрахани по полу осьмине съ получетверикомъ ржи, овса потомужъ съ двора. Да великого государя всякихъ издѣлей дѣлають Апатошские жъ волости крестьяны съ селы и съ деревнями: на Казанскихъ подгородныхъ мельницахъ всякіе починки по 20 человекъ; въ Рыбную слободу и на кружечной дворъ и въ таможию даютъ бурмистровъ по 3 человекъ, целовальниковъ по 3 человекъ, и за тѣхъ бурмистровъ всякіе великаго государя подати платятъ, издѣлья дѣлають онижъ крестьяны; а целовальникамъ даютъ подмоги по 4 рубля на годъ, въ Рыбной же слободѣ на кружечномъ дворѣ и въ таможи ставятъ караульщикова по 2 человекъ, на конскую площадь въ целовальники одного человекъ, подмоги ему даютъ по 2 руб. на годъ; да онижъ изъ Рыбныя слободы гоняють по годы вверхъ Камою рѣкою до Елабуги, а на низъ до Ланшова безъ прогоновъ; въ селѣ Беткахъ и въ селѣ Ошнякѣ велик. государя на двухъ мельницахъ всякіе вешніе и осенніе починки и лѣсъ к тому мельничному строенію готовятъ и зимою дрова возятъ и целовальниковъ даютъ по 2 чел., а подмоги имъ даютъ по 4 руб. на годъ человекъ; да къ тѣмъ же мельницамъ даютъ по караульщику къ мельницѣ; а за тѣхъ мельничныхъ целовальниковъ велик. государя всякіе издѣлья дѣлають они крестьяны. Въ Анатомской волости къ приказнымъ людямъ даютъ двор-

¹⁾ «63 руб., 32 алт. 2 ден.».

²⁾ «2 руб. 4 алт. 4 ден.».

⁴⁾ «Всего 13 руб. 3 алт. 2 ден.».

диковъ¹⁾ по 2 человѣка, а подмоги имъ даютъ по 5 руб. на годъ. На Камышенку по нынешней 1701 годъ посылали работниковъ: пѣшихъ по 53 человѣка²⁾, найму и подмоги имъ давали по 5 руб. человѣку, конныхъ по 5 человѣкъ³⁾, найму имъ давали по 10 руб. человѣку. Великаго государя десятинные пашни пашутъ 175 десятинъ. Да они же къ лѣсной ронкѣ, которой лѣсъ ронять на Шмаковое дѣло (?), посылаютъ работниковъ по очереди по 2 человѣка, а подмоги имъ даютъ по 23 алт. по 2 ден. человѣку. Да въ нынѣшнемъ 1701 году послали въ Казань къ Шмакову дѣлу работниковъ пѣшихъ 28 чел., подмоги имъ дали по 5 руб. человѣку, да 6 конныхъ, подмоги и найму имъ дали по 10 руб. человѣку⁴⁾. Такія же тягости лежали въ описываемое время на крестьянскихъ общинахъ дворцоваго вѣдомства въ иныхъ селахъ и деревняхъ низоваго Поволжья⁵⁾. При подобныхъ тягостяхъ крестьянскимъ общинамъ въ Поволжьѣ жилось трудно; между тѣмъ, вслѣдствіе большихъ тягостей, которыя здѣсь ждали поселенца вскорѣ послѣ его водворенія, при умаленіи естественныхъ богатствъ, уменьшился сильно приливъ новыхъ насельниковъ въ здѣшнія мѣста. Поэтому нѣкоторые изъ Прикамскихъ крестьянъ, которымъ приходилось, вѣроятно, особенно тяжело на родинѣ, избывая тягостей, на нихъ лежавшихъ, уходятъ на свободныя окраинныя земли нижняго Поволжья, гдѣ на новыхъ мѣстахъ занимаютъ болѣе легкое и льготное положеніе относительно тягостей⁶⁾. Но понятно, что оставшимся на мѣстѣ поселенцамъ становилось

¹⁾ Слово не вполне разобрано, можетъ быть, денщиковъ?

²⁾ Съ пяти дворовъ по одному пѣшему человѣку, какъ говорится объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

³⁾ Съ 50 дворовъ по одному конному человѣку.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Казань. Переп. кн. 7, № 142 и 147.

⁵⁾ Въ нѣкоторыхъ волостяхъ мѣстѣ съ приведенными здѣсь встрѣчаются и новыя натуральныя повинности; такъ, напр., въ селѣ Воскресенскомъ съ деревнями крестьянская община обязана была поставлять: пучки луку, дранцы, «каменью, опричь буту» и тому подобное.

⁶⁾ Такъ, въ селѣ Кандаѣ встрѣчаемся съ выходцами изъ Прикамскаго села Чалны, которые на мѣстѣ у себя несли тягло съ полусаена, а въ Кандаѣ платили оброча по 3 съ половиною и по 4 алтына.

отъ этого еще тяжелѣе, и труднѣе было отбывать тягости, лежавшія на общинѣ. Вслѣдствіе чего уровень благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ долженъ былъ понизиться, что не могло не отразиться ближайшимъ образомъ на членахъ общины, владѣвшихъ меншею долею имущества. И дѣйствительно, если уже въ семидесятыхъ годахъ трудно жилось бѣдному крестьянину въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья и онъ, ради лучшихъ заработковъ, уходилъ въ другія мѣста, если и тогда въ людныхъ общинахъ не мало встрѣчаемъ людей, числившихся въ разрядѣ крайне бѣдныхъ — нищихъ, все же подобныя люди были въ состояніи еще каждый лично за себя и всѣхъ выѣсть нести ту незначительную тягость, которая, сообразно ихъ хозяйственному положенію, налагалась на нихъ крестьянскою общиною, знавшею хорошо ихъ экономическое состояніе. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству крестьянъ села Елабуги съ деревнями, еще въ семидесятыхъ годахъ (1678 — 1679) «нищіе-платили съ ними крестьяны всякихъ податей», которые лежали на всѣхъ ихъ; между тѣмъ какъ въ 1701 году та же крестьянская община показываетъ, что за 43 двора нищихъ и нищенскихъ женъ они «платятъ миромъ»¹⁾. Въ другихъ общинахъ въ это время тоже нерѣдко попадаются отдѣльные члены и даже небольшія группы крестьянъ, о которыхъ или говорится, что крестьянинъ «тягла за скудостью не платитъ», или «а тягло для ево скудости платятъ того села крестьяны, или же «тягла на нихъ (крестьянахъ) своево за скудостью нѣтъ, а помогаютъ въ тяглѣ той деревни крестьяномъ»²⁾. Вслѣдствіе тяжелого положенія остающіеся на мѣстахъ крестьяне стремятся найти для себя новыя источники доходовъ, помимо земледѣлія и сѣнокоса, которые мѣстами въ Поволжьѣ не представляютъ для нихъ преж-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Каз. переп. кн. 7, № 151. Въ книгѣ указано, что въ частности платили всѣ дворяне нищихъ въ 1678 по каждому отдѣлу тягостей. То же и въ селѣ Опнахъ — нищіе раньше платили за себя, а потомъ община; см. № 146.

²⁾ Тамъ же №№ 137, 140, 141. Нѣкоторые изъ подобныхъ захудалыхъ крестьянъ отиѣчены, какъ «старинные».

нихъ выгодъ. Такъ, жители Свияжскаго уѣзда села Нижній Услонъ и сосѣднихъ поселковъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ занимаются добычею извести въ горахъ, которую, по всей вѣроятности, съ выгодною для себя сбывали въ Казани и иныхъ ближайшихъ людныхъ пунктахъ. Въ деревнѣ Шумковѣ Казанскаго уѣзда нѣкоторые крестьяне вмѣсто сѣнныхъ покосовъ кормятся, по ихъ показанію, кузнечнымъ и крашеннинымъ мастерствомъ. Въ другихъ мѣстахъ населеніе пользуется особыми свойствами мѣстной глины, изъ которой приготовляетъ посуду, отправляемую для выгоднѣйшаго сбыта въ отдаленную Астрахань¹⁾. Такимъ образомъ, тяжелыя соціальныя и экономическія условія населенія, вмѣстѣ съ истощеніемъ прежняго обилія природныхъ богатствъ въ край, открывшихся, съ начала для поселенца побуждаютъ Поволжанъ внимательнѣе всматриваться въ окружающія ихъ условія, вслѣдствіе чего ихъ энергія и труду открываются новыя поприща для плодотворной дѣятельности. Но если къ большимъ тягостямъ, лежавшимъ на дворцовыхъ крестьянахъ въ описываемое время, присоединялись нѣкоторыя неблагопріятныя случайности²⁾, которымъ иногда подвергались Прикамскія земли, то положеніе несчастныхъ крестьянъ въ такомъ случаѣ становилось мѣстами невыносимымъ. Въ подобномъ состояніи очутилась между прочимъ въ концѣ столѣтія Чалнинская крестьянская община. Въ концѣ семидесятихъ годовъ по описи въ селѣ Чалнахъ находилось 143 крестьянскихъ двора, на которыхъ и рассчитана была вся значительная сумма окладныхъ и леовкладныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, о коихъ говорено было прежде. Между тѣмъ здѣшняя мѣстность вмѣстѣ съ селомъ подверглась, какъ мы уже знаемъ, въ 1682 году нападенію кочевниковъ, послѣ ухода которыхъ 35 дворовыхъ мѣстъ остались пустыми, незастроенными; о бывшихъ ихъ владѣтеляхъ въ концѣ столѣтія говорится «по сказкѣ бурмистра

¹⁾ Тамъ же № 145; «Путеш. Корнелія Де Вруина» 169 и 176 сс.

²⁾ Вторженія кочевниковъ, пожары.

да земскаго старосты», что ихъ «измѣнники Башкирцы и Татара порубили и въ полонъ взяли съ женами и съ дѣтьми, а иные (крестьяне-обладатели дворовъ) отъ нихъ измѣнниковъ въ Камѣ рѣкѣ потонули съ женами и съ дѣтьми, а дворы ихъ (крестьянъ) выжгли» Башкирцы. Послѣ такого разгрома Чалнинскіе крестьяне съ разу очутились въ очень тяжеломъ положеніи: вѣроятно у весьма немногихъ изъ нихъ сохранились дворы послѣ посѣщенія Башкирцевъ; мѣстѣ съ избами должна была погибнуть и большая часть крестьянскаго имущества. Слѣдовательно, послѣ ухода Башкирцевъ крестьянамъ нужно было обзаводиться дворомъ и хозяйствомъ, а тутъ, между тѣмъ, большія тягости и повинности, лежавшія на цѣлой общинѣ, — вслѣдствіе чего и раньше еще нѣкоторые крестьяне изъ среды Чалнинской общины взяты были «въ солдаты въ Чигиринскую службу»¹⁾; теперь же иные крестьяне снаряжены были «къ слюзному дѣлу на Камышенку», другіе отданы «въ крестьянство» Казанскому митрополиту и разнымъ помѣщикамъ²⁾; многіе крестьяне послѣ подобнаго хозяйственнаго погрома, сопровождавшагося и нравственными потрясеніями, неизбѣжными въ такихъ случаяхъ, умерли вскорѣ послѣ этого³⁾; нѣкоторые крестьяне въ перспективѣ тягостей, которыя послѣ Башкирскаго разоренія должны на нихъ обрушиться еще сильнѣе прежняго, не смогли остаться на мѣстѣ и разбѣжались. Какъ результатъ всего этого, въ Чалнахъ къ началу столѣтія «по досмотру» оказалось пустыхъ 82 двора и дворовыхъ мѣста. Но не смотря на значительное уменьшеніе крестьянской общины въ числѣ ея членовъ, она обязана была нести тягости и повинности за полное количество дворовъ, которые значились за ней по описи конца семидесятыхъ годовъ; вслѣдствіе этого Чалнинскіе крестьяне должны были ежегодно вносить: «сошнаго стрѣлцаго хлѣба» съ 56 жилыхъ дворовъ

¹⁾ Таковыхъ было 5 крест. двор.

²⁾ Однихъ и другихъ было болѣе 20 дворовъ крестьянскихъ.

³⁾ Умершихъ дворовъ означено 15; о нѣкоторыхъ сказано «умерли съ женами и дѣтьми».

«19 четвертей съ осьминою и полъ-полъ четверикомъ ржи, овса тожь», а за опустѣлые дворы: «30 четвер. съ осьминою ржи, овса тожь»¹⁾; окладныхъ денежныхъ доходовъ они же платили: за жилые дворы 17 руб. 6 ден., а за опустѣлые 28 руб. 16 алт. съ денгою²⁾. И вотъ въ результатъ такого положенія общины въ началѣ XVIII столѣтія оказалось, что Чалнинскіе крестьяне «той вышеписанной стрѣлцкой хлѣбъ и всякіе денежные доходы за вышеписанныхъ крестьянъ съ пустыхъ дворовъ и мѣстъ (дворовыхъ) платятъ они остальныя крестьяныя съ правесу»,—платятъ, не взирая на то, что «по сказкѣ бурмистра и старосты земскаго съ товарищи всѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ (т. е., крестьянъ, послѣ конхъ остались пустые дворы и дворовыя мѣста) пашенными землями и сѣянными покосами никто не владѣтъ, — лежать въ пустѣ». Повинности Чалнинскіе крестьяне обязаны были отбывать точно также съ жилыхъ и съ пустовыхъ дворовъ³⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что тяжелое состояніе Чалнинской крестьянской общины было въ данное время явленіемъ вовсе не исключительнымъ,—дворцовые крестьяне въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ уѣзда

¹⁾ Хлѣбъ этотъ крестьяне сдавали «въ Астрахани въ Московскую восьмичетвериковую мѣру»; Елабужскіе крестьяне свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что имъ провозъ въ Астрахань своего сошнаго стрѣлцкаго хлѣба 51 четв. ржи, овса тожь обходился въ 33 рубля. Тамъ же № 151.

²⁾ О деньгахъ сказано: «а собираютъ тѣ деньги они (крестьяне) межъ собою по разверсткѣ».

³⁾ Только повинности община несла не за 82, а за 104 пустовые двора что обусловливалось, вѣроятно, тѣмъ, что относительно повинностей къ Чалнамъ приписаны были еще нѣкоторые сосѣднія поселенія,—по крайній мѣрѣ такъ было съ общиною Анатошской волости; въ повинностяхъ отношеніе жилыхъ къ пустовымъ было таково: «да съ нихъ же (т. е. съ Чалнин. крест.) въ прошломъ 1700 году взято было къ сюзному дѣлу на Камышенку въ работу съ жилыхъ съ 56 дв. пѣшихъ 11 челов., (съ 5 дв. одного), да съ лошадыю 1 челов. (съ 50 дв.); да съ пустыхъ съ 104 дв. *допрвлено* на нихъ: пѣшихъ 21 челов., съ лошады 2 челов. А дали они тѣмъ работникамъ найму съ своихъ съ жилыхъ съ 56 дв. коннымъ и пѣш. работникамъ 68 р. съ полтиною, да съ пустыхъ со 104 дв. кон. и пѣш. дано найму 131 руб. съ полтиною». Другіе повинности (къ Шмакову дѣлу, къ лѣсной ронкѣ и т. д. см. выше) рассчитаны были точно также, какъ и эти. Арх. Мин. Юст. Каз. перен. кн. 7, № 151.

находились въ подобномъ же положеніи. Это можно ясно видѣть изъ пражительственнаго распоряженія начала XVIII вѣка (1701 г. март.) въ которомъ говорится: «великому государю учинилось вѣдомо, что *Казанскихъ волостей* всякіе его окладные доходы собираются по окладу¹⁾ не сполна, и мноую доимку собираютъ съ правеежема, для того, что изо многихъ дворцовыхъ селъ крестьяня разошлись въ Казанской же уѣздъ и въ пригороды, и поселились въ иныхъ селахъ и въ деревняхъ и живутъ въ захребетникахъ, а иные въ третчикахъ и въ половищикахъ; покинувъ старыя свои тягла; и съ тѣхъ покидныхъ тяглъ правятъ всякіе окладные доходы на остаточныхъ крестьянѣхъ, и отъ того имъ чинится разоренье и достаточные идутъ въ рознь; а въ кои села и въ деревни перешли въ новы и тѣ живутъ на льготѣ и великаго государя податей не платятъ»²⁾).

Но если въ старыхъ окраинныхъ мѣстностяхъ Поволжья жилось трудно крестьянину, то бобылю здѣсь приходилось еще тяжелѣе. Крестьянинъ при нѣкоторомъ достаткѣ и при поддержкѣ со стороны крестьянской общины, хотя съ трудомъ, но всё же могъ реставрироваться послѣ случайности пожара или нашествія кочевниковъ, — между тѣмъ какъ бобыль такими случайностями низводился на степень нищаго, лишеннаго крова и всякаго имуществва. Послѣ проведенія Закамской черты вѣкоторые изъ переселенцевъ въ надеждѣ, вѣроятно, на хорошую защиту, которую они во время опасности найдутъ за стѣнами остроговъ, построенныхъ на чертѣ, стали селиться подлѣ дворами и зажили тутъ въ качествѣ бобылей. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія число бобылей въ нѣкоторыхъ острожкахъ было уже порядочное³⁾; впрочемъ, однако, очень

¹⁾ Т. е., какъ пояснено раньше, доходы собирались по переписнымъ книгамъ 1678 года.

²⁾ Тамъ же № 151.

³⁾ Тамъ, по описи въ Мензелинскѣ находилось 29 двор. боб.; въ Бяляректѣ — 17 дв.; въ другихъ острожкахъ число ихъ было меньше. Составъ бобылей, судя по такимъ прозвищамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ «Ланишвецъ», «Самара», «Верховецъ» — былъ сбродный.

многимъ бобылямъ пришлось раскаться въ томъ, что они выбрали себѣ для поселенія здѣшнія мѣста. Надо сказать, что бобыли въ острожкахъ, повидимому, также составляли общину, которая отвѣчала предъ правительствомъ за тягости, лежавшія на ея членахъ¹⁾. Между тѣмъ у бобылей, по свидѣтельству служилыхъ и посадскихъ людей, съ которыми тѣ жили въ острожкахъ, «пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ не бывало и никакими торгами и промыслами не промышляли», — кормились же они, «черною работою». Вслѣдствіе своего подобнаго состоянія бобыли за вознагражденіе охотно подряжались къ крестьянскимъ и посадскимъ общинамъ, въ сосѣдствѣ которыхъ проживали, отправлять лежавшія на нихъ натуральныя повинности. Такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ, что бобыли чаще всего посылались «въ работу къ слюзному дѣлу на Камышенку», или же находились «у Шмакова дѣла (?) въ кузницахъ», получая за это плату отъ той-или иной общины. По всей вѣроятности, отправленіе этихъ повинностей было не легкимъ дѣломъ, ибо нерѣдко попадаются извѣстія, что одни бобыли умирали на такихъ работахъ, а другіе съ нихъ убѣгали. Но и хорошо оплаченную черную работу бобылю на мѣстѣ можно было достать лишь при нѣкоторой зажиточности посадскихъ людей, крестьянъ или служилаго сословія, — между тѣмъ, вторженія кочевниковъ и пожары, о которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія въ актахъ того времени, не могли способствовать такой зажиточности здѣшняго населенія. Вслѣдствіе этого болѣе энергическіе бобыли и захребетники поспѣшили, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, перейти въ села и деревни сосѣдней Примайнской страны, гдѣ, благодаря льготамъ и природнымъ богатствамъ тамошнихъ зе-

¹⁾ Это можно видѣть изъ того, что, напр., въ пригородѣ Новошешинскѣ по описи 1678 г. было всего 2 дв. боб., и когда владѣтель одного двора въ началѣ девятинахъ годовъ бѣжалъ съ женою и дѣтьми, то по свидѣтельству оставшагося на мѣстѣ въ началѣ XVIII в. (1701) «и послѣ его Маркова побѣгу всякіе великаго государя подати доправили на немъ Ивашки: сошной хлѣбъ, да за сало и за вятчину 10 алт.; за седла и за уаду 7 алт. 2 ден.» Тамъ же № 151.

мель стали крестьянами, иногда довольно зажиточными¹⁾. Другіе бобыли, лишившись во время пожара или Башкирского вторженія своихъ дворовъ и имущества, уходятъ съ женами и дѣтьми въ инныя мѣста, можетъ быть, болѣе безопасныя отъ нападеній степняковъ, или же съ болѣе зажиточнымъ населеніемъ, гдѣ можно было достать выгодную «черную работу»; факты подобнаго бѣгства бобылей и отдѣльно и цѣлыми группами встрѣчаются здѣсь въ немаломъ количествѣ²⁾. Что касается бобылей, оставшихся на мѣстѣ, то одни изъ нихъ, какъ мы уже сказали, находили себѣ за вознагражденіе отъ своихъ общинъ занятіе въ дали отъ своей осѣдлости, при чемъ иногда продавали свой дворъ и оставляли семью въ крайности; другіе, въ надеждѣ на лучшее будущее, продолжаютъ жить изъ года въ годъ, накапливая всё больше и больше недомокъ, не смотря на сравнительно незначительный оброкъ, платимый лично бобылемъ; третьи, не имѣя ни кола ни двора, проживая въ сосѣдствѣ у посадскаго или служилаго человѣка, или же у своего брата бобыля, кормились случайно перепадавшею на ихъ долю черною работою; иные бобыли, не имѣвшіе двора и жившіе у родственника, отдаются имъ «въ крестьянство помѣщику»; о нѣкоторыхъ же бобыляхъ просто говорится, что они «кормятся христовымъ именемъ». При подобныхъ условіяхъ бобыльской жизни въ пригородахъ на Закамской чертѣ насъ не должно удивлять совершенное отсутствіе бобылей въ нѣко-

¹⁾ Такъ, мы знаемъ, что Тинискіе бобыли были переведены «по ихъ челобитью жить на порожнюю землю, гдѣ ныне ясачное село Кандаля»; о двухъ Старошешминскихъ захребетникахъ также сказано, что они «живутъ въ ясакѣ въ деревнѣ Толкишѣ». Изъ города Симбирска тоже перешло не мало бобылей въ Примайскія поселенія и стали здѣсь крестьянами. Тамъ же №№ 134, 151, 152.

²⁾ Такъ, служилые люди въ Мензелинскѣ свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что «Оска Мойсеевъ (бобыль) съ товарищи, пять человекъ, послѣ бунту измѣнниковъ Башкирцовъ 190 году съ женами и съ дѣтьми бѣжали; а гдѣ они ныне живутъ, и того они (свидѣтельствовавшіе) не знаютъ». Въ другихъ острожкахъ по показанію служилыхъ людей о цѣлыхъ группахъ женъ и дѣтей бобылей, а также и о нихъ самихъ говорится, что одни—послѣ убійства отцевъ и чужей, а другіе послѣ разоренія ихъ дворовъ «разбѣрались въ рознь». Тамъ же №№ 135 и 151.

торыхъ острожкахъ на чертѣ въ началѣ XVIII столѣтія, хотя прежде число ихъ тамъ было довольно значительное; въ иныхъ же пригородахъ застаемъ въ это время одного или двухъ бобылей, причежъ нѣкоторые изъ этихъ немногихъ, возвращенные насильно изъ бѣгства, въ моментъ описи съ семьею «сидятъ въ приказной избѣ за карауломъ» за недоимки и долги, которые на нихъ накопились въ періодъ ихъ бобыльства въ пригородѣ¹⁾.

Изъ представленнаго очерка можно видѣть какъ тяжела была жизнь крестьянина и бобыля въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья на такъ низываемыхъ государевыхъ земляхъ. Трудно предположить чтобъ крестьянамъ и бобылямъ на земляхъ частныхъ людей въ описываемое время жилось лучше. Изъ краткаго обзора предшествовавшаго времени, а также вслѣдствіе усиленія власти помѣщиковъ и вотчинниковъ послѣ прикрѣпленія крестьянъ, слѣдуетъ предполагать, что положеніе ихъ на частныхъ земляхъ должно было стать тяжелѣе. Слова Посошкова, крестьянина конца XVII и начала XVIII столѣтія, могутъ под-

¹⁾ Такъ о бобылѣ Тишиѣ Тихоновѣ, жившемъ въ Занискѣ въ одномъ дворѣ съ братомъ и платившемъ оброку 6 алт. 4 ден. сказано, что онъ послѣ смерти своего брата въ 1701 году «посланъ въ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу, а дворъ брата своего онъ Ивашко продалъ челоуѣку (изъ Кавани), взявъ 20 алт., потому что ему Ивашу Тихонову поднята въ слюзному дѣлу не чѣмъ; а дѣтей у него Ивашка не осталось, а жена его ныне кормится хрестовымъ именею». О Старошешминскомъ бобылѣ Сенкѣ Марковѣ, платившемъ оброку по полтинѣ на годъ и бѣжавшемъ за десять лѣтъ предъ этимъ, говорится «и въ нынѣшнемъ 1701 г. по извѣсту пасынка его (имя и прозв.) приведенъ съ женою въ Старошешминскъ по прежнему, и сидятъ въ приказной избѣ за карауломъ, для того, что на немъ Сенке въ прошлые годы есть въ доимкѣ много его бобыльскаго оброку и всякіе подати». Въ пригородѣ Занискѣ было 5 бобылей, о которыхъ говорится «двора у него не было, жилъ въ сосѣдяхъ», — о всѣхъ о нихъ, а равно и о другихъ бобыляхъ, владѣвшихъ дворами въ иныхъ острожкахъ сказано, что они «кормились хрестовымъ именею и черною работою». Въ Мензелинскѣ въ 1678 г. находилось 29 двор. боб., а въ 1701 г. «на лицо никого не явилось»; въ Билерскѣ въ 1678 г. было 18 дв. боб., а въ нач. XVIII в. сказано: «а ныне тѣхъ бобылей не явилось»; въ Старошешминскѣ было 14 дв. боб., а сохранился только 1 дв. боб.; въ Занискѣ было 8 дв. боб., а осталось лишь 2 дв. боб. Тамъ же №№ 135, 151.

крѣпить собою сказанное. Вотъ что говоритъ умный и наблюдательный Посошковъ, котораго трудно заподозрить въ недостаточномъ знакомствѣ съ бытомъ помѣщичьихъ крестьянъ начала XVIII вѣка, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» въ главѣ, трактующей о крестьянствѣ: «сіе не весьма право зрится мнѣ, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобъ носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не дадутъ крестьянамъ своимъ единого дня еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ.... и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ. *Отъ таковыя нужды (помѣщичьи крестьяне) дома свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Низовыя мѣста, иные жъ во Украинныя, а иные — и въ зарубезжныя¹⁾; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ*. Вслѣдствіе этого авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости самодержавной власти, заинтересованной въ благосостояніи крестьянъ, «понеже крестьянское богатство — богатство царственное», прійти на помощь помѣщичьимъ крестьянамъ, опредѣливши на всегда закономъ «почему имъ (помѣщикамъ) съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и поколику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣла дѣлать, чтобъ имъ (крестьянамъ) сносно было государеву

¹⁾ Между прочимъ на нѣкоторыхъ участкахъ Полоцкой шляхты, возлѣ р. Ути, на которыхъ они получили дворцовыхъ крестьянъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ, въ 1690 году «тѣ крестьяне съ тѣхъ помѣстныхъ жеребьевъ (двухъ) въ бѣгахъ». Арх. Мин. Юст. Казань. Раздаточ. и отказныя кн. разныхъ годовъ XVIII ст. № 6452, кн. 13, № дѣла 55.

подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды»¹⁾). Но чаяніемъ русскаго крестьянина начала XVIII столѣтія и его, повидимому, простымъ и яснымъ мыслямъ суждено было стать законодательнымъ достояніемъ не раньше конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Намъ извѣстно уже, что одна изъ причинъ плохого хозяйственнаго состоянія прежнихъ помѣстій заключалась въ крайней ихъ дробимости, между тѣмъ за новый періодъ времени дробимость эта не уменьшилась, а, кажется, еще болѣе увеличилась. По крайней мѣрѣ, тотъ же Посошковъ, говоря о состояніи дворянскихъ помѣстій въ началѣ XVIII столѣтія, замѣчаетъ, что въ его время *«у одной пустоши бывають владѣльцовъ по 10 и гораздо больше; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется 10 четвертей, инымъ же четверти подвѣ-три, а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую пахотную полосу худу и добрую, всё паюють.... и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ, кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами многія общія земли и пустѣють и деривють и лѣсомъ поростають»*²⁾).

Переходя отъ крестьянъ къ инородцамъ низоваго Поволжья во второй половинѣ XVII вѣка, можно замѣтить, что ихъ положеніе не лучше. Мы уже говорили прежде о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались инородцамъ въ яѣкоторыхъ Поволжскихъ уѣздахъ при сборѣ съ нихъ податей и обращеніи ихъ въ христіанство, притѣсненіяхъ, вызывавшихъ бѣгство инородцевъ съ родныхъ мѣстъ цѣлыми деревнями. Сверхъ того, усиленное участіе инородцевъ низоваго Поволжья въ Разинскомъ бунтѣ, можетъ быть объяснено не исключительно силою въ нихъ противообщественныхъ инстинктовъ, а также вымогательствами и притѣсненіями, испытываемыми ими со стороны пред-

¹⁾ Сочинен. И. Посошкова, т. I. «Книга о скудости и богатствѣ» гл. VII, 182—183 сс.

²⁾ Тамъ же гл. VIII, с. 191. Примеры дробленія помѣстій на отдѣльныя части попадаютъ и между помѣщиками (Шолоховой шляхтою) низоваго Поволжья. Арх. Мин. Юст. Казань, отк. ст. л. кн. 13. № дѣла 55.

ставителей русского государства, стѣснявшихся въ своихъ предосудительныхъ отношеніяхъ къ инородцамъ менѣе, чѣмъ относительно русскихъ крестьянъ. Нами было высказано даже предположеніе, что не только воеводы, но и русскіе люди того времени глядѣли на инородца, человѣка другой вѣры и чуждаго языка, какъ на существо особаго рода, быть можетъ, писшаго порядка сравнительно съ нимъ, православнымъ человѣкомъ¹⁾. Послѣдующія событія свидѣлствуютъ, что притѣсненія инородцевъ продолжаютъ попрежнему; такъ, мы узнаемъ, что подъячіе въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія брали, какъ съ отдѣльныхъ инородцевъ, такъ и съ цѣлыхъ инородческихъ общинъ, деньги въ счётъ тягостей, на нихъ лежавшихъ, не отдавая при этомъ «ниъ отписей въ платежъ тѣхъ денегъ», вслѣдствіе чего брали, по показанію инородцевъ, за одно и то же по два раза въ годъ²⁾. Сказанное можетъ служить доказательствомъ того, что вышеслѣдующія слова Посошкова имѣютъ силу не только относительно начала XVIII-го вѣка, но сохраняютъ значеніе и по отношенію ко второй половинѣ XVII столѣтія. Разсуждая о пользѣ обученія русской грамотѣ инородческой Мордвы Понизовья Посошковъ прибавляетъ, что для нихъ необходимо это сдѣлать «потому что къ нимъ (Мордвѣ) чаще русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подъячіи, овогда съ указомъ, овогда же и безъ указу, и чинятъ что хотятъ, потому что они (инородцы) люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякій ихъ изобижаетъ, и чего въ указъ никогда не бывало, того на нихъ спрашиваютъ и правящею правятъ»³⁾.

¹⁾ Не можетъ ли слѣдующій фактъ отчасти иллюстрировать это. Около половины XVII ст. (1647 г.) въ патриаршемъ селѣ Рождественскомъ, что на Самарской луцѣ, на монастырскомъ дворѣ среди работниковъ отягчены живущими выѣсть съ ними «да Яицкіе казаки дали вкладу въ Преображенскій монастырь *дву татарченковъ* — Сежейку, да Трошку, Осиповыхъ дѣтей». Арх. Мин. Юст. Писц. кн. 30. Самар. у. л. 62.

²⁾ Тамъ же, переп. кн. 7, № 152 лл. 248—250, 260.

³⁾ Соч. Пв. Посошкова, I, 176 с.

Обращаясь, наконецъ, къ обзорѣннѣю состоянія во второй половинѣ XVII вѣка служилыхъ людей, испомѣщенныхъ правительствомъ въ разныхъ мѣстностяхъ низоваго Поволжья, — преимущественно подлѣ городовъ и острожковъ въ нагорной и луговой сторонахъ Волги, я полагаю остановиться особенно на тѣхъ изъ нихъ, которымъ пришлось перейти съ западной окраины на восточную — Поволжскую: на Смоленскихъ казакахъ и на Полоцкой шляхтѣ. Какъ однимъ, такъ и другимъ опасности и случайности пограничной военной службы должны были быть хорошо знакомы. Но, должно быть, тягости военной службы на восточной границѣ Польскаго государства, граничившаго съ Россією, сравнительно съ трудностями службы на восточной окраинѣ Русскаго государства, стали ясными для болѣе интеллигентныхъ изъ нихъ, потому что огромное большинство Полоцкой шляхты отказалось, при условіяхъ окраинной жизни того времени, принимать на рр. Утѣ и Майнѣ земли безъ крестьянъ, вслѣдствіе чего они и были водворены въ городѣ Казани и его пригородахъ. То состояніе, въ какомъ очутились Смоленскіе казаки, поселенные въ острожкахъ по Закамской чертѣ, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія, убѣждаетъ насъ, что нельзя осуждать большинство Полоцкой шляхты за отказъ отъ Примайпскихъ земель въ то время. По первоначальному распоряженію властей, Смоленскіе казаки всѣхъ четырехъ знаменъ должны были получить земли около острожковъ по чертѣ, какъ и русскіе служилые люди. Но вскорѣ оказалось, что предположеніе центральной власти о изобиліи хорошихъ земель для пашни и угодій подлѣ острожковъ должно было отступить предъ дѣйствительностью. Земель, удобныхъ для пахоты, около нѣкоторыхъ острожковъ оказалось очень мало; большая же часть земель, простиравшихся около нихъ, въ это время была недоступна для земледѣлія, «потому что пришли лѣсы большіе и мѣста болотные». Вѣроятно, вслѣдствіе подобныхъ условій Смоленскимъ казакамъ четырехъ знаменъ, которые водворены были на Закамской чертѣ, вмѣсто земель выдавали денежное жалованье по три рубля

человѣку на годъ до 1674 года¹⁾; въ этомъ же году, по указу государя и, должно быть, по согласію Смоленскихъ казаковъ, «имъ вмѣсто денежнаго государева жалованья даны пашенныя земли, и службы великаго государя велѣно имъ служить съ тѣхъ земель, а денежнаго жалованья имъ впредь давать невелѣно». Въ результатъ пахотныя земли, отведенныя Смоленскимъ казакамъ, въ однихъ мѣстахъ оказались малыи, — въ другихъ онѣ соединены были съ нѣкоторыми очень существенными неудобствами для служилыхъ людей, живущихъ постоянно въ острожкахъ. Такъ, Смоленскимъ казакамъ краснаго знамени, которыхъ въ Новошешминскѣ находилось во время отвода 126 человекъ²⁾, пашенной земли въ ближайшемъ полѣ отъ острога — «за валомъ, въ степную сторону по Шешмѣ рѣкѣ» отведено было «мѣрою по полудесятинѣ въ полѣ» на человекъ, — пояснивъ при этомъ, что «больши того въ томъ полѣ пахотныя земли нѣтъ, а прибавить негдѣ, потому что пришли лѣсы большіе и мѣста болотные». Пашни же для остальныхъ двухъ полей могли быть имъ отведены лишь «за валомъ, за Шешмою рѣкою въ степь, за болотами вдаль отъ посаду»³⁾. Смоленскіе казаки бѣлаго знамени, находившіеся въ Тѣинскѣ въ числѣ 134 человекъ⁴⁾, испомѣщены были въ томъ же году (1674) землями вмѣсто денежнаго жалованья, и, должно быть, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ земли съ угодьями отведены были имъ «въ разныхъ мѣстахъ въ десяти и больши верстахъ отъ Тѣинска», такъ что угодья ихъ лежали въ верхнихъ частяхъ рѣки Майны и около рѣчки Хмѣлевки⁵⁾. И вотъ спустя два года послѣ отвода имъ пашенныхъ земель и угодій, «Смоленскіе казаки Закамскихъ городковъ били челомъ великому государю (Федору Алексѣевичу) о денежномъ жалованьѣ», говоря въ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Казань, раздат. и отк. кн. 13, № дѣла 73.

²⁾ Во главѣ ихъ упоминается поручикъ Степанъ Ерофѣевъ Пузанъ.

³⁾ Тамъ же № дѣла 1-ый л. 2.

⁴⁾ Во главѣ Смоленскихъ казаковъ бѣлаго знамени стоятъ, повидимому, поручикъ Павелъ Коскѣевъ.

⁵⁾ Тамъ же № дѣла 50 и 73.

своей челобитной, что «съ земли.... имъ служить великаго государя служба не въ мочу». Тогда для провѣрки жалобы и для лучшаго ознакомленія съ хозяйственнымъ ихъ состояніемъ Новошешминскому воеводѣ¹⁾ поручено было «досмотрить въ правду: что имъ (Смоленскимъ казакамъ въ Новошешминскѣ) земли отведено, и мочно ль имъ съ той земли безъ государева денежнаго жалованья служба служить.... На тѣхъ пашенныхъ земляхъ, которые имъ отведены вмѣсто государева денежнаго жалованья, хлѣбъ они сѣяли, и сколько десятинъ какова хлѣба прежь сего кто сѣялъ и ныне сѣетъ, и впредь кому пахать мочно ли, и сколько той отводной земли въ пустѣ и зачѣмъ тое земли не пахутъ». Новошешминскій воевода, сдѣлавъ осмотръ по данной ему инструкціи, доноситъ, что большинство Новошешминскихъ Смоленскихъ казаковъ за послѣдніе два года пахали лишь одно ближайшее къ нимъ поле, «а вдалѣ имъ земли (т. е. остальные два поля, отведенныя имъ) пахать за приходомъ воровскихъ и воинскихъ людей нелзе потому, что стало въ степи и отъ посадовъ ихъ далече», прибавляя съ своей стороны указаніе, что «около тѣхъ дву полъ никакихъ крѣпей (т. е. укрѣпленныхъ мѣстъ) нѣтъ». Но и въ ближайшемъ къ Новошешминску полѣ не всѣ Смоленскіе казаки были въ состояніи обрабатывать свои земли, — воевода свидѣтельствуетъ, что *«въ томъ полѣ иные доли лежатъ не паханы за скудостью ихъ и за безконностью»*, при чемъ прилагаетъ и поминный списокъ скуднымъ и безконнымъ Смоленскимъ казакамъ, которыхъ оказывается 33 человекъ²⁾. Тѣмъ же Смоленскіе казаки бѣлаго знамени въ своей челобитной государю въ восьмидесятихъ годахъ (1685 г.) также указываютъ на то, что *«ихъ земли лежатъ въ пустѣ за дальностью»*, свидѣтельствуя при

¹⁾ Воеводою былъ—Федоръ Агафонниковъ Неѣловъ.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Казань, отк. кн. 13, № дѣла 1-ый. Среди фамилій скудныхъ встрѣчаются: Сушковъ, Усовъ, Лобановъ и др. нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Сушковы и Лобановы и друг. фигурируютъ теперь въ числѣ дворянскихъ родовъ Уфимской губ. «Истор. библ.» 1873 г. дек. «Очеркъ колониз. Башкир. края» 24 с.

семъ, что у нихъ «за частыми службами и за посылками» не остается времени для обработки земель въ столь отдаленныхъ мѣстахъ; что же касается земель «близъ города», то они говорятъ, что ихъ «мало и скотиннаго выпуска никакого нѣтъ, и въ тѣхъ де дальнихъ мѣstechъ земли имъ пахать не мочь, и отъ того они оскудали безъ остатку»¹⁾).

Не многимъ лучше, вѣроятно, жилось во второй половинѣ XVII вѣка многимъ служилымъ изъ Полоцкой шляхты, испомѣщенныхъ землями по рр. Утѣ и Майнѣ. Такое предположеніе дѣлаемъ не только относительно шляхтичей, получившихъ однѣ земли, а также и по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые на свои помѣстныя земли получили дворцовыхъ крестьянъ. Особенно тяжело приходилось Полоцкой шляхтѣ въ восьмидесятыхъ годахъ описанаго столѣтія, когда Башкирцы въ союзѣ съ Калмыками усердно распоряжались въ Примаинской сторонѣ. Помѣстныя земли нѣкоторыхъ шляхтичей, получившихъ крестьянъ на свои земли, потеряли ихъ скоро, потому что крестьяне воспользовались удобствами въ этомъ отношеніи окраинныхъ земель и убѣжали отъ своихъ новыхъ господъ. Оставшись безъ крестьянъ, при тяжелой окраинной службѣ, среди безпрестанныхъ опасностей со стороны кочеваго непріателя, шляхтѣ было очень трудно успѣшно обрабатывать доставшіяся имъ плодородныя земли, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ «покинули свои земли (на р. Утѣ) переписались служить по Симбирску, и емятъ (въ Симбирскѣ) великихъ государей денежное и хлѣбное жалованье, а земли ихъ лежатъ порожни»; другіе шляхтичи (на р. Майнѣ) «переписались по Казани и по Симбирску, — а земли ихъ ныне (т. е. въ концѣ столѣтія) въ пустѣ»; наконецъ, третьи спѣшатъ обмѣнять въ девяностомъ году свои помѣстья, или же часть ихъ на небольшое количество земли въ другихъ, болѣе безопасныхъ, мѣстахъ Поволжья, перуступая здѣшнія свои земли болѣе мужественнымъ и смѣлымъ изъ русскихъ служилыхъ людей²⁾).

¹⁾ Тамъ же № дѣла 73.

²⁾ Такъ, нѣсколько помѣстій въ Примаинской странѣ вымѣняли у По-

Изъ сказаннаго можно видѣти, что нѣкоторые служилые люди Полоцкой шляхты, быть можетъ, находясь подъ впечатлѣніемъ слишкомъ безпокойныхъ восьмидесятихъ годовъ, стремились въ началѣ девяностыхъ годовъ перебраться съ мѣстъ своего водворенія въ Поволжскіе уѣзды нагорной стороны, болѣе безопасныя относительно вторженія Калмыковъ и Башкирцевъ, чѣмъ Примайнскія земли. Но и жизнь служилыхъ людей нагорной части Поволжья, хотя и была сравнительно безопаснѣе отъ кочевыхъ непріятелей сосѣдней степи, была богата въ описываемое время многими тягостями, которыя по необходимости представители государственной власти на окраинѣ, вслѣдствіе недостатка подъ рукою достаточнаго количества служилыхъ людей, должны были возлагать на немногихъ изъ нихъ, жившихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такъ, солдаты Печерской слободы, что на Самарской луцѣ, бывшіе въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка въ зависимости отъ Сызранскаго воеводы, въ лицѣ своихъ выборныхъ — сержанта и нѣсколькихъ рядовыхъ — свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что имъ на луговой сторонѣ, противъ слободы, не были въ надлежащее время отведены покосы «за ихъ (солдатъ) needбою, для того что всѣ высланы на службу и до ныне служатъ, а которые де остались за старостью и тѣ непрестанно были на караулахъ и въ посылкахъ на Сызрань и въ подвотчикахъ, и въ работѣ на Камышенкѣ»¹⁾.

Но при обиліи тягостей, лежавшихъ на служиломъ чело-
вѣкѣ низоваго Поволжья, требовавшихъ при выполненіи отъ

лоцкихъ шляхтичей Зиѣвы — стольникъ Федоръ Ивановъ и Иванъ Гарасимовъ; первый, напр., промѣнялъ у Казимира Венгьева на р. Уткѣ въ 1690 г. 20 чет. изъ его помѣстья въ кажд. полѣ на 2 чети въ кажд. полѣ своего помѣстья въ Нижегород. у. въ Березопольскомъ стану, при чемъ Венгьевъ за переходіе чети взялъ съ Федора Зиѣва денегъ 20 р.; онъ же вымѣнялъ еще у другого иноземца 60 четв. земли въ кажд. полѣ около Полянскаго городка (подлѣ р. Утки), уступивъ ему изъ своего помѣстья въ Арзам. у. 3 четверь и заплативши 100 р. денегъ «за переходіе чети и крестьянскіе животы», — всего одна семья. Тамъ же №№ дѣлъ 55, 57, 66; Казань, Переп. кн. 7. № 152, л. 76.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Мем. кн. за № 159, л. 365.

него напряженія всей энергіи и больших хлопотъ, жизнь его здѣсь внѣ отправления служебныхъ обязанностей не была свободна отъ случайностей, способныхъ иногда отправлять ему самое существованіе. Подобныя обстоятельства тѣмъ сильнѣе могли чувствоваться въ то время служилымъ человѣкомъ, что семейная сфера въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ была, быть можетъ, единственной для него, гдѣ онъ могъ находить свое отдохновеніе и утѣшеніе отъ многихъ заботъ, которыя возлагались на него на окраинѣ русскимъ государствомъ. И тѣмъ тяжелѣе служилымъ людямъ было выносить оскорбленія своихъ интимныхъ семейныхъ чувствъ, что они дѣлались иногда людьми, которые могли почитаться представителями по преимуществу нравственныхъ началъ. Извѣстно, что Надѣинское Усолѣ, благодаря расположенію царя Алексѣя Михайловича къ монастырю Саввы Сторожевскаго, перешло къ нему во владѣніе. И вотъ монастырскія власти, пользуясь своимъ вліяніемъ и значительными средствами, развили въ здѣшнихъ мѣстахъ значительную дѣятельность, сопровождавшуюся, какъ мы уже видѣли, нѣкоторыми довольно успѣшными колонизаціонными послѣдствіями для края. Къ Усолью, какъ и къ нѣкоторымъ другимъ населеннымъ промышленнымъ пунктамъ низоваго Поволжья, въ интересахъ, должно быть, защиты мѣстнаго населенія отъ случайныхъ опасностей, были приписаны такъ называемые бѣлопашенные казаки. Особенно, какъ мы видѣли, отличался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія энергическою хозяйственною дѣятельностью на пользу своего монастыря соборный старецъ Леонтій Маренцовъ, заправлявшій монастырскимъ хозяйствомъ въ Усолѣ. Но этотъ хозяинъ-колонизаторъ, почувствовавъ на окраинѣ низоваго Поволжья отсутствіе надъ собою высшаго духовнаго авторитета и монастырскаго надзора, совершенно не считалъ для себя обязательнымъ одинъ изъ монашескихъ обѣтовъ — цѣломудріе, и сталъ вести образъ жизни крайне предосудительный для него, какъ представителя монашествующихъ, людей по преимуществу цѣломудренныхъ. Разнуздавшись въ животной похоти, соборный старецъ для удовле-

творенія своей преступной страсти не довольствовался уже ближайшимъ матеріаломъ, который находился у него подъ рукою, а сталъ у бѣлопашенныхъ казаковъ отнимать «своимъ насильствомъ и озорничествомъ женъ отъ мужей.... и дѣвицъ у отцевъ», выдавая послѣднихъ впослѣдствіи «насильствомъ замужъ». Свою челобитную царю по этому поводу несчастные служилые люди Надѣинскаго Усоля заключаютъ такими многозначительными словами «и отъ его (соборнаго старца Маренцова) злою озорничества и разоренія мы съ женами и дѣтьми погибаемъ... а иные многіе разбѣжались»¹⁾.

Говоря о служилыхъ людяхъ низоваго Поволжья, нельзя не упомянуть и о томъ, что они, по крайней мѣрѣ, въ ка-

¹⁾ Эти интересные грамоты напечатаны въ Доп. къ А. И. т. X подъ № 27. (1682—1684 гг.). Одна грамота отъ патріарха Іоакима архимандриту Саввы Сторожевскаго монастыря Сильвестру о розыскѣ надъ Маренцовымъ, въслѣдствіе челобитной поданной патріарху поваромъ Ивашкою Игнатьевымъ Слѣпымъ на соборнаго старца, который «взялъ жену его въ Надѣино Усоліе въ коровницы, и забывъ страхъ Божій, онъ старецъ его жену взялъ къ себѣ по неволѣ и живетъ съ нею блудно, а его де Ивашка билъ и мучилъ и на чѣмъ сажалъ и морилъ голодною смертію. Да онъ же старецъ прежде того племянницу жены вдову (ниа) также взялъ по неволѣ и держалъ на дворѣ и блудно жилъ съ нею и ныне живетъ». Другая грамота — челобитие царю отъ бѣлопашенныхъ казаковъ, приписанныхъ къ Усолію, на того же Маренцова; между прочимъ челобитчики пишутъ, «что онъ (соборный старецъ) своимъ насильствомъ и озорничествомъ, забывъ страхъ Божій, женъ отъ мужей у насъ сиротъ вашихъ отлучилъ блуднымъ насильствомъ. Да онъ же старецъ у многихъ нашихъ братьевъ, для блуднаго воровства, дѣвицъ у отцевъ отнявъ и растля блудомъ, выдаетъ замужъ насильствомъ»: далѣе говорятъ они, что Маренцовъ отнимаетъ у нихъ насильствомъ лошадей «емлетъ взятки, посулы и поминки безпрестанно, и многихъ бьетъ и мучитъ напрасно»; послѣ этого объясняютъ въ частности, что онъ соборный старецъ, у одного жену отнялъ изъ себѣ на блудъ «и тотъ Федка (мужъ) отъ него старца ушелъ»; «да онъ же старецъ отлучилъ жену блуднымъ насильствомъ у Савостки Иванова, а дочь его Авдотьицу емлетъ на блудъ безпрестанно, а его Савостку хочетъ убить до смерти и т. д. въ этомъ же родѣ; изъ челобитной видно жалующихся приложили руны «Уриуецъ» и «Устюженіи». Наконецъ, третья грамота — въ пользу Маренцова, отвергающая приписываемыя ему приписанія; она отъ работныхъ людей «Надѣинскаго Усоля солянаго и рыбнаго промысловъ» и отъ Усольскихъ жителей. Сопоставляя извѣстія всѣхъ грамотъ, трудно сомнѣваться, гдѣ содержится болѣе реальной правды.

зачьей службѣ, могли свободно поступать и потомъ выходить изъ службы въ посадскіе, крестьяне и бобыли; только при этомъ необходимо было оставить на свое мѣсто другого человека, который бы согласился нести службу вмѣсто него; встрѣчаемся даже съ полубовною мѣною людей своими общественнымъ положеніемъ, при чемъ одна изъ сторонъ состоитъ на службѣ¹⁾.

¹⁾ Такъ, въ селѣ Кандага нѣсколько крестьянъ показывали, что сами они или отцы ихъ сперва находились въ казачьей службѣ, которую отъ правили по 10 и больше лѣтъ, а потомъ, оставивъ вмѣсто себя другого, свободно переходили въ крестьяне или бобыли. Служилые люди пригорода Заниска показываютъ объ одномъ Занискомъ бобылѣ слѣдующее: «а двора у него Алешки не бывало, жилъ въ сосѣдехъ у бѣлопашеннаго казака, у зятя своего у Степани Винокурова, и тотъ свой бобыльской оброкъ сдалъ онъ бѣлопашенному казаку Оеонке Родионову сыну Осетрову тому восьмой годъ, а Оеонкину казачью службу снялъ онъ Алешка на себя: и въ нынешнѣ 1701 году сынъ Оеонкинъ Оеонка жъ посланъ къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу, а отецъ его Оеонки Оеонка жъ работаетъ в Казани у Шияжовова дѣла в кузнецахъ, а живутъ они в ясашной деревнѣ Красной Дубровѣ въ одномъ дворѣ. И тотъ сѣмной бобыльской оброкъ онъ Оеонка с сыномъ Оеонкою платятъ по вся годы, а онъ Алешка Ильинъ его Оеонкину службу служить с бѣлопашенными казаки». Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7. №№ 151, 152.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Архивъ Минист. юстиціи, III отд. Казань, раздаточ. и
отказ. кн. 13.

№ 6.

«176 году апрѣля въ 4 день подалъ Ѳеодоръ Черниковъ. Выписалъ ис книгъ на перечень, сколько выбралъ крестьянъ и тѣхъ крестьянъ беречь кому приказалъ и противъ ли указу крестьянъ выбиралъ». «Лѣта 7176 г., февраля въ 25 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по наказу стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго, окольничего Никиты Михайловича Боборыкина, дьяковъ Оеонасыя Ташлыкова, Юрья Блудова, велѣно Ѳеодору Черникову Онучину ѣхать въ Анатолшскую волость и въ Рыбную слободу и въ сѣло Толминское съ приселки и съ деревнями, для того: въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 6 день въ грамоте великаго государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца писано въ Казань къ боярину и воеводамъ ко князю Григорью Семеновичю Куракину съ товарищи,—указалъ великій государь и бояре приговорили Полоцкую всю шляху Гаврила Гаславскаго съ товарищи, которые были на Москвѣ и которые на Москвѣ нѣбыли, а были въ Казани, всѣхъ разобрать по статьямъ въ Казани и устроить ихъ землями въ Казанскомъ уѣздѣ по Закамской чертѣ, а на тѣ земли указалъ великій государь взять крестьянъ ис Казанскаго и изъ Свияжскаго и ис Царевококшаскаго и изъ Еранскаго уѣздовъ, великого государя изъ дворцовыхъ селъ, съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами

и з дѣтьми и со всѣми ихъ животы и с хлѣбомъ; и Ѳеодоръ Черниковъ Онучинъ в Анатошскую волость и в Рыбную слободу и в сѣло Толминское с присеки и з деревнями ѣздилъ и выбиралъ крестьянъ по книгамъ, наковы даны в Казани за дьячею приписью, з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы из середние статьи з жеребья, кому по жеребью и по скасамъ земскихъ старость и всѣхъ крестьянъ за руками довелось, а хто имяны крестьяня выбраны, и тѣхъ выборныхъ крестьянъ имяна и что у ково животовъ и хлѣба и скоту и с которыхъ крестьянъ имяны тѣ выборные крестьяня взяты, и то писаво в книгахъ имянно порознь; и велѣлъ тѣхъ выборныхъ крестьянъ тѣмъ крестьяномъ, с которыхъ они выбраны, беречь до указу великого государя».

(л. л. 2—4)

«Села Толминского крестьянские дворы»: (перечислены по дворамъ отдѣльно двадцать крестьянъ). «И того 20 дворовъ. И с тѣхъ дватцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ из середние статьи, и з жеребья досталось Ивашку Семенову Дуляпехе; у него жена Палашка Сидорова дочь, да два сына: Мишка, Ондрюшка, да дочь — дѣвка Анютка, Степанидка, Ѳеодорка, а у него лошадь да корова, да телца, да теленокъ, двѣ овцы, пятеро свинѣй, да в гумнѣ стоячего хлѣба два овина овса, да посеяно в землѣ три четверика ржи». (Затѣмъ снова перечислены отдѣльно по двор. 20 крест.). «И съ тѣхъ дватцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ изъ середние статьи, и з жеребью досталось Сенке Сидорову Кривоносу; у него жена Окулька Сидорова, да сынъ Тишка, Ивашко, да у негож лошадь да свиня, четыре поросенка, корова, двѣ овцы, да в землѣ посеяно четверть ржи». (Опять 20 дворовъ крест. переч.). «И с тѣхъ 20 двор. выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ изъ середние статьи, и з жеребью досталось Гришке Мелентѣву; у него жена Оеимка Ермолаева да сынъ Васка, да Костка, да дочь дѣвка Василиска, да у него ж лошадь, 3 жеребенка, 10 овецъ, 5 свинѣй, 3 четверика овса, да в землѣ посеяно хлѣба 5 четвериковъ ржи, и приказано тѣ крестьяномъ, коп всей статье писаны, того Гришку беречь з женою и з дѣтьми до указу великого государя, покамѣста ево за помѣщиковъ спросятъ на Закамскую черту». (Снова оп. 20 дв. крест.). «И с тѣхъ 20 дв. выбранъ за полоц. шлях. крестья-

(л. л. 5—6)

(л. л. 7—8)

(л. л. 9—10)

нинъ из середние статьи, и з жеребю досталось Никонку Иванову Мѣдинину; у него жена Марѣутка Григорѣва; у нихъ сынъ Ивашко, Пронка, да 3 дочери дѣвки: Оксютка, да Парашка, да Танька, да у него ж лошадь, корова, да в землѣ посеяно хлѣба 3 четверика ржи. И приказанъ онъ Никонко и з животами бѣречь до указу великаго государя крестьяномъ, кои всѣй статье имяны писаны». Послѣ 20 дв. кр. «И ис тѣхъ двадцати дворовъ выбранъ за по- (л. 11—12) лощую шляхту крест., из жеребю досталось из середние статьи Елисейку Сидорову Кривоносу, у него жена Окулка Васильва, да сынъ Гришка, да 2 дочери дѣвки—Анютка да Улка, да у него ж лошадь, корова, 2 теленка, 3 овцы, свиня, да 3 четверика ржи, 2 четверика овса, да в землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Елисейко з женою и з дѣтьми и со всѣми иво крестьянскими животы приказанъ бѣречи до ук. вел. г-ри крестьяномъ кои всѣй статье имяны писаны».

(л. 13—14)

Деревни Мысу крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И ис тѣхъ двадцати дворовъ выбраны крестьяня из середние статьи и з жеребю досталось за полощую шляхту крестьянину Митке Иевлѣву Подковырину, а у него жена Окулька Микитина дочь, да дѣтей: Бориско, Лукашка, Ѳетка, да дочь дѣвка Оринька, да у него ж лошадь, корова, 10 овецъ, да в землѣ посеяно хлѣба 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Митка з женою и з дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы до указу вел. гос. крестьяномъ кои всей статье писаны». (Снова 20 дв. крест.). «И с тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня в жеребей из середние статьи и з жеребю досталось за полощую шляхту Оске Макарову, у него жена Устиница Антонова дочь, да сынъ Игнашко, Ѳролко, двѣ дочери дѣвки — Овдотица, Огашва, да у него ж лошадь, корова, осмина ржи, 3 овцы, 5 свинѣй, да в землѣ посеяно хлѣба осмина. И тотъ выборной крестьянинъ Оска з женою и з дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы и т. д.

(л. 17—18)

Рыбной Слободы крестьянские дворы: (описаны 20 дворовъ; одинъ дворъ «Дв. Лучка, да Петрушка, да Васка да Максимко Григорѣвы дѣти Палмины»). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня из середние статьи и з жеребю достался полощой шляхте крестьянинъ Ѳролко Емельяновъ Шабановъ, у него братъ Ивашко, у Ѳролка жена Анютка Кон-

- дратіева, да сынъ Ивашко да Сенка, у Ивашка жена Палашка Тимоѣева, да дочь дѣвка Катерина, да у (л. 19—20) него ж лошадь, корова, теленокъ, 3 овцы». (Опять 20 дв. кр.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня из середние статьи, и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Петунка Троимовъ; у него жена Танка Тимоѣева, да сынъ Лаврушка да Мишка, да дочь дѣвка Манка да Анютка, да у него ж лошадь, корова, овца. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ Пятунка бѣречи з женою и з дѣтми и з животы до указу великаго государя темъ крестьяномъ, кои в сей статье имяны писаны». (Л. л. 21—22) речисл. 20 дв.). «И ис тѣхъ 20 дв. выбраны крестьяня в жеребей из средние статьи, и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Гришка Максимовъ, у него жена Овдотица Констентинова дочь, да 2 сына Митка, Васка, у Митки жена Елисаветца; у него ж 2 лошади, корова, 4 овцы, свинія; в землѣ посеяно (л. 22—23) осмина ржи».

- Анатошские волости* крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И того 20 дворовъ; и с тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей изъ середние статьи и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Васка Яковлевъ, у него жена Огашка Семенова дочь, да сынъ Ѳетка, у Ѳетки сынъ Ивашко, Анкудинко, Ондрюшка; у него 2 лошади, 3 коровы, 8 овецъ, 2 свини, 10 поросятъ, четверть муки ржаные, 3 чети овса, осмина полбы, осмина ячменя; в землѣ посеяно хлѣба 2 чети. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ Васка Яковлевъ до ук. вел. государя бер. тѣмъ крест., кои вс. ст. им. писаны». (Снова переч. 20 дв. (л. 24—25) кр.). «И ис тѣхъ 20 дв. выбр. крест. въ жеребей из середние ст. і жеребью достался полоц. шлях. крестьянинъ Васка Ермолаевъ; у него жена Оеѣмка Степанова дочь, да сынъ Трионко, Васка, да дочь дѣвка Мареутка, Палашка; да у него ж 2 лошади, корова, теленокъ, 6 овецъ, шестеро свинѣй, 3 четверика муки ржаной, четверть овса; да въ землѣ посеяно хлѣба—четверть ржи. И тотъ выбор. крест. Васка Ермолаевъ з жен. и з дѣт. приказ. бѣречи и т. д. какъ (л. 26—27) прежде.

«*Деревни Полянки* крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). И ис тѣхъ 20 дв. и т. д. по прежнему, и з жеребью достался полоцкой шляхтѣ крестьянинъ Исачко Микитинъ, у него жена Овдотица Тимоѣева дочь, да у него ж сынъ Стенка, у Стенки 2 сына—

Матюшка, Ивашко; да у него ж 2 лошади, корова, 3 овцы, свиня; да въ зѣмлѣ посеяно хлѣба — четверикъ ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. по прежнему.

(л. 28—29)

Села Ураю крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И всего в сей статье 20 дворовъ. И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня в жеребей из середние статьи и из жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Ивашко Дементиевъ; у него жена Уля Иванова, братъ Ганка, у Ивашки сынъ Ивашко да пасынокъ Ивашко Левонтьевъ, да Ганька Федоровъ; да у него ж лошадь, да жеребенокъ, корова, 3 овцы, десятеро свинѣй, осмина ржи, 2 чети овса, четверикъ конопляного семени, четверикъ ячмени, да в зѣмлѣ посеяно ржи 5 четвериковъ. И тотъ выборной крестьянинъ Ивашко Дементіевъ з женою и з дѣтми и т. д. (Снова перечислены 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Васка Прокопьевъ, у него жена Орипка Дмитрѣева дочь, да сынъ Емилка; у него лошадь, корова, 3 овцы, осмина ржи, да в землѣ посеяно ржи осмина. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. какъ и прежде. (Опять переч. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны въ жеребей крестьяня изъ середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Никонко Клементиевъ, у него жена Оероска Максимова дочь, да сынъ Максимко да Ивашко, да дочь Наталица, да Паранка; у него ж двѣ лошади, 3 овцы; въ зѣмлѣ посеяно осмина ржи».

(л. 33—34)

Села Бетково крестьянские дворы: (переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дв.; и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня изъ середние статьи, и з жеребю достался полоц. шлях. крестьянинъ Стенка Игнатіевъ, у него жена Орипка Захарова дочь, да у него ж 5 сыновъ—Галахтионко, Сидорко, Ивашко, Ротка, Максимко; да у него ж лошадь да жеребенокъ, 2 овцы, въ зѣмлѣ посеяно четверикъ ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з дѣтми и со всѣми крестьянскими животы приказанъ бѣречи до указу вел. гос. крестьяномъ, кои въ сѣй статьѣ ияны писаны».

(л. 35—36)

Деревни Шумковы крестьянскіе дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И того 20 дв., и ис тѣхъ 20 двор. выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю досталось полоц. шляхте крестьянинъ Овонна

Сергѣивъ, у него жена Варка Иванова дочь да 2 сына—Митка да Окимко, да двѣ дочери дѣвки—Танка, Овероска; да у него ж лошадь, двѣ коровы, 3 овцы, 6 свинѣй, четверикъ ржи, четверть овса, осмина полбы, да в землѣ посеяно 3 осмины ржи. И тотъ выборный крестьянинъ з женою и з детьми и со всѣми
(л. 39—40) крестьянскими животы приказанъ бѣречи и т. д.

Деревня Ошмянъ крестьянские дворы: (перечисл. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ и т. д. какъ прежде, и з жеребю дост. полоц. шлях. крестьянинъ Тимошка Евсѣевъ Бирюковъ, у него жена Ооимка Оедорова дочь да два сына—Данилко, Пронка, да 2 дочери дѣвки—Огашка, Елисаветина, да у него ж лошадь, корова, четверикъ муки, 3 овцы, 2 свини, въ землѣ посеяно осмина ржи. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ з женою и з дѣтми бѣречи до указу вел. гос. крестьяномъ, кои в сей статье имяны
(л. 41—42) писаны». (Снова переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дв., и ис тѣхъ 20 двор. выбраны крестьяне и т. д. и з жер. дост. полоц. шлях. крестьянинъ Олешка Васильевъ Мамонъ, у него жена Танка Тимоѣева дочь, да сынъ Петрушка, да у него ж 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини, четверикъ ржи, осмина овса, да в зѣмле посеяно осмина ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з жен. з дѣтми до указу вел. гос.
(л. 43—44) приказанъ бѣречи и т. д.

Села Рождественскою крестьянские дворы: (переч. 20 двор.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяни въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Петрушка Васильевъ, у него жена Оксютка Наумова дочь, да дочь дѣвка Катерина; да у него ж 2 лошади, корова, теленокъ, 9 овецъ, 4 свини, четверть овса; да в землѣ посеяно осмина ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з детьми до указу великого государя приказанъ бѣречи крестьяномъ и пр. (Снова переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ, и ис тех 20 двор. выбраны крестьяни въ жеребей из середние статьи и т. д. крестьянинъ Ивашко Аникиевъ Щербакъ, у него жена Лукерица Иванова дочь, да сынъ Акинсейко, да двѣ дочери дѣвки—Анютка, Марeutка, да пасынокъ Петрушка Филиппевъ, да у него ж 2 лошади, 2 коровы, 3 овцы; въ землѣ посеяно полтора четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з детьми приказанъ бѣречи и проч. какъ въ
(л. 45—46) прош. (Затѣмъ описаны два двора того же села, да

14 дворовъ деревни *Топтевы*, къ которымъ прибавлены 4 двора села Рождественскаго). «И того 20 дворовъ, и изъ тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей изъ середние статьи и зъ жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Васка Карповъ, (деревни Топтевой) у него жена Хаврошка Михайлова дочь, да у него ж лошадь, корова, 2 теленка, 4 овцы, да в земле посаено четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. какъ прежде. (л. 49—50)

Села Сабуголь крестьянские дворы: (перечислено 14 двор. крест.); *села Бѣткови*—(переч. 6 двор. кр.). «И того 20 дворовъ и изъ тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей изъ середние статьи и зъ жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Ивашко Дмитрѣивъ (изъ села Сабуголь), у него жена Манна Васильева дочь, да 3 сына — Гурка, Ивашко, Сила, да племянникъ Сенка женатъ; да у него ж скота: 2 лошади, жеребенки, 3 коровы, 2 теленка, 10 овецъ, свинья, 5 поросятъ, да четверть муки, четверть овса; да в землѣ посаено 3 осмины ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Ивашко Дмитрѣивъ зъ женою и зъ дѣтми приказанъ бѣречи до указу и т. д. (л. 51—53)

Села Воскресенскаго крестьянские дворы: (переч. 20 двор. крестьянскихъ, среди которыхъ «дворъ вдова Окудка Осипова у нѣе сынъ Стенка»). «И изъ тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей и зъ жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Гришка Ортемивъ, а у него скоту: 2 лошади, корова, 2 овцы, свиня, молоченаго хлѣба осмина ржи, да в землѣ посаено 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Гришка Ортемивъ зъ женою(?) и зъ дѣтми(?) и со всѣми крестьянскими животы приказанъ бѣречи до указу вел. государя крестьяномъ, кои в сей статьи имяны писаны». (л. 54—55)

Тоюжъ села Воскресенскаго деревни Побѣдиловы крестьянские дворы (переч. 20 дв. крест.). «И изъ тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей изъ середние статьи и изъ жеребю достался полоц. шлях. крестьянинъ Оилка Василивъ, у него жена Мареутка Васильева, да 4 сына: Ягонка—женатъ, Ондрюшка, Янушко, Ганка, да у него ж скоту: лошадь, корова, 10 овецъ, свиня, осмина ржи; въ землѣ посаено 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Оилка Василивъ зъ женою и зъ дѣтми приказанъ бѣречи и т. д. (Затѣмъ перечисл. 9 дв. крест. той же деревни, среди которыхъ дв. вдовы; потомъ 11 дворовъ деревни Ко- (л. л. 47—49)

кушкины). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ деревни Побѣдиловы Васка Микитинъ, у него жена Дарица Ларивонова; да скоту: лошадь з жеребенкомъ, 4 овцы, четверть ржи, четверикъ овса, четверикъ пшеницы; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Васка Микитинъ з женою и з дѣтми, приказанъ бѣречи и т. д.

(л. 50—51) *Тоюже села Воскресенскою деревни Середнихъ Атаръ* (переч. 14 дворовъ крест, между которыми дв. вдовы) затѣмъ: «*деревни Заднихъ Атаръ*: (переч. 6 дворовъ). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ деревни Середнихъ Атаръ Пронка Давыдовъ,—у него жена Марѹтка Микиеорова, да четыре сына: Осташка, Ѳетка, Пронка, Ивашко, а скоту: лошадь, 3 овцы, свиня; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. д. по прежнему.

Тоюже деревни Заднихъ Атаръ: (переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Трошка Тимоѡвѣвъ, у него жена Варварка Иванова, да 2 сына: Ларка—женатъ, Якушка; да скоту: 2 лошади, корова, 5 овецъ, 3 четверика овса, осмина ржи, батманъ пшеницы; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ приказанъ бѣречи до указу великого государя крестьяномъ, кои всей статѣ имяны писаны».

5.

(л. 1-я). «187 г. Книги Кукарской слободы з деревнями выборнымъ крестьяномъ, которые выбраны за полоцкую шляхту во крестьяня из середние стати жереби».

(л. 2). «*Починка Толминская* — крестьянинъ Овдѣйка Родионовъ сынъ Кочергинъ, у него жена Анютка Алексѣева дочь; дѣтей — сынъ Гришка 20 лѣтъ, да сынъ Ларка 16 лѣтъ; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ, 2 коровы, 2 четверика овса, овинъ ржи, да в землѣ посеяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жучковы* — Илюшка Григорьевъ сынъ Мандри, у него жена Дунка Анисимова дочь; дѣтей:

сынъ Лукашка—женатъ, у Лукашки сынъ Еремка 3-хъ лѣтъ, дочь дѣвка Опроска; пожитковъ: 2 лошади, 2 коровы, 8 овецъ, 4 четверти ржи, 8 четвертей овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Починка Черепанова* — крестьянинъ Янушко Евсѣевъ сынъ Некрасовъ, у него жена Дунка Семенова дочь, дѣтей: сынъ Савка — женатъ, у Савки сынъ Ларка 5 лѣтъ; пожитковъ: 2 лошади, жеребенокъ, 4 коровы, 6 овецъ, 2 четверти ржи, 4 четверти овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Греховы* — крестьянинъ Лазарко Федоровъ сынъ Золотаревъ, у него жена Наташка Никитина дочь, дѣтей: сынъ Аеонка 12 лѣтъ, сынъ Стенка 8 лѣтъ, сынъ Сенка 5 л., сынъ Ивашко 2 л., дочь дѣвка Федоска; пожитковъ: лошадь да корова, 4 овцы, 2 теленка, осмина ржи, осмина овса, четверникъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Медведевы* — крестьянинъ Пашка Прокофьевъ сынъ Черепановъ, у него жена Огашка Иванова дочь; дѣтей: сынъ Аеонка — женатъ, сынъ Никитка 4 лѣтъ, сынъ Ивашко полугоду, 3 дочери дѣвки: Оксютка, да Оришка, да Дунка; да внучка Дунка ж; пожитковъ: 2 лошади, 4 четверти овса; ржаные муки четверикъ, 3 четверика ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Тоеже деревни* — крестьянинъ Федка Фокинъ, у него жена Оленка Исакіева дочь; дѣтей: сынъ Ягунка 5 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, теленокъ, 3 овцы, осмина ржи, 3 осмины овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи». (л. 3).

«*Деревни Осинки* — крестьянинъ Гришка Андрѣевъ сынъ Шеломенцовъ, у него жена Оксютка Андрѣева дочь; дѣтей: сынъ Серешко — женатъ, сынъ Оска 15 лѣтъ, 3 дочери: Устинна, да Василиска, да Оришка; пожитковъ: лошадь да корова, 3 овцы, 3 теленка, 2 четверти ржи, 5 четвертей овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жаворонковы* — крестьянинъ Ивашко Родионовъ сынъ Синцовъ, у него жена Оришка Трѣонова дочь; дѣтей: пасынокъ Васка Аеонасѣевъ, у Васки сынъ Ивашко году, у него 2 дочери дѣвки — Маришна да Сонка, у него ж Ивашка падчерица, дѣвка ж; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 6 овецъ,

четверикъ ржи, осмина ячменю, да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Кукарской* — крестьянинъ Купришка Карповъ сынъ Глазыревъ, у него жена Улга, дѣтей: 3 дочери дѣвки — Оксютка, Дунка да Параска; пожитковъ: лошадь, да корова; в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Села Ишлыка* — крестьянинъ Левка Анисимовъ сынъ Сушавинъ, у него жена Параска Третьякова дочь; дѣтей: сынъ Сенка 3 лѣтъ, дочь дѣвка Улга; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ, 2 коровы, 5 овецъ, четверикъ ржи, четверть овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л. 4).

«*Деревни Палника* — крестьянинъ Максимко Степановъ сынъ Пушкаревъ, у него жена Анятка Козмина дочь; дѣтей: сынъ Оск — женатъ, сынъ Аеонка 9 лѣтъ, сынъ Алешка 2 лѣтъ; пожитковъ: 2 лошади, жеребенокъ, 2 коровы, 9 овецъ, 3 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ивашко Аеонасьевъ сынъ Зыкинъ, у него жена Олисаветка Аеонасьева дочь; дѣтей: сынъ Гаранка 10 лѣтъ, сынъ Гришка 8 л., сынъ Ивашко 4 л., 2 дочери дѣвки — Федоска да Улга; пожитковъ: лошадь, да жеребенокъ, да корова, 10 овецъ, четверть овса; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Деревни Заборской* — крестьянинъ Ивашко Федоровъ, у него жена Парашка Сидорова, нѣтъ дѣтей, пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 5 телятъ, 5 овецъ; четверикъ ржи, 3 четверика овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Силдуса* — крестьянинъ Мартинко Тимоѣевъ сынъ Малковъ, у него жена Анятка Сидорова дочь; дѣтей: сынъ Кирюшка — женатъ, сынъ Стенка 4 лѣтъ, 3 дочери дѣвки — Антонидка да Оришка, да Федоска; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, да корова, четверо телятъ, 5 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, четверть ячменю, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Сухоруковы* — крестьянинъ Ганка Томиловъ сынъ Мошвинъ, у него жена Маришка Мойсѣева дочь; дѣтей: сынъ Стенка 10 лѣтъ, сынъ Якушка 7 л., сынъ Евтошка 5 лѣтъ, сынъ Ивашко 5 л., дочь дѣвка Федоска; пожитковъ: 2 лошади, да ко-

рова, трое телятъ, осмина ржи, 3 четверти овса, да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Деревни Лоптины* — крестьянинъ Данилко Артемьевъ сынъ Маточкинъ, у него жена Федоска Обросимова дочь; дѣтей: сынъ Оетка 5 лѣтъ, сынъ Бирюшка 4 л., сынъ Оилка году; пожитковъ: лошадь да корова, 2 овцы, четверикъ ржи, четверть овса; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Шубинские* — крестьянинъ Тимошка Андрѣевъ сынъ Горевъ, у него жена Настка Павлова дочь; дѣтей: сынъ Емелка, 2 дочери дѣвки — Дунка да Василиска; пожитковъ: лошадь да корова с теленкомъ, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Якимко Семеновъ сынъ Дудолодовъ, у него жена Оксютка Каликина дочь; дѣтей: сынъ Костка 15 лѣтъ, дочь Акилинка; пожитковъ: кобыла зъ жеребенкомъ, да корова, два теленка, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Сидоркины* — крестьянинъ Тимошка Аѳонасьевъ, у него жена Опроска Тимоѣева дочь; дѣтей: сынъ Антипка 12 лѣтъ, Макарка 6 л., да сынъ Ларка 14 лѣтъ, двѣ дочери дѣвки — Дунка да Огашка; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, 3 коровы, 3 телятъ, 7 овецъ, четверикъ ржи, 4 четверти овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Толкины* — крестьянинъ Тимошка Юрьевъ сынъ Вошкинъ, у него дѣтей: Ведейка — женатъ, 3 дочери дѣвки: Окулка да Улка, да Федоска; у Ведейки дочь Паранка; пожитковъ — лошадь, да корова с теленкомъ, четыре овцы, четверть ржи, 2 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Гришка Ивановъ сынъ Патрушинъ, у него жена Опроска Есипова дочь; дѣтей: сынъ Гришка — женатъ, сынъ Аѳонка 3 лѣтъ, дочь дѣвка Федоска; пожитковъ: 2 лошади, 3 коровы, 2 теленка, 10 овецъ, четверть ржи, 5 четвертей овса, четверть ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Села Ильинскаго* — крестьянинъ Стенка Феофиловъ сынъ Ведерниковъ, у него жена Федоска Семей-

нова дочь; дѣтей: сынъ Федотко 3 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 4 овцы, 3 четверти ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Галожидовы* — крестьянинъ Лазорко Антоновъ сынъ Шершневъ, у него жена Ховрюшка Оотиева дочь; дѣтей: сынъ Данилка шти лѣтъ, сынъ Карпушка 4 л., сынъ Оксенко 2 л., дочь Огашка; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ да корова, 2 теленка, 3 овцы, четверикъ ржи, 2 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Косогорской* — крестьянинъ Илюшка Андрѣевъ сынъ Волиня, у него жена Катерина Максимова дочь; дѣтей: сынъ Ларка; пожитковъ: кобыла 3 овцы, 3 четверика ржи, 2 четверти овса, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 5 четвериковъ ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ларка Гавриловъ сынъ Гнаващевъ, у него жена Манка Аеонасьева дочь; да пожитковъ: лошадь, 3 коровы, 5 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, четверть полбы; да в землѣ посѣяно полторы четверти ржи».

(л. 7).

«*Деревни Дубровы* — крестьянинъ Сенка Ивановъ сынъ Порминъ, у него жена Грунка Логинова дочь; дѣтей: сынъ Панкратко 14 л., сынъ Митюшка 5 л., дочь дѣвка Анятка; пожитковъ: кобыла, 2 коровы, 2 теленка, 6 овецъ, четверикъ ржи, четверть овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Кошелевы* — крестьянинъ Оска Денисовъ сынъ Метелевъ, у него жена Лукшатка Микитина дочь; дѣтей: сынъ Евсѣвейко 4 л., да братъ Гришка Ивановъ, вдовъ, у Гришки сынъ Ивашко Тихій, у Оски дочь дѣвка Оксютка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 7 овецъ, четверть ржи, 2 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Запоровской* — крестьянинъ Оетка Насоновъ, у него дѣтей: сынъ Якушка — женатъ, дочь дѣвка Маня; пожитковъ: лошадь да корова, 2 теленка, 4 овцы, четверикъ ржи, полтора четверти овса, четверикъ ячменю, четверикъ полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«Тоеже деревни» — крестьянинъ Потышво Еремѣевъ сынъ Гиревъ, у него жена Лукшарка Кирилова дочь; дѣтей: сынъ Селиванко, сынъ Лазарко — женатъ, дочь дѣвка Улка; да у Лазарка дочь дѣвка Василиска; пожитковъ: 2 лошади, корова, 4 телятъ, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четвртки овса, осмина ячменю; да в землѣ полторы четвртки ржи».

Деревни Палтины — крестьянинъ Оброско Петровъ сынъ Черного, у него жена Федоска Назарова дочь; дѣтей: сынъ Пронка — женатъ, четыре дочери дѣвки — Соломонидка, Огашка, Анютка, Еленка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 4 теленка, 6 овецъ, четвртки ржи, полторы четвртки овса, четвртки ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четвртки ржи». (л. 8).

Деревни Самыловы — крестьянинъ Фетка Ермолаевъ сынъ Пуртовъ, у него жена Федорка Антонова дочь; дѣтей: сынъ Юрька 2 л., пятеро дочерей, дѣвки — Дунка, да Улка, да Еленка, да Танка, да Федорка; пожитковъ: лошадь, да корова, 2 теленка, четвртки ржи, 2 четвртки овса; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

Деревни Шалаховы — крестьянинъ Бориско Козинъ сынъ Аноореивъ, у него жена Манка Еминова дочь, дѣтей — сынъ Мишка 5 л., сынъ Родка 2 л., дочь дѣвка Федорка; пожитковъ: 2 лошади, да 2 коровы, 3 теленка, 4 овцы, осмина ржи, четврть овса, полтора четвртки ячменю, четврть полбы; да в землѣ посѣяно четврть ржи».

Деревни Гайдура — крестьянинъ Оброско Евдоимовъ сынъ Спицынъ, у него жена Опроска Федорова дочь; дѣтей: 2 дочери дѣвки — Федулка да Матрена; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, четврть ржи, 3 четвртки овса, четвртки ячменю, четвртки полбы; да в землѣ посѣяно 2 четвртки ржи».

Деревни Усть Чернорычки — крестьянинъ Оничка Марковъ сынъ Жеребцовъ, у него жена Агашка Максимова дочь, дѣтей: сынъ Савка 8 л., сынъ Гришка 5 л., сынъ Никфорко 2 л., дочь дѣвка Соека; пожитковъ: лошадь да корова, 2 теленка, семь овецъ, полъ четвртки ржи, четвртки овса, четвртки полбы; да в землѣ посѣяно 3 четвртки ржи». (л. 9).

Деревни Зараменской — Сенка Корма сынъ Саваловъ, у него жена Каптеянка; пожитковъ: 5 лошадей, 5 коровъ, теленокъ, 7 овецъ, 6 овинъ ржи,

10 четвертей овса, четверть ячменю, 2 четверти полбы; да в землѣ посѣяно полторы четверти ржи».

«*Деревни Володины* — крестьянинъ Ивашко Васильевъ сынъ Злобинъ, у него жена Оеколка Григорьева дочь; дѣтей: сынъ Ларка 10 л., у него ж пасынокъ Гришка 10 л., 2 дочери дѣвки — Улка да Оедоска; пожитковъ: лошадь в жеребенкомъ да корова, да нетелъ, 3 овцы; четверть ржи, 2 четверти овса, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жеребцовы* — крестьянинъ Васка Леонтьевъ сынъ Комовъ, у него жена Устенка Карманова дочь; дѣтей: сынъ Стенка — женатъ, у Стенки сынъ Оилка 3 л., у Васки дочь дѣвка Танка, у Стенки сынъ Васка году; пожитковъ: 2 лошади, корова да нетелъ, 10 овецъ, 3 овина ржи, 3 четверти овса, четверикъ ячменю, полторы четверти полбы; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жаравлевы* — крестьянинъ Андришка Ларионовъ сынъ Марихинъ, у него жена Оеколка Якимова дочь, да сынъ Потапка 3 л., 3 дочери — Оксютка да Анютка, да Акилинка; пожитковъ: лошадь да корова, 2 натели, 7 овецъ, 3 четверика ржи, полторы четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л. 10).

«*Деревни Емельяновской* — крестьянинъ Васка Ивановъ сынъ Ковалевъ, у него жена Настка Яковлева; дѣтей: сынъ Матюшка 10 л., сынъ Петрушка шти лѣтъ, сынъ Мишка 4 л., 3 дочери дѣвки — Оедорка, да Оришка, да Дунка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 3 телятъ, 5 овецъ, 2 четверти овса, осмина ячменю, 3 четверика полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Починка Левки Тарасова* — крестьянинъ Якуша Антипинъ сынъ Сухово, у него жена Дашка Оялипьева дочь; дѣтей: сынъ Гришка — женатъ, у Гришки сынъ Алешка 3 л. да пріемышъ Лучка Софоновъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 3 теленка, 8 овецъ, четверикъ ржи, 2 четверти овса, осмина ячменю, осмина полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Мансуровы* — крестьянинъ Ларка Болдиновъ сынъ Хвостовъ, у него жена Дунка Луккина дочь; дѣтей: сынъ Лазорко 3 л., у него же братъ Костка — женатъ, да братъ Ивашко 7 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 3 овцы, четверикъ ржи,

2 четверти овса, пол четверика ячменю, осмина полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Кокановы* — крестьянинъ Сенка Ивановъ сынъ Корчагинъ, у него жена Степанидка Леонтьева дочь; дѣтей: сынъ Митка — женатъ, сынъ Олика 15 л., сынъ Гришка 10 л., сынъ Вахрушка 7 л.; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, трое телятъ, 2 четверти овса, четверикъ ячменю, осмина полбы; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л. 11).

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Федотко Ильинъ, сынъ Турусинъ, у него жена Федорка Иванова дочь, у нихъ племянникъ Киприанко Тимоѣевъ 5 л.; пожитковъ: лошадь да корова, 3 телятъ, 2 четверти овса, 3 четверика полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Лесниковы* — крестьянинъ Терешка Наумовъ сынъ Глотовъ, у него жена Олика Ермолаева дочь; дѣтей: сынъ Ивашко — женатъ, да сынъ Гришка — женатъ, у Ивашка сынъ Маркелко 5 л., 2 дочери — Марейца да Федоска; пожитковъ: 3 лошади, да жеребенко, 4 коровы, 7 телятъ, 10 овецъ, 2 четверти ржи, 8 четвертей овса, четверть ячменю, овинъ ржи; да в землѣ посѣяно 9 четвериковъ ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Якимко Осиповъ сынъ Тарасовъ, у него жена Матренка Агаѣонова дочь; дѣтей: сынъ Енка — женатъ, да сынъ Андрюшка 14 л., да сынъ Вавилко 10 л.; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 6 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Зауляевы* — крестьянинъ Юрька Соверновъ сынъ Соколовъ, у него жена Федоска Терентьева дочь; дѣтей: сынъ Данилко 12 л., сынъ Мартыяно 13 л., сынъ Мишка 13 л., 2 дочери дѣвки — Катеринка да Степанидка; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, 2 коровы, 3 телятъ, 4 овцы, четверть ржи, 4 четверти овса, осмина ячменю: да в землѣ посѣяно четверть ржи».

Той-же книги № 4.

«Лѣта 7106 г. февраля въ 25 день по Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца

(л. 1).

указу и по наказу столника и воевод князя Юрия Петровича Трубецкого, окольничего Никиты Михайловича Боборыкина, дьяковъ Аеонасія Ташлыкова, Юрия Блудова,— велѣно Григорию Сарыпицыну ѣхать в Свияжской уездъ великаго государя в дворцовые села и в деревни, а в тѣхъ селахъ и в деревняхъ велено выбрать з двадцати дворовъ по крестьянину з женами и з детьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы з жеребю за полоцкую шляхту Гаврила Голславскаго с товарищи; и Григорей Скрыпицынъ в Свияжской уездъ великаго государя в дворцовые села и в деревни ѣздилъ, и в тѣхъ селахъ и в деревняхъ противъ наказу по книгамъ из середние статьи по жеребю з двадцати дворовъ по крестьянину выбралъ, а кого имяны крестьянъ выбралъ и что у тѣхъ выборныхъ крестьянъ дѣтей и братьей и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и животовъ и хлѣба молоченного и земляного, и то писано в сихъ книгахъ порознь по статьямъ; а тѣхъ селъ — села Тенковъ и села Ключищъ старосты и всѣ крестьяне великаго государя указу непослушали, учинились слупы, к книгамъ рукъ не приложили и сказокъ за руками не дали; а выборныхъ крестьянъ, которые выбраны за полоцкую шляхту велѣлъ беречь до указу великаго государя тѣхъ селъ и деревень крестьяномъ, съ кого они взяты.

(л. 2).

(л. 3—4). *«Села Тенковъ — (перечислены 20 дворовъ крест.). «Итого 20 дворовъ; и из тѣхъ двадцати дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние статьи Оетка Васильивъ Крапивинъ, детей у него: Гришка, Стенка, Мишка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; пять четвертей всякаго хлѣба молочного, да посѣяно в землѣ четь ржи».*

(л. 4—5).

(Снова перечислены 20 дв. кр.) «Итого 20 двор., и изъ тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Ивашко Оедоровъ; дѣтей у него: Ивашко, Артюшка, Оролко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; всякаго хлѣба 3 четверти молоченного, да посѣяно в землѣ осмина ржи».

(Перечисл. 20 дв. кр.) «Итого 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Егорию Еенимовъ; у него братьей — Харка, Трошка, Савка; у него сынъ — Дениско; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; всякаго хлѣба 4 четверти молоченного, да посѣяно в землѣ осмина ржи».

(Перечисл. 20 дв. крест.). «И того 20 двор., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Степка Карповъ, у него детей: Данилко, Гурка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ, 3 свини; всякаго хлѣба 2 четверти молоченого, да посѣяно в земле четь ржи».

(л. 8—9).

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из средней стати Тимошка Прокоевъ, у него пасынки: Мелешка, Оеонка Прокоевы дѣти; у Тимошки сынъ Васка у Васки сынъ Оска; скотины: 3 лошади, корова, 5 овецъ, 4 свини; всякаго хлѣба четверть, да посѣяно в земле осмина ржи».

(л. 9—10).

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ полоцкой шляхте крестьянинъ из средней стати Ивашко Павловъ; у него братъ Тимошка; сынъ у него Ивашко, да у него ж племянникъ Оилка Ипполитовъ; скотины: 2 лошади, 2 коровы; всякаго хлѣба 2 четверти, да посѣяно в земле осмина ржи».

(л. 11—12).

Села Ключица: (перечисл. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ и из тѣхъ 20 дворовъ, выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из средней стати Терешко Прокоевъ, у него сынъ Тимошка, да Стенка, да пасынокъ Никонко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 6 свиней; хлѣба — осмина ржи, осмина пшеницы, да посѣяно в земле ржи четь».

(л. 11—12).

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Трионко Ивановъ; у него сынъ Андрюшка; у Андрюшки дѣтей — Гришка да Оилка; да скотины: 3 лошади, 2 коровы, 3 овцы, 5 свиней; хлѣба 3 осмины, да посѣяно в землѣ четь ржи».

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из средней стати Левка Аввакумовъ; у него сынъ Овдейко, да пасынки — Оедка да Ивашко Авгѣевы; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 7 овецъ, 5 свиней; хлѣба — три чети молоченнаго, да посѣяно в земле четь ржи».

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Сенка Менѣевъ; у него дѣтей — Пашка да Ивашко, да пасынокъ Андрюшка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини, хлѣба молоченнаго четь, да посѣяно в земле ржи осмина».

- (л. 18—19) *(Перечисл. 16 дв. кр.)* послѣ чего «да к селу Ключищамъ придано из села Тенковъ в прибавку» прибавлено нѣсколько дв. «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Олѣерко Даниловъ, у него сынъ Пронка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 7 овецъ, 3 свини; хлѣба молоченого 3 осмины, да посѣяно в землѣ ржи четь».
- (л. 19—20) *«Деревни Матюшкина починка—(переч. 20 дв. кр.)*. «Итого 20 дворовъ и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Авонка Семеновъ Коровлевъ, у него сынъ Ивашко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 8 овецъ, 10 свиней; всякого молоченого хлѣба 3 чети, посѣяно в землѣ 2 чети ржи».
- (л. 20—21) *(Перечисл. 20 дв. крест.)*. «И т. 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из средней стати Якушка Михайловъ Студенецъ; у него сынъ Емелка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, хлѣба всякого молоченого 2 чети, да посѣяно в землѣ четь ржи».
- (л. 21—22) *(Перечисл. 20 дв. крест.)*. «И т. 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте изъ середние стати Петръ Семеновъ; у него сынъ Микишка, Лукашка, Алешка; скотины: 2 лошади, корова, телица, 10 овецъ, 5 свиней, всякого хлѣба 3 чети, да посѣяно в землѣ четь ржи».
- (л. 22—23) *Села что бывала деревня Шалана—(перечисл. 20 дв.)*. «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Карпунка Харитоновъ, у него детей: Ивашко, Ивстюшка; скотины: лошадь, корова, 3 свини; всякого хлѣба четвечть, да посѣяно в землѣ осмина ржи».
- (л. 24—25) *(Перечисл. 16 двор. кр.)*. «А къ селу Шаланге придано из села Тенковъ в прибавку» (еще переч. 4 двора кр.). «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхтѣ из средней стати Алешка Полѣхтовъ; у него детей: Ивашко да братъ Якушка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 6 овецъ; 2 четверти хлѣба молоченого, да посѣяно в землѣ осмина ржи».
- (л. 25—26) *Деревни Ташевки: (перечисл. 20 двор. крест.)*. «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из средней стати Дениско Лаврентиевъ; у него детей: Тихонко, Ивашко, Я-

нимко; скотины: 2 лошади, 3 коровы, 5 овецъ, 6 сви-
ней; всякого хлѣба молоченого 3 четверти; да по-
сѣяно в земле четверти ржи».

(Перечисл. 15 двор. кр.). «Итого 15 дворовъ, и
из тѣхъ 15 дворовъ взять за полоцкую шляхту кре- (л. 27—28)
стьяни из средней стати Ивашко Аникѣивъ; у него
детей: Васка, Мишка; скотины: 2 лошади, 2 коровы,
5 овецъ, 3 свини; хлѣба всякого 2 чети; да посѣяно в
земле осмина ржи».

Той же кн. № 3.

«Лѣта 7106, севраля въ 25 день по государеву ца- (л. 2)
реву и великого князя Алексѣя Михайловича всея
великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу
и по наказу столника и воевод князь Юри Петро-
вича Трубецкого, околничего Никиты Михайловича
Боборыкина, дьяковъ Овонасія Ташлыкова, Юри Блу-
доза—велѣли Миките Маркову ѣхать из Казани въ
Царевоскокшаской для того: в нынешнемъ во 106
году сентября въ 26 день в грамоте великого госу-
даря царя и великого князя Алексѣя Михайловича
всея велик. и мал. и бѣл. Рос. самод. писано въ Ка-
зань в боярину и воеводамъ ко князю Григорю Се-
меновичу Куракину с товарищи—указалъ великій го-
сударь и бояре приговорили: полоцкую и всю шлях-
ту Гаврилова полку Гаславского с товарищи, кото-
рые были на Москве и которые на Москве не были,
а были в Казани, всехъ разобрать по статямъ и
устроить ихъ землями в Казанскомъ уѣздѣ по За-
камской черте; а на те земли указалъ великій госу-
дарь взять крестьянъ из Казанского и из Свіяжско-
го и из Царевоскокшаского и из Еранского уѣздовъ (л. 3)
великого государя из дворцовыхъ селъ в 20 дворовъ
по крестьянину з женами и з детьми и со всеми ихъ
животы и с хлѣбомъ. И Микита Марковъ пріѣхавъ
в Царевоскокшаской взялъ у воеводы у Вилинбаша
Ахлебинина да у подячего у Луки Скрыпова пере-
писные книги великого государя дворцовой волости
за рукою подячего Луки Скрыпова, и по княгамъ
выбралъ в дватцати дворовъ по крестьянину з же-
нами и з детьми и со всеми ихъ животы изъ сред-
ние стати по скасамъ дворцовой волости старосты
и велѣхъ крестьянъ за руками быть доведетца, и с
хлѣбомъ стоячимъ и с молоченымъ и з землянымъ,
которой посѣянъ къ нынешнему во 106 году, и тѣхъ
выборныхъ крестьянъ имена со отцы и с прозвищи

и их детей и братю и племянниковъ, которые с теми выборными крестьяны въ однихъ дворахъ живутъ, и что у ково живота и хлѣба, и с которыхъ крестьянъ ияны тѣ выборные крестьяны взяты и тому книги имяно порознь и по статямъ».

(л. 4—7)

Деревни Вараксины: (перечислены дворами и семьями 18 дворовъ кр.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Серешка Тимоѣев, жена у него Овдотица Савелева; детей у него 3 сына, — Кирюшка — женатъ, Анисимко 10 л., Петрушка шти лѣтъ; у Кирюшки жена Матренка Григорьева, да сынъ Оеонка году; а живота у него: 2 лошади, да 2 жеребенка — годовники, да корова, да 2 теленка — годовникижъ, да 3 овцы; молоченого хлеба 5 четвериковъ ржи, овса тожъ; посеено ржи — 3 четверика, овса посеено 8 четвериковъ».

(л. 7—10)

Деревни Лапины: (переч. 19 двор крест. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ Ондрюшка Тимоѣевъ, жена у него Онтонидка Павлова, да у него 2 пасынка: Микитка — женатъ, да Трошка 8 лѣтъ — Олексѣевы дѣти; у Микитки жена Оеолка Михайлова; а живота у него: 2 лошади, да корова, да нетель, да телница полутора году, да 3 овцы, да свиня; молоченого хлѣба: ржи 5 четвериковъ, овса тожъ; посеено ржи осмина, а овса посеено 8 четвериковъ».

(л. 11—14)

Деревни Березовы: (переч. 19 дв. съ семьями кр.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Березовы Трошка Онтипинъ, жена у него Мамельница Трофимова; дѣтей у него 4 сына: Матюшка 14 л., Ондрюшка 12 л., Микешка 7 л. Демка 5 л.; да 3 дочери: Оксютка 10 л., Овдотица шти лѣтъ, Соломонидка дву лѣтъ; а живота у него: 2 лошади, да корова, 4 овцы, 6 свиней; оржаной муки — осмина; молоченнаго хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено ржи 3 четверика, а овса посеено 6 четвериковъ».

(л. 14—18)

Починка Мосина: (переч. 10 дв. кр. съ сем.); *Починокъ Мышинъ:* (переч. 4 дв. кр. съ сем.); *Починка Маркова:* (переч. 2 дв. кр. съ сем.); *Деревни Березовы:* (переч. 3 дв. кр. съ сем.) «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ починва Мосина Соеронка Савелевъ, жена у него Маврутка Микитина, да 2 сына: Ивашко 13 л., Ортюшка 4 недел; 2 дочери: Огроенка 8 л., Оришка 3 л.; а живота у него: 2 лошади, да 2 коровы, 4 овцы; а молоченого хлѣба — 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено ржи 4 четве-

рика, да всякова ярова хлѣба посеено 8 четвериковъ».

«*Деревня Коряковская*: (переч. 16 кр. дв. съ сем.); (л. 18—21)
«*Починка Маркова*» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); «*Починка Голзеев*» (1 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Коряковские Минитка Ороловъ сынъ Туманниъ; жена у него Анютка Зотѣва; детей у него 5 сыновъ: Ивашко 13 л., Сидорка 8 л., Игонка 5 л., Карпунка да Семенка—двойни, 3 летъ, да 2 дочери: Василиска 15 л., да Василиска ж 5 л.; а скотины у него: 2 лошади, 3 коровы, 5 овецъ, да пятеро свиней; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи осмина, да ерובה хлѣба посеено 4 четверика».

«*Деревня Пахомова*» (переч. 9 дв. кр. съ сем.); (л. 22—25)
«*Починка Гозева*» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); «*Деревня Вяткина*» (переч. 8 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Пахомовы Ѳедка Созоновъ, жена у него Мамелѣнца Прокопѣева; детей у него: сынъ Ивашко 10 л., Гришка 8 л., Ивашко шти лѣтъ; дочери: Устиница 5 л., Окулка—полугоду; а живота у него: 2 лошади, да 2 коровы, 4 овцы, 2 свини; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи: 3 четверика, а овса посеено 5 четвериковъ».

«*Деревни Жуковы*: (переч. 4 дв. кр. съ сем.); *Починка Ширянкова*: (переч. 4 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбраны крестьянинъ деревни Ширянкова починка Созонка да Ниеонка Ниеантовыхъ детей Нестеровыхъ; у нихъ мать Ѳедорка Сергѣева; у Созонка жена Анютка Яковлева; детей у него два сына: Тимко по седмому году, Ѳедосейко по пятому году, да дочь Окулка—полугоду; у Ниеонка жена Василиска Михайлова, да сынъ Агейко по другому году; а живота у нихъ: 2 лошади, да 3 коровы, да 3 телонка, да 2 овцы, да 5 свиней; а молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, овса тож; посеено ржи осмина, а овса посеено 6 четвериковъ».

Деревня Княжия. (Перечисл. 19 кр. дв. съ сем.). (л. 29—32)
«А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тожъ деревни Княжия Васка Ивановъ, жена у него Оришка Киприянова, детей у него: сынъ Спирка; у Спирки жена Матренка Микиѳорова; а скотины у него 2 лошади, да 2 коровы, да нетель, 4 овцы, да одна свиня; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, овса тож; посеено ржи 3 четверика, да ерובה всякова хлѣба посеено 8 четвериковъ».

- (л. 33—36) *(Той же деревни* переч. 14 дв. съ сем.); *Починок Семенов* (переч. 4 дв. кр. съ сем.). А о техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Княжни Матюшка Дорофеевъ, жена у него Устиница Иванова, да 4 сына: Ивашко 17 л., Якимко 15 л., Пашка двунадцати летъ, Стенка 8 л., да дочь Ориница 4 л.; а скотины у него: кобыла з жеребенкомъ, да 2 коровы; молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож, а посѣено всякова ероваго хлѣба 3 четверика».
- (л. 36—40) *Деревня Середня Кузнецовская* (переч. 12 крест. дв. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоуж деревни средние Кузнецовские Оочка Ивановъ; жена у него Василиска Улянова, да сынъ Дороейко—женатъ; да 2 дочери: Улянка да Анютка 8 л., да зять Ульянкинъ мужъ Оедка Овуловъ; у Дороейка жена Ненилка Микитина; да у Оедки сынъ Лаврушка; а скотины у него: 2 лошади да 2 коровы, 4 овцы, 6 свиней, молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено: ржи осмина, а овса посѣяно 4 четверика, да ячменю пол четверика, да пышеницы бажня».
- (л. 40—44) *Деревня Далная Кузнецовская*: (перечисл. 19 дв. крест. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоуж деревни Далные Кузнецовские Гришка Ооонасьевъ, жена у него Варварка Оедорова, да 4 сына: Оедка — женатъ, да Кирюшка 10 л., да Ооонка 7 л., да Савка 4 л., да 2 дочери Оленка шти летъ, Ульянка 3 л.; у Оедки жена Окулка Кузмина; а скотины у него: 3 лошади, да жеребенокъ, да 5 коровъ, 4 овцы; а молоченого хлѣба: 5 четвертой ржи, а овса тож; а посѣяно ржи 5 четвериковъ, а овса посѣяно 10 четвериковъ».
- (л. 44—48) «*Починок Юшков* (переч. 15 двор. кр. съ сем.); *дерев. Далная Кузнецовская* (переч. 3 дв. кр. съ сем.). «А съ техъ дворовъ выбраны крестьяня починка Юшкова Доронка да Захарко Полуехтовы дети; у Доронки жена Матренка Прокоьева, да пасынокъ у него Якимко Минитинъ 10 л.; у Захарка жена Василиска Иванова; а скотины у нихъ: 2 лошади, да корова, 3 овцы, 4 свини; а молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи три четверика, а еророва хлѣба посѣяно 4 четверика».
- (л. 48—50) «*Починок Якимов*: (перечисл. 5 кр. дв. съ сем.); *Починок Кожина*: (переч. 6 дв. кр. съ сем.); *Починок Инатъев*: (переч. 3 дв. кр. съ сем.); *Починок Семенов*: (переч. 2 дв. кр. съ сем.); *деревня Середня Кузнецовская*: (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «А о техъ дво-

ровъ выбранъ крестьянинъ починка Якимова Кирюшка Родивоновъ; жена у него Федорка Васильева, да детей у него два сына: Максимко 7 л., Мишка 5 л., да дочь Матрена 10 л.; а скотины у него: 2 лошади, да 2 коровы, да 3 овцы; молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи 3 четверти казенныхъ, да три четверти овса».

Той же книги № 2.

«Лѣта 7106 Феврала въ 25 день по государеву (л. 1)

цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу столнникъ и воевода князь Юрьи Петровичъ Трубецкой, околничій Никита Михайловичъ Боборыкинъ, дѣяки Оеонасей Ташлыковъ, Юри Блудовъ велели Миките Маркову ѣхать в село Лебяже, для того...

(л. 2)
(дальше дословно тоже, что и въ предыдущемъ)... и прѣхавъ в село Лебяже и в том селе и в деревняхъ переписать крестьянъ и соседъ и подсоседниковъ и ихъ братю и племянниковъ со отцы и прозвищи всякого человѣка, и переписатьъ выбрать из того села и из деревень в дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з детьми и со всеми ихъ крестьянскими животы и з хлѣбомъ стоячимъ и с молочнымъ и землянымъ, которой посеенъ ко 106 году; а кого имянемъ выбранъ и с конихъ дворовъ и тому книги имяные под семъ доѣздомъ».

«Книги села Лебяжа и деревнямъ и починкамъ крестьянамъ имяные».

«Села Лебяжа»: (переч. 9 дв. кр. съ сем.); «Деревня Тишкина починка» (переч. 4 кр. дв. съ сем.); «Починокъ Малыхъ Шорей» (переч. 4 дв. кр. съ сем.); «Деревни Большой Шоры» (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Большой Шоры Янка да Ивашко Родивоновы дети Астраханцы; у Янка жена Соломонидка Огаеонава, детей у него 2 сына—Мишка 10 л. да Демка 4 л., да 2 дочери—Оришка 12 л., Оносидка 3 л.; у Ивашки жена Устиница Оролова, детей у него: 2 сына—Микоеорка 4 л., да Митка полутора году; скотины у нихъ: 2 лошади да 2 жеребенаа, 4 коровы, да быкъ, да 3 теленка, 9 овецъ, 2 свини; молоченого хлѣба: овса 5 четвериковъ, ржи осмина, ячменю четверикъ, оршаной муки четверикъ; посеено ржи 3 четверика».

«Деревни Большой Шоры»: (переч. 3 кр. дв. съ (л. 8—12) сем.), «Деревни Лоптевы» (переч. 3 дв. кр. съ сем.)

«Деревни Олаоновские» (1 дв. кр. съ сем.). «Починки Наискоовская» (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «Починки на юрахъ над озеры» (переч. 2 кр. дв. съ сем.). «Починки Микитки Богаева». «Дв. крестьянинъ Микитка, да Марчко, да Союнко, да Ларка, да Овдохимко Савины дети Богаевы; у Микитки жена Оришка Лузина; детей у него: сынъ Федка, да дочери Оксьютка да Федорка; у Марчки жена Окулька Саонова; детей у нихъ: сынъ Юрька, да 2 дочери—Огрооенка, да Василиска; у Союнка жена Палашка Григорьева; детей у него—сынъ Мишка; у Ларки жена Анютка Федосьева». «Деревня Куркурская» (переч. 5 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ Ондрюшка Михайловъ сынъ Вышивцовъ, жена у него Степанидка Гаврилова; детей у него 2 сына—Семионко 13 л., Ондръянко шти летъ, да 2 дочери—Матренка 11 л., Василиска 3 л.; скотины у него: 3 лошади, да 3 жеребенка, да корова, 5 теленокъ, 15 овецъ, 6 свиней; молоченого хлѣба: ржи 5 четвертей, овса 7 четвертей, ячменю осмина, полбы 3 четверика».

(л. 13—19) «Починки Бакаевъ» (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «Починки Кремонки» 1 дв. кр. изъ 2 хъ братьевъ съ сем.). Починки Пермская (переч. 10 дв. кр. съ сем.). Починки на Дуброве Лаптева» (переч. 6 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ починки Пермскаго Феѳилко Ивановъ сынъ Ворыпаевъ, у него жена Пестелиница Кирилова; детей у него: сынъ Микитка 10 л., да пасынокъ Левка Огаловъ 12 л., да 2 дочери—Окулька 11 л., Наташка 7 л.; да у него ж соседъ Захарко Харитоновъ, жена у него Улинка Минѣева; да захребетникъ Кормушка Давыдовъ, жена у него Анютка Огалова, сынъ у него Давыдко 2 л.; у Феѳилка скотины: лошадь, да 2 жеребенка, да корова, 2 телонка, 2 овцы, 4 свини, посеено хлѣба ржи осмина; молоченого хлѣба: ржи четверикъ, овса 2 четверика, полбы 3 четверика, ячменю осмина; у Захарка скотины: корова, 2 овцы, овса четверикъ; у Кормушки: одна лошадь, хлѣба ржи осмина».

(л. 20—23) «Починки Золотина» (переч. 7 дв. кр. съ сем.). «Починки Калянурской» (описаны 2 дв. кр. съ сем.). «Деревня Кореновская» (оп. 2 дв. кр. съ сем.). Деревни Реткины (перечисл. 8 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ починки Калянурскаго Алешка Парееновъ сынъ Сукъсынъ, жена у него Паранка Иванова; детей у него: сынъ Федка полугодю,

да 2 дочери—Овдотица 12 л., Овдотица ж 4 л.; скотины у него: 3 лошади, да 2 коровы, 3 телонка, да 3 овцы, 4 свини, 2 поросенка (зимняковъ); молоченого хлѣба: ржи четверть, овса 3 четверти, четверть полбы, ячменю четверякъ; посеено ржи 3 четверика.

«Деревни Толунбаики» (переч 8 дв. кр. съ сем.). (л. 23—29)
 «Деревни Тулунбаска» (опис. 5 дв. кр. съ сем.). «Починокъ вершина по Тулунбайке речке» (опис. 1 дв. крес. съ сем.). «Починокъ Шишкинъ» (опис. 3 дв. кр. съ сем.). «Починокъ Дьяковъ» (опис. 2 кр. съ сем.). Починка Жукова» (опис. 1 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворов выбран крестьянинъ деревни Реткины Ивашко Григорьевъ сынъ Белянинъ; у него жена Анютка Евонкова; детей у него 5 сыновъ: Гришка да Васка, да Костюнка, да Марчко, да Микитка; у Гришки жена Домнина, у него 2 дочери—Оринка 4 л., Машка—году; у Васи жена Окула Потапова, да сынъ Кузюка году; у негож скотины: 2 лошади, 2 коровы, да телелъ, 2 теленка, 5 овецъ, 5 свиней; молоченого хлѣба ржи осмина, овса 3 четверти с осминою, ячменю осмина; посеено ржи четверть».

«Да осталось четыре двора починка Жукова» (они описаны въ концѣ съ семьями).

УКАЗАТЕЛЬ ПОСЕЛЕНИЙ.

А.

Агайбашъ дер. Казан. у. 104 пр. 3.
 Агышева дер. Свияж. у. 9 пр. 1, 18, 19,
 44 пр. 2, 59, 60 пр. 1.
 Айбаша дер. Каз. у. 293 пр. 3.
 Александрова дер. Саранск. у. 196.
 Алексеевская дер. Сарат. у. 334 пр. 1.
 Анатошъ село Казан. у. 84 пр. 2, 111
 пр. 3.
 Арбугинскія слоб. Симб. у. 190 пр. 3.
 Архангельское—Городище село Каз. у.
 333.
 Архангельское или Бурнашево татар-
 ское Свияж. у. 51.
 Архангельское — Сосновый островъ
 тожъ Сар. у. 241.
 Аскуда дер. Сам. у. 233.
 Ахметова — Мироново дер. Каз. у.
 298.

Б.

Байгювъ дер. Каз. у. 104 пр. 4.
 Бетки село Каз. у. 84 пр. 2, 111 пр. 3.
 Биларскъ городъ на Закам. чер. 169
 пр. 1.
 Богацкая дер. Казан. у. 291.
 Богдановъ почин. Каз. у. 130 пр. 2.
 Богданкина дер. Симб. у. 295 пр. 4.
 Богородское — Грязнуха село Каз. у.
 333 пр. 1.
 Богородицкй мон. въ Свияж. 11, 12.
 Богородское село Каз. у. 92, 93 пр. 1.
 Борисова дер. Казан. у. 90 пр. 1, 109
 пр. 2.
 Борисоглебское — Плетени тожъ Каз.
 у. 88, 89, 107, 108.
 Бранинъ почин. Чебокс. у. 35 пр. 1.
 Врусина дер. Сам. у. 233 пр. 1.
 Бурнашево село Свияж. у. 5, 50 пр. 2,
 61 пр. 1, 62 пр. 3.
 Бусурманская слоб. Св. у. 10, 49 пр. 1.
 Бѣлая Волошка дер. Св. у. 51 пр. 2,
 61 пр. 1, 63 пр. 2.

Бѣлый Яръ городъ на Закам. чертѣ
 141—144.
 Быкова поляна дер. Каз. у. 331.

В.

Варсоноевъ почин. Св. у. 15.
 Вердываская слоб. Симб. у. 79.
 Верхній Сундырь поч. Чебокс. у. 35
 пр. 1.
 Войкина дер. Каз. у. 293.
 Волосниковка дер. Каз. у. 286 пр. 2.
 Воробьевъ поч. Св. у. 43 пр. 2.
 Ворошиловъ поч. Чебокс. у. 35 пр. 1.
 Выпозова дер. Самар. у. 230 пр. 2.

Г.

Городище сальцо Св. у. 14, 18, 19, 20
 пр. 1, 21, 43.
 Гремячей поч. Св. у. 4 пр. 1.
 Грязнуха село Каз. у. 285, 305, 306.

Д.

Денисовъ поч. Чебокс. у. 35.
 Дмитриевскъ, Камышинъ городъ 218.
 Долгое Озеро дер. Каз. у. 297 пр. 1.
 Долгушевъ почин. Св. у. 45 пр. 3.

Е.

Енгильдѣвъ поч. - дер. Каз. у. 110
 пр. 1.
 Еремкина дер. Симб. у. 298 пр. 4.
 Ертуганова дер. Каз. у. 295 пр. 3.
 Ерылинскй острогъ на Закам. чертѣ
 146—147.

Ж.

Жилецкая слобода Св. у. 50 пр. 2, 63
 пр. 2.
 Жуковъ почин. Св. у. 4 пр. 1.

З.

Задние Атары дер. Каз. у. 111 пр. 3.
 Занисскъ городъ на Закам. чертъ 161.
 Закамская уярън. черта 140—167.
 Застепная дер. Каз. у. 256.
 Золотаревка дер. Каз. у. 333 пр. 1.

И.

Ильинское село Сам. у. 229—230 пр. 1.
 Исаръ городъ на Симб. чертъ 75, 76.
 Исаково сельцо, а пот. село Св. у. 9
 пр. 1, 12 пр. 1, 26, 48.
 Ишери село Каз. у. 104.

К.

Кандава - Большая село Каз. у. 284—
 285 пр. 1, 304—305.
 Кандава-Малая пос. Каз. у. 317.
 Карлинская слоб. Св. у. 72 пр. 2.
 Каширскъ городъ на Волгѣ 238 пр. 3.
 Кладеево дер. Св. у. 17 пр. 2, 43, 45
 пр. 3.
 Кильнинскій острож. Тет. у. 72, 187,
 188 пр. 1.
 Кичуевскъ остр. на Закам. чер. 159—
 160.
 Ключевъ почин. Св. у. 7 пр. 2.
 Ключищенская слоб. Симб. у. 218.
 Колмантан дер. 334 пр. 1.
 Корноуховъ поч. Св. у. 44 пр. 2.
 Костентаповъ поч. Чебокс. у. 35 пр. 1.
 Красная Горка дер. Св. у. 9 пр. 1.
 Кременни село Каз. у. 285, 305—306.
 Кременская слоб. Симб. у. 218.
 Кривушинская слобода Симб. у. 218.
 Кругловъ поч. Уени. у. 135 пр. 5.
 Кузмикина дер. Св. у. 8 пр. 1, 46, 59
 пр. 2.
 Кузьминкина дер. Каз. у. 85 пр. 1.
 Кузьминъ поч. Св. у. 45 пр. 3.
 Кукарская слоб. Каз. у. 98, 99, 113.
 Кулунча дер. Тет. у. 67 пр. 4.
 Куровской поч. Св. у. 15.
 Куюкъ сельцо Каз. у. 110 пр. 1.

Л.

Ларина-Валак Волошка дер. Св. у. 4
 пр. 1.
 Лебяжье-Озеро дер. Каз. у. 331.

М.

Майна Верхняя село Каз. у. 291.
 Майнскій острогъ 267—268.

Малыишъ волость Каз. у. 104 пр. 4.
 Малыновка село Сар. у. 242.
 Маркваша дер. Самар. у. 231.
 Маркваша село Св. у. 5, 10.
 Маркова дер. Уени. у. 135 пр. 3.
 Матвеевка дер. Каз. у. 287 пр. 1.
 Монвельинскій остр. на Закам. чер. 163—
 164.

Мечасовскій почин. Тет. у. 67 пр. 4.
 Моляковъ поч. Чеб. у. 35 пр. 1.
 Мысь (Чалны) село Уени. у. 136 пр.
 2 и 3, 137, 151.

Н.

Набережная слоб. Уени. у. 137 пр. 3.
 Налетова дер. Каз. у. 295 пр. 1.
 Налуевская слоб. Пенз. у. 235.
 Некрасовъ почин. Каз. у. 92 пр. 1.
 Никольское-Черемшанъ село Каз. у.
 333 пр. 1.
 Никоновъ почин. Св. у. 45 пр. 3.
 Новая деревня Новокульская 299 пр. 1.
 Новая дер., а Старая Нижняя Вязовая
 токъ Свияж. у. 56 пр. 1.
 Новодръвичье село Симб. у. 243.
 Новое дер Свияж. у. 7 пр. 2.
 Новое Никольское, Жуковино токъ
 Каз. у. 168 пр. 1.
 Новоселии дер. Каз. у. 90 пр. 1, 109
 пр. 2.
 Новое село (быв. дер. Салменцова) Св.
 у. 44, 53 пр. 1, 59.
 Новошешминскъ остр. на Закам. чертъ
 157—158.

О.

Одинокая Береза дер. Св. у. 45 пр. 1.
 Основный Буеракъ дерев. Сам. у. 231.
 Ошнинъ дер. Каз. у. 85 пр. 1.

П.

Павловскъ городъ 247.
 Панская дерев. Симб. у. 219—220.
 Патрикеевъ почин. Свияж. у. 45 пр. 3.
 Пенза городъ 234 пр. 1.
 Петровскъ городъ 247.
 Печерская слоб. Симр. у. 237—238.
 Печнищи почин., пот. дерев. Св. у. 15,
 45 пр. 3, 56 пр. 1.
 Победиловъ поч. Каз. у. 111 пр. 3.
 Подшиваловъ почин. Чебокс. у. 35 пр. 1.
 Полянка дер. Каз. у. 256.
 Полянскій городъ 269 пр. 2.
 Помряскина дер. Каз. у. 287, 318.

Поповка дер. Каз. у. 109 пр. 2.
Пролей Каша дер. Тет. у. 27, 28, 66, 67.

Р.

Равеская пустынь Каз. у. 102.
Решетниковъ поч. Каз. у. 91.
Рякина дер. Каз. у. 319—320 пр. 1.
Рождественское село Сам. у. 229.
Рождественское-Сосновка Каз. у. 333 пр. 1.
Рыбная слоб. Каз. у. 83, 84 пр. 1.
Рыкова Поляна поч. Св. у. 45 пр. 1.

С.

Савинъ почин. Уем. у. 135 пр. 4.
Самара городъ 228—229.
Самарская Лука 220—222.
Саваровъ поч. Каз. у. 93 пр. 1.
Свинны горы дерев. Каз. у. 270—272.
Семлендова дер. Св. у. 44, 53 пр. 1.
Семибратенникова дер. Каз. у. 89, 90 пр. 1, 109 пр. 1.
Семковерная пустынь Каз. у. 103.
Сенгилъевская слоб. Симб. у. 191.
Сергѣевское-Воскресенское тожъ с. 244.
Середь Тихихъ горъ дер. Уе. у. 151.
Слобода на Коровей Гривѣ Св. у. 49 пр. 1.
Симбирская укрѣп. черта 74 75.
Симбирскій уездъ 217—218.
Симбирскъ городъ 74, 215—217.
Соколы Горы дер. Каз. у. 272—276, 336.
Сосновка дер. 371.
Сосновыи Колодець дер. Сам. у. 233.
Студенець дер. Св. у. 43 пр. 2.
Сундырь село Чебокс. у. 34—35.
Сунчалъевъ почин. Св. у. 52 пр. 1.
Сызранъ городъ 235—236.

Т.

Тагай пригор. Симб. у. 220.
Теник село Св. у. 5.
Терса село Сарат. у. 242.
Тетюшская застава 22.
Тинскій острогъ на Закам. чертъ 153.
Тивчуринъ почин. Тет. у. 29, 67 пр. 4.
Троицы Серг. мон. въ Свияж. 11, 12, 13.
Тушинская слоб. Симб. у. 218.
Тюбекъ дер. Каз. у. 87, 88.

У.

Уланкова дер. Св. у. 19, 53 пр. 1.
Урай дер. Каз. у. 85.

Урайкина дер. Каз. у. 294 пр. 3.
Уренбашъ дер. Симб. у. 293 пр. 1.
Урень-Тюгъево дер. Каз. у. 294 пр. 1.
Услоны Большой или Верхній село Св. у. 43, 45 пр. 3, 53 пр. 1, 60 пр. 2.
Услоны Нижній Св. у. 43 пр. 2, 60 пр. 2.
Услоны сельцо Св. у. 14, 15, 43, 53 пр. 1.
Усолъе Надъинское Сам. у. 225—228.
Утка-Зеленовка дер. Каз. у. 286 пр. 2.
Утка-Кокрачъ. Аланы тожъ дер. Каз. у. 285 пр. 2 и 3.
Уткинскій острогъ 267—268.
Утяково Малое дер. Св. у. 7 пр. 2.

Х.

Харинъ почин. Каз. у. 90 пр. 1, 109 пр. 2.
Хариповскій дер. - почин. Каз. у. 92 пр. 1, 110 пр. 1.
Хиляевка дер. Каз. у. 317.

Ч.

Чалны городъ Уем. у. 132—134.
Чалны село Уем. у. 119 121—124.
Чердаклы дерев. Симб. у. 292 пр. 1, 325—326.
Черемхинъ дер. поч. Каз. у. 92 пр. 1.
Черный Яръ острогъ 203 пр. 1.
Чертыковское сельцо Каз. у. 130.
Чертыкъ дер. Казан. у. 257.

Ш.

Шевлягина слоб. Св. у. 49 пр. 1.
Шиловская слоб. Симб. у. 218.
Шильня Средняя дер. Уе. у. 138 пр. 2.
Шильня Нижняя дер. Уе. у. 151 пр. 2.
Ширяевъ-Буеракъ дер. Сам. у. 231.
Шинкинъ почин. Уе. у. 151 пр. 2.
Шмелевка дер. Каз. у. 319.

Ю.

Юртовка (Старые Юрты) дер. Св. у. 7 пр. 2, 49 пр. 1.
Юртово дер. Св. у. 49 пр. 1.
Юшанскъ пригор. Симб. у. 78.

Я.

Янганаева-Яртудина дер. Каз. у. 255.
Янгутаевъ поч. Тет. у. 87 пр. 4.
Яркуль дер. Каз. у. 296 пр. 2.

Ө.

Өедоровское село Тет. у. 23, 28, 29, 67 пр. 4.
Өедьева дер. Св. у. 17 пр. 2.

1. The first part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I.
Глава I. Природныя условія Свіяжскаго уѣзда во второй половинѣ XVI вѣка и заселеніе его. Колонизаціонная дѣятельность Троицкаго и Богородицкаго монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Тетюшскій уѣздъ въ концѣ XVI столѣтія. Состояніе нѣкоторыхъ поволжскихъ уѣздовъ во время междоцарствія и колонизація въ это время. Правительственная дѣятельность въ Поволжьѣ послѣ междоцарствія и колонизація правой стороны низоваго Поволжья послѣ этого времени. Вотчины и помѣстья въ Свіяжскомъ уѣздѣ около XVII вѣка. Колонизація Тетюшскаго уѣзда послѣ междоцарствія и его положеніе. Постройка Симбирской черты и заселеніе ея	1.
Глава II. Казанскій уѣздъ, его сходство и отличіе отъ Свіяжскаго уѣзда. Правительственныя мѣры для защиты Казанскаго уѣзда въ концѣ XVI вѣка и колонизація его въ это время и въ началѣ XVII столѣтія. Распространеніе христіанства между инородцами въ первой четверти XVII вѣка и хозяйственное состояніе ихъ земель въ это время. Поселенія въ Казанскомъ уѣздѣ около половины XVII столѣтія и его колонизація въ это время. Закамскія земли въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Калмыки въ Поволжьѣ. Сооруженія на Закамской чертѣ и заселеніе ея. Положеніе крестьянъ въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII столѣтія	81.
Глава III. Занятіе земель, бывшихъ подъ старою Тетюшскою засѣкою и находившихся въ сосѣдствѣ съ ними. Заселеніе пространства между Симбирскою чертою и Тетюшскою засѣкою. Занятіе служилыми людьми земель, лежащихъ за Симбирскою чертою. Стенъка Разинъ въ низовомъ Поволжьѣ и	

его дѣятельность съ приверженцами на Симбирской чертѣ. Испомѣщеніе служилыхъ людей за валомъ послѣ Разинскаго бунта и состояніе Симбирскаго уѣзда въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка. Самарская лука, особенности ея и заселеніе въ концѣ XVI го, въ первой и второй половинахъ XVII столѣтія. Построеніе Сызрани и Кашпира и проведеніе Сызранской черты. Монастырскія поселенія по Волгѣ ниже Кашпира во второй половинѣ XVII вѣка. Построеніе новыхъ городовъ на притокахъ р. Дона и въ низовомъ Поволжѣ въ концѣ XVII столѣтія. 186.

Глава IV. Земли, защищенныя Закамскою чертою и ихъ положеніе сравнительно съ землями, замыкаемыми Симбирскою чертою. Заселеніе Закамскихъ земель, послѣ проведенія Закамской черты. Русскія и инородческія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Водвореніе Полоцкой шляхты на р. р. Уткѣ и Майнѣ. Построеніе острожковъ на р. р. Уткѣ и Майнѣ. Крестьянская колонизація на Прикамскихъ земляхъ. Хозяйственныя условія въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка Нижегородскаго и нѣкоторыхъ иныхъ уѣздовъ внутренней Россіи и выселеніе крестьянъ въ низовое Поволжье. Русскіе и инородческіе поселили въ предѣлахъ р. р. Утки, Майны и Урени въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Башкирцы и Балыки въ Прикамской сторонѣ и ихъ дѣйствія здѣсь. Продолженіе заселенія Примайскихъ странъ русскими людьми и инородцами. Состояніе русскихъ и инородческихъ поселеній на Примайскихъ земляхъ въ концѣ XVII вѣка. Водвореніе иноземцевъ на р. р. Бездиѣ, Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ описываемаго вѣка. Положеніе крестьянъ и служилыхъ людей въ Прикамской сторонѣ въ концѣ столѣтія 251.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
24	7-я сверху	Составлялась	Составилась
25	4-я снизу	крестьяне	крестьяне
30	10-я сверху	Единственно,	Естественно, что въ
44	1-я снизу	Новою деревнею и Но- вымъ починомъ сѣноковъ	новомъ деревнею и но- вымъ починомъ сѣнокосовъ
57	6-я „		
76	въ 3-мъ примѣ- чаніи 4-я снизу	все	всего
—	„	сравнительно	сравнительно
84	въ 1-мъ примѣ- чаніи 5-я сверху	платить	платить
92	11-я снизу	крестьянами	крестьянами
110	въ примѣч. 1-мъ 3-я снизу	дв. 35 людей въ нихъ 107	дв. 97, людей въ нихъ 316
118	въ примѣч. 1-мъ 3-я снизу	до на 12 десят. по 1658 годъ	до на 12 десят. по 1674 годъ
155	3-я „	по всей вѣроятности, пре-	повсемъ вѣроятности, впо-
165	1-ая сверху	доставлены были	слѣдствіи предоставлены были
178	въ 1-мъ примѣч. 3-я снизу	въ 1717 г.	въ 1617 г.
200	въ 3-мъ примѣч. 4-я сверху	(Разана) острожкахъ	(Разина) острожкахъ
205	7-я „	въ Сибирскомъ уѣздѣ	въ Сибирскомъ уѣздѣ.
214	3-я снизу	тѣми особенностями	тѣми особенными выго-
244	12-я „		дами
249	1-я сверху	пахоты	пахоты
279	8-я „	болыли; иные	болыли; иные
—	10-я „	современнаго	современнаго нѣтъ
291	9-я „	могли смущаться	могли ими смущаться
304	1-я снизу	одного и нѣтъ	одного нѣтъ
325	5-я „	простирались пашенныя	простирались ихъ пашен- ныя
338	3-я „	всякія озлобленія	великія озлобленія
338	въ примѣч. 1-мъ (не слѣд. стр.) 3-я снизу	прежнія	прежнія
369	въ примѣч. 1-мъ 9-ая сверху	невозлѣ	невозлѣ